М. Г. АТАМАНОВ-ЭГРАПИ

Происхождение удмуртского народа

АТАМАНОВ-ЭГРАПИ МИХАИЛ ГАВРИЛОВИЧ (19.09.1945) — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и культуры народов Приуралья при УдГУ; референт Ижевского Епархиального Управления, по благословению Св. Патриарха Алексия II переводит Библию, богослужебную, духовную литературу на удмуртский язык; член Союза писателей России, им составлен национальный эпос «Тангыра»; член Финно-угорского общества Финляндии (Хельсинки).

Имеет более 300 научных, научно-популярных публикаций, в т. ч. 6 монографий. Большинство статей и монографий посвящены вопросам исторической ономастики, этнической истории удмуртов, а также библейской терминологии в удмуртском языке, диалектологии, фольклору, этнографии.

Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, а также 2 орденами и медалью РПЦ (МП).

М. Г. АТАМАНОВ-ЭГРАПИ

Происхождение удмуртского народа

Ижевск «Удмуртия» 2010

УДК 908(470.51)
ББК 63.5(2)
А92

Автор выражает искреннюю благодарность за предоставленные фотографии, рисунки, чертежи Национальному музею УР им. К. Герда, Эстонскому национальному музею (Тарту), УИИЯЛ УрО РАН, Институту истории и культуры народов Приуралья УдГУ, Пушкинскому дому (музею, С.-Петербург), ГУП «Книжное издательство «Удмуртия» и другим учреждениям, а также ученым, художникам, фотографам Якову Васильеву, Людмиле Молчановой, Валентину Белых, Михаилу Егорову, Константину Семенову, Владимиру Владыкину, Семену Виноградову, Алексею Петерсону, Алдо Лууд, Юри Карм, Марье Картано, Наиле Гафуровой и другим

Атаманов-Эграпи М. Г.

А92 Происхождение удмуртского народа: Монография.— Ижевск: Удмуртия, 2010.— 576 с.: ил.

ISBN 978-5-7659-0555-5

На основе доступных этнографических, лингвистических, археологических, антропологических источников впервые всесторонне в книге рассматривается вопрос происхождения древнейшего финно-угорского этноса России — удмуртов. По всем разделам монографии используется богатый иллюстративный материал.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям и студентам вузов, краеведам, всем, кто интересуется этнической историей удмуртского народа.

УДК 908(470.51)
ББК 63.5(2)

ISBN 978-5-7659-0555-5

© Атаманов-Эграпи М. Г., 2010
© Авторы фотографий, рисунков, чертежей, 2010
© Книжное издательство «Удмуртия», 2010

Предисловие

Каждый живущий на Земле человек хотя бы раз в жизни задумывается над своей генеалогией, идущей дальше от прадеда и прабабушки. Интересна ему история возникновения села или города, страны или области, где он родился. Немало живет среди нас людей, интересующихся происхождением родного народа, его языком, историей и культурой. Еще монах Киевской Руси летописец Нестор задумался над вопросом: «Откуда есть пошла Земля Русская?» Ибо желание знать историю своего селения, края, страны, родного народа есть естественная потребиость каждого разумного человека, живущего заботами не только о «хлебе насущном», но и о «хлебе духовном». А если взять величайшую Книгу из книг — Библию, то ее первая часть — Ветхий Завет — наполнена описаиием истории происхождения еврейского народа, отдельных родов и семейств, отдельных личностей, а также народов Ближнего Востока, Северной Африки, Греции и других этносов стран Евразии, которые были связаны с его жизнью.

Но среди здравствующих ныне на Земном шаре этносов, кроме евреев, сколько найдется народов, так подробно в течение тысячелетий писавших свою историю и поднимающих и решающих этногенетические проблемы? Большинство в настоящее время, подобио удмуртам, не имея древних пнсьменных памятников, прн решении вопросов своего происхождения вынуждены обратиться к таким этногенетическим источникам, как археология, антропология, этнография, лингвистика, мифология, палеогеография, палеоботаника, топонимика и другие разделы гуманитарных и естественных наук.

Проблемы этногенеза — происхождения отдельных народов, считает отец российской этнографии XX в., профессор МГУ С. А. Токарев, принадлежат к числу самых интересных, но и самых сложных проблем этиографии.

Этногенез — составное слово, образовавшееся от слияния двух греческих слов: *этнос* «племя, народ» + *генезис* «происхождение», которое можно перевести как «происхождение народа».

В своей классической статье «К постановке проблем этногенеза» С. А. Токарев пишет, что изучение происхождения любого народа представляет собой чрезвычайно сложную задачу: «проблема этноге-

неза не разрешена до конца до сих пор ни для одного народа» (Токарев 1949: 18).

Полное ее решение, считает ученый, невозможно без учета всех сторон этногенетического процесса и без привлечения всех видов источников, иначе получится одностороннее исследование. Следует учесть и то, что сами по себе источники неравноценны: в большинстве случаев меньше всего научного материала дают письменные свидетельства, хотя они как раз используются наиболее широко. Археологические источники могут дать ясное представление о культурной преемственности на данной территории, о связях культур смежных и даже более отдаленных территорий, но, к сожалению, археологический материал улавливает лишь культуру, но не народ: «ни погребения, ни горшки не могут ничего сказать нам о том, на каком языке разговаривали их обладатели или создатели; нет ничего неправдоподобного в том, что одинаковая керамика могла принадлежать славянским и финским племенам». Если же археологические материалы используются в сочетании с данными письменных и других этногенетических источников, получается более верное и полное освещение решаемой проблемы. В качестве образца, примера профессор предлагает публикации А. В. Арциховского, Б. А. Рыбакова, С. П. Толстова, В. Н. Чернецова, А. П. Окладникова и других выдающихся ученых-археологов XX в.

Антропологический материал дает гораздо больше: устанавливает физический состав данной народности, элементы, из которых сложилось само население; он обнаруживает и реальные исторические связи между народами, смешение, миграции, кровное родство народов. Но работа антрополога, как считает С. А. Токарев, должна непременно сочетаться с лингвистическим и чисто этнографическим анализами, чтобы привести к сколь-нибудь полным результатам. В качестве образца приводит научную деятельность антрополога Н. Н. Чебоксарова.

Ученый-этнограф полагает, что лингвистика более всего способна к решению проблемы этногенеза: ибо язык — важнейший из этнических признаков. Но происхождение языка — не есть происхождение народа; кроме того, язык далеко не исчерпывает характеристики этноса: народ всегда характеризуется множеством признаков, он представляет собой сложный комплекс исторически сложившихся особенностей, бытовых черт, материальной и духовной культуры. «Понять происхождение народа — это значит разъяснить все эти особенности, установить их генезис и развитие» (*Его же.* С. 36).

«Вот почему этнография и только этнография,— считает корифей российской этнографии,— как наука, изучающая этнические особенности отдельных народов, способна дать наиболее полное и исчерпывающее решение проблемы этногенеза каждого данного народа. Но она может дать такое решенне не в отрыве от других упомянутых выше наук ... а непременно в тесном сотрудничестве с ними» (Токарев 1949: 36).

Но сразу же оговоримся: по суждению главы российской этнографической науки XX в. могут высказать свое воззрение археологи, антропологи, лингвисты и специалисты других смежных наук, не всегда совпадающее с его позицией. Так, венгерский академик Антал Барта считает, что в изучении этногенетических процессов язык является наиболее надежным этническим индикатором; можно утверждать, что язык является единственным этническим критерием... (Барта 1981: 138).

Относительно роли археологии в решении проблемы этногенеза народов академик пишет, что к возможности определения этноса археологической культуры относится «со скептическим оптимизмом»: отнесение отдаленных предков народов любой языковой семьи к археологической культуре методологически не решено. Общиость элементов археологических памятников на территории археологической культуры предполагает общую семантику, но она не поддается расшифровке (*Там же.* С. 138).

Сотрудница кафедры, возглавляемого С. А. Токаревым, тоже этнограф с большим научно-педагогическим, экспедиционным стажем, неоднократно побывавшая у народов Волго-Камья, Кавказа, профессор МГУ К. И. Козлова подчеркивает, что сохраненное этнографической традицией историко-культурное н этноисторическое состояние этих народов служит важнейшей «исходной точкой» для углубленного ретроспективиого проникновения в континуум их этнической истории вплоть до отдаленных генетических истоков этнолингвистического зарождения и функционирования в качестве архаических социальио-этнических общностей (Козлова 1978: 5).

Среди различных источников для изучения этногенеза финно-угорских народов Поволжья, считает этнограф, первенствующую роль играют данные языка, сохраиившие такие исторические формы и элемеиты, которые своимн корнями уходят в глубочайшую древность. Уральская языковая семья является той наиболее древней и иаучно доказанной общностью, когда возникли такие понятня, как *лук, стрела, лыжи, нарта, долото, грести* и т. п., они сохранились до наших дней во многих финно-угорских языках (*Там же.* С. 9).

Археологи, естественно, в решении проблем этногенеза знаниям своей отрасли придают ведущую роль. Так, известный специалист по этнической истории коми народа, археолог Э. А. Савельева утверждает, что некоторые исследователи в качестве исходного и определяющего фактора этноса считают язык; однако применительно к первобытности общность языка — понятие относительное: языки современных народов складывались в процессе формирования этнических общностей путем взаимоассимиляции и интеграции диалектов (Савельева 1985: 4).

Исходя из сущности этиогенеза и признаков этноса, однм из важнейших видов источников при решении этногенетических проблем являются даиные археологии. Специалисты в этой области знания считают, что археологическая культура соответствует этносу: население поселения — этнической единице, группы же однотипных поселений и могиль-

ников — этнической группе населения, совокупность близких групп памятников — конкретному этносу (Генинг 1976: 31—37; Савельева 1985: 4).

Финский ученый К. Карпелан считает, что «несколько археологических культур могут принадлежать одной н той же языковой группе, но каждая отдельная культура едина в языковом отношении» (Карпелан 1982: 34).

Ведущий специалист по археологии Волго-Уральского региона Р. Д. Голдина отмечает, что скепсис по поводу невозможности или слабой возможности археологнческой науки решать проблемы этногенеза и истории того или иного народа в последние десятилетия в значительной степени поубавился. Массовый, разнообразный археологический материал, отражающий материальную и духовную культуру народов, позволяет по набору характернейших особенностей (керамика, погребальный отряд, женские украшения и костюм, домостроение, планиграфия поселений) выявить этнические черты и идентифицировать их этнический облик с помощью этнографическнх особенностей современных народов (Голдина 1999: 34—35).

Автор книги «Этногенез» (М., 1986), один из ведущих антропологов страны В. П. Алексеев пишет, что этногенез — происхождение народов, означающее сложение во времени того комплекса специфических элементов, которые характерны имеино для данного народа и ни для какого другого больше. «Любой народ в целом характеризуется многими только ему свойственными признаками и отличается от других неповторимым комплексом, в который входят и язык, и культурные черты, и определенный набор психических стереотипов, и специфика производственно-экономической сферы, и устойчивая этноисторическая традиция, и многие другие особенности» (Алексеев 1986: 33—34).

Существующие разногласия по многим частным вопросам этногенеза отдельных народов, считает ученый, чаще всего возникают из-за недооценки целостности этногенетического процесса и абсолютизации отдельных его сторон. Территория, численность, экономика образуют комбинацию объективных материальных факторов помимо сферы сознания, без которых существование народа невозможно. Ученый-антрополог пришел к выводу: «зарождение начальных форм этнообразования падает еще на эпоху нижиего палеолита» (*Там же.* С. 135; 137).

Итак, кратко рассмотрев роль и значение ведущих разделов гуманитарных наук, участвующих в решении проблемы этногенеза, таких как археология, этиография, лингвистика, антропология, можно прийти к выводу: ни один из них не может претендовать на роль гегемона в решении сложнейшей и чрезвычайно важной проблемы в жизии человечества — происхождение любого народа, любой этнической группы.

А как быть, если данный этнос этнографически слабо изучен и как миогие малочисленные, бесписьменные народы в эпоху глобализирующегося мира находится на грани исчезиовения с потерей всех этнографических признаков, а специалистов-этнографов, занимающихся этнической исто-

рией данного народа, нет? Надо признать, что гуманитарные науки, как и экономику, ныне охватил глубокий кризис.

О многих исчезнувших в древности этносах мы судим лишь по их эндо- или экзоэтнонимам и топонимам, оставшихся в названиях рек, озер, морей, гор, населенных пунктов, например, река *Печора*, река *Тойма*, *Чудское озеро*, *Каспийское море*, город *Скифополь*, деревня *Буртасы*, город *Мурома*, *Мещерская* низменность и другие; *печера*, *тойма*, *чудь*, *каспий*, *скиф*, *буртас*, *мурома*, *мещера* — это этнонимы ныне исчезнувших финно-угорских, индоиранских народов. В данном случае на первое место выходит язык — этнотопоним, письменные источники, изредка — фольклор.

Без сомнения, все эти разделы чрезвычайно важны, нужны, но не абсолютны. Для одних этносов на первом месте стоят языковые данные, для других важны материалы археологии или антропологии. Скажем, для казанских татар, появившихся в Поволжье только в XIII в., при решении древнейших этапов данного многосоставного этноса с чрезвычайно запутанной историей формирования, начиная от самоназвания, кончая антропологическим типом, археология мало чем поможет. При выяснении этногенеза этого многочисленного народа сведения всех разделов гуманитарных наук важны — от эпитафий, музыкального фольклора, до письменных источников и т. д. Казалось бы, такой малозаметный, редко используемый раздел национальной культуры, как музыкальный фольклор казанских татар и башкир, может довести до бурят и монголов из Центральной Азии, Забайкалья. Служа в армии в этом регионе, мне каждый день приходилось слышать длинные, как бесконечная степь, как цветистый луг, щемящие душу тоской заунывные, глубоко лирические мелодии древних скотоводов бурят и монголов, очень и очень напоминающие песенные напевы наших соседей — казанских татар и башкир.

Но в то же время музыкальный фольклор кряшен — крещеных татар — ничего общего не имеет с музыкальной культурой бурят, монголов и других азиатских народов, он сходен с песенной культурой волго-камских финно-угров — удмуртов, марийцев, из тюрков — чувашей. Если кряшены образовались только после падения Казанского ханства, с началом христианизации мусульман, то как же за такой короткий промежуток времени может измениться не только мелодический строй народных песен, но и антропологический тип, одежда, обряды, обычаи, мифология вновь образовавшегося этноса? По всем этим показателям кряшены очень близки к южным удмуртам. Только язык у них общий с казанскими татарами-кипчаками. Если татарина-кряшена по языку, антропологическому типу, по материальной и духовной культуре сравнить, с одной стороны, с киргизами, якутами, каракалпаками, с другой стороны — с удмуртами, марийцами, мордвой, то, кроме языка, с азиатскими тюрками кряшен мало что объединяет, кряшены по всем показателям близки к южным удмуртам, марийцам, а из тюрков — чувашам.

А если взять нашу удмуртскую этнническую частичку — таинственных, загадочных *бесермян*, то до сих пор не выяснена их этническая основа,

кто они: праудмурты, или булгаро-чуваши, или сохранившийся в Волго-Уральском регионе остаток мадьяр-номадов, или выходцы из Средней Азии? Есть моменты, которые мешают считать их праудмуртским населением, например, среди бесермян нет никаких следов воршудно-родовых подразделений, столь характерных, специфических для всех групп удмуртского народа. Самая главная трудность в этногенезе бесермян — отсутствие древних археологических памятников, которые можно было бы связать с бесермянским этносом. Они пока не выявлены.

Как много сложностей, как много интересного в истории формирования всех этносов, этнических групп и как много надо трудиться над вопросом сложения, происхождения каждого рода, племени, народа. Какие глубокие знания надо иметь, но самое главное — обладать глубокой любовью к исследуемому, описываемому объекту, а еще важнее — следует иметь уважение, почтение к изучаемому этносу! Как пишет матерь российской этнографии профессор В. Н. Харузина:

«В том, что этнографы учат нас ценить и уважать каждый народ в проявлениях его самобытности, в его отношениях к другим народам, ко всему человечеству, нельзя не признать ее важного этического значения. И если историк доверится фактам этнографии, проникнется ее объединяющим, а не разделяющим народы началом, взгляд его станет не только глубже, но светлее и чище» (Харузина 2007: 38). Мнения великих гуманистов-ученых Д. С. Лихачева и В. Н. Харузиной в этом деликатном вопросе полностью совпадают.

* * *

Удмурты — один из самых древних, крупных и сплоченных этнических общностей финно-угорско-уральского происхождения, этногенезу, этнической истории которых посвящена данная монография,— имеют богатое этнографическое, археологическое, фольклорно-мифологическое прошлое. Они сформировались из 70 воршудно-родовых групп и двух дуальных племенных объединений — *ватка* и *калмез*,— населявших Волго-Уральский регион уже с эпохи камня и бронзы. Таким благодатным материалом по генеонимике (родоплеменные деления внутри данного народа и их названия) не обладает ни один этнос в Европе.

Живя на стыке Европы и Азии, тайги и лесостепи в соседстве с многочисленными, разноязычными этнническими, конфессиональными группами, имея свое богатое этническое наследство, они впитали еще в себя частицы богатейшей культуры и языка не только соседних, но и далеких-далеких народов Востока и Запада, Севера и Юга Евразии и сами им передали часть своего богатого наследства.

За две с лишним тысячи лет самостоятельного развития удмуртский этнос развил родной язык до такого совершенства, что ныне они могут читать и петь на родном языке священные псалмы древних евреев, читать на понятиом материнском языке (*муми кыл*) Евангелия, Послания апос-

толов, книги Царств, Пятикнижие Моисея, книги Судей и пророков, Апокалипсис — все части Священного Писания, вести богослужение по чину Иоанна Златоуста. В годы советской власти на сцене национального театра ставились на удмуртском языке оперетты, оперы, был свой национальный балет; исполнялись сюиты, симфонии — все жанры классической музыки, сочиненные удмуртскими композиторами, исполняемые удмуртскими артистами. Из среды удмуртского народа вышли десятки докторов наук, сотни кандидатов наук, работающих во всех областях знания; успешно трудятся ректоры, проректоры университетов, академий, генералы и министры, талантливые художники, артисты, писатели, ученые, а самое главное — мирные, честные, трудолюбивые, непритязательные, скромные люди.

До сих пор, даже в эпоху глобализирующегося мира, в душе этого народа живет дух древних предков, звенят среди удмуртов изумительно красивые мелодии, прославляющие чудную красоту родникового прикамского края и его жителей, звучат призывы к долгой совместной жизни. В наши дни не во всех удмуртских селениях и регионах потухли огни в святилищах и священных рощах, на которых еще в годы жизни Ашальчи Оки и Кузебая Герда,— 100 лет тому назад,— повсеместно «Воршуд благодарили и плакали тогда языческих мольбищ огромные костры и порабощенного народа жгучие молитвы...» (Герд: Керемет).

В 2008 году прошла презентация национального эпоса «Тангыра», где через древние песни, легенды и предания, языческие молитвы и псалмы, детские игры, свадебные, гостевые обряды, разнообразные ритуалы в форме эпического, мифопоэтического повествования показывается тысячелетняя история формирования и развития удмуртского народа. От умиротворяющих образов мирной жизни с повседневным трудом и яркими празднествами и увеселениями читатель переносится к батальным сценам многочисленных кровавых столкновений с врагом (см. рецензию: Гришкина, Шкляев 2009: 97—101; Яшина 2009: 99—102 и др.).

Автор национального эпоса «Тангыра» Эграпи Гавир Микаль и автор данной монографии «Происхождение удмуртского народа» — одно и то же лицо: всеми доступными ему средствами показывает этногенез, этническую историю, красоту души, радости и скорби многострадального родного народа, из недр которого он вышел, любит его, но и очень беспокоится за его будущую судьбу в глобализирующемся мире. Он считает, что народ, имеющий на родном языке национальный эпос, развивающий все формы литературных жанров, имеющий перевод книг Священного Писания, мировой классической литературы и драматургии, знающий происхождение родного народа, достоин считаться совершенным, цивилизованным.

* * *

Данный труд создавался на основе работ моих предшественников, в первую очередь, археологов А. А. Спицына, А. П. Смирнова, А. В. Збруевой, В. Ф. Генинга, Р. Д. Голдиной и их коллег, антропологов М. С. Акимовой, К. Ю. Марк, этнографов В. Н. Белицер, Н. И. Гаген-Торн, Аг. Пинт, М. О. Косвена, С. А. Токарева, К. И. Козловой, лингвистов П. Аристэ, П. Хайду, В. И. Лыткина, Т. И. Тепляшиной, И. В. Тараканова, А. К. Матвеева, историков П. Н. Луппова, М. Г. Худякова, М. В. Гришкиной и многих других ученых, работающих над древней и современной историей, культурой и языком удмуртского народа.

Тем не менее вопросы этногенеза и этнической истории удмуртского народа из-за слабого, неравномерного изучения, описания этногенетических разделов — этнографии, лингвистики, антропологии, отчасти археологии,— до конца не решены: остается путаница в названиях археологических культур, не все части предполагаемой пратерритории, где шло формирование удмуртского народа, археологически полно изучены. Не имея в республике ни одного антрополога, естествеино, есть вовсе не исследованные этнолиигвистические группы; крайне нужны палеоантропологические исследования по всем археологическим культурам Волго-Камья. Есть этнографы, фольклористы, лингвисты, но нет специалистов, конкретно занимающихся вопросами происхождения удмуртского народа, хотя бы в области своей науки.

По этногенезу многих народов СССР еще в далекие советские времена проводились специальные научные конференции, совещания, симпозиумы. Фундаментальные особенности советских этногенетических исследований, пишет В. П. Алексеев, нашли отражение как в работе первого крупного этногенетического совещания, проведенного в Москве в 1951 г., так и в этногенетических совещаниях, посвященных происхождению отдельных народов — татарского (1946), балкарского и карачаевского (1959), марийского (1965), осетинского (1965), туркменского (1967), башкирского (1969), коренных народов Сибири и Дальнего Востока (1958, 1969, 1973) и др. Материалы всех этих совещаний были изданы полностью в виде больших сборников, иногда включавших даже стенограмму дискуссий по докладам (Алексеев 1986: 9).

К великому сожалению, подобных мероприятий по этногенезу удмуртского народа никто и никогда не проводил. Одним из первых монографических исследований, касающихся вопросов этногенеза, была работа этнографа И. Н. Смирнова «Вотяки. Историко-этнографический очерк» (Казань, 1890), написанная на уровне и в духе своего времени.

Через сто с лишним лет вышла объемная, богато иллюстрированная монография археолога Р. Д. Голдиной «Древняя и средневековая история удмуртского народа» (Ижевск, 1999. 464 с.). Многоценный труд известного ученого написан на конкретном археологическом материале с привлечением данных других смежных дисциплин. На материалах археологии сделана также попытка осмыслить древнюю и средневековую историю

удмуртов в академическом труде «История Удмуртии: с древнейших времен до XV в.» (Ижевск, 2007. 304 с.) под редакцией М. Г. Ивановой.

Этнографические, филологические труды, посвященные этногенезу, этнической истории удмуртского народа с древности до сего времени отсутствуют, а без них, конечно же, нет полноты решаемой чрезвычайно сложной, но очеиь важной проблемы — происхождения финио-угорского этноса Россни.

Счастливым исключением являются сборники статей, посвященных даиной теме: «Материалы по этногенезу удмуртов» (Ижевск, 1982. С. 176; отв. ред. М. Г. Атаманов), «Проблемы этногенеза удмуртов» (Устинов, 1987. С. 192; отв. ред. М. Г. Атаманов, «Новые исследования по этногенезу удмуртов» (Ижевск, 1989; отв. редакторы М. Г. Иванова, Н. И. Шутова), в которых поднимаются отдельные волнующие нас вопросы. В работе В. Н. Белицер, А. П. Смирнова, В. Ф. Генинга, М. Г. Ивановой и других исследователей также поднимались вопросы этногенеза удмуртов.

Данный труд — первая попытка монографического описания чрезвычайно важной, но и очень сложной, слабо разработанной темы — происхождения удмуртского народа — с привлечением данных всех важных этногенетических разделов науки. Конечно же, ои не претендует на полноту решеиия всех важных, нерешенных проолем, касающихся формирования и развития удмуртского этноса, начиная от его истока, кончая сегодняшним днем.

За пределами описания остаются такие важные этнографические компоненты, как религия с мифологией, семейно-родовые отношения с привлечением терминов родства и свойства, пища, обычаи и обряды, связанные с жизнью удмуртской семьи и общины, особенно погребальный, календарные и семейно-родовые обычаи, обряды в сравнительно-историческом описании, а также фольклор, народное искусство.

Молодым исследователям остается хорошо обработанная, удобренная пóтом многих поколений ученых нива для взращивания фундаментальных трудов по этногенезу, этнической истории удмуртского народа.

Пользуясь возможностью, считаю своим приятным долгом выразить благодарность за многолетнее сотрудничество и поддержку коллективу Института истории и культуры народов Приуралья, в первую очередь, его бессменному директору, д. и. н. Р. Д. Голдиной, ректору УдГУ проф. С. Д. Бунтову, руководителю Финно-угорского научно-образовательного центра гуманитарных технологнй А. В. Ишмуратову, другим сотрудникам ФУНОЦГТ, научным сотрудникам Национального музея им. К. Герда, своим научным наставннкам, коллегам по науке, в первую очередь, д. ф. н. Паулю Аристз, д. и. н. Н. П. Павлову, д. ф. н. И. В. Тараканову, рецензентам моего труда, художникам, оформителям, директорам и сотрудникам республиканского книжного издательства «Удмуртия» и типографии, где готовилась и была опубликована данная книга.

Выражаю особую благодарность своему благотворителю-спонсору В. А. Березину, удмурту, живущему в Германии, на его деньги выпускается часть тиража книги.

1. ЭТНОГРАФИЯ: ЕЕ РОЛЬ В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ ЭТНОГЕНЕЗА УДМУРТОВ

1. Происхождение экзо- и эндоэтнонимов удмуртов: *удмурт, ар, одо, вотяк*

Историю происхождения любого народа обычно начинают с расшифровки самоназвания — *эндоэтнонима.* Сюда же привлекают этнонимы, данные другими этносами *(экзоэтнонимы),* например, булгары, позднее — татары и другие тюркские народы Волго-Камья удмуртов называли *ар (арлар, ар кешесе),* марийцы — *одо* или *одо-мари,* русские — *вотяк* (<**отяк*); *ары, арские люди, аряне* (рус. летописи XV—XVI вв.).

Общим самоназванием у всех групп этого древнейшего финно-угорского этноса Волго-Уральского региона — эндоэтнонимом — служит этнический термин *удмурт* (диалектные варианты: *удморт, уртморт, уртмурт, утморт, укморт, у'мурт*).

Одним из первых ученых, зафиксировавших самоназвание удмуртов, был немецкий ученый Д. Г. Мессершмидт (1685—1735 гг.), исследователь Сибири, Урала и других регионов России. «Имя же их, служащее им на их языке, которым они пользуются издревле, звучит, собственно, *Уд-мурт,* т. е. «уд-ские люди», потому что *мурт* означает то же, что и человек. Поэтому же они на своем удском языке так же называют другие народы, напр. русских — *ӟуч-мурт,* татар-мухаммедан — *бигер-мурт,* черемисов — *пор-мурт*». Ученый пытается найти связь между этнонимами *уд, гот, гет.* Собственно удмуртский этноним *уд-мурт* он расшифровывает как «гостеприимный хозяин» (см. Напольских 2001: 81, 202).

Участник Великой северной экспедиции Г. Ф. Миллер, побывавший в Поволжье и Прикамье, еще в 1733 г. оставил об удмуртах такую запись: «...Вотяки, в которых местах я был, не называют себя «Арръ», но именем «Удъ-Мурт». Слово «Удъ» по-черемиски именуется «Ода» и есть имя собственное, а «Муртъ» имя нарица-

тельное, потому что русских называют они на своем языке «Дючъ-Муртъ»... а у татар уведомился я, что вотяков «Аръ» называют» (Миллер 1791: 11).

В. И. Лыткин, со ссылкой на венгерского языковеда К. Радановича, значение первого компонента этнонима *уд-мурт* объясняет на примере пермских языков: коми *од* «всходы, поросль; весенняя зелень на лугах», удм. *уд* «всходы, росток, поросль, побег», которое могло означать также «дерн, лужайка, луг». В этом случае значение этнонима можно перевести как «луговой человек» по образцу «луговой мариец» (Лыткин 1964: 61—62). Ссылаясь на один исторический документ, такую же этимологию предлагает А. Г. Иванов (1991: 188—191).

По мнению венгерского академика Петера Хайду, самоназвание *udmurt* представляет собой сложное слово. Второй его компонент *murt* (ср. коми *mort*, морд. *mird'e* «муж») — слово со значением «человек», возводимое к праформе **mertä*, которая может быть праиранским заимствованием. П. Хайду ставит под сомнение этимологии К. Радановича (Редеи): *удмурт* «луговой человек». «...Источник слова *ud-murt* следует искать не в вышеупомянутом пермском нарицательном существительном, а в каком-то древнем и ныне уже плохо поддающемся этимологизации этнониме. Представляется однако несомненной связь первого компонента с марийским словом *odo-* (или *odo-mari*) «удмурт». В древнерусских источниках в качестве названия удмуртов встречаются формы *оты* (мн. число), *отын, отяк*, возникшие из **ody*. Таким образом, этноним *вотяк* — внешнее название удмуртов, распространенное в дореволюционной и зарубежной специальной литературе,— возник на русской почве за счет протезы *в (воть* «удмурты, удмуртский народ») и суффикса *-як*.

Помимо указанных выше, у удмуртов есть еще одно название: живущие к югу от них казанские татары называют удмуртов *ar;* в течение некоторого времени (в XV—XVI вв.) этот этноним встречался и в русских источниках в форме *ары, арские люди, аряне*. Татарское *ar* «удмурт», по всей вероятности, происходит от тюркского слова **är* «человек», которое в чувашском языке звучит как *ar* (Хайду 1985: 61—62).

По единодушному мнению ученых, вторая часть этнонима *удмурт — мурт (<*морт)* является иранским заимствованием, ср. новоперсидское *mard (märd)* «мужчина», ср. перс. *mart*, авест. *marəta*, древнеиндийское *marta* «человек» (КЭСК 1970: 174). В сов-

ременном удмуртском языке *мурт* означает «человек», а также «чужак, посторонний, чужой человек» (ср. *муртаны, мурт карыны* «чуждаться; стесняться» (стыдиться) посторонних людей»).

По мнению известного специалиста по названиям народов СССР А. И. Попова, финно-угорские народы Поволжья и Прикамья — мордва, мари, удмурты, летописные мурома и меря — носили названия, имеющие единый общий смысл, «человек», «муж; мужчина». При этом, считает ученый, происхождение этих племенных имен надо искать из индоевропейских данных (Попов 1973: 105).

Отрицая этимологию К. Редеи (Радановича), В. В. Напольских с С. К. Белых высказывают альтернативную гипотезу, согласно которой древнеудм. **odз-mort* представляет собой целиком заимствованный из какого-то иранского языка композит, который в языке-источнике мог иметь вид **ant(a)-mart(a)* и означал буквально «человек окраины, житель пограничья» (ср. осет. *äddä, ändä* «снаружи, вне», авестийское *amtəma* «крайний», древнеиндийское *anta* «край, предел, граница»). Кстати, и тюркское название удмуртов *ар* эти исследователи расшифровывают с таким же значением «жители той стороны; задние, тыловые» (Напольских 1997: 49).

Учитывая невозможность удовлетворительной расшифровки первой части эндоэтнонима *уд-* на основе удмуртского и других родственных языков, я также считаю, что оба компонента эндоэтнонима *уд* + *мурт* заимствованы из древних иранских языков, ср. осет. *уд* (диал. *од*) «душа; дух; жизнь»: *удгоймаг* «человек» (*гоймаг* «личность», «лицо», «человек», ср. *сылгоймаг* «женщина» и др.); *уды хай* «жена, супруга»; *уды хъæг* «характер»; *удæгас* «живой» (Абаев 1949: 169; 1958: 522; Осетинско-русский словарь 1952), второй же компонент расшифровывается из индоиранских языков.

Следует отметить, что в скифо-сармато-аланской родоплеменной среде зафиксирован этноним *уд*, *удин* (лат. *Udini*, греч. *Udai*), носители которой в начале I тыс. н. э. жили (кочевали) на западном берегу Каспийского моря (Буданова 1993: 233). Возможно, от них ведут свое происхождение удины, живущие на Кавказе (5,9 тыс. чел.), говорящие ныне на одном из дагестанских языков.

В. И. Абаев полагает, что в финно-угорских языках Восточной Европы в этнонимике элемент *мart* (коми *морт* «человек»: уд + *мурт*, *морд* + ва и пр.) освоен еще в доскифские времена (Абаев 1949: 197).

В продолжение тысячелетий предки удмуртов жили в соседстве с индоиранскими племенами, которые жили-кочевали на огром-

ных степных просторах Евразии, от границ Китая на востоке и до Карпатских гор на западе. Скифы, сарматы, саки, аланы и другие ираноязычные племена в трепете держали весь древний мир, имели связи с древнеудмуртскими племенами. К примеру: караабызские, праудмуртские родоплеменные группы, живя на территории центральной части Башкирии, имели прямые контакты с сарматами, их земли отделяло только русло р. Белой. Конечно же, были и другие связи с ираноязычными кочевниками — даннические, торговые, возможно, и брачные.

Предки удмуртов от своих южных соседей заимствовали такие важные термины, как *корт* «железо», *зарни* «золото», *эксэй* «царь», *узыр* «богатый, богач», *гурт* «деревня, поселение», *шуд* «счастье», *дас* «десять», *сю* «сто», *сюрс* «тысяча», *нянь* «хлеб», *пудо* «животное, скот» и т. д. — более ста слов.

В свою очередь, и в иранских языках, например, в осетинском, имеется ряд слов, заимствованных из пермских языков.

На этом фоне не приходится удивляться, что сам эндоэтноним *удмурт* возник и развился под влиянием древних иранских языков. Он послужил основой самоназвания для родоплеменных групп южной части прапермского этноязыкового мира, охватывающего самую восточную часть лесной зоны Европы.

Русское название удмуртов *отин, вотин, отяк, вотяк* имеет общий корень с первым компонентом удмуртского эндоэтнонима *уд* + (мурт), восходящего к иранскому источнику. Некоторые ученые полагают, что название *отин~отяк* русскими освоен из марийского языка: *одо* (или *одо-мари* — марийское название удмуртов), аффиксы *-ин, -як* характерны для русской этнонимики, ср. *черемисин, чудин, мордвин, туляк, сибиряк, пермяк* и др. В слове *вотяк в-* — вставной звук, возникший на русской почве, ср. русские диалектные слова: *осемь* > *восемь, острый* > *вострый, отчим* > *вотчим* и др.

По данным Е. Н. Поляковой, в начале XVII в. преобладали формы этнонима на *-ин:* в 22 актах ею обнаружено 29 случаев *отин, вотин* и лишь в 6 — *отяк, вотяк,* но к концу века употребление суффикса *-як* возрастает (Полякова 1976: 11).

Несколько подробнее остановимся на тюркском (булгаро-хазарском, татарском, башкирском, чувашском) названии удмуртов — *ар*, ибо с ним связана древняя история и первое упоминание удмуртов.

В настоящее время большинство ученых, вслед за Ж. Миклошем, П. Хайду, В. К. Кельмаковым, данный экзоэтноним этимо-

логически связывают с тюркскими словами: тат. *ир,* узб., тув. *эр,* чув. *ар* «муж; мужчина». По своему фонетическому оформлению тюркское название удмуртов совпадает с чувашским словом и это дает повод считать, что название *ар* удмуртам присвоили волжские булгары, стоявшие в языковом отношении близко к современным чувашам. Он никогда не был самоназванием удмуртов, им пользовались тюркоязычные народы Поволжья для обозначения своих северных соседей (Кельмаков 1970: 189; 1982: 128—134).

Мне представляется возможным, что данный экзоэтноним удмуртов возник еще в добулгарское время — в эпоху существования Хазарского каганата в Нижнем Поволжье. Так, во второй половине X в. хазарский каган (царь) Иосиф в письме к еврейскому сановнику при дворе Кордовского халифа в Испании Хасдаю Ибн-Шафруту упоминает народ *арису,* якобы находившийся под властью Хазарского каганата и плативший наряду с буртасами, булгарами, суварами, черемисами, вятичами, северянами, славянами дань в хазарскую казну (Коковцев 1932: 98—99).

Этноним *арису* одни ученые отождествляют с мордвой-эрзей (Феоктистов, Дербенева, Кельмаков, Напольских), другие же — с арами (удмуртами) (Гришкина, Владыкин, Атаманов).

Автор данного труда считает, что этноним *арису* состоит из названия двух финно-угорских народов: удмуртов — *ар* и вепсов — *ису.* В арабских средневековых источниках не раз упоминается народ *ису* (~ *вису*), а в русских летописях — *весь,* которых связывают с современными вепсами (Пименов 1965: 30).

Между этнонимами *арису* и *эрзя,* кроме внешнего созвучия, нет ничего общего: разночтения возникли в основном из-за слитного написания Иосифом названий двух народностей. Если учесть то, что сам царь никогда не бывал у многочисленных подвластных ему народов и знал о них лишь понаслышке от своих подчиненных, тогда нет ничего удивительного в искажении написания им этнонимов. Это с одной стороны, а с другой — во всех древних письменных памятниках, будь то древнегреческие, древнееврейские, ассирийские, китайские, арабские, древнерусские и прочие источники, в них этнонимы, топонимы, антропонимы других народов искажались до неузнаваемости, ибо каждый автор пытался приблизить неизвестные слова и термины к орфографическим нормам родного языка. И еще: в тех древних источниках жизнь описываемых народов обрастала фантастическими легендами и преданиями.

Географическое расположение народа *арису* — в письме хазарского царя он упоминается рядом с булгарами, суварами и черемисами (марийцами) — также не противоречит данным выводам: с юга древнеудмуртские родоплеменные группы контактировали с булгарско-суварским этническим массивом, западная граница их расселения охватывала южные и центральные районы нынешней Кировской области, восточные пределы Нижегородской, Костромской, Вологодской областей, Марий Эл, прикамские и приволжские районы Татарстана. Они жили в соседстве с марийцами, коми, булгарами, а в древности, не исключено, и с предками вепсов. Заволочская чудь, к которым причисляют вепсов, некогда жила рядом с пермскими народами (Аристэ 1956: 22; Тепляшина, Лыткин 1976: 100 и др.).

От хазар, надо полагать, этноним *ар* перешел к их ближайшим родственникам по языку — булгарам. Арабский путешественник Абу Хамид ал-Гарнати, побывавший в первой половине XII в. в Волжской Булгарии, отметил, что у булгар есть подвластные, платившие им дань, народы. Одна из этих областей называлась *Ару*, вторая — *Вису* (Ису). А. Л. Монгайт область *Вису* соотносит с территорией веси (вепсов), а область *Ару* — с Арской землей (с южными удмуртами) (Монгайт 1971: 101—102).

Сообщение ал-Гарнати названий двух областей — *Ару* и *Вису* — как раз и подтверждает нашу расшифровку этимологии древнего этнонима *арису: ар* и *ису*.

2. Первые сведения об удмуртах в письменных источниках

Первые сведения полуреального, полуфантастического содержания о гиперборейских народах, живущих в таежных районах Восточной Европы, являющихся северными соседями скифов, с которыми имели торговые дела и эллины, вышли из-под пера великого античного историка Геродота около 425 г. до н. э.

Из всех описанных Геродотом народов по антропологическим признакам — **рыжеволосые, голубоглазые жители таежных лесных районов**, где водятся бобры, выдры и другие звери, меха которых идут на опушку кафтанов,— наиболее подходящими являются именно предки удмуртов из ананьинской эпохи (см. в главе «Антропология»).

Конечно, сам он у этих народов не бывал, его сведения получены из вторых, третьих рук — разных информантов, поэтому и реальные факты, в т. ч. характеристики людей, народов, обрастали фантастическими характеристиками: «люди с козлиными ногами, песьими головами», «одноглазые аримаспии» и т. д. Современному ученому занимающемуся древней этнической историей народов, такому явлению не приходится удивляться: подобные полуреальные, полулегендарные факты встречаются на каждом шагу (кто сочиняет сказки, былички, легенды? — человек, сам народ, каждый народ в другом видит неродное и этому явлению пытается дать свое толкование); нелестных характеристик для каждого народа история, фольклор заготовили огромное количество. Но великое дело истинного, интеллигентного ученого-гуманиста заключается в том, чтобы из огромной путаницы исторических событий, из-под горы мусора нереальных народных преданий суметь достать золотые крупинки Истины.

Что же касается «рыжеволосых, голубоглазых будинов», то каких-то фантастических нереальностей в описании Геродота я не вижу, связь их с современными удмуртами никак не исключается:

1) как отмечают современные антропологи, удмурты (как и очень далеко от удмуртов живущие ирландцы) — самые рыжеволосые нации в мире; голубой или светлый (серый) цвет глаз — характерный признак удмуртов, данный антропологами;

2) *будины* — большое и многочисленное племя... Да, действительно так: ананьинцы геродотовской эпохи — предки пермоязычных удмуртов и коми, в те времена занимали огромные пространства таежной зоны Восточной Европы — от Уральских гор до Ветлуги, от истоков Вычегды, Печоры до среднего течения Волги; после них по берегам Камы, Вятки, Белой, Волги остались многочисленные селища, городища, могильники;

3) о том, что будины ведут кочевой образ жизни, этому факту также можно найти объяснение: с одной стороны, в зависимости от истощения земли под посевы хлебов, охотничьих, рыбных, пчелиных угодий, люди тех времен легко меняли место жительства,— в те эпохи люди не были обременены дворцами-хоромами, которых за собой так легко не потащишь и на новом месте просто так их не построишь,— жили в самых простых жилищах, за собой их не надо было тащить: легче было построить на новом месте новый домик со своим многочисленным родством; с другой стороны, именно на V век до нашей эры падает экологический (?) кризис в средневолж-

ско-нижнекамском регионе: ананьинское население вынуждено было оставить свои древние пепелища и перебраться в другие благополучные регионы — в бассейны среднего течения Камы, Белой, по всему Поволжью — от Жигулевских гор до верховий Волги, значительная часть ананьинцев-пермян дошла до Скандинавии, до островов на Белом море;

4) по сообщению Геродота, в земле будинов есть деревянный город по имени Гелон. Каждая сторона городской стены имеет в длину 30 стадий; стена высока, вся из дерева, равно как и дома и храмы будинов. Жители Гелона (гелоны) были те же эллины, удалившиеся из торговых городов и поселившиеся среди будинов. Хотя будины ведут такой же образ жизни, как и гелоны, но говорят на языке особом. Будины — туземцы в этой стране... Во время скифо-персидской войны персы вторглись в землю будинов и напали на деревянное укрепление, которое было покинуто будинами, и сожгли его (см. Геродот 1888). А может из-за нестабильной обстановки пермяне покинули в V в. Нижнекамско-Поволжский регион? Эти сведения Геродота дополняются упоминанием Элиана со ссылкой на Аристотеля о том, что у будинов был город Кариск.

Вильгельм Томашек, профессор Венской Академии Наук, в своей статье «Критика древнейших известий о скифском севере» (1888 г.) пишет, что Геродот будинов приравнивает к удмуртам и коми-пермякам. Название будинского города Кариск (Кариокос) связывает с удмуртским словом *кар* «город».

В этом вопросе австрийский ученый В. Томашек не одинок. Еще до него в начале XIX в. русский ученый А. Вештомов в «Истории вятчан...» высказал свое мнение о том, что будины и гелоны обитали на территории позднейшей Вятской губернии и что город Гелон находился на месте современной Елабуги. Татарский летописец Хисамуддин Булгари записал старинное предание о том, что Елабуга основана греками (Худяков 2008: 152—153).

Если обратиться к научной правде, действительно, в геродотовское время на месте Елабуги существовало укрепленное городище ананьинцев-пермян;

5) на землях будинов есть большое озеро, где водятся бобры и выдры, мех которых идет на опушку кафтанов (скифов, греков — кто торгует с будинами), а большим озером можно представить место впадения Камы в Волгу, где образуется огромное, безбрежное водохранилище (назови ее хоть озеро, хоть море — кому как увидится); удмурты и их предки — прекрасные охотники, с древ-

нейших времен их пушнина шла на торговлю с купцами южных стран, взамен от которых они получали украшения, оружие, драгоценные металлы;

6) геродотовский этноним *будин* весьма напоминает название одной из крупных воршудно-родовых подразделений юго-западной группы удмуртов *Будья* ~ *Бёдья*. А то что воршудно-родовая группа *Будья* существовала уже в ананьинское время (VIII—III вв. до н. э.), нет сомнения: воршудные имена удмуртов восходят еще к более древним эпохам — мезолиту, неолиту, ко временам существования матриархата.

* * *

Письменных свидетельств о народах Прикамья, относящихся к первым векам христианской эры, пока не найдено. О западных же и южных финно-уграх — соседях древних удмуртов — о марийцах, мордве, живущих ближе к средиземноморским, европейским цивилизациям, начали писать раньше и чаще, например, еще в VI в. готский историк Иордан как о данниках Германариха упоминает черемис (марийцев), мордву, мерю и чудь. Для нас что здесь важно: все они, кроме чуди (вепсов), записаны как отдельные народы с узнаваемым этнонимом. Но мы знаем, что до сих пор нет единого народа «мордва»,— есть эрзя и мокша со своими самостоятельными языками, у марийцев нет единого языка — есть луговой (олык мари) и горномарийский (курык мари) литературные языки; меря давно растворилась в русскоязычной среде, чудь белоглазая тоже. А об удмуртах, имеющих единый литературный язык, история, кажется, молчит. В этом я вижу две причины: 1) они жили «за спиной» поволжских финно-угров, в таежной зоне, куда не так просто было попасть; 2) удмурты — по характеру один из самых тихих, скромных, стеснительных народов в мире, они никогда не любят показываться при людях, поэтому, наверное, меньше бросались в глаза в древности, и в наши дни они живут так скромно, что о них редко пишут, редко кто о 700-тысячном народе знает, особенно за рубежом. Да, истинно так: сравни записи арабских путешественников X—XIII вв.

На этом фоне некоторые этнологи пытаются внушить нам: раз никаких древних письменных свидетельств об удмуртах нет, значит, разделение общепермской этноязыковой общности произошло очень поздно, не ранее XIV—XV вв., и что только с этого време-

ни можно говорить о самостоятельном пути развития удмуртского народа и его языка. При этом не забывают напомнить о близости удмуртского и коми языков. Но я, как удмурт, говорю: да, наши языки близкородственны, но не настолько, чтобы можно было понять друг друга, а тем более разговаривать меж собой, как, скажем, говорят между собой тюркские народы (кроме чувашей и якутов) или славянские народы, они, хотя и с трудом, но меж собой могут общаться на родных языках. При этом следует учесть, что восточнославянские племена от западно- и южнославянских групп начали отделяться с начала I тыс. н. э. Чуть раньше праславянской языковой общности, в III в. до н. э., распалась общепермская этноязыковая общность на праудмуртов и пракоми.

С другой стороны, есть письменные — арабско-персидские, хазарско-иудейские, древнерусские — источники, упоминающие удмуртов под этнонимом *ар*. Вот некоторые из них (мое краткое, фрагментарное сообщение основано на книге М. В. Гришкиной: Удмурты. Этюды из истории IX—XI вв. Ижевск, 1994):

«...и (третья) группа их, называемая *ал-Арсания,* и царь их сидит в *Арсе,* что же касается *Арсы,* то неизвестно, чтобы кто-нибудь из чужеземцев достигал ее, так как там они (жители) убивают всякого чужеземца, приходящего в их землю. Лишь сами они спускаются по воде и торгуют, но не сообщают никому ничего о делах своих и не позволяют никому сопровождать их и входить в их страну. И вывозят из Арсы черные соболя и олово (свинец)» (*Абу Исхак ал-Фарси ал-Истархи, около 950 г. н. э.);*

«Русов (ар-рус) три вида (аснаф). Один вид их называется рус, и царь их живет в городе Кукийана. Другой их вид называется ас-Славийа, а царь их в городе Слав; этот город на вершине горы. Третий вид называется *ал-Арсанийа,* и царь его пребывает в городе *Арсани.*

Город Арсани — красивый город на горе, он укреплен, а местонахождение его между (городами) Слав и Кукийана. От Кукийаны до Арсани — 4 дня пути, от Арсани до Слава — 4 дня пути. Купцы-мусульмане доходят до Кукийаны, а что касается города *Арсан(и)* никто из чужеземцев туда не вступает...» (*Абу Абдаллах Мухаммад ал-Идриси, около 1100—1164 гг.);*

«...(третья) группа их, называемая *ал-Арсания,* и царь их сидит в *Арсе,* городе *их...* Что же касается Арсы, то я не слышал, чтоб кто-либо упоминал о достижении ее чужеземцами... Сами же они спускаются по воде для торговли и не сообщают ничего о делах

своих и товарах своих и не позволяют никому следовать за собой и входить в страну свою. И вывозят из Арсы черных соболей, черных лисиц и олово (свинец) и некоторое число рабов» (*Ибн ал-Хаукаль, 50—60 гг. X в.*);

«...и выше этой страны (Булгарии.— *М. А.*) обитают люди, которым нет числа, они платят джизью (подушную подать) царю булгар. А у него (Булгара) есть область, жители которой платят харадж (поземельный налог), между ними и Булгаром месяц пути, называют ее *Вису*. И есть другая область, которую называют *Ару*, в ней охотятся на бобров и горностаев и превосходных белок. А день там летом 22 часа. И идут от них чрезвычайно хорошие шкуры бобров» (*Абу Хамид ал-Гарнати, 1135—1136 гг.*).

Хасдай ибн-Шафрут, еврей, занимающий высокий сан при дворе халифа Кордовы (в Испании), узнав, что в далекой от Испании стране, Хазарии, правят евреи, обратился с письмом к кагану (царю) Хазарии Иосифу. Тот отослал письмо на имя еврейского сановника Кордовы, где он подтвердил, что, действительно, Хазарией правят евреи, много народов подчиняются кагану и платят дань. Подвластные стране народы он начинает перечислять с живущих на левом берегу Волги; поднимаясь на север, доходит до Камы и вновь заворачивает на юг, охватывая при этом народы, живущие в Волго-Окском междуречье. Вот его список:

«Бур-т-с, С-вар, Арису, Ц-р-мис, Вн-н-тит, С-в-р, Сл-в» (т. е. буртас, сувар, ар (удмурты) + ису (вепсы), марийцы, славяне и вятичи) (*Коковцев П. К. 1932: 98—99*).

Одним из самых первых, если это соответствует действительности, о стране *Арда* упоминает один еврейский источник IX в.:

«Другие три израильских колена: Нафтали (Неффалим), Гад и Ашер также выселились из земли Израилевой... Живут же за стеной (или в крепости), называемом Дагаб-даки (чистое золото) и воюют с семью царствами: *Арда* (курсив наш.— *М. А.*), Тискат, Сарма, Кака, Гугам, Румрум и Лудуйцами» (*«Из сочинения путешественника Эльдара га-Дани (вторая пол. IX в.). Материал взят из книги «Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве». Собрал, перевел и объяснил А. Я. Гаркави. (СПб., 1874).*

А. Я. Гаркави отмечает, что *Арда* или *Арде* имеет сходство с Арсиетами Птоломея, *Артса* или *Арта* арабских географов (ср. *Арта* у Ибн ал-Саваджи).

Относительно сообщений восточных (в первую очередь арабских и персидских) авторов о стране *Арсания*, ее главном горо-

де *Арсе* (*Арсани*, *Арта*) в ответ сомневающимся, что речь идет об *Арске* (удм., тат. *Арча*), бывшей столице южных удмуртов, М. В. Гришкина пишет, что в них нет ничего такого, что находилось бы в необъяснимом противоречии с исторической действительностью и делало невозможным отнесение их к удмуртам. Не вызывает особых сомнений существование в IX—XII вв. сильно укрепленного древнеудмуртского городища на месте современного Арска под Казанью. При взятии штурмом войсками И. Грозного арского города русские летописи всячески подчеркивали неприступность его укреплений: «... то и бо острог стары, Ареск зовом, зделан аки град тверд и з башнями и з бойницами...» (Гришкина 1994: 15—16). В 1983 г. во время экспедиции в Арский район нам удалось получить старинную фотографию одной из разваливающихся (от ветхости, древности) башен Арской крепости (Атаманов 1997: 82).

Участники академических экспедиций, побывавшие в XVIII в. в Арске, также отмечали, что от прежних жителей — *аров* (удмуртов) — остались развалины крепости, старинное кладбище и молитвенное место — *керемет*, видимый «при восточном конце пригородка, посреди отрощенных березовых дерев» (Рычков 1770: 5).

«Название *Арской*, которое без погрешности от имени *ари*, коим татары удмуртский народ называют, производить должно, и оставшиеся доселе следы древних крепостных развалин близ Арского пригородка придают сему сказанию достаточную вероятность» (*Паллас: 1788*).

Относительно Арской крепости у С. М. Шпилевского читаем: «Заштатный город *Арск* находится на правом берегу Казанки в 63 верстах от Казани. Рычков — один из первых описателей Арска, говорит, что имя этого города происходит от древних его обитателей, называемых татарами «Ары». Мы находим остатки сего народа в удмуртах... К числу остатков от народов иноплеменных можно, кажется, говорит Второв, отнести и древнюю деревянную башню в заштатном г. Арск. Затем г. Второв описывает эту башню, архитектура которой будто бы служит доказательством глубокой древности» (*Шпилевский: 1877*).

Существенным дополнением всему вышеизложенному служат экспедиционные материалы, собранные мною и моими коллегами на территории бывшей Арской земли (~ страны Арсании ~ Арского княжества): в 1973 г. интересные сведения об Арске (удм. Арча), об удмуртском царе (*эксэй*) *я* собрал среди удмуртов Кукморского, Балтасинского районов Татарстана, Мари-Турекского района Ма-

рий Эл; в 1983 г. в среде русских и татар рабочего поселка Арск и Арского района Татарстана.

По сведениям старожилов Арска, «когда-то *ары* здесь жили. Свое название город Арск от них получил. Старики так говорили, что какое-то арское племя было, здесь они жили во времена Ивана Грозного. Иван Грозный воевал с ними»; «Когда Иван Грозный узнал, что Арск город укреплен, тот послал туда своих стрельцов. Местные арские князья Юсуп и Япанча выступили за татар, но они были разбиты. Здесь стояла крепость. Было 3 башни, дубовые, высотой 5—6 метров, с бойницами» (Атаманов 1997: 80—81).

* * *

В поле зрения древнерусских письменных источников удмурты попадают поздно. Это и понятно: от Киева, Новгорода и других древнерусских княжеских центров они жили слишком далеко, их отделяли труднопроходимые тысячекилометровые дали, другие народы и племена заслоняли от проникновения на удмуртскую землю сборщиков дани, да их здесь никто и не ждал. Тем не менее, есть косвенные свидетельства о даннических связях отдельных групп древнеудмуртского этноса,— это *«тоймичи поганые»* (т. е. некрещеные, язычники) и *«вяда»*.

Так, в памятниках древнерусской литературы и истории XIII в. «Слово о погибели Русской земли» сказано: «От немец до Корелы, от Корелы до Устьуга, где тамо бяху *тоймици погании* (курсив наш.— *М. А.*), и за Дьшючим морем, от моря до болгарь, от болгарь до буртас, от буртас до черемис, от черемис до мордвы — то все покорено было... великому князю Всеволоду, отцю его Юрью, деду его Володимеру... буртаси, черемиси, *вяда* (курсив наш.— *М. А.*) и мордва бортничаху на князя великого Володимера» (Попов 1973: 115).

Тойма — одна из древнепермских этнических групп, жившая в Нижнем Прикамье; в составе других родоплеменных групп, создателей ананьинской культуры, в V в. до н. э. переселившаяся на северо-запад современной России; следы их сохранились в топонимии нижних течений Камы и Вятки (подробнее см. в главе «Археология»).

Вяда — русифицированный вариант древнеудмуртского племенного названия *ватка;* эта племенная группа населяла Вятско-Волжский регион — западную часть удмуртской эйкумены, граничила с мордовскими, марийскими племенами. *Ватку*, живущую по среднему течению Волги, мордва называла *ветке* (*ветьке*), возможно,

от них этот этноним попал к русским; в русском названии *вяда* (*вйада*), -й- — вставной звук, ср.: удмуртское название *Ватка* (~Ваткакам ~ Ваткашур) русские освоили как Вятка (*вйатка*) — тоже со вставным *-й-*. Мордовский этноним позже был перенесен на чувашей, занявших территорию *ватки*; не исключено, что в состав формирующегося чувашского этноса — осколка волжско-камских булгар, вошла часть удмуртов-ватка — не случайно мордва до недавнего времени чувашей называла удмуртским этнонимом. О том, что на территории чувашей жили носители удмуртского языка, говорят топонимы удмуртского происхождения (Федотов 1970: 127—135).

Вероятно, этот же искаженный этноним в виде *Вединя* фигурирует в письме венгерского монаха Юлиана, побывавшего в 1237 г. в Поволжье (Гришкина, Владыкин 1982: 10—11).

3. Этническая характеристика удмуртского народа

Рассмотрев первые упоминания об удмуртах, относящихся к концу I — началу II тыс. н. э., перейдем к еще более щепетильному вопросу — этнической характеристике удмуртского народа, которые даны учеными разных времен и разных национальностей, разных специальностей и сословий.

Но сразу же оговоримся: положительных, тем более восхитительных, характеристик будет не так много, ибо со времен грехопадения Адама и Евы в жизни людей мир нарушился, любовь поколебалась и начались бесконечные войны, появилась неприязнь чужого языка, культуры. Люди начали искать друг в друге не самые лучшие качества, а пороки, если их не находили, то придумывали сами (см. какие характеристики дали местным племенам Геродоту его информатор или булгары арабским купцам об арах). Появилась гордыня: каждый захотел стать выше и краше другого.

Люди дожили до того, что из их среды вышли колонизаторы: один народ превратил своего соседа, а порой и не совсем соседа в плательщика дани, в слугу, раба. Колонизаторское высокомерие, чванливость дошли до того, что вырабатывались у них свой характер, привычки, навыки: англичане, французы, немцы, голландцы, испанцы, португальцы загоняли в резервации коренных жителей Америки, Австралии, Полинезии, Африки.

То же самое происходило в отношениях великой нации России к своим «инородцам», «иноверцам». Черным пятном в истории цар-

ской России остались «дело Бейлиса», «Мултанское дело», еврейские погромы, подавление восстаний польского народа за свою независимость...

Замечательный русский ученый — историк, археолог, этнограф, фольклорист,— глубоко любящий и знающий историю, культуру удмуртов, татар, марийцев и других народов России М. Г. Худяков с болью писал: «Русские историки имели обыкновение касаться финских народов в главе «соседи древних славян» и изображали их настоящими дикарями, хотя речь шла о IX—X веках по Р. Х. Такой взгляд русских историков был основан на обычном презрительном отношении «носителей европейской культуры» к представителям побежденных и подчиненных народов. Культура буржуазной Европы постоянно проникнута кичливым сознанием собственного достоинства и склонна к отрицанию положительного значения всякой иной культуры, происходящей из другого источника. Поэтому неудивительно, что русские историки до последнего времени серьезно думали, что только русская колонизация внесла в лесную полосу Восточной Европы начало гражданственности, культуры и просвещения. Инертность научной мысли упорно препятствовала привлечению к историческим построениям памятников материальной культуры, во множестве открытых в течение последнего пятидесятилетия, а также данных этнографии и народной словесности, в изобилии собранных и записанных благодаря энергичной деятельности научных обществ. Вместо ссылок на конкретный и живой материал, доставляемый археологическими раскопками и записями эпических текстов, русские историки, описывая «соседей восточных славян», продолжали довольствоваться ссылкой на Тацита, не подвергая его ни критике, ни проверке... сообщение Тацита в настоящее время совершенно опровергнуто археологическими памятниками, удостоверившими оседлый образ жизни и занятие земледелием у всего населения лесной полосы Восточной Европы не только в эпоху Тацита, но еще раньше» (Худяков 2008: 138—139).

Видя свое безутешительное положение — вначале татарское иго, затем — царское, самодержавное,— удмуртский народ создал, на мой взгляд, поразительной глубины, очень краткую, но очень точную присказку-поговорку: «*Бигер — кион, ӟуч — гондыр, удмурт — сяла*» (Татарин — волк, русский — медведь, удмурт — рябчик).

Во все времена рядом со злом жили и живут люди Божии, с любовью в сердце, для них «нет ни Еллина, ни Иудея ... варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос. Итак, облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение... Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства; и будьте дружелюбны» (Кол. 3: 11—15). Вот чему учит Священное Писание!

А сейчас, прислушавшись к голосу Божьему, приведем добрые воспоминания добрых людей. В самых же первых записях, оценках удмуртскому народу даются такие положительные характеристики, как трудолюбивые, особенно любовь к земледелию, миролюбие, терпение во всем, коллективизм, любовь к детям, к своим родственникам, односельчанам, тяга к языческим культам и т. д. В то же время ряд исследователей в удмуртах находил такие отрицательные черты, как скупость, забитость, медлительность, отстраненность, нежелание вступать в общественные дела, неконтактность, упрямство.

Вот какую запись из жизни арских людей — удмуртов — оставил участник Казанского похода князь Андрей Курбский:

«...И приидоша, аки за два дни, до оного предреченного града *Арского* и обретоша его пуст, покинен: от страха бо избежаша из него все, страха ради, в далечейшие лесы. И плениша тамо в земле оной аки десять дней. Понеже в земле той поля великия, и зело преизобильныя и гобзующия (богатые.— *М. А.*) на всякие плоды; такожде и дворы княжат их и вельможей зело прекрасны и воистину удивлению достойни. И села часты; хлебов же всяких такое там множество, воистину вере ко исповеданию неподобно: аки бы наподобие множества звезд небесных. Также и скотов различных стад безчисленныя множества, и корыстей драгоценных, наипаче от различных зверей, в этой земле бывающих: бо тамо родятся куны дорогия, и белки, и прочие зверие ко одеждам и ко ядению потребные. А мало за тем далей соболей множество, такожде и медов: не вем, где бы под солнцем больше было». *(К 350-летию покорения Казани 1552 2/х 1902. Подлинная о Казанском походе запись царственной книги 1552 года и сказание князя Курбского о покорении Казани. М., 1902.).*

* * *

«...В X—XII вв. процессы самобытного развития удмуртского этноса на собственной основе были прерваны. Возникшее в Волго-Камье раннефеодальное государство Волжская Булгария превратило южных удмуртов — *аров* — в своих данников.

...В 1243 г. Волжская Булгария окончательно вошла в состав Золотой Орды, и как другие порабощенные народы, южные удмурты вскоре в полной мере ощутили всю тяжесть военно-грабительского режима, царившего в этой державе... Местное население было всецело подчинено власти монгольских наместников — баскаков и даругов. Они со всей беспощадностью взыскивали ясак и многочисленные налоги, заставляли выполнять натуральные повинности — строить дороги и мосты, возводить и ремонтировать укрепления и др.

Казанское ханство унаследовало от Золотой Орды тот же государственный строй и методы управления и эксплуатации подвластного населения... В первой четверти XVI в. с удмуртов взималось до 20 различных податей и повинностей... Стремясь освободиться от тяжелого гнета, южные удмурты не раз выступали с оружием в руках против ханов и их приспешников. Так, в 1496 г. Арская земля восстала против хана Мамука» *(Гришкина М. В. Удмурты. Этюды из истории IX—XIX вв. Ижевск, 1994).*

* * *

«...У финских инородцев вся их культура, весь быт, вся религия с ее молитвами — все это свидетельствует о том, что удмурты, марийцы, мордва с незапамятных времен жили оседло и занимались всегда земледелием. Земледелие отличалось экстенсивным характером, причем у инородцев, в частности у удмуртов, существовала двупольная система хозяйства.

Лучшим изображением земледельческого быта страны является описание князем А. М. Курбским Арской земли — северной окраины Казанского ханства.

...Местные инородческие князья также входили в состав признанной знати Казанского ханства. Самыми значительными из них были князья Арские... Число чувашских, марийских, удмуртских князей было очень значительно». *(Худяков М. Г Очерки истории Казанского ханства. Казань, 1923.)*

* * *

Один из первых ученых, посетивших удмуртов, Д. Г. Мессершмидт — исследователь Сибири, немец по национальности — вот какую характеристику оставил об удмуртах-ватка, живущих в бассейне р. Чепцы: «Расспрашивал о языке и о земледелии, в котором они очень прилежны, а также о ткачестве или изготовлении тканей, в котором они также весьма искусны и таким образом по всем обстоятельствам с финским народом в точности сравнимы...

...Мужчины кормятся охотой и пчеловодством и т. д. и склонны к полигамии, если они считают себя способными прокормить двух, трех и более баб...

...Одежда мужчин почти такая же, как у русских крестьян. Бабы же, напротив, выглядят очень похожими на отяцкие или Ас-яхских (*ханты.— М. А.*) баб и большей частью коренастые, невысокие и толстые... Их занятия соответствуют крестьянской или деревенской жизни: прясть, готовить еду, стелить постель, мыть посуду и т. п.» (*Мессершмидт Д. Г Дневниковые записи, декабрь 1726 // Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г Мессершмидта. Ижевск, 2001).*

* * *

Адъюнкт Российской академии наук капитан Н. П. Рычков о нравах и обычаях удмуртов оставил такой лестный отзыв:

«...Есть ли имя трудолюбивых земледельцов приписуется в честь народам, то Вотяки* поистине могут быть достойными имени сего: ибо я могу смело сказать, что нет в Российском государстве ни одного народа, могущего с ними сравниться в трудолюбии. Ревнование и почтение к трудам между удмуртами столь велико, что женщины их стараются одна пред другою проснуться ранее, дабы придти на жатву прежде своей соседки; а сие для того, что та, коя придет после всех, служит насмешкам и презрению трудящихся женщин. Границы их трудам есть смерть и младенчество; а прочее время жизнь препровождают и самые дряхлые старики в домашней работе...

...Между удмуртами нет ни безпосредственно богатых, ниже весьма скудных и лишенных пропитания. Праздность, будучи их

* В данной книге дореволюционный экзоэтноним чаще всего заменяется самоназванием народа — *удмурт.— М. А.*

обществом презираема, заставляет всех радеть о способах домостроительства; а земледелие есть истинною питательницею всего удмуртского народа. Богатство их составляют житницы, хлебом наполненныя, пчелы и скотоводство, которыми будучи всегда изобильны, развозят на продажу по разным городам и заводам.

В зимнее время упражнение мущин состоит в битье шерсти и в делании войлоков; а женщины ткут различные холсты, шерстяные сукна и вышивают полотна шелковыми фигурами, которыя употребляют для украшения одежды своей. Прочие их обряды хозяйства сходствуют с другими земледельцами...». *(Рычков Н. П. Журнал, или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769—1770 годах. СПб., 1770.)*

* * *

Всемирно известный финский ученый-путешественник, исследователь языка, культуры, истории финно-угорских, самодийских, тюркских и других народов Восточной Европы и Сибири Маттиас Александери Кастрен (1813—1852) в 1845 г. проехал через удмуртские земли и оставил такие записи о древнейшем народе края:

«...Проезжая среди удмуртов, я не переставал всем своим духовным существованием жить в Финляндии. Сама природа вызывала родные мне воспоминания. Здесь, как и в Финляндии, видел я реки, озера, леса, топи, мхи, высоты и долины. А потом, изначально, оба края населяет, в сущности, один и тот же народ...

...По мере углубления в Малмыжский уезд и особенно в Глазовский уезд, становятся удмурты преобладающим населением. Они представляют собой ветвь пермского племени, и это, в общем, тихий, хороший и трудолюбивый народ». Сравнивая удмуртов с финнами, Кастрен заметил, что: «Это сходство проявляется, в целом, в спокойной, традиционной, трудовой жизни, сильно отличающейся от всего того, что можно увидеть в большинстве других губерний. Не заметил я в их деревнях бездельников, любопытствующих зрителей, шумных пьяных и, казалось, что каждый полностью поглощен своей работой и занятиями. На станциях проходило все в полной тишине, нигде меня не обманули и нигде не слышал я недовольного ворчания. Любые мои поручения выполнялись без требования оплаты и все мои пожелания исполнялись с наивысшей готовностью, а самая незначительная оплата принималась с чувством благодарности. Так нашел я удмуртов доверчивыми и невинными, как и наши финские крестьяне».

Одним из мест расположения древнейших поселений удмуртов А. М. Кастрен считает бассейн Казанки, так называемую область «Арского пригородка». *(Загребин А. Е. Финны об удмуртах: Финские исследователи этнографии удмуртов XIX — первой половины XX в. Ижевск, 1999.)*

* * *

«...Домовитость и трудолюбие удмуртов сейчас бросается в глаза, как только подъезжаешь к удмуртской деревне: в стороне виднеются скирды прошлогоднего хлеба, по речке или на пруде плавают стада гусей и уток, далеко в поле виднеются большие стада овец и коров.

У более или менее зажиточного удмурта домашних животных полон двор. Лошадей удмурты держат обыкновенно по 2—3 и, как видно, их очень любят.

На холодную весну 1871 г. яровые поля у удмуртов в начале июня расстилались уже зеленой скатертью, а у татар едва-едва были заметны всходы.

...Удмурты скорее, чем другие инородцы, могут подчиниться русскому влиянию, на то имеются серьезные основания. Удмурт скрытен и недоверчив, по-видимому, холоден ко всему, что не касается его лично. Но войди к нему раз в доверие, и вы убедитесь, что скрытность и эгоизм не врожденные свойства его характера. Удмурт от природы добр, характера мягкого и уступчивого. Почему приобрести на него влияние, войти к нему в доверие весьма легко, но еще легче пользоваться приобретенным однажды доверием, необходимо только относиться к удмурту с крайней осторожностью и умеренностью, а главное избегать в сношениях с ним всяких резких и крутых мер.

...Отличительный характер удмуртских песен меланхолический. В них как бы слышится плач или скорбь, только не та скорбь могучей и сильной натуры, разбитой горем и житейскими неудачами, которая так поражает нас в русских песнях, это тихая скорбь души, подавленной, изнемогающей под тяжелым гнетом жизни и не знающей выхода.

...Между удмуртскими женщинами, которые вообще красивее мужчин, нередко встречаются очень миловидные. Женщин особенно красит костюм, который так оригинален и своеобразен.

...Ватка — впоследствии Вятка. Сами удмурты называют реку Вятку Кам-Вятка. *Кам*, по-удмуртски, значит вообще «большая

длинная река». Слово *кам* происходит от нарицательного *кема* «долго». (*Островский Д. Вотяки Казанской губернии // Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском ун-те. Т. IV Вып. 1. Казань, 1874).*

* * *

Выдающийся поэт, ученый, общественный деятель удмуртского народа, отдавший свою жизнь во благо его будущего, Кузебай Герд оставил нам такие строки о своем любимом народе:

«...Вся жизнь удмурта, его тяжелый и упорный повседневный труд неразрывно связаны с ней (с песней.— *М. А.*). И часто не знаешь — где кончается тяжелый труд и начинается песня, где начинается песня и где кончается труд. Самый незначительный шаг в своей жизни удмурт отмечает в своей песне. Удмурт — человек в высшей степени скрытный: он никогда не поделится с вами теми мыслями, теми переживаниями, которые беспокоят его. Пусть ему будет тяжело от этого, пусть самым тяжелым камнем лежит на его лице горе,— он перенесет все это один... В русской среде он большей частью молчит и редко принимает участие в спорах и беседах. Но когда он в своей удмуртской среде, в своей семье, в гостях и особенно в праздник выпьет свой горький арак, он становится неузнаваемым. Он поет, он рассказывает бесконечные песни и были. Читая его песни, вам покажется, что вы читаете красивый подробный дневник удмурта, дневник его чувств, настроений и переживаний». *(Герд К. Вотяк в своих песнях // Вотяки. М., 1926. С. 18—19.)*

* * *

По дороге в Сибирскую ссылку А. Н. Радищев проехал через удмуртские селения и в своих путевых записках оставил такие краткие сведения об удмуртах: «Народ боязливый и добрый» (*д. Муки-Какси, Сюмсинский р-н.— М. А.)*; «Народ простой» (*совр. пос. Игра.— М. А.)*; «На бабах высокие кички с бахромою, с шитьем и кончиками серебряными» (*айшон;* д. Юбери Сюмсинский р-н.— *М. А.)*; «Есть у них овины и риги; сушат хлеб в снопах» (*с. Дебесы.— М. А.)*; «Вотяки поют едучи, как русские ямщики. Нравы их склонны более к веселию, нежели к печали... Оклад лица удмурта похож на мордву». (*Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. Т. III. М.-Л., 1952. С. 254—255.*)

* * *

В середине XVIII в. на древней удмуртской земле, в бассейнах рек среднего и верхнего течения Чепцы, Кильмези, Валы, Ижа, Тоймы и по их притокам, появились первые русские поселения. Но основная масса русских новопоселенцев обосновалась на территории Удмуртии в середине XIX в. и даже в начале XX в. — вплоть до коллективизации на селе. Этот сложный процесс встречи двух этносов также отразился во многих публикациях не только отдельных исследователей, но и официальных органов власти царской России. Вот некоторые из них:

«...Что касается русских переселенцев, то они появились в Ильинской волости сравнительно в очень недавнее время, 30—50 лет тому назад (т. е. в 40—60-е годы XIX в.). Главный контингент русских явился сюда из разных уездов Вятской губернии. Так, переселенцы Нолинского, Сарапульского уездов встречаются в 7 селениях, из Малмыжского и Вятского — в 3, из Орловского — в 1 селении.

Большинство русских переселенцев стремилось поселиться в удмуртских селениях. Удмурты, хотя и убеждены, что с их прибытием произойдет вымирание их самих, но, как народ добродушный и уступчивый, позволяют селиться русским в своих деревнях, отводя им усадебные места ниже своих, по течению рек, что, по их мнению, предохраняет их от вымирания». *(Материалы по статистике Вятской губернии. Елабужский уезд. Т. VI. Вятка, 1890.)*

* * *

«...Коренное население этой (Вавожской, Малмыжского уезда.— *М. А.*) волости удмуртское. Многие поселения с удмуртскими названиями состоят теперь исключительно из русских жителей. Деревня Квашкам лет 70 тому назад была удмуртская, а теперь здесь нет уже ни одного удмурта. Село Вавож лет 100 тому назад было все удмуртское, а теперь удмуртских только два двора. Таких примеров можно указать массу. Удмурты, впрочем, не вымирают, а только убегают при нашествии русских в леса, где они заводят новые починки». *(Приложение к материалам по статистике Вятской губернии. Т. 1. Малмыжский уезд. Вятка, 1885.)*

* * *

«...В отдаленные времена все поселения здешней местности (Сюмсинская волость, Малмыжский уезд.— *М. А.*) были исключительно удмуртские — «в старые годы была сплошная водь». Тогда удмурты имели своих князей и свой укрепленный город, обнесенный рвом, развалины которого, по словам удмуртов, будто бы до сих пор можно видеть. Этот город стоял в Зятцынском районе, недалеко от Водзи-Шудзей, в урочище Сларте. Жили удмурты в старые годы не деревнями, а «однодворицами». Кто где расчистил кулигу, тот там и жил.

С поселением русских удмурты большей частью обращаются в бегство и образуют новые починки. в Бодье общество пустило 75 лет тому назад (в 1810 г.— *М. А.*) три двора русских и с этого времени «русаки вельмя повалили»... Деревня Юбери в начале нашего столетия была населена удмуртами, но лет 75 тому назад здесь появился первый переселенец «русак», в настоящее время удмуртов нет уже ни одного: все они переселились то в Уразай, то в Кваковай, то в Сюмсийыл, то, наконец, в Сырвай. Первыми поселенцами из русских явились в волость раскольники. Самое сильное движение переселенцев было в 40-х годах XIX в.

...На гумнах всюду обилие кабанов (кладух), которые имеют протяжение часто более значительное, чем сама деревня. Некоторые кабаны стоят лет по 10—15 и даже по 20, особенно много запасного хлеба у удмуртов... «Вотские кабаны уже поседели от старости и сгорбились»,— говорят русские». *(Приложение к материалам по статистике Вятской губернии. Т. 1. Малмыжский уезд. Вятка, 1885.)*

«...Напротив, всмотритесь в жизнь удмуртов тех селений, где живут с ними и русские — и вы увидите совершенно другое, уже несвойственное миролюбивому характеру: семейства малочисленны, прежнего миролюбия уже нет, словом — черты характера совершенно иныя. А что тому причиной? Влияние русских, которые вращаются среди и около них». *(Гр. Верещагин. Вотяки Сосновского края. С.-Петербург, 1886. С. 103.)*

«...Некоторую аналогию древним отношениям финнов* и русских можно видеть в недавних отношениях этих народов, которую я лично наблюдал в конце XIX в. на своей родине в Вятском крае**. Всякими правдами и неправдами — подкупами, водкой, разными

* Имеется в виду финно-угорская народность — *удмурты.*

** Автор этих строк известный русский этнограф, фольклорист, диалектолог, чл. -кор. АН СССР Д. К. Зеленин (1878—1954) родился в с. Люк Завьяловского района.

хозяйственными, в частности ремесленными услугами — русский приобретает доверие удмуртов и селится в их деревне в качестве «новосела» или «припущенника». Потом с его помощью селится другой, третий... Нередко совместная жизнь становится настолько тяжелой, что менее уступчивые удмурты выселяются в другие места». *(Зеленин Д. К. Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности? // Международный язык науки и культурных сношений. М., 1901.)*

«...По общему признанию удмурт учится лучше русского... В Глазове масса купеческих удмуртских фамилий. Удмурт кряжист, скуп до невероятности; наряду с хорошей обеспеченностью землей у этого племени широко развита мирская помощь — нищих удмуртов по сравнению с татарским и русским населением встречать удается не часто. Сообразно с хорошим достатком Чепецкий удмурт не имеет признаков дегенерации... Почти все удмурты росту выше среднего, крепкого телосложения... Чепецкие удмурты живут громадными семьями до 30 человек иногда, что обуславливает их относительную зажиточность». *(Хомяков М. М. О краниологическом типе Чепецких вотяков в связи с общим развитием вотской народности. Казань, 1910. С. 282, 286.)*

* * *

Начиная с XVIII в., особенно в XIX в., вплоть до революции 1917 г. в российской и зарубежной прессе много писали о дохристианских (языческих) верованиях, обычаях и обрядах удмуртов, особенно после пресловутого Мултанского процесса. Даже до сих пор эта тема волнует людей, тем более, и, к сожалению, даже сейчас нет-нет да и находятся раевские и кликуши, носильщики сплетен, льющие грязь на удмуртский народ. Приведу только два текста: первый касается новокрещенных удмуртов деревень Старая Игра, Верхняя Игра, Мишкино, Байтуганово, Гаранькино Тихогорского прихода Елабужского уезда (совр. Граховский р-н), проведших в 1840 г. языческое моление. Из уездного центра было донесено об этом в Вятку, губернатору, а губернатор о результатах расследования доложил министру внутренних дел, а тот — Государю Императору. По сему докладу последовало Высочайшее повеление императора Николая I такого содержания:

«...Не преследовать помянутых новокрещен за их невежество, но представить местному духовенству всемерно стараться заменять

языческие обряды молебствиями, православной церковью установленными, и через то более утверждать новокрещен в православной вере христианской; с тем вместе и местному гражданскому начальству поручить, чтобы оно, обще с духовенством, имело наблюдение за новокрещенными и старалось предупреждать совершения ими обрядов язычества; причем из числа означенных новокрещен Прохора Прокопьева и Федора Антипова, бывших главами жертвоприношений, подвергнуть особому назиданию со стороны православного духовенства и бдительному надзору земской полиции за образом их жизни». *(Луппов П. Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX в. Вятка, 1911).*

Вот и такие истинно христианские правители были в России! Они участвовали в защите подопечных им народов от рьяных чиновников из глубинных районов империи, не по разуму ревнующих о вере.

* * *

Второй сюжет связан с именем земского врача, краеведа, тоже из далекой глубинки: Н. И. Тезяков много лет проработал в удмуртской деревне, в которой всегда жили удмурты-язычники. Образованный, интеллигентный человек своего времени, он не мог не интересоваться бытом и религией жителей с. Большой Гондыр (ныне входит в состав Куединского р-на Пермского края) и других удмуртских деревень Осинского уезда. В дни, когда порочилось имя удмуртского народа в связи с Мултанским процессом, он написал такую статью:

«...нам пришлось в течение 5-ти лет присматриваться к жизни удмуртов, и притом язычников, знакомиться близко с жизнью их, их верованиями, быть на самих жертвоприношениях, и мы не можем допустить, чтобы среди этого мирного, честного народа могли существовать такие кровожадные инстинкты». *(Тезяков Н. И. Праздники и жертвоприношения у вотяков-язычников (из записной книжки земского врача) // Новое слово. 1896. № 4. С. 1—10.)*

Этническую характеристику удмуртского народа завершим двумя этнографическими сюжетами, взятыми из публикаций 20—30-х годов XX в.

«...Психический облик пунемцев (речь идет о жителях д. Пунем Увинского р-на.— *М. А.*) выявить не удалось, замечено лишь недоверие к русским, следствием чего является скрытность.

Так как деревня Пунем существует уже более трехсот лет, система землепользования значительно изменилась и увеличилась посевная площадь, которая вначале представляла из себя сплошной лес. Первые жители деревни вырубали лес, жгли и выкорчевывали пни. Таким образом по мере увеличения населения увеличивалась и посевная площадь. В настоящее время почти вся земля очищена от леса, а прилегающие к полям рощи являются общегосударственным достоянием.

Богатое состояние удмуртов объясняется трудолюбием, бережливостью и некоторым знанием примет, указывающих благоприятное время для сельскохозяйственных работ. Кроме того, они склонны к коллективному труду. Нищенства среди удмуртов нет, потому что фамильные роды оказывают посильную помощь как слабым хозяйствам, так и отдельным членам рода: сиротам, калекам, слабоумным.

Старая власть, по справедливому воззрению удмуртов, относилась к ним очень плохо. Они помнят многочисленные издевательства, притеснения со стороны не только земских чиновников, волостных старшин, но и рядовых писцов и отдельных богачей из русских.

Между удмуртами поддерживаются вежливые отношения, особенно это замечается среди близких соседей. Отношение семьи к старшему бывает в большинстве случаев почтительное. Старший в семье старается хранить уважение к младшим. Из почтения к старшему внутри хозяйства ничего не делается без его совета, доверяют ему хранение денег и других ценностей. Особенно удмурты любят маленьких детей. Женщина-мать, исполняя свою повседневную работу, носит своего ребенка за спиной. Среди соседей развито гостеприимство и взаимная помощь. Помогают друг другу не только работой, но даже пищей.

Обязанности членов семьи распределяются следующим образом: общим распорядком по хозяйству ведает глава семьи, но без совета женщин, тем более жены, хозяин в редких случаях допускает какое-либо производство по хозяйству. Старшая из женщин заведует работами по дому. Другие члены семьи выполняют возложенные на них обязанности и являются полноправными членами семейного совета, в который, конечно, не входят только подростки и малыши. Мужчина уважает женщин, это доказывается тем, что он обращает добросовестное внимание на советы женщин. Характерно отметить обычаи среди удмуртов: сноха никогда не показывается свекру с

непокрытой головой и голыми ногами». (*Петропавловский. Этнографическая экспедиция в д. Пунем Ныльга-Жикьинской волости Ижевского уезда // Труды научного Общества по изучению Вотского края. Ижевск, 1926.*)

М. О. Косвен — академик, известный ученый-этнограф, в 1930 г. в составе удмуртской экспедиции, организованной Институтом народов советского Востока под руководством директора Института академика Н. Я. Марра, успешно собирал материалы по родовому быту удмуртов. Отдельные сюжеты из его статьи, касающиеся нашей темы, предлагаю читателю:

«...Широко распространена (среди удмуртов) до сих пор родовая солидарность и взаимопомощь со стороны всей родни. Недоимки за неимущих в прежнее время платили родственники, не допуская до продажи имущества, сужали семенами, лошадьми и проч. Практиковалось также и кормление неимущих по очереди всеми состоятельными членами рода. Семьям вдов все родственники совместно вспахивали и засевали их наделы, убирали хлеб и т. д. Эти и подобные им черты родовой взаимопомощи живы во многих местах до сих пор. Так, по распространенному и по сей час представлению, если кто собирает «помочь» — *веме*, то участие в ней находящихся налицо родных считается обязательным...

...Численный состав большой семьи [у удмуртов] доходил лет 50—60 тому назад в Глазовском районе до 60 душ, а в более позднее время не редкостью были семьи 20—30 душ. Такая семья жила единым хозяйством, помещаясь в зимнее время в одной избе. При особой многочисленности семья жила в 2—3 избах, но пища варилась на всю семью в одном месте: зимой — в одном из изб, летом в особой кухне — *куала*...

...Среди этого народа женщина с изумительной стойкостью сумела сохранить, в известной, конечно, мере, свое равноправие и независимое положение в различных областях жизни и быта... Старшая женщина являлась фактически хозяином дома». (*Косвен М. Распад родового строя у удмуртов // На удмуртские темы (сборник статей). Л., 1931. С. 5—35.*)

Такова в общих чертах краткая этническая характеристика удмуртского народа, данная учеными, путешественниками, побывавшими в XVI, XVIII — первой половине XX вв. в среде удмуртов.

3. 1. Количество и расселение удмуртов по стране

До начала Октябрьской революции 1917 г. удмурты оставались сельским, земледельческим населением. Основная масса жила на территории современной Удмуртии, которая в то время входила в состав Глазовского, Малмыжского, Сарапульского, Елабужского уездов Вятской губернии; удмурты небольшими группами жили также на территории других уездов и губерний России. Для наглядности указываются регионы, где до революции жили удмурты. Эти данные взяты из статистических сведений за 1911 год, опубликованные Н. В. Никольским (Казань, 1912). Замечательно то, что он приводит данные по вероисповеданию (после него, к сожалению, никто больше такие данные не приводит), указывает губернии, уезды, количество населенных пунктов, где живут удмурты.

Уезды	Общее кол-во удмуртов	Православных	Язычников	Отпавших в мусульманство	Кол-во селений, где живут удмурты
Вятская губерния					
1. Глазовский	153 782	150 216	—	99	642
2. Сарапульский	108 259	108 087	133	—	444
3. Малмыжский	54 297	53 809	348	—	192
4. Елабужский	49 440	47 989	1400	—	170
5. Слободской	5684	5684	—	—	24
6. Уржумский	906	830	62	14	5
итого	**366 684**	**360 931**	**1943**	**113**	**1453**
Казанская губерния					
7. Мамадышский	9849	6676	2211	962	24
8. Казанский	1672	1636	36	—	6
итого	**11 521**	**360 931**	**2247**	**962**	**30**
Пермская губерния					
9. Осинский	7560	—	6615	943	10
10. Пермский	610	43	—	567	2
11. Оханский	182	176	—	6	3
12. Верхотурский	12	12	—	—	3
итого	**8364**	**231**	**6615**	**1516**	**18**
Уфимская губерния					
13. Бирский	5055	21	4135	899	10
14. Уфимский	688	—	685	3	2
15. Белебеевский	494	494	—	—	2
итого	**6237**	**515**	**4820**	**902**	**14**

Самарская губерния					
16. Бугульминский	2951	2551	400	—	5
Оренбургская губерния					
17. Оренбургский	70	6	64	—	1
Томская губерния					
18. Таринский	175	175	—	—	2
19. Кузнецкий	49	41	—	8	2
Енисейская губерния					
20. Красноярский	2	2	—	—	1
итого	**3247**	**2775**	**464**	**8**	**10**

Одна из полных с указанием национального состава перепись была проведена в 1970 г., когда существовал еще СССР со всеми союзными республиками. Для сравнения привожу его данные с указанием, в каких областях, в каком количестве жило удмуртское население; данные сведения получены из книги И. В. Тараканова «Удмурт лексикая очеркъёс» (Ижевск, 1971. С. 96).

Из 704 328 удмуртов 678 393 человек жили в РСФСР, в том числе: в Удмуртской АССР — 484 168, Пермской обл. — 30 552, Башкирской АССР — 27 918, Татарской АССР — 24 533, Кировской обл. — 22 705, Свердловской обл. — 19 867, Челябинской обл. — 3917, Марийской АССР — 2594, Коми АССР — 2223, Саратовской обл. — 1543, Оренбургской обл. — 1261, Куйбышевской обл. — 988.

В районах Западной Сибири проживало 11 778 удмуртов, из них: в Кемеровской обл. — 5003, Томской обл. — 1825, Тюменской обл. — 1398, Новосибирской обл. — 1388, Алтайском крае — 1280, Омской обл. — 884.

В районах Восточной Сибири проживало 10 255 удмуртов, из них: в Красноярском крае — 5762; Иркутской обл. — 2783; Читинской обл. — 1068; Бурятской АССР — 517.

В районах Дальнего Востока проживали 5151 удмурт, из них: в Приморском крае — 1338, Хабаровском крае — 1089, Камчатской обл. — 933, Амурской обл. — 589, Сахалинской обл. — 543.

В 1970 г. удмурты в следующих союзных республиках жили в таком количестве: в Казахской ССР — 15 739, Украинской ССР — 4910, Узбекской ССР — 1947, Киргизской ССР — 713, Белорусской ССР — 591, Таджикской ССР — 503, Молдавской ССР — 336, Туркменской ССР — 242, Эстонской ССР — 236, Латвийской ССР — 202, Азербайджанской ССР — 198, Грузинской ССР — 195,

Литовской ССР — 75, Армянской ССР — 48 человек. Всего на территориях союзных республик страны проживало 25 935 удмуртов.

Если при советской власти количество удмуртского населения неуклонно росло и по переписи 1970 г. 82,7% удмуртов признавали родным удмуртский язык, то что же мы теперь имеем в последние десятилетия — в эпоху грандиозных изменений в обществе, когда разрушена коммунистическая система, началось строительство так называемого «демократического общества»? Посмотрим на цифры, которые взяты из переписи населения, проведенной в 2002 году (бывшие союзные республики к этому времени стали отдельными государствами; на территории Российской Федерации образованы федеральные округа (ФО).

Численность удмуртов по субъектам Российской Федерации

(Данные переписи 2002 г.)

Российская Федерация	636 906
Центральный ФО	8749
Белгородская обл.	328
Брянская обл.	126
Владимирская обл.	959
Воронежская обл.	313
Ивановская обл.	495
Калужская обл.	304
Костромская обл.	222
Курская обл.	137
Липецкая обл.	155
Московская обл.	1847
Орловская обл.	146
Рязанская обл.	311
Смоленская обл.	297
Тамбовская обл.	142
Тверская обл.	411
Тульская обл.	263
Ярославская обл.	310
г. Москва	1983
Северо-Западный ФО	7680
Респ. Карелия	290
Респ. Комн	2336
Архангельская обл.	807
в т. ч. Неиецкий АО	95
Вологодская обл.	288
Калининградская обл.	392
Ленинградская обл.	959
Мурманская обл.	933
Новгородская обл.	253
Псковская обл.	167
г. Санкт-Петербург	1265
Южный ФО	12 506
Респ. Адыгея	311
Респ. Дагестан	123
Респ. Ингушетия	6
Кабардино-Балкарская	87
Респ. Калмыкия	115
Карачаево-Черкесская	67
Респ. Северная Осетия	155
Чеченская Респ.	157
Краснодарский край	3425
Ставропольский край	1141
Астраханская обл.	216
Волгоградская обл.	3073
Ростовская обл.	3630
Приволжский ФО	560 764
Респ. Башкортостан	22 625
Респ. Марий Эл	2166
Респ. Мордовия	147
Респ. Татарстан	24 207
Удмуртская Респ.	460 584
Чувашская Респ.	453
Кировская обл.	17 952
Нижегородская обл.	828
Оренбургская обл.	1416
Пензенская обл.	207
Пермская обл.	26 272

в т. ч. Коми-Пермяцкий АО	199
Самарская обл.	1608
Саратовская обл.	1800
Ульяновская обл.	499
Уральский ФО	29 848
Курганская обл.	2291
Свердловская обл.	17 903
Тюменская обл.	6310
в т. ч. Ханты-Мансийский АО	3670
в т. ч. Ямало-Ненецкий АО	809
Челябинская обл.	3344
Сибирский ФО	13 500
Респ. Алтай	60
Респ. Бурятия	339
Респ. Тыва	89
Респ. Хакасия	331
Алтайский край	920
Красноярский край	3250
в т. ч. Таймырский АО	22
в т. ч. Эвенкийский АО	13
Иркутская обл.	1895
в т. ч. Усть-Ордынский АО	38
Кемеровская обл.	2665
Новосибирская обл.	964
Омская обл.	1004
Томская обл.	1485
Читинская обл.	498
в т. ч. Агинский Бурятский АО	23
Дальневосточный ФО	3859
Респ. Саха	459
Приморский край	1130
Хабаровский край	759
Амурская обл.	486
Камчатская обл.	503
в т. ч. Корякский АО	18
Магаданская обл.	136
Сахалинская обл.	273
Еврейская автономная обл.	88
Чукотский АО	25

Цифры — упрямая вещь... В данном случае удивляет первая же строка: перепись 1970 г. фиксирует 704 328 удмуртов, перепись 1979 г. — 714 000 человек, а перепись, проведенная перед развалом СССР в 1989 г., зафиксировала в стране 747 тыс. удмуртского населения. Как до революции, так и при советской власти, шел неуклонный рост древнего финно-угорского этноса: по переписи 1939 г. было 606 тыс., в 1959 г. — 625 тыс. удмуртов. Хотя в годы Великой Отечественной войны на фронтах погибли многие десятки тысяч воинов-удмуртов, тем не менее резкого сокращения народа не наблюдалось.

Поражает то, что через 12 лет существования «демократии» в стране, по данным переписи 2002 г., удмуртов в стране осталось 636 906 человек. А где 110 094? Отсюда вычтем еще 25 935 оставшихся жить в СНГ — на территории бывших союзных республик (хотя из многих самостийных государств русскоязычное население, в т. ч. и удмурты, вынуждены были вернуться на свою историческую родину), то получим цифру 84 159. Столько удмуртов исчезло из нашей страны. Что же случилось? Вопрос открытый. Следует нам сообща разобраться в этом, раскрыть причины, мешающие выживанию и процветанию этноса.

Данные по сокращению количества финно-пермских народов — самых древних автохтонных этносов территории европейской части России — приводятся в статистическом сборнике «Финно-угорские народы России» (Сыктывкар, 2005. С. 84). На странице 18 читаем: «В сравнении с переписью 1989 г. общее сокращение численности наиболее многочисленных пред-

ставителей финно-угорского народа составило 443, 4 тыс. человек, в том числе: мордвы — 229,6 тыс. человек, удмуртов — 77,9, коми — 42,9, марийцев — 39,4, карел — 31,6, коми-пермяков — 22,0 тыс. человек».

Из финно-угорских народов только малочисленные финно-угорские народности — ханты и манси,— живущие в богатейшем нефтеносном регионе — Югре, численно увеличились.

4. Вопросы прародины и формирования этнической территории удмуртов

Как и у многих других народов, у удмуртов до сего времени одной из актуальных остается проблема изучения древних этапов формирования этноса, вопросы прародины и определение границ этнотерритории в разные исторические периоды. Общеизвестно, что язык служит одним из надежных этнических индикаторов, который помогает раскрыть генезис и межэтнические контакты того или иного народа.

«Хотя язык и является одним из наиболее характерных признаков этноса,— пишет академик Петер Хайду,— и на этом основании можно говорить о родстве не только уральских языков, но и уральских народов,— практические и теоретические соображения все же вынуждают проводить разграничение между историей языков и историей народов» (Хайду 1985: 138).

Ученый считает, что исследование происхождения и родственных взаимоотношений языков — задача сравнительного языкознания; происхождением же народов, говорящих на этих языках, древнейшими этапами их формирования и развития занимается особая отрасль науки — **праистория**. Под праисторией народа обычно понимается история древнейших стадий развития общества, того периода, пишет ученый, который характеризовался завершением развития и распадом первобытнообщинного строя. Этот период — эпоха формирования народов, этногенеза (*Там же.* С. 138—139).

Исследователь праистории, как считают ученые, может достичь цели только за счет использования достижений многих гуманитарных наук, но среди них самую важную роль для решения проблемы происхождения любого народа играют лингвистика, а также этнография, археология, антропология, которые дополняют и подкрепляют результаты, полученные методами лингвистики.

Часто встречающиеся в нашем исследовании два взаимосвязанных понятия — «прародина» и «этнотерритория» — употребляются в следующем значении: 1) прародина — место (район, регион), где шло формирование этнического ядра народа в более отдаленные от нас эпохи; 2) этнотерритория — место жительства народа (район, регион) на разных этапах исторического развития — от эпохи прародины до наших дней. Понятие «прародина» чаще всего привязывается к определенному региону и к относительно конкретному историческому периоду — к истокам этноса. Этнотерритория же в ходе исторического развития народа при благоприятных условиях может расширяться, в менее благоприятных, наоборот,— сужаться.

* * *

История вопроса прародины. Лингвистические исследования, направленные на определение прародины финно-угров / уральцев, начались в последней четверти XVIII — начале XIX вв. (А. Шлецер, Й. Клапрот, Ф. Видеманн, М. Кастрен и др.). К настоящему времени достигнуты значительные успехи, особенно в трудах венгерских, финских и эстонских ученых (Э. Сетеля, Э. Итконен, П. Аристэ, П. Хайду и др.). В академическом труде «Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков») (М., 1974) и монументальном труде венгерского академика П. Хайду «Уральские языки и народы» (М., 1985) на мировом уровне глубоко и всесторонне рассматриваются вопросы прародины уральских народов, развития языков и культур.

Я же в данном труде коснусь вопросов формирования этнотерритории, прародины только удмуртского народа.

Среди удмуртских языковедов проблема прародины до сих пор не была предметом специального исследования, не случайно при анализе истории вопроса фигурируют в основном имена археологов, этнографов и антропологов. Вопросы прародины удмуртов попутно затрагивались в историко-этнографических описаниях народов Волго-Камья уже начиная с XVIII в. (Д. Г Мессершмидт, В. Н. Татищев, Г Ф. Миллер и др.). Глубоко образованный немецкий ученый-путешественник Д. Г Мессершмидт в 1726 г., проезжая через земли северных удмуртов, одним из первых среди ученых оставил наиболее полное описание причепецкого края. Из его дневниковых записей явствует, что удмурты — коренные жители края, не они пришли из Скан-

динавии, а готы (геты) «вышли из здешних уд-муртов и прочих скифов, руннов в Швецию» (Лист 354).

«Что касается их языка, я нашел его весьма и весьма схожим с пермякским на Пелыме и т. д., с которым меня познакомил один крещеный пермяк в 1722 г. в Красноярской у устья Качи на реке Енисее» (Лист 352).

Многолетние наблюдения ученого-путешественника привели его к мысли: «По крайней мере точно то, что здешние народы, *уд-мурт*, *пор-мурт*, или вотяки, черемисы, мордвины (из которых пермяки были обращены в христианство) вместе с вогуличами, остяками или Ас-яхами, улуг-гуй и т. д. и, может быть, даже самоеды и тунгусы имеют очень заметное родство в своих наречиях, а также отчасти в обычаях и т. д.» (Лист 354).

За несколько дней пребывания на удмуртской земле он успел выяснить, что удмурты состоят из двух племенных групп *ватка* (этимологию которой связал со словом *вад* «выдра») и *калмез* (*кал* «рыба» + *мес* «человек») (Напольских 2001).

До 40-х годов XX в. в литературе об удмуртах господствовала миграционная теория, основанная на созвучии этнонимов *удмурт*, *ар*, *вотяк* с названиями народов и географических объектов разных районов России.

По Г. Ф. Миллеру, удмурты пришли с берегов Енисея, где жил народ *арины* (ср. *ар* — тюркское название удмуртов); В. Н. Татищев и П. И. Рычков полагали, что удмурты переселились из районов Ладоги и Нарвы, из так называемой Водской пятины, населенной *водью* (ср. *вотин~вотяк* — дореволюционное русское название удмуртов и *водь* — прибалтийско-финская народность); этой же точки зрения придерживался Д. Островский. По Э. И. Эйхвальду предки удмуртов вышли из Забайкалья, с берегов р. Уда (ср. первую часть этнонима удмурт — *уд*), вначале они переселились в прикаспийские степи, а оттуда — в Прикамье. В. Кошурников считал, что на территорию Вятской губернии удмурты пришли с берегов Енисея. В. М. Бехтерев вслед за лингвистами Ф. Видеманном и М. Кастреном прародину легендарной чуди — предков финно-угорских народов — поместил в Саяно-Алтайском нагорье. По его мнению, с Алтая предки удмуртов дошли до берегов Ладоги и Нарвы, а оттуда пришли в места современного жительства. Вятский историк А. И. Вештомов прародину удмуртов видел на реке Оке, где жили вятичи (он явно смешивал древних вятичей-славян и удмуртов-ватка) (Атаманов 1992: 3—5).

По проблеме прародины имеются публикации удмуртских ученых начала XX в. Так, Г. Верещагин прародину своего народа помещал в Индии. По его мнению, удские племена Индии, теснимые другими народами, двинулись с юга на север Азии, а оттуда направились в страну Биармии (Пермь). На своем пути они оставили следы своего пребывания в названиях рек и населенных пунктов: *Уда*, *Удинск*, *Верхне-Удинск*, *Удинский острог* и др. (Верещагин 1926: 8—24).

Известный удмуртский поэт и ученый Кузебай Герд писал, что каждый народ в период своего возрождения начинает интересоваться своей историей, своей культурой. Он тогда нетерпеливо и неустанно стремится познать самого себя, осознать себя как одно целое, отличающееся от других окружающих его народов своеобразным, только ему присущим укладом быта, культуры и обычаев. Особенно важный вопрос — о происхождении удмуртов, об их прародине. Вслед за И. С. Михеевым, К. Герд попытался найти этноязыковые связи удмуртов с народом *удины*, живущим на Кавказе, в нескольких селениях на стыке Армении, Грузии и Азербайджана. А. Зифельдт-Симумяги попытался найти языковые параллели в удинском и удмуртском языках: удин. *чари* — удм. *чорыг* «рыба»; удин. *бибно* — удм. *пеймыт* «темно, темный» и др. (Герд 1926: 91—95).

Основоположник яфетической школы в России академик Н. Я. Марр находил много интересных языковых параллелей удмуртскому языку и этнографии в кавказско-иберийских языках; прародину удмуртов он помещал на Кавказе (Марр 1935: 467—533).

Научно обоснованные выкладки по истории формирования этнической территории удмуртов мы находим в трудах ученых конца XIX в. — археолога А. А. Спицына и этнографа И. Н. Смирнова. Опираясь на археологические, фольклорные, топонимические данные, они пришли к выводу о том, что формирование удмуртов происходило в бассейне р. Вятки.

Свою солидную монографию «Вотяки» (Казань, 1890) И. Н. Смирнов написал, опираясь на этнографические, ономастические, фольклорные, исторические материалы. Многие его положения до сих пор не потеряли своей научной ценности.

Он замечает, что селения с названием *Вотская пустошь*, *Водское*, *Вотизовка*, *Отяцкая* мы встречаем в Вятском уезде; две деревни с названием *Водская* имеются в Орловском уезде; в Нолинском уезде мы встречаем селения *Вотяки*; в Котельническом — *Вотская*, *Воткинская*; *Одинер* — в Яранском уезде; *Одо-Сола* — в Уржумском

уезде и др. Эти данные свидетельствуют о том, что западная граница удмуртских селений не совпадала с западными границами Вятской губернии и проходила через смежные уезды Костромской и Вологодской губерний. На самой границе Котельнического уезда с Ветлужским встречается селение *Одошнур* (удмуртское поле). В смежном с Ветлужским — Никольском уезде Вологодской губернии выявляется целый ряд местных названий, говорящих об удмуртах, таковы: *р. Воцкая, р. Воча, р. Вочка, р. Вотяковская,* и др. В прилегающих с севера к Вятской губернии Устьсысольском уезде мы находим селения *Вотская, Воча, Вочевская, Вочь, р. Вотинская* и др.

Местные названия приводят к весьма правдоподобному выводу, что удмурты с коми-зырянами, коми-пермяками и остатками югры когда-то занимали своими поселениями запад Вятской губернии и смежные территории Вологодской и Костромской губерний, потом постепенно передвинулись на восток и юг.

Период, в который совершилось передвижение южных удмуртов, можно определить только ориентировочно: оно не могло произойти позже конца XIII в., так как приблизительно в это время в Арской земле уже появились татары (Смирнов 1890).

Историю расселения древнеудмуртских племен А. А. Спицын представил в следующем виде: до появления русских в районе Хлынова (совр. г. Киров) племенное объединение удмуртов *ватка* занимало земли по среднему течению р. Вятки от устья реки Моломы до реки Чепцы и вверх по реке Чепце до реки Косы. Другое племенное объединение — калмез — расселялось ниже по течению р. Вятки — по р. Пижме, на территории Яранского и Уржумского уездов. Третий по счету племенной центр удмуртов находился в Нижнем Прикамье, его жители — арские удмурты — представляли древнейшее население края (Спицын 1889: 207—232).

Один из тонких знатоков истории Вятского края, средневековой истории удмуртского народа П. Н. Луппов на основе сохранившихся исторических документов, народных преданий, опираясь на труды своих предшественников, много сделал для выяснения истории формирования удмуртского народа, особенно северной группы — *ватка*. «Перечисленные местные названия (*Вотское, Вотяки, Вотяковское* и др.— *М. А.*) указывают на то, что когда-то удмурты жили в западной половине Вятской губернии, в смежных с нею территориях Вологодской и Костромской губерний. Для местности, лежащей по среднему течению реки Вятки между городом Ко-

тельничем и устьем Чепцы, вывод этот подтверждается и данными археологии: здесь найден ряд городищ, которые, как оказалось по раскопкам, должны считаться удмуртскими» (Луппов 1901: 4).

Причиной отступления удмуртов с западных частей Волго-Вятского региона послужила марийская и русская колонизация края. В свое время профессор И. Н. Смирнов писал о том, что в Яранский и Ветлужский уезды марийские племена проникли в X—XI вв. и с этого момента началось отступление южных удмуртов на восток. Первые поселения русских колонистов, считает П. Н. Луппов, на Вятской земле можно отнести к промежутку времени между началом XIII—XIV вв. Теснимые с юга и запада марийцами, с севера — русскими, удмурты отступили на левобережные притоки Вятки. В 1489 г. Вятская земля была присоединена к Русскому государству, и удмурты должны были дать присягу на подданство Московскому государю.

После падения Казанского ханства и кровопролитных боев удмурты в середине XVI в. вынуждены были переселиться из Казанской области; «опасаясь с переменой власти лишиться своей прежней веры и не желая платить податей, ушли в башкирские земли, за Каму, и здесь вместе с черемисами, татарами и чувашами составили особый разряд населения — тептярей (т. е. людей бедных, не платящих никаких податей) (*Луппов 1901:15*).

Историк М. Г. Худяков считал, что в древности речь удмуртского типа звучала по всему Волго-Вятскому междуречью; гидронимы удмуртского происхождения с *-га, -ва, -ма, -ша* доходят до Нижегородской и Ивановской областей, а на юге — до Самарской Луки. Археологические памятники азелинского времени он связывал с древнеудмуртским этносом. Одним из древних центров формирования удмуртов, по его мнению, было Нижнее Прикамье с центром в Арске. В период господства Казанского ханства здесь существовало «удельное Арское княжество, где правили туземные (удмуртские.— *М. А.*) князья, издавна подвластные Казанскому ханству» (Худяков 1923: 48; 1935; 2008).

Археолог А. П. Смирнов и этнограф В. Е. Владыкин также считают, что основным центром формирования древнеудмуртского этноса был бассейн р. Вятки. Наличие на единой территории в хронологической последовательности сменяющихся родственных археологических культур дало возможность А. П. Смирнову сделать вывод о том, что удмурты сформировались на территории Чепцы — Вятки из общего конгломерата родовых групп, извест-

ных под именем пьяноборской, ананьинской и еще более древних культур (Смирнов 1952: 244).

По мнению В. Е. Владыкина, Вятка с ее очень удобными для лесного земледельческого хозяйствования землями становится основной областью, где группируется большая часть древнеудмуртского населения начала I тыс. н. э. На рубеже I и II тыс. вследствие столкновения с древнемарийскими племенами, вышедшими к Вятке, древняя этническая общность удмуртов была разорвана. Часть удмуртского населения уходит на юг (арская группа), другая переселяется на реки Кильмезь, Вала (калмезы) и, вероятно, достигает даже р. Чепцы (Владыкин 1969: 10).

В 50—60-е годы нашего столетия обширные археологические работы в Приуралье вел В. Ф. Генинг. Им опубликованы статьи и монографии по самым разным аспектам древней, дописьменной истории народов этого региона, особенно удмуртов. По его мнению, основой удмуртского этногенеза явилось население бассейна реки Чепцы. По археологическим материалам предположительно выделяет такие районы формирования удмуртского населения: 1) чепецкий; 2) малмыжско-кильмезскнй; 3) елабужско-можгинский; 4) ижевско-шарканский. Следует указать, что полученный в 1970—1990-е годы новый археологнческий материал в бассейнах рек Камы н Вятки помог внести коррективы в схему этногенеза удмуртов, намеченную в ряде работ В. Ф. Генинга (Генинг 1967: 271—278).

По соображению известного специалиста по праистории уральских народов венгерского академика П. Хайду, из поздняковской культуры выводимы дьяковская и городецкая культуры раннего железного века, прямыми преемниками которых являются волжские финно-угры исторического времени (марийцы, мордва, мурома, меря), а приказанская культура непосредственно предшествует ананьинской культуре раннего железного века (то есть культурному наследию предков пермских народов — коми и удмуртов). В знак великого уважения к ученому хочу привести цитату из его фундаментального труда, которая касается праистории пермских народов:

«...в середине II тыс. до н. э. уже существовало два новых, обособившихся друг от друга подразделения западных финно-угров, из которых пермская ветвь располагалась, вероятно, восточнее — это следует и из географической локализации современных пермских языков. Ее предположительной прародиной были районы к северу

и северо-востоку от излучины Волги, в нижнем и среднем течении Вятки и Камы. Помимо появления в языке признаков знакомства с земледелием и животноводством, для эпохи существования пермского праязыка характерны и другие важные языковые изменения. За примерно двухтысячелетний период существования пермской языковой общности лексика и грамматическая система праязыка приобрели характерные особенности, благодаря которым близкое родство современных коми и удмуртского языков может быть легко замечено даже неспециалистом. Важнейшим событием этой эпохи явилось то, что с образованием в VII—VIII вв. государства волжских булгар южная часть пермцев попала под влияние чувашеязычного населения этого государства. Следы этого влияния обнаруживаются главным образом в многочисленных чувашских заимствованиях в удмуртском языке. К. Редеи и А. Рона-Таш выявили в коми-пермяцком языке около 10 чувашских заимствований, проникших в X—XI вв. через удмуртское посредство».

П. Хайду, отмечая близость удмуртского и коми языков, констатирует: различие между удмуртским и коми языками примерно таково, как между французским и итальянским или польским и сербскохорватским языками (Хайду 1985: 163; 200; 60; 49).

По материалам антропологов, в частности М. С. Акимовой, есть все основания считать, что тип населения пьяноборской культуры явился исходным для формирования в последующие века удмуртского народа. Подобной же точки зрения придерживается К. Ю. Марк. Удмуртов, коми-пермяков и марийцев она относит к сублапоноидному антропологическому типу и считает, что пермские народы образуют довольно компактную группу, которая занимает более или менее центральное место среди других финно-угров (Акимова 1968: 125) (Антропологические сведения по данной теме даются в главе «Антропология»).

Марийский археолог Г. А. Архипов считал, что марийцы в IX—XI вв. пришли на Вятку не на свободное, а на занятое удмуртами место. Об удмуртах на правобережье Вятки говорят легенды, предания, топонимика. Марийцы, естественно, должны были каким-то образом установить связи с удмуртами: военное столкновение и мирное соседство (Архипов 1962: 159).

Г. В. Юсупов считал, что в погребальных комплексах Танкеевского могильника обнаруживается явно удмуртский элемент, а так называемая «вторая группа» погребений вплоть до мельчай-

ших деталей увязывается с древнеудмуртским и древнепермяцким населением Прикамья. Особенно близкие аналоги наблюдаются в древнеудмуртских могильниках бассейна р. Чепцы — Поломской, Мыдлань-Шай (Юсупов 1971: 225).

Своеобразна точка зрения по этногенезу удмуртов некоторых казанских археологов. Так, по мнению А. Х. Халикова, прародину удмуртов следует искать в верховьях рек Вычегды, Вятки, Камы; пьяноборско-азелинская общность принадлежала древним марийцам; средневековые памятники бассейнов рек Чепцы и Ижа оставлены тюрко-угорским населением; распад общепермской общности на коми и удмуртов произошел не ранее XV—XVI веков (Халиков 1985: 4—9). Суждение казанских археологов не находит поддержки среди ученых, занимающихся проблемами этногенеза пермских народов.

Критикуя одну их многих спорных положений А. Х. Халикова, Ю. А. Краснов пишет: «Кажется весьма проблематичным попытка рассматривать племена ананьинской культуры (или ананьинской культурной общности) как «еще на распавшуюся общность восточно-финского ядра», принявшего активное участие в формировании не только народов Прикамья, но и мордвы, муромы, мери, финской основы чувашей (А. Х. Халиков). Ананьинско-пьяноборские элементы в культуре этих групп населения могут объясняться обычными культурными связями родственных племен, без допущения перемещения значительных групп населения из Прикамья в Западное Поволжье». Выводы этнического порядка делаются подчас исключительно или почти исключительно на археологическом материале без необходимого учета данных других дисциплин. Неудивительно, что многие из таких выводов представляются спорными или преждевременными (Краснов 1974: 15—17).

Ведущий специалист по этнографии народов Поволжья, в первую очередь — марийского народа, профессор МГУ К. И. Козлова заключает, что пермская этногония охватывала ананьинско-пьяноборское Прикамье. А в Волго-Окском междуречье в это время формировались многочисленные племена мордовской этнолингвистической группировки. Между этими крупными этнолингвистическими массивами финно-язычных племен существовали оживленные культурные связи по волжской артерии. «Пермская группировка племенных языков располагалась в бассейне р. Камы, и азелинцы, по нашему глубокому убеждению, были не кем иным, как пермичами по языку» (Козлова 1978: 43—45).

Профессор К. И. Козлова считает, что между V—VII и IX—XI вв. некоторые родовые группы марийцев в поисках убежища и наиболее удобных для сельского хозяйства земель проникают в Вятский бассейн и, естественно, сталкиваются с здешними удмуртами. Это доказано материалами Юмского и Кочергинского могильников, но только из этого не надо делать категорического вывода, что «к IX в. правобережье Вятки в основном было занято древнемарийскими племенами» (Архипов); марийские могильники на Вятке — и Юмский, и Кочергинский — содержат всего по нескольку погребений, тогда как одновременные с ними другие остатки древнеудмуртской культуры представлены целым рядом городищ. Широкое освоение марийцами Вятского бассейна относится к более поздним булгаро-татарским временам.

О государстве волжских булгар, сыгравшем огромную роль в жизни всех поволжско-приуральских, славянских, тюркских народов края, К. И. Козлова пишет: «Прав был в свое время Б. Д. Греков, выдвинувший тезис: Волжская Булгария — «это типичное, но не феодальное, а дофеодальное государство» (Греков 1945: 35), т. е. государство «варварского» типа, в данном случае только что сколоченное аристократическим союзом кочевой знати и построенное на феодальной собственности на землю на довольно примитивных даннических «прафеодальных» отношениях» (Козлова 1978: 43—45, 53—54, 71).

Ценные материалы по марийско-удмуртским контактам, по древней территории жительства удмуртов в Волго-Ветлужско-Вятском междуречье говорят современные марийские лингвисты, фольклористы. Профессор И. С. Галкин пишет: «О том, что когда-то на части территории Марийской АССР проживали предки современных удмуртов, никто не сомневается. В Мари-Турекском р-не и в настоящее время имеется несколько удмуртских деревень». Названия населенных пунктов говорят о том, что удмурты раньше могли находиться гораздо западнее современной территории, ср. *Одо* — в Яранском р-не Кировской обл.; *Одо-беляк* в Куженерском р-не Марий Эл; *Одо-шлем* в Оршанском р-не и др. Слово *одо* в марийском языке бытует как этноним удмуртского народа. И. С. Галкин говорит, что никто не может отрицать былого пребывания пермского населения на территории Марий Эл и, «более того, даже в северной Чувашии, о чем свидетельствуют названия таких населенных пунктов, как *Муркар, Шашкар, Пошкар, Шупашкар* (Чебоксары) и др.» (Галкин 1976).

Другой марийский профессор Д. Е. Казанцев приводит те же известные этнотопонимы на *одо* «удмурт» с древней марийско-удмуртской этноконтактной зоны. Отмечает, что в бывших Яранском и Уржумском уездах, кроме топонимов удмуртского происхождения, встречаются городища, называемые *Одолем* «удмуртское жилище». В конце XIX — начале XX вв. исследованы такие городища удмуртов, как, например, Ернурское, Кармановское, Шуйское, Кузнецовское «одоилемы». В наше время открыты новые городища, принадлежащие предкам удмуртов: Старосельское — в Оршанском, Юшковское — в Медведевском, Верхнерегежское — в Куженерском, Мари-Биляморское в Мари-Турекском районах республики Марий Эл. На рубеже I—II тыс. н. э. в устье Илети (л. пр. р. Волги), очевидно, жили еще предки удмуртов. Они могли занимать весь бассейн Илети и прилегающие к нему территории (Казанцев 1985).

Известный марийский фольклорист В. А. Акцорин считает, что соприкосновение марийцев с удмуртами произошло примерно в IX—XI вв. Об этом говорят предания об *одоилемах* (удмуртских жилищах, селищах), распространенные в северной части Новоторъяльского, Сернурского, Оршанского районов Марий Эл, в Шурминском, Уржумском, Малмыжском районах Кировской области. Сюжеты предания о мирном состязании удмуртского князя с предводителем марийцев бытуют в северных районах Марий Эл (Акцорин 1980).

По скрупулезно собранным археологическим материалам Н. А. Лещинская пришла к важным выводам о том, что древности Вятского бассейна I тыс. н. э. представлены в трех последовательно сменяющихся археологических культурах: *худяковской* (III в. до н. э. — V в. н. э.), *еманаевской* (VI—IX вв. н. э.) и *кочергинской* (X—XIII вв. н. э.) и отражают процесс формирования западного очага древнеудмуртского этноса в данном регионе (Лещинская 1995).

Известный ученый-исследователь топонимической системы Урала и Русского Севера А. К. Матвеев внес большой вклад в изучение древней истории пермских, обско-угорских, прибалтийско-финских народов, саамов. Нашей темы касается ряд положений о пра-, этнотерритории пермских народов: 1) прикамский пласт гидронимов на *-юг* (по его данным 6 названий) несомненно родственен названиям рек на *-юг*, образующим весьма компактный ареал в междуречье рек Ветлуги, Унжи, Юга (около 40 топонимов).

Реликтовый гидроним -юг в Приуралье и ветлужская гидронимика на -юг (примеры с территорий Удмуртской и Коми республик в данном случае им почему-то не учтены) являются остатками общепермского топонимического пласта, некогда распространенного по всему Прикамью, а частично и Верхнему Поволжью. А. К. Матвеев считает, что топонимический материал, таким образом, подтверждает предположение об отождествлении носителей ананьинской культуры с общепермянами (Матвеев 1961: 138).

Граница ананьинской культурной общности, давно уже отождествляемая с общепермской, по данным В. Ф. Генинга, совпадает с ареалом названий на *-юга* и *-юг*, простирающимся от Белого моря до Среднего Урала. Родиной древних пермян было Прикамье, оттуда они затем проникали далеко на северо-запад вплоть до Онеги, положив начало скандинавским преданиям о Биармии (Матвеев 1965: 211).

Чувашский профессор М. Г. Федотов считает, что до прихода чуваш на правом берегу Волги жили племена, язык которых на занимаемых ими когда-то территориях исчез, но сохранилось множество топонимов, давным-давно утративших свое дотопонимическое значение, например, географические названия с апеллятивом *-кар* (зафиксированы в 6 названиях): Шупашкар, Шобашкаркасы, Шашкар, Шешкарская пристань, Муркар, Шопашкаркасси — удмуртское и коми *-кар* «городище, город». Гидронимы на *-мас (-мес)* возникли до прихода булгар, они имеют параллели в топонимии Удмуртии, Мордовии, Марий Эл (Федотов 1970: 127—135).

Один из ведущих и наиболее плодотворно работающих в области средневековой истории удмуртского народа доктор исторических наук М. В. Гришкина отмечает (ее выводы привожу в виде краткого конспекта):

— В конце XII — XIII вв. удмурты вступили в полосу событий, определяющих их исторические судьбы на многие века и продолжающих определять даже поныне некоторые явления в жизни народа и его мироощущения — менталитет, как принято сейчас говорить. Это была трагическая полоса, обильно пропитанная кровью, освещенная заревом пожарищ, пропитанная запахом гари и смерти, продолжавшаяся с небольшими передышками почти до конца XVI в.

Началом многовековой полосы испытаний для удмуртов, как и для многих народов Поволжья, стал разгром Волжской Булгарии войсками монгольского хана Батыя в 1236 г. Несметные полчища Батыя разорили и стерли с лица земли города и селения Волжской

Булгарии, истребили значительную часть населения. Не избегли этой участи и многие селения южных, арских удмуртов.

В условиях жестокого военно-феодального террора часть оставшегося в живых населения Арской земли стала уходить подальше от Камы, в лесные дебри Прикамья.

В конце XII—XIII вв. значительные события, прервавшие процесс самобытного развития местного населения, произошли и на Вятке, и на Чепце — районах расселения северной группы удмуртов.

Как свидетельствуют изыскания археологов, обнаруживших на Вятке городища, русский культурный слой которых датируется концом XII — XIII вв., началось проникновение в эти районы славянского населения. Наряду с освоением среднего течения Вятки русские стали обживать и низовья Чепцы. К XIV в. здесь оформился своеобразный политический организм — Вятская земля.

После окончательного вхождения Вятской земли в Московское великое княжество правительство форсирует переселение сюда русского населения, прежде всего с территории Русского Поморья. Интенсивная русская колонизация края приводила к дальнейшему вытеснению удмуртов с их исконных земель.

Удмурты вынуждены были уступить свои территории на Вятке пришельцам уже ко второй половине XVI в. Во второй половине XVI — начале XVII вв. они покинули и верховья Вятки. При этом, как правило, уходить приходилось в дикие «черные леса», вырубаться в чащу, отвоевывая у природы новое жизненное пространство (Гришкина 1994).

В последние четыре десятилетия самый существенный вклад в изучение древней истории, в том числе и проблем формирования этнотерриторий пермских народов, прародины удмуртов, внесла и вносит профессор УдГУ, ведущий археолог Урало-Поволжского региона Р. Д. Голдина, возглавляющая институт, который занимается изучением истории и культуры народов Приуралья. Ею выпущены монографии, опубликованы статьи, рецензии по данной теме. Ее выводы, результаты исследований глубоко ценятся, ссылки на ее труды встречаются во всех главах данной книги.

Моя точка зрения на этногенез пермских народов в основном совпадает с данными Р. Д. Голдиной, за исключением отдельных положений, например, о принадлежности поломской и чепецкой культур древним удмуртам. Пересказать все ее выводы практи-

чески по всем культурам Уральско-Поволжского региона, начиная от палеолита, кончая поздним средневековьем, показать все полученные ею результаты в данной главе нет возможности из-за их объемности. Они весьма и весьма подробно отражены в главе «Археология».

В 1992 г. мною была опубликована статья «К вопросу о прародине удмуртов по данным языка» (Атаманов 1992: 3—17). По материалам лингвистической палеонтологии, этнотопонимики, заимствованного пласта лексики была сделана попытка очертить границы этнической территории, внутри которой шло формирование удмуртского народа, начиная с древнейших времен — ананьинско-пьяноборской эпохи, кончая современностью. Помимо сведений палеолингвистики в данной книге большое место занимают археология и антропология.

Много ценного материала по данной теме можно почерпнуть из трудов О.Н.Бадера, В.А.Оборина, Э.А.Савельевой, М.Г.Ивановой, В. А. Семенова, Т. И. Останиной, А. Е. Загребина, С. В. Кузьминых, А.Х.Пшеничнюк, Н.А.Лещинской, Л.Д.Макарова, И.В.Тараканова, В. И. Лыткина, П. А. Аристэ, К. Редеи, Г. Берецки, Т. К. Ютиной, Т. А. Крюковой, И. А. Косаревой, В. К. Кельмакова, Л. Л. Карповой и многих других ученых.

4. 1. Палеолингвистические сведения по прародине удмуртов

Применение в лингвистических изысканиях данных геоботаники и зоогеографии называется лингвистической палеонтологией. Как пишет П. Хайду, если отобрать из имеющей общее происхождение лексики родственных языков совпадающие названия животных и растений и реконструировать их исходные значения, удастся в общих чертах воссоздать картину фауны и флоры, окружавшей места жительства далеких предков (Хайду 1985: 145).

Для локализации прародины привлекались общефинно-угорские / общеуральские названия деревьев: *ели, пихты, дуба, орешника, сибирского кедра, вяза, липы, рябины* и др.; зверей: *белки-летяги, горностая, норки, соболя, кунищы, ежа* и др.; рыб: *осетра, стерляди* и др.; насекомых — в первую очередь — *медоносной пчелы.*

Благодаря работам финского ученого Э. Сетяля и некоторых его предшественников, в первой половине XX в. была сформули-

рована точка зрения, согласно которой прародина финно-угров находилась в районе поворота Волги на юг, включая сюда же бассейн реки Оки (финские исследователи), по мнению же других — в бассейне Камы, Вятки и Белой (венгерские ученые). В работах, написанных до 1964 г., данной точки зрения придерживается и П. Хайду (ОФУЯ 1974: 33).

В последние годы в Финляндии, Эстонии было выдвинуто предположение о том, что территории древнего расселения уральских народов простирались от Балтийского моря до Урала (Э. Итконен, П. Аристэ, А. Йоки, Л. Янитс, К. Вилкуна и др.). Их предположения обоснованы в основном на данных археологии 50—60-х годов XX в.

После тщательного изучения данных по истории растительного мира (палеоботаники), в первую очередь, названий типичных таежных *деревьев (ели, сибирского кедра, пихты, лиственницы, вяза)* и палинологии (наука о пыльце растений), П. Хайду по-новому разработал вопрос финно-угорской / уральской прародины. Он пришел к таким выводам: место обитания уральцев в эпоху распада (разделения) следует искать в районе сибирской тайги, а именно там, где соприкасаются границы западной или северо-западной части сибирской тайги и восточной или северо-восточной части среднеевропейских смешанных лиственных лесов.

Сопоставление результатов изучения названий деревьев с данными палеолингвистического анализа указывают на то, что в VI—IV тыс. до н. э. уральцы жили в Западной Сибири, в районе между нижним течением Оби и Уральскими горами, на территории, которая в тот период отличалась весьма благоприятными (атлантическими) климатическими условиями.

«События финно-угорской эпохи протекали в западной части этой же территории; по всей вероятности, оторвавшиеся от непрочной уральской общности финно-угры смогли продвинуться в эту эпоху дальше в Западное Приуралье, к устью Камы. С датировкой распада финно-угорской общности согласуется и вывод палеоботаники, согласно которому дуб появляется в истоках Печоры только во второй половине среднего голоцена (2500—7700 лет назад): в это время (III—II тыс. до н. э.) финно-пермская ветвь уже растягивается все дальше на запад. Названия характерных для широколиственных лесов пород деревьев в финно-пермских языках также возводимы большей частью к той же эпохе» (Хайду 1985: 1555—159; ОФУЯ 1974: 35—37).

Первым этапом распада уральской общности было отделение предков самодийцев от финно-угров, происходившее не позднее, чем на рубеже V и IV тыс. до н. э. В последовавшую за этим финно-угорскую эпоху относительное единство сохраняли уже только предки современных финно-угорских народов. Процесс деления продолжился в III тыс. до н. э., когда началось формирование угорской ветви, завершившееся в начале II тыс. до н. э. Тем самым финно-угорский праязык распался на два новых праязыка, уже третьего порядка — угорский и финно-пермский. Потомками угров являются венгры, манси, ханты, к финно-пермской ветви относятся все прочие финно-угорские языки.

Разрыв языковых связей внутри финно-пермской ветви принято относить к середине II тыс. до н. э.: около 1500 г. до н. э. часть финно-угров, до того единая, разделяется на две ветви — пермскую и финно-волжскую.

Таким образом, в середине II тыс. до н. э. уже существовало два новых, обособившихся друг от друга подразделения западных финно-угров: пермская ветвь располагалась восточнее, предположительной их прародиной были районы в нижнем и среднем течении рек Камы и Вятки (Хайду 1985: 172, 200).

На этом фоне теперь можно говорить о прародине и формировании этнотерритории удмуртского, шире — пермоязычного мира. Мой основной упор — на удмуртскую часть данной проблемы.

* * *

Удмурты и их предки по финно-угорскому языковому родству являются исконными жителями лесной зоны. Весь многовековой уклад их жизни, религиозные верования, древний и современный фольклор, мифология связаны с лесом, рекой (родником), водой. Удмуртские названия таких деревьев, как *ель, пихта, осина, черемуха*, восходят к уральскому, *сосна, береза, липа, дуб, вяз, жимолость, ива, рябина, калина, орешник* — к финно-угорскому, *ольха, ветла, смородина, малина* — к волжско-финско-пермскому языковому периоду.

Судя по таким названиям, как *тыпы* «дуб», *нинпу* «молодая липа», *пашпу* «орешник», северная граница прародины удмуртов находилась южнее верховьев рек Камы, Вятки, всего течения р. Чепцы. Южная граница места их жительства, скорее всего, проходила по стыку широколиственных лесов с лесостепью, где росли дуб и орешник. Названия этих растений в современном коми языке

не сохранились или перенесены на другие виды растений и ягод, ср. удм. *пашпу* «орешник» с мар. *пӱкш*, с морд. *пяште* «орех», с фин. *pähkinä* «тж», но коми *пашкан* (*-ан* — суффикс) — «ягоды шиповника».

По данным палеоботаников дуб (удм. *тыпы* / дп. *тупу*: мар., морд, эст. фин.) произрастал в европейской части России, но совершенно отсутствовал к востоку от водораздельной линии Уральского хребта, поэтому Зауралье исключается из предполагаемых районов формирования пермских народов. Северная граница произрастания дуба начиная, по крайней мере, с ананьинского времени до настоящего дня проходит по линии Екатеринбург — Ижевск (несколько севернее) — Киров — Вологда — Санкт-Петербург (57—58° северной широты).

Северная граница места жительства пермских племен (в первую очередь пракоми родоплеменных групп) доходила до районов, где произрастал сибирский кедр (ср. к. *суспу* «кедр» / удм. *сусыпу* «можжевельник»: манс., хант. /// ненец., сельк., камас.). Кедр — типично сибирское дерево, только небольшим выступом он заходит в Восточную Европу, охватывает лишь восточную половину Республики Коми (бассейн верховий р. Печоры) и Камское Приуралье (северная часть Пермского края), где живут коми-зыряне и коми-пермяки, это в их языках сохранилось слово уральского происхождения; в волжских и прибалтийско-финских языках оно не сохранилось, а в удмуртском (в южной ветви пермских языков) произошел семантический сдвиг — *сусыпу* «можжевельник» (то же самое произошло со словом ф. -у. происхождения: удм. *пашпу* «орешник» / к. *пашкан* «ягоды шиповника»).

В районах, где жили прапредки удмуртов и коми, в географическом ландшафте преобладали холмы, поросшие лесом (ср. удм. *выр* «холм, возвышенность» / коми *вӧр* «лес»; *вӧрвыв* «продолговатая возвышенность на заливных лугах»; фин. *vuori* «гора»); а в лесах росли: **ель** (удм. *кыз* / к. *коз* «тж»: мар., морд., фин., манс., хант. /// ненец., энец. ~ прамонг. **кузи* «вид хвойного дерева»); **пихта** (удм. *ньылпу* / к. *ньывпу* «тж»: мар., манс., хант. /// сельк., камас.); **сосна** (удм. *пужым* / к. *пожӧм* «тж»: мар., морд., фин., саам.); **осина** (удм. *пипу* / к. *пипу* «тж»: морд., хант. /// ненец.); **береза** (удм. *кызьпу* / к. *кыдз* «тж»: карел., хант.); **липа** (удм. *беризь* / кп. *берись* «тж»: < иран.); **молодая липа** (удм. *нинпу* / к. *нинпу* «тж»: фин., эст., саам.); **вяз** (удм. *сирпу* / к. *сирпу* «тж»: мар. *шерба* «ясень»; мокш. *сирек* «ильм»; фин. *sarapii* «ясень»; эст. *sarapii* «ореховое дерево»);

жимолость (удм. *гузэмпу* / к. *кӧзан пу* «тж»: мар., фин.); **рябина** (удм. *палэзьпу* / к. *пелысь* «тж»: мар., фин., манс., хант.).

Вдоль рек, ручьев (удм. *шур* / к. *шор*: манс., хант., венг.), озер (удм., к. *ты*: манс., хант., венг.) росли: **ива** (удм. *бадь, бадьпу* / к. *бадь*: фин., саам., венг.); **ольха** (удм. *лулпу* / к. *ловпу*: мар. горн.); **черемуха** (удм. *льӧмпу* / к. *льӧм*: мар., морд., фин., саам., манс., хант. /// сельк., камас. ~ тюрк.); **калина** (удм. *шу, шупу* // к. *жов*: ? фин.); **смородина** (удм. *сутэрпу* / к. *сэтӧр*: мар.); **хмель** (удм. *туг* / к. *таг*).

На лесных полянах (удм., к. *куш*: морд.), на вырубках и подсеках (удм. *тыло* / к. *тыла* «подсека»; удм. *вӧльы* «подсека, росчисть» / к. *вольны* «окорить») росли: **малина** (удм. *эмезь, эмезьпу* / к. *ӧмидз*: мар., морд.); **земляника** (удм. *узы* / к. *оз*: *хант.*); **костяника** (удм. *намер* / к. *намыр*).

На сырых, топких, болотистых местах (удм. 1) *нюр* / к. *нюр*: мар., фин., манс., хант. /// ненец., сельк. ~ юкагир.; 2) удм. *куд* / к. *кад*: манс., хант., венг.) росли: **клюква** (удм. *нюрмульы* / к. *нюрмоль*); **черника** (удм. *кудымульы*); **брусника** (удм. *ягмульы*).

Для фауны прародины пермян, а еще шире — финско-пермских народов — были характерны такие звери и птицы, которые водились в таежных лесных просторах:

бобр (удм. *мый* / к. *мой*: морд., фин.); **куница** (удм. *сёр* / к. *сер*: мар., саам /// юкаг., сельк.); **соболь** (удм. нйзь / к. низь: манс., хант., венг., эст.); **горностай** (удм. *чӧжмер* / к. *чужмӧр*); **олень** (удм. *пужей* / к. *пежку* «пыжик, шкура новорожденного оленя: *пеж* + *ку* «шкура»: мар., саам., манс.); **бурундук** (удм. *урдо* / к. *орда*: мар.); **белка-летяга** (удм. *пулё* / к. *паляур, палюр*: венг., саам.); **медведь** (удм. *гондыр* / к. *гундыр* — дракон, гидра (фольк.): фин., кар. *kontio, kondie* «медведь»); **тетерев** (удм. *тур* / к. *тар*: ?фин.); **рябчик** (удм. *сяла* / к. *сьӧла*: манс., хант.); **клест** (удм. *кайсы* / к. *кальсы*); **ронжа** (удм. *жакы* / к. диал. *кень жак* «тж»).

Одним из важных аргументов в пользу прародины удмуртов в Волго-Камье говорит название пчелы: удм. *муш* / кз. [*маля*] *муш*, кп. *мош*: мар., морд., фин., венг. < доиндоиранск. **mekš*. Как известно, до недавнего времени медоносная пчела не была известна к востоку от Уральского хребта. Как пишет П. Хайду, финно-угры жили на территории обитания медоносных пчел. Однако пчела до самого последнего времени не была известна в Азии — во всей Сибири, в Средней Азии, Казахстане, Центральной Азии и Монголии (например, в Сибирь их перенесли лишь в конце XVIII в.). Зато пчелы водятся к западу от Урала, в восточной части Европы,

в основном к югу от северной границы распространения дуба, т. е. от 57—58° северной широты. Район среднего течения Волги известен как древний, знаменитый центр пчеловодства; «поэтому представлялось логичным утверждение о том, что финно-угры жили в Восточной Европе, в районе среднего течения Волги» (Хайду 1985: 146).

Думаю, что Камско-Бельский регион в древности, включающий огромные массивы смешанных, широколиственно-хвойных лесов (особенно богатые липой, кленом) Башкирии, Татарии, южных и центральных районов Удмуртии, юга Пермского края, Кировской областей, где испокон веков жили предки удмуртов, ничуть не уступал «пчеловодческим» районам Среднего Поволжья. О наличии очень развитого бортевого пчеловодства и изобилии меда у удмуртов писали многие исследователи прошлых эпох. Башкирский мед и ныне высоко ценится на мировом рынке.

У удмуртов, древнейших жителей лесной зоны Восточной Европы, существовала богатая терминология для обозначения разновидностей леса в зависимости от растущих в ней пород деревьев и кустарников, от их возраста, величины, по месту их произрастания, ср.: *тэль, нюлэс, сик, сурд, яг, тыло, варсэм, пешкезь* и др. (Атаманов 1987: 68—75).

В то же время для обозначения растительного и животного мира более южных и северных широт в удмуртском языке нет собственных названий — все они заимствованы из русского или тюркского языков. Понятия *степь, пустыня, тундра* в обиходной речи старшего поколения обозначались одним словом — *кыр* или *кыр дунне* «обнаженное, голое пространство — мир». Нередко конкретизировались: *пӧсь пал, пӧсь дунне* «жаркая стороиа (мир)» или *кезьыт пал, кезьыт дунне* «холодная сторона (мир)» (Атамаиов 1992: 3—17).

Итак, с помощью зоо- и геоботанической терминологии — лингвистической палеонтологии — мы смогли определить, что границы этнической территории праудмуртов проходили по южной половине ананьинской историко-культуриой общности, на землях которой росли *дуб, орешник, липа, вяз, ель, пихта, сосна, можжевельник* (удм. *сусыпу*), *жимолость*; водились *дикие пчелы, ежи, соболь, горностай, куница, бобр, медведь, олень, лось, змеи* и др.; птицы: *рябчик, ронжа, тетерев, глухарь* (удм. *дукъя*), *перепелка* (удм. *паляка*) и др.; в реках водились *форель, хариус* (удм. *кыны* «хариус», «форель» / к. *ком* «хариус», фии. *кепо* «форель») и другие рыбы, *раки* (удм. *кисло-кусло*), *моллюски* (*акач-тукач*). Сюда входили бассейны

нижних течений рек Камы, Вятки, Белой, некоторые левобережные притоки Волги. Здесь шло формирование удмуртских воршудно-родовых групп в единый этнос. Здесь была прародина удмуртов. На малой ее части до сих пор живут удмурты.

4. 2. Этнотопонимы и границы расселения древних удмуртов

Названия географических объектов, образованные от этнонимов, позволяют оконтурить ареалы былого расселения современных народов и этнических групп, пути их миграции. «Выявлению границ и путей расселения народов особенно способствует относительная негативность этнотопонимии, т. е. распространение этнотопонимов на иноплеменной территории, за пределами основного расселения того народа, от имени которого эти топонимы произошли, или в тех местах, где когда-то жил народ, имя которого отразилось в географическом названии» (Трубе 1970: 147—148). Топонимисты выявили такую интересную закономерность: отэтнонимические топонимы чаще всего повторяются не в центре обитания племени (народа), а в пограничной зоне, в местах стыка двух или нескольких племен разного происхождения; названия из этнонимов указывают не на средоточие народности, а на этническую неоднородность населения этого региона (Никонов 1965: 40—41). В Белоруссии много топонимов Татарка, Татарщина, хотя татарского населения здесь очень мало; в то же время названий «Белорусы» нет, ибо почти все села заселены белорусами (Жучкевич 1980: 20). Во Владимирской области, ныне сплошь заселенной русскими, нет ни одного названия «Русский», а в соседних республиках Среднего Поволжья, где русские составляют меньшинство, многочисленны названия с этим компонентом, потому что рядом есть Татарские Тимяши, Мордовская Темирсянь, Чувашские Алгаши и т. д.

Подобных примеров немало и на географической карте нашей маленькой Удмуртии, например:

Удмуртская Изопельга — Русская Изопельга (Вавожский р-н);

Удмуртская Тукля — Русская Тукля (Увинский р-н);

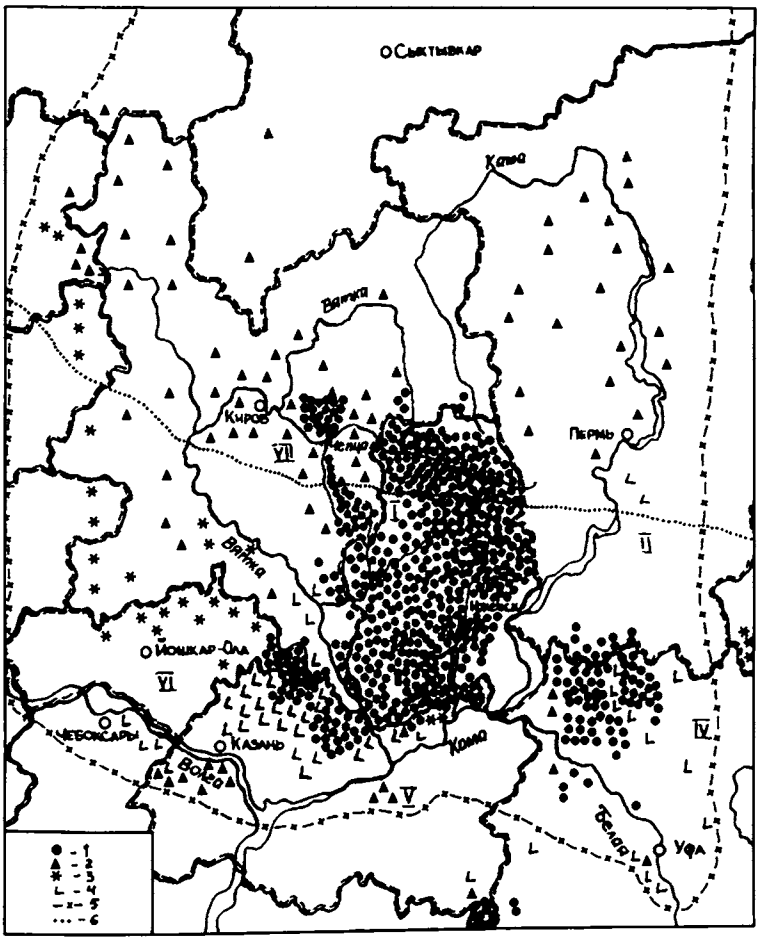
Удмуртская Бия — Русская Бия (Селтинский р-н);

Удмуртские Парзи — Татарские Парзи (Глазовский р-н);

Удмуртский Сарамак — Русский Сарамак — Мари-Сарамак (Кизнерский р-н);

Удмурт-Возжай — Мари-Возжай (Граховский р-н) и др.

За пределами Удмуртии есть несколько топонимов с этническим определением *удмурт(ский)*: Удмурт Шагирт (Куединский р-н, Пермский край.); Удмуртские Ташлы (Бавлинский р-н, Татарстан); Удмуртский Порез, Удмуртский Сурвай (Унинский р-н, Кировская обл.). По этому поводу В. А. Никонов пишет, что такое

Схематическая карта древнего и современного расселения удмуртов

1 — современные удмуртские населенные пункты; 2 — этнотопонимы *Вотяк*; 3 — этнотопонимы *Одо*; 4 — этнотопонимы *Ар*; 5 — границы ананьинской археологической культуры; 6 — северная граница произрастания дуба черешчатого

5—5159

явление нетрудно понять: там, где все население сплошь русское, бессмысленно именовать деревню «Русская» (Никонов 1965).

В данной части работы по данным этнотопонимии делается попытка выяснения границы расселения древнеудмуртских этнических групп конца I — начала II тыс. н. э.

Фактический материал для статьи взят из опубликованных списков населенных мест Вятской, Казанской, Вологодской, Костромской, Пермской, Уфимской губерний; Удмуртской, Татарской, Башкирской, Чувашской, Коми, Марийской АССР; Кировской, Пермской, Свердловской областей, а также из экспедиционных записей автора 1971—1984 гг.

В удмуртском языке для обозначения соседних народов имеются свои названия (экзоэтнонимы): *ӟуч* «русский», *бигер* «татарин», *пор* «мариец». Среди южных удмуртов известны названия *крашинь* «крещеный татарин, кряшен», *мешер* «мишар», *башкырт* «башкир», *чуаш* «чуваш», *мукшы* «мордва». В письменных памятниках зафиксированы этнонимы *сара-кум* «коми», *таулы* «мордва», ныне полностью исчезнувшие из живой речи удмуртов.

В свою очередь у соседних народов для названия удмуртов имелись свои этнонимы. Так, тюркские народы края — татары, башкиры, чувашн — называли их а р, марийцы — о д о, о д о м а р и, русские — в о т я к. Все три иноязычных этнонима удмуртов нашли отражение в топонимии Волго-Уральского региона.

1) *Одо, одо-мари* — марийское название удмуртов.

Топонимы на *одо* в Марий Эл: гора *Одо-карман* «удмуртская крепость» (д. Регеш и Большая Гора, Сернурский р-н); роща *Одо-салма* (д. Верхний Кугенер, Сернурский р-н); д. *Одо-беляк* «земля, занимаемая удмуртским родом» (в Куженерском р-не); микротопонимы *Одо-илем* зафиксированы в Новоторъяльском, Сернурском, Куженерском, Оршанском районах; лесная поляна *Одо нур* «поляна (поле) удмуртов» (д. Марий Пыжай Сернурского р-на); дорога *Одо куржмо корно* «дорога, по которой бежали удмурты» (с. Лажъял Сернурского р-на); ложбина *Одо салма корем* «ложбина удмуртов, ровный, гладкий, как сковорода» (с. Лажъял Сернурского р-на); роща *Одо салма ото* «удмуртская роща на ровном, низменном месте, как сковорода»; д. *Марий Одымаш, Руш Одымаш*: *одо* + *-маш* — детерминатив (Моркинский р-н);

в Кировской обл.: д. *Одо-сола*, д. *Одо-беляк*, д. *Одинер* (в бывшем Уржумском уезде); поч. *Подомари (<Одо-мари)* (в бывшем Орлов-

ском у.); д. *Одо,* д. *Одинер* (в бывшем Яранском у.); *Одо вончак* «удмуртский брод (переправа) на Вятке;

в Вологодской обл.: д. *Одуево,* д. *Одошчино* при р. Сухоне (в бывшем Устюжском у.);

в Костромской обл.: д. *Одошнур* («удмуртское поле»), д. *Одошнурский,* д. *Никольско-Одоевское,* д. *Троицко-Одоевское* (в бывшем Ветлужском у.);

в Горьковской обл.: д. *Одошнур,* д. *Одинер* («удмуртская река») (в Тоншаевском р-не);

в Татарстане — могильники: *Кугу Одо-шӱгар* («Большое удмуртское кладбище») и *Изи Одо-шӱгар* («маленькое удмуртское кладбище») (д. Карманково, Елабужский р-н);

в Свердловской обл.: *Одо-сола* «удмуртская деревня» — неофициальное название д. Марийские Ключики; *Одо* — название улицы в д. Усть-Маша; *Одо* — название центральной части д. Верхний Бугалыш; *Кугу-одо* — околоток д. Ува; *Изи-одо* — околоток д. Ува (все в Красноуфимском р-не).

Одо — один из древних этнонимов, связанных с удмуртами. По моему убеждению, в основе самоназвания народа *удмурт*: *уд* + мурт, марийского названия удмуртов *одо, одо мари* и русского названия удмуртов — *от* + ин, *от* + як (*вот* + ин, *вот* + як) лежит одно и то же слово иранского (осетинского) происхождения *уд* ~ *од* «душа; дух; жизнь», вероятно, проникшее к предкам удмуртов и марийцев от сармато-алан в конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э., т. е. еще до начала великого переселения народов, когда ираноязычные кочевники были хозяевами огромных степных и лесостепных регионов современной России, Казахстана, Украины и имели тесные контакты с древнеудмуртскими и древнемарийскими племенами, о чем говорят многочисленные заимствования в этих языках.

Как можно заметить, ареал топонимов на *одо* находится в междуречье Ветлуги и Вятки, который охватывает северную часть Марий Эл и прилегающие к ней юго-западные районы Кировской, крайне восточные пределы Горьковской, Костромской, Вологодской областей, непосредственно примыкающие к Вятской земле. Мы полагаем, что как раз на этой территории произошли первые контакты худяковско-азелинских (древнеудмуртских) племен с предками марийцев. Наши предположения подтверждаются археологическими и фольклорнымн данными. Река Ветлуга служила естественным рубежом между древнеудмуртскими и древнемарийскими племенами с самых древнних исторических эпох.

Что же касается топонимов на *одо* в Красноуфимском районе Свердловской области, то они возникли довольно поздно, ибо их создатели (марийцы) и те, кого этим этнонимом называли (удмурты), на Урале появились лишь в XVI—XVII вв. В сравнении с марийцами, удмуртов в этом районе было немного, и постепенно, путем брачных связей, они начали поглощаться количественно превалирующим марийским населением. Ныне удмурты сохранились лишь в д. Юва и Верхний Бугалыш.

2) Ар — тюркское (татарское, башкирское, чувашское) название удмуртов; в рус. летописях также *аряне, арские люди.*

Топонимы на *ар* в Татарии: рч. *Ар йылгасы,* приток р. Киня; рч. *Ар йылгасы,* приток р. Кушкетки; рч. *Ар йылгасы,* приток р. Шошмы; д. *Арбаш;* улица *Ар урамы* (д. Янгулово); болото *Ар сазлыгы* (д. Нурмабаш); луг, долина *Ар узэнлеге* (д. Кушкетбаш) — все в Балтасинском районе; д. *Верхний Арбаш,* д. *Нижний Арбаш;* кладбище *Ар мазары* (д. Вахитово); луг *Ар болыннары* (д. Поршур) (все в Кукморском р-не); рч. *Ар йылгасы,* приток р. Малая Меша; рч. *Ар тавы йылгасы,* приток р. Малая Меша; гора *Ар тавы* (д. Явлаштау) (все в Сабинском р-не); д. *Арбаш, Арташ, Большой Арташ, Малый Арташ, Арташ (Арняш) при ключе, Нижний Арташ при р. Берсуте* — все в бывшем Мамадышском уезде; рч. *Ар* (в бывшем Цивильском у.); рч. *Глухой Ар* (в бывшем Свияжском у.); пос. *Арск* (тат., удм. *Арча),* киремет (место моления) *Арлар кешесе кирэмэты* (д. Казанбаш, Арский р-н); улица *Арлар урамы* (д. Татарский Дымский, Бугульминский р-н); *Арское поле* (часть г. Казани); рч. *Ар Баржысы йылгасы* (д. Кырынды, Агрызский р-н); роща *Ар каенлык* (д. Ашпайкино, Елабужский р-н). Один из татарских джиенов носил название *Ар джиены* (с. Морты, Елабужский р-н);

в Чувашской АССР: д. *Ар-касси* (в бывшем Чебоксарском уезде); д. *Ар-Сёнтёр* (в бывшем Козьмодемьянском у.);

в Башкирской АССР: рч. *Ар,* приток р. Быстрый Танып (в Аскинском, Балтачевском районах); рч. *Ар,* приток р. Буй (в Татышлинском р-не); рч. *Арйылга,* приток р. Усень (в Белебеевском р-не); гора *Ар тауы* (д. Новоабдуллино, Ишимбаевский р-н); д. *Арбашево* (в Аскинском р-не); д. *Арибаш* (в Татышлинском районе); д. *Арово* (в Чишминском р-не); д. *Ариево* (в Дуванском р-не); д. *Аринский* (в Архангельском р-не); д. *Арларово* (в Ишимбаевском р-не);

в Пермской обл.: рч. *Ар Башап,* улица *Ар жыены* (д. Танып, Бардымский р-н);

в Свердловской обл.: луг *Ар болын* (в Артинском р-не);

в Кировской обл.: рч. *Арсаба*, рч. *Арборка* (в бывшем Уржумском у.); рч. *Арбаж*, рч. *Ар-Пиштанка* (в бывшем Яранском у.); д. *Аркуль*, д. *Аринер*, д. *Арпорек* (в бывшем Малмыжском у.).

Этнотопонимы на *ар* как бы полукольцом окружают юг Удмуртии, но особенно много их в камско-волжских районах Татарии, на территории бывшей Арской земли. Коренным, автохтонным населением здесь были удмурты (*ары, аряне, арские люди* русских летописей) — потомки создателей худяковско-азелинской культуры. Немало этнотопонимов на *ар* на территории Башкирии.

3) *Вотяк* — русское (дореволюционное) название удмуртов.

В исторических источниках встречаются такие фонетические и лексические варианты этнонима: *отин, отяк, вотин*, а также *чудь отяцкая* («Повесть о стране Вятской»), *черемиса, зовемая отяки* («Сказание о царстве Казанском»), кроме того, в топонимии зафиксированы *утяк, вотча, вотца, вочь, вочкари.*

Топонимы «вотяк» на территории Кировской обл.: д. *Вотская Пустошь, Водская, Водское, Вотское, Отяцкая (Вотская), Вотизовская, Вотинский, Вотинцовых, Вотяки Малые (Мало-Золотаревская), Вотяки Малые (Золотаревская)*, рч. *Вотизовка* (все в бывшем Вятском уезде); рч. *Водская*, рч. *Водская (Водчана)* (в бывшем Котельническом у.); д. *Вотяки (Вотяковская)*, поч. *Вотищевский* (в бывшем Нолинском у.); поч. *Водский*, рч. *Вотская* (в бывшем Орловском у.); д. *Вотская, Вотинцовых (Вотинцы), Вотская, Лема Вотская, Вотизовская Пустошь*, поч. *Вотской* (в бывшем Слободском у.); д. *Вотская* (в бывшем Уржумском у.); поч. *Нижневодское Городище* (в бывшем Яранском у.); поч. *Малоотяцкий*, д. *Отяцкая (Отяковская, Вочкари), Водской Заимки, Вотско-Тимшинская, Вотский Сырвай, Вотский (Черный большой ключ), Вотский (Черный малый ключ)*, рч. *Водка* (в бывшем Глазовском у.); поч. *Вотской*, поч. *Вотский Китяк* (в бывшем Малмыжском у.);

в Коми АССР: д. *Вотская* (в Визингском р-не), д. *Вотинская* (в Прилузском р-не);

в Вологодской обл.: д. *Вотяковская*, рч. *Воцкая*, рч. *Малая Воцкая*, рч. *Воча*, погост *Вочь*, рч. *Вотяковская*, рч. *Вотякова* (в бывшем Никольском у.); д. *Вотца* (в бывшем Сольвычегодском у.); рч. *Вотча* (в бывшем Тотемском у.); рч. *Вотча* (в бывшем Вологодском у.), д. *Вотинская*, рч. *Вотинская*, ручей

Вотинский, д. *Семеновская (Вотинская)*, д. *Вотская (Вочкая)*, д. *Вочевская (Вочь)* (в бывшем Устьсысольском у.);

в Костромской обл.: рч. *Воча* (в бывшем Солигаличском у.);

в Татарской АССР: рч. *Отяк*, приток р. Волги; поле *Отяково* (на Свияге, около впадения ее в Волгу), д. *Утяк на Свияге;* д. *Большой Утяк (Городище)*, д. *Малый Утяк (Тенибеково)*, д. *Утяково* (в бывшем Свияжском у.); в бывшем Чистопольском уезде имелись деревни *Малое Утяково, Утяково, Вотяково (Хутор);* д. *Воткин*, другое назв. *Вотский* (в Бавлинском р-не); курган *Вотская Шишка* (д. Полянка, Елабужский р-н); д. *Вотский Юраш* (в Елабужском р-не);

в Башкирской АССР: д. *Вотикеево* (в Уфимском р-не); д. *Вотская Ошья, Вотская Урада* (в Янаульском р-не); д. *Воткурзя* (в Бураевском р-не); д. *Вотский Менеуз* (в Илишевском р-не);

в Свердловской обл.: рч. *Ближняя Вотяковка*, рч. *Дальняя Вотяковка*, гора *Вотская* (в Ачитском р-не);

в Пермском крае: д. *Вотяково* (в Верещагинском р-не); д. *Вотяки* (в Ильинском р-не); д. *Вотякова*, д. *Вотинова*, д. *Отево* (в Кудымкарском р-не); д. *Отяково* (в Осинском р-не); д. *Вотяково* (в Юсьвинском р-не). По дореволюционным спискам населенных мест Пермской губернии стали известны еще следующие названия: д. *Вотякова* (всего их три), д. *Вотинова* (в Соликамском у.); д. *Вотскова* (в Чердынском у.); д. *Вотяки*, (всего их три, в Пермском у.); д. *Вотинова*, д. *Вотинов*, д. *Вотяки (Вотинова)* (в Оханском у.).

Как можно заметить из данного списка, топонимы с этнонимом вотяк (*отяк, отин, вотин, вочь, утяк*) плотным кольцом окружают Удмуртию, но в самой республике имеется лишь одно селение, носящее этот этноним,— д. *Вотино* в Балезинском р-не.

Для выяснения истории возникновения этнотопонимов *Вотяки* следует особо выделить западный и восточный их ареалы. По нашим данным, восточный ареал, распространенный в Приуралье, на территории Пермского края и Свердловской области, Башкирии сравнительно молод — возник в пределах XVI—XVIII вв. Относительно Пермского края Л. М. Майданова пишет, что движение удмуртов на северо-восток, в район Перми и Соликамска, не было особенно интенсивным. В 1579 г. писец Яхонтов называет только одну деревню *Вотскую* в районе г. Чердыни. По данным М. Кайсарова, в 1623 г. появляется починок *Вотское городище* в Соликамском р-не. В период 1695—1701 гг. возникает еще одна

деревня *Вотякова* в том же районе. Переселение удмуртов на северо-восток происходило в основном уже в XVIII в. В переписанных книгах 1678—1679 гг. несколько удмуртскнх семей зафиксировано в Кунгурском уезде (Майданова 1962: 25—26; Преображенский 1956: 90).

В исторических документах XVI в. имеются первые сообщения об удмуртах Закамья. Так, в грамоте царя Иоанна Васильевича от 6 августа 1572 г. они упоминаются в связи с их участием в антиправительственных действиях совместно с марийцами, ханты, ногайцами. В другой грамоте от 16 ноября 1582 г. говорится о совместных выступлениях удмуртов с вогуличами и пелынцами (мансийские группы) (Миллер 1937: 211, 338, 342). Судя по этим документам, во второй половине XVI в. в Западном Приуралье жила уже какая-то часть удмуртского населения.

Начало переселения части удмуртского народа в Приуралье, без сомнения, связано с падением Казанского хаиства, разрушением Арского княжества и последствиями многолетних восстаний арских людей (удмуртов) и черемис (марийцев) на Арской земле. Скрываясь от преследований новых властей, удмурты бежали на Урал на старую пратерриторию — в бассейн р. Белой. Участь беженцев была печальной: эти небольшие группы постепенно обрусели (север Пермского края), отатарились — в центральных и южных районах края. Согласно преданиям татар деревень Танып Бардынского, Епанаево Октябрьского и Усть-Турка Кунгурского р-на Пермского края в их селениях живут потомки отатарившихся удмуртов (Пермские татары 1983: 155—158). Об отпадении в иачале XX в. удмуртов в ислам — 567 человек Пермского уезда, 6 — Оханского, 943 — Осинского уездов — писал Н. В. Никольский. Немалая часть удмуртов юго-западных районов современной Свердловской области вошла в состав марийского народа, только в деревнях Верхний Бугалыш и Ува Красиоуфимского р-на сохранились несколько семей, говорящих на родном языке.

О западном ареале (Кировская, восточиые пределы Костромской, Вологодской обл., юг Республики Коми, приволжские районы Республики Татарстан), об этнонимах *Вотяки* можно сказать следующее: если первые русские поселения на Вятке, по мнению археологов, появились на рубеже XII—XIII вв. (Гусаковский, Макаров), вероятно, к тому времени и относится появление здесь вышеназванного этнотопонима. Русские с удмуртами познакомились

через марийцев — западных соседей удмуртов,— от них освоили этноним — марийское название удмуртов в форме *от* + *ин*, *от* + *як* (< мар. *одо*).

Более сложный вопрос связан с возникновением этнотопонимов *Вотяки* ~ *Вотча* ~ *Вотца* ~ *Вочь* в бассейнах рек Юг, Луза, Сысола, Сухона, в верховьях Ветлуги, на территории Вологодской, Костромской, северо-западной части Кировской областей, юго-западных районах Республики Коми — коми-вепсско-удмуртской этноконтактной зоне. Никаких сведений о пребывании в этом регионе удмуртов не сохранилось. Но в конце XX в. археолог Н. А. Макаров на территории Вологодской области, на р. Шексне, на поселении Крутик и Т. В. Истомина на юге Республики Коми, на р. Сысоле, возле с. Вотча, выявили археологические памятники конца I — начала II тыс. н. э., оставленные древнеудмуртским поломско-чепецким населением (Макаров 1982: 130; Истомина 1999: 76—100).

В. И. Лыткин допускает, что этноним *пермь*, появившийся в русских источниках с IX в. (из вепсского *perä maa* «задняя земля»), русские могли относить не только к коми, но и к удмуртам. Не исключает он возможности, что с предками вепсов коми встретились, живя еще где-то близко к удмуртам (Лыткин 1971: 13—15; 1953: 48—69).

Еще один факт в пользу проживания определенной части североудмуртского населения на стыке коми-вепсской этноконтактной зоны — удмуртское название русских — *ӟуч* < **роч*, этимологически единый с коми *роч* «русский». Авторы КЭСК считают его заимствованным из прибалтийско-финских языков, в которых оно обозначало жителя Скандинавии, ср. финское *ruotsi* «швед»; удм. ӟуч < **роч* является коми заимствованием. Первыми этот этноним освоили северные удмурты, живущие в коми-удмуртской этноконтактной зоне.

Древнерусский этноним *отяк* татарами был освоен в форме *утяк*. Этнотопонимы *Утяк*, *Утяково* зафиксированы в бывшем Свияжском, Чистопольском уездах Казанской губернии.

Хочу обратить внимание читателя на такой, казалось бы, малозначимый, но интересный факт, связанный с историей удмуртского народа: за пределами основного ареала распространения этнотопонимов *Отяк* ~ *Вотяк* выявляется в далекой дали еще один топоним, образованный от данного этнонима,— в Подмосковье. А. Ф. Теплоухов, со ссылкой на финского академика Шегрена, по

данному ойкониму делает вывод: «пермский народ некогда живал и западнее — доходя до Москвы — подтверждается существованием в Серпуховских волостях дер. *Отяковой*, т. е. Вотяковой» (Теплоухов 1924: 107).

Другое, на наш взгляд, более объективное и верное толкование возникновения этого названия дает П. Н. Луппов: как известно, в 1489 г. Вятская земля была присоединена к Москве, при этом вятчане были приведены к присяге на верность Московскому великому князю. Часть сепаратистов была выведена из Вятской земли и поселена в нескольких селах под Москвой, предположительно среди них оказались и отяки (удмурты); на южной границе Московского великого княжества одно из поселений вятских сведенцев было названо «*Вотяково*» (Удмурты... 1958: 33). Софийская вторая летопись по этому поводу сообщает: «Они же (всеа Руси рать, ...со многими силами.— *М. А.*) шедшее городы их поимаша, а самех Вятчан к целованью (к присяге на верность.— *М. А.*) приведоша, а *арян* (удмуртов.— *М. А.*) к роте (к присяге на подданство.— *М. А.*) приведоша...» (ПСРЛ, т. 6. СПб, 1853: 239).

* * *

Итак, географические названия, образованные от этнонимов *одо* (марийское название удмуртов), *ар* (тюркское название удмуртов), *вотяк* (устаревшее русское название удмуртов), — **этнотопонимы** — помогли выявить ареалы и очертить границы былого расселения древнеудмуртских родоплеменных групп. Судя по ним, южная граница этнической территории древних удмуртов проходила несколько южнее линии городов Чебоксары — Казань — Уфа (по лесным районам Татарии, Башкирии); западная — по р. Ветлуге — левому притоку р. Волги; северная — по верховьям р. Камы, Вятки до слияния рек Юг и Сухона; восточная граница жительства древнеудмуртских родоплеменных групп с трудом определяется, скорее всего, она простиралась по линии от истока Камы — г. Оса (по р. Тулве) — пос. Чернушка (в Пермском крае) до среднего течения р. Уфы и несколько южнее ее впадения в р. Белую (центральный и северо-западный районы Башкирии).

Этнотопонимы *Одо, Ар, Вотяк* характерны для южной, наиболее густо заселенной части Волго-Камского региона. Именно на этой территории к III в. до н. э. на основе ананьинской археологической культуры (VIII—III вв. до н. э.) сложился пьяноборский

союз племен, который послужил этническим ядром в формировании древнеудмуртской этноязыковой общности.

Основные поселения праудмуртов располагались по берегам крупных рек Камы, Вятки, Белой и на многочисленных их притоках, вплоть до среднего течения Волги. На этой территории выявлены многочисленные археологические памятники, связанные с древнеудмуртскими родоплеменными группами: городища, селища, могильники, культовые места, клады. Многочисленны здесь и географические названия — топонимы, расшифровывающиеся с помощью удмуртского языка (см. в главе «Лингвистика»).

С началом великого переселения народов, под напором многочисленных пришельцев азиатских степей и племен Сибири в середине I тыс. н. э. значительная часть праудмуртских родоплеменных групп вынуждена была уйти из обжитых южных территорий (центральные районы Башкирии, приволжские районы Татарии, Чувашии, берегов крупных рек) в более северные малообжитые таежные районы. В это время заселяется вся территория современной Удмуртии, включая и бассейн Чепцы, находящейся за линией произрастания дуба.

В начале же II тыс. н. э. под напором тюркской и славянской колонизации Поволжья к р. Вятке вышли марийские племена, оттеснив при этом правобережных удмуртов на левобережье Вятки.

Бурные события, связанные с татаро-монгольским нашествием на Русь и Волго-Уральский регион — образование Золотой Орды, позднее Казанского ханства — массовое освоение русскими Вятской земли, Прикамья сопровождались сужением этнотерритории удмуртов. К концу XVII в. этническая земля удмуртов приобрела современные очертания.

Таким образом, собранные и проанализированные мной исторические материалы свидетельствуют о том, что удмурты являются коренным, автохтонным населением Волго-Уральского региона. По моему глубокому убеждению, бассейны реки Вятки, нижних и средних течений рек Камы и Белой, левобережные притоки среднего течения р. Волги были основными центрами сосредоточения и формирования древнеудмуртского этноса. Здесь была их прародина. Прийти к такому выводу помогли этнотопонимы *Одо, Ар, Вотяк*, связанные с экзоэтнонимами удмуртов, а также данные палеолингвистики, археологии.

5. Происхождение удмуртского воршуда

О *воршудах* — родовых божествах, хранителях семейно-родового счастья и связанных с ними обрядах, а также о семейно-родовых группах, поклоняющихся этому божеству, составляющих одну сакраментальную воршудно-родовую группу,— писали многие, по ним имеется обширная литература, начиная уже с середины XVIII в. Практически каждый исследователь удмуртов в той или иной степени касается проблемы происхождения воршудов. Наибольшее количество публикаций приходится на конец XIX — начало XX в.: Б. Гаврилов, М. Бух, Н. Г. Первухин, П. М. Богаевский, Г. Е. Верещагин, И. Н. Смирнов, У. Харва (Хольмберг), А. Хямяляйнен, М. Г. Худяков, П. Н. Луппов, М. О. Косвен и многие другие. В годы советской власти, в эпоху атеизма, публикации по данной теме практически прекратились. Лишь в конце XX в. вновь появились статьи (С. К. Бушмакин, В. Е. Владыкин, М. Г. Атаманов), монографическое исследование по происхождению удмуртского воршуда (М. Г. Атаманов).

Проблема удмуртских воршудов — микроэтнонимов — по-своему является уникальной, так как не только среди финно-угорских, но и всех других европейских народов лишь у удмуртов сохранились реликты родовых делений, восходящих к эпохе матриархата, к тотемизму. Один из тонких знатоков удмуртской истории, этнографии, археологии, фольклора, составитель удмуртского эпоса М. Г. Худяков отметил, что изучение удмуртских воршудно-родовых делений проливает свет на историю удмуртского народа и может привести нас к самым истокам его существования. «История народа слагается из истории отдельных родов, и изучение последних дает возможность проследить судьбы вотского народа, восходящие к отдаленным временам дорусской и добулгарской эпохи» (Худяков 1920: 13—14).

Труды Н. Г. Первухина — целая эпоха в удмуртоведении. Он в течение всей своей жизни собирал сведения о воршудах путем расспросов священников удмуртских приходов, местной интеллигенции, учащихся-удмуртов. Ему удалось обнаружить на территории Глазовского уезда следы 50 воршудно-родовых групп и на этой основе высказать предположение о том, что у удмуртов существовало 70 воршудных групп. Дальнейшие исследования подтвердили предположение Н. Г. Первухина. По его даниым:

1) *воршуд* — это родовое божество, носящее имя родоначальника, или, как он замечает, скорее родоначальницы; 2) идол, а иногда,

может быть, и символический знак рода; 3) *воршудом* называется воршудный короб, который помещается в святилище — *куала*; 4) значение слова *воршуд* — род, поколение, относящееся исключительно к лицам женского пола. Это фамилия матери, переходящая через дочку к внучке и таким образом сохраняемая в потомстве. Как считает Н. Г Первухин, название «*воршуд*» происходит из двух слов: глагола *вордыны* «хранить, оберегать (растить, взрастить), держать в тайне» и существительного *шуд* «счастье в смысле благополучия, а также и счастье в смысле участи, доли, жребия» (Первухин 1888: 19, 22, 24, 39).

По определению М. Г. Богаевского, «воршуд — хранитель счастья и покровитель семьи. Некоторые воршудные имена объясняются народом как название давно забытых богинь-женщин, таковы *Норъя*, *Туръя*. Богини эти, говорят вотяки, были чрезвычайно богаты и сильны, поэтому род, носивший их имя, отличается силою и могуществом» (Богаевский 1890: 42; 1888: 40).

Одной из основополагающих работ по воршудно-родовой организации удмуртов является статья академика М. О. Косвена «Распад родового строя у удмуртов». Анализируя и «историзируя» наличный этнографический материал по удмуртам, он пришел к выводу: на известной стадии развития языка эти слова представляли собой женские имена,— названия богинь-женщин; родовые имена имеют в основе тотемическое происхождение.

Известный этнограф, фольклорист, чл.-кор. АН СССР Д. К. Зеленин посвятил статью анализу удмуртского воршуда. Он считает, что некоторые родовые имена удмуртов восходят к именам животных, очевидно, тотемов, нередко одно и то же племя имело два тотема: один животный, а другой растительный. В эпоху патриархального строя, считает исследователь, культ воршуда слился с культом умерших предков, и воршуд получил человекообразную форму; появились и особые изображения духа-предка, хранителя семейного очага и счастья — идолы (Зеленин 1948 / 1980: 118—132).

Камнем преткновения в изучении воршудных имен стала расшифровка их этимологий, почти все 70 воршудных имен, за исключением *Юсь(ка)*: *юсь* «лебедь», *Юбера*: *юбер* «дрозд», не поддавались расшифровке. Многие стали считать, что они не объяснимы на материале удмуртского языка, вероятно, они заимствованы из какого-нибудь ныне исчезнувшего языка (Потанин 1884: 190; Смирнов 1890; Зеленин 1948: 1—2 и др.). Так, профессор И. Н. Смирнов писал: «Каковы бы ни были по своему значению все рассматрива-

емые имена, они имеют одну общую черту — они не объяснимы из вотского языка и должны быть отнесены к категории заимствованных и, вероятнее всего, у чуди» (Смирнов 1890: 57).

В результате сбора и анализа огромного количества лексического материала по всем удмуртским диалектам, а также по некоторым родственным языкам, после знакомства с архаичной лексикой, историзмами из лексикографических работ лингвистов, а также этнографов, фольклористов, был накоплен значительный материал, давший мне возможность расшифровать этимологии около половины тех сакральных названий, а другая половина, к сожалению, остается не раскрытой. Факт этот показывает, насколько древни удмуртские воршудные имена.

Некоторые этимологии предлагаю своим читателям: *биё* «улитка» > **Бия**; *дукъя* «глухарь» > **Дӧкъя**; *дургали*, *дурга-дарга* «майский жук» > **Дурга**; *ӟаны* «водяной паук» + *-ка* — аффикс > **Ӟанка**; *ӟоз*, диал. сев. *ӟезы* «кузнечик» + *-я* — аффикс > **Ӟезья**; *юмы* «овод, паут» + *-я* — формант > **Юмъя** > **Ӟумъя**; *ин* (**инм*) «небо» + **ес* ~ *йӧс* «люди; народ» > **Имъес** (Инмес, Иммес); *какся* «цапля» > **Какся**; *кибы* «букашка, жучок, мелкое насекомое» + *-я* — аффикс > **Кибья**; *коньы* «белка» + *-га* — аффикс > **Коньга**; *куака* «ворона» > **Куака**; **куӵ* «хищная птица; орёл» (ср. *пиякуш* «канюк; коршун»; *уртkыӵ* «летучая мышь»; *чуньыкыӵ* «ястреб-тетеревятник») + *-я* — аффикс > **Кушья**; *лузь* / к. *лӧдз* «овод, слепень» + *-а* — аффикс > **Лӧзя**; коми *маля*: *малязі*, *малямуш* «пчела; шмель» > **Маля**; *-мень*: *ичимень* «сноха; невестка» + *-я* — аффикс > **Мӧнья**; *ныл* «девочка, девушка» + *-га* — аффикс > **Ныльга**; *паляка* «перепелка» > **Паляка**; *пелё* «филин; сова» + *-га* — аффикс > **Пельга**; *пӧськы*, диал. *поськы* «стриж» > **Поска** ~ **Поська**; *пыӵ*, диал. *пыш* «блоха» + *-я* — аффикс; > **Пышья**; *сьӧм* «рыбья чешуя» + *-а* — аффикс > **Сьӧма**; *сёр* «куница» + *-а* — аффикс > **Сюра**; *сян* ~ *чан* «норка» + *-я* — аффикс > **Сянья**; *тур* «тетерев» или *тури* «окуравль» + *-я* — аффикс > **Турья**; *узьы* «младшая сестра мужа; золовка» + *-я* — аффикс > **Узя**; *уля* «пескарь» > **Уля**; коми *ур* «белка» + *-га* — аффикс > **Урга**; *чипы* «птенчик»; «цыпленок» + *-я* — аффикс > **Чипья**; *сяла* «рябчик» > **Чола**; коми *чуйпи* «щуренок, маленькая щучка» (*пи* «детёныш; молодь» > **Чуйя** + *-я* — аффикс; **чунчы* «крот» > **Чунча**; *юбер* «дрозд», диал. «скворец» + *-а* — аффикс > **Юбера**; коми *йӧра* «лось» > **Юра**; *юсь* «лебедь» + *-ка* — аффикс > **Юська** (см. Атаманов 1977: 25—30; 1980: 3—50; 2001).

Как видим, в основе большинства расшифрованных древнейших воршудно-родовых имен лежат названия **зверей**: *белка, куница, нор-*

ка, крот, лось; **птиц**: *цапля, глухарь, ворона, орел, перепелка, стриж, тетерев (~ журавль), птенчик, рябчик, дрозд, лебедь*; **насекомых**: *майский жук, водяной паук, овод, букашка, слепень, пчела*; **рыб, моллюсков**: *улитка, пескарь, рыбья чешуя, щука* — предполагаемых тотемов рода. В качестве тотема, видимо, мог стать сам человек (см. этимологии воршудов *Мӧнья, Узя, Ныльга, Имъес*).

Подобные удмуртским *воршудам* древнейшие родовые объединения были у всех народов мира, названия которых также с трудом поддаются этимологии. Классический пример: как отмечает Д. Хайтун, из 70 названий австралийских фратрий смогли объяснить значение лишь 30, другие остаются непонятными. В основе подавляющего большинства известных этнонимов австралийцев оказались названия животных, чаще всего птиц. Но в отдельных случаях тотемами могли стать явления природы и даже сам человек (Хайтун 1958: 16, 33). Удмуртский материал в основном показывает то же самое: из 70 воршудов мне удалось расшифровать лишь чуть более половины названий древнейших микроэтнонимов. Но и это количество дает возможность говорить о несомненной связи воршудных имен с тотемизмом.

Трудами многих поколений ученых установлено, что тотемические верования фантастически отражают раннеродовое общество, основой хозяйства которого были охота и собирательство, и что развитому роду тотемизм не свойственен. «Тотемизм является фантастическим отражением примитивных материальных условий жизни и социальных отношений бродячих охотников и собирателей, отражением их бессилия в борьбе с природой»,— считает Д. Е. Хайтун. По его мнению, тотемизм возник уже в начале верхнего палеолита (Хайтун 1958: 108).

По мнению крупного специалиста в области истории религии А. Донини, тотемизм является первой формой религии человеческого общества, возникшей в период нижнего палеолита. Отсюда начинается историческое развитие религий у народов, вступающих в фазу режима частной собственности, личной власти и рабовладения (Донини 1966).

«Тотем — не божество, главное в тотемизме — вера в родство с ним»,— утверждают С. А. Токарев, З. П. Соколова и др. «С возникновением тотемизма возникло понятие об общности всех членов коллектива, понятие об их родстве, представление о тотемическом родстве является первой формой представления о родстве» (Семенов 1966: 333). «Тотемизм в нашем понимании является религией

возникающего рода и выражается в вере в происхождение рода от предков, представляемых в виде фантастических существ — полулюдей-полуживотных, полурастений или объектов неодушевленной природы или людей, животных или растений одновременно, обладающих способностью реинкарнации*» (Хайтун 1958: 108). «Позднейшая судьба тотемизма связана в большинстве случаев с трансформацией первобытных общин, «тотемических групп», т. е. зачаточных родов, в развитые материнские роды на основе мотыжно-земледельческого хозяйства. У многих народов на этой стадии развития тотемизм оказывается устойчивым явлением. Соцнальной базой его служит материнский, а позже местами и отцовский род» (Токарев 1964: 75).

О том, какую роль играла женщина в дореволюционном обществе, писали многие исследователи удмуртского быта, например, М. О. Косвен отмечает: «Удмуртская женщина, *кышномурт*, никогда не знала того приниженного, полурабского состояния, которое так характерно для многих отсталых народов» (Косвен 1931: 29).

В основе некоторых воршудно-родовых имен, например, *Мӧнья*, *Узя*, *Нылга* лежат термины родства и свойства, указывающие на женский пол: *мень* «сноха, невестка»; *узя* «золовка»; *ныл* «девочка, девушка».

В среде удмуртов до недавнего времени (в некоторых северных и центральных районах Удмуртии до середины XX в.) сохранилась чрезвычайно интересная традиция: девушка, выходя замуж, теряла свое личное имя — ее все называли по имени воршуда отца: *Сюра*, *Чола*, *Чабъя* и т. п. В некоторых местах, пишет М. О. Косвен, до сего времени сохраняется порядок, по которому девушка считается принадлежащей к тому воршуду, к которому принадлежала ее мать до замужества, а не к воршуду отца. Например, если мать по рождению *Чабъя*, а отец из рода *Чола*, то дочь до замужества считается *Чабъя* (Косвен 1931: 26).

О том, какую огромную роль играла женщина в культе воршуда, говорит и такой факт: в *куале*, на священной полке, рядом с воршудным коробом с фетишами стоял *айшон* — высокий головной убор замужней женщины.

Ведущий религиовед с мировым именем Д. Фрейзер (Фрэзер) одним из главных признаков тотемизма считал экзогамию: члены одной тотемической группы не могут заключать браков между со-

---

* Реинкарнация — перевоплощение.

бой: мужчина-Орел не может жениться на женщине-Орле, мужчина-Черепаха — на женщине-Черепахе, мужчина-Ворон может взять в жены только женщину-Орла или Черепаху и т. д., но не женщину-Ворона (см. Харузина 2007: 299).

Удмуртский этнографический материал подтверждает данное положение Д. Фрейзера: вплоть до начала XX в., а в некоторых местах до середины XX в. браки внутри воршудных объединений не заключались — был запрет. Так, девушка из воршуда *Можга* не могла выйти замуж за парня из рода-воршуда *Можга* не только из своей родной деревни или соседнего села, но также из других уездов, губерний, с которыми хотя и давным-давно — сотни лет назад — всякие родственные связи прервались. Действительно, как сообщали этнографы прошлого века, девушка-Можга из Малмыжского (или Елабужского, Сарапульского) уезда не могла выйти замуж за парня из Бирского (Осинского или Бугульминского) уезда, который принадлежал воршуду *Можга.*

Как указывает Д. Фрейзер (Фрэзер), помимо групповых тотемо существуют тотемы личные и тотемы лиц одного пола, и характе связи между покровителем его один и тот же.

Среди удмуртов южных и центральных районов до недавнего времени сохранились личные имена, происходящие от названий животных, птиц, растений, например, мужские: *Пислег* «синица», *Койык* «лось», *Кайсы* «ронжа», *Пужей* «олень», *Коньы* «белка», *Юбер* «дрозд», *Тыпы* «дуб», *Гондыр* «медведь» и др.; женские имена: *Дыдык* «голубь», *Сэдык* «пигалица», *Ӵана* «галка», *Ӧрӟи* «орел», *Варыш* «ястреб», *Жакы* «ронжа», *Чабей* «пшеница», *Намер* «костяника» и др. — следы индивидуальных тотемов. Существовало поверье, что отзоонимические имена оберегают от болезней, от преждевременной смерти. Их чаще всего давали в семьях, где дети умирали; часты были случаи замены имени, при этом совершали такой обряд: жрец или старший в семье брал кремень, огниво и начинал высекать огонь, перебирая имена — при каком имени трут загорался, то имя и получал новорожденный (см. Бехтерев 1880; Атаманов 1985: 91: 105).

Возникновение земледелия, последовавшее вслед за открытием первых орудий обработки земли, означало распад и уничтожение культов, основанных на тотемизме. Как отмечает А. Донини, в ходе развития, длившегося десятки тысяч лет и приведшего к подлинному качественному скачку в результате усовершенствования средств производства и появления классов в обществе, тотем ут-

Культовые изображения пермских народов I – начала II тыс. н. э.
(4, 5, 7 — удмуртские *дэндоры* XIX в.)

ратил свои первоначальные признаки и превратился в господина, в вождя клана, в «создателя», которого необходимо умилостивить различными магическими обрядами. Тотем приобретает свойства и признаки, все более приближающие его к вождю племени, принимает характер и образ человека и по происшествии известного времени превращается в идола.

В этнографической и археологической литературе имеется немало сообщений о том, что удмурты в старину на груди или на поясе носили *дэндоры* (диал. *дэмдор*) — металлические пластинки с символическими знаками рода. Еще в конце XIX в. удмуртки Бирского уезда на ожерельях носили дэндоры — оловянные или свинцовые жетоны с изображениями по обеим сторонам. Они служили показателем рода и воршуда, к которому принадлежал тот или иной человек (Смирнов 1890: 97). Женщины Глазовского уезда на цепочках носили медальон с какими-то изображениями, которые называли воршудами (Первухин 1888: 23). В Малмыжском уезде главы семьи — *кузё* — носили подле левого плеча, на груди азямов, бляхи с подвязками, которые также будто бы назывались *воршудами* (Богаевский 1890: 97).

В некоторых случаях дэндоры хранились в берестяных или лубяных коробах, которые стояли на полках — *мудор жажы* — в левом углу куалы.

В 1838 г. священник из с. Сюмси сообщал: «...вотяки совершают языческие жертвоприношения перед металлическими изображениями разных животных, именуемых «*дэмдор*». Священник-миссионер отобрал 7 дэмдоров. Другой автор указывал: «*Дэндоры* — это медные пластинки (величиной с рубль или менее). На одной стороне их изображался всадник на коне, иногда цветы, иногда птицы, гады, солнце и месяц» (Курочкин 1851). В. Н. Белицер в 1931 г. сама видела в д. Гора-Селты в родовом святилище подобную пластинку с изображением, напоминающим быка (Белицер 1947: 61). Нечто подобное сообщают и другие исследователи, в частности Г. Верещагин: «*Воршуд* — это берестяная коробка с серебряной монеткой копеек в 20 или просто оловянная или свинцовая круглая как монета пластинка величиною с четвертак с изображением какого-нибудь предмета на обеих сторонах. Вот эта-то коробка и есть символ божества Воршуда» (Верещагин 1886: 212). Массу подобных вещей находят археологи на древнеудмуртских могильниках. Г. П. Живаева считает монетообразные подвески характерной вещью чепецкой археологической культуры (IX—XV вв.), этничес-

ким признаком ее населения (Живаева 1971: 180—185). Возможно, первоначально эти фетиши хранились в берестяных или лубяных коробках в дуплах деревьев. Впоследствии само это дерево превратилось в священное, так как оно *мудор*, т. е. дом, обиталище *му* «матери-прародительницы» + *дор* «дом; место жилья, обиталище».

Вслед за фетишами-предметами, которые считались наделенными сверхъестественной силой и неким «духом», появляются человеческие изображения — идолы. « В народе до сих пор сохранилась еще память о существовании некогда изображений домового духа в воршудном коробе. Данные истории тоже не противоречат этому преданию. В одном историческом документе, касающемся удмуртов Елабужского уезда, говорится, что крещеные вотяки в своей куале молились на коленях перед деревянным болванчиком» (Емельянов 1921: 44). Далее этот же автор сообщает о других образчиках удмуртских идолов, сделанных из дерева, глины, меди, серебра. У некоторых были рога на голове и металлические письмена на груди. Такой идол имелся в д. Унинской. В д. Понинской один старик сам держал в руках такого идола из глины, у него были голова, нос и рот. Во время молитвы его вынимали из воршудного короба, кланялись ему и целовали его. В бывшем Глазовском уезде один миссионер отнял у удмуртов серебряного идола, весившего около 4 фунтов. Некоторые воршуды изображались в виде фигур животных и птиц. Этнограф С. К. Кузнецов в 1881 г. в родном святилище в д. Мултан (совр. Увинский район) нашел изображение деревянного гуся с железным клювом и железными лапами (Кузнецов 1907: 45). В д. Сянья (совр. Глазовский район) в куале стоял деревянный идол, напоминающий белку. Старики молились перед этим идолом, кланялись ему (МЭЭ 45: 206). Интересно сообщение П. Н. Луппова о том, что в родовом святилище д. Кукъямесской (совр. Игринский район) местный священник нашел икону и идола Пурга, стоящих рядом (Луппов 1889: 247).

Об идольских изображениях сообщается и в ряде донесений миссионеров епархиальному начальству. Так, малмыжский миссионер Анисимов просит вышестоящее начальство разрешить уничтожить молитвенные шалаши, воршудные короба и вместо идольских изображений поставить святые иконы (Луппов 1899: 62). Священник П. Мышкин только в Парзинской волости Глазовского уезда сжег более полусотни воршудов. Самый богатый воршудный короб был в д. Озегвай Ключевской волости Глазовского уезда (вор-

шуд Чабъя): он имел форму цилиндра и был одет в вышитый чехол (Первухин 1888: 25—26).

Самое последнее сообщение об удмуртском идоле получено в д. Удмуртский Сарамак Кизнерского района. Еще в 1930 г. в куале Эшмановых стоял почерневший деревянный идол высотой около 40—50 см, шириной 15—20 см (Атаманов 1997: 123).

Подобные изображения были известны и другим финно-угорским народам. Так, например, среди особой группы эстонцев-сету вплоть до недавнего прошлого в особых амбарчиках хранились идолы-пеко, изготовленные чаще всего из воска. Обычно ему придавали образ ребенка. По другим сообщениям, пеко имел голову теленка и окрашивался краской. Вокруг идола водили хоровод и пели: «Пеко — наше божество, защити наши стада, сохрани наших лошадей, сбереги хлеба» (*Hämäläinen* 1936: 37, 106). У обских угров изображения родовых предков из дерева, реже из металла, представляли собой зоо- или антропоморфные фигуры. Они хранились или в селениях данного рода, или же в специальных амбарчиках на родовых жертвенных местах, находящихся иногда в глубине тайги (Чернецов 1947: 171—174).

Почти полную аналогию удмуртскому семейно-родовому святилищу с его культовыми атрибутами и «божками»-идолами находим у близкородственного народа коми, описанного в «Житии Стефана Пермского». По словам «Жития», боги пермские «суть болваны истуканныя, изваянныя, издолбленныя, вырезом вырезаемыя» (Лашук 1972: 35). Их в большом количестве уничтожал святитель Стефан Пермский при крещении коми. Этим изображениям придавались антропоморфные черты: из куска дерева вырезалась грубая человеческая фигура с руками, ногами, головой, на которой намечались рот, нос, глаза, уши. Изображения родовых богов-покровителей помещались под особым навесом. Здесь же хранились предметы жертвоприношений: шкуры пушных зверей — соболя, куницы, белки, медведя, рыси, а также различные вещи из драгоценных металлов, из меди, олова, железа.

Следы воршудных изображений удмуртов ведут нас к так называемому пермскому звериному стилю — своеобразному и загадочному искусству металлической пластики племен Приуралья. Автор монографии «Пермский звериный стиль» Л. С. Грибова появление этого стиля относит к ананьинской эпохе (VIII—III вв. до н. э.).

Она считает пермский звериный стиль явлением местным, принадлежащим приуральской чуди, т. е. предкам современных перм-

ских народов — коми и удмуртов. Почти все исследователи своеобразного искусства металлической пластики племен Приуралья указывали на тотемическую природу происхождения его образов. В металлическом литье Приуралья преобладают изображения местной фауны: лось, медведь, рысь, куница, бобер, выдра, орел, коршун, ястреб, сова, лебедь, утка и др. В основе этимологии воршудных имен удмуртов в большинстве случаев лежат названия тех же зверей и птиц. Л. С. Грибова заключает, что «Очень важным фактором является то, что среди этих образов нет домашних животных. Этот факт говорит о том, что пермский звериный стиль уходит своими корнями в идеологию более древних эпох, когда основой хозяйства были еще охота и рыбная ловля» (Грибова 1975: 114). Исследователь находит истоки этого стиля в более древних памятниках Приуралья, например, в пещерной живописи Каповой Пещеры на р. Белой, относящейся к палеолиту.

Своеобразным местом сохранения древних культовых изображений явились Горбуновские и Шигирские торфяники близ Нижнего Тагила в Свердловской области. В памятниках, относящихся к III—II тыс. до н. э., были найдены разные деревянные предметы, в том числе скульптурные изображения животных и птиц, а также антропоморфные фигуры (Эдинг 1940: 98).

Прошли тысячелетия, но отдельные отголоски в религиозных верованиях местного населения сохранились до наших дней. Они свидетельствуют, насколько силен был культ матери — *му-воршуда*. Потомки прародительницы-матери, объединенные в единый социально-экономический коллектив, создавали род (*выжы*), носящий имя своего воршуда и почитающий его. В эпоху патриархального строя воршуд превратился в семейно-родовое божество, хранителя семьи и рода. Каждая семья обязана была строить на своей усадьбе *покчи куала* (младшее, маленькое святилище). Количество родовых святилищ совпадало с количеством родов в данном населенном пункте. В северных районах иногда родовое святилище называлось *воршуд куала*, а на юге — *мудор куала*.

Итак, воршуд — это имя основательницы рода, возведенной в ранг родового божества, хранителя семейно-родового счастья. В основе воршудных имен лежат тотемы рода. В эпоху матриархата, видимо, названия тотемов перешли к имени предполагаемой родительницы-матери — *му*, потомки которой продолжали носить ее имя и в более поздние эпохи, вплоть до наших дней. С принятием христианства воршуды начали сливаться с образами ангелов-хра-

нителей. *Мудор* — сложное слово: *му* «мать, прародительница» и *дор* «дом, место обиталища». Образу матери-воршуда, изображенному в виде идола, поклонялись ее потомки. В честь нее устраивались моления с жертвоприношениями, у нее, матери-воршуда, просили счастье для членов семьи и рода.

* * *

Не только в период существования патриархата, но и в последующие эпохи — в периоды существования феодальных, капиталистических, отчасти и социалистических отношений — культ воршуда существовал, всячески приспосабливался ко всем изменяющимся обстановкам в удмуртском обществе: вплоть до 30-х годов XX в. Почти повсеместно проходили моления с жертвоприношениями в семейно-родовых святилищах — *куала*, а в 2—3 селениях эти моления проходят до сих пор. Одни воршудно-родовые группы разрастались, размножались и расселялись по всем удмуртским регионам и даже за ее пределами, другие же, наоборот, по разным причинам хирели и растворялись в среде крупных воршудных объединений. Для примера приведу все 70 воршудно-родовых групп, с указанием в скобках, в скольких населенных пунктах мне удалось выявить их следы:

Пурга (171), *Чабъя* (91), *Ӟумъя* (86), *Вортча* (77), *Чудья* (76), *Пельга* (61), *Эгра* (56), *Кушъя* (53), *Какся* (53), *Чола* (48), *Можга* (46), *Уча* (46), *Тукля* (42), *Дурга* (40), *Жикъя* (40), *Бигра* (35), *Дӧкъя* (33), *Ӟатча* (32), *Бӧдья* (28), *Мӧнья* (27), *Омга* (25), *Пӧбъя* (25), *Чипъя* (24), *Салья* (21), *Чуйя* (17), *Поска* (16), *Вамъя* (16), *Бӧня* (15), *Нӧръя* (15), *Чудна* (15), *Кибъя* (14), *Уля* (14), *Апъя* (13), *Сюра* (13), *Кӧпка* (12), *Юбера* (11), *Пудга* (11), *Туръя* (11), *Сянья* (10), *Венья* (9), *Имъес* (9), *Бия* (7), *Дурга-Пӧбъя* (7), *Ташъя* (7), *Узя* (7), *Пышъя* (6), *Сьӧлта* (6), *Эбга* (6), *Ӟанка* (5), *Чунча* (5), *Болма* (4), *Коньга* (4), *Лӧзя* (4), *Юсь(ка)* (4), *Кӧтья* (3), *Куака* (3), *Маля* (3), *Паляка* (2), *Удья* (2), *Ӟезья* (2), *Поколь* (2), *Куарса* (1), *Лекма* (1), *Поколь-Дукъя* (1), *Сюра-Чабъя* (1), *Ныльга* (—), *Сьӧма* (—), *Урга* (—), *Чага* (—), *Юра* (—).

Следы исчезнувших воршудно-родовых групп — *Ныльга*, *Сьӧма*, *Урга*, *Чага*, *Юра* — сохранились в топонимии.

По территориальному (региональному) размещению воршудно-родовые объединения можно разделить на такие группы:

1) встречающиеся только среди северных удмуртов (территория племенного объединения *ватка*): *Апъя, Бӧня, Кушъя, Ташъя, Чуйя,*

Удья, Уля, Эбга, Лекма — кроме *Кушъя*, все это малочисленные родовые группы;

2) встречающиеся только в центральных районах на территории племенного объединения *калмез*: *Бия, Кётья, Пудга, Сьӧлта, Чунча*;

3) широко расселившиеся крупные воршудно-родовые группы, встречающиеся в среде многих этнолингвистических групп удмуртов: *Ӟумъя, Какся, Можга, Чудья (Шудья), Чабъя, Эгра, Ӟатча, Поска, Пурга, Салья, Уча, Пельга, Чола, Мӧнья, Бигра, Дӧкъя, Бӧдья, Жикъя*.

К последней группе относится наибольшее количество воршудных объединений, причем это наиболее крупные и широко расселившиеся группы. Им принадлежит главенствующая роль в этногенезе удмуртов, в объединении многочисленных родовых объединений в народность и в формировании единого удмуртского языка.

Следует отметить, что из этой группы таких воршудов, как *Чабъя, Чола, Бигра,* не встретите в среде калмезов, а такие воршудные группы, как *Можга, Ӟатча*, отчасти *Дӧкъя* и *Бӧдья*, не встречаются в центре поселений ватка; воршудные группы *Чудья, Пельга, Какся, Мӧнья* больше всего встречаются среди калмезов и южных удмуртов.

Интересный факт: из 70 удмуртских воршудно-родовых имен 15 названий находят параллели в топонимии Коми-Пермяцкого национального округа Пермского края, таковы: *Абья, Бодья, Вамья, Лекма, Можга, Норъя, Пельга, Пудга, Пурга, Чабъя, Чанья, Чипъя, Шудья, Юмъя*. Отдельные отворшудные топонимы встречаются и на территории Республики Коми: *Абъя, Туръя, Кушъя*. По этому случаю можно предположить: 1) они являются общепермскими по происхождению, сохранились только в топонимии; 2) занесены переселенцами-удмуртами, принадлежащими к этим воршудным группам. На данном этапе трудно сказать, которая из гипотез верна и которой дать предпочтение.

Не менее интересный и очень ценный факт подают некоторые воршудные имена, показывающие участие в этногенезе удмуртского народа родственных финно-угорских родоплеменных групп, начиная уже с эпохи разделения этой общности на прапермскую, позже — на праудмуртскую этноязыковые группы: *Чудья* (*Шудья* ~ *Чудьӟа*) пятая по величине, широко расселившаяся воршудно-родовая группа удмуртов < *чудь* — собирательный этноним для прибалтийско-финских народов; но в данном случае, скорее всего, в этногенезе удмуртов участвовала часть «чуди заволочской», «чуди

белоглазой» русских летописей — *весь* — *вепсы* (в арабско-персидских источниках *ису* ~ *вису*) — северо-западные соседи удмуртов-ватка + *-я* — аффикс, характерный для удмуртских микроэтнонимов; *Эгра* ~ **Егра* < *югра* — собирательный этноним у обских угров (*Эгра* — седьмая по величине и широко расселившаяся воршудно-родовая группа удмуртов); *Пурга* < **Порга* (1710) < *пор* — одна из фратрий обских угров + *-га* — распространенный в воршудных именах аффикс (*Пурга* — самая крупная воршудно-родовая группа удмуртов; но здесь не следует соблазниться тем, что во всех 176 селениях живут прямые потомки фратрий *пор* обских угров: еще в 1710 году было не более 5 населенных пунктов, где жили давным-давно — в конце I — начале II тыс. н. э. — обудмуртившиеся члены фратрии *пор* > *Порга* > *Пурга*; удивительно то, как члены этого воршуда за какие-то 270 лет так размножились); *Можга* (**Моська*) < *мощ* — одна из двух фратрий обских угров + *-га* — отворшудный аффикс.

Не исключено, что есть и другие воршудные группы, связанные с уграми, самодийцами и другими этносами, с их языками, не случайно с таким трудом или вовсе не поддается этимологизации чуть ли не половина названий воршудов. Следует заметить: ни одна лексическая группа в удмуртском языке не имеет такую сложную расшифровку этимологий, как воршудные имена. Это один из признаков древности данной группы из словаря удмуртского языка.

Есть попытка связать этимологию весьма крупного и широко расселившегося воршудного объединения Бигра с этнонимом *бигер* «булгарин»; «татарин»: *бигер* + *-а* — отворшудный аффикс. В данном случае я воздерживаюсь: не говорю ни «да», ни «нет», время покажет.

* * *

Удивляет живучесть и приспосабливаемость культа воршуда ко всем социально-экономическим, религиозно-духовным преобразованиям общества. В его недрах возникли и развивались патронимические объединения — *иськавын*, в других местах — *бöляк* (южные, центральные группы), *улы, бече* (северные удмурты).

Как пишут археологи, в среде прикамского населения уже в эпоху бронзового века (XV — IX вв. до н. э.) появились признаки перехода от матриархата к отцовскому роду: развивались производящие хозяйства — земледелие, скотоводство, производство ремесленных изделий; появились первые признаки расслоения общества на

богатых, бедных и рабов; на развитие производящего хозяйства прапермян огромное влияние оказали ранние индоиранцы, арийцы — носители срубно-андроновской археологической культуры, а также носители сейминско-турбинской культуры, проникшие в XVI—XV вв. до н. э. с Востока в Волго-Уральский регион, которые имели более высокий уровень военного дела, средств передвижения, они способствовали совершенствованию бронзолитейного производства в среде прапермян (Голдина 1999: 401).

В последующую ананьинскую эпоху (VIII—III вв. до н. э.) патриархальные отношения стали нормой, пишут археологи, мужчина занимался войной, всеми ведущими отраслями хозяйства: скотоводством, земледелием, охотой, рыболовством, поэтому женщины отошли как бы на второй план — их погребения значительно беднее мужских (Збруева 1952: 147; Голдина 1999: 199).

Но в то же время именно в ананьинских памятниках в большом количестве находят глиняные статуэтки, изображающие женщину; именно на ананьинское время падает расцвет так называемого пермского звериного стиля, имеющего непосредственную связь с культом воршуда удмуртов. «В истории человечества, в истории первобытного общества,— пишет этнограф, академик М. О. Косвен,— превращение рода из материнского в отцовский, утверждение патриархального начала и, далее, распад родового строя с переходом в более высокую социально-экономическую формацию или с проникновением сюда при столкновении с другой, более высокой формацией новых, феодальных или капиталистических отношений,— весь этот процесс, в какой бы форме он не происходил, сопровождался резким изменением в производственном, личном, имущественном положении женщины. «Ниспровержение материнского права,— говорит Ф. Энгельс,— было поражением женского пола, имеющим всемирное историческое значение. Муж захватил и в доме бразды правления, а женщина утратила свое почетное положение, была порабощена, превращена в рабу его страстей, в простое орудие для деторождения» (Косвен 1931: 23).

Собрав огромный этнографический материал по следам родового быта, по культу воршуда в удмуртских деревнях в эпоху разрушения индивидуальных, единоличных хозяйств и образования колхозов, М. О. Косвен воочию убедился, насколько сильны были в среде этого народа пережитки прошлых эпох, архаичные элементы культуры в разных социальных слоях, у разных этнодиалектных групп. Внося некоторую поправку к триаде Ф. Энгель-

са, М. О. Косвен пишет, что не так обстояло дело у удмуртов: в семейной группе женщина вообще занимала самостоятельное положение. Старшая женщина являлась фактически хозяином дома. И в настоящее время муж всегда и во всех делах советуется с женой, и все хозяйственные дела в удмуртской семье совершаются по обоюдному согласию мужа и жены, и сей ученый муж с удивлением отмечает, что до сих пор семейная «казна» находится на хранении у жены и муж распорядиться деньгами без согласия жены не может (*Там же.* С. 29).

Какая знакомая картина моего детства... Радостно было жить в такой «патриархально-матриархальной» семье, когда мои мама и папа равноправны, все дела согласовывали и нас умело туда подключали уже с самых малых лет. Но, кажется, наша мама имела больше власти в семье. Сама была неграмотной, но очень чуткой, умной, и нашим воспитанием, конечно, занималась она. Папа иногда упрекал ее, что слишком много воли дает нам, братьям-близнецам. Наша семейная скудная «казна» послевоенных лет также находилась в руках мамы; за обедом на стуле хозяина семьи обычно сидела мама, а папа устраивался рядом с нами, только в дни торжеств, праздников, когда в дом заводили гостей, конечно же, на этом почетном стуле восседал папа. Такую идиллическую картину не раз мне воочию пришлось увидеть в детстве. Как хочется, хотя бы на один день вернуться в свое детство, в отчий дом... А сегодня в нашем доме торжества — мы уже с братом-близнецом повзрослели, окончили Асановский техникум и нас провожают на службу в Советскую Армию: в нашем доме собрались все члены нашей патронимии — *Опоня-иськавын* — Атамановы (они все принадлежат воршуду *Эгра*) и родственники по материнской линии — *ӵужмуртъёс* (они из воршуда *Ӟанка*). Звучит старинная рекрутская обрядовая песня... Первый куплет пропела мама, второй запел я, и нас дружно поддержали все родственники, пришедшие с подарками, добрыми наставлениями в дорогу. Вспомню те времена и так и хочется воскликнуть: что это за прелесть родовой быт с великой любовью друг к другу, к каждому человеку! Где теперь эта Любовь, кто ее видит? В конце своей жизни, живя в городе, мама сказала: «Эй, стыд, стыд, куда ты ушел?» Уходят из жизни стыд и совесть, взаимоуважение между молодыми и старыми в семье, любовь между людьми, с полным распадом последнего оплота родового быта — патронимических объединений (*иськавын*, *бӧляк*...).

Хотя материнский род свои права начал уступать отцовскому более 3 тыс. лет назад, но развитой патронимической терминологии собственно удмуртского, тем более общепермского происхождения, нет, есть только слово *пиос* «сыновья, дети; потомки», почти вся терминология заимствована из булгарского, кипчакского языков: *бӧляк*, *иська* (вын), *бече* — отделившиеся братья — патронимия;

бускель — сосед; околоток отделившихся братьев; *шенел* «тж» (завятск.); *нерге*: *н. ветлон ~ н. ортчытон* «обычаи, обряд обхождения с угощением по домам своей патронимии»; *тӧро* — предводитель, глава всех общественных мероприятий; тысяцкий (на свадьбе); почетная должность на молениях; глава сельской общины, староста; *кенеш* — совет старейшин; общедеревенский и всей округи, племени или народа сход, собрание (на юге Удмуртии раньше этот термин заменялся словом ӟин < тат. *джиен*); *ватага* уст., сев. — большая семья. В удмуртском языке нет слова для передачи понятия «семья». Чем объяснить отсутствие патронимических терминов, когда само явление существует, а собственного слова нет? Может быть, они заменились тюркскими заимствованиями?

Что же касается матрилинейных терминов и других слов, связанных с культом воршуда, то почти вся терминология собственная — общепермского, финно-угорского, уральского происхождения. Можно сказать, заимствований нет, тем более поздних — тюркского, славянского происхождения. Только само слово *воршуд*, состоящее из двух корней — *вор* (< *вордыны* «родить, растить, взрастить; хранить») + *шуд* «счастье» — можно связать с индоиранскими языками. Но по первой части данного сакрального термина возникает вопрос, так как есть диалекты, например, нижнечепецкий (слободско-унинский куст) и шошминский (балтасинско-карлыганский куст), в которых этот термин бытует в форме *вожшуд* ~ *вошшуд*, на юге Удмуртии (д. Ст. Игра Граховского района, д. Кузебаево Алнашского района) в форме *вошуд*. Где тут корень, как сочетаются меж собою *вор-*, *вож* (*вош*)-, *во-*? Который из них наиболее древний и что он обозначает, есть ли связь со словом *вордыны*?

Своему назойливому молодому оппоненту-историку, не замечающему различия между воршудно-родовыми и патронимическими объединениями удмуртов, предлагаю глубже ознакомиться с работами М. О. Косвена, Н. Г. Первухина, Г Е. Верещагина, И. Н. Смирнова, П. М. Богаевского, У. Харва (Хольмберга) М. Г. Худякова, В. Е. Владыкина и многих других. Если серьезно занимаешься историей, этнографией удмуртского народа, как не увидеть то, что *патронимические группы существуют внутри воршудно-родовых объединений, причем только в одном населенном пункте, в то время как сами воршудно-родовые группы расселены по многим удмуртским регионам*, например, члены воршудно-родовой группы *Чабья проживают* в 19 районах — на северных, отчасти

центральных и южных территориях Удмуртии, а также в Башкирии, Татарии, Марий Эл, Пермском крае, Кировской области, раскиданных на сотни километров друг от друга.

М. О. Косвен приводит примеры по д. Озерки Ярского района (крайний северный куст Удмуртии), где живут члены двух воршудных родов: *Чола* и *Чудна*, причем, как он пишет, каждая воршудная группа имеет свои особые патронимии. Так воршудно-родовая группа *Чола* включает в свой состав такие патронимические объединения: *Кузе-пи*, *Сад-пи*, *Роман-пи*, *Болань-пи*; в состав воршудного объединения *Чудна* входят такие патронимические группы: *Куа-Алача-пи*, *Дачко-пи*, *Трош-пи*, *Надр-пи*, *Коня-пи*, *Гёрд-ес*, *Тетеёс*, *Пикулл-ес*, *Педюн-ёс*, *Мокол-ёс*, *Монас-пи-ёс*, *Лари-ёс*, *Пира-ёс*, *Пилати-ёс* (Косвен 1931: 17—18; орфография автора статьи).

Возьмем к примеру воршуд *Чола*. Если его члены зафиксированы в 42 населенных пунктах удмуртского региона (кроме земель калмезов и южных удмуртов), то не трудно сосчитать, сколько патронимических объединений у этого воршуда — больше ста!

Перейдем на крайний юг Удмуртии — д. Старая Игра Граховского района. Здесь проживают члены двух воршудно-родовых групп: *Эгра* (основатели деревни, прибывшие с севера Удмуртии в пределах XVI—XVII вв.) и *Ӟанка* (переселившиеся сюда в середине XIX в. с места русско-кряшенской деревни Гаранькино). В состав воршудной группы *Эгра* входят такие патронимические группы: *Опоня-иськавын* (Атамановы), *Сагам-иськавын* (Крестьяниновы), *Салькай-иськавын* (Сапожниковы), *Кая-иськавын* (Долговы) и др.; в состав воршудно-родовой группы *Ӟанка* входили такие патронимические объединения: *Пӧсег-иськавын* (Воронцовы), *Лёнка-иськавын* (Красильниковы), *Аван-иськавын* (Ямщиковы), *Багыш-иськавын* (Подрядчиковы), *Силька-иськавын* (Кузнецовы) и др.

На сельском кладбище воршудная группа *Эгра* по традиции хоронила на правой стороне, а *Ӟанка* — на левой; причем у каждой патронимии было свое место для захоронений. Пожилых людей до сих пор продолжают хоронить на своих патронимических участках внутри воршудно-родовых частей кладбища.

В деревне до сих пор сохраняется обычай взаимопомощи *веме*; на похороны, а также на свадьбы и другие торжества в первую очередь приглашали членов своей патронимии. В старину удмурты жили по принципу: *«Кызьы иськавын-бӧляктэк улод?»* («Как можно (или возможно ли) жить без своей патронимии?») Естественно, ответ звучал так: невозможно существовать без дружной, совмест-

ной жизни со своим *бöляком-иськавыном* — патронимией. Члены патронимии жили как одна семья: при любом случае друг другу помогали, поддерживали друг друга.

* * *

1. Об архаичности и древности возникновения воршудных имен говорят также такие факты: зоонимы, легшие в основу, восходят к уральской, финно-угорской или пермской языковой общности, среди них нет ни одного заимствованного названия.

2. Корни слов финно-угорского праязыка были двусложные и оканчивались на краткий иллабиальный гласный **e, *a, *ä*. В общепермскую эпоху в праудмуртском и пракоми языках произошло отпадение конечного гласного, в результате которого образовались односложные слова, ср.:

ф.-у. **maksa* > удм., к., *мус* «печень»;

ф.-у. **śilmä* > удм., к., *син* «глаз»;

ф.-у. **wete* > к. *ва*, у. *ву* «вода» и др. (ОФУЯ 1974: 202—203).

И все же воршудные имена стоят особняком: как и в эпоху существования финно-угорского праязыка, они двусложны, в подавляющем большинстве случаев оканчивающиеся на иллабиальный **a*: Апъя (*апйа*), Коньга (*кон'га*), Поска (*поска*), Чунча (*чунча*), Бигра (*бигра*), Лекма (*л'экма*) и др.; исключение составляют только Поколь (*покол'*), Имъес (*имйэс*), Юсь (в топонимии — Юська — *йус'ка*), история возникновения этих малочисленных родовых групп не выяснена.

3. Кажется странным то, что названия населенных пунктов, образованные от воршудных имен, при склонении в местных, пространственных падежах сохранили древний финно-угорский *l*-овый суффикс, ср.:

Местный	Отворшудный ойконим	Рядовой ойконим	Нарицательная лексика
Вступительный (куда?)	Можга-ла	Кез-э	гурт-э «в деревню»
Местный (где?)	Можга-ла-н	Кез-ы-и	гурт-ы-н «в деревне»
Исходный (откуда?)	Можга-ла-сь	Кез-ы-сь	гурт-ы-сь «из деревни»
Отдалительный* (откуда-где?)	Можга-ла-с-ен	Кез-ы-с-ен	гурт-ы-с-ен «из деревни ~ в деревне»

Можгаласен Кезэ кошкиз «Из Можги уехал в Кез»;

Можгаласен сое пумитай «В Можге я его встретил».

4. Подавляющее большинство удмуртских этнонимов содержат в своем составе аффиксы *-йа* (Апъя, Вамъя, Чуйя и др.); *-ка* (*-га*) (Коньга, Можга, Ӟанка и др.); *-ча* (Ӟатча, Вортча, Чунча); *-ра* (Бигра, Юра и др.); *-ма* (Болма, Лекма, Сема), по происхождению восходящие к уральскому или финно-угорскому праязыковому периоду. В ту эпоху они входили в состав зоонимов, ставших позднее основой финно-угорских этнонимов. Они могли сохраниться только в таких архаичных словах, как воршудно-родовые имена, истоки которых нужно искать в том древнем историческом периоде, когда еще существовало уральское языковое единство. Основой религиозных верований уральцев, надо полагать, был тотемизм (и другие древнейшие формы верований). Тотемические верования фантастически отражают раннеродовое общество, основой хозяйства которого были охота и собирательство.

Разумеется, что не все этнонимы удмуртов возникли в одно и то же время и даже не в одну эпоху, они разновозрастны, но в силу традиций и по аналогии с тем, как были оформлены уже бытующие до них воршудные имена, вновь образующиеся родовые названия оформлялись с помощью того или иного из вышеперечисленных аффиксов.

Обращает на себя внимание такой факт: многие известные финно-угорские этнонимы оформлены с помощью тех же аффиксов, что и воршудно-родовые имена удмуртов: *Меря, Мурома, Тойма, Эрзя, Мокша, Весья, Вадья, Сура, Вишера, Печера, Югра, Юра* и др. На севере европейской части России, от берегов Енисея и до Ботнического залива, встречаются много топонимов, содержащих в своем составе форманты *-га* (*-ка*), *-я, -ма, -ча, -ра, -ла, -та*. Думаю, какая-то часть из них, подобно удмуртским отворшудным ойконимам, отражает родоплеменные названия финно-угорских народов.

Есть основание полагать, что только у удмуртов — одного из крупных, древних и развитых финно-угорских этносов — сохранилось почти до сегодняшнего дня такое древнее воршудно-родовое деление, не имеющее аналогов или параллелей у родственных народов и других народов России, и даже Европы.

К настоящему времени от культа воршуда остались слабые следы в среде северных удмуртов: у нижнечепецких — в качестве родового имени, в названиях семейно-родовых святилищ — *куала*; у средне- и верхнечепецкой группы — чаще всего как имя-прозвище замужней женщины (а для этого надо знать название отцовского

воршуда); такая же картина в бурановско-кечевском кусте у центральных удмуртов; южные удмурты лучше сохранили память о воршудно-родовых гнездах (*выл*); у бавлинских удмуртов некоторые воршудно-родовые имена отразились в фамилиях; у приуральских (закамских) групп они известны как названия святилищ — *куала ним*. Все эти утверждения относятся к самому старшему поколению удмуртов, среди молодых воршудные имена утрачены, лишь научная и творческая интеллигенция по нашим книгам имеет некоторое представление о культе воршуда.

Но в мире ничто бесследно не исчезает: воршудно-родовые имена удмуртов сохраняются в топонимии бассейнов р. Камы и Вятки — на основной территории формирования удмуртов и места их современного жительства. Так, из 3136 населенных пунктов Удмуртской Республики (см.: Удмуртская АССР. Административно-хозяйственное деление на 1 июля 1971 года. Ижевск, 1972) 283, или около 9%, названий отражают воршудно-родовые имена основателей селений. Судя по материалам ранних переписей, подобных ойконимов было значительно больше, особенно в центральных районах, в бассейнах рек Вала, Кильмезь, Иж. По Ландратской переписи 1716 г. в сотне Тотайки Иванова (современная территория Увинского, Можгинского, Вавожского районов) 84% названий деревень отражали воршудно-родовые имена их создателей, а в наши дни на этой же территории отворшудных ойконимов осталось менее 20%. Подобная картина наблюдается по всем удмуртским регионам.

Воршудно-родовые имена выявляются также в названиях древних городищ, селищ, могильников, особенно полей, рек, родников, лугов, лесов, гор, холмов, улиц и частей населенных пунктов (подробнее см.: Атаманов 1977: 284—288; 1980: 67—68.)

История возникновения и развития культа воршуда представляет значительный научный интерес для этнографии, языка, фольклора, археологии не только удмуртов, но и других народов мира, особенно при реконструкции и сравнительно-историческом анализе типологий религиозно-мифологической картины мира. Следы воршудно-родовых объединений ведут интересующегося читателя, ученого к истокам формирования удмуртской, шире — прапермской, прафинно-угорской, приуральской языковой общности. Названия воршудов (микроэтнонимы) — древнейшнй пласт лексики удмуртского языка, в их основе лежат названия тотемов рода. Воршудные изображения находят прямые аналоги в зверином стиле,

выявляются параллели в наскальных изображениях Урала, вплоть до Карелии. Интерес к воршудам удмуртов, думается, не угаснет в будущем. Новое поколение ученых внесет свою лепту в эту область знания.

5. 1. Расселение воршудно-родовых групп: родовые территории *-выл*

В результате многолетних полевых и архивных исследований в 70—80-е годы XX века мне удалось выявить следующую картину: ни одна из 70 воршудно-родовых групп, за исключением весьма малочисленного рода *Чунча*, не проживает компактно на территории одного определенного региона. Они раскиданы по всей территории расселения удмуртов, нередко на сотни и тысячи километров друг от друга. Так, следы рода *Пельга* найдены на территории 16 районов, родов *Ӟумъя*, *Какся*, *Уча* — 17, а следы рода *Чабья* обнаружены в 19 районах. Несмотря на это, у удмуртов сохранились следы родовых гнезд — расселения по воршудно-родовому принципу, в удмуртском языке для обозначения родовых гнезд сохранился специальный термин — «*выл*». Выходцы из одной деревни, принадлежащие одному роду, создавшие вокруг нее новые селения, образуют *выл* — родовое гнездо, родовую территорию. Центры таких родовых гнезд носят название *Вужгурт* «старая, родовая деревня». В официальных названиях обычно они передаются с помощью определений «старая»: Старая Салья, Старая Игра, Старая Юмья или «большая»: Большая Пурга, Большая Уча, Большая Докья и др.

В определенную историческую эпоху у каждого рода было свое укрепленное поселение (городище) — *кар*. Об этом говорят микротопонимы, сохранившиеся до наших дней: *Узякар* (городище рода-воршуда Узя)», *Эбгакар* (городище рода-воршуда Эбга), *Сьӧлтакар* (городище рода-воршуда Сьӧлта) и др. Вокруг *кара* и *вужгурта* появились дочерние поселения — *выльгурт* (*выль* «новый» + *гурт* «деревня»), если вокруг них была свободная, не занятая другими родами, территория. В микротопонимии северных районов сохранилось несколько десятков названий *каров* и *вужгуртов*, хотя такой яркой картины расселения по родовым гнездам, как в южных и центральных районах республики, мы здесь не наблюдаем. Более того, в причепецких районах, кроме Игринского района, нам не известен ни один выл. В этой части республики лишь единицы де-

ревень носят воршудное имя. Одну из причин этого явления мы видим в том, что на данную территорию в течение продолжительного времени шло массовое переселение удмуртов с других территорий, в результате которого произошло перемешение многих родовых групп. Этот процесс, видимо, еще более усилился после появления русских на Вятке. «На территории Вятской земли XV—XVII века являются временем дальнейшего упрочнения русской колонизации». После появления русских городов Хлынова, Слободского, Котельнича, Шестакова, Орлова с окружающими их погостами на Вятке и ее притокам отступление удмуртов иа восток по Чепце еще более ускорилось. Так, только в течение 5 лет (1695—1699 гг.) каринские (слободские или нижнечепецкие) удмурты переселились в 8 починков, расположенных на территории современной Удмуртии. Но Чепца и некоторые ее притоки уже начиная с раннего средневековья были заселены древнеудмуртскими родами. За неимением свободных мест для заселения переселенцы обосновывались на землях и селениях проживающих до них родов. В этой части республики трудно найти населенный пункт, где бы проживала только одна родственная группа. Согласно данным переписи Саввы Сандырева, в течение 9 лет (1691—1699 гг.) в районе верхней Чепцы в 3 починках поселились выходцы из Казанского уезда (Луппов 1958: 85).

Относительно юга Удмуртии в 60—70-е годы XX в. археологи считали, что прикамские районы Удмуртии в эпоху великого переселения народов опустели и, будто бы, только начиная с XVI в. она вновь начинает заселяться. Но на самом деле, по данным современных археологов же, выяснилось: эта территория никогда не пустовала, здесь ныне выявлена масса новых археологических памятников, соотносимых с верхнеутчанской (VI—IX вв.) и чумойтлинской (X—XVI вв.) культурами. Конечно, от тихого Чепецкого региона юг Удмуртии был менее заселен: надо было иметь мужество, силу, чтобы жить в этом неспокойном регионе.

Это был период мощной тюркской экспансии Волго-Уральского региона. Вслед за первой волной кочевых тюркских племен из азиатских степей в середине I тыс. н. э. из южнорусских степей в Среднее Поволжье в VIII в. переселяются булгарские племена, на рубеже IX—X вв. они создают свое государство и принимают ислам. В укреплении государства волжских булгар (как и самого народа) участвовали местные древнеудмуртские, древнепермяцкие,

угорские, возможно, ираноязычные буртасы, потомки именьковских племен.

Одна из факторий булгар возникла на земле южных удмуртов у слияния р. Тоймы с Камой, на месте древнеудмуртского городища — Елабужского. Этот удобный во всех отношениях форпост на берегу Камы — центр южных удмуртов — был освоен еще в ананьинское время (рядом находится Ананьинский могильник, давший название всемирно известной археологической культуре). Древнеудмуртское население здесь жило еще и при булгарах. «Чрезвычайный интерес представляет открытое летом 2001 г. мусульманское кладбище с сильными языческими пережитками. Оно расположено в юго-западной части посада (Елабужского.— *М. А.*). В четырех исследованных погребениях обнаружен погребальный инвентарь из круговых и лепных сосудов, серебряного височного кольца, бронзовой копоушки и стеклянных бус, датируются могильники концом X—XI вв. н. э.» (Хузин 2002: 30). Булгарский, мусульманский ли это могильник с древнеудмуртской керамикой и вещами?

Следует сказать, кроме Елабуги, булгарам не удалось обосноваться на правобережье Камы, где жили удмуртские племена, носители верхнеутчанской и чумойтлинской культур. В отличие от верхнекамских (коми-пермяцких), волго-окских (древнемордовских, древнемарийских) племен влияние булгар на древних удмуртов на археологическом материале прослеживается весьма слабо, особенно на ранних этапах существования Булгарского государства. На памятниках чумойтлинской культуры первой половины II тыс. н. э. известны лишь единичные находки керамики булгарского типа (Ютина 1994: 17). Правобережные прикамские и левобережные вятские земли южных удмуртов булгарам завоевать не удалось. Поселения же нижнекамских удмуртов-аров, особенно левобережной части, вошли в состав Булгарии. Значительная часть жителей этой части, особенно родоплеменная знать и торговцы, со временем, приняв ислам, влилась в состав волжско-камских булгар.

С укреплением мощи Волжской Булгарии ее влияние на местные народы усиливается. Еще арабские путешественники, миссионеры, побывавшие у булгар в IX—XII вв., писали, что ары (удмурты) вели торговлю с булгарами и платили харадж в казну этого государства (Гришкина, Владыкин 1982: 9). О тесных связях древних удмуртов со своими южными соседями говорят данные языка: в удмуртском языке выявлено около 200 тюркских заимствований булгаро-чувашского типа, имеющих отношение к сельскохозяйственному

производству, животноводству, ткачеству, торговле, семейным, религиозным, общественным делам и отношениям. Этот процесс был обоюдным: булгаро-чуваши заимствовали ряд слов из древнеудмуртского языка. Более того, одна из булгарских, до сего времени этнически еще не определенных групп — бесермяне, жившие между и в смешении с собственно южными и завятскими (арскими) удмуртами, испытав сильнейшее их влияние, перешла на удмуртский язык общения, переняла их культуру, образ жизни, хотя следы былой мусульманской религии бесермян отмечали исследователи XIX—XX вв. Оригинальные головные уборы бесермянских женщин — *такъя*, *кошпу* — находят прямые аналоги в национальном костюме чувашей. Не случайно вплоть до XVII в. русские летописи бесермян называли чувашами или «чувашой арской».

Таким образом, уровень развития южноудмуртского общества того времени находился на высоком уровне, если они могли выстоять против мощной экспансии крупнейшего этноса с государственным образованием. Более того, они смогли ассимилировать в своей среде многочисленную этнолингвистическую группу Волжско-Камской Булгарии — бесермян. Не исключено, что одна из крупных воршудно-родовых групп удмуртов *Бигра* также ведет свое происхождение от булгар: *бигер* «булгарин»; «татарин» + *-а* — отворшудный аффикс.

В первой половине II тыс. н. э. под напором тюркской и славянской колонизаций Поволжья к р. Вятке вышли марийские племена, оттеснив при этом правобережных удмуртов на левобережье. В XIII—XIV вв. на Вятке в гуще удмуртских поселений появились первые селения русских.

Бурные события, связанные с началом великого переселения народов в I тыс. н. э., с образованием Булгарского государства на рубеже I—II тыс. н. э., с татаро-монгольским нашествием на Русь и Волго-Уральский регион, с образованием Золотой Орды, позднее Казанского ханства, с массовым освоением русскими и марийцами бассейна р. Вятки, сопровождались сужением этнотерритории удмуртов. Драматические события развернулись в этом регионе в середине XVI в., когда в единоборстве с Русским централизованным государством пало Казанское ханство, а вместе с ним Арское (Удмуртское) княжество. В результате казанской войны и подавления неоднократных восстаний на Арской земле многие удмурты вынуждены были уйти в другие регионы, в том числе и в Южную Удмуртию.

В эпоху средневековья неспокойный южноудмуртский регион, испытавший многочисленные нападения южных соседей — кочевых племен разного происхождения в I тыс. н. э., позже булгар, татаро-монгольских племен Золотой Орды — кипчаков, ногайцев, казанских татар, а с востока — башкирских племен, оставался малозаселенным. Так, на территории Кизнерского района пока не выявлен ни один археологический памятник I и II тыс. н. э. (вплоть до XVII—XVIII вв.); в Граховском районе исследовано только одно Староигринское городище Каргурезь (IV—VIII вв. н. э.), в Киясовском — один могильник.

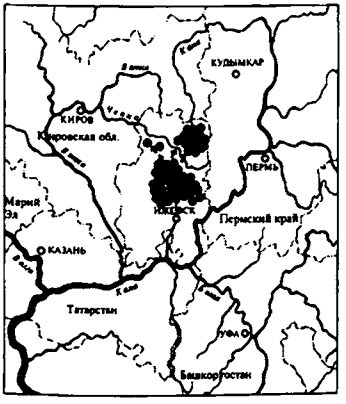
В таком небезопасном для жилья районе требовалась сплоченность родственных — воршудных, патронимических — групп, и это мы ярко увидим на примере образования воршудно-родовых гнезд — *выл* — на территории южной, центральной Удмуртии и даже на левобережных притоках р. Чепцы — группы родственных деревень, объединенных единством происхождения и совершением религиозных обрядов в честь родового божества — *воршуда*.

* * *

На основе анализа названий населенных пунктов Удмуртии и сопредельных с ней территорий других республик и областей с удмуртским населением мы можем заметить повторяемость одних и тех же ойконимов, отражающих воршудно-родовое имя жителей данного селения. Так, например, в Можгинском районе в 9 названиях деревень встречается микроэтноним *Какся*, в 5 — *Уча*, в 3 — *Можга* и т. д. Еще исследователи конца прошлого столетия заметили такое интересное своеобразие удмуртской топонимии (Потанин 1882: 190—191). В одной из своих работ П. М. Богаевский писал: «...стоит взглянуть на карту Сарапульского уезда, чтобы увидеть, как вокруг какого-либо селения с основным именем (именем родового божества) группируются деревни с тем же названием, лишь несколько измененным... Так вокруг села Норья, носящее начальное имя крайне обширного рода, расположились Вишур-Норья, Лудзи-Норья, Каравай-Норья, Кулай-Норья, Сизяшур-Норья; в селе Буранове, лежащем за 50 верст от Норьи, один из родовых шалашей (святилищ.— *М. А.*) носит имя Норьи» (Богаевский 1888: 43). Археолог А. Спицын отметил, что удмурты, сознавая бессилие отдельной личности, отличаются замечательным единодушием. В силу этой характерной особенности они держатся друг друга и при

переселениях,— где появляется один удмурт, там вскоре их появятся несколько. Селились по губерниям родами и племенами и всегда старались заселить избранную местность сплошь своим народом (Спицын 1889: 224—225).

В результате полевых исследований нам удалось выявить следы следующих родовых центров: *Ӟатча-выл, Эгра-выл, Уча-выл* в Граховском р-не; *Шудья-выл, Омга-выл, Ӟумъя-выл* в Алнашском р-не; *Бӧдья-выл, Пельга-выл, Омга-выл, Чабъя-выл* в Кизнерском р-не; *Салья-выл* в Киясовском р-не; *Какся-выл, Можга-выл, Уча-выл, Ӝикъя-выл, Кибъя-выл* в Можгинском р-не; *Дӧкъя-выл, Какся-выл, Бия-выл, Пельга-выл* в Вавожском р-не; *Тукля-выл, Ӟумъя-выл, Чунча-выл, Вамъя-выл* в Увинском р-не; *Кӧпка-выл, Мӧнья-выл, Ӝикъя-выл, Сьӧлта-выл, Бия-выл* в Селтинском р-не; *Шудья-выл, Можга-выл, Юбера-выл, Какся-выл* в Сюмсинском р-не; *Уча-выл, Ӝикъя-выл, Пурга-выл, Нӧръя-выл, Пельга-выл* в Малопургинском р-не; *Веньявыл, Чудьӟа-выл* в Завьяловском р-не; *Пурга-выл, Вортча-выл, Эгравыл* в Игринском р-не Удмуртии; *Ӟумъя-выл, Уча-выл* в Кукморском р-не Татарии. Ниже мы рассматриваем некоторые бывшие родовые центры в связи с расселением того или иного рода с указанием их на схематической карте.

Вортча-выл охватывал южную часть Игринского района, а также часть соседних с ним Якшур-Бодьинского и Шарканского районов. Главные селения располагались по р. Нязь (бассейн р. Чепцы) и в верховьях р. Иж (бассейн р. Камы). В этот выл входили следующие селения: Чутырь, Вукогурт, Ляльшур, Нязь-Ворцы, Пазяли, Шыкмет, Итчи, Кураш, Деревозь, Чимошур-Вортча, Лозо, Малые Мазьги, Лонки-Ворцы Игринского р-на; Кенеровай, Луна, Большие Ошворцы, Малые Ошворцы, Кечшур, Гожмувыр, Лудошур, Рудинский, Кыква, Сямпи, Кионгоп, Кадилово, Лозо-Ворцы, Кутоишур, Кекоран, Ивановцы, Мукши Якшур-Бодьинского р-на; Нырошур, Сосновка, Табанево, Мувыр, Старый Пашур, Малый Казесс, Вортчино, Кесшур, Заречный

Вишур, Кушто-Ключ, Верхнее Ягино, Старый Байбек, Гондырвай Шарканского р-на.

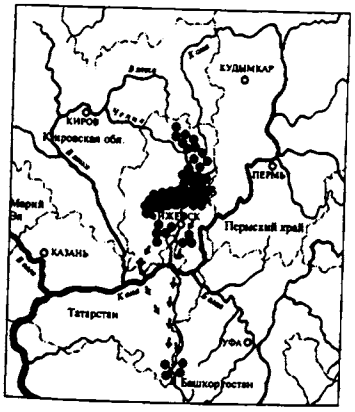
Кроме этих деревень, следы рода Вортча зафиксированы в следующих населенных пунктах: Черный Ключ, Филипповский Воткинского района; Кечпигурт (Ключи) Глазовского, Вортца Ярского районов.

Примерно в середине XVII в. с игринско-якшур-бодьинского куста часть семей из воршуда *Вортча*, не причисляющих себя ни к калмезам, ни к ватка, переселилась в бассейн верхней Чепцы, на самый северо-восток Удмуртии. По преданиям этого рода (*выжы кыл*), их далекие предки вышли из д. Нязь-Вортча (Вужгурт, Шыкмет) современного Игринского района. Вперед себя пустили красного быка (*горд ошпи*). Шли за ним много дней и ночей, шли через дремучие леса, реки, горы, перешли реку Чепцу и дошли чуть ли не до истока Камы. На месте современной деревни Старый Пажман красный бычок упал, и его здесь же принесли в жертву как предзнаменователя в выборе нового места для поселения. Так ли это было, история молчит, но народная молва говорит об этом. Для вортчинцев верхнечепецко-верхнекамский край оказался благодатным, их количество так увеличилось, что их следы выявляются в 20 селениях Кезского р-на: Большой Олып, Верхний Пажман, Вортча, Вортчамувыр, Гыявыр, Диньшур, Желонка, Зямашево, Кельевыр, Ковалёво, Новая Гыя, Новый Пажман, Сурдовай, Сыга II, Полом, Седшур, Старая Гыя, Старый Пажман, Юски, Олып.

Как и у любого рода, интересна судьба воршуда *Вортча*. Он относится к многочисленному, но в то же время его следов нет на юге Удмуртии, в центральных прикильмезских районах, а также за пределами нашей республики, кроме д. Камышовки Бирилюсского р-на Красноярского края, куда переселились в 10-е годы XX в. из деревень Малые Мазьги, Чимошур-Вортча, Лонки-Ворцы.

Самым старым селением *Вортча-выла* считают Нязь-Ворцы — Вужгурт, откуда переселились в 20 селений, а также Ош-Ворцы, Лонки-Ворцы, которые уже по переписи 1648 г. бытовали как крупные селения по масштабам того времени.

В свое время соседи Вортчи — часть воршудно-родовых групп *Эгра* и *Пурга* — переселились к южным и центральным удмуртам, а часть вортчинцев ушла на север Удмуртии. Какие причины, мотивы двигают к переселениям каждую родовую группу, причем в определенные регионы? Теперь едва ли кто достоверно об этом сможет сказать.

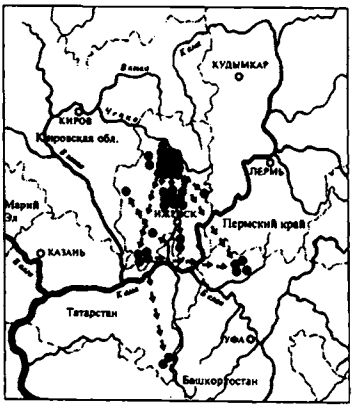

Пурга-выл. Пурга (в исторических документах *Порга*) — самая крупная воршудно-родовая группа удмуртов. Ее следы выявлены в 171 населенном пункте Удмуртии и за ее пределами. Основная территория проживания рода *Пурга* охватывала северо-восточные регионы Удмуртии — Игринский, Дебесский, Шарканский, Якшур-Бодьинский. Пургинцы, наряду с родовыми группами *Эгра* и *Вортча*, как нам известно, одними из первых освоили бассейн р. Лозы, левого притока р. Чепцы. По данным переписи 1615 г., в этих районах имелись деревии, принадлежащие только этим родовым группам. Наиболее старинными селениями *Пурга-выла* являются, по нашим данным, деревни Большая Пурга и Тупал Пурга Игринского района. В XVI—XVIII вв. часть пургинцев спустилась в южные районы республики — Завьяловский, Малопургинский, а также в Бавлинский район Татарии. Нужно заметить, что на более древних территориях проживания удмуртов — по Вятке, Кильмези, приказанских районах Татарии — нигде не обнаружены следы данного рода, более того, их нет и в западных районах Удмуртии. Данные наблюдения наводят на мысль об автохтонности рода Пурга на территории северо-восточных причепецких районов Удмуртии.

В состав *Пурга-выла* входили следующие населенные пункты: Большая Пурга, Тупал Пурга, Лудошур, Сеп, Михайловка, Чумой, Мужбер, Верхний Чумой, Верхние Шорни, Нижние Шорни, Сосновские Шорни, Сепож, Итыдур, Беляево, Костошур, Башмаково, Беньшур, Ивановской, Палым, Шишур, Паськыткож, Вукобер, Сюрсовайчик, Люк, Зура, Каргурезь, Квалуд, Удмурт-Кожей, Пежвай, Большой Кожей, Верх-Палым, Выльгурт, Квардавозь, Малый Ирым, Турел, Пургинский, Оник-Ирым (Игринский р-н); Уйвай, Четкер, Тыловай, Шудзялуд, Кедзя, Большая Кизня, Малая Кизня, Уйвай-Медла, Дзилья, Такагурт, Марково, Кочковыр, Легомувыр, Лобошур, Седбам, Старый Кыч, Новый Кыч, Пислеглуд, Старый Зяногурт, Малый Зяногурт, Дебесы, Беньшур, Ягвай, Удмуртский Лем (Дебесский р-н); Нырошур, Табанево, Мувыр, Липовка, Кучик, Старый Пашур, Новый Пашур, Ляльшур, Шляпино, Бадьяро-

во, Суроново, Нижнее Суроново, Верхнее Корякино, Кулак-Кучес, Кайсыгурт, Сюрсовай, Сильшур, Богданово, Бутолино, Бередь, Верхний Казесс, Нижний Казесс, Шегъянский, Тыловыл, Петуньки, Заречный Вишур, Калиновка, Кушто-Ключ, Кыква, Пислегово, Верхняя Сюрзя, Кион-Липето, Старый Байбек, Березино, Сушково, Мукабан, Шаркан, Титово, Пужьегурт, Малый Билиб, Заречный Билиб, Верхний Кивар, Порозово, Карсашур, Гондырвай, Луговая, Липовка, Сурон, Байкей, Якунино, Ягвайдур, Вишур-Пурга (Шарканский р-н); Сундошур, Верхний Чур, Кургальск, Сюровай, Гужношур, Порва, Нарезка, Богородское, Утор, Лысово, Прыч, Нижний Прыч, Чекерово, Чекерово (починок), Ишем, Соловьи, Бегеш, Луна, Альман, Якшур, Кесвай, Бабашур, Кенеровай, Выжоил, Кыква, Сямпи, Кионгоп, Мукши, Пурги, Сильшур-Вож, Урсо (Якшур-Бодьинский р-н). Только в населенных пунктах Шарканского и Якшур-Бодьинского районов, по предварительным подсчетам, проживало более 12 000 человек (Бушмакин 1971), относящих себя к роду Пурга. В этих двух районах они жили в смешении с родовыми группами Вортча, Эгра, Кушъя, Пупъя, Бёдья, Бёня. С севера к Пурга-выпу примыкали: Пурга-Бусо, Юски, Полом, Мувыр, Сыга II, Чурино, Стеньгурт, Пужмесь (Кезский р-н); Петухово, Юлдырь (Балезинский р-н). Следы рода Пурга выявляются в Малопургинском р-не. В этот выл можно отнести Малую Пургу, Орлово (Кваскашур-Пурга), Курегово (Агрыз-Пурга), Чутожмон, Баграш-Бигру. Данное родовое гнездо образовано в XVI—XVII вв. выходцами из с. Большая Пурга Игринского р-на.

Некоторое количество пургинцев живет в деревнях Ожмос-Пурга, Коньки Завьяловского р-на и Покровский-Урустамак, Николашкино Бавлинского р-на Татарии, Купченеево, Казбай Ермекеевского р-на Башкирии.

Эгра-выл. Следы рода *Эгра* обнаружены в 56 населенных пунктах, существуют два гнезда — в Игринском (на севере) и Граховском (на юге) районах.

В состав *Игринского Эгра-выла* входили: Игра (Вужгурт), Чуралуд, Годекшур, Утем, Бачкеево, Сундошур, Шербет, Кузьмовыр, Байвал,

Беризевыр, Кабачигурт, Чимошур, Бедколуд, Саля, Менил, Шорвуко, Салягурт, Юлайгурт, Лучик, Близ-Сали, Сундыр, Гереево, Вылилуд, Старое Шадбегово, Среднее Шадбегово, Зянтемошур, Идзи.

В состав *Граховского Эгра-выла* входили: Старая Игра (удм. Вужгурт, Вуж Эгра), Верхняя Игра (удм. Пуклё-Эгра), Байтуганово (Муркемыр-Эгра), Мишкино (Вильгурт-Эгра, Виль Эгра). Родовой деревней считают Старую Игру — Вужгурт. Один раз в три года в этой деревне проводилось общеродовое моление — *мерен-вӧсь*.

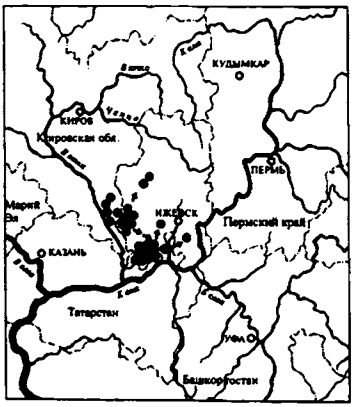
Игринский *Эгра-выл* древнее Граховского. По рассказам людей старшего поколения, жители Граховского *Эгра-выла* пришли с севера в очень давние времена. Вначале поселились на месте нынешней марийской деревни Карманково Менделеевского района Татарии, а оттуда переселились в д. Старая Игра и Байтуганово. Из Старой Игры отделились Верхняя Игра и Мишкино. По переписи 1710 г., данные селения уже находились на современном месте обитания. Старая Игра в то время была одним из крупных селений во всей сотне Андрея Байтемирова — 28 дворов, по количеству дворов уступала лишь деревне Верхняя Шудья (31 двор), а по количеству населения превосходила ее.

По мнению некоторых исследователей, родовая группа Эгра (Егра) первоначально проживала по р. Вятке, оттуда ушла в Карино (совр. Слободской р-н Кировской обл.), из Карино переселилась в Салю (совр. Игринский р-н Удмуртии), затем в с. Игру. Оттуда часть выехала в некоторые южные и центральные районы республики и в Башкирию. Время выселения из Карино 350—400 лет, с Вятки — 400—500 лет (ГАКО, ф. 170).

Немалая часть представителей рода Эгра проживала за пределами родовых гнезд в следующих селениях: Алганча-Игра, Аксакшур Малопургинского р-на; Урдогурт Увинского р-на; Силодзил, Пислеглуд, Порва, Чекерово (починок), Якшур, Выжоил, Кыква, Кутоншур Якшур-Бодьинского р-на; Заречный Вишур Шарканского р-на; Большая Игра, Малая Игра Красногорского р-на; Ушур Балезинского р-на; Андреевка, Няняды, Старый Варяш Янаульского р-на Башкирии; Верхний Тыхтем Калтасинского р-на Башкирии; Покровский-Урустамак, Николашкино Бавлинского р-на Татарии. В 10-е годы XX в. часть из Игринского Эгра-выла переселилась в Сибирь — д. Камышовка Бирилюсского р-на Красноярского края (ЭЭ УдНИИ — УдГУ — 74).

Как мы заметили, вся территория Игринского р-на как бы была разделена между тремя крупнейшими родовыми группами удмур-

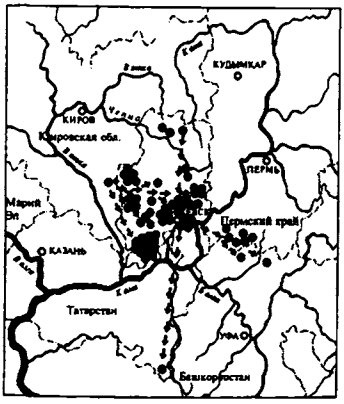
тов — Эгра, Вортча, Пурга. Род Эгра занимал территорию по реке Лозе, Пурга — по реке Ите, Вортча — по реке Нязь. По сообщениям информантов, каждая родовая группа вплоть до коллективизации сохраняла некоторую изолированность, особенно в исполнении определенных религиозных обрядов. Были общеродовые праздники: в *Пурга-выле* отмечали Покров, в *Эгра-выле* — Иванов день, в *Вортча-выле* — Крещение (*Йӧвылэсултон*). В этот день каждый *выл* приглашал родственников из других *вылов*. Браки заключались между этими родовыми группами. По сообщениям информантов, в старину браки внутри рода запрещались. Были определенные различия в языке, в материальной и духовной культуре. Среди старшего поколения до сих пор четко держится представление о трех родовых гнездах.

Омга-выл. Следы рода Омга выявлены в 25 населенных пунктах в южной части Удмуртии и Кировской области. Древний родовой центр — *Омга-выл* располагался на нижнем течении р. Вятки и ее притоках на территории Вятско-Полянского, Малмыжского районов Кировской области и Кизнерского р-на Удмуртии. В этот выл входили: Дым-Дым-Омга, Казан-Омга, Виноградово (Вятско-Полянский р-н); Курлово, Большая Шабанка (Малмыжский р-н); Старая Омга, Чуштаськем, Верхний Муркозь, Муркозь-Омга, Бертло, Безменшур, Ямайкино (Кизнерский р-н). Жители большинства перечисленных селений Старую Омгу считают своей родовой деревней. Время ее возникновения неизвестно.

Другой Омга-выл располагался по р. Каме и ее притоку Ижу на территории Алнашского района Удмуртской АССР и соседнего Агрызского района Татарии. Сюда входили Кузебаево, Дятлево, Средняя Варзи-Омга, Муважи, Верхнее Кузебаево, Черный Ключ, Чумали, Варзибаш, Сарсак-Омга. Прикамский родовой центр основан выходцами из привятского Омга-выла. Деревни Варзибаш, Кузебаево, Муважи, Средняя Варзи-Омга основаны выходцами из Дым-Дым-Омги (Камдор-Омга) в начале XVI в., в д. Черный Ключ

прибыли из Виноградово (Пуныгурт) Вятско-Полянского района, а часть — из соседнего Кузебаево. Деревня Сарсак-Омга Агрызского р-на ТАССР основана позднее других деревень — лишь в конце XVII в. выходцами из той же Дым-Дым-Омги. Деревня Чумали (Верхняя Усо-Омга) основана переселенцами из д. Варзибаш в начале XVII в. (ГОКО, ф. 170; ПОВГ — 1889).

Шудья-выл. *Шудья ~ Чудья* — пятая по величине воршудно-родовая группа удмуртов. Ее следы выявлены в 76 населенных пунктах. Можно выделить несколько родовых гнезд.

Алнашский Шудья-выл располагался на юге Удмуртии, в Алнашском р-не по р. Тойме (пр. пр. р. Камы) и Варзи (пр. пр. р. Иж). Сюда входили следующие населенные пункты: Алнаши, Старая Шудья, Выль Шудья, Шайтаново, Верхние Алнаши, Дятлево, Елкибаево, Удмуртское Кизеково, Мукшур, Вишур, Ива, Пирогово, Абышево, Жаггурт, Кузюмово, Чемошур-Куюк, Луч, Бокай, Арляново, Удмуртское Гондырево, Кадиково, Казаково, Верхнее Асаново, Нижнее Асаново, Азаматово, Варзи-Шудья.

Можгинский Шудья-выл располагался в бывшем Пычасском р-не. К этому вылу относились Лудзи-Шудзи, Петухово, Удмуртский Пычас.

Кильмезский Шудья-выл располагался в Сюмсинском р-не и пограничном с ним Кильмезском р-не Кировской области, в нижнем течении р. Кильмезь, левого притока Вятки. Сюда входили: Зон, Гозек, Старый Кузлук, Тылыглуд, Гура.

Завьяловский Шудья-выл находился в Завьяловском р-не вокруг г. Ижевска по р. Иж и ее притокам. В данный выл входили следующие населенные пункты: Завьялово, Башур, Калмыки, Люлли, Нижний Вожой, Новая Казмаска, Беты, Пычанки, Ягул, Удмуртская Карлудка, Шаберды, Якшур, Люкшудья, Шудзя, Семеново, Чемошур.

Некоторые исследователи склонны еще выделить Понинский *Шудья-выл* на севере республики, в бывшем Глазовском уезде (ГАКО, ф. 170). Но он пока нами не обследован. О времени возникновения всех вышеперечисленных *вылов,* как и самого этнони-

ма *Чудья* (*Шудья*), говорить пока трудно. Большинство ойконимов, отражающих данное воршудное имя, было уже известно по материалам самых ранних переписей. Так, только в южных и центральных районах на современной территории Удмуртии по переписи 1710 г. имелись 22 ойконима с воршудным именем *Чудья* (Завьяловский куст) или *Шудья* (по другим районам). Это были уже довольно крупные по масштабам того времени селения. Согласно преданию, записанному в конце XIX в. в д. Гозек (Можгинский *Шудья-выл*), ее жители прибыли из д. Старый Гозек Рыбноватажской волости Малмыжского уезда не менее 500 лет назад. На ту же самую волость указали в д. Александрово (Петухово), Вытчан-Шудзя (ПОВГ 1889). Деревня Гозек существует и в настоящее время в Кильмезском районе Кировской области. Таким образом, ойконим Гозек принесен со старой родины, и интересно заметить, что одно из старых селений Алнашского *Шудья-выла* также носит имя Кизек: Гозек ≈ Кизег — древнеудмуртское личное имя общепермского происхождения.

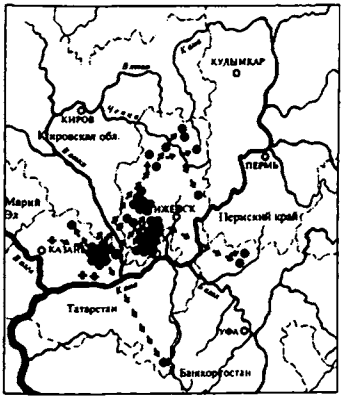
О времени возникновения Алнашского *Шудья-выла* почти ничего не известно. Г. Н. Потаниным записано предание о том, как Шудья-батыр воевал с Калмез-батыром (Калмез батыр — предводитель племени *калмез*) за место поселения. Когда *Шудья батыр* вел своих сородичей на новое место поселения, ему навстречу вышел *Калмез батыр* со своими соплеменниками и преградил дорогу. Тогда предводитель рода *Шудья*, человек огромной силы, вырвал две березы, свил их веревкой и бросил на калмезов. Увидев недюжинную силу предводителя рода, *Калмез батыр* сказал: «Нет, нам не побороть этого богатыря»,— и повернул свою дружину назад. По словам исследователя, алнашские удмурты калмезами называют удмуртов, живущих к северу от Можги, по р. Кильмезь (удм. Калмез) (Потанин 1884: 194). Из предания можно сделать несколько выводов: в Алнашский *Шудья-выл* удмурты пришли примерно из тех же мест, откуда и их можгинские сородичи — с берегов Вятки. Главным путем передвижения в те времена были реки, в данном случае Кильмезь и Вала, в бассейне которых располагались селения родов из племени *калмез*. Род Шудья не относился к этому племенному объединению, если их предводитель не хотел пропустить на свою территорию и воевал с ним. Нет и намеков на принадлежность к ватка (северные удмурты). Мы считаем, что родовая группа Шудья (Чудья) не входила ни в один из этих племенных объединений, являлась самостоятельной родоплеменной группой

неместного происхождения (ср. «Чудь» русских летописей), участвовала позднее в составе формирования удмуртов.

К самым старинным селениям *Алнашского Шудья-выла* относятся Старая Шудья, Ромашкино, Удмуртское Кизеково, Казаково. Из Старой Шудьи отделились Шайтаново, Выль Шудья, Варзи-Шудья; из Казаково — Кадиково, Удмуртское Гондырево, Азаматово, Кузюмово, Чемошур-Куюк; из Удмуртского Кизеково — Пирогово, Арляново, Жаггурт; из Ромашкино — Кучеряново, Елкибаево, Алнаши; из Елкибаево — Абышево, а из с. Алнаши — Верхние Алнаши, Дятлево (ПОВГ 1889).

О *Завьяловском Шудья-выле* также известно очень мало. Одними из старинных селений являются Шабердино (Вуко-Чудья), Подборное (Егад-Чюдья), Завьялово (Дэри-Чудья). Согласно преданиям село Завьялово старше г. Ижевска лет на 100 (ПОВГ 1892). Отсюда в XVII—XVIII вв. отделились деревни Башур, Люлли, Нижний Вожой, Новая Казмаска, Старая Казмаска, Беты, Пычанки. Некоторые деревни Завьяловского *Шудья-выла* остались в черте г. Ижевска, например, Подборное, Старая Карлудка, Удмуртская Карлудка.

Кроме этого, следы родовой группы Шудья выявлены в следующих населенных пунктах: Чужъялово, Лыстем, Чудзялуд Вавожского р-на; Банное Воткинского р-на; Заречный Билиб, Большой Билиб, Бадярвыр, Пустополье Шарканского р-на; Старые Зятцы Якшур-Бодьинского р-на; Нижний Шудзялуд, Верхний Шудзялуд Дебесского р-на; Шудзя, Шудзинский Глазовского р-на; Шахтарово Балезинского р-на; Уни Унинского р-на Кировской области; Шудек Янаульского р-на Башкирии; Старокальмиярово Татышлинского р-на Башкирии; Гожан, Удмурт-Шагирт, Большой Гондыр, Позырес, Барабан, Кипчак Куединского р-на Пермского края.

Уча-выл. Нам известны 46 населенных пунктов, где жили члены рода *Уча*. Выделялись 3 крупных родовых центра — в Кукморском р-не Татарии и Можгинском, Малопургинском р-нах Удмуртии.

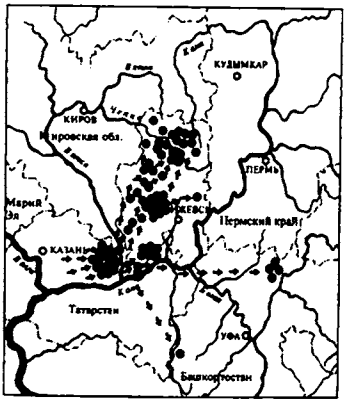
Кукморский Уча-выл: Старая Уча (Вужгурт), Старый Канисар, Новый Канисар, Важашур, Почи-

нок Сутер, Верхняя Шунь, Люгдон, Нижняя Русь. Сюда же примыкали соседние деревни Мамадышского р-на Татарии: Новая Уча, Нижняя Уча, Пойкино. По Ландратской переписи 1716 года, на этой территории известно 11 названий населенных пунктов с этнонимом *Уча*. Есть упоминания, что их предки в эти места прибыли из-под Казани (ЭЭ УдНИИ — УдГУ 73). Действительно, еще в XV в. вокруг столицы Казанского ханства имелись деревни *Уча*, в частности, по Ногайской дороге, по реке Ирге (приток р. Ошняк) и на реке Яче (ныне Старое Якшино) (Чернышев 1971: 277).

Можгинский Уча-выл: Большая Уча, Сундо-Уча, Кельвай-Уча, Ильдас-Уча, Водзя, Чемошур-Уча. Основан выходцами из Кукморского Уча-выла. Точные границы пока не выявлены. Находился между *Дӧкъя, Жикъя, Пельга, Можга вылами*. Самым старым селением считают Большую Учу. Из этого селения отделились Нижние Адам-Учи, Средние Адам-Учи Граховского р-на в середине XVII в. в *Малопургинский Уча-выл*: Бобья-Уча, Гужношур, Печкес, Сырьезшур, Уча (офиц. Ильинское), Малая Уча. Данное родовое гнездо образовано выходцами из Можгинского Уча-выла — из Большой Учи. Первыми прибыли основатели деревень Бобья-Уча и Ильинское; позже выходцы из Ильинского основали селения Гужношур и Малую Учу (ПОВГ 1889; ГАКО, ф. 170).

В Старый Утчан учинцы переселились из д. Саркуз Кизнерского р-на, а выходцы из Старого Утчана основали селения Новый Утчан, Верхний Утчан, Мырк Ошмес, Серп Алнашского р-на (ПОВГ 1889). На Шошме, правом притоке р. Вятки, еще в начале XVIII в. имелось несколько ойконимов, отражающих этноним Уча. В XVI—XVIII вв. часть учинцев переселилась в д. Каймашабаш Янаульского и Качкин-Турай Калтасинского р-нов Башкирии, в д. Потапово-Тумбарла Бавлинского р-на Татарии.

Данная родовая группа проживала и в северных — в Глазовском: д. Верхние Парзи, Пусошур; в Балезинском: д. Коршуново, Коротаево; в Красногорском: д. Ежово; в Юкаменском: д. Большой Вениж; в Кезском: д. Сурдовай — районах Удмуртии. Появление их в чепецком бассейне относится, по всей вероятности, к отдаленным от нас временам. Городище *Учка-кар* (городище рода *Учка* ~ *Уча*) возле д. Кушман Ярского района датируется IX—XII вв.

Ӟумъя-выл. *Ӟумъя* — одна из крупных воршудно-родовых групп удмуртов. Ее следы обнаружены в 86 населенных пунктах на территории 12 районов республики и в 5 районах за ее пределами. Можно выделнть 3 родовых центра — в Кукморском районе Татарии, в Алнашском и Увинском районах Удмуртии.

Кукморский Ӟумъя-выл располагался в северной части Татарии, по р. Ошторма. В его состав входили следующие селения Кукморского р-на: Старая Юмья (Вужгурт), Ошторма-Юмья, Старая Кня-Юмья, Верхний Кумор, Средний Кумор, Нижний Кумор, Филипповка, Новый Кумор, Вильмон, Куркино, Верхний Кузьмес, Балды-Кня, Красный Цветок, Иштуган, Студеный Ключ, Верхняя Юмья. Данный *выл* — древний центр рода *Ӟумъя*. Другие родовые центры образованы выходцами их этого *выла*. Самыми старыми селениями Кукморского *Ӟумъя-выла* считаются Старая Юмья и Ошторма-Юмья. Последний населенный пункт существовал уже в XV в. в составе Казанского ханства (Чернышев 1971: 287). Территория Кукморского р-на разделялась между двумя родовыми группами: *Уча* и *Ӟумъя*. По рассказам информантов, представители рода Ӟумъя прибыли из-под г. Арска не менее 500 лет тому назад (ЭЭ УдНИИ — УдГУ-73).

Алнашский Ӟумъя-выл располагался по р. Тойме, на границе с Менделеевским р-ном Татарии. В этот *выл* входили: Старая Юмья, Нижнее Котнырево, Дружки, Новотроицкое; сюда же примыкали деревни Енабердино и Монашево из соседнего Менделеевского р-на. Старая Юмья, самое старое селение Алнашского *Ӟумъя-выла*, основана переселенцами из Казанской губернии (Кукморский *Ӟумъя-выл*). Время основания неизвестно. Из Старой Юмьи отделились Нижнее Котнырево, Верхнее Котнырево, Енабердино (время неизвестно), Монашево (в конце XVII в.), Дружки (конец XIX в.). Деревни Ляли и Юмьяшур этого же района в данный *выл* не входили, они отделены друг от друга довольно большим расстоянием. В д. Ляли прибыли из Увинского *Ӟумъя-выла*, из Сияг-Зюмьи (ПОВГ 1889, ГАКО, ф. 170).

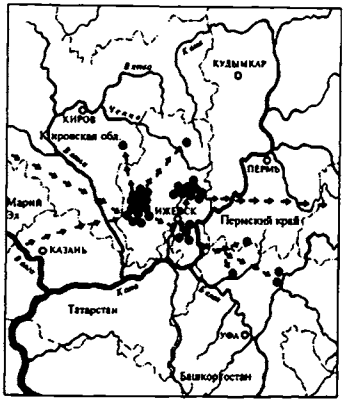
Увинский Ӟумъя-выл включал деревни: Булай, Пунем, Родники, Сухая Видзя, Бинвирь, Лучег, Сяртчигурт, Каравай, Пытцам, Павлово, Каменное, Гай, Кыйлуд. Булай — самое старое селение этого *выла*. Другие деревни основаны выходцами из Булая в XVII—XIX вв. Увинский *Ӟумъя-выл* основан переселенцами из Казанской губернии. В деревню Сяртчигурт переселились из Алнашского *Ӟумъя-выла* — из д. Енабердино Елабужского уезда (ПОВГ 1889, ГАКО, ф. 170). Весьма интересно заметить, что несмотря на довольно большие расстояния, видимо, между тремя родственными *вылами* в течение продолжительного времени поддерживались какие-то связи. Так, если основатели Увинского *Ӟумъя-выла* прибыли в д. Булай из Кукморского *Ӟумъя-выла*, то позднее часть жителей из Булая вновь уехала на старую родину и основала деревню Студеный Ключ в внутри Кукморского *Ӟумъя-выла*. Есть случаи, когда из Алнашского *Ӟумъя-выла* переселялись в Увинский (д. Сяртчигурт) и, наоборот, из Увинского — в Алнашский (д. Ляли).

Немалое количество представителей рода *Ӟумъя* жило за пределами своих родовых центров в следующих селениях: Сюлонер-Юмья, Трык Кизнерского р-на; Старый Сентег, Новый Сентег Завьяловского р-на; Пазял-Зюмья Можгинского р-на; Юмга-Омга, Юмга-Омгинский, Чибирь-Зюнья, Кейлуд-Зюнья Селтинского р-на; Бадьярово Шарканского р-на; Кушья Игринского р-на; Верх-Гыя, Дырпавож, Сурдовай Кезского р-на; Балезино, Долгоево, Андрейшур, Еронпи, Куатьгурт, Нурузово, Исаково, Близ-Варыж, Омутница Балезинского р-на; Шудзя, Коблагурт, Песколуд, Педоново, Верхние Парзи, Тугбулатово Глазовского р-на; Исаково, Кузьмино Ярского р-на; Мурза, Чебаково, Тура Красногорского р-на; Купченеево Ермекеевского р-на Башкирии; Старокальмияро-во, Нижнебалтачево, Бигинеево Татышлинского р-на Башкирии.

Удмурты Татышлинского р-на Башкирии, причисляющие себя к роду *Ӟумъя*, переселились сюда в XVI в. из-под г. Арска после падения Казанского ханства. Татышлинский и кукморский вместе с шошминским и красноуфимским говорами составляют так называемые говоры арского типа.

О времени появления рода *Ӟумъя* в Чепецком бассейне (Игринский, Балезинский, Глазовский, Красногорский, Ярский районы) пока мало что известно. Судя по могильнику *Ӟумъя-шай* (д. Кушья, Игринский район), функционировавшему в XIII—XV вв. (Живаева 1971: 42), данная родовая группа появилась на севере Удмуртии где-то в пределах указанного времени. Отступление приказанских

(арских) удмуртов на северо-восток может быть связано с бурными событиями в Поволжье в связи с появлением там татаро-монголов и с разгромом ими Волжской Булгарии.

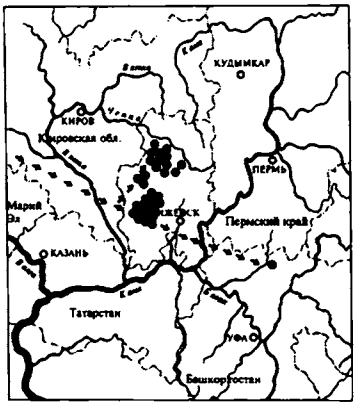
Дӧкъя-выл располагался по р. Вале и ее притокам. В его состав входили 13 деревень Вавожского р-на: Большая Докъя, Четкер, Большое Волково, Среднее Волково, Верхнее Волково, Чемошур-Докъя, Большая Гурезь-Пудга, Малая Гурезь-Пудга, Кайшур, Малиновка, Яголуд, Валодор, Новая Докъя. По преданиям, род *Дӧкъя* в древности проживал южнее г. Казани. Под напором булгар они оставили то место и перебрались на р. Вала. Но, видимо, и после переселения они сохранили определенные связи с оставшимися в Заказанье родственниками: выборные лица из вавожского *Дӧкъя-выла* ездили на общественные моления в город Арск (Ватка но Калмез 1971: 100). Ойконим Докъя зафиксирован на марийской территории — к северу от г. Санчурска на реке Мамокше (Худяков 1935: 124).

Выходцы из Старой Докъи образовали вокруг своей родовой деревни (которой не менее 650 — 700 лет) *Дӧкъя-выл*. В 13 деревнях *Дӧкъя-выла* проживает около 7500 человек (Ватка но Калмез 1971: 100).

Немалое количество докъинцев живет за пределами родового центра — в Шарканском р-не: Тыловыл, Шаркан, Титово, Шонер, Бакино, Порозово, Луговая, Липовка, Кивары; в Завьяловском р-не: Старая Докъя, Малая Докъя; в Воткинском р-не: Катыши; в Кезском р-не: Тольён; в Малопургинском р-не: Яган-Докъя; в Янаульском р-не Башкирии: Каймашабаш; в Татышлинском р-не Башкирии: Старокальмиярово, Арибашево; в Куединском р-не Пермского края: Позырес; в Зуевском р-не Кировской областн: Березняк; в Чаинском р-не Томской области: Тига II.

Село Яган-Докъя Малопургинского р-на основано выходцами из Вавожского Дӧкъя-выла более 600 лет назад (Богаевский 1888: 44), отсюда часть переселилась в д. Катыши Воткинского района (около 370 лет назад) (ПОВГ 1892) и в Старую Докъю Завьяловского рай-

она, из последней — в Малую Докъю, а также в Шарканский район в XVIII—XIX вв. В Томскую область докъинцы переселились в 10-е годы XX в. из деревень Шарканского прихода Сарапульского уезда.

Тукля-выл располагался по р. Кильмези и ее притокам Вале и Уве. Это относительно компактно расселенная воршудно-родовая группа, входившая в состав племенного объединения *калмез*. Есть упоминания, что члены этого рода на территорию Увинского р-на спустились с севера Удмуртии. Весьма интересным и показательным является схема, показывающая ответвление туклинцев из родовой деревни — Вужгурт (Старая Тукля), которую составил С. Е. Ласточкин.

Из Вужгурта (Старой Тукли) отделились: 1) Поршур-Тукля, выходцы из этой деревни основали следующие селения: Шушмо, Федулово, Возеншур, Юбергурт, Комак; 2) Ува-Тукля, выходцы из этой деревни основали селения Ярмак и Маковыр; 3) Узей-Тукля, выходцы из этой деревни основали селения Карашур-Тукля, Кайсышур-Тукля, Пуровай; 4) Пачагурт, выходцы из этой деревни основали селения Малафей, Пача-Комак, Пача-починка; 5) выходцы из Вужгурта (Старой Тукли) основали еще и такие деревни: Чабишур, Папи, Урак, Пытцам, Лудйыл-Тукля, Гырккесшур-Тукля, выходцы из последней деревни основали селение Канишур-Тукля (см.: Ласточкин 1926: 70—76).

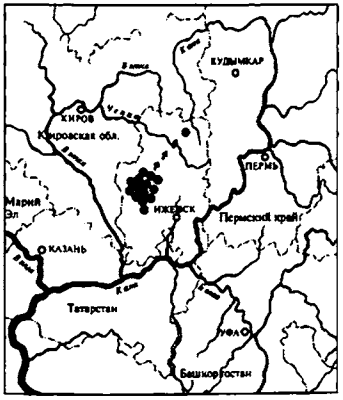
Немалая часть туклинцев живет на севере республики, на стыке Глазовского (д. Озегвай, Пеганово, Отогурт, Гондырево, Тяпык, Тек, Лумпашур, Сыга), Балезинского (д. Ягошур, Артемьево), Красногорского (д. Удмуртский Караул, Ивановцы, Убытьдур) районов по рекам Убыть и Сепыч, левым притокам р. Чепцы. В этом кусте записаны предания о столкновениях ватки с калмезом.

По археологическим данным, в левобережье Чепцы имеются памятники типа Кыпкинского могильника и городища Сьӧлтакар, имеющие некоторые аналоги с памятниками юга Удмуртии. Остатки родовых групп Сьӧлта и Кӧпка зафиксированы в нескольких селениях Селтинского и Сюмсинского районов (бассейн

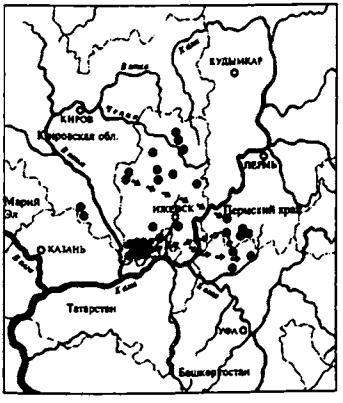
р. Кильмези). В топонимии их следы прослеживаются еще шире — в нижнем течении рек Вятки и Камы.

Вопросы, когда и откуда пришли калмезы на Чепцу, требуют дальнейшего исследования. Как считает археолог В. Семенов, «переселение происходило еще в те времена, когда устройство укрепленных поселений было жизненной необходимостью, т. е. в конце I тыс. н. э., поскольку после X века городища на Чепце не возводились» (Семенов 1979: 84—86).

За пределами республики следы рода Тукля обнаружены лишь в одном населенном пункте — в д. Арибашево Татышлинского района Башкирии, куда они переселились не ранее XVI века.

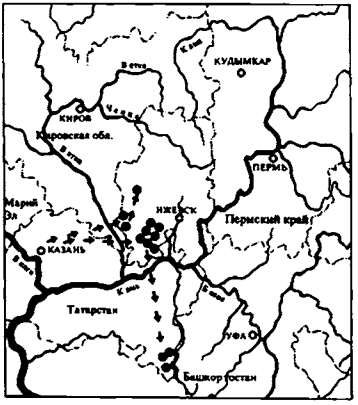
Вамъя-выл располагался в среднем течении реки Валы на территории Увинского района в соседстве или в смешении с родовыми группами Тукля, Ӟумъя, Пельга, Жикъя. В этот выл входили: Старая Вамья, Новая Вамья, Итчи-Вамья, Турунгурт, Чекан, Удмуртский Чекан, Кыйлуд, Новый Кыйлуд, Кочур, Мульшур, Скалгурт, Каравай, Булгурт, Динтем-Вамья. *Вамъя* относился к племенному объединению *калмез*. На этой территории они жили с древнейших времен. В д. Кузем Балезинского района, по всей вероятности, род *Вамъя* переселился с р. Валы.

Ӟатча-выл располагался на юге Удмуртии по р. Умяк, левом притоке р. Вятки. Сюда входили следующие населенные пункты Граховского района: Старые Ятчи, Поршур, Мещеряково, Батырево, Сарайкино, Мамаево, Кузебаево. Время возникновения ни одного из этих селений не известно. В конце XVII в. из Старых Ятчей отделилась д. Варзи-Ятчи Алнашского р-на. К воршуду Ӟатча причислили

себя часть жителей в деревнях Карашур Можгинского, Старый Чультем Завьяловского, Зятцы, Лема Сюмсинского, Старые Зятцы Якшур-Бодьинского, Старое Ягино Шарканского, Красногорское Красногорского, Зятчашур, Шахтарово, Седьяр Балезинского, Новые Зятцы, Ильяпиево Игринского районов Удмуртии, Нижний Кетег, Верхний Кетег Малмыжского р-на Кировской области, Старокальмиярово Татышлинского, Качкинтурай Калтасинского, Новая Кирга Янаульского р-нов Башкирии, Старая Кирга, Барабан, Верхний Гондыр, Удмурт-Шагирт Куединского р-на Пермского края.

Красногорские (северные) удмурты род Ӟатча причисляют к калмезам.

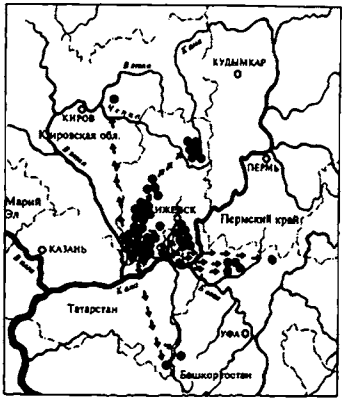

Кибья-выл располагался на территории Можгинского района по рекам Сарсак и Чаж, правым притокам р. Иж. Сюда входили Большая Кибья, Карашур, Пойкино, Оркино, Зобнино, Малая Кибья.

Из Большой Кибьи отделилась Шадрасак-Кибья Алнашского р-на. В д. Пойкино прибыли из-за реки Камы (скорее всего, из-за р. Вятки, т. к. южные, привятские удмурты р. Вятку называют *Кам*), в Мамадышском районе Татарии имеется д. Пойкино; в д. Карашур — из Старой Кибьи Малмыжского уезда (ПОВГ 1889).

Кибья — типичный южноудмуртский род. Ни в этнонимии, ни в топонимии в бассейне реки Чепцы его следы не прослежены. По всей видимости, наиболее древней территорией проживания рода *Кибья* являлся район вокруг г. Арска. Об этом говорят народные предания и данные топонимии. В составе Казанского ханства по Зюрейской дороге на р. Сие была деревня Киби Малые. В Сабинском районе Татарской АССР до сих пор сохранился ойконим Верхнекибья-Козинский.

В д. Покровский-Урустамак, Николашкино, Удмуртские Татышлы Бавлинского района Татарской АССР кибьинцы переселились в XVII—XVIII вв. из деревень Можгинского *Кибья-выла*.

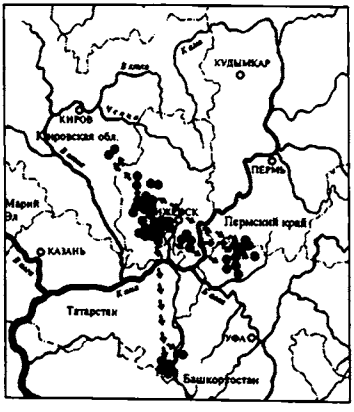

Пельга-выл занимал весьма большую территорию — восточную часть современного Кизнерского, западную часть Граховского, Можгинского, Увинского и всю южную часть Вавожского районов. В состав этого выла входили: Арвазь-Пельга, Васильево, Нижний Ишек, Верхний Бемыж, Старый Кармыж, Макан-Пельга, Поляково, Удмуртский Сарамак, Кибек-Пельга Кизнерского р-на; Селянур Граховского района; Малый Кармыж, Давкино, Нынек Можгинского р-на; Тыловыл-Пельга, Волипельга, Кочежгурт, Берлуд, Старое Жуе, Буд-Уча, Новотроицкий, Мырк-Ошмес, Изоил, Уйвай-Пельга, Удмуртская Изопельга Вавожского района; Большой Жужгес, Малый Жужгес, Лудзил, Нижнее Косоево Увинского р-на.

Пельга-выл — один из крупных родовых центров южной части Удмуртии. О времени возникновения большинства старинных сел этого выла ничего не известно. Уже в XVI в. появляются починки за пределами старого родового гнезда. Нередко 400—500-летняя история удмуртов сохраняется в народной памяти. Предания рода, *выжы кыл* для бесписьменного народа являются основным источником познания своей истории и передачи от поколения к поколению. Среди удмуртов сохранилось немало преданий о переселениях с берегов р. Вятки, из-под Казани, Хлынова, с левобережья р. Камы. Но у рода Пельга таких преданий нам не известно. Кажется возможным объяснить этот факт только тем, что род Пельга на данной территории жил с древних времен, не исключено, что он одним из первых стал заселять юго-западную часть Удмуртии. Так, д. Сарамак за р. Вяткой упоминается уже в XV в., как населенный пункт северо-восточной части Казанского ханства (Чернышев 1971: 288). Время не сохранило предание о более старой родине. Имеется несколько старинных сел рода Пельга за пределами собственного родового центра, время возникновения которых также не известно: Варзи-Пельга Агрызского р-на Татарии, Итешево и Кечево Малопургинского района, создавшие вокруг себя небольшие выпы. Из Кечево отделилось Турово, Валион, Нижнее Кечево, Верхнее Кечево; из Итешево (по переписи 1710 г. Судас-

месь-Пельга) отделилась Карамас-Пельга Киясовского р-на; из Варзи-Пельги — Старый Утчан (по переписи 1710 г. Варзи Уча (н) — Пельга) Алнашского р-на, а из последнего вышли Новый Утчан, Средний Утчан, Мырк Ошмес, Серп. Родовые группы Пельга в деревнях Удмуртской Тоймобаш и Верхние Алнаши прибыли из Волипельги Вавожского района. Волипельга, как считают старожилы из Пельга-выла, является самым старинным, коренным селением для пельгинцев.

На севере нам пока известны несколько деревень, жители которых относят себя к воршуду Пельга: Акчашур, Зямашево, Ковалево, Мироново, Седбам, Юски Кезского р-на и Верхнее Мочагино Слободского р-на Кировской области. По преданиям, род Пельга в д. Верхнее Мочагино прибыл с юга, с берегов Камы (ЭЭ УдНИИ-71). В течение XVI—XVIII вв. часть пельгинцев переселилась в закамские районы. Их следы зафиксированы в следующих селениях: Бикзян Бураевского р-на Башкирии; Кургак, Большекачаково, Тынбахтино Калтасинского р-на Башкирии; Верхнебалтачево Татышлинского р-на Башкирии; Купченеево Ермекеевского р-на Башкирии; Покровский-Урустамак Бавлинского р-на Татарии.

Можга-выл располагался по рекам Вала и Кильмезь и их притокам. Следы рода Можга обнаруживаются в 50 населенных пунктах республики и за ее пределами. Можно выделить 3 более или менее крупных родовых центра — в Можгинском, Вавожском, Сюмсинском районах Удмуртии.

Можгинский Можга-выл располагался в верховьях р. Вала. К этому вылу относились следующие селения: село Можга, Верхние Кватчи, Нижние Кватчи, Валадор-Можга, Чебершур, Удмуртский Сюгаил, Нижний Вишур, Верхний Вишур, Чумойтло, Кинягил. По преданиям, у рода Можга был легендарный предводитель Мардан-батыр, который погиб в бою с марийцами. В честь него каждые 3 года на горе возле д. Нижнее Мельниково совершали крупное мо-

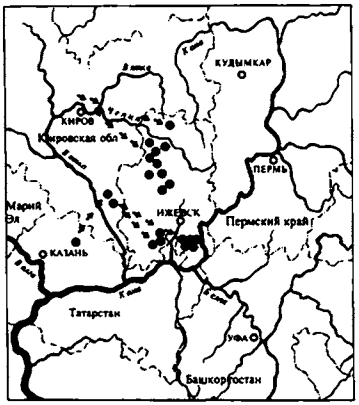
ление, куда собирались жители 24 деревень, принадлежащие роду Можга (Ватка но Калмез: 127—128). Мы же пока выявили лишь 10 населенных пунктов из 24. Коренной, родовой деревней считается с. Можга (в ранних переписях Басурман-Можга). Время основания села неизвестно, только известно, что в этот выл можгинцы прибыли из с. Сюмси очень давно. Все дочерние поселения возникали в XVII—XVIII вв., а д. Нижние Кватчи — в самом конце XVI в. (ПОВГ 1889).

Вавожский Можга-выл располагался в среднем течении р. Вала и по ее притокам. Сюда входили: Вавож, Косая Можга, Ягул-Можга, Жуе-Можга, Большая Можга, Малая Можга, Лыстем, Аблыстем, Силкино. Вавож и Большая Можга — наиболее старинные селения, время возникновения их неизвестно. Предположительно этот центр основан выходцами из Сюмсинского Можга-выла.

Сюмсиинский Можга-выл располагался невдалеке от устья реки Валы. В состав данного выла входили: Сюмси, Малые Сюмси, Урозай Сюмсинского р-на. Сюмси считается коренной деревней, возможно, она является одним из древних селений рода Можга. Время ее возникновения неизвестно. Отсюда же отделились Удмуртский Сурвай и Большой Кочиж Унинского р-на Кировской области (ГАКО, ф. 170).

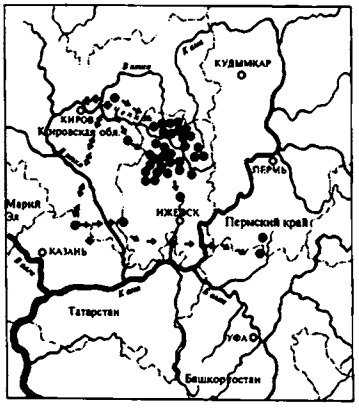
Кроме трех вышеперечисленных вылов, часть можгинцев проживала в следующих населенных пунктах: Лыстем Селтинского р-на; Нижние Юри, Старая Монья, Миндерево, Пуро-Можга, Егорово, Сундуково Малопургинского р-на; Колошур, Дубровск Киясовского р-на; Старая Кирга, Большой Гондыр, Позырес, Кипчак Куединского р-на Пермского края; Можга, Барабановка, Четырман Янаульского р-на Башкирии; Давлеканово Бураевского р-на Башкирии; Качкинтурай Калтасинского р-на Башкирии; Кызыл-Яр Татышлинского р-на Башкирии; Купченеево Ермекеевского района Башкирии; Покровский-Урустамак, Удмурт-Ташлы, Потапово-Тумбарла, Николашкино Бавлинского р-на Татарии.

Некоторые исследователи склонны считать можгинцев южным родом и относить их к племенному объединению *калмез* (ГАКО, ф. 170). Действительно, как показывает наш материал, селения рода *Можга* полностью вмещаются в территорию племени *калмез*. Никаких следов рода Можга не обнаружено в чепецком бассейне — на территории племени *ватка*.

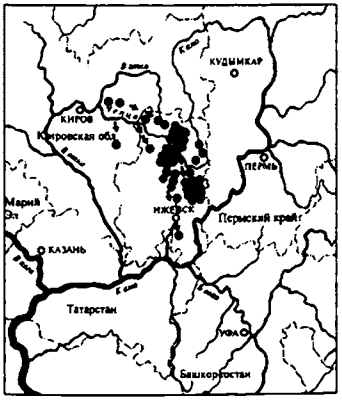
Салья-выл располагался по р. Кырыкмас, левом притоке р. Иж на территории Киясовского района. В этот выл входили Старая Салья, Кады-Салья, Нижняя Малая Салья, Верхняя Малая Салья. Коренной родовой деревней считается Старая Салья — Вужгурт. Время возникновения ее неизвестно. Другие населенные пункты Салья-выла отделились из Вужгурта в XVII—XIX вв.; Старая Салья существовала уже в конце XVI в., сюда, скорее всего, прибыли с берегов Кильмези из д. Салья Кильмезского р-на Кировской области.

Салья — довольно малочисленный, но широко расселившийся род. К настоящему времени его следы обнаружены в следующих селениях: Нижние Юри, Средние Юри Малопургинского; Верхние Юри Можгинского; Заризь, Отогурт Глазовского; Укан, Нижняя Чура, Добрино, Чатчагурт Ярского; Тура, Старое Кычино Красногорского районов Удмуртии; Салья, Ондрушата Кильмезского р-на Кировской области; Старый Кушкет Балтасинского р-на Татарии. В с. Укан Ярского района, по преданиям, переселились с устья Чепцы, из-под Хлынова (Ватка но Калмез 1971: 82).

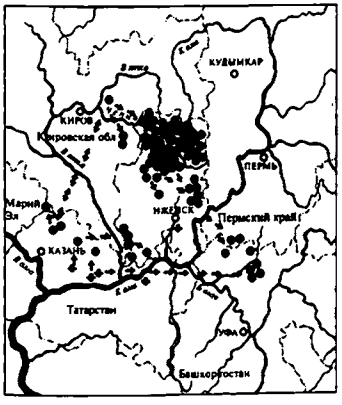

Как мы уже отметили, в Глазовском уезде, расположенном в верхнем и среднем течении р. Чепцы, к известному историческому периоду родовых центров (вылов) не сохранилось. Тем не менее, изучив родовой состав этого куста, мы выявили сосредоточение определенных родовых групп в одном регионе. Так, воршудная группа **Дурга** занимала территорию по среднему течению Чепцы. В Глазовском р-не она обнаружена в

13, в Кезском — в 3, в Балезинском — в 9, в Красногорском — в 8 селениях. Западная точка проживания данного рода расположена в нижнем течении Чепцы, в Слободском р-не Кировской области. По преданию слободских удмуртов, основная часть рода Дурга ушла в сторону Глазова. Оставшаяся же небольшая часть дургинцев объединилась с ослабевшим родом Побъя, но при этом сохранили оба этнонима. Остатки рода Дурга-Побъя выявлены в д. Бурино, Выльгурт, Кобляки, Алексеево, Зямино, Той-Дой Слободского р-на и в д. Городище Зуевского р-на Кировской области. В Вятском уезде зафиксированы 3 деревни под названием Дурга (Дуркинская), без сомнения, имеющие связь с этнонимом Дурга.

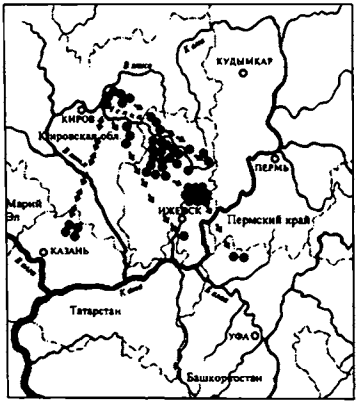

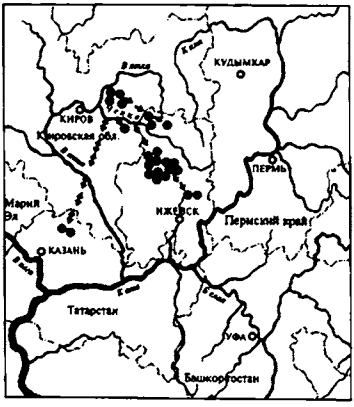
Основной центр сосредоточения рода-воршуда **Кушъя** — Балезинский р-н — члены данного воршудного объединения живут в 21 селении этого района; западный предел — Слободской и Унинский р-ны Кировской области. В топонимии следы рода Кушъя зафиксированы на крайнем юго-западе Вятской губернии — в Яранском уезде (д. Кушъяново, Кушъяновской, Кушъяловская).

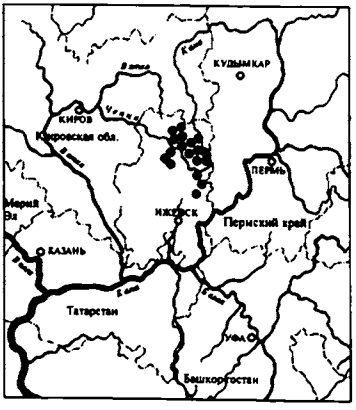

Чабья — одна из широко расселившихся воршудно-родовых групп удмуртов. Ее следы выявлены в 91 населенном пункте, входящих в 11 районов Удмуртии и 9 — за ее пределами. Из 91 селения 66 расположены в бассейне р. Чепцы. На верхнее и среднее течение р. Чепцы род Чабья переселился из-под г. Слободского, из д. Чабья (офиц. Омсино).

Селения рода-воршуда **Чола** расположены на нижней Чеп-

це — в Слободском, Зуевском, Унинском, Фаленском районах Кировской области. На территорию Глазовского и Сарапульского уездов переселились из Слободского, в большинстве случаев из д. Чола (офиц. Круглово).

Одним из мест сосредоточения воршудно-родовой группы **Чипъя** являлись северо-западная часть республики и соседние с ней районы Кировской области с удмуртским населением. Так, в Красногорском и Юкаменском районах члены рода-воршуда Чипъя жили в 14 деревнях. По некоторым упоминаниям, в эти населенные пункты они прибыли из-под Слободского из д. Чипьягурт или Валгурт (ГАКО, ф. 170). В Слободском районе следы воршудной группы Чипъя зафиксированы в д. Омсино, Выльгурт, Сизево, Мураши.

Населенные пункты воршудно-родовой группы **Чуйя** располагались в верхнем течении реки Чепцы, на стыке Кезского, Балезинского и Дебесского районов. В других удмуртских регионах ее следов не выявлено.

* * *

Имеющийся в нашем распоряжении этнонимический материал позволяет сделать вывод о том, что зафиксированные в

недавнем прошлом родовые центры — *выл* — на территории Удмуртии и Татарии по образованию являются вторичными, возможно, и третичными по отношению к более древним, первичным родовым центрам. Родовая организация удмуртов распалась давно, но не в XII—XIII вв., как отмечали некоторые исследователи, а значительно раньше. На Вятке, а с ней связана история многих удмуртских воршудно-родовых групп, мы не смогли выявить уже каких-либо следов сосредоточения одного рода только в одном определенном регионе. Центры же племенных объединений прослеживаются четче.

Изучение истории расселения удмуртских воршудно-родовых объединений, как в свое время писал М. Г. Худяков, проливает яркий свет на историю формирования удмуртского народа и приводит нас к самым истокам его существования. Благодаря такому благодатному материалу удалось определить генетическое родство между северноудмуртскими и арскими (завятскими ~ приказанскими) удмуртами: воршудно-родовой состав арских (удмурты Балтасинского, отчасти Кукморского, Мамадышского р-нов Татарии), Мари-Турекского р-на Марий Эл и северноудмуртских (слободско-зуевско-глазовско-ярский куст) удмуртов полностью совпадают. Такие воршудно-родовые подразделения, как *Чабъя, Дурга, Чола, Пышъя, Салья, Лӧзя, Чипъя, Туръя, Сюра, Ӟумъя, Уча* (последние два воршуда у слободской группы не выявлены) встречаются в обоих группах удмуртской эйкумены.

В то же время, выясняется, что воршудно-родовой состав южных удмуртов и калмезов очень близок, что говорит об их генетическом родстве. Между южными (включая и калмезов) и северными удмуртами генетические связи, судя по истории расселения воршудно-родовых групп, были очень слабыми. Между южными (включая и калмезов) и кукморско-мамадышской группами имелись связи с древних эпох; южные удмурты и калмезы участвовали в образовании закамских (куединско-янаульско-калтасинско-бураевская группа) удмуртов, в меньшей степени — татышлинских и красноуфимских групп, в их становлении приняли участие арские воршудно-родовые группы.

Полное отсутствне следов воршудно-родовых подразделений в среде бесермян может говорить о неудмуртском их происхождении, хотя язык и одежда у них имеют много общего с южными удмуртами.

6. Племенные объединения удмуртов: *ватка и калмез*

Подобно тому, как большинство финно-угорских народов формировалось из двух фратриальных, эндогамных племенных объединений (см. финны: *суоми* и *хяме;* мордва: *мокша* и *эрзя;* коми: *зыряне* и *пермяки;* марийцы: *луговые* и *горные;* эстонцы: *северные* и *южные;* карелы: *людики* и *ливвики;* обские угры: *мось* и *пор*), так и в этногенезе удмуртов участвовали две эндогамные группы: *ватка* и *калмез.* Как показывают экспедиционные материалы, между этими группами имелись существенные различия в языке, в материальной и духовной культуре. По рассказам информантов старшего поколения, в старину брачные союзы между удмуртами *ватка* и *калмез* не заключались.

Первые сведения о делении удмуртов на ватка и калмез находим в работах Д. Г. Мессершмидта, Б. Г. Гаврилова, А. А. Спицына, Г. Н. Потанина. Известный ученый-путешественник по Сибири, Центральной Азии и Дальнему Востоку Г Н. Потанин, проезжая по югу Удмуртии, оставил интересные этнографические записи; по его сообщению, удмурты Елабужского уезда калмезами называют удмуртов Малмыжского уезда, живущих к северу от Можги; они отличаются от южных удмуртов и языком, и обычаями (Потанин 1884: 193—194).

Б. Г Гаврилов, один из первых собирателей фольклорных и этнографических текстов среди удмуртов, в их среде различал северную и южную группы. По его сведениям, глазовские (северные) удмурты называют себя *ватка*, а южных сородичей, живущих в Малмыжском, Сарапульском уездах,— *калмез* (Гаврилов 1890).

По мнению А. А. Спицына, удмуртское племя *калмез* в древности жило южнее племени *ватка*, по р. Вятке и по Пижме, в Яранском и Уржумском уездах. Теснимые марийцами удмурты с правого берега р. Вятки перешли на левый, на берега р. Кильмези и ее притока Валы, который до того времени никем не был занят. С Кильмези они пробовали пробраться далее на север, с Валы — на юг (Спицын 1893). Время отступления удмуртов из Яранского и Уржумского уездов И. Н. Смирнов относил к периоду не позднее XIII в. (Смирнов 1890: 16).

М. Г. Худяков считал, что до прихода племени *ватка* с Вятки на Чепце жили *калмезы.* Ученый много потрудился над историей, этнографией, фольклором — эпосом удмуртов, попытался распре-

делить воршудно-родовые группы по племенным объединениям. Так, к калмезам он отнес воршуды Дёкъя, Жикъя, Кибъя, Тукля, Можга, Нылга, Омга, Пельга, Пудга (Худяков 1920: 355).

Этот же ученый-археолог, этнограф, фольклорист, историк со ссылкой на М. Е. Евсевьева сообщает о том, что у мордвы Алатырского, Ардатовского и Буинского уездов сохранилось воспоминание о каком-то народе, делившемся на 2 племени — *кельмаз* и *ветьке*. Мордва еще в конце XIX в. приурочивала это воспоминание к своим северным соседям — чувашам, но подобных этнонимов у чувашей никем не зафиксировано (Худяков 1920: 15).

Без сомнения, вышеприведенные племенные названия *кельмаз* и *ветьке* связаны с удмуртскими этнонимами *калмез* и *ватка*. Известно, что в сложении Волжской Булгарии участвовали местные финно-угорские племена. Вероятно, какая-то часть племени ватка вошла в состав булгар — предков современных чувашей. Не случайно, мордва до недавнего времени чувашей называла *ветьке* ~ *ветке*, а в некоторых местах татар называли *кельмаз*. В данном случае мы имеем примеры переноса этнонима одного народа на другой. Таких случаев в истории немало.

Во время экспедиций в 1970-е годы к удмуртам Кировской области удалось собрать интереснейшие материалы по языку, одежде, обычаям калмезов и ватка. Удмурты Унинского, Слободского, Зуевского, Фаленского районов указали, в каких населенных пунктах живут *калмезы*, в каких — *ватка*. Брачные связи в те годы между этими группами еще не заключались. Ватка несколько высокомерно отзывались о калмезах, считали себя «ходящими в белом» (в белых холщовых платьях, богато украшенных вышивкой — *тӧдьыен ветлӥсьёс*), а калмезов считали «ходящими в красном» (в тканых из пестрядины платьях, сходных с южными удмуртами — *гордэн ветлӥсьёс*); калмезов считали «молящимися в керемете»: действительно, культ луда-керемета распространен среди южных, арских, центральных групп удмуртов, а в среде северных удмуртов-ватка этот культ не почитается. Во всех отношениях калмезы имели очень много общего с южными и срединными группами удмуртов.

В языке, в первую очередь в лексике, у калмезов и ватка масса различий. Приведу только несколько примеров по терминам родства и свойства: **мать**: калм. *ноной*, ватка *мумы* (*мупый*); **отец**: калм. *дядяй*, ватка *айы* (*ая*); **ст. сестра**: калм. *апай*, ватка *ака* (*акы*, *атя*); **свекровка**: калм. *нонойзы*, ватка *баба* или *Иванлэн мумиз* — мать

Ивана (*Иван* — муж); **патронимия** (отделившиеся братья): калм. *бӧляк ~ иськавын*, ватка *бече*.

В удмуртском фольклоре также имеются сведения о *калмезах* и *ватка*. Так, в одном из преданий говорится, как Калмез-батыр сражался с предводителем многочисленного рода Чудья, проникшим на территорию калмезов. Калмезские богатыри вели многочисленные сражения с порами (удм. *пор* «мариец»; «чужак, чуждый человек»).

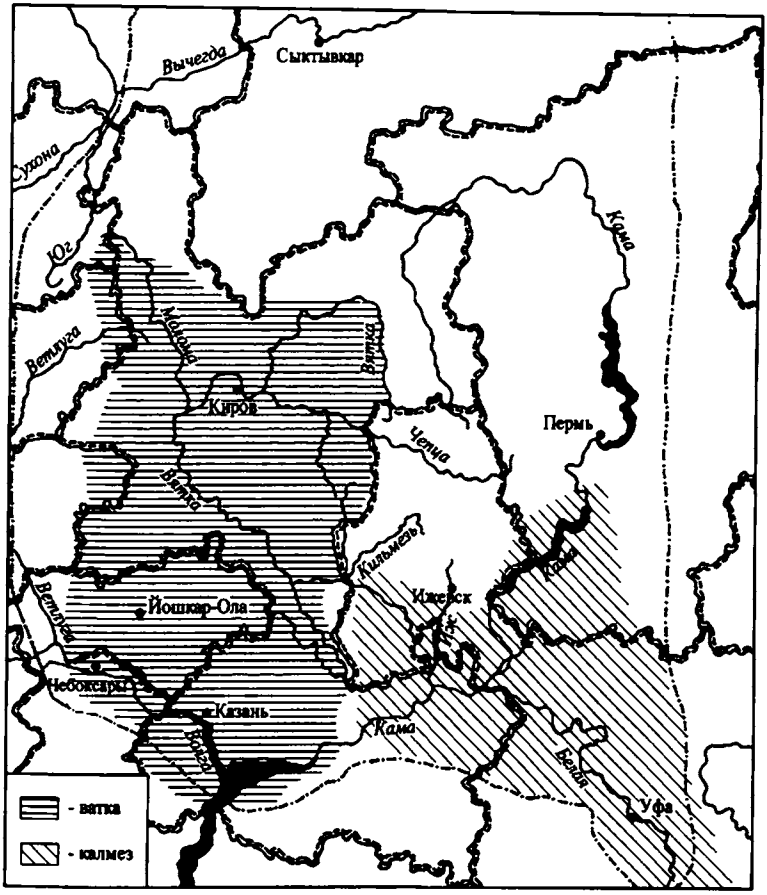
Об отношениях калмезов с ватка сохранились две группы преданий. Судя по первой из них, *ватка* и *калмезы* — родственники, выясняется это при встрече ватки с южным соседом — калмезом. Язык у них общий, но имеются небольшие расхождения. Об этом рассказывается в предании «Кыз но сирпу» (Ватка но Калмез 1971: 98—100).

По сведениям второй группы преданий, *ватка* и *калмез* воюют за территорию проживания: на берегу р. Чепцы, по левым ее притокам в древности жили калмезы. После появления племени ватка со стороны р. Вятки произошло столкновение между племенами. Калмезы были побеждены и вынуждены отойти на свою древнюю территорию — на р. Кильмезь и Иж (Ватка но Калмез 1971: 90—92).

На левобережье средней Чепцы, на территории былого проживания калмезов, имеется ряд археологических памятников чепецкой культуры. Среди них выявляется городище *Сьӧлтакар*, «городище рода Сьӧлта», а воршудно-родовое объединение *Сьӧлта*, как и *Тукля*, принадлежит племени *калмез*. Не случайно в эпических сказаниях северных удмуртов-ватка рассказывается, как иднакарские богатыри враждовали с селтакарскими, воевали с ними, перекидываясь бревнами (Ватка но Калмез 1971: 87—88).

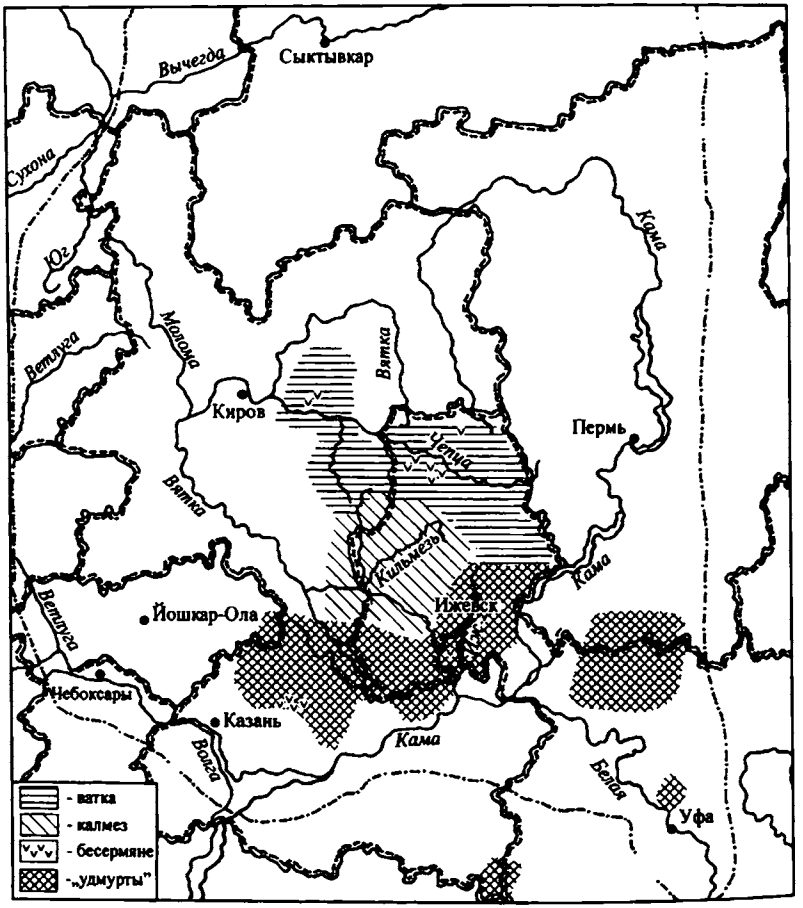
К настоящему времени (сведения получены автором в 1971, 1973 гг.) представления о *ватка* и *калмезах* сохранились лишь среди северных удмуртов, живущих в Слободском, Унинском, Зуевском, Фаленском р-нах Кировской обл. и отчасти в Красногорском, Глазовском, Сюмсинском, Селтинском р-нах Удмуртии. Только косинские удмурты (живущие по р. Косе на территории Кировской обл.) могут указать, в каких населенных пунктах живут *ватка*, в каких — *калмезы*.

Особый интерес представляют этимологии названий двух племенных объединений удмуртов — *ватка* и *калмез*.

Расселение племенных объединений удмуртов
в конце I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.

Удивительной эрудиции ученый-путешественник Д. Г Мессершмидт в 1726 году, проезжая по северу Удмуртии, успел собрать огромный материал по языку и культуре удмуртов-вятка. Не бывая никогда в других местах нашего края, он выяснил, что удмурты состоят из двух частей: по Чепце и Вятке живет *вятка*, а южнее их — *калмезы*. Основу этнонима *вятка* он связывает с зоонимом *вяд* «выдра» (Мессершмидт, л. 353). По его мнению или же по сообщению удмуртских информантов, этноним *калмез* расшифро-

Расселение этнодиалектных групп удмуртов в 17—18 вв.

ван так: *кал* «щука» — «ловцы щук» или «рыбо-мурты» (*Там же.* Л. 356), т. е. «рыба + человек».

В 1988 году, за 13 лет до публикации дневниковых записей немецкого ученого-путешественника Д. Г Мессершмидта, в своей книге «Удмуртская ономастика: этнонимика, топонимика, антропонимика» я попытался дать этимологии двух дуальных племенных объединений удмуртов. На зависть некоторым моим оппонентам, мои предложенные расшифровки, на удивление, почти совпадают с этимологиями немецкого ученого начала XVIII века (см. Ата-

манов 1988: 20—22), что может свидетельствовать об их верности, если между этими публикациями прошло 262 года и не было предложено другой более сносной, научно обоснованной этимологии.

Учитывая тотемическое происхождение названий большинства воршудно-родовых подразделений, я начал выискивать соответствующие зоонимы для неподдающихся расшифровке этнонимов *ватка* и *калмез*. Как и тогда, предлагаю такую этимологию: *ватка* < *вад* «выдра», диал. «бобр» + *-ка* — аффикс. Подобные аффиксы встречаются в названиях воршудно-родовых имен, сравни: *Поска, Кöпка, Куака, Юська, Ӟанка, Паляка.*

Этноним *калмез* — двусоставный этноним: **кал* «рыба» — слово, имеющее уральское происхождение, но не сохранившееся в пермских языках, оно было вытеснено словом *чорыг*, диал сев. *черыг* / к. *чери* + **мес* «человек», «мужчина» — слово финно-угорского происхождения: фин. *миес*, эст. *меес*, вепс. *мес*, *мез*, лиив. *миез*. Как архаизм, застывшая форма, слово *мес* в удмуртском языке сохранилось в составе нескольких сложных слов (все примеры взяты из южноудмуртского наречия: д. Старая Игра Граховского р-на): *кылкылмес* «непослушный, своевольный, шаловливый человек; неслух; упрямец»; *кипырмес* «грубый, безжалостный человек»; возможно, и *вармес* «дом, домочадцы жены (снохи); дом свата и его семья»: булг. *варм.* + *мес* (ср. *вармуми* «тёща»; *вармай* «тесть» и др.).

Данная лексема — *миес*, *меес* — может участвовать в образовании некоторых микроэтнонимов, терминов родства и свойства, ср. лиив. *каламиез* — один из этнонимов лиивов, обозначающий: «рыбак; рыболов», букв.: *кала* «рыба» + *миез* «человек»; эст. *тартумеес* — термин, обозначающий: «житель города Тарту; тартусец»; эст. *вяймеес* (тютремеес) «зять» и др.

Этот же финно-угорский аппелятив употребляется в составе экзоэтнонима *черемис* — древнерусское название марийцев, *чирмыш* — тюркское (татарское, башкирское) название марийцев, *сярмыс* — чувашское название марийцев, *цармис* «мариец» — в древних — хазарском, арабско-персидских источниках (см. Хайду 1985: 66—67).

И. Г Иванов и другие исследователи единогласно считают, что «нет сомнения в том, что слово *черемис* состоит из двух частей. Второй компонент, безусловно, одного происхождения с прибалтийско-финскими *mees*, *mies* «человек». Сложнее дело с первыми компонентами *чере*» (Иванов 1978: 46). Этноним *черемис* он расшифровывает так: «человек из племени *чере*». Первый компонент

данного этнонима он пытается связать с горномарийскими *цора* «мальчик», морд. *цёра*, ненец. *чера* «человек» (*Там же. С.* 47).

В таком случае получается, что этноним *черемис* состоит из двух компонентов, обозначающих «человек +человек». Но эта этимология также относится к числу гипотетических.

Я предлагаю другую версию: первый компонент этнонима *черемис* связан со словом пермских языков, ср. коми *чери* / удм. *чорыг*, диал. сев. *черыг* «рыба». Но получается немного странная картина: в удмуртском этнониме выступает *кал(а)* «рыба» — слово уральского происхождения, наличное и в марийском языке — *кол* «рыба», а в марийском этнониме — слово пермско-обско-угорского происхождения — *чери* «рыба». Если учесть то, что этногенетические процессы прамари и пермян — самых близких друг другу финно-угорских этнических групп — проходили в соседстве и в тесных переплетениях, тогда в этом нет ничего удивительного (вспомним позднесредневековый термин «черемиса зовомая отяки»).

Образ рыбы занимает значительную нишу в мифологии религиозных воззрений удмуртов. Некоторые воршудные названия имеют «рыбное» происхождение, например, Уля: *уля* «пескарь»; Сьӧма: *сьӧм* «рыбья чешуя» + *-а* — аффикс; Чуйя: общеперм. **чуй* «щука», (ср. коми *чуйпи* «щуренок») + *-а* — аффикс. Граховские (южные) удмурты когда-то в жертву приносили и рыбу, неслучайно приумякские удмурты хариуса и форель, водящихся в реке Умяке (л. пр. р. Вятки), до сих пор называют *вӧсь чорыг* или *вӧсян* «жертвенная рыба». В случае заболевания коровы в Бирском уезде *гидмурту* (миф. хозяину хлева) в жертву приносили глухаря, а в случае заболевания лошади — пару щук (Емельянов 1921: 119); в д. Каймашабаш Бирского уезда для благополучия лошади, чтобы она была здорова и лоснилась, раз в течение ее жизни жертвовали пару или одну щуку. Их не варили и не ели, а клали под подстилку в хлеву (Хольмберг 1914: 124).

Все ученые-этнографы, побывавшие в XIX в. в удмуртских селениях, обращали особое внимание на наличие в родовых святилищах — *куала* — особых воршудных коробов (лукошек), обшитых нередко шелковой материей, стоящих на священной полке, в котором, по сообщению И. Н. Смирнова, Н. Г. Первухина и других, хранились: беличья шкурка, перевязанная красной досталью, к концам которой привязаны серебряные монеты, иногда вместо денег — медные бляхи с подвесками; крылья или хвост рябчика, перья тетерева, *сушеная рыба* (чаще — *окунь* — курсив наш.— *М. А.*),

ветки дерева, кусок хлеба, часть косточки с мясом от прошлогоднего жертвоприношения; пасмы льна, клоки шерсти; *лем нянь*: смесь пива, кумышки; ритуальная посуда. Кроме того, в воршудном коробе хранились бляхи с подвесками — *дэндор*, а также зоо- и антропоморфные скульптуры — идолы, сделанные из дерева (~глины, серебра, бронзы) (Смирнов 1890: 212—214; Первухин 1888: 26—29; Емельянов 1921; Луппов 1911 и др.).

Этнограф В. Е. Владыкин отмечает, что в воршудном коробе «была сосредоточена символическая материализованная информация об окружающем мире на всех его важнейших структурных уровнях. Воршуд, коробка с ее содержимым — служила как бы своеобразной «вещной» моделью мира, «началом начал» для удмуртов, религиозно-мнфологическим эталоном-гарантом незыблемости миропорядка, ведь сохранение воршудной коробки и ее содержнмого означало сохранение привычного хода жизни данного рода, семьи и мира в целом, поскольку здесь были представлены его символические части» (Владыкин 1994: 283).

В известном мифологическом сказании о золотом веке Кылдысина вновь присутствует образ рыбы (части которой, как мы говорили выше, хранятся в священном воршудном коробе удмуртов): когда на земле среди людей жил один нз божеств удмуртской триады — *Кылдысин*,— был мир, покой, люди ни в чем не нуждались, жили в полном достатке и счастии, во всем подражая своему покровителю, ему приносили обильные жертвоприношения. Но со временем народ огрубел, люди стали ленивы, немирны, перестали ходить в белотканной одежде, и тогда покровитель удмуртов ушел из земли на небо. Вместе с этим начались мытарства у людей... Поняв свои «грехи», собравшись под древней священной березой, они начали приносить жертвы в честь своего покровителя, умолять, просить, чтоб он вновь вернулся к ним. И вот на вершине белоствольной березы появилась белка-летяга... В тот же миг лучники выстрелили в белку и убили ее, но она, падая на землю, превратилась в рябчика, и тот тут же полетел в лес. Но вновь меткие стрелки пустили свои жгучие стрелы — и бездыханный тетерев упал в воду,— и превратившись в рыбу — окуня,— уплыл... Одни говорят, что скрылся он на небе, другие — в водных просторах (Первухин 1888: 27—28).

Итак, покровитель удмуртов, превратившись в рыбу, вновь ушел от них (можно ли было терпеть такое коварство со стороны людей?!). В этнографических быличках, фольклоре многих наро-

дов мира бытуют сюжеты перевоплощения человека в зверей, птиц, рыб. В знаменитом карело-финском эпосе «Калевала», в рунах которой отразились наиболее древние пласты человеческого миропонимания, всякий человек мог обратиться в зверя, птицу или рыбу: хозяйка Похйолы Лоухи предстает то орлом или коршуном, то щукой (руны 43, 49); Ильмойлинен принимает вид орла (ястреба), щуки; его невеста — чайки, ерша (руна 38); девушка Айно, бросившись в море, превращается в семгу (окуня) (руно 5).

То же мы видим в удмуртских эпических песнях и сказаниях. Песня «Э, мугоры, мугоры» («Эх, тело мое, тело») полностью перекликается песней Айно из «Калевалы»:

«Эх, тело мое, тело, в рыбье тело, наверное, превратишься?!
Эх, мои волосы, волосы, в речную тину, наверное, превратитесь?!
Эх, мое монисто, мое монисто, в рыбью чешую, наверное, превратишься?!
Эх, браслет мой из бусинок, в рыбью икру, наверное, превратишься?!
Эх, зипун ты, мой зипун, в рыбьнй невод, наверное, превратишься?!»

В эпическом сказании «Калмез бакатыръёс» («Калмезские богатыри»), записанном Б. Мункачи в конце XIX в. у калмезской группы удмуртов (д. Шактапи, Селтинский р-н), богатырь Селта пошел воевать с порами за гибель своего брата Бурсина. Когда погнались за ним *поры*, он превратился в медведя, а когда же поры побежали по медвежьим следам, «Селта превратился в орла, крыльями взмахнул, полетел в Мудро. Всю деревню дотла спалил» (Подарок Мункачи 1983: 172—173).

В удмуртском сказании о золотом веке Кылдысина видится три мира: *небесный* — там живут боги и птицы; *земной мир*, где живут люди — удмурты-земледельцы, охотники, звери, растут хлеба, леса; *нижний* — водный мир, где живут рыбы.

В мифологии многих народов мира образ рыбы занимает большое место: на огромной рыбе (или на трех рыбах) держится земля, от их поведения зависят землетрясения, наводнения; рыба — символ чистоты, плодородия, плодовитости, изобилия, мудрости. В ряде африканских традиций рыба — воплощение души умершего человека (то же мы видим в «Калевале» и удмуртской песне «Эх, тело мое, тело»).

В Закавказье верили в существование особой матери-рыбы, говорящей человеческим языком. В связи с этим вспоминаю свое детство: если при рыбалке на удочку или в бредень попадала мелкая рыбешка, мы, дети, ее обратно бросали в воду и давали такой

наказ: «Мын, дорад берт но анайдэ-атайдэ, эшъёстэ татчы вай!» («Иди домой, маму с папой, своих друзей сюда приведи!»). Мы и не очень-то задумывались, что она ничего не понимает, нам хотелось верить (наверное), что она на нашу доброту отзовется добротой. Удмурт прежде чем срубить дерево и то просил прощение. Когда мы, дети, из родника брали воду, то в воду спускали цветок или травку — отдаривались. Раньше с природой, живыми существами обращались с любовью и со страхом.

В древнем Шумере, в странах Ближнего Востока, в Закавказье были «дома рыб» или строились специальные бассейны для них. В первых христианских храмах также находились изображеиия рыб.

Тема «рыбы» занимает немало места в Библии — священной книге иудеев и христиан. Приведу только несколько сюжетов: по древнееврейскому закону, все рыбы признавались чистыми, кроме тех, которые были лишены чешуи и плавников (Левит 11: 9). Поучителен пример пророка Ионы: за ослушание повеления Господа он был брошен в бушующее море и проглочен огромной рыбой-китом, во чреве которой он пробыл три дня и три иочи: «Объяли меня воды до души моей, бездна заключила меня; морскою травою обвита была голова моя». В своем сердце Иона горько покаялся за свое ослушание и дал обет послушания: «А я гласом хвалы принесу Тебе жертву; что обещал, исполню. У Господа спасение!» И сказал Господь киту, и он изверг Иону на сушу» (Иона 1—2; 6, 10—11).

Кроме богоизбранного еврейского народа, у всех язычников мира до распространения христианской веры, а также ислама, были кумирни (удм. *куала*) с разными фетишами, идолами, которым поклонялись люди, не знающие истинного Бога. Поэтому и в Ветхом, и Новом Заветах Священного Писания немало говорится о запрещении поклонения ложным богам — идолам, имеющим образы животных, птиц, рыб или полуживотных-получеловеков. На святой горе Сион Господь Бог через великого пророка Моисея дал и такие заповеди: «...дабы вы не развратились и не сделали себе изваяний, изображений какого-либо кумира, представляющих мужчину или женщину, изображения какого-либо скота, который на земле, изображения какой-либо птицы крылатой, которая летает под небесами, изображения какого-либо гада, ползающего по земле, изображения какой-либо рыбы, которая в водах ниже земли...» (Второзаконие 4: 16—18).

Но мир жил по своим законам. Культ рыбы возник уже в эпоху палеолита; их образы рисовались на каменных стенах гротов, пе-

щер; из неолитических стоянок Сибири известны каменные фигурки рыб. Со временем в древних культурах многих народов мира появились образы получеловека-полуживотного, рыбо-человека: так вавилонский Эа, шумерские Энки имели вид человека-рыбы; вавилонско-сирийско-филистимское женское божество Атаргатис изображалось с рыбьим хвостом; финикийское Дагон, угаритско-аккадское Даган — божество, покровитель земледелия и рыбной ловли, изображался как получеловек-полурыба*. У наших финно-угорских родственников саамов было божество по имени Аккрува, имеющее вид полурыбы-получеловека; одна из египетских богинь изображалась с головой кошки; греческое божество Ахеолоя — в образе рогатого змея с человеческой головой; ацтекская богиня Коатлике — полуженщина-полузмея; индийское божество Ганеш изображалось в виде получеловека-полуслона и т. д. Таких примеров много.

На этом фоне удивления не вызывает расшифровка Д. Г. Мессершмидтом и намного позже мной этнонима удмуртов *калмез* как «рыба + человек».

Как пишет В. Н. Топоров, «Роль животных, как и вообще анимального (зооморфного или териоморфного) элемента в мифологии, исключительно велика. Она определяется значением, которое имели животные на ранней стадии человечества, когда они еще не отделились со всей резкостью от человеческого коллектива — ни в его синхроническом состоянии (включение Ж. в социальную иерархию, помещение священных животных на вершине иерархической лестницы), ни в диахроническом аспекте (идея происхождения данного коллектива от Ж. или от животного предка), ни, наконец, онтологически (представление о Ж. как об особой ипостаси человека)» (Топоров 1980, т. I: 440—449; т. II: 391—393).

Раскрытию происхождения удмуртских племенных (фратриальных), воршудно-родовых названий, без сомнения, большую помощь оказывают расшифровки образов пермского, шире — уральского, звериного стиля, и, наоборот, расшифровка этимологий родоплеменных названий помогает расшифровке его сложных образов, сохранившихся в металлической пластике.

---

* Надо сказать, на мифологию, на религиозные воззрения, на культуру праудмуртских родоплеменных групп с древнейших времен огромное влияние оказали индоиранцы, семито-хамитские и другие народы Ближнего Востока, жившие от Египта до Индии и Китая. Когда читаешь Ветхий Завет, выявляются удивительные параллели. Жаль, их пока никто не изучал.— *М. А.*

«В металлической пластике племен Приуралья широкое распространение получило изображение сложных зоо-, антропоморфных образов и их своеобразная художественная трактовка: птица с человеческим лицом на груди, с изображением рыб, червей или лосиных морд на крыльях; человек с крыльями или с лосиной головой; медведь или росомаха с крыльями и птичьим хвостом; утка с лосиной головой; две конские головки, направленные в разные стороны, составляют щиток, к которому подвешены привески в виде утиных (гусиных) лапок; получеловек-полуживотное в окружении множества животных или их символов (голов, крыльев, хвостов и т. д.) — вот небольшой перечень, созданных фантазией древнего ваятеля композиций, которые мы называем сложными зооморфными и зоо-, антропоморфными образами»,— пишет Л. С. Грибова, автор монографии «Пермский звериный стиль» (М., 1975).

Изображения на бляшках — человек в окружении зверей, птиц — позволяют вникнуть во внутренний мир изображаемой сцены: в верхней части обычно помещаются представители верхнего мира — птицы, млекопитающие, в средней части — человек (получеловек-полузверь и его окружение), а в нижней части — подземные, подводные обитатели — рыбы, ящерицы, выдры, бобры с рыбьими плавниками и рогом над головой. Стоит ли, идет или летит человеко-птице-зверь, под ним стоит «ящер» — существо, похожее на зверя-рыбу: ноги короткие, в виде человеческих рук, а хвост подобен рыбьему; на голову, на тело нанесены символы в виде рыб, бобра, выдры, птицы (Теплоухов 1893: 9; Спицын 1906: 35). Все исследователи сходятся в одном: «ящер» — это воплощение нижнего (загробного) мира, его хозяин.

Значительная часть материала по пермскому (шире — уральскому) звериному стилю собран на земле коми-пермяков, меньше — коми-зырян, обских угров, самодийцев,— на Урале, в Западной Сибири. Немало выявлено их и на удмуртской земле (о воршудных изображениях — зоо-, антропоморфных идолах, о дэндорах — семейно-родовых знаках, сохранившихся среди всех групп удмуртов вплоть до середины XIX в.; выше я уже говорил, они, как сакральные вещи, хранились в святилищах, на землю их так просто не бросали, поэтому и находки образцов пермского звериного стиля удмуртских археологических памятниках редки в сравнении с коми-пермяками, принявшими христианскую религию на несколько столетий раньше своих южных соседей — удмуртов).

Классическим образцом изображения «ящера» и его окружения служит бронзовая бляха, найденная близ д. Ныргында Каракулинского р-на прикамской части Удмуртии: огромный, весьма типичный ящер с коротким пушистым хвостом и короткими лапами; по туловищу «плывут» 7 рыб; из головы сульде-ящера, похожего на щучью челюсть, выступают длинные головы лося с выступающими из них фигурками кричащих птиц; у голов лося перистые уши и подбородки, у птиц перистые бока и уши. Отдельные головы: две человеческие и 11 звериных, группами и в одиночку. Само животное не является щукой, это сложный, смешанный образ нескольких живых существ: щуки, какого-то водного млекопитающего, скорее выдры и небольших рыб, может быть, хариусов (Спицын 1906: 52; Грибова 1975: 13).

Тонкий знаток богатейшего наследия народов Урала — пермского звериного стиля — Л. С. Грибова в результате своих многолетних исследований пришла к таким выводам: в металлической пластике Приуралья в основном представлены животные местной фауны; все исследованные предметы металлического литья I тыс. н. э. служили родовыми, фратриальными и племенными знаками, которые имели социальный и идеологический (религиозный) смысл. Все они были отражением социальной структуры общества — древних тотемических родов, каждый из которых включал, кроме человеческого рода, и фантастических родственников: определенные виды окружавшей фауны и флоры. Расцвет пермского звериного стиля относится к периоду распада родовых отношений и является отражением того позднейшего проявления тотемизма, который, по мнению С. А. Токарева, является племенным тотемизмом и следы которого видны даже в классовом обществе (Токарев 1964: 45—79; Грибова 1975: 144—117).

Таковы наши данные по расшифровке происхождения названий двух древнейших дуальных племенных (фратриальных) объединений удмуртов **ватка** и **калмез**.

6. 1. Расселенне племенного объединения *ватка*

Опираясь на топонимические, исторические источники, материалы этнографических, фольклорно-диалектологических экспедиций, археологических раскопок последних десятилетий, удалось выяснить такую картину: в эпоху средневековья территория племенного объединения *ватка* находилась по среднему и верхнему

течению р. Вятки и по ее притокам Чепце, Холунице, Великой, Быстрице, Моломе, включающая Глазовский, Слободской, а в более раннее время еще и Котельничский, Орловский, Вятский, Шестаковский уезды Вятской губернии, вплоть до восточных уездов Вологодской, Костромской губерний. Средневятские городища, расположенные по р. Вятке от устья Моломы до Чепцы и вверх по Чепце до Косы, археолог А. А. Спицын связывал с удмуртами-ватка. Название р. Вятки он выводил от племенного названия удмуртов — *ватка*. По его мнению, значительная часть глазовских удмуртов-ватка пришла на среднюю и верхнюю Чепцу с р. Вятки после появления там русских. Начало массового переселения из районов Хлынова (совр. г. Киров) А. А. Спицын относил к XVI в. (Спицын 1893: 93—95).

Среди слободских и глазовских удмуртов сохранилась масса преданий о переселении их предков с Вятки и о некоторых столкновениях с пришлым населением. Русские Хлыновского уезда еще в XVIII в. совершали крестные ходы на р. Великую и в с. Волковское, на места побоищ для поминовения павших сородичей при сражениях с коренными жителями края; у части русского населения развилось суеверное почитание «вотских стрел, окованных железом», как чудодейственного средства против заболеваний (Документы... 1958: 15).

Как пишет П. Н. Луппов, русское население, начавшее проникать сюда с XVI в., было встречено удмуртами враждебно. Укрепленные крепости-кары удмуртов русским удавалось захватить только после упорной осады. Часовни, воздвигнутые новгородцами на могилах своих собратьев, служат наглядным свидетельством немирных отношений между пришлыми н коренным населением. Тем не менее русские постепенно оттеснили удмуртов с Вятской земли. Появились города Вятка, Слободской, Шестаков, погосты: Сырьянский, Волковский, Ильннский, Нкольский и др. (Луппов 1901). Русский этнограф, фольклорист, член-корр. АН СССР Д. К. Зеленин прослеживает на Вятке такое правило: где удмурты покидали свои селения после сражений с русскими (например около г. Котельнича и Вятки), там селений с местными финскими (удмуртскими) именами почтн нет. Напротив, где удмурты уходнли сами, без открытой борьбы, вследствие неприятностей, связанных с близким соседством русских, там большой процент селений носнт финские, местные имена. Очевидно, во время войн селения сжигались, имена их забывались, а при мирном отходе названия сохранялись (Зеленин 1901).

По свидетельству известного историка Вятской земли А. С. Верещагина, русское население на Вятке еще в XIV—XV вв. было крайне незначительно, держалось только в самых ограниченных пределах между пограничным (с марийцами) г. Котельничем и укреплением в Хлынове, за которыми по р. Чепце уже стояли поселения арян (удмуртов). Немногочисленным оказывается русское население на Вятке даже в начале XVII в., судя по дозорной кн. Звенигородского и писцовой книге Толчанова. Ученый отмечает, каким путем шло освоение удмуртских земель пришлыми ушкуйниками в начале колонизации Вятки: «а всегда брали и одолевали они внезапным и стремительным натиском, «изгоном», «искрадом», «без вести», как отмечают летописи, да еще находчивостью, а иногда отчаянной дерзостью» (Верещагин 1905). К словам историка присоединяется вятский краевед А. А. Столбов. Он утверждает, что встречи славян с финскими племенами носили мирный характер, что сближение их между собою произошло на почве мирного сожительства. Однако многие документы свидетельствуют, что удмурты упорно сопротивлялись вторжению в их древние насиженные места непрошеных гостей. Происходила упорная, продолжительная война. Древние вятские поселенцы в памятных для них местах сражений строили часовни и устанавливали крестные ходы. Один из таких ходов начинался в с. Никульчине и направлялся в г. Хлынов, а оттуда в с. Волковское. На дороге из г. Слободского в Кай, в 7 км от Слободского, стояла часовня, основанная, по преданию, на месте побоища русских с удмуртами... Поводом к построению часовни у Воскресенской гари Нолинского р-на, по народному преданию, послужило столкновение хлыновцев с удмуртами (Столбов... Рф УИИЯЛ УрО РАН).

В одном из многочисленных преданий удмуртов о Вятской прародине говорится: «В древние времена удмурты не в этих местах жили. В эти края они пришли с запада, из-за города Ватка-кар (Хлынов, совр. г. Киров.— *М. А.*). Там у них было свое царство (*эксэй улос*). Делами своего государства они сами управляли... но русский царь силой изгнал их на восток — туда, где раньше были непроходимые дремучие леса. Не выдержав натиска русского царя, они уходили все дальше, до тех мест, где ныне находится Малмыжский, Сарапульский и Елабужский уезды» (Ватка но Калмез 1971).

Чрезвычайный интерес представляют легенды и предания слободских (нижнечепецких) удмуртов о своей прежней родине на месте Хлынова, об общеплеменном святилище и молении в честь

Имма-вожшуда, записанных автором в 1971 г. Рассказы местных удмуртов, родившихся еще в конце XIX в., перекликаются с «Повестью о стране Вятской». Информацию, полученную от них, можно свести к следующему: «...Когда-то в древности удмурты жили на том месте, где сейчас г. Киров. Там была у удмуртов *зӧк куала* (великое святилище). А потом туда пришли новгородцы и начали воевать с удмуртами. Вокруг своей крепости удмурты выставили деревянных болванов-идолов. Сплели двухметровые лапти — пусть подумают, какие тут богатыри живут! Но силы были неравные. Удмуртов победили, и они ушли из-под Хлынова (удм. *Кылно*). По всем местам рассеялись удмурты. Кто был посильнее — те ушли в сторону Глазова, а кто был послабее — укрылись в ближайших лесах. Когда уходили из Кылно, предводитель рода *(кузё)* дал уходящим членам Имма-вожшуда красного бычка *(горд ошпи)* и сказал: «Где он упадет, там и принесите его в жертву, там и устройте святилище». Куала-святилище построили там, где ныне стоит с. Карино, потом перенесли на другое место. Из Кылно золу сожженной удмуртской куалы перенесли на новое место. По преданию, из горящего святилища Имма-вожшуда вылетел в виде голубя дух куалы. Имма-вожшуд иначе называют Дыдык-вожшуд (удм. *дыдык* «голубь»). Из Кылно призвали своего покровителя-вожшуда и в лесу выбрали специальное место моления в честь Имма-вожшуда — *Иммала ветлон* (хождение в Имму).

Как говорили пожилые информанты, они до сих пор хранят память о Кылно, знают мелодию, напоминающую о времени изгнания из Кылно: *«Эк-эк-эк, ой-ой, э-гинэ, э-гинэ, э-дуннее-дуннее, э-шуыса-шуыса»*. Мелодия очень жалобная, плакать хочется»* (со слов Ф. Е. Морданова, род. в 1888 г., д. Круглово (Чола); М. Н. Кудяшева, род. в 1903 г., д. Паскино (Поска); А. В. Аккузиной, род. в 1896 г., д. Омсино (Чабъя).

Не менее интересную информацию о племенном центре северных удмуртов-ватка на месте Хлынова (Вятка, Киров), перекликающуюся с преданиями слободских удмуртов, можно получить из работ Н. Г. Первухина, А. А. Спицына и других исследователей конца XIX в. В одном из преданий говорится: «...На том месте, где

* По этому поводу вспоминаются два случая: 1) в конце XIX в. в Глазовском у. Н. Г. Первухину довелось увидеть такую картину: по его просьбе пели древние мелодии, во время пения одна престарелая женщина, сидящая на печи, залилась слезами. На вопрос «Почему плачете?», она ответила: «Так пели на Вятке»; 2) южные удмурты таким же образом пели песню без слов «Кузон усён гур» («Мелодия падения Казани») под наигрыш великих гуслей.— *М. А.*

находится город Вятка, прежде было удмуртское поселение с общественной *куалой*. Вытеснив удмуртов, русские принялись разрушать куалу. Из куалы вылетел голубь. Разрушившие куалу решили сжечь ее, но когда огонь охватил здание, все они ослепли» (Спицын 1893). В другом предании, также записанном в Глазовском уезде, говорится: «Когда русские сожгли *быдъым куалу* (великое святилище) в г. Хлынове, удмурты собрали пепел и уголья и, избрав поляну в окружающих Хлынов лесах, посеяли на ней пепел и угли, построили здесь новое святилище — *быдъым куала*. Но на первом же молении раненый жертвенный бык убежал... Долго они шли по следам животного и, наконец, на этом самом лесном островке, среди болот, на берегу р. Убыти остановились, обессилевшего быка принесли в жертву. Усмотрев большое удобство местности со стороны его изолированности, пришедшие удмурты решили остаться и перенести сюда место моления (*быдъым куала*) из-под Хлынова. Здесь на берегах р. Убыть, как и в Хлыновском святилище, собирались на третий год, осенью, несколько тысяч человек из разных уездов Вятской губернии» (Первухин 1888). Моление носило название *Губер-вӧсь* (*губер* <? губерния + *вӧсь* «моление»).

После разрушения племенного центра на р. Вятке, сожжения святилища удмурты вынуждены уйти с родной земли и на другом месте восстановить святилище по образцу того древнего, что было на Вятке. Не случайно же все воршудно-родовые группы с собой взяли пепел родного очага и сожженной куалы. Отступали не только к Глазову и Слободскому, но и на юг, далеко на запад и на север. Так они дошли до далекой Ветлуги на западе и до границ братьев-коми на севере. Известный ученый-археолог О. Н. Бадер приводит чрезвычайно интересное предание, записанное в районе Одоевского городища на Ветлуге (д. Мундор), в котором говорится, что местное русское население, первопоселенцы, пришли сюда вслед за ушедшим быком с Вятки (Бадер 1951: 158; Фотеев 1978: 83). Что в этой легенде обращает на себя внимание? В первую очередь, бык, как тотемное животное, у племени ватка исполняющий роль предводителя племени, за которым идут люди на новое место поселения. Как уже отметили выше, бык (красный бык, бычок — удм. *горд ош)* фигурирует в преданиях слободских, глазовских (северных) удмуртов. На севере Удмуртии, в Кезском р-не, автором записано предание о том, как часть воршудно-родовой группы Вортча из центральной Удмуртии (из д. Нязь-Вортча) переселилась на северо-восток Удмуртии, к истокам р. Камы тоже вслед за красным

бычком. Где он остановился, там его принесли в жертву и на том месте обосновали новое поселение. Во-вторых, предание записано в далеком от нас Поветлужье от русского населения, поэтому нет никаких сомнений в том, что первопоселенцами д. Мундор (ойконим очень напоминает удм. *мудор* — место хранения главной святыни рода-племени — воршуда) были удмурты, которые постепенно обрусели в среде вновь прибывшего русского населения.

Близкий к средневятскому район верхнего Поветлужья, через который могло происходить русское проникновение на Вятку, начал заселяться русскими не ранее XIV в. (Бадер 1951: 157). И, в-третьих, судя по этнотопонимам *Одо* (марийское название удмуртов), древнеудмуртские поселения доходили до восточных пределов Костромской, Нижегородской, Вологодской обл., охватывающих бассейны р. Ветлуги (лев. притока р. Волги), Сухоны (лев. притока р. Северной Двины), к примеру: д. *Одошнур* (мар. *нур* «поле»: «удмуртское поле»), *Одошнурский, Никольско-Одоевское, Троицко-Одоевское* в бывшем Ветлужском уезде Костромской губернии; *Одошнур, Одинер* (мар. *инер* «река»: «удмуртская река») в Тоншаевском р-не Нижегородской обл.; *Одуево, Одошчино* при р. Сухоне в бывшем Устюжском уезде Вологодской губернии. Не случайно красный бык «привел» беженцев в район Одоевского городища, по названию *Одо* — древнеудмуртского памятника, где испокон веков жили некоторые воршудно-родовые группы древних удмуртов.

С рассказами слободских удмуртов о роли чурбанов-болванов при взятии удмуртской крепости на р. Вятке можно поставить в параллель преданне, записанное в середине XIX в. известным ученым, писателем В. И. Далем в среде местных русских. Накануне штурма Чудь Болвановского городка русские воины связали значительное количество плотов, на которые поставили вытесанных из дерева идолов (болванов). Перед штурмом плоты с болванами были спущены вниз по Вятке, и когда те проплыли мимо Болванского города, то его жители и стражи крепости «зазевались» на них. Новгородцы же, подойдя скрытно к Болванскому городку с противоположной стороны, без помех преодолели оборонительные сооружения и, проникнув в город, взяли его «воинским промыслом». Хитрость нападавшнх удалась прежде всего потому, что они смогли подобрать ключ к психолого-поведенческому стереотипу оборонявшихся. Внезапное появление под стенами межплеменного святилища множества плотов с поставленными на них деревянными идолами призвано было вызвать у языческой чуди и отяков

психологическое замешательство, внести растерянность и отвлечь их от исполнения сторожевых функций. Учет новгородцами специфики этнической психологии противника привел их к легкой победе, а незадачливые защитники Болванского городка справедливо были прозваны «ротозеями». Правда, впоследствии это прозвище перешло на русских вятчан — потомков новгородских насельников и обрусевших удмуртов и чудских людей (Зеленин 1994: 80—90; Низов 1999:15—16).

Надо сказать, что это — точка зрения победителя, бахвалящегося своей ловкостью, величием перед инородцами, но думается, на деле все было намного сложнее, и крепость была захвачена не с первого штурма, и не за один день. Сражения, столкновения проходили годами, десятилетиями, как свидетельствует та же «Повесть о стране Вятской» («...ради частого нашествия Чуди Отяков и Черемис», «...Черемиса же и Отяки и Чудь набегающе со стрелами и оружием многим селитвы разоряюще и пленяюще»). Для охраны города Никулицына хлыновцы построили близ него погост. Невдалеке от Хлынова построены были еще два новых селения, но оба они были разорены удмуртами (Вятская губерния... 1876).

Судя по «Повести...», а также по данным археологов, у удмуртов на р. Вятке недалеко друг от друга стояли два укрепленных поселения: на месте Никулицына — от устья р. Чепцы по течению р. Вятки около 6 верст — на правом берегу новгородцы увидели удмуртское городище, окруженное рвом и валом и названное ими Чудь Болванской городок, вероятно, потому, что здесь они нашли главное идольское мольбище удмуртов (Вятская губерния... 1876); второе укрепленное поселение находилось на месте современного г. Кирова.

Не повезло древним племенным центрам удмуртов: на месте Кылнокара возник крупный губернский промышленный г. Вятка, ныне Киров; на месте племенного центра южных (арских) удмуртов в пос. Арск ныне стоит храм с кладбищем, лесопилка и прочие учреждения. И тут и там культурные слои полностью разрушены.

С конца XIX в. поступали сообщения о древних находках на месте Вятки (Хлынова). Так, в 1889 г. был найден клад серебряных арабских монет, он датируется IX в. В 1886 г. при земляных работах на ул. Спасской найден древнеудмуртский медный литой идол, ранее здесь же находили сосуды с пеплом и костями (не с места ли сожженного святилища-куалы, ведь уходящие со своего пепелища удмурты-ватка с собой брали пепел от сожженной куалы?!). В 1929 г. в районе Скопинского лога при постройке железной доро-

ги был обнаружен грунтовый могильник конца I тыс. н. э. В 1958 г. на северной окраине г. Кирова найдено железное копье, которое может быть датировано концом I — началом II тыс. н. э. В 1965 г. на берегу Вятки найдена часть костяной рукоятки в виде стилизованной головы барана с закрученными рогами. В 1974—1975 гг. в окрестностях Александровского сада школьники нашли две бронзовые подвески. Коньковая подвеска обнаружена возле южного входа в парк. Археолог Л. П. Гуссаковский пишет, что все эти отдельные и случайные открытия свидетельствуют о том, что территория современного г. Кирова была заселена уже до прихода русского населения. «По удмуртским преданиям,— отмечает археолог,— в среднем течении Вятки до прихода русских поселенцев проживал удмуртский род (точнее: племя.— *М. А.*) ватка. Согласно преданию, записанному у удмуртов бывшего Глазовского уезда, на территории города когда-то находился удмуртский поселок с общественным (языческим) молитвенным домом (куалой). Сведения удмуртских легенд подтверждаются как данными топонимики, так и археологическими материалами» (Гуссаковский 1999: 32—33).

В 1959 г. в результате систематических исследований территории г. Кирова Л. П. Гуссаковскому удалось обнаружить местонахождение древнейшего (дорусского, т. е. древнеудмуртского) поселка. Он располагался на мысу, образованном берегом р. Вятки и Раздерихинским оврагом. В настоящее время территория древнеудмуртского городища занята садом им. Ст. Халтурина. Чрезвычайно интересное сведение получено от удмуртов д. Давыдово (Обран) Слободского р-на: в районе горсада им. Ст. Халтурина в Кирове у удмуртов была каменная часовня, на верху которой был крест, а на кресте сидел голубь (удм. *дыдык*), все слободские удмурты до сих пор поминают *Дыдык-вожшуд* (Атаманов 1997: 175—176). С напольной стороны площадка городища была защищена земляным валом и рвом (данные археолога со сведениями «Повести...» полностью совпадают.— *М. А.*). Археологические изыскания показали: в результате многовековых строительных работ культурный слой на городище оказался уничтоженным. Сохранились только отдельные вещи от древних насельников города, аналоги которым Л. П. Гуссаковский находит в археологических памятниках Прикамья и Приуралья. Это, в первую очередь, серая лепная керамика с примесью толченой ракушки в глине, сделанная в традиционной местной технике: бронзовая литая орнаментированная обойма от рукоятки ножа; небольшая бронзовая копоушка. По аналогии с

предметами сопредельных территорий эти вещи могут быть датированы XI—XIII вв. (Гуссаковский 1999: 33).

Много неясного и спорного в дате появления русских на Вятке и основании ими первого русского города на этой земле — Хлынова (Кирова). Эта дата важна и для нас, удмуртоведов, ибо с ней связана история разрушения племенного центра северных удмуртов-ватка и начало отступления удмуртов со средней Вятки. Археологи Л. П. Гуссаковский, а за ним Л. Д. Макаров считают, что русские первопоселенцы на Вятке появились в конце XII — начале XIII вв. С ними не соглашаются большинство ученых-историков, этнографов, краеведов (хотя я и ссылаюсь на вышеназванных ученых по определению даты — XII—XIII вв., но в достоверности не уверен). Так, современный историк из Кирова В. В. Низов пишет, что новгородская колония с центром в г. Хлынове возникла не ранее середины XIV в. Хлынов — один из немногих древнерусских городов, потомки строителей которого бережно сохранили и донесли до наших дней точную дату его основания — четверг 14 (22) сентября 1374 г. (Низов 1999: 9—15). «Мирная жизнь горожан,— как пишет исследователь,— осложнялась частыми военными набегами, которые совершали местные финно-угорские племена, а также татары, бесермяне и даже ногайцы снизу Волги реки» (*Там же.* С. 23).

Начало миграции русского населения в район Вятского бассейна известные исследователи Вятского края А. С. Верещагин, А. А. Спицын относили к XIV в. П. Н. Луппов в ранних работах датировал появление русских поселений на Вятке в пределах XIII — начала XIV вв.; близкую позицию в этом вопросе занимал этнограф И. Н. Смирнов (Фотеев 1978: 75—76).

По мнению историка Г. В. Фотеева, определенное увеличение числа русских поселений происходит «после включения Вятской земли в состав владений Дмитрия Константиновича суздальско-нижегородского (около 1378 г.), взятия Вятского (1489 г.), когда сюда устремились выходцы из Поморья (устюжане, двиняне, важане) с началом возникновения монастырей в XVI в.». Так что первоначально имели место лишь незначительные перемещения удмуртов-ватка в пределах средневятского района (Фотеев 1978: 89).

По данным П. Н. Луппова, за все время от начала русской колонизации (1374 г.) до учреждения Вятской губернии (1780 г.) на территории Вятской земли было образовано 154 селения. Территория Вятской земли при первоначальном проникновении сюда русских новоселов была обширна и богата лесами, лугами, реками,

озерами и пашенными землями. Заселение ее русскими в течение первых трех веков (XIV—XVII вв.) происходило чрезвычайно медленно: с XIV в. до 1615 г. образовано всего 28 сел, а именно: около г. Хлынова — 10, около Орлова — 7, около Котельнича — 5, около г. Слободского — 5, около г. Шестакова — 1. Из писцовых книг отдельных уездов за 1628—1629 гг. выясняется, что большинство русских поселений на этой территории в момент переписи имело в среднем по одному или по два двора (Документы... 1958: 24—25).

Изучив большое количество документов по истории северных удмуртов, П. Н. Луппов пришел к выводу: период XV—XVII вв. в истории вятских удмуртов был довольно тяжелым. С севера на их территорию постепенно надвигалась вольнорусская колонизация. Около середины XVII в. громадная территория левобережья р. Чепцы, которую удмурты считали своей, как платившие за нее повальный оброк, Московским правительством передано русским крестьянам, которые очень быстро устраивают на ней целый ряд русских селений. В Каринском стане бывшие татарские князья и мурзы во второй половине XVII в. постепенно завладевают отдельными земельными участками и усиленно эксплуатируют удмуртов, навязываясь к ним в толмачи, в стряпчие и в мирские старосты. Местные воеводы с приказными Хлыновской съезжей избы смотрят на удмуртов лишь как на объект эксплуатации и обирают их по всякому поводу. Московские служилые люди пользуются челобитными удмуртов как поводом к дальнейшему отягощению их — получить от них денег на подарки боярам, подьячим, приставам и прочим многочисленным чиновникам.

Но исследователь считает, что несмотря на все эти беды и напасти, удмурты не теряют бодрости и присутствия духа, проявляют удивительную энергию и настойчивость в защите себя от напастей, и благодаря этому добиваются некоторых успехов в предпринятой ими борьбе с потомками бывших татарских князей: в конце XVII в., например, удмуртам удается удалить часть татар с удмуртской территории (Документы... 1958: 46—47).

О былом проживании удмуртов на всей территории Вятской земли говорят многочисленные географические названия удмуртского происхождения (Атаманов 1983: 115—125).

Материалы ранних переписей (1615 года и далее) зафиксировали «вотские пустоши» — заброшенные селения удмуртов в западной и северной частях края, ср.: «деревня, что был починок *Вотцой* на речке *Воцкой*», «Пустой деревни *Вотцкие*» и др. в Орловском уезде;

«пустошь *Вотцкая*», «пустошь, что была деревня *Вотцкая*, а Федка да Ивашка збежали в 122 году» (в Хлыновском у.); «пустошь, что был починок Лужановских вотяков, Охлопко с товарищи бежали во 119 году» (в Холуницком стане Слободского у.) и др.

Население этих пустошей большей частью ушло к своим сородичам, живущим в бассейне реки Чепцы и по ее притокам, в сторону Глазова, Балезино, Полома, Игры, Дебес, а оставшаяся часть, приняв христианскую религию, постепенно обрусела, вошла в состав вятских русских.

* * *

Другой центр племени *ватка* формировался в конце I тыс. н. э. на среднем течении р. Чепцы, в становлении которого участвовало поломское (верхнечепецкое), в неменьшей степени — еманаевско-кочергинское (вятское) население.

Из многочисленных городищ Иднакар занимал особое, центральное место — он имел значение военно-оборонительного, аграрно-ремесленного, торгового, культурного, общественно-административного центра консолидирующейся этносоциальной общности (Иванова 1998: 233; 243).

К сожалению, история среднечепецких удмуртов повернулась так, что потомки Донды батыра — Идна батыр, Гуръя батыр, Весья батыр и другие предводители северных удмуртов-ватка — не вошли в русло развития общемировых процессов и не смогли создать единого центрального государства. Одним из тормозов в дальнейшем развитии удмуртского общества на уровне других европейских народов, принявших христианскую религию, послужило язычество, уводящее удмуртов в глухие леса для сохранения давно отживших обычаев, обрядов. Каждая родовая группа поклонялась своему божеству — воршуду. До конца XX в. глазовские удмурты помнили, что в Иднакаре (Солдыре) — воршуд *Дурга*, в Адаме — *Чабъя*, в Дондыкаре — *Кушъя*, в Верхней и Нижней Слудке — *Эбга*, в Симашуре — *Дурга, Уля, Чабъя* и т. д. (О среднечепецком племенном центре можно познакомиться в главе «Археология».)

6. 2. Расселение племенного объединения *калмез*

По сравнению с племенным объединением *ватка*, история *калмезов* намного сложна и запутанна. Опираясь на накопленные археологические, топонимические материалы (письменные источ-

ники по калмезам почти отсутствуют), выделяются два региона формирования и расселения калмезов: восточный (более древний) и западный (более поздний).

Восточный ареал расселения калмезов охватывал территорию северо-западных и центральных районов Башкирии, юго-западный угол прежней Пермской обл. и примыкающие к ним юго-восточные районы Удмуртии, северо-восточную часть Татарии — по р. Белой (от среднего течения до самого устья), Каме (от г. Осы до г. Нижнекамска) и по их притокам: Ику, Бую, Б. Таныпу, Тулве, Уфе, Чермасану, Ижу, Тойме, где в древности жили караабызские (IV в. до н. э. — III в. н. э.), чегандинские (III в. до н. э. — V в. н. э.), осинско-красноярские (III в. до н. э. — V в. н. э.) племена, входившие в пьяноборский союз племен. Говоря языком лингвистов, этнографов, это были воршудно-родовые группы, входящие в состав племенного объединения *калмез*. Именно на этой территории, в бассейнах р. Белой и Камы, выявлены этнотопонимы *Калмаш* (тюркизированный вариант удмуртского этнонима *калмез*):

Республика Башкортостан:

р. Калмаш — лев. приток р. Буй (бассейн р. Камы);
р. Калмаш — лев. приток р. Демы (бассейн р. Белой);
р. Калмаш — лев. приток р. Чермасана (бассейн р. Белой);
р. Калмаш — прав. приток р. Юрюзани (бассейн р. Белой);
д. Калмаш — в Дуванском р-не;
д. Калмаш — в Калтасинском р-не;
д. Калмашбаш — в Чекмагушевском р-не;
с. Старокалмашево (Иске Калмаш) — в Чекмагушевском р-не;
с. Новокалмашево (Яны Калмаш) — в Чекмагушевском р-не;
д. Верхний Малый Калмаш (совр. назв. Апасово) — в Краснокамском р-не;
д. Нижний Малый Калмаш (совр. назв. Биктимирово) — в Калтасинском р-не.

Удмуртская Республика:

р. Калмаш — в бассейне р. Камы;
д. Большие Калмаши — в Каракулинском р-не;
д. Малые Калмаши — в Каракулинском р-не.

Республика Татарстан:

р. Калмаш Елгасы — приток р. Шильня (бассейн р. Камы);
с. Калмаш — в Тукаевском р-не;
д. Калмаш — в Актанышском р-не.

Известный ученый-археолог В. Ф. Генинг полагал, что *калмезы* являются потомками чегандинского (пьяноборского) населения, жившего с III в. до н. э. по II в. н. э. в бассейне р. Белой и Нижнем Прикамье. Под натиском пришлых кочевников из Сибири и азиатских степей чегандинские племена — *калмезы* — в массе переселились на р. Вятку и на ее многочисленные притоки (т. е. в западный регион). Ученый прослеживает интересные параллели между чегандинско-азелинскими женскими нарядами и костюмами юго-западных удмурток. Это сходство позволяет предполагать генетическую связь данных групп населения. В. Ф. Генинг один из первых обратил внимание на наличие этнотопонима *Калмаш* в Камско-Бельском междуречье — на территории распространения чегандинской (пьяноборской) культуры — и в центральной Башкирии, где обитали близкородственные чегандинским племена караабызской культуры (Генинг 1970: 208).

На этой территории первые жители появились в самые отдаленные от нас эпохи. Именно в этом благодатном для охоты, рыболовства, собирательства, позднее — для земледелия, животноводства, пчеловодства, развития ремесел, торговли,— крае шло формирование многих удмуртских воршудно-родовых групп, вошедших в состав племенного объединения *калмез*. До начала великого переселения народов здесь не было не только природных, но и социальных катаклизмов. Не случайно этот край очень богат древними археологическими памятниками, начиная от каменного века и до позднего средневековья. Если посмотреть на карту археологических памятников по р. Каме и Белой, то поражает их множество: городища, селища, могильники буквально рассеяны по всему побережью этих крупнейших рек Волго-Уральского региона. На первом месте стоят чегандинско-караабызские, мазунинско-бахмутинские памятники, оставленные древними удмуртами-калмезами. Все эти культуры сформировались на базе ананьинской общности (VIII— II вв. до н. э.), охватывающей лесную зону Восточной Европы и являющейся основой формирования двух близкородственных народов — удмуртов и коми.

1—2 — реконструкция древнеудмуртского костюма по погребениям Биктимировского (1) и Охлебининского (2) могильников караабызской культуры IV в. до н. э. — III в. н. э. (*по А. Х. Пшеничнюку*); 3—5 — костюмы удмуртских женщин конца XIX — начала XX в.: 3, 4 калмезских женщин, 5 — южной удмуртки (*по С. Н. Виноградову*)

Сопоставляя реконструированные археологами костюмные комплексы чегандинских и караабызских женщин, видим, что чегандинский комплекс находит явные аналоги в национальной одежде южных удмурток конца XIX — начала XX в., а караабызский костюм ближе к калмезскому комплексу, хотя те и другие близки между собой (к сожалению, калмезский костюм слабо изучен и описан). Южный вариант пьяноборья — караабызский — тесно связан с историей калмезов. Этнотопоним *Калмаш* в массе встречается на всей территории жительства чегандинско-караабызских племен.

Караабызская культура занимала центральные районы Башкирии, правобережье среднего течения р. Белой от г. Бирска на севере до с. Табынское на юге. Она выросла на основе ананьинской археологической культуры в IV—III вв. до н. э. Многие караабызские поселения были обитаемы в ананьинское время, т. е. жизнь на них не прекращалась в течение последующих эпох. Помимо пермоязычных ананьинцев, как считают археологи, в сложении караабыза небольшую роль сыграли гафурийские (угроязычные?) племена. Известно 23 караабызских памятника: 11 городищ, 5 селищ и 7 могильников. Количественно они во много раз уступают чегандинским, но по размерам им нет равных.

Укрепленные поселения — городища — расположены на высоких берегах рек. С трех сторон они имели укрепление в виде одного, иногда двух, трех валов и рвов, а Бирское городище — четыре вала. Поражают мощностью культурного слоя и величиной караабызские городища и могильники: площадь Биктимировского городища составляет около 50 тыс. кв. м, толщина культурного слоя 200—240 см; II Охлебининского городища — 200 тыс. кв. м, толщина культурного слоя 70—150 см. Удмуртские и другие финно-угорские племена Восточной Европы равных Охлебининскому городищу археологических памятников не имели. Более того, подобных ему сооружений в эту эпоху не было ни у одного народа во всей лесной зоне Евроазиатского континента. Иднакарское городище (IX—XIII вв. н. э.), сооруженное спустя тысяча двести лет, имело в четыре раза меньшую площадь. Поражают и размеры грандиозных могильников: в Охлебининском некрополе, по предварительным подсчетам, общее число погребений должно быть не менее 10 тыс. Судя по площади, не уступает ему и Новоуфимский могильник (Пшеничнюк 1973). На территории Сарапульского р-иа Тарасовский могильник I—V вв. н. э.— крупнейший раскопанный

финно-угорский могильник для всей истории первобытности — имел 1879 погребений, но и он намного меньше Охлебининского. К сожалению, караабызские памятники в данное время не изучаются. Ведущий исследователь этих памятников А. Х. Пшеничнюк перешел к изучению скифо-сарматских курганов Южного Урала. Памятник находится на территории Башкирии, доступ удмуртским археологам к нему ограничен.

А. Х. Пшеничнюк считает, что характер памятников, погребальный обряд, вещевые комплексы, сопоставление их с материалами соседних территорий дают основание утверждать, что племена караабызской культуры находились на стадии родового строя. Городища являлись родовыми, а в отдельных случаях — племенными центрами, куда стекалось все население в моменты военной опасности. Постоянно же на них обитал сравнительно небольшой коллектив. Могильники, по всей вероятности, были племенными, об этом говорят их большие размеры, особенно Охлебининского городища и могильника, находящихся в центре караабызской культуры. В IV—III вв. до н. э. на территории Южного Урала шел процесс образования племенных союзов, который способствовал более быстрому росту производительных сил. Кроме того, образование племенных союзов диктовалось необходимостью защиты от возрастающей военной опасности. Сопровождающий инвентарь мужских погребений — наконечники стрел, предметы конского снаряжения, наконечники копий, мечи и кинжалы — показывает, что мужчина был прежде всего воином, воином-всадником. Как считает исследователь, это объясняется не столько воинственностью караабызцев, вероятнее всего воинственностью соседей — сарматов. На значительной территории сарматы вплотную примыкали к караабызским племенам, их разделяло только русло р. Белой. Отношения между этими разноязычными племенами далеко не всегда были мирными. Сарматы всегда отличались воинственностью. Война для них являлась постоянным промыслом (Пшеничнюк 1973: 216—217).

* * *

Какое соседство! Сарматы, саки, аланы и их ближайшие предки скифы в трепете держали весь древний мир от границ Китая и до берегов Дуная. В бесстрашии, воинской смекалке, беспощадности им не было равных. Вольные дети бескрайних степей Евразии, мужественные воины — мужчины, женщины, старики и дети,— на быстроногих конях преодолевали горные кручи, широкие реки и моря, безводные пустыни и сте-

пи, не зная пощады и жалости, они грабили соседние народы и племена. Еще до Рождества Христова скифские племена дошли до Египта, Испании, Индии; после них в Палестине остался город Скифополь. На территории современных Пакистана, Афганистана, северной Индии существовало Индоскифское царство. Против такой громады устояли наши предки — калмезы! Подумать только! А жили в соседстве не одно столетие. На этом фоне становится ясным, почему караабызцы-калмезы так вооружались и имели такие величественные укрепленные сооружения. Охрана границ древнеудмуртских племен от воинственных соседей легла на плечи караабызцев. Перед бесстрашными кочевниками пали большие и малые города и страны, в их среде растворились иноязычные племена и народы. А наши предки, жители могучих лесов Приуралья — труженики-земледельцы, ремесленники, воины,— устояли перед дикой силой степей, сохранили свою независимость, язык и культуру. Донесли их до нас, чтобы мы, их далекие потомки, любили, берегли их и передали своему потомству.

Но не надо думать, что наши древние предки только воевали, враждовали со скифо-сарматами, они имели и вполне мирные отношения. Иначе как объяснить многие десятки слов, заимствованных из иранских языков. Скифы, сарматы, аланы были ираноязычными, от них произошли современные осетины — народ иранской группы. Предки удмуртов от своих южных соседей заимствовали такие важные термины, как *пудо* «животное, скот», *курег* «курица», *дас* «десять», *корт* «железо», *пурт* «нож», *гурт* «деревня, селение», *эксэй* «царь», *шуд* «счастье», *вордыны* «вырастить, воспитать» и многие другие слова. В дохристианском именнике удмуртов сохранились древние имена, заимствованные от сарматов, аланов, саков, например: Дадок, Занок, Базак, Малаг, Артан, Дангыр, Лангыр, Кандак (мужские имена), Зарина (женское имя) (Атаманов 1988: 113—115). В свою очередь, и в иранских языках, например в осетинском, имеется ряд слов, заимствованных из пермских языков. Этого и не могло не быть, так как территориально они соприкасались: караабызские племена обитали на правом берегу р. Белой, сарматы кочевали по левобережью. Напротив II Охлебининского городища и могильника на расстоянии не более 5 км от русла р. Белой расположен Бишунгаровский сарматский курганный могильник, насчитывающий более 20 земляных насыпей. Не отсюда ли идет у южных удмуртов традиция приписывать всем курганам, неизвестным земляным насыпям алангасарское происхождение? (*«Алангасар»* расшифровывается как *алан + хазар*). Калмезы такие места называют *зэрпал лёг* (зэрпальская шишка, курган). Именно кочевники-степняки над могилой своего сородича возводили курганы, земляные насыпи.

В III в. н. э. памятники караабызской культуры прекращают свое существование. На их месте возникают бахмутинские памятники. А. Х. Пшеничнюк считает, что караабызские племена яви-

лись основой не только раннебахмутинского населения, жившего на территории современной Башкирии, но и мазунинцев, живших на территории Южной Удмуртии. Формирование раннебахмутинской (мазунинской) культуры сопровождалось уходом значительной части пьяноборских (чегандинских) племен на запад, последующая история которых хорошо прослеживается в памятниках азелинской культуры. Небольшая часть караабызских племен также вынуждена была покинуть территорию Приуралья. Оставшиеся в Камско-Бельском бассейне караабызские и чегандинские племена участвовали в становлении раннебахмутинской (мазунинской) культуры (Пшеничнюк 1973: 241—242).

В западном ареале расселения калмезов выявлены топонимы, связанные с удмуртским этнонимом *калмез*:

Удмуртская Республика:

р. Калмез (рус. назв. Кильмезь) — один из самых крупных левобережных притоков р. Вятки, протекает по Удмуртии и Кировской обл.

Республика Татарстан:

рч. Калмес — в бассейне р. Казанки, левого притока Волги — в Арском р-не; название реки менялось несколько раз: в переписи 1781—1782 гг. читаем: «д. Пшалым по речке *Калмес* (Культесь)». Ныне гидронимы Калмес и Культесь забыты, речку называют по ойконимy — Пшалымка; на берегу речки Пшалымки, чуть ниже от современной татарской д. Нижний Пшалым, находится древнеудмуртское кладбище XIV—XV вв. *Ар-зираты* (*ар* — тюркское название удмуртов + *зират* «кладбище»).

Кировская область (бывший Уржумский уезд):

рч. Калмасинка;
родник Калмасинский;
д. Колмаса (Черепанов);
д. Колмаса при Колмасинском ключе;
д. Куба-Колмаж.

В. Ф. Генинг считал, что в первых веках I тыс. н. э. в результате вторжения под напором гуннов и их союзников огромных масс тюркско-угорско-самодийского населения из лесостепей Западной Сибири в Западное Приуралье, большинство жителей Кам-

ско-Бельского бассейна покинуло свою пратерриторию и ушло на запад. По мнению ученого, они отступали двумя путями. Одна часть ушла по малым рекам, через р. Иж, Вала, Кильмезь к Вятке. В бассейне Ижа известно Бобья-Учинское городище, в нижнем слое которого залегает позднечегандинская керамика, в верхнем — мазунинская. На р. Вятке в могильниках встречаются украшения позднечегандинского типа. Второй путь пролегал вниз по р. Каме до Волги (могильники Чачлы-Кул, Масловский, Мари-Луговской). Позднечегандинские вещи найдены в могильнике у с. Ковали и Калкомеры в Нижнем Прикамье. Чегандинско-азелинские племена вскоре были вытеснены перешедшими Каму пришлыми племенами именьковской культуры (Генинг 1970: 195—196).

С мнением В. Ф. Генинга о массовом переселении на рубеже II—III вв. н. э. пьяноборцев-калмезов под натиском пришлых племен на Вятку и о запустении после III в. н. э. территории былого проживания чегандинско-караабызских племен не соглашается Р. Д. Голдина. По ее гипотезе, на пьяноборско-мазунинской основе в Южной Удмуртии вырастает верхнеутчанская культура VI—IX вв. н. э., а в северо-западной Башкирии на основе караабызского варианта пьяноборской археологической культуры в V—VIII вв. н. э. формировалась бахмутинская этнокультурная общность (Голдина 1987: 13, 20—21; 1999: 226—227).

В этой чрезвычайно сложной, трудно поддающейся изучению проблеме, скорее всего, следует выбрать нечто среднее между точкой зрения В. Ф. Генинга и Р. Д. Голдиной. Отрицать отступление калмезов на запад — в бассейны р. Вятки, Волги, устье Камы — невозможно по нескольким причинам: во-первых, в это время начинается массовое освоение бассейнов р. Валы, Чепцы, Ижа, Тоймы, всей территории Удмуртии; во-вторых, пьяноборский компонент усиливается на Вятке и в Поволжье. Здесь переселенцы столкнулись с родственниками по языку и культуре — племенным объединением *ватка*, испокон веков жившим в районе Вятки и по левобережным притокам р. Волги. Переселившиеся с чегандинско-пьяноборской территории калмезы разорвали связь между северной и южной группами *ватка*. Это утверждение основано на том факте, что воршудно-родовой состав крайне юго-западной и крайне северо-западной групп удмуртов одинаков. Такие воршуды арских удмуртов шошминско-карлыганской группы (удмурты Балтасинского р-на Татарии, Мари-Турекского р-на Марий Эл, Уржумского и юга Малмыжского р-нов Кировской обл.), как *Чипъя, Чола, Дур-*

га, Сюра, Чабъя, Лӧзя, Туръя, Пышъя, находят полную аналогию в родовом составе нижне- и среднечепецких удмуртов (удмурты Слободского, Зуевского, Фаленского, Унинского — группа *ватка* Кировской обл.; отчасти Ярского, Красногорского, Юкаменского, Глазовского р-нов Удмуртии). Эти воршуды отсутствуют или же встречаются единично на территории жительства калмезов. В то же время такие типичные калмезские воршудно-родовые группы, как *Можга, Бия, Кӧтья, Чунча, Маля, Пудга, Сьӧлта,* не встречаются ни у шошминско-карлыганской, ни у слободско-глазовских удмуртов.

Существуют общие черты в костюмах арских и слободско-косинских удмуртов-ватка (например белые распашные кафтаны с ложными рукавами) и общие особенности в языке. Так, южные удмурты своих северных сородичей называют *бенпалъёс,* т. е. «бенская сторона»,— по произношению утвердительной части *бен* «да» (сами они говорят *бон* или *бо).* Крайне юго-западная, шошминско-карлыганская, группа также говорит *«бен».* Калмезы же чаще всего здесь произносят *«ы-ы»,* только на границе с южными удмуртами — *«бон».* Казалось бы, незначительный признак, но по произношению утвердительной частицы *бен, бон (бо), ы-ы, о-о* можно этнос разделить на особые этноязыковые группы. Такое деление среди южных удмуртов существует до сих пор.

Проникнув на Вятку и разъединив древних жителей края — удмуртов племени *ватка* — на северную и южную ветви, калмезы дошли до Волго-Ветлужского междуречья, до территории расселения городецких племен, предков марийцев и мордвы. Начались интенсивные контакты с древнемарийскими племенами, обитавшими в Волго-Ветлужском бассейне. Об этом говорят предания как марийцев, так и удмуртов, а также географические названия. По данным марийских ученых И. С. Галкина, Д. Е. Казанцева, вся обширная территория к востоку от р. Ветлуги, включая территорию Марий Эл, юго-западные районы Кировской обл., до начала II тыс. н. э. была занята древнеудмуртскими племенами. После них остались многочисленные топонимы, наиболее ценны этнотопонимы на *Одо* (см. выше) на территории Марий Эл, Нижегородской, Кировской, Костромской областей — более 20 названий. Именно на этих вышеназванных территориях произошли первые контакты древнеудмуртских и древнемарийских племен.

В междуречье Вятки и Ветлуги, по некоторым притокам Волги, на территории бывших Уржумского, Яранского, Малмыжского

уездов Вятской губернии, вплоть до восточных пределов Нижегородской, Костромской губерний, где расселились калмезы, до сего времени сохранилось множество топонимов удмуртского происхождения. Вот только некоторые из них (подробнее см. в главе «Лингвистика»): рч. Сик (удм. *сик* «роща; лес»), рч. Печкеш *(печкез* «мелколесье»); рч. Шур *(шур* «река»); рч. Муш *(муш* «пчела»); д. Одо-Сола («удмуртская деревня»); д. Одошнур (мар. *нур* «поле»: «удмуртское поле»); д. Вотская; д. Нижневодское городище (Бурыгин); рч. Коньга *(Коньга* — воршудное имя); рч. Турья и д. Турья *(Туръя* — воршудно-родовое имя); рч. Сюлта *(Сьӧлта* — воршудно-родовое имя) и многие другие названия. Судя по топонимам, в этом регионе проживали воршудно-родовые группы удмуртов *Коньга, Кӧпка, Омга, Дӧкья, Туръя, Кушъя, Сьӧлта.* В десяти названиях Уржумского, по одному в Яранском и Нолинском уездах отразился микроэтноним *Коньга.* В Вятско-Ветлужском междуречье и на территории Удмуртии, где когда-то жили или и ныне живут калмезы, выявляются такие параллельные названия, как *Иж, Вала, Ошлань, Жужги, Халды, Пучаз (Пычас), Гура, Копки, Курчум, Возжай* и др.

Среди яранско-уржумских марийцев записаны легенды и предания о проживании в том районе народа *одо* и борьбе с ним. В правобережной части Вятки выявлен ряд городищ-убежищ, носящих название *одо-шлем (одо-лем, од-ылем)* «удмуртское жилище, селище». По данным марийского фольклориста В. А. Акцорина, предания об *одо-шлемах* распространены в северной части Новоторъяльского, Сернурского, Оршанского р-нов Республики Марий Эл; в Яранском, Советском, Шурминском, Уржумском, Малмыжском р-нах Кировской обл. В них *одо* (удмурт) фигурирует как автохтонное население, жившее до прихода сюда марийцев (Акцорин 1980: 3—13).

Еще в XIX в. выдающийся археолог А. А. Спицын памятники, найденные им на нижней Вятке и по ее правому притоку Пижме, причислял калмезам. По мнению большинства исследователей, калмезы с правобережья Вятки под натиском марийских племен перешли на левобережье, а оттуда — на берега р. Кильмези (удм. Калмез) и ее притока Валы. С Кильмези они пробовали пробраться на север, в бассейн р. Чепцы, а с Валы — на юг (Спицын 1893: 96; Кротов 1892: 388; Худяков 1917: 41—42; Генинг 1970: 198).

Время отступления удмуртов с Яранского, Уржумского уездов И. Н. Смирнов относил к периоду не позднее конца XIII в. Но от-

дельные родовые группы, видимо, продолжали жить там и в более позднее время. Еще в начале XVIII в. Страленберг на Немде близ Кукарки (ныне г. Советск) встретил несколько удмуртских селений (Смирнов 1890: 16; 263). Отдельные удмуртские деревни из этого региона сохранились до наших дней, например, в Малмыжском, Вятско-Полянском р-нах Кировской обл., Мари-Турекском р-не Марий Эл (современные мари-турекские удмурты больше связаны с арскими, приказанскими удмуртами).

Среди удмуртов, особенно среди калмезов, записано множество преданий о столкновениях с *порами.* Выясняется, что в древности удмурты жили на р. Вятке, но под натиском воинственных поров (марийцев) они отступили в бассейны р. Кильмезь, Вала. По преданию, записанному Б. Мункачи в с. Селты, между обоими народами шла продолжнтельная борьба, где прославились удмуртские князья Бурсин и Селта. В верховьях р. Кильмези, около д. Каровай-Пудга, есть местность, называемая *Порбӧрдон* («место, где плакал мариец»). Судя по преданию, произошла битва удмуртов с марийцами в местности между с. Селты, с. Мултан и д. Старая Монья и между р. Кильмезь и Ува. Это сражение ежегодно поминается удмуртами в ночь на Страстной Четверг. Ночь эта называется у удмуртов *Пор Кулон Уй* («ночь смерти марийцев»). На случай, чтобы марийская душа не проникла путем хитрости в избу, удмурты окуривают жилище — якобы, дыма не выносят марийские души. Под окна и двери, на воротные столбы и под матицы своих изб втыкали ветки вереска, чтобы мстительные души погибших в бою не проникли в удмуртские избы (Худяков 1917).

На правобережье среднего течения Волги, на территории Чувашии и в прилегающих к ней районах Татарии, также выявлены следы пребывания древнеудмуртских родоплеменных групп. Об этом говорят топонимы на *кар* «гнездо; городище, город»: г. *Шупашкар* (офиц. Чебоксары), д. *Шупашкар-Касси, Шупашкар-Есмеле, Ман-Шашкар, Шашкар-Варри, Муркар;* этнотопонимов на *ар*: *Ар-Касси, Ар-Сентер,* рч. *Ар, Глухой Ар;* рч. *Отяк,* поле *Отяково, Воцкий лог;* д. *Утяк, Большой Утяк, Малый Утяк (утяк* — тюркизированный вариант этнонима *Отяк)* и др. Известный чувашский языковед М. Р. Федотов отмечает, что на правом берегу Волги до прихода *сувас* «чуваш» жили племена, язык которых на занимаемых ими когда-то территориях исчез, но сохранилось множество топонимов, давным-давно утративших свое дотопонимическое значение (Федотов 1970: 127—135).

Бесспорно то, что в становлении Волжской Булгарии участвовали местные финно-угорские племена. Какая-то часть племени *ватка* вошла в состав булгар — языковых предков современных чувашей. Не случайно мордва до настоящего времени чувашей называет *ветьке-ветке*. Об этом говорят также древнеудмуртские заимствования в чувашском языке, а также одежда: особенно много общего в национальных костюмах чувашей и бесермян.

Возвращаясь к древнейшей этнотерритории калмезов — в бассейны р. Белой, Камы, Ика,— следует отметить, что не все калмезы-пьяноборцы ушли на запад и что их пратерритория не опустела во время великого переселения народов. Здесь продолжали жить предки калмезов, которых археологи именуют мазунинцами и бахмутинцами. Население, создавшее бахмутинскую культуру, доживает до VIII в н. э. (Голдина 1987: 20—21), т. е. до начала их ассимиляции в тюркоязычной среде.

Но ничто в мире бесследно не исчезает. То же самое мы можем сказать и о калмезах. Растворившись в среде пришлых башкирских племен, калмезы сохранили свой этноним, но в тюркизированном варианте — *калмаш*. Интересно отметить, что обашкирившиеся *калмезы* > *калмаши* продолжали жить на той же самой территории, где в конце I тыс. до н. э. — в начале I тыс. н. э. их далекие предки создали чрезвычайно яркую, самобытную, богатую по содержанию так называемую пьяноборскую археологическую культуру в двух вариантах — чегандинско-мазунинскую и караабызско-бахмутинскую. Ни на юге, ни на востоке и даже на северо-востоке башкирской эйкумены следов племени *калмез (калмаш)* не выявлено, они сосредоточены только среди северо-западных башкир, во многом ныне отатарившихся.

Как отмечает Р. Г. Кузеев, среди северо-западных башкир бассейна р. Белой преобладают этнонимы народов Волго-Камья. Так, в составе гайнинцев, например, четыре подразделения *ар* «удмурт». По преданиям самих гайнинцев, подразделения *кушык герэ, нукшы, аримес, максей* составляют башкиризированные потомки удмуртов. Аналогично объясняют происхождение родовых групп *шэрдэк, юда, кэлтэу* таныпцы. Подразделения, носящие названия народов Волго-Камья, составляют пятую часть всей микроэтнонимии, что является достоверным показателем сильной смешанности северо-западных башкир (Кузеев 1973: 9—21; 1974). Не случайно антропологически и этнографически северо-западные башкиры также существенно отличаются от южных и восточных сородичей.

Под влиянием местных племен они раньше других групп освоили земледелие и стали вести оседлый образ жизни. Такая же картина наблюдалась у кочевников-булгар, переселившихся в конце I тыс. н. э. в Волго-Камье, на территорию жительства местных земледельческих народов, в первую очередь, южных удмуртов.

Пройдя через горнило истории, только западная группа калмезов смогла сохраниться до наших дней. Они ныне живут в бассейне р. Кильмези (левого притока р. Вятки), именуемой удмуртами *Калмез шур,* и по ее притокам р. Вале, Лумпуни, Лобани, Уве, Кылту, Нылге, на территории Сюмсинского, Селтинского, Увинского, Вавожского, части Можгинского (большеучинский куст), Якшур-Бодьинского (старозятцинский куст), Игринского (новозятцинский куст), Красногорского (д. Малягурт) р-нов Удмуртии; Кильмезского, частично Унинского (селения по р. Лобани, Лумпуни, Уне), Малмыжского (шабанский куст) р-нов Кировской обл. К калмезской же группе, вероятно, принадлежат удмурты Завьяловского, Малопургинского р-нов (бассейн р. Иж, правый приток р. Камы), язык и воршудно-родовой состав у них близки, но одежда завьяловско-малопургинских удмуртов сходна с южноудмуртской. Относительно одежды калмезов можно сказать, что она значительно ближе к южноудмуртской, нежели к северноудмуртской одежде ватка.

Если сравнить и другие стороны материальной, духовиой культуры, а также язык северных, южных удмуртов и калмезов, то без сомнения выяснится, что южные удмурты и калмезы намиого ближе друг другу, ибо они сложились на основе чегандинско-мазунинского и караабызско-бахмутинского вариантов пьяноборской культуры, распространенной в бассейнах р. Белой, Камы и на прилегающих к ним регионах.

Такова в общих чертах история формирования и расселения одного из двух племенных объединений удмуртов — *калмез.*

6. 3. Арское княжество в письменных источниках и народных преданиях

Арабские, русские письменные источинки, народные предания удмуртов, татар, русских, исследования ученых-путешественников говорят о существовании в конце I тыс. н. э. в Нижнем Прикамье, на территории современных северо-западных районов Татарстана (Заказанье), в прилегающих к ним районах Кировской области и

Марий Эл Арского княжества. Но этот вопрос в отечественной историографии никогда не обсуждался.

Еще в 20-е гг. XX столетия М. Г. Худяков в одной из монографий «Очерки по истории Казанского ханства» (Казань, 1923) писал о том, что в составе Казанского ханства существовало удельное Арское княжество, где правили туземные (т. е. *удмуртские*) князья, издавна подвластные Казанскому престолу; среди инородческих князей *арские* пользовались особым почетом и властью у правителей страны (Худяков 1923: 48; 193).

Впервые о древних предках удмуртов — *арах* — писали в IX—XII вв. арабские путешественники, купцы, миссионеры, как о жителях страны *Арсания* (ал-Истархи, ал-Саваджи, ал-Идриси, ибн-Хаукаль), по другому — *Ару* (ал-Гарнати) с главным городом — Арса (Арта, Артаб, Арсай), который находится на высокой укрепленной горе; у народа *Арсании* имеется свой царь; жители страны — охотники, ремесленники — ведут оживленную торговлю с купцами южных стран, но никого из чужеземцев в свою землю не пускают, лишь сами они спускаются по воде, торгуют, но не сообщают никому ничего о делах своих и не позволяют никому сопровождать и входить в их страну. Из *Арсании* вывозят пушнину, ремесленные изделия и некоторое число рабов (см. работы М. В. Гришкиной (Сысоевой) 1967: 294—309; 1994: 12—22).

В 1135—1136 гг. в Волжской Булгарии побывал арабский купец, миссионер из Испании Абу Хамид ал-Гарнати. Кроме подробного описания быта, нравов жителей Булгарии, он оставил некоторые сведения и о соседних, подвластных булгарам, народах, в частности о стране *Вису* и *Ару:* «А у него (Булгара) есть область (жители которой) платят харадж (налог.— *М. А.*), между ними и Булгаром месяц пути, называют ее *Вису*. И есть другая область, которую называют *Ару* (курсив наш.— *М. А.*), в ней охотятся на бобров, горностаев и превосходных белок. А день там летом двадцать два часа. И идут от них чрезвычайно хорошие шкурки бобров» (Путешествие... 1971: 31).

Комментируя данный исторический документ, А. Л. Монагайт полагает, что земли Вису и Ару были заселены финскими племенами — предками вепсов (араб. *ису, вису,* рус. *весь)* и удмуртов (араб., тюрк. *ар, ару*). Он одним из первых, и небезосновательно, предположил, что область *Ару* — это Арская земля русских летописей. Арский городок и арские князья упоминаются в связи с событиями 1469 и 1489 гг. По сведениям Никоновской летописи, арские люди

жили в неприступных местах среди непроходимых лесов и болот и строили для своей защиты укрепленные городища на горах (Путешествие... С. 102). Таким образом, арабские и русские летописи не противоречат, а подкрепляют друг друга.

Множество ценных сведений об удмуртах (арах) IX—XVI вв. сообщают булгарско-татарские летописи. По сведениям одного из них, Казанское ханство состояло из 7 илей (губерний); вторым, после собственно Казанского, назван *Арский иль* со столицей *Ар-Кала,* которую называли просто *Арча* (см.: Бахши Иман. Джагфар тарихы. Свод булгарских летописей. Оренбург, 1993. Т. 1).

Об Арске, Арской земле и ее жителях — арах (арянах, арских людях) писали и русские летописцы XIV—XVI вв., особенно в связи с военными столкновениями между Казанским ханством и набирающим силу, мощь молодым Русским государством. Большая часть сведений русских летописей относится к периоду Казанской войны, в связи с разгромом ханства, в т. ч. Арского княжества, и последующими за ними событиями на Арской земле.

На наш взгляд, связь арабского этнотопонима *Арса* с булгарским *Арча,* удмуртским *Арча,* русским *Арск* не вызывает сомнения: в их основе лежит этноним *Ар* — так до недавнего времени тюркские народы края (татары, башкиры, чуваши, а в древности — булгары) называли своих северных соседей удмуртов, *-ча -са, -ск* — аффиксы. Об этническом составе жителей Казанского ханства князь Андрей Курбский, участник Казанского похода Ивана Грозного, оставил такую запись: «Кроме Татарска языка, в том царстве пять различных языков: Мордовский, Чюважский, Черемиский, Воитецкий, або *Арский* (курсив наш.— *М. А.*), пятый Башкирский» (Курбский 1914: 205—206). По этому сообщению еще раз убеждаемся в том, что *арский* язык есть *воитецкий* (вотяцкий), т. е. удмуртский, и тут не может быть никаких сомнений относительно принадлежности арского-вотяцкого языка к удмуртскому.

После бурных событий XVI столетия, повернувших ход исторического развития народов Волго-Камья на современный путь, прошли столетия. Наступило затишье и у летописцев, особенно по интересующему нас Арскому региону. Лишь в XVIII в. с началом целенаправленного изучения истории, языка, культуры народов, населяющих огромную Российскую империю, вновь появились отрывочные сведения об Арске, о древних его обитателях, об оставшихся исторических достопримечательностях данного города и его округи.

Так, участники академических экспедиций, побывавшие в XVIII в. в Арске, отмечали, что от прежних жителей, *аров* (удмуртов), остались развалины крепости, старинное кладбище и молитвенное место — *керемет,* видимый «при восточном конце пригородка, посреди отрощенных березовых деревъ». П. С. Паллас пишет, что прежде распространения власти татар в России, удмурты занимали более южные территории. Под правлением собственных князей «основали они в стране, где ныне стоит Арский пригородок, свое жилище и малую крепость построили. Оттуда татарами вытеснены, принуждены были податься к северу, густыми лесами покрытые места, к Вятке и Верхней Каме». По его словам, «название *Арской,* которое без погрешности от имени *ари,* коим татары вотяцкий народ называют, производить должно, и оставшиеся доселе следы древних крепостных развалин близ Арского пригородка придают сему сказанию достаточную вероятность» (Паллас 1788: 29—30).

Вслед за участниками академических экспедиций отрывочные сведения об Арске, Арской земле и ее древних жителях, находим в трудах ученых, историков, этнографов, археологов, лингвистов (М. Кастрен, С. М. Шпилевский, А. А. Спицын, С. К. Кузнецов, И. А. Износков, П. Н. Луппов, Н. А. Спасский, М. Г. Худяков, В. К. Кельмаков, М. Г. Атаманов, Н. И. Шутова и др.).

«В XIV, XV, XVII вв. вотяки, или ари, заселяли нынешние Казанский, Мамадышский и отчасти Царевококшайский уезды в северных их частях. Был народ *ари, Арская волость, Арский городок* (курсив наш.— *М. А.*), с которыми имели дело воеводы царя Ивана Грозного. Но магометанство поглотило удмуртов, переименовав их в татары»,— пишет Н. А. Спасский (Спасский 1913: 134).

П. Н. Луппов отмечает, что «некоторые из удмуртов жили даже в городах. К числу, несомненно, удмуртских городов принадлежит, например, город Арск, находящийся в 56 верстах от г. Казани на берегу реки Казанки и существовавший уже в XIII в. Наименование свое этот город получил от обитателей, называвшихся *ари, арское племя,* т. е. удмуртами» (Луппов 1901: 91).

«Вотские поселения Мамадышского уезда, как и соседнего с ним Казанского, составляют только остатки того сплошного вотского населения, которое занимало добрую половину Казанского и почти весь Мамадышский уезд. В пору покорения Казани (1552 г.) вотяки густо сидели в этих местах, а в теперешнем заштатном городе Арске они имели даже крепость; ...под татарским давлением вотяки подались на восток — в Малмыжский, Елабужский уезды

Вятской губернии. На старых местах осталось 8—10 родов, из которых Юмъя и Ныръя — как хранители местной удмуртской святыни — священного *«быдӟым луда»*, расположенного на древнем, обширном и обнесенном рвами городище (на территории современного Кукморского р-на.— *М. А.*), притом как роды многолюдные, образовавшие по несколько деревень, ни за что не хотели выселиться из родных пределов» (Кузнецов 1905: 26—27).

Известный татарский историк Х. Г. Гимади считает, что территорию исследуемого нами региона — Заказанье, или Арскую землю,— булгары начали заселять в 30—40-е гг. XIII в. во время нашествия монголов; массовое же заселение правобережья прикамских районов Татарии булгарами произошло во второй половине XIV в. Это было связано с периодом распада Золотой Орды, когда участились разбойничьи набеги отдельных ордынских владетелей на подвластные народы. До этого же, судя по археологическим данным и названиям селений, расположенных в этом уголке Татарии, Заказанье было заселено преимущественно аборигенами финского происхождения — удмуртами и марийцами. Автор считает, что булгарская культура выросла, в первую очередь, на базе древних культур народов Прикамья (Гимади 1948: 207—221). Такой же точки зрения придерживаются известные ученые по булгаро-татарской культуре Н. И. Воробьев (1948), С. А. Плетнева (1982) и др. Х. Г. Гимади пишет, что антропологический состав в этих районах (т. е. в Заказанье, на Арской земле.— *М. А.)* сильно отличается от районов средней полосы Татарии. Здесь преобладают типы, характерные для населения Удмуртской и Марийской республик. В антропологическом и бытовом отношениях наиболее близки удмуртам татары-кряшены (Гимади 1948: 223).

По данным антрополога Т. А. Трофимовой, 24,5% татар принадлежат к сублапоноидному типу, характерному для удмуртов, отчасти для марийцев (Трофимова 1949: 23—25). О массовых случаях исламизации аров-удмуртов в булгарско-татарскую эпоху узнаем из книги Бахши Имана (1993: 169, 232). Принявшие ислам постепенно отатаривались, особенно зажиточная, образованная часть удмуртского населения, правящая верхушка. По моему убеждению, арские князья были удмуртами, принявшими ислам, отатарившимися, но знающими удмуртский язык, обычаи — иначе удмурты их не выбрали бы себе в предводители. С другой стороны, они не могли не принять ислам, будучи удельными князьями удельного княжества, подчиненного главе мусульманского государства — хану.

Массовые случаи исламизации (татаризации, «ухода в татары») продолжались среди удмуртов-язычников еще в XIX в., вплоть до революции 1917 г.

Огромную роль в изучении древней истории любой страны, любого региона играют географические названия, особенно при отсутствии древних письменных источников, ибо каждый топоним своего рода исторический документ или памятник, имеющий значение первоисточника, не случайно их именуют «языком Земли». Практически почти все исследователи, занимающиеся изучением истории, языка, культуры волго-вятско-камских районов Татарии, особенно Арской земли, И. А. Износков, Н. А. Спасский, С. К. Кузнецов, Х. Г. Гимади, Г Ф. Саттаров, Ф. Г. Гарипова, Н. Б. Бурганова, Л. Ш. Арсланов, В. К. Кельмаков, М. Г. Атаманов, Н. И. Шутова и др. выделяют значительный пласт удмуртских топонимов. Для примера приводим некоторые названия рек и деревень удмуртского происхождения, собранные в центральной части изучаемого региона — на территории современного Арского р-на (ныне в этом районе нет ни одного удмуртского населенного пункта): р. *Муй* — приток р. Кисьмесь, н. п. Ст. *Муй:* удм. *муй~мый<*мӱй* «бобр; бобровый»; р. *Наласа* — приток р. Казанки, н. п. *Наласа:* удм. *нюлэсо* «лесной; богатый лесом»; рч. *Гюрэч* — приток р. Наласы: удм. *гурезь* «гора; горный, гористый»; *Бирезе* — приток р. Казанки, н. п. *Верхние Берези, Кукчи-Берези:* удм. *беризё* «липовый лес; липняк»; р. *Чума Йылгасы* — приток р. Кисьмесь, н. п. *Чума-Елга:* удм. *чумо <*чума* «с лесной охотничьей избушкой; клетью» + тат. *йылга* «река»; р. *Шашы* Суы, н. п. *Верхние Шаши, Нижние Шаши, Новые Шаши:* удм. *шашы,* «осока; осоковый»; р. *Сюрдэ Йылгасы* — в бассейне р. Казанки, н. п. *Сурда:* удм. *сурд* < **сӱрд* «березовая роща; березняк»; *сурдо* «богатая березовым лесом, березняком местность»; р. *Кушер Йылгасы* — в бассейне р. Казанки, н. п. *Кушар:* удм. *куш* «лесная поляна» + ӧр «русло реки; ручей; приток реки»; р. *Курса Суы* — приток р. Кисьмесь, н. п. *Корса, Нижняя Корса, Средняя Корса, Смак-Корса:* удм. *Куарса* — воршудно-родовое имя; в документах XVII—XVIII вв. р. Культес названа *Калмес* (см.: «д. Пшалым по речке *Калмес* или Культесь)»: удм. *калмез* — название одного из двух племен удмуртов; на берегу р. Культес (или Калмес) находится древнеудмуртский могильник — *Ар зираты* (тюрк. *ар* «удмурт, удмуртский» + *зират* «кладбище, могильник»); д. *Ары~Ар Базар,* официальное название Апазово — отатарившаяся удмуртская деревня.

Из работы Н. Б. Бургановой узнаем, что в джиене под названием *Му*, что в Арском р-не, все деревни носят названия удмуртского происхождения, ср.: Ст. Муй, Сиза (тат. Сезе < удм. *сезьы* «овес»), Чума-Елга, Верхняя Корса и др., притом все эти населенные пункты существовали уже во время Казанского ханства (Бурганова 1982: 20—67).

По данным булгарско-татарского источника, р. Казанка раньше называлась *Арсу* «удмуртская река»; Иске Казан называли *Ар-Кала* «удмуртский город» или *Арча-Балик* «удмуртская крепость»; в 1248 г. основали новую *Ар-Калу*, которую стали называть просто *Арчей*. В самой Казани были *Арское поле, Арский лес*, в Казанской крепости были *Арские ворота*, к которым примыкал *Ар-балик;* в Казанской крепостной стене имелись башни *левая Арская, средняя Арская, правая Арская* (Бахши Иман 1993: 188, 282, 285, 288). Собственно осада Казанской крепости войсками Ивана Грозного началась с *поля Отякова* (Сказание о царстве Казанском 1959: 53). На правобережье Волги, по Свияге, также имеются этнотопонимы, связанные с удмуртами: *Отяково, Утяково, Ар*.

Ф. Г. Гарипова пишет: «Коренными жителями нашего края являлись финно-угорскне народы, для которых области Среднего Поволжья и Приуралья были не только местом формирования их этнической основы, но и общей финно-угорской прародиной. Основная масса гидронимов, объясняемых на материале удмуртского языка, расположены в основном в бассейне рек Шошмы, Казанки, Мёшн и Ашита» (Гарипова 1976: 128). Именно в бассейнах данных рек находилась Арская земля.

К настоящему времени В. К. Кельмаковым основательно изучен язык кукморско-мамадышской группы арских удмуртов. Он подробно описывает историю изучения арской проблемы и заселения изучаемого региона (1970: 128—144), происхождение этнонима «Ар» (1970: 189—193). К сожалению, диалектные особенности другой арской группы — шошминской (балтасинско-карлыганской) пока слабо изучены.

Свою лепту в изучение арской проблемы внесла археолог Н. И. Шутова. Она исследовала отдельные археологические памятники аров в бассейнах р. Казанки, Мёши, опубликовала статью по вопросам расселения аров в конце I — первой половине II тыс. н. э. (1987: 114—132).

М. В. Гришкина в своих трудах по истории удмуртского народа уделила особое внимание арской проблеме, опубликовав древние

тексты арабских миссионеров, высказывания путешественников об Арской земле и ее обитателях (Гришкина (Сысоева) 1967: 294—309). Она опубликовала статьи, монографии, где, опираясь на собранный по крупицам материал из арабских и русских письменных источников, воссоздала историческое прошлое Арской земли, ее величие и крушение, роль в развитии удмуртского общества в последующие века, вплоть до современности.

Предания удмуртов*. *«Арча* — это удмуртский город, так сказывали старики. Когда-то в давние-давние времена там, в Арске, жили удмурты. Был у них свой *эксэй* (царь). Говорят, что была война. Кто кого победил — не знаю, известно только то, что удмурты оттуда ушли» *(д. Лельвиж Кукморского р-на).*

«Арск (Арча) — был центром, столицей удмуртов. Говорят, что из Арска удмуртов изгнали татары» *(записано там же).*

«Раньше татары удмуртов называли *ар* — это грубое слово, оскорбительно звучит. Мы — удмурты. В Арче (Арске) жил *удмурт эксэй* «удмуртский царь» *(записано там же).*

«Основатели деревни пришли с юга, со стороны Арска. Оказывается, вокруг Арска удмуртов много было; там был и удмуртский царь и молитвенное место» *(д. Ниж. Кузмесь Кукморского р-на, запись В. К. Кельмакова, 1970 г.).*

Удмуртов, живущих за Вяткой, татары называют *дюаш ар,* что означает «робкий, застенчивый удмурт» (ср. *чуваша арская* рус. летописей.— *М. А.).* Наиболее ослабевшие племена удмуртов из-под Арска ушли за Вятку. Старики говорили, что татары гнали удмуртов до деревни *Арбаш,* который переводится *«граница удмуртов».* Дальше, на юге, за этой деревней больше нет удмуртских селений» *(д. Поркутеш Балтасинского р-на).*

«В Арске жил удмуртский царь *(удмурт эксэй),* там раньше жили удмурты. *Арск (Арча)* — был столицей удмуртов. Татары вытеснили удмуртов, и удмурты ушли за Каму, в Удмуртию» *(д. Турья Балтасинского р-на).*

«Наша деревня самая древняя в округе. Здесь живет не менее десяти поколений удмуртов; деревне, может быть, 500 и более лет. Точную дату никто уже не знает. Удмурты сюда прибыли из-под Казани. В Арске (Арче) жил удмуртский князь, там было Удмуртское княжество. Был и удмуртский батыр. Он со своим войском

* Предания даются сокращенно. Подробнее см.: *Атаманов М. Г.* История Удмуртии в географических названиях. Ижевск, 1997.— *М. А.*

стойко защищал столицу удмуртов, но силы были неравные. Татары победили. Удмурты вынуждены были бежать в глухие леса. Русские здесь появились значительно позже удмуртов, после падения Казанского ханства — после разрушения осиного гнезда *(дуринчи карез пазьгем бере)» (д. Ст. Кушкет Балтасинского р-на).*

Чрезвычайный интерес представляет предание рода *Докъя*, записанное Кузебаем Гердом в начале XX века среди своих сородичей в Вавожском ёросе Удмуртии. По рассказам старцев, д. Старая Докья на этом месте стоит уже не менее 600—700 лет (по сообщению одного из современных информантов, докьинцы прибыли сюда в XII в. из-под Казани). Через деревню проходили три большие дороги: Арская *(Арча сюрес)*, Казанская *(Озон сюрес)*, Кунацкая *(Кунак сюрес)*, по которым за сбором ясака (дани) приезжали ставленники татарских ханов. Большая Докья стала местом, где содержались собранные с народа деньги, беличьи шкурки. Для хранения медных денег была вырыта специальная яма, ее до сих пор называют *Ыргонгу* (медная яма). Собранные в той яме деньги, говорят, везли на 12 парах лошадей по Казанской и Арской дорогам. Сборщиков дани татарского хана называли *кунак*. Дорога, по которой они ходили, называлась *Кунак сюрес (Кунацкая дорога)*, Арская дорога была обложена бревнами. По той дороге в *Арчу (Арск) ходили на моления и к царю ходили* (курсив наш.— *М. А.*) (Ватка но Калмез 1971: 100—102).

В удмуртском фольклоре сохранились легенды и предания о борьбе удмуртских богатырей с татарскими ханами за свою независимость (Ватка но Калмез 1971: 104, 109, 113, 136 и др.).

Предания татар. «В конце нашего огорода росли три сосны. То место называли *Киремет*. Этот *Киремет* принадлежал какому-то другому народу, которых татары называли *«арлар кешесе». Ары*, говорят, были похожи на чуваш, мордву, марийцев. Ары здесь жили до татар. Под натиском татар ары вынуждены были уйти отсюда в сторону Балтасей, может быть, и в другие места. Так говорили старики. Татары ведь раньше сильный, развитый народ был. От аров оставался киремет — место их моления. Они и после ухода отсюда приезжали на моление под три сосны. Мои родители в эту деревню переехали в 1935 г. из другого места. Они сами видели на пне (в то время сосны были уже спилены) остатки жертвоприношений. Один дед недавно рассказывал, что *Киремет* — это место моления аров, а *ары* — это, видимо, удмурты. Когда ему было 4—5 лет, на моление в *Киремет* приезжали люди со стороны Балтасей. Под де-

Башня Арской крепости: 1 — фотография 30-х годов XX в.; 2 — реконструкция по фотографии (*худ. Вал. Белых*)

ревьями бросали серебряные монеты. Их не разрешали трогать. К *Киремети* татары близко не подходили, это не их место моления. К кладбищам, святым местам, молениям немусульманских народов с детства нам прививали какой-то страх» (*д. Казанбаш Арского р-на*).

«Доподлинно известно, что километром ниже от современного Нижнего Пшалыма по течению речки Пшалымки на ее правом берегу находится древнее арское кладбище *(ар зираты)*. Издревле *арами (ар, арлар)* татары называли удмуртов. Упомянутое «арское кладбище» древнее марийских (*чирмыш зираты*), которые по течению речки Пшалымки также имеются» (*д. Нижний Пшалым, Арский р-н. Текст взят из книги:* История Арского края.— Казань, 1996. — С. 216).

«Здесь жили ары, металл плавили. Они жгли уголь. Уголь продавали» (*д. Чувашиле Высокогорского р-на. Текст взят из книги:* Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1978).

«У моего прадеда дед был удмуртом. Его звали Башир, его сына звали Абдулла-бабай. Он перешел в ислам, жил он 97 лет. Кузнецом был. Его сына звали Пазулла, а его сын Сайпулла был моим отцом. На удмуртской улице жили кузнецы. Они делали косы, серпы, плуги, колеса, на колеса натягивали шины» (*д. Каенсар Кукморского р-на. Текст взят из той же книги*).

«Наш род происходит из удмуртов. Меня называют Ишман Тикын (Тихон Ишманов — крещеный татарин, кряшен.— *М. А.*). Моего отца звали Василий, а его отца — Ильей. До крещения его звали Ишман. Дед недолго жил. Он рассказывал, как крестили во время Ивана Грозного. Здесь кругом жили удмурты. Кругом стоял лес» (*д. Дурга Балтасинского р-на. Текст взят из той же книги*).

Предания русских. «Когда-то здесь *ары* жили, племена какие-то, что ли. Свое название город Арск от них получил. Старики так говорили, что какое-то арское племя было. Здесь они жили во время Ивана Грозного. Иван Грозный воевал с ними. Крепость здесь была. Стояла деревянная башня, дубовая, с бойницами. Уже такая дряхлая, потом ее сломали. До 30-х годов татар было в Арске всего два двора, здесь жили только русские» (*пос. Арск*).

«Здесь когда-то жили удмуртскне племена — *ары.* Но их татары вытеснили, они ушли за Вятку. Именем этого племени назвали город. Когда Иван Грозный узнал, что Арск город укреплен, то послал туда своих стрельцов. Местные арские князья Юсуп и Япанча выступили за татар, но они были разбиты. Здесь стояла крепость. Было 3 башни, дубовые, высотой 5—6 метров, с бойницами. После разгрома Арска здесь поселили до 200 казаков-стрельцов. Башни развалились лишь в 1941 г. В 1943 г. эвакуированные с войны солдаты разобрали башни на дрова и сожгли (*пос. Арск, автор данного рассказа Волков С. Д., 1916 г. рожд., сохранил фотографию башни Арской крепости*).

«Какие-то *ары* были, они жили на месте Арска, от них и идет название Арск. Русские здесь приезжие, сосланные. В Арске жила 115-летняя бабушка, так она рассказывала, что ей будто бы сказывала ее мать историю Арской крепости: «Крепость была. Во время сражений из горы, из крепости, кидали толстые бревна на врага. Горящей смолой обливали врагов. На крепости были башни, оттуда стреляли из пушек» *(д. Тюбяк-Чекурча Арского р-на).*

* * *

Вопреки историческим документам, у местного населения, особенно у удмуртов, устойчиво держится мнение о том, что война была между татарами и удмуртами и что из Арска их предков вытеснили татары. Лишь русские жители Арска в какой-то мере сохранили воспоминание о том, что Иван Грозный воевал против аров, в его царствование они были изгнаны со своей земли.

Из преданий и воспоминаний удмуртов и татар выясняется, что Арск являлся религиозно-духовным центром южных (арских) удмуртов. Здесь находился центр их общественного моления — *керемет*, куда приезжали даже из вавожского *Дӧкъя-выл* (бассейн р. Кильмези в Удмуртии); по рассказам местных татар, моления в керемете под Арском проводились еще и в 30-е гг. нашего столетия — это через 380 лет после отступления из Арска и его округи!

Итак, изучив сообщения арабских, русских, булгарских летописей, народные предания, работы историков, этнографов, археологов, лингвистов, мы выяснили, что Арское (Удмуртское) княжество, существовавшее в составе Булгарского государства, позже Казанского ханства, имело особое положение — определенную самостоятельность и автономию. Ни одно важнейшее событие в ханстве не проходило без участия арских князей, особенно это ярко проявилось во дни Казанской войны с русскими войсками. М. Г. Худяков утверждает, что местные инородческие князья входили в состав признанной знати Казанского ханства. Самыми значительными из них были князья *арские* (курсив наш.— *М. А.*). Из этих князей русские летописи называют по имени *Богодана* и *Эюба (Еуп, Явуш)* (Худяков 1923: 193).

Удмурты Арской земли не раз с оружием в руках защищали свою честь, свое отечество от неприятелей, нередко проявляли свое несогласие или же восставали против самого хана — главы государства. Об этом сохранились некоторые сообщения булгарских и русских летописей. Так, в одной из булгарских летописей читаем: «Бесчинства казанчиев (крупных феодалов-вотчинников) и чиновников, затронувших всех, кроме них самих, вызвали всеобщую ненависть к хану... В 1203 г. вспыхнул пожар арского бунта, охвативший Кошан и Мартюбу. Толпа, предводительствуемая боярами, ворвалась в Алабугу» (Бахши Иман 1993: 130, 149). Были и бунты против исламизации приверженцев древнеудмуртских (языческих) верований.

По сообщению русских летописей, в 1379 г. русские ушкуйники, новопоселенцы на удмуртских землях Вятки, совершили военный поход против арян-вотяков, но аряне дали им достойный отпор: отряд их разгромили, а захваченного в плен русского атамана Ивана Рязана умертвили (Верещагин 1905: 189).

В 1496 г. на Казанский престол, изгнав московского ставленника Мухаммеда Эмина, воссел выходец из Сибирского ханства царевич Мамук, из династии Шейбани, вероятно, против воли арских князей, ибо вскоре хан Мамук затеял поход против удельного Арского княжества. Но жители княжества подняли восстание против него и изгнали отпрыска из рода хана Батыя с Казанского престола (Худяков 1923: 48; Гришкина 1994: 33).

Судя по сохранившимся документам, удмурты и их князья чаще примыкали к умеренному крылу членов ханского двора, придерживающихся промосковской ориентации. Но неустойчивая ханская власть часто, помимо воли народа, переходила к крымчакам — выходцам из Крымского ханства — ярым врагам Московского государства. Таким был и последний правитель Казанского ханства — Сафа-Гирей (Гарай). В июне 1551 г. в Казани начались волнения. «Чуваша арская (ср. *дюаш ар* 'робкий, застенчивый удмурт.— *М. А.*) приходили в столицу, к ханскому дворцу «с боем на крымцев» и требовали подчинения русским требованиям («о чем де не бьете челом государю»), но правительство оглана Кучака разогнало толпу мятежников (Худяков 1923: 127).

О том, какую огромную роль в Казанском ханстве играло Арское княжество, говорит и такой факт: при осаде Казани 150-тысячным войском Ивана Грозного три полка русских войск «...пошли воюючи и села жгучи» к Арскому городку. Это было 6 сентября 1552 г. В «Сказании о царстве Казанском» (М., 1959) написано: «Той бо острог старый, Ареск зовом, сделан аки град тверд, и з башнями, и з бойницами, и живет людей много в нем, и берегут велми... стоит же от Казани 60 верст, в местах зело крепких и в непроходных, в дебрях и в блатах, и единем путем к нему прийти и отойти. Великий же воевода князь Симеон виде, яко не взяти его тако просто, яко много есть в нем люду, бойцов единех 15 000, и прикатив пушки и пищали к нему и начат бити». Через два дня после ожесточенных боев Арская крепость пала: 5000 оставшихся в живых, в т. ч. 12 арских князей, были уведены в плен для принятия присяги на подданство Русскому государству, многие были умерщвлены.

2 октября 1552 г. под ударами войск Ивана Грозного ханская Казань пала, вместе с этим вся территория с живущими на ней народами — удмуртами, марийцами, татарами, чувашами, мордвой и отчасти башкирами — перешла в руки Московского государства.

В конце года начался сбор ясака новой администрацией. Злоупотребления в сборе ясака вызвали недовольство местных народов. В 1553 г. вспыхнуло мощное восстание в Арской (удмуртской) и Луговой (марийской) стороне. С самого начала центром движения выступает Арская земля. Посланные на усмирение восставших отряды стрельцов и казаков были полностью разбиты. В 70 км от Казани на р. Мёше восставшие удмурты, марийцы, возможно, и татары, построили укрепленный лагерь с крепостью на горе. Начались кровопролитные бои с победой то одной, то другой стороны. В 1554 г. объединенное войско казанских и свияжских воевод начало мощное наступление на Арскую землю, войска шли по Арской, также по Зюрейской, Ногайской дорогам, по Каме и по Вятке. Восставшие потерпели поражение: крепость на Мёше была разрушена, 15 000 человек были уведены в плен, перебито огромное количество участников восстания. Тем не менее окончательной победы русские войска еще не добились, ибо то там, то тут вновь и вновь вспыхивали очаги восстания. Но и не прекращались карательные походы на Арскую землю ни в 1554-м, ни в 1555—1556 гг., вплоть до 1557 г. Арская земля лежала в развалинах, все активное население, ее предводители, князья народа были перебиты, либо бежали на Урал, в завятские удмуртские леса, в Башкирию. Спасшиеся от меча и плена пришли в Казань и били челом. Неоднократные, крупномасштабные карательные операции правительственных войск потопили в крови народное восстание (Худяков 1923; Гришкина 1994; Луппов 1901; История Арского края, 1996 и др.).

Навсегда было уничтожено процветающее в свое время Удмуртское княжество. Не осталось почти никаких исторических документов о его внутреннем, политическом, социально-экономическом устройстве. Археологически местный край изучен совершенно недостаточно. Счастливой находкой является текст описания Арской земли участником Казанского похода и карательных операций на Арскую землю князем Андреем Курбским (Курбский 1914: 190—191).

Из сообщений Д. Островского и других ученых XIX—XX вв. об Арской земле узнаем, что удмуртский народ, выдержав тяжелейшие испытания времен, пройдя через горнило войн и сражений, не

потерял своего национального достоинства, сохранил свой язык, самобытную культуру, пронес через века такие прекрасные черты национального характера, как любовь ко всякому труду, всетерпение, незлобивость, любовь, мир между собой, уважительное отношение к другим народам.

В настоящее время остатки арской группы удмуртов живут в деревнях в северо-западной части Татарстана — Балтасинском, Кукморском, Мамадышском, а также в соседних с ними районах юга Кировской области и Марий Эл.

Возникает вопрос: где историческне корни, истоки арских удмуртов? Из-за отсутствия древних письменных памятников на этот вопрос могут ответить только археологи. Из их трудов узнаем, что Нижнее Прикамье, куда входит Арская земля, было густо заселено. В Волго-Камском регионе выявлено более 40 пьяноборско-азелинских памятников (Старостин 1971: 32). В IV—V вв. н. э. предки арских удмуртов с берегов Камы и Волги были оттеснены пришлыми именьковскими племенами в более северные районы, где в исторически известное время располагалась Арская земля.

По нашему мнению, арская группа удмуртов формировалась на основе местного пьяноборско-азелинского населения с включением поломско-чепецкого населения, переселившегося в VIII—IX вв. н. э. в Волго-Камье. Воршудно-родовой состав арских удмуртов, особенно балтасинско-карлыганской группы, полностью совпадает с воршудно-родовым составом слободско-глазовских удмуртов, относимых к племенному объединению ватка, заселявших бассейн р. Чепцы.

В этой же языковой среде под сильным влиянием булгарско-чувашской культуры шло формирование бесермян; до XVII в. русские письменные источники их нередко называли чувашами. «*Чуваша арская*», упоминаемая в русских летописях, по иашему мнению, была предками бесермян.

История Арского — Удмуртского — княжества уникальна в летописи финно-угорских народов, она требует более тщательного, всестороннего изучения историкамн, археологами, этнографами, антропологами, лингвистами.

В мире ничто не вечно — умирают люди, растения и все живое; исчезают из бытия и письменные памятники — ветшают, превращаются в прах, сгорают в многочисленных пожарах, как, например, в Казани сгорел ар-

хив с древними документами. Но есть еще один источник, в котором хранится история народа — это народная память, народные традиции.

Приведу один потрясающий пример, о котором пока никто не писал и мало кто об этом знает... В ныне исчезнувшей удмуртской деревне Батырево (удм. Тыло) на крайнем юге Удмуртии, в Граховском районе, до начала XXI в. хранился сакральный предмет, без сомнения, связанный с историей Арского (Удмуртского) княжества,— *знамя*. Напомню, жители Батырево и окружающих его деревень Лолошур-Возжи, Нижние Юраши, Горные Юраши являются выходцами из Заказанья, из Арской земли; говор у них похож на кукморский диалект. Так вот, по рассказам бывших жителей этой деревни, знамя из себя представляло белое льняное полотнище, на котором вышито крестообразное изображение красного цвета. С этим сакральным предметом-реликвией был связан один из самых дорогих для батыревцев обряд переноса знамени: ежегодно, на другой день Пасхи, собирались жители деревни от мала до велика (русские не участвовали) у дома, где хранилась эта реликвия. Все односельчане вставали вряд по обе стороны улицы и традиционной обрядовой песней передавали ее для хранения на целый год в следующий дом. Молодежь в этот день устраивала скачки, в старину — со знаменем: всадник на руках впереди всех ехал вскачь до д. Горные Юраши, а оттуда вновь возвращался и передавал его в руки хозяев. Историю знамени молодое поколение уже не знает, говорят, что давно, откуда-то издалека привезена. Скорее всего, отступавшие после неоднократных восстаний на Арской земле удмурты принесли знамя Арского — Удмуртского — княжества в далекую лесную глубинку, каковым в старину было селение Батырево, спрятали от неприятеля.

А где ныне знамя? История печальная: под видом «неперспективной деревни» (брежневский термин) ее жителей расселили по миру. В самом конце осталась пожилая женщина, которой некуда было ехать, да и не хотелось ей покинуть родной очаг. Но чуя свою старческую слабость, чтобы эта древняя святыня ее предков не попала на поругание в нечестивые руки, во время весеннего половодья, по древнему обычаю, решилась спустить ее по воде, текущей в реку Умяк (левый пр. р. Вятки). Так в свое время во многих местах спускали по воде свои воршуды.

И еще один факт, связанный с жизнью удмуртов на Арской земле, в Казанском ханстве: на юге Удмуртии, в том же Граховском районе, а также в Кукморском, Мамадышском, Агрызском районах Татарии, среди удмуртов сохранилась мелодия под названием «Кузон усён гур» («Мелодия падения Казани»). Как мне рассказывал гусляр Гаврил Пислегов из д. Варклет-Бодья Агрызского р-на, его отец после каждого мытья в бане надевал белую одежду и начинал на гуслях играть мелодию, посвященную падению Казани — *«Кузон усён гур»*. Играл и плакал. Вот какая сила была вложена в мелодию и вот каким талантливым, музыкально одаренным был наш удмуртский народ, в песне без слов, в мелодиях гуслей —

крезь — выражал боль и страдание побежденного народа из поколения в поколение. А северные удмурты-ватка также в песне без слов со слезами передавали новым поколениям свою боль, тоску по погибшему племенному центру на месте Хлынова (Кирова), древнеудмуртского городища Ваткакар.

7. Жилые, хозяйственные и культовые постройки удмуртов: к вопросу об их эволюции

Выходец из семьи выдающихся ученых, первая в России женщина-этнограф, профессор этнографии В. Н. Харузина обратила внимание на изучение жилищ и одежды, как на более надежные этногенетические источники.

По ее мнению, исследование жилища может идти несколькими путями: *во-первых*, можно постичь его эволюцию вообще, начиная от простейших форм жилья, известных человечеству, до наиболее высоких его форм. Первичными формами жилища являются *пещера*, *шалаш* и *землянка* (курсив наш.— *М. А.*). Проследить постепенное развитие всех этих трех типов через многочисленные переходные стадии — задача чрезвычайно интересная. *Во-вторых*, можно изучать эволюцию жилища в пределах определенной географической области, одной народности или группы народов.

К изучению жилья относится также исследование разнообразных хозяйственных построек. Разные народы, племена в зависимости от местных условий, климата, почвы и прочее выработали многочисленные их типы.

Вид типичной удмуртской деревни

Как отмечает В. Н. Харузина, изучением названий отдельных частей жилья, определением их корней, их уподоблением одной другому можно установить их точные функции и то значение, первоначальное или позднейшее, которое придавали строители.

Определенный интерес представляет способ расположения деревень, поселков: вдоль одной линии — дороги, как в центральной России или вразброс, как, например, в Западной Сибири; расположение усадебных участков, колодцев и т. д.

Перед этнографами профессор В. Н. Харузина ставит задачу: «Во всяком случае, что бы ни изучал этнограф: жилище ли, одежду или другие предметы материальной культуры — перед ним всегда должны стоять вопросы: 1) об эволюции известного типа, об истории его, так сказать,— для этого он должен стараться выделить более новые и более старинные типы и 2) о возможном влиянии извне, раннем и более позднем — для этого следует ему изучать параллельно те же явления у группы, племени или народа соседнего, с которым изучаемая группа приходит или приходила в соприкосновение; стараться определить, когда и кем занесен тот или иной предмет, с каких пор начали его выделывать, так одеваться, так строиться, что говорят об этом старики» (Харузина 2007: 55—56).

В данной главе для меня важна проблема возникновения и развития удмуртского жилища с ее первоосновы, вплоть до наших дней, опираясь на работы этнографов и археологов.

Первые сведения о жилищах удмуртов, особенно касающихся культовых сооружений, появились в печати в XVIII в. Писали как наши соотечественники, так и зарубежные ученые — немцы, финны, эстонцы и др. В знак благодарности хочу произнести имена давно отошедших от нас в мир иной авторов, коснувшихся данной проблемы: Д. Г. Мессершмидта, П. С. Палласа, И. Г. Георги, Н. П. Рычкова, У. Т. Сирелиуса, А. О. Хейкеля, У. Харвы, Ю. Вихманна, А. Н. и Н. Н. Харузиных (родные братья В. Н. Харузиной), Г. Е. Верещагина, Н. Г. Первухина и др.

По истории удмуртского жилища после революции появилась обстоятельная, глубоко научная статья эстонского ученого Агнессы Пинт; много интересных сведений можно найти в трудах М. О. Косвена, М. Г. Маркелова, В. Н. Белицер, К. И. Козловой, Т. А. Крюковой, А. Ю. Петерсона, Е. Ф. Шумилова, Г. К. Шкляева и др.

Существенный вклад в изучение доэтнографического, древнего состояния жилища удмуртов и их близких этноязыковых родствен-

ников внесли и вносят археологи, ведущие раскопки на городищах и селищах. Среди них ученые А. А. Спицын, П. А. Пономарев, Н. В. Алабин, А. П. Смирнов, А. В. Збруева, В. Ф. Генинг, Р. Д. Голдина, Е. М. Черных, В. А. Семенов, Т. И. Останина, М. Г. Иванова. Особо хочется выделить имя Е. М. Черных, много лет плодотворно изучающей жилые, хозяйственные, культовые, оборонительные сооружения пермских народов по данным археологических раскопок с привлечением этнографических материалов.

* * *

Вопросы, касающиеся мест обитания, жилищ удмуртов, можно сказать, имеют уже солидную историографию. К одним из самых ранних описаний укрепленных поселений удмуртов относится «Повесть о стране Вятской» (XVII в.), но, без сомнения, имеющая более ранние истоки (чего стоит язык повествователя!). В ней говорится, как в лето 6682 (1174) г. «новогородцы самовластцы з дружиною своею...» (первые колонизаторы удмуртских земель) объезжали по рекам Восточной Европы (последователи варягов) и пленяли, грабили жителей прибрежных городов и прочих поселений.

Одна из групп новгородцев через Волгу, Каму перебралась на Чепцу — на место жительства северных удмуртов-ватка: «...и дошедши реки Чепцы, и вниз по оной пловуще, пленяще *Отяцкие жилища и окруженныя земляными валами* (курсив наш.— *М. А.*) ратию вземлюще, и обладающе ими, и егда, исплывше тое реку Чепцу, внидоша в великую реку Вятку и узревше на правой стране на высокой прекрасной горе устроен град чудской (речь идет и о древнеудмуртском городище Ваткакар на месте совр. г. Кирова.— *М. А.*) и земляным валом окружен, от реки же Вятки ров глубокий, от него же кругом земляного валу ископанным рвом обведен, называемый Чудью Болвановский городок и новогородцы той крепкий град взяша воинским промыслом в лето 6689 (1181) г. (Повесть: Миллеровский список, 1905).

Одним из первых ученых, оставившем описание удмуртского жилища, был немецкий ученый-путешественник Д. Г. Мессершмидт. По пути из Сибирской экспедиции первой удмуртской деревней, где он остановился на ночлег, была Юска современного Кезского района, в то время, т. е. в 1726 г., состоящая из 6 курных изб. Вот какую запись в своем дневнике оставил Д. Г. Мессершмидт:

«Моя квартира была у одного удмурта, потому что русские здесь уже не живут. Их здешние жилища были все на один фасон, а именно казались как бы построенными русскими плотниками, поскольку в целом они не отличались от русских курных изб; только дверь вырублена на том месте, где русские обычно делают задвижное окно в гинекей или бабий кут, напротив устья печи. В верхней части двери была полуовальная круглая дыра примерно в фут шириной и высотой, чтобы впускать дневной свет, которую они могут закрывать на ночь по своему усмотрению стесанной сверху в виде полуовала задвижной доской. Перед устьем печи находится широкая плита, а на конце ее — глубокая яма, куда они сгребают горячие угли из печи» (Мессершмидт, 1726 г. 22 декабря; Л. 351).

В XVIII веке же оставили краткие сообщения об удмуртских жилищах и прочих постройках И. Г Гмелин, И. И. Лепехин, Н. П. Рычков, И. Г Георги и др.

Заметный след в изучении удмуртского жилища в XIX в. оставили финские ученые, приезжавшие для познания материальной и духовной культуры родственных финно-угорских народов Восточной Европы и Западной Сибири, в т. ч. удмуртов. Им нужны были материалы для реконструкции древних форм жилища прибалтийско-финских народов. Выводы финских ученых даю в конспективной форме по книге А. Е. Загребина «Финны об удмуртах» (Ижевск, 1999).

А. О. Хейкель пришел к мнению, что древнейшими типами жилища финно-угров были землянки, шалаши; особый интерес он проявил к расположению очага или печи в жилище. У. Т. Сирелиус больше внимания уделил изучению внешнего вида и планировке жилища. Пришел к выводу, что финно-угорский пранарод жил в конических шалашах или шатрах; в недавние времена, как он пишет, подобные постройки удмуртские охотники использовали в качестве временного жилья в глуши лесов. У. Хольмберг (Харва), как и У. Т. Сирелиус, прежде всего наблюдал, как возведена древняя постройка — семейно-родовое святилище — *куала*. Переходной формой от постройки типа куалы к жилищу типа избы — *корка* — У. Т. Сирелиус считал срубную постройку, которая ставилась прямо на грунт и покрывалась крышей из небольших бревен, присыпанных слоем земли для сохранения тепла, исходящего из открытого очага.

Финские ученые, как пишет А. Е. Загребин, обратили внимание и на планировку поселений, на взаимосвязь построек крестьянского двора. Как и ученые-путешественники XVIII—XIX вв., они

отметили беспорядочную или кучевую планировку, которая воспринималась как этнодифференцирующий признак. Постройки на удмуртском крестьянском подворье образовывали различные конфигурации. По Ю. Вихманну, удмуртские усадьбы состоят из жилого дома, хлева, клети и куалы, где совершались жертвоприношения семейно-родовому божеству — *воршуду*. Финские и эстонские исследователи жилых, хозяйственных и культовых построек пермских народов обратили внимание и на такой факт: у коми-пермяков и коми-зырян под одной крышей с жилищем находились стойла для животных с сеновалом, конюшня, хлев для свиней; в то же время у удмуртов постройки для домашнего скота отделены от человеческого жилья.

По трудам финских ученых А. Е. Загребин делает такое заключение: «Финским ученым, работавшим среди удмуртов в конце XIX — начале XX в., удалось наметить основные направления исследования проблем удмуртского народного зодчества, актуальность которых во многом не утрачена до сих пор. Несмотря на уже отмеченное стремление финских авторов порой напрямую связывать отдельные типы или элементы современных им построек с жилищами более раннего времени, они смогли собрать ценный полевой этнографический материал и представить оригинальные концепции развития строительных традиций удмуртов, в контексте развития народного зодчества финно-угров Северо-Восточной Евразии» (Загребин 1999: 93—101).

«Когда въезжаешь в удмуртскую деревню,— пишет одна из лучших описателей удмуртского жилища, дворовых построек Агнесса Пинт,— сразу же бросается в глаза разнообразие отдельных видов строений и особая типичность расположения их во дворе. Эта особенность придает удмуртской деревне тот своеобразный отпечаток, который резко отличает ее от соседних русских и татарских деревень» (Пинт 1931: 76).

По ее описаниям, удмуртская усадьба устроена так: на линии улицы стоят две постройки — изба (*корка*) и не менее высокое одно- или двухэтажное здание — клеть (*кенос*), снабженное галереями с простыми или узорчатыми перилами. С улицы во двор ведут ворота (*дыбор*; это слово ныне не известно большинству носителей удмуртского языка, употребляются для передачи слова «ворота» на севере и центральных районах *ӟезьы*, на юге — *капка*.— *М. А.*). Удмуртские ворота были трех видов: 1) обыкновенные полевые; 2) двойные дощатые на столбах; 3) большие, двух- или трехствор-

1

Южные удмурты (д. Старая Игра Граховского р-на): 1 — дом и хозяйственные постройки Атамановых. Дом возведен прадедом автора книги, здесь прошли его младенческие годы (1870 г., реконструкция — *рис. Вал. Белых*); 2 — вид дома (по фотографии 2000 г.); 3 — лестничная площадка, ведущая на 2-й этаж (построена в 1870 г., *фото В. Б. Кашаева*)

2

3

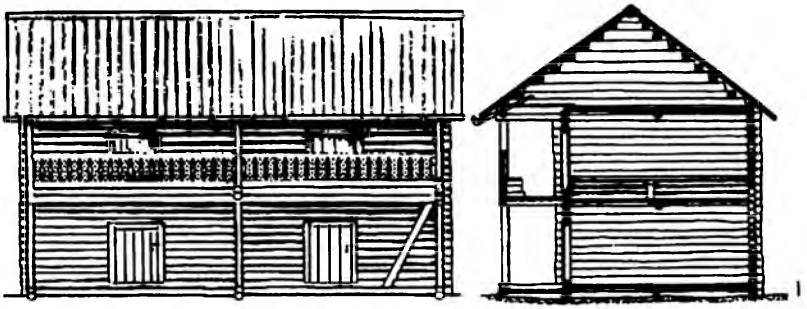
чатые, довольно сложного сооружения, заполняющие иногда все пространство между двумя постройками, находящимися по обе стороны ворот; ширина таких ворот доходит до 6—7 метров; они покрыты двускатной крышей с небольшим, иногда открытым, верхним, как бы чердачным помещением — *дыборсиг*, в котором хранятся различные хозяйственные принадлежности: грабли, веники. Под воротами — широкий помост из нескольких досок. Такие ворота нередко украшались резным орнаментом в виде кругов и треугольников.

На удмуртском дворе рядом с кеносом стоят *куала* (летняя кухня) и *йӧгу* (погреб). Против ворот — помещения для домашних животных; рядом с избой может располагаться второй кенос.

Таким образом, получается четырехугольный, закрытый, со всех сторон окруженный постройками двор. Как утверждает исследователь, баня и овин обычно находятся на задворках. Но, думаю, тут следует внести уточнение: баня, в то время топящаяся по-черному, никак не могла располагаться рядом с овином — легковоспламеняющимся житом и соломой. До начала 60-х гг. XX в. черные бани во избежание пожаров строили у реки и других водоемов.

Удмуртская изба, как пишет А. Пинт, представляет собой довольно высокое здание с небольшим числом окон — два или три. Через высоко приподнятые крытые сени входят в дом. Внутреннее устройство его мало чем отличается от русской избы: направо, редко — налево от дверей помещается большая печь; перед печкой на шестке устраивается очаг, часто в виде замурованного небольшого котла, где готовят еду, греют воду для домашних животных. Около печки на стене висит полка с посудой, рядом стоит стол-шкафчик, а против печки — деревянная кровать, над которой подвешены две жерди — *сюры* — для одежды и для колыбели. От дверей ведет лестница на полати; направо от входа стоят нары (*жӟыжол*), дальше вдоль стен идут широкие скамейки (*ӟус*), которые иногда служат и спальным местом. Только лет 70 тому назад (т. е. в 60-е гг XIX в.— *М. А.*) в Глазовском уезде появились первые избы с трубами-дымоходами, а до этого были курные избы.

Второй вид надворной постройки *кенос* (клеть) встречается без исключения в каждом удмуртском дворе, реже в единственном числе, чаще же 2—3, а иногда удмуртский двор имеет до 5 и более кеносов. Каждая супружеская пара имеет отдельный кенос или отделение в общем кеносе, куда никто без их позволения не имеет права войти.

1 чертеж-схема удмуртской клети-*кенос* д. Лудъяг Кезского р-на; 2 — балкон-галерея удмуртской клети-*кенос* (*из фондов Эстонского национального музея, Тарту*)

Кенос представляет собой бревенчатое здание с двускатной дощатой крышей; выделяются одно- и двухэтажные здания. Одноэтажные кеносы, пишет Агнесса Пинт, в большинстве случаев свайные. Двухэтажные в свою очередь подразделяются на одинарные — имеющие по одному отделению в верхнем и нижнем этажах и двойные — каждый этаж которых состоит из трех частей: двух крайних для жилья и среднего складочного места. Есть длинные кеносы, состоящие из ряда отделений для жилья и складочных мест между ними (Пинт 1931: 76—80).

В углу кеноса стоит кровать, закрытая со всех сторон пологом (*ын*), который составляет необходимую часть приданного каждой

1 — *двухэтажный кенос (северные удмурты)*; 2 — финская двухэтажная клеть (*Этнографический музей. Хельсинки*)

удмуртской девушки. Весной, с наступлением теплых дней, вся семья переходила жить в кенос, а в избу переходили только поздней осенью, с наступлением холодов. Только самые старшие члены семьи главы семейства оставались жить в избе.

Сравнивая с двухэтажным кеносом финский двухэтажный амбар (*пухтиракенус*) с верхней воздушной галереей с перилами и с низко поставленным нижним этажом, исследователь находит полное сходство между ними: тот же низко поставленный нижний этаж, та же воздушная или поддерживаемая столбами-сваями галерея перед верхним этажом и те же перила перед галереей. Как и удмурты, финская семья проводила время в избе только в сильные морозы, для остального же времени имеется у каждой дочери и сына свой собственный, особый амбар около дома, так пишет А. Пинт со ссылкой на У Т. Сирелиуса (*Она же*. С. 84).

Одним из древних оригинальных построек является *куала* — небольшое, почти квадратное здание с двускатной крышей, с земляным полом без потолка и без окон. В середине земляного пола напротив дверей расположен очаг, над которым на камнях помещается котел, который иногда или подвешивается к деревянному крюку (*ошон*), или висит на цепи, спускающейся с передвижного поперечника. Вдоль стен куалы тянутся низкие скамейки (*ӟус*), в

переднем углу стоит стол (*жӧк*). Над столом, на высоте примерно 1,5 м, устроена полочка (*уккись*), на которой иногда встречаются иконы; там же можно встретить *воршудный короб* — это самый священный предмет в куале; посуда для жертвований и т. д.

Еще в начале 1930-х годов, как отмечает Агнесса Пинт, в куале проходили домашние моления и приносились жертвы. После рождения ребенка семейно-родовому божеству — *воршуду* — приносили рыбную жертву. Когда сын отделяется из отцовского дома и строит на своем дворе новую куалу, то он берет горсть золы из отцовского очага и приглашает особым обрядом младшего воршуда следовать с собой в новую куалу (*Она же.* С. 69—92).

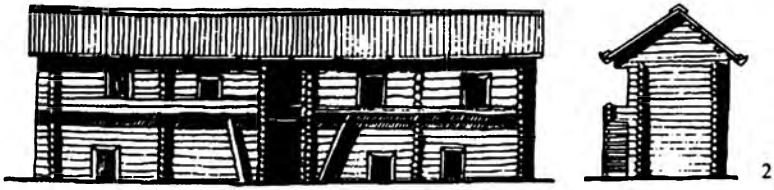
В годы пребывания эстонского ученого А. Пинт в Удмуртии культ куалы и семейно-родового божества — *воршуда*,— можно сказать, уже затух. Одна из причин того, что она больше внимания уделила *кеносу*, нежели *куале*, послужил как раз этот факт. Отдельно она не рассмотрела семейное святилище — *покчи куала* и общественное (общедеревенское, общеродовое) святилище — *быдӟым куала*. Возможно, повлияла и политическая ситуация в стране — шла антирелигиозная борьба в Советской России: наряду со служителями православных церквей языческие жрецы также подверглись гонениям; семейно-родовые святилища, наряду с церквями, мечетями, пагодами, стали разрушать. С началом коллективизации на селе и раскулачиванием зажиточных крестьян многие двухэтажные кеносы были разобраны для постройки колхозных амбаров и других общественных зданий. Именно в эти годы сильно пострадала удмуртская крестьянская архитектура.

По мнению А. Пинт, в связи с проникновением капиталистических отношений и дифференциацией удмуртского общества, с усилением русского влияния в крестьянской архитектуре удмуртов происходят определенные изменения: появляются двухэтажные дома, покрытые жестью, наличники богато украшаются. Перед кеносом появляются затейливые узорчатые перила, в стенах вырубаются окна и т. д. (*Она же.* С. 97—98). Модные в то время яфетические штудии ученого в области терминов, связанные с жилищем, к нашему времени явно устарели.

Изучая материальную и духовную культуру марийского народа, К. И. Козлова, касаясь вопросов жилища марийцев и других финно-угорских народов, обратила внимание на один из древних общефинно-угорских жилищ, имеющих общее название: марийск., мордовск. *кудо*; эстонск, ливск. *кода*; саамск. *ката*; финск. *кота*;

1

2

Кенось-клети *северных удмуртов*: 1 — *двухэтажный кенос* (Игринский р-н); 2 *двухэтажный двойной кенос* (Глазовский р-н, *рис. Т. П. Кудрявцевой*); 3 — двухэтажный кенос (Ярский р-н)

3

вепс. *коди*; удм. *куала;* коми *кола*. Под этими терминами выступают, как правило, примитивные жилища, которые служат подсобными помещениями, кроме мордвы — у них *кудо*, *куд* — жилой дом. Как полагает профессор-этнограф, в прошлом под этим термином выступала другая постройка. Самым примитивным строением этого рода является эстонская *кода* — конусообразный шалаш из жердей с открытым очагом посередине, очень напоминающий *чум* сибирских народов. Эстонская *кода* до недавнего времени служила летней кухней. Подобное сооружение сохранилось у марийцев и других финно-угров, например, марийский овин (*марла авун*), по-русски *шиш* — островерхий конусообразный шалаш, балаган, составленный из жердей для сушки конопли, снопов жита; копешка сена и т. д. (Даль).

Кстати, конусообразные шиши известны и удмуртам, они используются для просушки картофельной ботвы, а в старину — снопов жита, конопли, льна. Конусообразные шалаши, балаганы, покрытые хвоей, прутьями, травой, служили местом отдыха или заменяли ночлег работающих на рубке леса, на косьбе сена, уборке хлебов; нередко такие примитивные сооружения служили покрытием для погребов или загоном для гусей, уток.

Как пишет К. И. Козлова, современное марийское *кудо* и удмуртское *куала*, простые по своей конструкции — небрежно срубленные, без пола, потолка и окон, с небольшой дверью, с отверстием в крыше и с костром посередине — в прошлом имели, видимо, еще более примитивный вид. Сходство в названиях, вид и их значение говорят о древности. Подобные постройки-жилища возникли в лесной полосе, на территории совместного обитания финно-угров. Из сохранившихся самых примитивных построек — *кода* у эстонцев, по К. И. Козловой, находит параллель среди башкир: до недавнего времени у лесной группы существовало подобное жилище, унаследованное, как полагает ученый, у своих финно-угорских предков (Козлова 1967: 113—114).

Заслуживают внимание две статьи Е. Ф. Шумилова «Архитектура удмуртской крестьянской усадьбы» и «К вопросу о древнейших формах удмуртского народного зодчества», в которых он, как специалист-архитектор, рассматривает планировку удмуртской усадьбы, архитектуру ворот и ограждений, архитектуру удмуртской избы — *корка*, клети — *кенос*, святилища — *куала*; приводит историко-архитектурное описание деревни Симашур Глазовского района. Рассматривая историю развития *корка* (избы, дома), он

1 — удмуртская *куала* (святилище); 2 — внутренний вид *куалы*: *рис. И. Ефимова* (д. Пазял-Жикья Можгинского р-на); 3 — скит монаха (Русский Север); 4 — финская клеть для спанья; 5 — удмуртский жрец (*вӧсясь*) в ритуальной одежде (д. Позырес Куединского р-на Пермского края)

приводит интереснейшие сведения из исторического документа XVI в.— «половничье обязательство» двух удмуртов — Бегенея и Етекея Чигаровых, где косвенно отражены строительные традиции удмуртов более 400-летней давности: «А изделья нам половникам сделать: выровнить и вывести на избу бревен сосновых длиною в полдевята аршина, в срубе в 5 или 6 вершков. И та изба срубити на место поставили в высоту *19 рядов до матицы* (курсив наш.— *М. А.*) и свершити по хозяйскому велению и клюки врубить и желобы поставить и покрыть своими драницами и охлупье положить и в избе нутро сделать,— как ведется» (ЦГАДА, ф. 131, оп. 1699, д. 1-а, м. 456).

Как пишет ученый, народное зодчество удмуртов в целом представляет большой интерес не только в историко-этнографическом, но и в архитектурно-художественном плане. Одним из наиболее национально самобытных и выразительных элементов архитектурного ансамбля крестьянской усадьбы удмуртов является *кенос*. Как оригинальная форма национального зодчества, он может и должен найти самое широкое применение в современном сельском строительстве Удмуртии как в индивидуальном, так и общественном. Даже городское строительство может приобрести необходимую национальную окраску, используя элементы архитектуры кеносов при строительстве культурно-бытовых и декоративных сооружений (Шумилов 1975: 215—245; 246—255).

В 70—80-е гг. XX в. в изучении материальной культуры удмуртского народа, в первую очередь объектов народного зодчества, национальной одежды и украшений, много сделали сотрудники Национального музея Эстонии из г. Тарту во главе с его неутомимым директором Алексеем Петерсоном. Совместно с сотрудниками Национального музея Удмуртской Республики (в те годы — краеведческого) им. К. Герда (Ижевск) эстонские исследователи — этнографы, художники, фотографы — с современной в то время фото-, киноаппаратурой побывали практически во всех регионах проживания удмуртов. Попутно собирали экспонаты для обоих музеев. Ныне в фондах Национального музея Эстонии хранится самое большое количество чертежей, рисунков, фотографий по объектам удмуртских традиционных и других зданий народного зодчества (избы, кеносы, куалы, животноводческие помещения, виды деревень, ограды, средства передвижения и др.). Совместно с сотрудниками двух музеев в 1980—1982 годы я участвовал в съемке этнографического фильма «Южные удмурты конца XIX — начала

Оконные наличники с зооморфными изображениями (*центральные удмурты*)

1

1 — срубные (*липетные*) ворота *северных удмуртов* с фигурными вырезами и колонками (д. Малая Кизня Дебесского р-на); 2 – жилой дом (*корка*) *центральных удмуртов* с сенцами (*корказ*ь), клетью (*кенос*), овчарней (*ыж гид*) – д. Динтем-Вамья Увинского р-на (1981 г.)

2

1

2

1 — удмуртский двор (*гидкуазь, азбар*); 2 — ветряная мельница (*тӧлвуко*): Алнашский р-н (музей-заповедник «Лудорвай»); 3 — одноэтажный *кенос* (д. Карамас-Пельга Киясовского р-на)

3

XX века» (1982) и знаю, как они умно, ответственно относятся к своему делу.

Алексей Петерсон и Аадо Линтроп по материалам удмуртских экспедиций выпустили иллюстрированные книги, в которых также содержатся материалы по жилью, поселениям удмуртов (Aleksei Peterson. Udmurdi vana rahvakunst-Earlier udmurt folk art.— Tartu, 1997.— 68 s.; Aado Lintrop. Udmurdi rahvausundi piirjooni.— Tartu, 1993.— 112 s.).

На основе предыдущих публикаций, обобщающую статью по поселениям и жилищам удмуртов для сборника «Удмурты: историко-этнографические очерки» (Ижевск, 1993.— 392 с.) написал Г. К. Шкляев. Он верно заметил, что для поселений удмуртов характерен приречный тип заселения — населенные пункты (*гурт*) располагались цепочкой вдоль рек. По людности поселения удмуртов были весьма различные: более трети селений имели менее 100 жителей, чаще такие поселения встречались на севере Удмуртии, на юге же, в бассейнах рек Иж, Вала были многолюдные деревни.

Опираясь на записи исследователей XVIII—XIX вв., Г. К. Шкляев повторяет их слова о беспорядочной, хаотичной планировке удмуртских поселений, что строения располагались без всякого плана, между домами существовали пространства засеянной пашни, расстояние между усадьбами составляет 200—250 м (Шкляев 1993: 106).

Я думаю, что в этом расположении селищ и дворов, кажущемся человеку, не знающему семейные, общедеревенские, родовые традиции, обычаи удмуртов, «беспорядочным и хаотичным», был свой порядок, свои вековые традиции, зависящие от ряда причин. Этнографы и археологи, изучающие древние поселения и жилища древних удмуртов, должны учесть, во-первых, родовой, точнее, воршудно-родовой принцип поселения. Ученые, знакомые с бытом удмуртов, писали, что при переселениях они держатся друг друга, где появится один удмурт, там вскоре их появится несколько; селились по губерниям родами и племенами, сплошь своим народом (Спицын 1888: 224— 225 и др.). Еще в самом начале XX в. при массовом переселении народов европейской части России в Сибирь удмурты поселились, точнее, выкорчевав лес, образовали 5 удмуртских деревень рядом друг с другом — в Томской губернии; в Енисейской губернии (ныне Красноярский край) точно также обустроились: выходцы из Чутырской, Б. Пургинской, Игринской, Сосновской волостей Сарапульского уезда и Варзи-Ятчинской волости Елабужского уезда образовали пять отдельных поселений.

Судя по народным преданиям и официальным источникам, «Жили удмурты в старые годы не деревнями, а «однодворицами». Кто где расчистил кулигу, тот там и жил» (Приложение к материалам по статистике Вятской губернии. Т. 1. Малмыжский уезд. Вятка, 1885).

Ученые, ссылаясь друг на друга, сообщали, как еще в середине XIX в. в д. Норья Сарапульского уезда 16 хозяйств-семейств составляли одну социально-экономическую ячейку — «ели из одного котла» и подчинялись одному хозяину — *кузё*. Материалы ранних сохранившихся переписей, показывают, что удмуртские поселения были малодворными — в среднем 5—10—15 дворов, лишь в наиболее старинных поселениях — деревнях, погостах — число дворов доходило до 50 и более, как в д. *Дери-Чюдья, Завьялово тож* в 1710 г. было 55 дворов; в д. *Калмез-Селта* в 1716 г. жили в 56 дворах; в погостах *Порга* (совр. Игринский р-н) и *Круглой* (удм. *Чола*, Слободской р-н) в 1615 г. было по 20 жилых дворов.

В самые древние времена, когда удмурты были хозяевами на своей земле, когда были большие незаселенные пространства, каждая воршудно-родовая группа жила в отдельной деревне. По мере размножения вокруг родовой деревнн (*вужгурт*) образовывались починки, выселки (*выльгурт*), но каждый старался в названии нового селения сохранить имя воршуда старой родовой деревни. Следы такого расселения сохранились на географической карте Удмуртии до сего времени. Так, вокруг села Старая Тукля в Увинском районе расположились селения, отражающие воршудно-родовое имя первопоселенцев, выходцев из центральной деревни *Тукля-Выл* — Вужгурт (Старая Тукля): Поршур-Тукля, Лудзил-Тукля, Пужмесь-Тукля, Ува-Тукля, Удмуртская Тукля, Узей-Тукля. Из Ландратской переписи 1716 г. узнаем, что в сотне Тотайки Иванова (территория совр. Вавожского, Увинского, частично Можгинского, Кизнерского и Вятско-Полянского районов) 84% населенных пунктов отражали воршудно-родовые имена их создателей.

В результате поражения в войнах, столкновениях, побежденные ищут в тихих, не занятых другими народами, местах уголки для своего обитания. А в случае отсутствия таких мест, они вынуждены были поселиться в селениях других родов и принять их условия. Вот типичные примеры: после массового притока русского и марийского населений на Вятку, удмурты вынуждены были отступить на восток, особенно в районы среднего и верхнего течения р. Чепцы. За неимением свободных мест они вынуждены были се-

литься в поселениях коренных жителей, в одном и том же селении обосновались 2—3 и более воршудно-родовых групп, как, например, в д. Седъяр Балезинского р-на выявляются следы 3 воршудов: *Жикъя, Ӟатча, Ӟанка,* в д. Юски Кезского р-на — *Вортча, Пельга, Пурга, Чуйя.*

Но при поселениях каждая воршудно-родовая группа занимала отдельную, в определенном отдалении от другого рода территорию, начинала обустраивать свою усадьбу. По-видимому, еще продолжительное время они вели довольно-таки изолированную друг от друга жизнь. Об этом свидетельствуют и некоторые микроэтнонимы удмуртских деревень. Так, например, в деревне Мувыр Шарканского района жили члены трех воршудно-родовых групп: *Бӧня, Вортча, Пурга.* Первоначально каждая из них жила на отдельном участке, об этом свидетельствуют такие названия-микроэтнонимы: *Бӧнямувыр, Вортчамувыр, Пургамувыр*: *мувыр* «холм, возвышенность».

Село Полом Кезского р-на заселяют члены воршудно-родовых групп *Кушъя, Сюра, Пурга, Вортча, Чабъя,* и это отразилось в микротопонимии древнейшего удмуртского поселения: *Сюрапал*: *пал* «сторона; местность», букв. «часть села, где живут члены воршудно-родовой группы Сюра»; см. также: *Кушъяпал, Чабъяпал*; воршудные группы *Вортча, Пурга,* скорее всего, здесь появились позже, в малом количестве и поселились внутри территории воршудов *Сюра, Кушъя, Чабъя,* поэтому они не заимели отдельного участка для поселения.

В д. Старый Кушкет Балтасинского р-на Татарии также жили три воршудно-родовые группы: *Чола, Салья, Пышъя.* Причем, каждая из них образовала отдельную улицу — *Чолаурам*: *урам* «улица», букв. «улица рода-воршуда Чола»; *Сальяурам* «улица рода-воршуда Салья»; а члены воршудно-родовой группы *Пышъя* заселили две улицы — *Улын Пышъя* «нижняя улица рода-воршуда Пышъя» и *Вылын Пышъя* (*вылын* «верхний») «верхняя улица рода Пышъя». По рассказам информантов, вплоть до образования колхозов каждая родовая группа вела довольно изолированную друг от друга жизнь, особенно это было заметно при исполнении религиозных обрядов. Таких примеров можно привести еще больше.

Со временем внутри воршудно-родовых объединений образовались патронимические группы, ведущие свое происхождение, родство по отцовской линии, от одного предка, это *бӧляк* или *иськавын* в южных и центральных районах Удмуртии, *бече, улы* — в среде

северных удмуртов. Они еще шире отразились в удмуртской топонимии, т. к. патронимические образования и их роль в традиционном обществе все еще просвечиваются.

В отдаленные от нас времена при разделе семьи, как правило, отделившийся сын строил свое жилье рядом с отцовской усадьбой, в свою очередь его женатый старший сын при отделении потом также строил себе усадьбу близко к отцовской, чтобы жить кучно, сообща, рядом с отцом и младшими братьями, оставшимися в отцовском доме — *вуж юрт*, жить как одна семья, как в Норье — «16 семейств ели из одного котла».

Конечно же, и в XIX в., даже в более отдаленные времена, уже не все члены *иськавын-бöляка, улы-бече* ели из одного котла, но сохраняли очень близкие родственные связи: на свадьбах, приемах гостей, на похоронах, помочах (веме), на молениях все члены патронимии участвовали как единая семья. Национальный этикет удмуртов был тесно связан с образом жизни внутри патронимии. Не случайно главу патронимии южные удмурты называли *бадзым атай* «старший (большой) отец», а его жену *бадзым анай* «старшая (большая) мать». Все члены патронимии друг друга называли «брат», «сузэр», «апай», «кен», «кенак», а детей — «*этe*» (мальчика), «*дыды*» (девочку). По имени никто друг к другу не обращался, широко употреблялись термины родства.

Несколько слов еще хочется сказать о преимуществах бессистемного расположения крестьянских усадеб в удмуртских деревнях: с переходом на уличную планировку появился и ряд негатнвных явлений, например, при плотной застройке усадеб в случае пожаров уничтожались целые поселения, улицы, значительные части деревень. Это с одной стороны, а с другой — техника так измесила, изуродовала зеленые улицы, особенно весной и осенью — ухабы, рытвины, непролазная грязь, можно ходить только в резиновых сапогах... В-третьих, нередко начали возникать споры, склоки между соседями нз-за того, что чужие гуси, куры, овцы попадали в огород, то петух где-то рядом громко и не вовремя кукарекает, то собака громко лает и т. д. и т. п. А наши предки в «бессистемно» застроенных деревнях ходили по зеленой лужайке н жили меж собой в мире и любви. И это самое главное.

Мои рассуждения находят отклик в замечательной книге Е. М. Черных «Жилища Прикамья (эпоха железа)» (Ижевск, 2008. С. 272). По ее мнению, сложившаяся ситуация в социально-политическом развитии региона (русская колонизация, татарская экспан-

сия) способствовали ускоренному разрушению остатков родовой организации, рассеянию воршудно-родовых групп. «Очевидно, поэтому в литературных источниках XVIII—XIX вв. мы находим единодушное указание на бессистемность застройки, удмуртских деревень, как их отличительную черту. Уличная планировка здесь вводится сверху, земскими распоряжениями в 70-х годах XIX в. Отсюда и заимствование названия улицы северными удмуртами у русских («ульча»), а южными — у татар («урам») (Черных 2008: 91).

Мне думается, что так называемая «бессистемная застройка» удмуртских деревень связана с древними традициями родового быта нашего народа.

* * *

По истории возникновения и развития жилища, приемов строительной техники, орудий труда огромную информацию несут данные языка, особенно палеолингвистики. Сравнительный анализ жилищно-строительной терминологии пермоязычных народов — удмуртов и коми — может нас ввести к первоистокам культуры строительства жилищ, особенно если привлечь к ним данные археологии. Хотя словарную часть общепермских терминов, касающихся построек, я привожу в главе «Археология», в данном случае для полноты раскрытия решаемой проблемы некоторые из них позволю себе использовать до нее.

Конечно же, языковой материал не панацея в решении всех рассматриваемых проблем, во-первых, он не может указать время — год или век возникновения того или иного предмета, явления, связанного с жилищем; во-вторых, в ходе историко-культурного развития многие слова-термины исчезают, заменяются заимствованными словами, яркий тому пример: глиняная посуда (горшки) в нашем крае появились уже в эпоху неолита, их вручную делали наши предки до позднего средневековья, а самого термина — «горшок» в удмуртском языке нет, не сохранился, используется русское заимствование. Таких примеров множество.

Судя по общепермской лексике, наши общие предки еще до разделения на праудмуртов и пракоми жили в деревянных домах: удм. *корка* «дом, изба» / коми *керка* «тж»,— двусоставное слово, где *кор / кер* «бревно» + *ка* < *куа* — какое-то помещение. Конечно же, деревянные, бревенчатые дома пермян не были похожи на современные особняки, а представляли жилище, похожее на очень архаичную

постройку удмуртов — *куа* или *куала*, которая в недавнем прошлом служила святилищем для хранения родовой святыни — *воршуда*, где готовилась жертвенная трапеза для молящихся (в д. Кузебаево Алнашского р-на до сих пор продолжаются моления с жертвоприношениями уток в общедеревенской *быдъым куале*).

Куала представляет собой деревянную постройку без пола-настила, потолка и окон; в центре помещения устроен очаг из камней, на котором в котле варится жертвенное мясо и каша; вдоль стен устроены лавки: удм. *ӟус*; в углу стоит стол со стулом; в красном углу устроена полка для хранения воршудного короба с сакральными атрибутами, до середины XIX в. в них хранились идолы, которых также называли воршудом. Дым из здания выходил через щели деревянной крыши. В некоторых районах центральной части Удмуртии *куа* сохранились до сего времени, ныне они используются в качестве летней кухни или как складские помещения.

На наш взгляд, вот таким представляется жилище пермян и некоторых других финно-угорских народов. Жилое здание, думается, было больше по размеру; вместо боковых скамеек, вероятнее всего, были устроены нары для спанья: удм. *ӟсыжол* диал. «нары» / к. *джоджж* «пол; помост; настил»; в избе были полки: удм. *ӟжажсы* / к. *джадж* «тж»: этимологические эквиваленты выявляются в эрзянском и саамском языках; обеденный стол — удм. *ӟӧк* — каким он был, трудно сейчас представить: в коми языке *джек* «стул; чурбан употребляющийся вместо стула»; для развешивания и просушки одежды использовались шесты, перекладины: удм. *сюры* «перекладина; шест для развешивания одежды, а также снопов жита, конопли, льна», «насест для кур» / к. *сёр* «брус или жердь для просушки носимых вещей», «насест для кур»: фин., эст., манс., хант. Дом пермских народов мог иметь перегородку: удм. *висьет* «перегородка», «комната» / к. *висйӧд* «перегородка, переборка», «загородка из жердей (в хлевах)»; в доме была завеса в виде висящего полога: удм. *ын* «полог» / к. *вон*, *он* «тж»; удм. *возъяны* «натянуть полог (занавес)» / к. *везгысьны* «повиснуть, обвиснуть».

Для входа в дом была устроена дверь: удм *ӧс* «дверь» / к. ӧдзӧс (*ӧдз* + *ӧс*) «тж»: фин., саам.; дверь закреплялась к стене с помощью петли, шарнира: удм. *ӟыры* «шарнир» / к. *дзир* «шарнир», «петля; навеска»: фин., хант.; изба грелась от печи-каменки, устроенной на земляном полу, как и в куале: удм. *гур* «печь; печка»; *эстыны* «топить печь» / к. *гор* «каменка; печь»; *ӧзтыны* «зажечь, разжечь»; от очага-каменки на стенах образовалась сажа: удм. *су* «сажа» / к. *са*

«тж»; пермяне знали способ закрывать избу при уходе: удм. *тунгон* «большой деревянный замок»; *тунгонаны* «запереть на замок или на запор» / к. *томан* «замок»; для утепления и стока воды вокруг дома или изнутри делали завалинку, насыпь: удм. *мудэт* «завалинка, насыпь» / к. *мудӧт* «тж»; дом и другие постройки могли иметь чердак: удм. *сиг* «чердак (дома, хлева, клети, бани)» / к. *сигӧр* «скат (крыши)».

Для спанья на нары стелили постель, в то время в ее качестве могли служить шкуры животных или же перины из пуха домашних, диких птиц: удм. *валес* / к. *вольӧс* «подстилка; постель» < *воль* «шкура (оленя или лося)»; имели чем укрываться — можно пологом, а можно и шкурами животных: удм. *шобрет* «одеяло, покрывало» / к. *шебрас*, *шебрӧд* «тж»; было что положить под голову: удм. *йыролтэс* «изголовье», «подушка или какие другие вещи подкладываемые под голову» / к. *юрлӧс* «подушка».

При аварийном состоянии постройки могли поставить подпорку: удм. *пыкет* «подпорка; опора»; *пыкыны* «подпереть, припереть» / к. *пыкӧд* «тж»; *пыкны* «тж»; а для этой цели, а также при ограждении чего-либо они могли забить кол: удм. *майыг* «кол» / к. *майӧг* «тж» < индоиранск.; дом строили из бревен: удм. *кор* «бревно» / к. *кер* «тж»; думается, жерди — удм. *пучӵ* «жердь» / к. *пӧтш* также использовались при стройках, скажем при покрытии дома, наряду с *сюры* «перекладина».

Трудно сказать, как вынимали доски в те далекие времена, ведь пилы появились довольно поздно, тем не менее в пермских языках имеются слова для их обозначения: удм. *пул* «доска» / к. *пӧв* «тж»; в манс. языке *пӓл* «скамейка»; возможно, что для покрытия домов и других сооружений использовали пополам расколотые не очень толстые бревна — чем не доски! Расколоть же бревно пополам с помощью топора и клина — удм. *тул* «клин; чека» / к. *тув* «гвоздь; шпилька; шип; клин, втулка; шпоика»: морд., эст.,— не было проблемы. Под низ плах-досок, думается, укладывали луб: удм. *кур* «луб, лубок» / к. *кор* диал. «луб»: марийск., морд., фин., саам., хант., венг. Вот и получалась красивая, долговечная крыша. Так укрывали не только дома, но и другие хозяйственные постройки. А для их укрепления между собой пермяне изготавливали шпонки: удм. *нарва* «шпонка» / к. *нарви* «шпонка (планка, с помощью которой сплачиваются доски)».

Наши предки — пермские племена — умели украшать свои жилища орнаментами, изображали своих покровителей на дере-

вянных сваях, на стенах, на предметах быта, особенно солярными кругами, ведь по представлениям удмуртов Бог — Инмар — живет на солнце: удм. *сырланы* «вырезать, сделать вырезные фигуры (украшения)» / к. *сер* «узор»; резьба»; «орнамент»; *серóдны* «наносить узор; расписать»; «резать, вырезать узоры; орнаментировать».

Чему тут удивляться?! Пермяне-ананьинцы работали не только с деревом, они умели выплавлять металл и делать чудесные вещи. Смотришь на них и диву даешься: ведь все это настоящее самобытное искусство. Свои у нее образы, краски, свои неповторимые полутона. Древние творцы предметов быта, культов, орудий труда, иначе говоря, вещей пермского звериного стиля, акинаков, мечей и прочего — бронзолитейщики-ремесленники, земледельцы, скотоводы, пчеловоды, охотники, строители, торговцы, воины — как один, согласно воспевали свою прародину — Волго-Камский регион, самоотверженно отстаивали ее от посягательств.

При ведении натурального хозяйства люди без устали трудились. Представьте себе: чтобы одеться следовало подготовить семена и пашню, потом посеять коноплю, вырастить ее, затем теребить, ставить в суслоны, подготовить прудики, озерца для мочения соломы. А через определенное время достать ее из воды, высушить, мять, чесать-расчесывать, чтобы получить высококачественную кудель для прядения и в зимние дни заняться ткачеством. До начала весенне-полевых работ необходимо было эту работу завершить, да на проталинах — на легком морозце — держать энное количество времени вытканные полотнища, чтобы они выбелились, стали белыми, как белый снег. И все это вручную. Далее надо было заняться шитьем — себя одеть. Девицам следовало готовить приданное, чтобы понравиться будущему мужу, но особенно свекровке и ее родственницам — от 20 до 100 комплектов одежды готовила невеста да плюс на подарки; хочешь замуж — трудись! Почти все эти дела лежали на плечах женщин и детей (а в древности, как говорят археологи, женщины также занимались лепкой горшков из красной глины — важнейшей посуды древних эпох).

Судя по языковым данным, пермяне не знали крепких алкогольных напитков, кроме пива — *сур*, заимствованного от индоиранцев (*аракы* им подарили тюрки, а *кумышку* и вино, по-удм. *винá*, принесли русские). При ведении натурального хозяйства все дорожили временем, иначе станешь батраком, нищим. Труд был главным лозунгом наших далеких и не очень-то далеких предков, которым Господь сподобил обосноваться на житие на нечерноземной поло-

се земли, где все выращивается, достается приложением огромного человеческого усилия, ума, сноровки. Как писал один ученый-путешественник, «границы их трудам есть смерть и младенчество» (Рычков, 1770).

А мужчины, главы патриархальных семейств (археологи нам доказывают, что в ананьинское время пермяне жили уже патриархально-родовым строем, хотя женщину-мать, хранительницу семейно-родового очага и воршуда, высоко ценили, любили, почитали), за содержание своих больших семей были в ответе. Каждый из них и строитель, землепашец, кузнец-литейщик, охотник, рыболов, торговец, и воин, любящий свою жену и детей муж, может стать жрецом и предводителем рода и племени — *тӧро, азьвалтӥсь, эксэй*. Его умелые руки творили самые разные вещи — от ушных серег до мечей-акинаков, строили жилье, возводили крепостные стены на городищах. Летом — на поле, а зима наступает — почти все мужики со взрослыми сыновьями и с собакой-лайкой, взяв лук и стрелы, капканы-ловушки, манки, уходили в безбрежные дремучие удмуртские леса добывать пушнину — основной товар для торговли с южными купцами, так высоко ценящих меха бобров, соболей, белок, горностаев, куниц, медвежьи шкуры; возили на продажу-обмен бортевой мед, белоснежные полотна, выделанные руками жен, матерей, сестер, дочерей.

А сколько других дел — и у мужчин и женщин, у стариков и старух, у детей, умеющих уже готовить и крепко стоять на детских ножках?! Не высказать... Естественно, светлого дня для работы не хватало. Ночью жгли лучины, как поется в русской народной песне: «Лучина, лучинушка березовая! Ах, что же ты, лучинушка, не ясно горишь? Не ясно горишь, не вспыхиваешь?»

«Лучина,— читаем в «Словаре русского языка» (М., 1983.— Том II, с. 205),— тонкая щепка сухого дерева, укреплявшаяся в светце и употреблявшаяся в старину для освещения крестьянской избы». У А. Н. Толстого в романе «Петр Первый» читаем: «Скудно мерцал огонек лучины, шипели угольки, падая в корытце с водой».

Лучина — удм. *чаг* «щепка; лучина»; *чагтыл* «огонь (свет), поддерживаемый лучиной» (*тыл* «огонь») / к. *чаг*. «щепка» — явление финно-угорское, то же: в мордовских и саамских языках есть этимологические соответствия со значением «лучина».

При свете лучин были созданы изумительные образцы вышивок *кабачи, шортдэрем* северных удмуртов, *сюлык, зар* — южных удмуртов, также отличающиеся изящностью, многоцветными узо-

рами, орнаментами. Ткали, вышивали, плели, шили все при лучине-лучинушке, тысячелетиями освещавшей жилища большинства народов мира.

Основным орудием труда при строительстве служили: топор — удм. *тӥр* // фин. *terä* «острие»; долото — удм. *ожон* / к. *ӧжын* «тж»; *пурт* «нож» / к. *пурт* < иранск.; *кис*, *кискач* «клещи, тиски, щипцы» / к. *кес* «тж»; лопата — *куй* «лопата», *корткуй* «железная лопата» / к. *кой* «маленькая изогнутая деревянная лопата»: мар., эрз.; разного рода ваги для подъема бревен — удм. *зыр* «рычаг; дубина; кол, дреколье; вага» / к. *зор* «дубина, кол», а также ломы, пешни — удм. *пырич*, *прич* «пешня» / к. *пыридз* «лом; пешня»; фин., хант., венг.; носилки для переноски грузов, скажем, той же земли при рытье канав, устройстве завалинок — удм. *лайкан* уст. «носилки»; «коромысло», «рессора» / к. *лайкан* «гибкий шест»; с помощью колотушек могли трамбовать землю — удм. *нушы* «колотушка; дубина; пест»; «булава» / к. *нӧш* «колотушка, валёк»; «пала, булава»; притупившиеся железные предметы могли сточить с помощью точильного бруска — удм. *зуд* «точильный брусок (камень)» / к. *зуд* «тж».

Кроме избы — *корка*, святилища — *куала*, какие другие постройки могли быть во дворе наших предков? Уже в ананьинское время у пермян было развито животноводство, разводили те же виды животных и птиц: коров, телят, лошадей, овец, свиней, гусей, уток, кур. На период холодной, морозной зимы нужны были специальные помещения для их содержания, иначе ни один из этих видов не выдержит 30—40 градусных морозов. Для них строили хлева — удм. *гид*: *скал гид* «коровник», *вал гид* «конюшня», *ыж гид* «овчарня», *курег гид* «птичник», *парсь гид* «свинарник» / к. *гид* «теплый хлев»; *гидня* «конюшня», «хлев на пастбище, на дальних лугах».

Этнографы в своих исследованиях особое внимание уделяли *кеносу* (клети, амбару) удмуртов, особенно двухэтажным, где на верхнем этаже обычно имелось отделение (но чаще всего — отделения) для каждого женатого сына в семье, а нижний этаж служил хозяйственным целям: здесь хранились зерно, мука, кадки с медом, солью и другие продукты питания (сушеная рыба, сушеное мясо — *курлой*, грибы, ягоды, лекарственные травы и др.), в другом отделении — посуда, сельхозинвентарь — это были хозяйственные склады.

Кенос, как спальное помещение для каждой брачной пары, ученые относят к самым древним эпохам — ко времени появления моногамной семьи. С таким утверждением можно вполне согла-

ситься, за исключением самого названия древнейшего сооружения удмуртов — *кенос* < *кен* «сноха, молодушка» + *ос* < *ӧс* «дверь», т. е. «помещение невесты», где слово *кен* считается булгарским (проточувашским) заимствованием. Можно подумать, что само это интереснейшее сооружение вместе со своим названием возникло только в VIII—IX вв. с появлением булгар в Волго-Камье. Но, как известно, булгары были кочевниками и жили в войлочных юртах, не имели двухэтажных деревянных зданий, где можно было бы половину года пожить, детей рожать, а к зиме возвратиться в теплую избу.

Весьма интересный момент: в срединных говорах вместо слова *кенос* употребляется *чум* — более древнее, исконно общепермское слово. В срединных же говорах есть районы, где используются оба слова: *чум* — это спальное помещение, место хранения одежды, а *кенос* — это амбар, где хранятся зерно и прочие продукты питания, инвентарь, посуда; у двухэтажных клетей верхний этаж называется *чум*, а нижний — *кенос*.

Следует подчеркнуть, что ни один исследователь не отметил такой чрезвычайно интересный факт: *чум* — это еще и лесная избушка охотников в виде шалаша (балагана, яранги). Трудно сейчас описать его внешнее и внутреннее состояние, они давно исчезли, но представляется, что это явно полуземлянка с земляным полом и очагом, где можно даже прозимовать. Прообразом таких временных мест обитания может служить обветшавший от времени шалаш, выявленный в Сарапульском уезде и описанный финским ученым У Т. Сирелиусом (см: Загребин 1999).

В топонимии Удмуртии сохранилось множество названий географических объектов со словом *чум, чумо*: *Чумовай* (*вай* «ручей; приток реки»), *Чумошур* (*шур* «река»); *Чумой* (**ой* «река, ручей» ~ в прибалтийско-финских языках *ойа, ой* «река; ручей; канава»); *Курчум* (*кур* «луб, лубок» — «чум, сделанный или покрытый лубком»); *Асанчумо* (*Асан* — личное имя беглеца из царской армии, который жил в этом чуме-домике). Кроме охотников, по народным преданиям, в лесных чащобах, вдали от деревень, скрываясь от преследований, жили беглецы из царской армии при 25-летнем сроке службы.

Удмуртскому *чум* в родственном коми языке также имеется соответствующее слово со множеством значений: к. *чом* «шалаш», «маленький домик в виде клетки из досок (для детских летних игр)», «конура»; а в разных диалектах *чом* — это и «шалаш, чум оленеводов», «холодный хлев, закут на пастбище»; «овин»; «амбар, клеть»; «сени в лесной избушке» и др.

Таким образом, оба пермских языка показывают, что *чум* — это временное жилище, строение.

Интересно заметить: дореволюционные исследователи семейно-родовое святилище удмуртов — *куала* — переводили словом «чум» или «шалаш».

Еще один тип сооружения, еще более архаичный и примитивный, чем лесная охотничья избушка удмуртов — *чум*, представляет из себя *тылыс* «балаган, шалаш из ветвей, курень», используемый пастухами, косарями, дровосеками для укрытия от дождей или для временного отдыха при дневном палящем солнце / к. диал. *тӧлэс* «шалаш, охотничья стоянка»; «ящик, сундук» // фин. *tala, talas* «шалаш, лабаз».

Ученый мир обратил внимание и на особые постройки удмуртов, находящихся вдали от усадеб,— это бани (удм. *мунчо*), чаще всего расположенные у водоемов, у реки. Бани строились на 2—3 семьи: отделившиеся братья, живущие вблизи друг от друга, имели одну баню. У удмуртов, как и у других финно-пермских народов, была большая привязанность, любовь к мытью в бане. В ней мылись еженедельно, чаще всего по субботам; первыми шли мужчины, после них мылись женщины и дети. Парились березовыми вениками; после парилки мужчины шли к реке полоскаться речной водой; зимой нередко принимали «снежные ванны», некоторые обливались водой из проруби.

Естественно, не только в древности, но еще в 50-е годы XX в. бани топились по-черному, вода грелась в чугунном котле на каменке. Кроме этого, большую часть воды грели таким образом: в горячую печь укладывали железные предметы, их калили до красна, а потом их спускали в деревянные кадки с речной водой. Парились сидя на верхией полке, иередко надевая на голову шапку, одевая на руки варежки. Горячий пар получали, выливая воду на горячую каменку. Мылись сидя на лавках, расположеиных напротив печи-каменки и напртив дверей.

Удмуртская баня — это невысокое бревенчатое строеиие, как правило, квадратной формы; имела деревянный пол, потолок, утепленный посыпкой слоя сухой глины; были вырублены два небольших окошка. Как помню, в моей деревне все черные бани крылись соломой, завязанных в снопы. Было несколько баиь-землянок. В удмуртской бане сохранилась еще одна древняя деталь — дымовое отверстие — *ӟопы*. Сама эта деталь и ее названне находят параллели в коми, финском, эстоиском языках, имеющих древнюю банно-

моечную культуру (чего стоит одна всемирно известная финская сауна!). Древние курные избы также могли иметь подобные дымовые отверстия.

Баня удмуртов, помимо прямой своей функции, выполняла роль народной лечебницы: здесь матери рожали своих детей; бабушки-повитухи делали первые массажи роженице, обрезывали пупок новорожденному, давали иногда и языческое имя — *мунчо ним*, букв. «банное имя»; здесь лечили от простудных заболеваний; делали массаж и др. А еще в банях сушили конопляную, льняную соломку; здесь могли варить кумышку, катать валенки и др.

Для современного читателя покажется странным то, что до революции 1917 г., когда в российских селениях не было клубов, домов культуры, бани служили местом собрания деревенской молодежи: здесь они занимались рукоделием, веселились — пели, плясали, рассказывали шуточные рассказы-былички, сказки, загадывали загадки, занимались гаданием своей судьбы, особенно в дни святок.

Начиная с 60-х годов XX в. бани были перенесены в состав усадьбы; внутренний и внешний вид изменились, способы топки усовершенствовались, а любовь к бане ничуть не угасла в удмуртской душе. Как говорят хозяйки, половина работ делается в бане — ее многофункциональность не исчезает.

Существует мнение, что до 70—80-х годов XIX в. в составе удмуртской усадьбы ворот и заборов не было. Финский ученый А. О. Хейкель в 1884 г., побывав в удмуртском с. Цыпья Малмыжского уезда (совр. Балтасинский р-н Татарии), писал, что ворота и заборы в усадьбах отсутствуют, а дома и хозяйственные постройки стоят совершенно открыто на улице (Загребин 1999: 99). Ему вто-

2

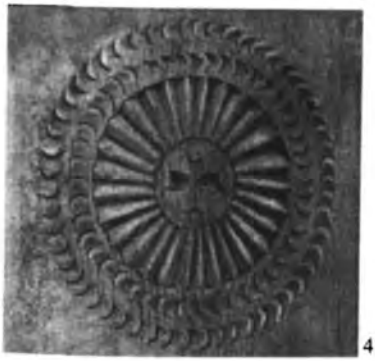

1

Ворота *северных удмуртов:* 1 — полевые ворота (XIX в.; ГМЭ); 2 — ворота с изображениями конских голов

1

2

4

3

Ворота (*ӟезьы, капка*): 1—2 — срубные ворота и их фрагмент; 3 — ворота в д. Женвай Завьяловского р-на; 4 — орнамент на воротах: человеческий лик внутри солярного круга (Якшур-Бодьинский р-н); 5 — ворота постройки 1903 г. (Малопургинский р-н)

5

рит удмуртский исследователь Г К. Шкляев: «Ворота в жилищном комплексе в таком виде появились сравнительно недавно — в начале XX в., являясь отражением специального положения хозяев в обществе» (Шкляев 1993: 116).

Но с таким утверждением полностью согласиться не могу по нескольким причинам: 1) в удмуртском языке существуют слова для обозначения ворот: сев. *ӟезьы* — восходят к общепермскому источнику; южн. *капка* — тюркское заимствование; общеудмуртское *ыбес* «калитка, маленькие ворота на заднем дворе, ведущие в огород (в старину — на поле)», по происхождению являющийся общепермским словом, ср. коми диал. *ыбӧс* «дверь»; «ворота». Если бы не было явления, самого предмета, то не было бы и названия; 2) живя в таежном краю, где водятся множество диких животных, зверей, чтобы они не нападали, не убивали домашних животных, как же не огородить свою усадьбу высоким забором, воротами? Ими же огораживались от воров, врагов, от «злых глаз». Не случайно, на воротах ставились разные оберегающие знаки в виде розеток, линий, солярных знаков; в ворота втыкали ветки вереска, рябины. Мне удалось увидеть подпорки ворот, выпиленные в виде человеческой головы. С воротами были связаны разные обряды, поверья удмуртов. Они ставились на обоих концах деревень, ведущих на поле, в другие деревни, их называли *бусы капка*, *бусы ӟезьы*, с ними тоже связаны некоторые обряды, обычаи. Более того, уже в ананьинское (общепермское) время появились городища с мощными укреплениями — крепостными стенами из толстых, крепких бревен. А как же ограда без ворот? В конце 70-х годов XX в. в д. Старая Казмаска Завьяловского района мне удалось увидеть ворота, напоминающие городищенскую ограду, состоящую из двух рядов бревен, соединенных меж собою в виде сруба.

Про крепко огороженную усадьбу удмурты говорят: «Шыр пырон интызы ӧвӧл» («Нет у них места, где бы мышка могла забежать»). Кое-как заколоченные ворота, напоминающие полевые ворота, удмурты называют *бигер капка* «татарские ворота».

* * *

А теперь от этнографии и лингвистики перейдем к археологии, которая более или менее точно может указать, в какую эпоху существовал тот или иной вид жилища у местного населения в Волго-Уральском регионе — на пратерритории финно-угорских

1

2

1 — современный жилой дом; 2 — срубные ворота (*центральные удмурты*, Шарканский район)

племен, где шло формирование удмуртского народа. Свои данные получаю из работ Р. Д. Голдиной, А. В. Збруевой, Е. М. Черных и других археологов.

Палеолитические памятники на территории Удмуртии пока не выявлены, а свидетельств мезолитических, неолитических и последующих исторических эпох обнаружено довольно много, часть из них уже обследована, получены интересные материалы, в т. ч. и по жилищу.

В эпоху мезолита — среднего каменного века (8—6 тыс. до н. э.) — люди жили охотой, рыболовством, собирательством даров природы, а земледелие, скотоводство, плавка металлов вовсе не были еще известны. У мезолитических племен число жилищ не было больше двух, они существовали короткое время, т. к. ее строители часто меняли место жилья, передвигаясь за стадами убойных животных, мясом которых они питались.

На 8 поселениях изучено 12 жилищ, большая часть которых представляла собой квадратные полуземлянки, углубленные в грунт на 25—70 см со столбовой конструкцией стен; размеры жилищ: 5х6, 5х5, 7х4,5 — полезная площадь которых колебалась от 25 до 40 кв. м. Жилища отапливались простыми очагами-кострищами. Для отопления жилища использовались как дрова, так и сырые кости животных (жители тундры до сих пор в качестве топлива используют кости животных). Жилища, наверное, были похожи на чумы охотников-пермян. Крышевую часть своих жилищ люди эпохи мезолита укрывали жердями, ветками, дерном, корой, шкурами. В таких жилищах в зимнее время могли жить от 7—13 до 20, а на самом большом жилище в Степинцах до 50 человек (Гусенцова 1993: 225; Голдина 1999: 56—57).

В эпоху неолита — новый каменный век (5—3 тыс. до н. э.) — произошло совершенствование каменных орудий; появились различные варианты топоровидных орудий: долота, стамески, тесла; была изобретена глиняная посуда; появилась плетенная одежда и обувь типа лаптей.

В это время появляются долговременные поселения с остатками нескольких жилищ и хозяйственных сооружений. Появились бревенчатые жилища, также углубленные в материк — от 25 до 100 см, крыша стала двухскатной, жилище покрывалось жердями, корой, берестой; завелись канавки для стока воды и завалинки для утепления пола жилища. Выявлены следы круглых конических шалашей типа яранги или чума жителей тундры — саамов, палеоазиатских,

самодийских народов. Археологи отмечают преемственность в развитии жилищ от мезолитических к неолитическим: их объединяет заглубленность в материк, квадратный или прямоугольный план, наличие простых очагов. В эпоху неолита почти вся территория Удмуртии была плотно заселена (Гусенцова 1993: 223; Голдина 1999: 70—95).

В эпоху энеолита — меднокаменного века (3—2 тыс. до н. э.) — люди научились добывать медь и делать из нее некоторые вещи, заменившие менее прочные каменные орудия труда. Началась перестройка экономики древнего финно-пермского общества, в том числе и жилища.

Жилища обычно строились вдоль края террас и соединялись друг с другом крытыми переходами, имели квадратную или прямоугольную форму, углублялись в материк от 30 до 80 см. Стены домов возводились из горизонтально уложенных бревен; крыша была двускатной.

В эпоху бронзы (1500—900 лет до н. э.) в связи с освоением нового металла появились большие изменения в первобытных общинах: общий рост производительности труда способствовал прогрессу производящих отраслей хозяйства. Жилища также претерпели определенное изменение: из полуземляночного состояния стали наземными, увеличивались размеры жилищ; вдоль стен избы устраивались нары для спанья (Голдина 1999: 142).

В эпоху раннего железного века, связанной с появлением ананьинской культурно-исторической общности — древней основы пермских народов (800—300 лет до н. э.),— произошли грандиозные изменения в жизни всех родоплеменных групп Волго-Уральского региона: изготовление орудий труда, оружия из железа привели к революции в материальном производстве, военном деле. «Широкое распространение железа повлекло разрушение традиционных норм первобытного общества, зарождения расслоения общества и формирования раннеклассовых отношений» (Голдина 1999: 167).

В ананьинскую эпоху с появлением богатства в руках родовой знати начались войны с целью добычи еще большего достатка, грабежа состоятельных родовых групп, семейств. Не случайно ранний железный век, как считают археологи,— это время широкого распространения войны как средства быстрого обогащения. Именно в это время появились первые укрепленные поселения на удобных для защиты от врагов (на высоких, крутых мысах рек) городища

(удм., коми *кар*), хотя немалая часть людей продолжала жить в неукрепленных селениях (удм. *гурт* / к. *горт*).

На хорошо изученном Аргыжском городище (в бассейне нижнего течения р. Вятки) исследованы остатки жилых и хозяйственных сооружений: мастерские, культовые и прочие сооружения. На его площадке обнаружено 3 ряда построек: стояли наземные бревенчатые дома площадью 80—100 кв. м прямоугольной формы, которые отапливались 2—4 очагами. Площадь культовой постройки составляла 52 кв. м; в центре размещалось мощное кострище с остатками обожженных костей от жертвенных животных. Здесь же выявлена мастерская, в которой обнаружен очаг со шлаками (Черных 1995: 6—7).

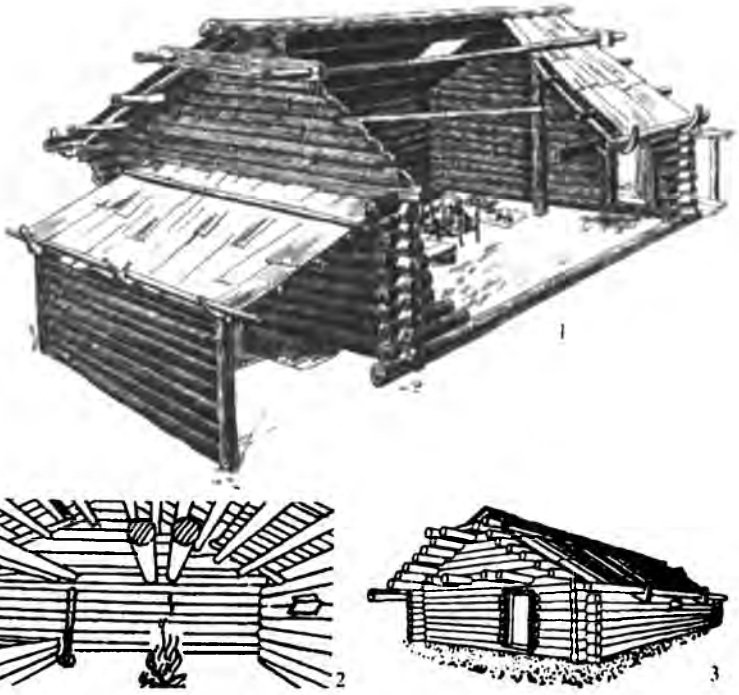
Как считают археологи, ананьинские городища являлись центрами политической, идеологической и хозяйственной жизни определенных территорий и содержали самые разнообразные сооружения, предназначенные для обслуживания всех сторон жизни коллектива (Голдина 1999: 173).

Удивляет мощность фортификационных сооружений некоторых городищ, например, Алтентау (бассейн р. Камы) было два раза захвачено и сожжено врагами, но жители этого мощно укрепленного городка вновь возвели линию укреплений. Как и прежде, по валу шириной до 8,5 м и высотой до 2 м шла бревенчатая стена; внешняя стена вала была укреплена каменной кладкой шириной до 3 м. Но и эти укрепления, и само поселение вновь были разрушены врагами (Борзунов 1997: 171—176; Голдина 1999: 175).

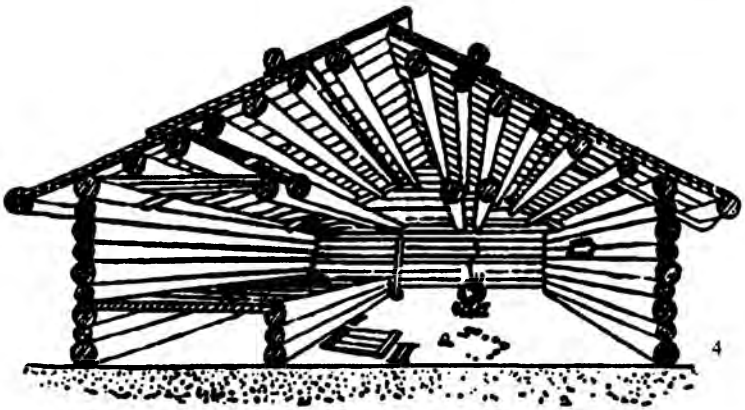
На Зуево-Ключевском I исследовано несколько жилищ, выстроенных рядами, их разделяли «улицы» шириной 15 м. В наземных домах (*корка*) площадью 60—70 кв. м вход (*ӧс*) располагался с восточной или юго-восточной стороны; напротив него располагались нары (*ӝсыжол*); в центре устраивался очаг, иногда — на глинобитном основании, некоторые были обставлены камнями для дольшего удержания тепла.

В южной части данного городища располагалось святилище (*куа, куала*), где обнаружено огромное количество костей животных: лошадей, крупного рогатого скота, принесенных в жертву в честь своего родового покровителя — воршуда (см.: Ашихмина, Генинг 1986: 54; Голдина 1999: 175).

В эпоху развитого средневековья (IX—XIII вв. н. э.) с древними удмуртами связаны 3 археологические культуры: на юге Удмуртии — *чумойтлинская*, на Вятке — *кочергинская*, на Средней Чепце — *чепецкая*.

Древние жилища удмуртов: 1 — реконструкция жилища средней части городища Иднакар X—XII вв. н. э. (*по М. Г Ивановой*); 2, 3, 4 — жилище позднепьяноборского (мазунинского) периода — 1-я половина I тыс. н. э. (*по Т И. Останиной*)

На последней, наиболее хорошо изученной культуре, остановим свое внимание, в первую очередь на строительство жилых хозяйственных сооружений. Исследованиями В. А. Семенова, М. Г. Ивановой получены исключительно богатые и выразительные материалы на городищах Иднакар, Гуръякар, Весьякар, Поркар (Маловенижский). На одном из крупнейших городищ Прикамья IX—XIII вв. Иднакар изучены свыше 30 жилых сооружений, производственные постройки, оборонительные укрепления (см.: Черных 2008: 19—20).

Жилые сооружения на Иднакаре располагались в центральной части не совсем четкими рядами, вытянутыми вдоль городища от мысовой части к валу, но на позднем этапе возле внутреннего вала были возведены площадки. Производственные и хозяйственные сооружения занимали южную и северную часть городища.

Дом-изба иднакарцев — это срубная постройка, установленная непосредственно на грунт без фундамента; потолка не было. В центре избы устраивалось основание под очаг из плотно утрамбованной сухой глины; на нем выкладывали крупные и мелкие камни в виде простой печки. Дым из очага выходил, как и в удмуртских святилищах *куала*, через отверстие в одно- или двускатной крыше, покрытой плахами, корьем, лубом (История Удмуртии 2007: 253—257).

Сравнивая, сопоставляя укрепленные поселения (*кар*), жилища (*корка; кенос*), хозяйственные и культовые (*куала*) сооружения ананьинского и чепецкого населения с привлечением этнографического материала по удмуртскому зодчеству, выдающийся археолог середины XX в. А. В. Збруева приходит к таким выводам: как и в ананьинское время, чепецкие городища в большинстве случаев располагаются на высоких мысах берегов рек, окружены крутыми склонами, оврагами, а с напольной стороны защищены земляным валом — одним или двумя — и рвом. Края городищ и вершины валов также укреплены дополнительными деревянными сооружениями из вертикально поставленных бревен, как в ананьинскую эпоху, или из деревянных срубов, примыкающих один к другому и заполненных землею. Расположение укрепленных поселений предков удмуртов на р. Чепце ничем не отличается от расположения ананьинских городищ.

В X в. на Чепце и в других удмуртских регионах строили рубленные деревянные дома с очагом в углу, с сараями, скотными дворами и кладовыми. Находки железных ральников позволяют говорить о существовании пашенного земледелия, многочисленные

кости домашних и диких животных — о развитом скотоводстве и охоте. Различные изделия и остатки мастерских говорят об усовершенствованных ремеслах. На Кушманском городище были открыты кузницы и сыродутные горны для получения железа из руды.

Первоначальным зимним жилищем финно-угорских народов служила выкопанная в земле яма с кровлей, сменившаяся позднее курной избой с глинобитной печкой и волоковыми окнами.

А. В. Збруева, вслед за А. Пинт, считает, что *кенос* — это древнейший тип жилища, сохранивший в своем устройстве черты, отражающие родовой строй и пережитки матриархата. Древнейшая форма — одноэтажный одинарный кенос, разделенный перегородками или пологом — *висьет* — по числу брачных пар в семье. Каждая пара имела в кеносе отдельное помещение, полной хозяйкой которого является женщина.

Особый интерес для ученого археолога представляет длинный *кенос*, состоящий из нескольких отдельных *кеносов*, по своему внешнему виду и внутреннему устройству совершенно аналогичных одинарным и соединенных между собою промежуточным помещением. «Принцип его устройства восходит к ананьинскому времени. Так большое родовое жилище, вскрытое на Конецгорском селище в районе устья р. Чусовой, представляло дом длиной свыше 40 м и шириной от 4 до 6 м; девять очагов были расположены по средней линии и принадлежали, очевидно, также отдельным брачным парам одной родовой группы». В устройстве *кеносов*, считает А. В. Збруева, можно проследить черты еще более древних жилищ Прикамья, чем ананьинские.

Подводя итоги, А. В. Збруева пишет: «Сравнение археологических материалов ананьинского времени с материалами X—XIV вв. н. э. и некоторыми элементами современных жилищ и национальной одежды удмуртов и коми-пермяков позволяет установить их взаимную связь и наличие ананьинских традиций в культуре удмуртов и коми-пермяков, которые ясно наблюдались в X—XVI вв. и слабые отзвуки которых дожили до современности» (Збруева 1952: 207—215).

* * *

Так, опираясь на данные этнографии, лингвистики, археологии, мы вкратце рассмотрели эволюцию удмуртского жилища и других построек нашего народа, начиная чуть ли не с палеолита и кончая современностью. Дошли до самых истоков жилища наших предков

первобытной эпохи — земляночных построек типа шалашей, охотничьих «избушек», носящих название *тылыс* и *чум*.

Я полагаю, что древнейшим типом жилища праудмуртских родоплеменных, как и у других финно-угорских этнических групп, по крайней мере, начиная с энеолита, была бревенчатая постройка типа удмуртской *куалы*, углубленной в материк до 0,5 и более метров (кстати, у показанного на рисунке двухэтажного дома Атамановых — *Опоня корка*,— построенного в 1870 г., первый этаж из кирпича углублен в землю в более чем на 0,5 м; такие же двухэтажные дома с углублением первого этажа в землю я встретил во время экспедиции в 1973 г. у арских удмуртов — в Балтасинском р-не Татарии).

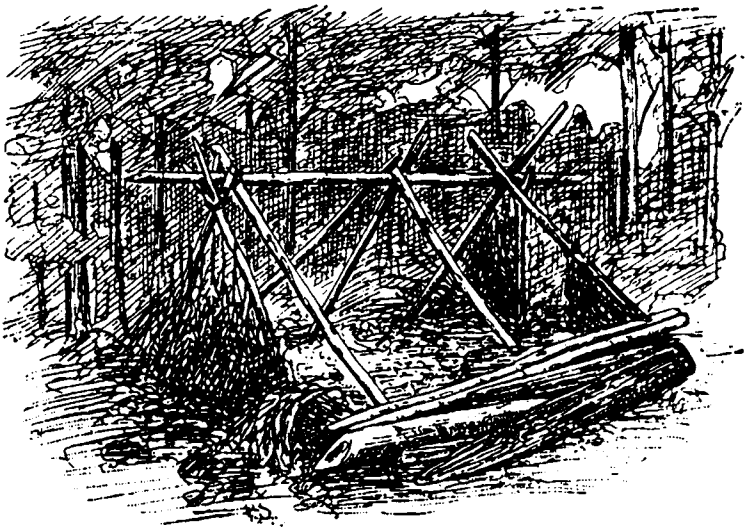
Думаю, что *куала* стала позже святилищем — местом хранения родовой святыни *воршуд*; до этого местом его хранения были, как и у обских угров, а также коренных народов Америки, Австралии, Африки, Азии, где было почитание семейно-родовых божеств, какие-нибудь потайные места, например, у лесных народов — дупла деревьев, находящиеся вдали от посторонних, непосвященных в этот культ людей. В удмуртской религиозной мифологии известен *Мудор кыз*: *му* «мать (воршуд) + *дор* «дом; обиталище» + *кыз* «ель, ёлка», букв. «ель, место обитания (дом) *му* -- матери-воршуда». Когда же уже появилось здание — *куала* — для хранения воршуда и его атрибутов (воршудный короб с сакральными вещами + идол) возле святилища всегда росла ель, но по описаниям этнографов у каждой воршудно-родовой группы почитаемой была определенная порода дерева.

Этимологические параллели удмуртскому *куа* ~ *куала* имеются во всех финно-угорских языках, употребляющихся, как правило, для обозначения примитивных, потерявших уже свою первоначальную функцию зданий, например, коми *кола* «охотничья или рыбачья избушка без окон» (в удм. *куала* и к. *кола* авторы КЭСК *-л-* считают словообразовательным суффиксом) // мар. *кудо* «лачуга, шалаш»; «летняя кухня» / морд. -мокш. *куд* «дом, изба; кров (дом)» / фин. *kota* «юрта, хижина, шалаш» (в других прибалтийско-финских, саамском языках данное слово употребляется в таком же значении) / хант. *хот* / венг. *haz* «дом» (лишь в мордовском и угорских языках это древнейшее слово употребляется для обозначения понятия «дом, изба»). Параллели финно-угорским словам выявляются в иранских языках: авест. *kata-* «комната; кладовая» / новоперс. *kad* «дом» (КЭСК 1970: 114). Без сомнения, к этому же

кругу относится *хата* «дом, жилище» у славянских народов (см.: Фасмер 1987: 226).

От эпохи к эпохе, с ростом производительных сил в обществе, жилище усовершенствовалось и, наконец, к наши дням дошло в виде домов типа коттеджей, особняков (имеются ввиду типичные удмуртские деревни) с газовым отоплением, водопроводом, теплым туалетом, с сауной, душем, с телевидением, Интернетом (ничем не уступающими домам сельских жителей Европы). Для примера показываю три образца-дома сельских тружеников-механизаторов из чисто удмуртской деревни Старая Игра (Вуж Эгра) Граховского района (южная Удмуртия), построенных в самом начале XXI в. К сожалению, таких живых, богатых деревень в России осталось мало: за последние 20 лет в стране исчезло уже 20 тысяч населенных пунктов. В это же число входят немало удмуртских деревень.

Как говорили древние мудрецы, все течет, все изменяется, в том числе и в народном зодчестве. Так, например, полуземляночная примитивная постройка для временного жилья — *чум* — со временем превратился в *кенос* и поместился рядом с деревенским бревен-

Остатки охотничьего шалаша (*тылыс*).
Сарапульский уезд (*по У. Т. Сирелиусу, А. Е. Загребину*)

чатым домом, даже стал двухэтажным с резными галереями-балконами, несколькими отдельными спальными комнатами на верхнем этаже, а нижний этаж превратился в амбар, в хозяйственные склады для хранения зерна, других продуктов питания, посуды, утвари, рабочего инвентаря.

А *тылыс* таки остался шалашом — местом отдыха косарей, пастухов, лесорубов; но ныне не стало косарей, лесорубов, работающих вручную, исчезли стада пасущихся животных — шалаш стал никому не нужным, и к XXI в. как сам шалаш, так и его название — *тылыс* — ушли в историю, небытие.

С началом коллективизации в деревне в конце 20-х — начале 30-х г. XX в., под видом врагов народа, раскулачили самых трудолюбивых, зажиточных крестьян. Их с семьями ссылали в Сибирь, на Север, а все их хозяйственные постройки разбирали под колхозные, общественные строения; дома превращали в колхозные конторы, школы ликбеза, медпункты, магазины.

Это был первый и самый сильный удар по удмуртскому крестьянскому зодчеству, выработанному тысячелетиями. Так стали исчезать прекрасные двухэтажные кеносы, древние святилища-куала, крепко рубленные животноводческие помещения с высокими сеновалами (лошади по трапу поднимали свой груз прямо в сарай); никто больше не строит каретники (удм. *коротник*), изумительные срубные ворота — встречающиеся только у удмуртов. (Моя мама рассказывала, что в единоличные времена, бывало, зайдешь во двор богатых людей и изумляешься: такая огромная усадьба, столько там разных построек, можно просто заблудиться.)

К нашим дням в деревнях не осталось ни водяных (*вуко*), ни ветряных (*тӧлвуко*) мельниц, ни сушилок (*куасьтӥськон*), ни крупорушек (*тӥсьпоттон*).

Второй удар по народному зодчеству был нанесен в годы войны, когда обветшавшие постройки женщины-солдатки вынуждены были пустить под топку печей или продать на сторону. Третий удар наносится сейчас: исчезают сотни деревень в Удмуртии (положение в соседних русскоязычных областях ничуть не лучше). Ныне редко где можно встретить кеносы, тем более двухэтажные, с галереями, срубные, узорчатые ворота; о куала молодежь уже почти ничего не знает.

К радости многих в республике создан этнографический музей под открытым небом «Лудорвай», куда свезли уже некоторые деревянные постройки конца XIX и начала XX в. Все посетители,

1

2

3

Музей-заповедник «Лудорвай»: *1* — двухэтажный *кенос*; 2 — фрагмент укрепления крыши; 3 — святилище — *куала*; 4 — внутреннее убранство дома; 5 крестьянский двор с домом — *корка*

4

5

в т. ч. и зарубежные гости, с изумлением знакомятся с крестьянской усадьбой удмуртов-калмезов из Селтинского района, ветряной мельницей из Алнашского района. Конечно, пока есть что перевезти, надо спешить и с воссозданием уникальных объектов.

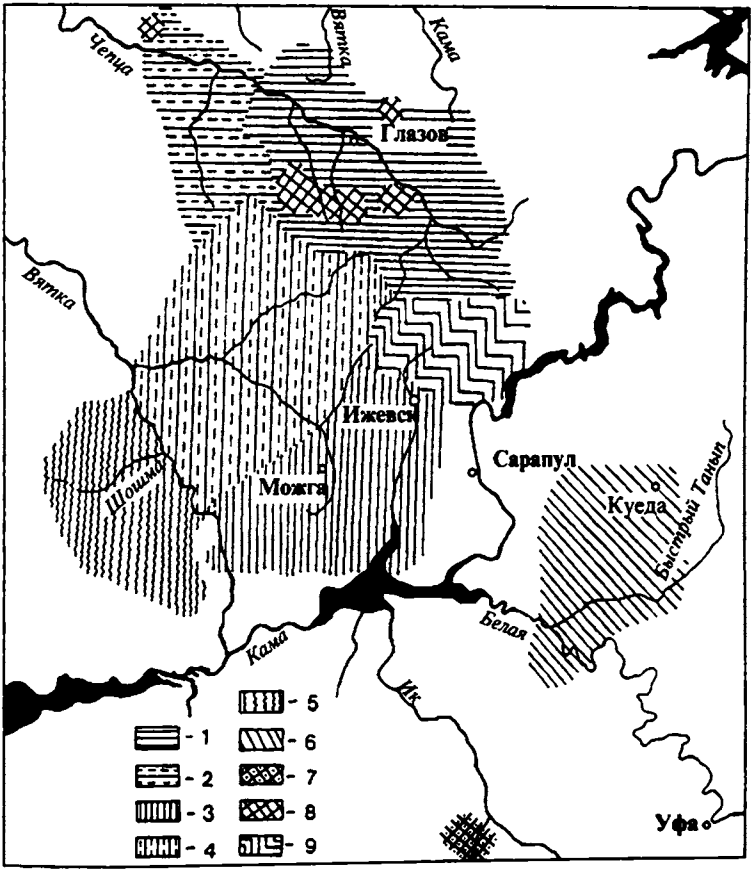
Чтобы увековечить память об удмуртском народном зодчестве, привить интерес молодого поколения к истории, крестьянскому домостроительству, привожу ряд фотографий, чертежей, рисунков, изображающих разные объекты из удмуртской крестьянской усадьбы.

8. Из истории формирования костюмных комплексов удмуртов

Национальная одежда — этническое лицо народа, важнейший источник по древней культуре ее носителя и хранителя, рассказывающая бесконечно длинную историю ее создателя. Для большинства народов мира сохранивших, нередко еще и носивших традиционную одежду, хотя уже и сильно модифицированную, национальный костюм с украшениями служит важным подспорьем в решении такого сложного, но очень важного вопроса, как этногенез народа.

Древний, богатый женский национальный костюм удмуртов — явление уникальное: северноудмуртская одежда, особенно нижнечепецких удмуртов-ватка, находит прямые аналоги в костюмных комплексах финно-угорских народов, прежде всего поволжской группы. В южноудмуртском костюме, в его украшениях отразилось влияние степного кочевого мира, первоначально ими были племена индоиранской языковой семьи, с которыми праудмуртские родоплеменные группы в продолжении тысячелетий имели прямые контакты. Начиная со второй половины I тыс. н. э., с началом великого переселения народов, соседями древних удмуртов стали тюркоязычные племена: булгары ~ чуваши, позже — башкиры, татары: кряшены, мишари.

Яркий национальный костюм удмуртских женщин обратил на себя внимание первых ученых-путешественников, среди которых Д. Г. Мессершмидт, Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, П. С. Паллас, И. Г. Георги, П. и Н. Рычковы; в XIX в. оставили свои записи об одежде удмуртов такие ученые, как А. А. Фукс, И. Н. Смирнов,

Карта распространения костюмных комплексов удмуртов

Северные удмурты: 1 — верхнечепецкий; 2 — нижнечепецкий. *Южные удмурты:* 3 — собственно южноудмуртский; 5 — завятский; 6 — закамский; 7 — бавлинский. *Срединные удмурты:* 9 — шарканско-якшур-бодьинский; 4 — калмезский. *Бесермяне*: 8 — бесермянский

П. М. Богаевский, Н. Г Первухин, Г Е. Верещагин, М. Бух, А. Ф. Риттих, Г Н. Потанин, В. В. Бехтерев, С. К. Кузнецов, А. О. Хейкель, У Т. Сирелиус и др. Многие из них занимались сбором этнографического материала, в т. ч. и одежды, для музеев С.-Петербурга, Москвы, Хельсинки и других городов. В XX в. усердно трудились над описанием национального костюма удмуртов В. Н. Белицер, Н. П. Гринкова, И. К. Зеленов, Н. И. Гаген-Торн, Т. А. Крюкова, В. Ф. Генинг, С. Н. Виноградов, Н. С. Королева, Е. Н. Котова, С. Х. Лебедева, К. Консин, А. Ю. Петерсон, А. Линтроп, Л. И. Савельева, В. А. Семенов, Л. С. Христолюбова, К. М. Климов, М. Г. Атаманов, М. А. Косарева, Л. А. Молчанова, Е. Е. Никонорова и др.

Яркий след в описании национальной одежды удмуртов оставил немецкий ученый-путешественник самым первым и наиболее полно в XVIII в. описавший женский костюм северных удмуртов-ватка и закупивший весь комплекс одежды, а также отдельных его частей для музейного хранения. Но, к великому сожалению, об этом знают не многие, работа не увидела свет, находилась в рукописи и полностью была опубликована лишь в 2001 году (Напольских 2001. 224 с.), поэтому до сих пор практически нет ссылок на нее (С. Н. Виноградов, художник, лишь в журнале «Молот» в свое время поместил рисунок Д. Г. Мессершмидта северной удмуртки в айшоне). Если б этот труд своевременно был опубликован, не фигурировали бы некоторые искажения в описании отдельных деталей национального костюма. Например, многие считали, что *айшон, сюлык, зар, такъя* отсутствовали в среде северных удмуртов, что они являются достоянием южноудмуртского комплекса одежды и, как всегда при таких случаях, не забывали упомянуть тюркское влияние на южных удмуртов.

Большую часть труднодоступного для рядового читателя записей Д. Г. Мессершмидта, касающихся одежды и украшений северных удмуртов-ватка, хочу предложить читателю:

«Одежда мужчин такая же, как у русских крестьян. Бабы же, напротив, выглядят очень похожими на остяцких или Ас-яхских (ханты.— *М. А.*) баб. Их костюм состоит из одежд из крапивной или конопляной ткани, а именно — из штанов и чулков, и обуви, сплетенной из лыка, из крапивной или конопляной рубахи, с узкими рукавами до кистей рук, поверх которой они одевали другую, спереди полностью *распашную рубаху с длинными рукавами, на локтевом суставе также разрезанную* (как польские шубы) и

вышитую шерстью или шелком-сырцом, коль скоро они хотели появиться перед посторонними белыми и чистыми. Все волосы у них убраны под чепец, а не свисают в косах. Серег у этих баб не было, но над чепцом они носили *высокий головной убор в фут высотой* и почти такой же в ширину, сделаниый из бересты, покрытый белой крапивной тканью и спереди надо лбом на половину высоты вышитый разноцветными шерстью и шелком, украшенный множеством стеклянных бус или разноцветной эмалью (по-русски бисер) и четырьмя-пятью горизонтальными рядами свинцовых копеек (имеется в виду *айшон*, на северноудмуртском диалекте, судя по Мессершмидту, *ашкон.— М. А.*). На верхушке головного убора прикреплен четырехугольный белый крапивный или конопляный платок, который сзади свисает до верхней части шеи, а также, подобно французским женским капорам или куафюрам, может быть, при желании, опущен на лицо спереди (имеется в виду — *сюлык;* курсив наш.— *М. А.*). Девочки и девушки имеют непокрытые волосы и носят на голове круглую шапочку-колот типа еврейских кожаных колотов, пестро вышитую разными цветами и обвешанную бисером и свинцовыми копейками (имеется в виду *такъя;* курсив наш.— *М. А.*); кроме того, также, как бабы,— четырехугольный платок, пришитый к макушке шапочки, но так, что его нельзя, при желании, опускать на лоб» (Д. Г. Мессершмидт // Напольских 2001: 78—79; сведения получены в д. Юска совр. Кезского р-на: декабрь, 1726 г.; Л. 352).

Важно еще и то, что ученый-путешественник покупает удмуртский костюмный комплекс. А вот как описывает он свою покупку в д. Балезино — совр. с. Балезино (удм. Узя) в одноименном районе (Л. 356):

«Между тем я постарался закупить полный женский костюм с головы до ног, поскольку и генерал-майор Хеннингс, и князь Мешевский, и другие проезжающие любопытствующие путешественники также советовали мне таковой для себя добыть». Д. Г Мессершмидту удалось закупить «Уд-мурдский женский костюм № 1», надеваемый в дни жертвоприношений и другие праздничные дни: 1) «Льняные *штаны* с русским названием (за 10 копеек); 2) *ӧуглэс* — льняные чулки (за 5 коп.); 3) *кут* — лыковые башмаки, с ними шерстяные подзвязки (за 2 коп.); 4) *дэрем*, нижняя рубаха, до пят (за 23 коп.); 5) *кабачи* — вышитый матерчатый нагрудник для прикрытия разреза рубахи на груди — 1 шт. (за 30 коп.); 8) *зар* — пояс или пояс на бедрах поверх рубахи (за 40 коп.); 6) *шортдэрем* — льня-

ной верхний кафтан; полотняное одеяние, спереди открытый так, что когда кафтан запахивают, грудь не бывает закрыта, и в этом случае он должен быть опоясан *заром* или поясом — 1 шт. (за 12 коп.); 7) *сирес* шелковый < широкий отложной > — воротник или оплечье, прикрепляемый к кафтану лентами — 1 шт. (за 18 коп.); 9) *ашкон* — высокий головной убор с неотделимыми принадлежностями; он надевается на обернутый вокруг головы длинный льняной платок так, что надвигается сильно на лоб почти до бровей, почему может стоять на макушке головы, а сзади привязывается вокруг шеи — 1 шт. (за 50 коп.); 10) *сюлык* — вышитый белый покров на *ашкон*, подобный французскому куафюру, опускаемый на лицо или поднимаемый по желанию; вокруг шеи носят они зимой шарф; также ли летом — не знаю — 1 шт. (за 26 коп.); 11) *дукес* — белое (также, впрочем, бывает зеленого, красного сукна) суконное пальто или зипун от дождя или снега, спереди обычно застегивается, а при входе в помещение «его» тут же снимают — 1 шт. (за 35 коп.) ... я приказал для начала целиком запаковать, опечатал и обозначил <как> *Уд* этот *вяд-яхский* или *уд-мурдский* женский костюм, который я имею намерение в будущем поместить в моем музее на кожаном набитом паклей болване или манекене» (*Там же.* С. 86).

Подобный женский костюм купил он и в следующей удмуртской деревне Глазовка (совр. г. Глазов) на сумму 212 коп. В деревне Бигра, рус. Дизьмино (совр. Ярский р-н), хотел приобрести девичий костюм, но, как он пишет, люди ничего не хотели отдавать, тем не менее удалось приобрести девичий головной убор — *такъя, кышет* (платок) и *кабачи* на сумму 42 коп. (*Там же.* С. 90).

Так пунктуально во всем XVIII в., вплоть до конца XIX в., до него никто не описывал удмуртский национальный костюм. Как у истинного сына своего народа, все у него оформлено, записано пунктуально: Д. Г. Мессершмидт выяснил удмуртское название каждой части костюма, узнал цены, расплатился и все данные занес в свой путевой дневник.

Удивительно, что все словесные обозначения им частей, деталей северноудмуртского костюма соответствуют положениям современной науки. Теперь никто не может сказать, что северным удмуртам не были известны *айшон*, название которого бытовало фонетически в несколько видоизмененном варианте — *ашкон*, пояс *зар*, платок-накидка на айшон *сюлык* и др. Приведенные немецким ученым названия частей северноудмуртского костюма известны и южным удмуртам, они также являлись частью их костюма.

Важно отметить, что и у верхнечепецкой группы, как у нижнечепецких, южных — завятских (арских) удмуртов еще в XVIII в. в моде были древние белоткаиные распашные рубахи с длинными, ложными рукавами. Таким образом, чем дальше вглубь веков мы идем, тем больше выявляем общих элементов в костюмных комплексах южных и северных удмуртов. А это очень важно для реконструкции общеудмуртского костюмного комплекса.

К сожалению, по собственно южноудмуртскому, особенно по калмезскому, варианту работ меньше всего, больше писали о завятских (арских) удмуртах, живущих ближе к Казани, вдоль трактов, ведущих на Урал, в Сибирь. Но это не случайно. В университетском городе жили ученые, интересующиеся бытом, историей, языком народов Волго-Камья, здесь останавливались почти все ученые из финно-угорских стран, приезжающие изучать язык и культуру родственных им народов (Г. Ф. Миллер, П. С. Паллас, И. Г Георги, Д. Островский, Н. Н. Фукс, И. Н. Смирнов, А. О. Хейкель, М. А. Кастрен, У. Хольмберг, А. Хямяляйнен, Б. Мункачи и др.). Самобытные костюмы, богатые украшения завятских удмуртов привлекли вниманне многих ученых.

В середине XIX в. изученнем этнографин народов Поволжья заннмался А. Ф. Риттих. В монографии «Материалы для этнографии России. Казанская губерния» (Казань, 1874, ч. I—II) он опнсал характерные особенности удмуртского костюма; в качестве иллюстрации привел фотоматериалы, показывающие возрастные и социальные различия в удмуртской одежде того времени.

Д. Островский о приказанских удмуртах (монография) вкратце описывает характерные особенности обрядовой, праздничной, будничной одежды; приводит термины, касающиеся частей одежды, указывает на способы их изготовления (Островский 1874).

Одним из лучших работ по украшениям удмуртского костюма является работа известного путешественника, этнографа, фольклорнста Г. Н. Потанина (Казань, 1882).

Известный ученый, первый удмуртский этнограф, священнослужитель Г. Е. Верещагин дал наиболее полное описание мужской и женской, праздничной и будничной, летней и зимней одежды удмуртов Сарапульского уезда, ныне входящих в состав Малопургинского, Завьяловского, Шарканского районов (Верещагин 1886: 10—11; 1889: 46—49).

Инспектор народных училищ Глазовского уезда, выпускник духовной академии, неутомимый труженик-краевед Н. Г Первухин

оставил после себя огромный опубликованный материал по археологии, этнографии, фольклору северных удмуртов-ватка Глазовского уезда (к сожалению, как написано в его некрологе, «обширный словарь глазовского наречия» до сих пор не найден). В своих трудах он коснулся также одежды северных удмуртов, но особенно интересно описание жреческой одежды (Первухин 1888).

Автор одной из первых и солидных монографий по истории, этнографии удмуртов, профессор Казанского университета И. Н. Смирнов уделил несколько страниц удмуртскому костюму: он обобщил данные по одежде описанных, проиллюстрированных до него, внес самим собранные материалы по народной одежде удмуртов конца XIX в.

Как пишет В. Н. Белицер, этнографическая литература XIX в. очень неравномерно освещает различные стороны удмуртской культуры. Наиболее подробно исследователи останавливаются на религии, семейных обрядах и обычаях удмуртов, но очень мало места уделяют вопросам материальной культуры — описанию национального костюма (Белицер 1951: 12).

В самом начале XX в. — в 1906—1907 гг. — для Русского музея уникальную коллекцию удмуртской национальной одежды собрал И. К. Зеленов в среде удмуртов Сарапульского, Глазовского, Мамадышского, Казанского уездов (те вещи ныне хранятся в Российском этнографическом музее; 522 удмуртских и 113 предметов бесермянского происхождения). Она подробно аннотирована, и, как считает С. Х. Лебедева, в настоящее время это почти эталон полевой собирательской работы для музейного работника. Особый интерес в ней представляют коллекция вышитой одежды и головных уборов удмуртов Глазовского и Сарапульского уездов Вятской и Мамадышского, Казанского уездов Казанской губерний (Лебедева 2008: 8).

Образцы национальной одежды, украшения, инструменты ткачества имеются в историческом музее (Москва), Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (С.-Петербург), национальных музеях Татарстана, Башкортостана, Кировской, Пермской областей, г. Тарту (Эстония), Хельсинки (Финляндия), Будапешта (Венгрия) и др. Конечно же, самая богатая коллекция удмуртского национального костюма, украшений хранится в фондах Национального музея Удмуртской Республики им. Кузебая Герда.

Огромное количество национальной одежды и другой этнографический материал хранится в городских и сельских школьных му-

зеях республики и за ее пределами. Среди них имеются уникальные вещи, но при неграмотном, часто бесхозном, бесконтрольном хранении, они безвременно гибнут, теряются, особенно в последние 2—3 десятилетия.

Итак, до революции 1917 г. отдельных монографических описаний по национальному костюму удмуртов не было. В то же время почти каждый побывавший у удмуртов и что-то написавший об удмуртах — ученый ли он, путешественник или краевед, или любитель старины,— отмечал хотя бы в нескольких предложениях, своеобразные, оригинальные черты национальной одежды удмуртов. Как писал Д. Островский, «Женщин особенно красит костюм, который так оригинален и своеобразен» (Островский 1874). Особенно удивляют их высокие головные уборы с покрывалом (*айшон* с *сюлыком*), своеобразные прически замужних женщин (*чузырет* ~ *чучырет*), верхнее платье, «которое снизу до верху прорезано, а рукава по польскому обыкновению с плеч висячие, в которые рук не вдевают» (Миллер 1791: 7; Паллас 1788: 31—35; Георги 1799 и др.).

Итак, письменные источники XVIII и XIX вв. дают в основном лишь отрывочные сведения о национальном костюме удмуртов и не позволяют установить еще этнографических особенностей в одежде отдельных этнодиалектных групп, а также воспроизвести полный комплекс костюма у различных возрастных и социальных групп удмуртского населения. Такие итоги подводит В. Н. Белицер.

После революции 1917 г. начался переворот и в музейном деле, в организации научных экспедиций ко всем бывшим «инородцам», «иноверцам» царской России, получившим свободу и равные права с русскими, начинающим изучать историю своей культуры, язык, фольклор, этнографию, археологию. В 1920 году открывается краеведческий музей, начинается сбор этнографического материала. В организации экспедиций, всех других важных мероприятий участвовали ученые Москвы, Ленинграда и других научных центров (в годы советской власти ученым Финляндии, Венгрии, Эстонии и других стран Европы путь в Удмуртию надолго закрылся, республика с развитым военно-промышленным комплексом стала недоступной).

Летом 1930 г. Центральным музеем СССР была организована этнографическая экспедиция по изучению культуры и быта удмуртов, которая работала в среде южных, точнее в переходной от южных к калмезам, районах: Пычасском, Малопургинском, Большеучинском и в центральном — Шарканском — районах. В ней

участвовала В. Н. Белицер — в будущем одна из ведущих ученых по материальной культуре удмуртов и других народов России.

На следующий год в составе той же экспедиции В. Н. Белицер изучала материальную культуру северных удмуртов-ватка в Юкаменском, Ярском, Понинском районах и в среде калмезов — в Селтинском р-не. В 1938 г. совместно с сотрудниками УдНИИ с целью изучения художественных ремесел — тканья и вышивки — и сбора образцов народного искусства она побывала у центральных и северных групп удмуртов и бесермян: в Шарканском, Балезинском, Юкаменском районах.

В результате такой плодотворной работы появилась первая научная, солидная, не устаревающая монография известного ученого-этнографа В. Н. Белицер «Народная одежда удмуртов: материалы к этногенезу» (М., 1951, 142 с.). В сравнительно-историческом плане в ней рассмотрены женская и мужская одежда удмуртов, украшения, головные уборы, обувь, техника изготовления материала; отдельной главой автор анализирует бесермянскую одежду.

В. Н. Белицер выделяет четыре комплекса женской одежды и еще один — бесермянский, но в итоге они могут быть сведены к двум основным — северному и южному, т. к. два других являются их подтипами.

Северный комплекс удмуртской одежды формировался в среде аборигенного населения лесной земледельческой полосы, обитавшего в бассейнах рек Чепцы и Вятки в IX—X вв. и в еще более раннее время. Костюмный комплекс северных удмуртов находит прямые параллели в национальной одежде народов Волго-Уральского региона: мордвы, чувашей, особенно луговых марийцев. Вопреки В. Н. Белицер, марийцы имели длительные, прямые контакты с калмезами, южными арскими, но никак не северными удмуртами, поэтому их влияние на костюм ватки просто так не объясняется. Без влияния друг на друга у марийцев, мордвы и северных удмуртов с древнейших времен возникло и сохранилось белое туникообразное платье с вышивками. В исследовательскую пору В. Н. Белицер можно было писать о заимствованиях: требовалось шире говорить о влиянии культур разных народов, особенно русской культуры на национальные, как одной из важных признаков социализма — дружба народов СССР. Не случайно любое явление, появление любого элемента в одежде и в других разделах материальной культуры она пытается объяснить влиянием русской или

татарской культур. Это ныне звучит несколько навязчиво и затрудняет чтение монографии.

Южный костюмный комплекс, по данным В. Н. Белицер, сформировался среди населения, жившего на стыке лесной и степной полосы, под сильным влиянием степных скотоводческих культур. Уже в эпоху бронзы районы Прикамья вместе со Средней Азией, степными районами Западной Сибири, Северного Кавказа, Нижнего Поволжья были заселены кочевыми скотоводческими племенами, не знавшими никаких преград для передвижений, способствовавшими развитию культурных связей между многочисленными племенами Евразии и обменами между ними (Белицер 1951: 130—131).

У ананьинской культуры, на базе которой на территории Нижнего Прикамья сформировались южные удмуртские племена (так считает В. Н. Белицер со ссылкой на А. В. Збруеву), прослеживаются связи с хвалынской. Ананьинская, в свою очередь, находилась под сильным воздействием скифо-сарматской цивилизации. В памятниках ананьинской, затем пьяноборской и последующей за ней других археологических культур, вплоть до IV—VII вв. н. э., связанных с этнической историей древних удмуртов, заметно влияние юга — Причерноморья. Целый ряд вещей, как считает В. Н. Белицер со ссылкой на археолога А. П. Смирнова,— бусы, пряжки, фибулы, римский ковш александрийской работы — выявляют связь прикамского населения с Боспорским царством, осуществлявшуюся через сарматов (именно в это время о рыжеволосых, голубоглазых будинах — предках удмуртов — писал Геродот). Через ираноязычных кочевников же устанавливались связи со Средней Азией. С другой стороны, прикамские племена в те далекие времена имели контакты с племенами Приуралья и срубно-хвалынской культурой Среднего и Нижнего Поволжья. Эти контакты, как считает исследователь, наложили своеобразный отпечаток на древнюю культуру Прикамья, который прослеживается и в более поздней культуре удмуртов (*Там же*: 134—135).

Древние связи прикамского населения с носителями скотоводческих и земледельческих культур Причерноморья, Средней Азии и других южных регионов прослеживаются в украшениях, например, *накосниках*, *перевязах*, в головных уборах — *такъя*, *айшоне*, в покрое верхней одежды с длинными фальшивыми (термин В. Н. Белицер) рукавами и прорезями в них, в покрое штанов, в орнаментальном мотиве в виде парных конских голов, смотрящих

в противоположные стороны и т. д. Пласт этот ярче проявляется в южноудмуртском костюмном комплексе, хотя отдельные элементы имеют место в северноудмуртском комплексе, например, покрой шортдэремов северных удмуртов близок покрою азиатских халатов; мотив небольших конских голов встречается не только на гребнях у населения южной Удмуртии, но и в вышивке северных удмуртов.

В мужском костюме удмуртов В. Н. Белицер также выделяет два комплекса: южный и северный. И в данном вопросе исследователь, на мой взгляд, слишком большую роль придает влиянию чужой культуры, заимствованиям: южный комплекс, по ее мнению, более близок к одежде татарского населения; мужская одежда удмуртов северных и центральных районов близка к костюму русского населения. Но в то же время она отмечает: «однако многие элементы мужской одежды не поддаются точному разграничению». Если прямоспинные шерстяные халаты, валяные чулки, белые валяные колпаки, штаны с «широким шагом» говорят о влиянии южной степной скотоводческой культуры, то, как верно отмечает исследователь, «большое число элементов в мужском удмуртском костюме указывает на приспособление его к лесным занятиям и к выросшему на лесной почве земледелию. Такими элементами являлись: пояс (к которому подвешивались топор и нож), узкие штаны, подпоясанный короткий кафтан, лыковая обувь, совершенно не употреблявшаяся кочевыми степными народами» (*Там же.* С. 131).

Проблема этногенеза, заключает ученый-этнограф, не может быть успешно разрешена на одних этнографических материалах об одежде, без привлечения источников по смежным дисциплинам, как археология, история и лингвистика (*Там же.* С. 131).

Вслед за работой В. Н. Белицер появилась такая же основательная, в этногенетическом плане очень важная работа Н. И. Гаген-Торн «Женская одежда народов Поволжья: Материал к этногенезу» (Чебоксары, 1960).

Исследование одежды народов Поволжья, считает ученый, представляет большой интерес и в том плане, что здесь бытуют многовековые связи между тюркскими и финно-угорскими народами с выкристаллизовавшейся национальной культурой. Сравнительное ее изучение поможет осветить многое в исторических процессах не только самого Поволжья, но и всей Восточной Европы, т. к. Волга — это древний торговый путь, соединяющий народы лесной зоны Восточной Европы с народами Кавказа, Средней Азии, Ирана, со степными районами современной России. Эти контакты, без

сомнения, наложили отпечаток на культуру обитавших по Волге и по ее притокам племен, создавая элементы общности.

Одежда, как и жилище, пишет Н. И. Гаген-Торн, служит человеку защитным покровом. На ней, естественно, тоже нужно охранить отверстия от враждебных невидимых сил: следует сделать защитные знаки по краям и отверстиям; у ворота рубашки (платья), рукавов, по краю подола и по швам располагаются цветная оторочка и вышивка: они служат отпугивающими и защитными знаками. Прошлое костюма, считает Н. И. Гаген-Торн, это язык вещей, рассказывающий о социальных отношениях и сознании людей, ее носителей. Анализ ученого должен раскрыть смысл знаков. Язык одежды указывает на процессы этногенеза, на становление народа из различных племенных групп. Для вопроса этногенеза в женском костюме важнее всего остановиться на нательном убранстве и головных уборах, так как они лучше всего хранят традицию и тем самым дают нам возможность установить исторические процессы (Гаген-Торн 1960: 4—5).

Замечательная монография Н. И. Гаген-Торн состоит из двух больших частей: 1) типы женской рубашки, в которой сравнительно-исторически рассматриваются элементы платьев мордвы, марийцев, удмуртов, чувашей, казанских татар, мишарей, башкир, туркменов, а также нагрудные, поясные украшения, верхняя одежда; 2) женские и девичьи головные уборы, покрывала головных уборов, а также орнаментика одежды народов Поволжья.

Удмуртскую рубашку *дэрем* ученый описывает, опираясь на музейные коллекции и на труд В. Н. Белицер. Очень жаль, что древнейший тип удмуртского народного костюма, который сохранился в среде нижнечепецких удмуртов, не был известен и Нине Ивановне Гаген-Торн, поэтому выводы, заключения этих двух замечательных исследователей удмуртской одежды несколько преждевременны и требуют дальнейшего детального изучения, основательного описания всех региональных костюмов удмуртского народа, включая бесермян, но особенно калмезов и удмуртов-ватка причепецких районов Кировской области.

Дело В. Н. Белицер продолжила Т. А. Крюкова (1905—1978) — замечательный исследователь народного искусства, этнографии народов Волго-Камского региона. Работая в Государственном музее этнографии народов СССР в Ленинграде и заведуя там отделом Поволжья, она ежегодно выезжала в экспедиции к удмуртам, марийцам, мордве, чувашам, коми не только по сбору уникальных

экспонатов для музея, но и по сбору этнографического материала по ткачеству, вышивке, художественной обработке дерева, узорному вязанию, по национальным костюмам для своих научных статей, красочных альбомов, монографий.

Будучи глубоко верующей христианкой, добронравной, отзывчивой, честной труженицей она после себя оставила не только научные труды, но еще удивительно добрые о себе воспоминания среди ученых, простых удмуртских крестьян, с которыми она много раз встречалась и взаимно друг друга полюбили. Бывая в экспедициях, я много раз слышал самые лестные отзывы об «ученой женщине из Ленинграда», которая оставила глубокую любовь к удмуртскому народу, его искусству.

Читая труды ученых Т. А. Крюковой, А. В. Збруевой, П. Н. Луппова, ученого и критика-литературоведа З. А. Богомоловой, удивляешься их внутренней интеллигентности, культуре, порядочности. О своих предшественниках, коллегах по труду, о народе, которому посвящены их труды, они никогда не высказывали недостойных, неуважительных, тем более оскорбительных слов,— у них в душе любовь к окружающим, предмету своего творчества. А ведь жили в годы культа личности, диктатуры и пролетариата, бесчинств мрачнейшей системы в мире ОГПУ—КГБ. Они по сей день остаются в истории, человеческой памяти людьми с большой буквы. Как хочется больше увидеть в среде современных ученых гуманных, интеллигентных крюковых, збруевых, богомоловых, луповых.

Т. А. Крюкова после многочисленных экспедиций к удмуртам, в т. ч. и к нижнечепецким удмуртам-ватка, выпустила многокрасочный, глубоко научный альбом под названием «Удмуртское народное изобразительное искусство» (Ижевск—Ленинград, 1973. 160 с.), удостоенный Государственной премии Удмуртской АССР.

Удмуртское народное изобразительное искусство, пишет Т. А. Крюкова,— красочно и многообразно, оно тесно связано со всем укладом народа, его хозяйственной деятельностью и трудовыми навыками; на характер народного искусства удмуртов влияла и окружающая богатая природа лесного Вятско-Камского края.

В течение многих столетий складывались своеобразные способы и приемы художественной обработки различного рода материалов, создавались характерные для удмуртского народа предметы искусства, постепенно вырабатывались устойчивые национальные традиции. Народными мастерами украшались отдельные части жилища и предметы его внутреннего убранства, тщательно покрывались орнаментом и бытовые, хозяйственные предметы, утварь,

орудия труда, средства передвижения. Особо богато орнаментировались одежда и обрядовые предметы (Крюкова 1973: 7).

Татьяна Александровна считает, что у удмуртов в равной степени было развито и женское, и мужское народное творчество: «женское искусство» было связано с обработкой растительного волокна, а «мужское» совершенствовалось в использовании других материалов, особенно дерева, столь характерного для лесных районов. Свои художественные традиции они совершенствовали в области многоцветной вышивки, узорного тканья и резьбы по дереву.

С помощью самых простых орудий труда, инструментов — нож, топор, долото, скобель, игла, веретено, прялки, весьма архаичной формы ткацкий стан — талантливые народные мастера-удмурты (вышивальщицы, ткачихи, резчики по дереву) создавали подлинно прекрасные, совершенные по оформлению предметы. Образцы народного орнаментального искусства удмуртов,— пишет Т. А. Крюкова,— говорят о высоком уровне развития художественной культуры их творцов. «Эти простые, часто неграмотные люди обладали тонким чутьем и вкусом в выборе узора, в композиционном решении плоскости, в определении формы, сочетании красок и колорита. Декоративность образцов народного искусства удмуртов, строгое соответствие орнамента с формой, покроем и фактурой орнаментируемого предмета достойны внимания исследователя удмуртской национальной культуры» (*Там же.* С. 8).

Одним из самых первых среди художников, ученых книгу-альбом по удмуртской одежде подготовил художник С. Н. Виноградов (Удмуртская одежда. Ижевск, 1974), не потерявшую научной ценности до сих пор. Участвуя в экспедициях, в т. ч. под руководством Т. А. Крюковой, художник-этнограф, ученый потрудился над сбором и расшифровкой названий узоров в национальной одежде удмуртов (см.: Виноградов 1976: 13—18).

В 70—80-е гг. XX в. над изучением удмуртской одежды, ткачества, народного искусства плодотворно потрудился К. М. Климов. Им подготовлены, изданы сборники статей по данной тематике, выпущены красочные альбомы «Удмуртское народное ткачество» (Ижевск, 1979) и «Удмуртское народное искусство» (Ижевск, 1988); за последний труд Константин Михайлович Климов, талантливый искусствовед, получил Государственную премию Удмуртской АССР.

Одна из учениц Т. А. Крюковой по экспедиционным делам С. Х. Лебедева продолжила сбор этнографического материала во всех удмуртских регионах. Как никто другой, за 30 лет музейной

работы она собрала значительный материал для Национального музея Удмуртской Республики им. Кузебая Герда по удмуртскому национальному костюму, украшениям, утвари.

Итоговой работой ведущего музейного работника республики С. Х. Лебедевой, отмеченной за свои труды многими правительственными наградами и званиями, стала книга-альбом «Удмурт калык дйськут=Удмуртская народная одежда=Udmurt Folk Costume» (Ижевск, 2008). На мелованной бумаге с привлекательным дизайном выполнен этот многоценный труд. К сожалению, без научного руководства, без рецензентов в выпущенной книге остались ляпсусы, неточности. Не совсем ясно, для кого рассчитан этот труд — для научных работников или профессиональных ансамблей песни и пляски: одна и та же манекенщица (в лице работников музея) снимается во всех региональных костюмах. Конечно же, работа имела бы большую научную ценность, если бы сам носитель этого костюмного комплекса демонстрировал его, чтобы региональная одежда и антропологический тип соответствовали друг другу.

Несколько месяцев назад С. Х. Лебедева выпустила еще один красочный альбом по удмуртской народной вышивке «Удмурт калык пужыятон=Удмуртская народная вышивка=Udmurt Folk Embroidery» (Ижевск, 2009).

Еще в 1987 г. мы с С. Х. Лебедевой написали совместную статью по традиционной одежде удмуртов, в которой рассмотрели женские костюмные комплексы отдельных локальных групп, но более подробно остановились на слабо изученных и в то же время очень важных для решения этногенетических проблем костюмных комплексах бавлинских (южная группа) и нижнечепецких (северная группа) удмуртов; провели сравнительный анализ этнографических и археологических материалов по одежде и украшениям; ввели в научный оборот новый иллюстративный материал (см.: Лебедева, Атаманов 1987: 112—150).

В 2000 г. И. А. Косарева, известный в республике ученый-костюмовед, выпустила как в старинные ломоносовские времена книгу с длинным названием: «Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов (косинской, слободской, кукморской, шошминской, закамской) в конце XIX — начале XX в.» (Ижевск, 2000).

На основе собранных ею материалов, опираясь на труды своих предшественников, она подготовила хороший подарок для этнографов и других специалистов, интересующихся одеждой, этничес-

кой историей периферийных групп удмуртов. Она скрупулезно обследовала костюмные комплексы слабо изученных нижнечепецких групп удмуртов-ватка и уже много-много раз описанную одежду завятских (арских) удмуртов. Но и здесь она находит что-то новое, не замеченное, не описанное до нее другими учеными, представляющие определенный интерес для удмуртской этнографии.

Ознакомившись с этой интересной книгой, приходится сожалеть о допущенных в ней недостатках: во-первых, очень плохое качество иллюстрированного материала, многие детали на фотографиях трудно улавливаются; многокрасочный, многоцветный удмуртский национальный костюм и его детали в черно-белом исполнении, в невероятно плохом качестве публикации человеку, незнающему удмуртского народного искусства вышивки, тканья, оформления костюма, почти ничего не дают; во-вторых, по какой-то причине за пределами периферийных групп осталось описание костюмных комплексов бавлинских и красноуфимских удмуртов; в-третьих, хотелось бы пожелать молодому ученому уважительного отношения к своим коллегам-предшественникам.

Еще об одной чудесной книге хочется сказать несколько добрых слов — имею в виду недавно выпущенную монографию Л. А. Молчановой «Удмуртский народный костюм (история и символика) (Ижевск, 2006. 132 с.), которая написана безупречно грамотным специалистом, включает в себя исследования по творениям не только удмуртского народа, но и других этносов, прежде всего жителей Волго-Уральского региона. Написана она на уровне мировых стандартов с любовью к изучаемому объекту и к народу-создателю шедевров «полотняного» искусства.

Как отмечает рецензент, для Л. А. Молчановой «традиционный костюм удмуртов — это прежде всего культурологическое явление, сущностная клеточка «вещного мира» этноса и в то же время акт высокого художественного творчества, образец кодирования сложной бесписьменной информации. Удмуртский традиционный костюм создавался по высоким законам народной красоты и практической целесообразности» (Владыкин 2006: 5).

На основе археологических и этнографических данных в книге Л. А. Молчановой наглядно представлены этапы формирования национального костюмного комплекса удмуртов, его региональных вариантов; выявлены характерные особенности их оформления; впервые предпринята попытка исследования знаково-символической функции костюмных узоров удмуртов.

В ходе исследования автору книги Л. А. Молчановой удалось уточнить ярко выраженные общие черты в оформлении традиционной одежды удмуртов, марийцев, мордвы, чувашей и бесермян и выделить их в особый костюмный стиль, названный *волго-камским* (курсив наш.— *М. А.*), главными признаками которого являются: 1) неокрашенный конопляный или льняной холст — материал для изготовления традиционной одежды; 2) туникообразный покрой наплечной одежды; 3) сходные черты в составе костюма: двойная наплечная одежда — нательная рубаха и распашной халат, полотенчатый головной убор и поясные подвески, свадебный платок-покрывало, высокий каркасный головной убор; 4) техника вышивки: счетная гладь, косой стежок, набор и роспись; 5) основной мареново-красный цвет узора с добавлением черного или темно-синего цветов; геометрический характер орнамента с небольшим количеством стилизованных изобразительных мотивов (Молчанова 2006: 112—113).

На материале удмуртского костюма Л. А. Молчанова выявляет первоначальную социальную направленность, функциональность народных узоров, что явилось подтверждением версии о происхождении орнамента на одежде от родовых знаков. Тотемные символы — фигуры будущих орнаментов — в первобытном обществе существовали в виде абстрактных начертаний. «Первоначально вытатуированные на теле знаки принадлежности роду с появлением ткани стали вышиваться на одежде... Древнейшие изобразительные мотивы и абстрактные знаки стали персонажами «полотняного фольклора». Основные его сюжеты универсальны и строятся либо по принципу бордюра, либо бинарным способом» (*Там же.* С. 113).

Талантливому ученому-художнику Л. А. Молчановой есть у меня одно скромное пожелание: продолжить свою новаторскую, научно-исследовательскую работу с выходом на выявление общих моментов в формировании костюмных комплексов всех финно-угорских народов, за основу взяв традиционную одежду и украшения удмуртов, а еще шире — выявить, если есть они, параллели в национальной одежде, украшениях индоиранских, алтайских, кавказско-иберийских, семито-хамитских, европейских народов, с которыми далекие и близкие предки удмуртов по финно-угорской этноязыковой общности в древние времена имели контакты.

Следует отметить, что и археологи вносят свой вклад в изучение древней одежды удмуртов. В первую очередь хочется назвать

имена В. Ф. Генинга, А. В. Збруевой, А. П. Смирнова, В. А. Семенова, а также М. Г. Ивановой, Н. И. Шутовой, О. А. Арматынской, Т. И. Останиной, А. А. Красноперова, С. А. Перевозчиковой, И. Г. Шапран, О. А. Казанцевой, Т. К. Ютиной, А. Х. Пшеничнюка, Н. А. Лещинской и др.

В. Ф. Генингом выделены три варианта головных уборов, два вида браслетов, три типа нагрудников; отмечены украшения рукавов, отдельно рассмотрены пояса и обувные украшения. На археологическом материале он реконструировал костюмы женщин, носителей чегандинской (III в. до н. э.— V в. н. э.) и азелинской (III—V вв. н. э.) культур (Генинг 1963; 1970; 1971).

Но, к сожалению, как пишет молодой археолог, защитивший в 2006 г. кандидатскую диссертацию по теме «Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н. э.— V в. н. э.)», А. А. Красноперов, единой общепринятой методики реконструкции костюма древиего населения по археологическим данным не существует. «Каждый исследователь сегодня сам для себя формирует методы реконструкции костюма по археологическим данным на основе личного опыта или присоединяясь к позицни одного из коллег» (Красноперов 2006: 9).

Кстати, реконструкции древних костюмных комплексов с украшениями, созданные на осиове материалов археологических памятников Прикамья с ананьинского времени (VIII—III вв. до н. э.), до позднего средневековья, осуществили Л. А. Молчанова, А. А. Красноперов и другие ученые, но, на мой взгляд, ближе к истине, более реальны, живы рисунки-реконструкции Л. А. Молчановой. Она глубоко изучила этнографический материал, связанный с национальной одеждой удмуртов, прониклась духом до самых ее истоков, и зто знание ярко проявилось в деле ее реконструкции.

* * *

Итак, проработав историю вопроса по традиционной одежде и украшениям удмуртов, мы видим, уже довольно-таки немало изученного и описанного, что только остается обобщить весь этот богатейший, научно информативный материал. За основу изложення беру свою статью «Костюмные комплексы удмуртов в связи с их этногенезом», написанную совместно с С. Х. Лебедевой, опубликованную в сборнике «Проблемы этногенеза удмуртов» (Устинов.

1987: 112—150). Мною написана сравнительно-историческая часть статьи, составлена схематическая карта по распространению костюмных комплексов. Серафиме Христофоровне принадлежит статья по одежде нижнечепецких и бавлинских удмуртов для искусствоведческого сборника (отв. ред. К. М. Климов), но туда она не прошла, тогда я ее взял для готовящегося сборника по этногенезу, добавив в ее статью сведения по костюмным комплексам всех других групп удмуртов, переориентировав ее на этногенетический лад; наша статья получила положительную оценку среди ученых.

Из вышеизложенного видим: костюмные комплексы отдельных этнодиалектных групп удмуртов отличались друг от друга материалом, деталями покроя, формой, орнаментацией, украшениями и т. д. В свое время С. Н. Виноградов выделил 14 костюмных комплексов. На уровне современных знаний мы придерживаемся, с некоторыми уточнениями, классификации В. Н. Белицер, выделившей в традиционной одежде удмуртского народа три группы костюмного комплекса: южную, северную и, в данное время с оговорками, бесермянскую.

Наибольший контраст представляют собой комплексы двух основных, территориально крайне удаленных друг от друга групп удмуртов,— северных и южных. В них запечатлены особенности культуры тех родоплеменных групп, которые сыграли решающую роль в формировании удмуртского этноса. На оформление костюмных комплексов удмуртов определенное влияние оказали контакты с соседними народами: на юге — иранцы, тюрки, позднее русские; на севере — русские, а в древности, вероятно, обские угры и коми, но этот комплекс меньше всего подвергся чужеродному влиянию. Бесермянский костюм занимает как бы промежуточное положение между северным и южным (с перевесом в сторону южноудмуртского костюма). Он испытал определенное влияние со стороны культуры кочевников южнорусских степей — иранцев, угров и булгар-чувашей.

Южноудмуртский костюмный комплекс распространен среди удмуртов, живущих в бассейнах среднего и нижнего течения рек Камы, Вятки, Белой. На территории столь обширного региона выделяется ряд локальных вариантов костюмных комплексов, связанных с историей заселения этих районов и контактами удмуртов с соседними этносами:

1) **собственно южноудмуртский** костюм. Распространен на территориях Алнашского, Граховского, Киясовского, Малопургин-

ского, Завьяловского, Кизнерского (бемыжский куст), Можгинского (исключая большеучинский куст), Увинского (нылгинский куст) районов Удмуртии, а также Агрызского и Менделеевского районов Татарии;

2) **калмезский** костюм. Бытовал на территориях Сюмсинского, Селтинского, Увинского, Вавожского, частично Кизнерского, Можгинского (большеучинский куст) районов Удмуртии, Унин-

Южные удмурты в праздничной одежде — с. Завьялово (*Дэри-Чудья*) Сарапульского уезда. Конец XIX в.

ского (группа *калмез*), Кильмезского, Вятско-Полянского, частично Малмыжского районов Кировской области;

3) **завятский, или арский,** костюм. Распространен на территориях Кукморского, Мамадышского, Балтасинского районов Татарии, Мари-Турекского района Марий Эл, Малмыжского (китякский куст) района Кировской области;

4) **закамский** вариант южноудмуртского костюма встречается на территориях Янаульского, Татышлинского, Калтасинского, Бураевского, Балтачевского, Кушнаренковского, Илишевского районов Башкирии и Куединского района Пермского края;

5) **верхнеикский (бавлинский)** вариант южноудмуртского костюма распространен на территориях Бавлинского района Татарии и Ермекеевского района Башкирии (*верхнеикским* он назван потому, что носители этого костюмного комплекса живут по обоим сторонам р. Ик — л. пр. р. Камы, на территориях вышеназванных районов и республик).

К южноудмуртскому же типу относилась традиционная одежда удмуртов Красноуфимского района Свердловской области, о которой мы пока судим лишь по фрагментарным данным. До середины XIX в. здесь продолжали носить традиционную удмуртскую одеж-

Калмезские костюмы начала XX в. (с. Нылга-Жикья Сарапульского уезда) (*Из фонда Пушкинского Дома, Санкт-Петербург*)

Завятский (арский) вариант южноудмуртского костюма

ду, но к началу XX в. полностью перешли к ношению марийской формы (Никонорова 2008: 50). У П. С. Палласа, проехавшего через Красноуфимск, осталось такое сообщение об одежде этой группы: «Как прорехи в рукавах, так и прочие места разноцветными лоскутками в узоры укладены» (Паллас 1788: 33). Выясняется, что и красноуфимские удмуртки носили длинные ложные рукава («прорехи в рукавах»).

Традиционная женская рубаха южных удмуртов была туникообразного покроя, спинка и перед рубашки шились из одного цельного полотна, перегнутого в плечах; с боков пришивались по два скошенных клина; рукава широкие с клиньями, чуть сужены к кистям, пришивали их к основному полотнищу под прямым углом; небольшой стоячий воротник. Вдоль грудного разреза нашивались полосы фабричной ткани в виде нагрудника — *муресазь;* под платье, на грудь, надевался украшенный аппликацией из разноцветных кусочков ткани (в древности, без сомнения, вышитый) съемный нагрудник — *муресшет* (или *мурескышет*). По способу ношения, форме и креплению он напоминал *кабачи* северных удмуртов, только с той разницей, что *кабачи* надевался на рубашку, а *муресазь* — на голую грудь.

Южные удмурты: жрец (*вӧсясь*) и его семья в ритуальной одежде (д. Новый Калмияр Куединского р-на Пермского края) 1971 г.

Верхнеикский (бавлинский) вариант южноудмуртского костюма

Более ранние рубашки, относящиеся к концу XIX в., имели оборку 15—20 см, между оборкой (*сӧзул ~ итэт ~ карта*) и станом пришивалась узорная полоса выборного ткачества. Рубашка застегивалась на завязки. Среди ранних коллекций имеются рубашки, сшитые из белой домотканины с небольшими включениями вышивки на груди. *Белое туникообразное платье собственно южноудмуртской группы была сходно с белотканными платьями калмезских, бесермянских женщин и девичьим свадебным платьем верхнеикских (бавлинских) удмурток.*

Южные удмуртки: закамская группа из Башкортостана в праздничной одежде

Традиционная рубашка южных удмуртов, начиная с первой половины XIX в., значительно изменяется: появляется кокетка и вторая оборка, увеличивается ширина оборки, исчезает матерчатый нагрудник, появляется стоячий воротник, манжеты и др. Ширина оборки и ее количество остаются неизменными только в Завьяловском и Малопургинском (пуро-можгинский куст) районах Удмуртии, а также в балтасинско-карлыганском кусте у завятских удмуртов. В появлении второй оборки и увеличении ее ширины мы усматриваем влияние тюркских народов: татар, татар-кряшен и башкир. Наиболее сильному тюркскому влиянию подверглась одежда закамских удмуртов, живущих в Башкирии и в Куединском районе Пермского края. Их рубашка аналогична с башкирской, характерной для центральных и особенно для северо-западных районов Башкирии.

Завятские (арские) удмурты, начиная с середины XIX в., рубашку шили из красно-черной мелкоклетчатой пестряди, туникообразного покроя с оборкой в 10—15 см. Выше оборки пришивали несколько рядов атласных лент или фабричной тесьмы. Рукава короткие, до локтя, пришивали их к основному полотнищу под прямым углом с квадратной ластовицей из этой же пестряди или фабричной ткани. Пестрядина в этой группе тоже появилась лишь в начале XIX в.

Следует отметить, что традиционная одежда калмезов вышла из быта раньше, чем у других групп удмуртов. Подробная характеристика их костюма в научной литературе отсутствует. Фрагментарные материалы показывают, что калмезские женщины, как и южные удмурты, носили высокий конусообразный головной убор — *айшон*, поверх которого надевался платок-покрывало — *сюрйылкышет* (в др. местах *сюлык*); головное полотенце замужних женщин называлось *йыркышет* (ср. *дьыркышет* < **йыркышет* у завятских удмуртов, *чалма* — у южных удмуртов). Среди калмезов была распространена белая вышитая рубашка туникообразного покроя; вышивка располагалась на рукавах, на груди и на подоле. Впоследствии вышивка уступает место аппликации; белая рубашка из домотканины заменяется пестрядинной; появляется кокетка, верх рубашки до пояса стали шить только из фабричной ткани, чаще из красного цветастого ситца или кумача. Видимо, не случайно удмурты-ватка из Унинского района Кировской области, противопоставляя себя калмезам из соседних деревень, говорят: ***«Ми тӧдьыен ветлйсьёс, калмезъёс — гордэн ветлйсьёс»*** («Мы

(т. е. ватка) ходим в белом (букв, «ходящие в белом»), а калмезы — в красном (букв, «ходящие в красном»)».

Верхнеикский (бавлинский) вариант южноудмуртского костюмного комплекса архаичные элементы женского и девичьего костюма, носимого южными удмуртами, сохранил в себе дольше. Он состоял из следующих элементов: рубашки туникообразного покроя, поверх которой надевался съемный нагрудник прямоугольной формы — *муресазь*; в декоративном его оформлении использовался позумент, полоски шелковых и атласных лент, фабричная тесьма, вышивка. Наиболее ранние варианты нагрудников были вышитыми, об этом можно судить по найденному в 1985 г. экспедицией краеведческого музея вышитому позументными нитями нагруднику. Непосредственно под рубашку на голую грудь надевался другой нагрудник — холст прямоугольной формы, называемый *мурескышет* (букв. «нагрудный платок»). Поверх рубашки надевался распашной кафтан (*зыбын*) — праздничный, красного цвета, а рабочий — синего цвета, фартук (*ашшет*) с оборкой из клетчатой домотканины. Встречены фартуки из клетчатой домотканины с розетками выборного ткачества — аналогичные с собственно южноудмуртскими.

Чрезвычайно интересны женские головные уборы. Они состоят из налобной повязки (*йыркерттэт*), головного полотенца (*чалма*), конусообразного кокошника (*айшон*) с платком-покрывалом (*сюлык*), который здесь встречен в двух вариантах: белый с черной ковровой вышивкой с древовидным орнаментом, исходящим от углов к центру платка-покрывала. По рассказам информантов, белый *сюлык* с черными кистями надевали на свадьбу. Повседневный *сюлык* был красного цвета с зелеными шерстяными кистями, вместо вышитого орнамента — аппликации из разноцветного материала. *Айшон* имел конусообразную форму высотой до 25 см, дополнением к нему является так называемый *быртгос* (от *быртгыны* «вдеть; продеть; нанизать»). В отличие от собственно южноудмуртского, бавлинский *быртгос* имеет треугольную форму (у елабужско-сарапульских удмуртов, по описаниям Г. Верещагина, он был трапециевидной формы). Бавлинский *быртгос* прикреплялся непосредственно к углу платка-покрывала и свешивался на айшон сверху; на него нашивали серебряные монеты-полтинники, а на *айшон* — 25-, 15-, 10-копеечные монеты. Нижний край *айшона* оформляли рядом оранжевых или темно-красных мелких бус.

В число свадебной женской одежды входил распашной кафтан (*дилян*), сшитый из темного сатина, тонкого сукна или плиса; грудь его обычно украшалась широкой полосой позумента и яркой фабричной тесьмой. По краям передних пол, по подолу, а также по талии на спине пришивалась узкая позументная лента. Молодые женщины надевали также *дилян* на весенние хороводы — «*ай-кай*».

Весьма интересные моменты имеются в девичьем костюме. Архаичным вариантом южноудмуртского костюма служит кафтан из белой льняной домотканины — *шортдэрем*; концы рукавов и подол-оборка его оформлены вышивкой. Техника вышивки — простая строчка, односторонняя гладь, косой стежок. Обнаружен фрагмент рубашки с нагрудной вышивкой, имеющий определенное сходство с вышивкой на бесермянской рубашке. Покрой девичьего кафтана бавлинских удмуртов аналогичен покрою свадебного распашного кафтана бесермян.

Дополнением к распашному кафтану является съемный воротник — *сирес*, состоящий из двух полос холста длиной до 40 см и шириной до 7 см, друг с другом они соединены ситцем или холстом. На воротнике имеется вышивка, большей частью по черному фону позументными нитями. Встречается вышивка и шелком-сырцом красного цвета с небольшим включением зеленых, желтых, синих тонов. Орнаментальным мотивом служат разнообразные ромбы, лепестки цветов, восьмеркообразные линии и т. д.

Налобная девичья повязка *тятяк* обычно надевалась вместе с платком (*кышет*). Из платка делали большой бант — *серок*, отсюда и название платка — *серок тятяк кышет*. Девушки одевали такой наряд на свадьбу. Поверх распашного кафтана повязывали широкий домотканый пояс — *путо*, или *бадзым кускерттон*.

Бантообразное украшение (*серок*) другим группам удмуртов не известно, оно явно заимствовано от соседних народов — от мордвы или русских,— выходцев из юго-западных губерний России. И еще: верхнеикские (бавлинские) девушки-удмуртки, подобно родственницам из граховско-алнашско-можгинского куста южной Удмуртии, откуда 300—350 лет тому назад вышли их предки, до 60-х гг. XX в. носили одинаковую налобную девичью повязку — *укотуг*,— состоящую из холщовой полосы, покрытой вышивкой, позументами и украшенные бахромой,— бахрома спускалась на лоб. Налобная девичья повязка *укотуг* встречалась в среде, калмезов, закамских удмуртов и в среде кряшен,

но совершенно отсутствовала у северных и завятских (арских) удмуртов.

Кстати, у завятских (арских) удмуртов, потомков носителей худяковско-азелинской культуры, замужние женщины не носили и *йыркерттэт* — налобную повязку; у нижнечепецких удмуртов-ватка вместо налобной повязки на лбу носили красную нитку, а раньше — украшения в виде сетки, имеющую сакральное значение — оберег.

Южноудмуртский костюмный комплекс сформировался, по мнению В. Н. Белицер, среди населения, жившего на стыке лесной и степной зон, где значительно сильнее ощущалось влияние степных скотоводческих культур. В этом комплексе, с одной стороны, встречаются чрезвычайно древние культурные элементы, ведущие свое начало с ананьинской эпохи (VIII—III вв. до н. э.), когда местные племена находились под влиянием скифо-сарматской культуры; с другой стороны, в нем имеются и более поздние напластования — тюркские, бытование которых объясняется территориальной близостью удмуртов и тюрков, вначале — булгар, позднее — татар и башкир, взаимной связью их культур, существовавшей на протяжении многих столетий.

Говоря о южноудмуртском костюмном комплексе, никак нельзя пройти мимо и не обратить внимание на чрезвычайно интересный, этногенетичный женский головной убор — *айшон*. После опубликования дневника Д. Г. Мессершмидта, выяснилось, что головной убор, подобный южноудмуртскому *айшону*, был известен и северным удмуртам под названием *ашкон*; кстати, у завятских (арских) удмуртов и лолошур-возжинской группы южных удмуртов (Граховский р-н) он назывался *ашъян*; у калмезов, закамских и верхнекамских (бавлинских) удмуртов, как и у южных удмуртов,— *айшон*. Следует сказать, что *айшон*, точнее — *ашъян,* у завятских (арских) удмуртов по размерам и по другим деталям заметно отличался от собственно южноудмуртского. Судя по рисунку Г. Д. Мессершмидта, северноудмуртский *ашкон* ближе к южноудмуртскому. Таким образом, кроме бесермян, этот древнейший головной убор, носимый замужними женщинами, был известен всем группам удмуртов. История возникновения и распространения — уникальна и чрезвычайно интересна.

По описанию П. С. Палласа, *айшон* представлял из себя «кусок бересты в пядень вышиною сгибают по мере головы в полуцилиндр. Назади мягким куском корки связываются, а внутри деревянною

дужкой и поперечным деревцом укрепляются и совокупно держатся» (Паллас 1788: 31). Берестяной полуцилиндр укрывали полотном и на нее сплошь прикрепляли серебряные копейки или оловянные бляшки. На этот обшитый серебряными копейками украшенный полуцилиндр сверху прикрепляли плат-покрывало — *сюлык*.

В. Н. Белицер считает, что высокий, жесткий женский головной убор с ниспадающей на спину лопастью, вышитый и украшенный монетами и бисером, встречался у многих народов Восточной Европы и Азии, например, у марийцев он известен под названием *шурка*, у мордвы-эрзи — *панга*. В китайских источниках, продолжает она, также имеются описания высоких головных уборов, украшенных парчой и золотом, высотой около трех фунтов. Их носили и жены старейшин татаро-монголов. Они же были известны казахам, татарам, туркменам, болгарам (Белицер 1951: 62—64).

В археологических материалах причерноморских степей из эпохи господства здесь скифо-сарматов имеется золотая пластина с изображением женщины в головном уборе, похожем по своей форме на *айшон*. На основании приведенных выше аналогий, заключает В. Н. Белицер, можно предположить, что высокий твердый головной убор — *айшон*,— распространенный среди удмуртов, связан с древними культами Причерноморья скифо-сарматской эпохи (во времена существования ананьинской культуры), откуда он проник в более северные районы Волго-Камья и далеко на восток, в Среднюю Азию (*Там же*. С. 64—65).

Н. И. Гаген-Торн, со ссылкой на других ученых, считает, что остроконечный твердый, сделанный из кожи или войлока головной убор характерен для хеттской культуры (II—I тыс. до н. э.), ее влиянием объясняются критские культовые статуэтки богинь в высоких остроконечных уборах (Гаген-Торн 1960: 188).

Какие дали, эпохи и параллели! Скифы, сарматы, тем более хетты, уже несколько тысяч лет тому назад исчезли с этнической карты мира, а южные удмуртки, особенно завятские (арские) и верхнеикские (бавлинские), *айшон* носили вплоть до 30—40-х гг. XX в. Но самой последней, кто еще ходил в *айшоне*, наверное, была женщина из Карамас-Пельги Киясовского района: она в год окончания войны приезжала в гости в Варклет-Бодью Агрызского р-на и сказала, что, возможно, больше не будет носить айшон, т. к. люди на нее смотрят уж «как на медведя, вышедшего из дремучего леса». Из той же деревни Варклет-Бодья Агрызского района, где живут удмурты-язычники, эстонские этнографы увезли в свой на-

циональный музей последний *айшон* бабушки Марфы, унизанный мелкими серебряными копейками XVI—XVII вв.

Возьмем любую часть традиционного костюма удмуртов, любой вид украшения, орнамента — каждый имеет свою уникальную историю. Скажем, девичий головной убор *такъя*, который в свое время встречался у всех финно-угорских народов Волго-Камья и тюрков — чуваш, башкир, а также туркменов, само слово через чье-то посредство пришло из арабского языка, где *такия* — это «шапочка».

В главе «Археология» я пишу об одной интереснейшей детали, имеющейся на верхней одежде завятских (арских) удмуртов: на заплечной части кафтана замужней женщины пришита кисть-бахрома, точь-в-точь такая же, какая изображена на одежде Матери Божией,— на иконах, именуемых Иверская, Донская, Тихвинская, Владимирская и др. От Иудеи до Удмуртии так далеко, а параллели в древнейшей одежде выявляются. В ритуальной одежде ветхозаветных священнослужителей и у удмуртских жрецов есть сходные черты: из льняных или конопляных нитей тканная, белого цвета, длинная халатообразная одежда, головной убор, покрытый белым полотном в виде чалмы и т. д.

Чем дальше пойдем вглубь веков праистории человечества, тем больше параллелей, общих моментов выявляются в любой части материальной или духовной культур народов. Только жаль, что в этом направлении редко кто ныне трудится.

Традиционная одежда бесермян столь красочная, оригинальная, уже в XIX в. На нее обратили внимание ученые этнографы. По ней имеются весьма и весьма полные описания, в том числе и в историко-этнографическом плане, особенны работы В. Н. Белицер, Н. И. Гаген-Торн, Т. А. Крюковой, К. М. Климова, Е. В. Поповой, С. Х. Лебедевой и др. Поэтому на ней отдельно я не останавливаюсь.

* * *

Чрезвычайный интерес для истории формирования костюмного комплекса удмуртов имеет традиционная одежда северных удмуртов-ватка, особенно нижнечепецкой группы, имеющая прямые связи с одеждой финно-угорских народов Волго-Камья.

Носители северного нижнечепецкого костюма издревле живут на территориях Слободского, Зуевского, Богородского, Фален-

ского, Унинского (группа *ватка*) районов, по нижнему течению р. Чепцы, левого притока реки Вятки. Глазовско-ярские удмурты их называют *улланьёс* «низовые». Еще в XV—XVI вв. удмурты-ватка населяли весь средневятский регион, включая районы Слободского, Вятского, Шестаковского, Орловского, Котельничского уездов. Под натиском русской колонизации они вынуждены были отступить на восток, в бассейн р. Чепцы.

Традиционный женский костюм нижнечепецких удмуртов изготовлялся из белой льняной домотканины. Основу его составляют рубаха и распашной кафтан, объединенные общим названием *дйськут* (одежда). Покрой рубахи туникообразный. Прямое полотнище холста, сложенное поперек, составляет спину и перед рубахи. Бока ее состоят из двух более коротких прямых полотнищ, перегнутых по продольной нитке и пришитых к центральному полотнищу. Рукава прямые с квадратной ластовицей. Рубаха этого типа шьется без воротника, отверстие для головы имеет форму овала; грудной разрез находится с правой стороны. В XVIII—XIX вв. белые рубахи такого типа были распространены среди удмуртских женщин на всей территории современной Удмуртии. Об этом свидетельствуют многочисленные литературные источники и материалы фондов ГМЭ.

Туникообразная рубаха характерна не только для женского костюма удмуртов, она является наиболее древней формой одежды у многих народов: у русских, белорусов, литовцев, латышей и у большинства поволжцев, особенно у мордвы и марийцев. При общей форме покроя эта одежда имела у каждого народа свои особенности в расцветке, характере отделки и орнаментации.

Рубашки нижнечепецких удмуртов богато украшались вышивкой шелковыми и шерстяными нитками. На рукавах вышивка встречается двух типов: 1) поперечная с восемью ушками-розетками вокруг основного рисунка; техника вышивки — косой стежок с очерченным контуром; 2) продольная вышивка по рукаву; техника вышивки не выяснена, узор ромбический.

Рубаху (*дэрем*) носили только в паре с распашным кафтаном (*шортдэрем*); отдельную рубашку иронически называли «*палдэрем*» (полрубахи). Кафтаны, как и рубахи, были туникообразного покроя, шились они с короткими ложными рукавами с продольным разрезом на плече. В эту прорезь выставлялся богато вышитый рукав рубахи. Характерной особенностью кафтанов этого типа является наличие в них четырехугольных отложных ворот-

ников, распространение которых среди удмуртов отмечал еще П. С. Паллас в XVIII в.: «На шиворотке пришивают четырехугольный лоскут наподобие воротника» (Паллас 1788).

Подобные воротники мы наблюдаем в старинных свадебных кафтанах марийских женщин Моркинского района. Возможно, что в более ранний период воротники были обязательной составной частью не только кафтанов, но и рубах. На самых старых образцах мордовских (эрзянских) рубах в верхней части спины вышивкой обозначены квадраты, которые мы склонны считать рудиментами больших отложных воротников наподобие тех, которые сохранились в венгерской пастушьей одежде.

В фондах Удмуртского республиканского краеведческого музея и Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде представлены несколько типов распашных кафтанов, относящихся к разным локальным группам удмуртов. Кафтаны нижнечепецких удмуртов *ватка* имеют большое сходство со свадебными кафтанами крайне южной — завятской группы удмуртов. Они также туникообразного покроя, вдоль стана нашиты 15 бордовых льняных полос в сочетании с узкими полосками зеленой и черной вышивки. В то же время кафтаны завятских удмуртов имеют некоторые особенности в деталях: длинные ложные рукава; съемный воротник матросского типа (*сирсо*); отложной воротник — *муресазь*, украшенный вышивкой в сочетании с аппликацией; к подолу пришита оборка. Черты сходства позволяют предположить, что кафтаны нижнечепецких удмуртов являются стадиальным вариантом кафтанов завятских. Изменения коснулись длины рукавов: у нижнечепецких они стали значительно короче; льняные полосы заменены атласными лентами; вместо оборки на подоле также атласная лента. Короткие рукава слободских удмуртов — это скорее всего рудимент длинных ложных рукавов. Эту мысль подтверждает и манера ношения рубахи: рукава продевались в прорези кафтана. Относительно ложных рукавов хочется отметить такой факт: кафтаны с длинными ложными рукавами, подобные завятским, бытуют на Кавказе у осетин — потомков скифов, сармат и алан, с которыми предки удмуртов имели тесные контакты. В. Н. Белицер считает, что в покрое верхней одежды удмуртских женщин «с длинными фальшивыми рукавами и прорезами в них», возникших еще, вероятно, в ананьинское время, прослеживается влияние, связи со скотоводческими и земледельческими культурами Причерноморья и Средней Азии. Ананьинская культура находилась под

сильным воздействием скифо-сарматской культуры (Белицер 1951: 130—131).

Родство в одежде крайне северных — нижнечепецких, и крайне южных — завятских, удмуртов можно объяснить исторически: этническая основа этих групп связана с пьяноборско-азелинским населением; среди нижнечепецких и завятских удмуртов выявлены совершенно одинаковые воршудно-родовые группы: *Чола, Чабъя, Дурга, Турья, Чипъя, Сюра, Пышъя*, которые свидетельствуют об очень древних генетических связях между двумя крайне удаленными друг от друга группами.

Каждый тип кафтана у нижнечепецких удмуртов сочетается с определенным типом рубахи, т. е. соблюдается строгая комплектность костюма. Так, кафтан, украшенный шитьем по выдергу, называется *биньыса шортдэрем* и носится только с рубахой, называемой *пелё*, у которой вышита плечевая часть рукава; кафтану с шелковыми полосами по стану — *котыр понэм* — соответствует рубаха *гордэн* с выпуклой продольной вышивкой по рукаву. Этнографнческне экспедиции последних лет зафиксировали до 15 комплектов белой вышитой одежды. Информанты утверждали, что девушка до выхода замуж готовила себе до 40 пар костюмов, даже в бедных семьях старались приготовить не менее 20 пар. Вот только названия некоторых комплектов праздничной одежды, бытовавшей в конце прошлого века среди нижнечепецких удмуртов: 1) *зӧк кумач понэм* — кафтан, отделанный большим количеством кумача — свадебный комплекс. Невесту в свадебную одежду одевали в доме жениха, привозили же ее сюда в наряде девушки. Впоследствии данную пару женщнна могла надеть во время больших праздников: в 1-й день Рождества, в 1-й день Масленницы и т. д. Костюмный комплекс очень берегли, стирали его один раз в три года; при стирке отпарывали все ленты с кафтана и с подола рубашки. После смерти женщины костюмную пару клали с ней в гроб; 2) *кӧтуло дйськут* — распашной кафтан с полосками красных лент до низа живота, с отложным воротником — *муресазь*. В серии праздничной одежды — это второй по значению костюм. Его надевалн на второй день Пасхи, Рождества, Масленицы, свадьбы и т. д.; 3) *котрак тачкиё сирсо дйськут* — одежда с круговой ленточной отделкой; 4) *пичи кумач понэм сирсо дйськут* — одежда с малым количеством кумача; 5) *вожен шырем сирсо дйськут* — одежда с зеленой отделкой по подолу н передним полам распашного кафтана; 6) *гордэн шырем сирсо дйськут* — одежда, отделанная красным кумачом.

Последние четыре костюмные пары (*котрак тачкиё сирсо дйськут, пичи кумач понэм сирсо дйськут, вожен шырем сирсо дйськут, гордэн шырем сирсо дйськут*) были праздничными, их надевали женщины, отправляясь в гости или на 1-й день косьбы, уборки сена, жатвы.

Характеризуя костюмный комплекс группы *ватка*, следует отметить, что каждая пара женской одежды имела свой вариант вышитого нагрудника — *кабачи*, который представляет собой четырехугольный кусок ткани размером 20х40 см, закрывающий разрез ворота рубахи, сплошь расшитый разноцветным шелком или шерстью. Надевали его поверх рубахи с помощью завязок. Нагрудники-кабачи являются принадлежностью костюма замужней женщины. Условно их можно разделить на 2 группы: 1) праздничные; 2) повседневные, рабочие. Мастерицы выделяют нагрудники не только по орнаменту, но и технике вышивки. Нагрудники первой группы вышивались только в технике «косой стежок» с очерченным контуром шелком-сырцом терракотово-красного цвета с включением оживок из зеленых, синих, желтых нитей. Повседневные нагрудники вышивались терракотово-красным шелком-сырцом или льняными нитками только в технике набор (Лебедева, Атаманов 1987: 128—130; Косарева: 2000; Лебедева 2008: 50—60).

Узоры на повседневных нагрудниках были несложными по композиции, они служили пробой искусства вышивальщицы-девочки, учащейся искусству вышивания. Среди узоров, встречающихся на нагрудниках, следует отметить узор «*замок, запор*». Он расценивался удмуртскими женщинами как оберег, ограждающий от злых сил. Среди нижнечепецких удмуртов сохранились многочисленные названия узоров, связанные с животным и растительным миром, названиями светил — оберегами: *ӧдж* «утка»; *ӧдж бурд* «утиное крыло»; *атас пужы* «узор с петухом»; *дыдык син* «голубиный глаз»; *кеч син* «козлиный или заячий глаз»; *кеч йыр* «козлиная или заячья голова»; *кочо пытьы* «следы сороки»; *кочъиш пытьы* «следы кошки»; *пуны пытьы* «следы собаки»; *зольгыри пытьы* «следы воробья»; *курег пыд* «куриная нога»; *така сюр* «бараньи рога»; *жакы* «ронжа; кукша»; *душес* «ястреб»; *юсь пуз* «лебединое яйцо»; *кыз* «ель»; *кыз йыл* «макушка ели»; *толэзь* «луна»; *калмез пужы* «калмезский узор» и др. Такое разнообразие терминов в других удмуртских регионах не сохранилось.

Изображения животных и птиц были широко распространены в древних археологических культурах Прикамья, они сохраняются в народном искусстве удмуртов — в вышивке, резьбе по дереву,

изображениях воршуда. В. Н. Белицер отмечает, что пережив столь долгий путь развития, изображения животных, птиц, насекомых в вышивке утратили свой реалистический характер, подверглись сильной стилизации, «геометризировались», сохранив во многих случаях только отдельные элементы от целых изображений: голову, рога, клюв, глаз и т. д. «Сохранившаяся терминология, легенды и предания помогают раскрыть содержание узора и связать ряд изображений с тотемическими представителями удмуртов». Многие животные, птицы, насекомые живут издавна около людей и, по поверью удмуртов, приносят человеку счастье, являются хранителями домашнего очага, например, собака, кошка, голубь, ласточка; изображения этих птиц и животных, считает В. Н. Белицер, могли служить символом благополучия. Другие животные, птицы — лошадь, овца, тетерка, гусь, утка, петух — употреблялись в качестве жертвенных животных; их кости хранились как амулеты в святилище (*куала*) удмуртов и вполне возможно, что когда-то они были тотемными животными (Белицер 1951: 124).

Без сомнения, тут само собой напрашивается связь с тотемными воршудными изображениями и их названиями: науке известно 70 названий воршудно-родовых групп, в их основе лежат названия птиц (цапля, лебедь, орел, глухарь, ворона, сова, рябчик, дрозд), животных, зверей (куница, олень, лось, белка, крот), рыб (пескарь, щука, рыбья чешуя), насекомых (овод, мошкара, майский жук, водяной паук, кузнечик) — предполагаемых тотемов родов. О древности возникновения воршудных имен говорит тот факт, что все эти зоонимы восходят к уральской, финно-угорской или прапермской языковой общности. Среди них нет ни одного названия домашнего животного и птицы (Атаманов 1977: 24—26; 2001: 22). Тотемизм был первой формой религии возникающего рода.

У каждого удмуртского рода-воршуда был один покровитель, он изображался в виде идола (из дерева, металла, глины) и хранился в святилище (*куала*) на священной полке. Перед ним кланялись, ему приносили жертвы. А тут совсем неожиданное — у удмурткиватка на платье «живет» целый сонм «покровителей»: голуби, утки, воробьи, лебеди, зайцы, сороки, ранжи, ястребы... и уж не сами они, а только их глаза, крылья, рога, ноги (наверное, их в жертву принесли, остались от иих только крылья да следы: *ӵӧж бурд* «крыло утки»; *кочо пытьы* «след сороки» и т. д.).

Л. А. Молчанова считает, что тотемный символ был знаком принадлежности человека к определенной группе людей и отли-

чал его владельцев от других сообществ; это был магический знак, доставшийся от предков и объединяющий ныне живущих с умершими, и, с другой стороны, «свой», «родной узор», естественно, считался самым красивым. У всех народов Волго-Камья женская одежда была обильно орнаментирована, а в древности, по археологическим данным, была снабжена множеством металлических украшений (Молчанова 2006: 82—83).

Свадебные и все другие праздничные костюмы нижнечепецких удмуртов дополнялись различными подвесками к поясу (кисти, платки, полотенца), характерными для большинства народов Поволжья. Рубахи чаще всего подпоясывались передником — *азькышет*. Завязки к нему делали из узких поясков, сплетенных или сотканных на дощечках.

Распространенным праздничным головным убором девушки в XVIII—XIX вв. была круглая шапочка — *такъя*, обшитая кумачом и украшенная монетами различного достоинства в зависимости от материального достатка ее носительницы. Чаще всего монеты заменялись штампованными бляшками. В 30—40-е гг. прошлого столетия *такъя* у удмуртов повсеместно исчезает из употребления. По воспоминаниям информантов и по рисункам, выполненным художником-самоучкой из д. Слудка современного Зуевского района Кировской области Яковом Васильевым, можно восстановить ее ряд особенностей. Одно перечисление терминов, данных в комментарии к рисункам Я. Васильева, говорит о большом ее многообразии. Так девочка 10—12 лет носила *котрес такъю* («круглую *такъю*»), девочка 14—15 лет — *кузялэс такъю* («продолговатую *такъю*»); невеста на свадьбу надевала обе *такъи* сразу. Головной убор богатой девушки назывался *узыр такъя* («богатая *такъя*»), он обшивался серебряными монетами; *дарали такъю* («парчовую *такъю*») надевала во время свадьбы подруга невесты; *кырыж такъю* («косую, кривую *такъю*») с платком, украшенным кистями, носила молодуха. Помимо *такъи*, в прошлом девушки носили множество повязок и платков.

Головные уборы типа *такъи* впервые зафиксированы в середине I тыс. н. э. на памятниках азелинской культуры. Позднее они распространились среди всех групп удмуртов, но такого разнообразия, как у нижнечепецких, не зафиксировано ни у одной группы удмуртов, ни у соседних народов Волго-Камья.

Замужняя женщина носила головное полотенце *весяк кышет* («продолговатый платок»), вышитое разноцветным шелком и пришитыми к нему кисточками из лоскутков материи (шелковые лос-

кутки пришивались подругами невесты во время ее свадьбы). Концы полотенца могли завязываться как на затылке, так и на темени. При первом способе надевания концы полотенца свешивались по спине, а при втором — торчали в виде рогов. По словам информантов, второй способ ношения был удобен при работе.

Красная нитка *йырси октэт кал* («тесемка для волос») в прошлом была непременно шерстяной. С ее помощью на лбу из волос сплеталась сетка, которая, по представлениям удмуртов, должна была запутать дурную, злую силу, стремящуюся проникнуть в голову человека. Позднее шерстяная нитка была заменена шелковой или хлопчатобумажной и упростился способ ее употребления — она просто пересекала лоб и завязывалась на затылке. Интересно отметить, что названный убор был в употреблении у зуевских удмурток еще в начале 60-х гг. XX в.

Аналогичное значение сетки, как оберега, известно и у других народов. Так, у коми-зырян невесту под рубахой подпоясывали поясом, сплетенным наподобие рыболовной сети, или просто куском рыболовной сети, чтобы оградить ее от болезней, от порчи. Весьма вероятно, что такое оригинальное украшение лба соответствовало налобнику — *йыркерттэт*, бытующему в ряде районов Удмуртии. Он также носился вместе с головным полотенцем (*чалма*). Более того, налобники (*йыркерттэт, укотуг*) завятские (арские) женщины, девушки не носили, более того, носителям худяковско-азелинской культуры, предкам арских удмуртов, жившим в начале I тыс. н. э. в нижневятско-прикамском регионе, также не были известны. Налобники были характерны для старинной одежды коми, мари, башкир, чувашей.

В праздничный наряд нижнечепецких удмуртов входит значительное количество украшений. Они конструируются из бус, бисера, раковин-каури, пуговиц и т. д. В украшениях преобладает бисер, что нашло свое отражение и в терминологии. На руки женщины надевали длинные снизки бус — *суйвесь*, а через плечо — *вамен лэзем кусйльвесь* (букв. «бусы, спущенные через плечо»). *Кусйльвесь* напоминает бесермянское украшение *камали* (чересплечное женское украшение из серебряных монет); в свою очередь, бесермянское *камали* тождественно с *бутьмаром* южных удмуртов; у завятской группы аналогичная чересплечная перевязь, как и у бесермян, носит название *камали*.

В качестве ушных украшений нижнечепецкие удмуртки употребляли серьги (*угы*) с филигранными цепочками из низкопробного

серебра — *угыкал*; длинные, тяжелые цепочки, скрещиваясь, опускались на грудь. К серьгам с цепочкой (*угыкал*) прикреплялся пушок птичьего огузка — *быгы*. Ушные украшения, подобные нижнечепецким, были характерны для худяковско-азелинского костюма.

Наиболее распространенной обувью удмурток были лапти (*кут*). У нижнечепецких они, как правило, были русского образца как по форме, так и по способу плетения. Лишь по особо торжественным случаям надевали удмуртские лапти с острым носком, украшенные расщепленными гусиными перьями, нередко раскрашенными. С лаптями носили чулки, сшитые из толстого белого льняного холста — *ӵуглэс*, украшенные в верхней части вышивкой или узорным тканьем. Край чулок был оторочен узкой полоской кумача — знак того, что выше этого места нельзя показывать ноги мужчине. Узорные чулки надевались поверх портянок и шерстяных чулок, укреплялись с помощью красно-черных шерстяных обор. С валенками и кожаной обувью оборы не употреблялись (Лебедева, Атаманов 1987: 132; Косарева 2000; Лебедева 2008: 24—62).

Женский костюм нижнечепецких удмуртов представляет собой один из наиболее древних типов одежды пермских народов: белый холст в качестве материала, туникообразный покрой, вышивка, как основной способ орнаментации. Вплоть до 30-х гг. прошлого столетия здесь можно было проследить различия в одежде по возрасту, социальному положению, по функциональному назначению — праздничная, будничная, ритуальная и т. д.

Северный костюмный комплекс, по мнению В. Н. Белицер, наиболее полно и ярко отражает этнические особенности удмуртской культуры. Он теснейшим образом связан с культурой древнего аборигенного населения лесной земледельческой полосы Восточной Европы. Женская одежда северных удмуртов близка к костюму народов Волго-Камья — мордвы, чувашей и особенно марийцев, с которыми предки удмуртов соприкасались в течение многих столетий и находились на одинаковом хозяйственном и культурном уровне. Отдельные элементы северноудмуртского комплекса (головные уборы, рубашка) прослеживаются также в более южных районах расселения коми-пермяков и коми-зырян.

Костюмы нижнечепецких и верхнечепецких удмуртов исследователями, в частности В. Н. Белицер, рассматривались как единый комплекс. Но более детальное изучение в последние годы одежды и украшений нижнечепецких удмуртов Кировской области не позволяет согласиться с мнением наших предшественников. Сравни-

тельный анализ нижнечепецкого костюма со средне- и верхнечепецким костюмом (носители которого живут в северных районах Удмуртии) показывает, что различий между ними значительно больше, чем общего — судя по костюмам второй половины XIX — начала XX в., хранящихся в фондах музеев России, Финляндии (а как жаль, что до сих пор не найдены костюмные комплексы и их отдельные части, приобретенные немецким ученым Д. Г. Мессершмидтом).

Поражает воображение богатство женских и мужских костюмных комплексов нижнечепецких удмуртов, живущих по р. Косе (л. пр. р. Чепцы), зафиксированных удмуртским художником-самоучкой, учителем Яковом Васильевым (родом из д. Слудка совр. Зуевского р-на Кировской обл.), особенно головные уборы и обувь. Современным исследователям их уже не удалось зафиксировать, они исчезли до прихода ученых-этнографов.

И все же, благодаря трудам С. Х. Лебедевой, И. А. Косаревой, мы имеем довольно-таки полное описание нижнечепецкого костюма, но уже более позднего времени — 20—40-х гг. XX в.

И. А. Косарева пытается доказать, что слободской и косинский подтипы нижнечепецкого варианта северноудмуртского костюмного комплекса являются самостоятельными. Мне кажется, вывод не очень убедителен, нет смысла расчленить единое древнее целое на мелкие варианты. То же самое касается расчленения ею завятского (арского) единого комплекса на кукморский и шошминский. Это лишь варианты или подтипы одного целого.

По моему мнению, термин «северноудмуртский костюмный комплекс» — понятие условное, скорее территориальное, нежели этническое. В основе формирования этих двух северноудмуртских групп лежат разные этнические компоненты: этническим ядром нижнечепецких удмуртов явились создатели пьяноборско-азелинской, еманаевской, кочергинской культур, а средне- и верхнечепецких удмуртов — население пьяноборско-осинской, поломской и выросших на их основе чепецкой археологических культур с включением родственного населения с Вятки и Нижнего Прикамья, а в поломское время, возможно, и пракоми-пермяков.

При сравнительном анализе украшений женского костюма удмуртов начала XX в. с материалами ананьинской (VIII—III вв. до н. э.) и последующих за ней таких археологических культур, как караабызская (IV в. до н. э. — III в. н. э.), чегандинская (III в. до н. э. — V в. н. э.), худяковско-азелинская (III в. до н. э. — V в. н. э.), красно-

ярско-осинская (III в. до н. э. — V в. н. э.), входящих в состав пьяноборского (праудмуртского) союза племен, далее с древнеудмуртскими археологическими культурами выявляются много общих черт в шейных, нагрудных, налобных, наплечных украшениях, в головных уборах типа *айшон*, разного рода височных подвесах и т. д.

Думаю, что богатые поясные наборы пьяноборцев появились также под влиянием скифо-сарматского мира и, возможно, носили название *камали*, сравни аланско-осетинское *камари* «женский пояс» [*-р(и) ~ -л(и)*]. Вероятно, уже под тюркским влиянием кожаный пояс с металлическими накладками, украшениями стал употребляться как черезплечное украшение: у завятских (арских) удмуртов и бесермян чрезплечная перевязь, нанизанная серебряными монетами, сохранила скифо-аланское название *камали*, а у южных удмуртов она носит тюркское название *бутьмар*. Вместо кожаного пояса с металлическими украшениями-накладками стали использовать полотняный материал, на который стали вышивать орнамент в виде дерева жизни. Этот пояс получил тюркское — булгарско-чувашское — название *зар*. Как ныне выясняется, *зар* носили все группы удмуртов, но он рано вышел из моды, лишь у завятских удмуртов он сохранился до начала XX в.

Пьяноборские налобные украшения в виде ленты с нашивными бляшками или металлические полосы, обтянутые тканью, имеют аналоги в современных налобных повязках — *йыркерттэт*; конические витые подвески в несколько видоизмененной форме встречаются на девичьих налобных повязках южных удмуртов — *укотуг* или *тугоко*; оригинальные прически южных удмуртов под названием *чучырет* или *чузырет* не только по форме, но и по способу навивки, по замечанию археолога В. Ф. Генинга, удивительно похожи на чегандинские спирально-витые височные подвески. В пьяноборское же время появляется обычай ношения нагрудников, богато украшенных накладками, подвесками и бусами — прообраз современных нагрудных монисто (*чыртыкыш*) южных удмуртов.

В III—V вв. у азелинского населения зафиксированы головные уборы в виде шапочки, украшенные большим количеством медных пронизок, сопоставимые с девичьими головными уборами — *такъя*. Нагрудники с изображением коней чрезвычайно напоминают съемные вышитые нагрудники удмуртов *муресазь* или *кабачи*: в этнографической коллекции Удмуртского республиканского краеведческого музея имеется *кабачи* северных удмуртов с вышивкой конских голов, смотрящих в противоположные стороны; сре-

ди нижнечепецких удмуртов известен узор *вало-вало* «с конями». Изображения коней, весьма распространенные в среде азелинского населения, можно встретить и в наряде южных удмуртов — медные или бронзовые гребни с конскими головками на верхних концах украшения вместе с кольцом и ключом подвешивались к монисто или к фартуку.

Шейные и нагрудные украшения из монет, столь характерные для удмуртского национального костюма начала XX в., судя по археологическим материалам Камско-Вятского междуречья, появляются здесь в VIII—IX вв. н. э.

Сопоставляя этнографические материалы с археологическими, можно сделать такие предварительные заключения: основы костюмного комплекса удмуртов, в первую очередь украшений, начали закладываться уже с ананьинско-пьяноборского времени; наряд пьяноборско-чегандинского, верхнеутчанско-чумойтлинского населения, вероятно, лег в основу собственно южноудмуртского костюма; худяковско-азелинский костюмный комплекс явился основой для наряда нижнечепецких, особенно унинско-зуевской группы (*ватка*) и завятских (кукморско-балтасинских) удмуртов; костюмный комплекс северных удмуртов, живущих в бассейне верхней и средней Чепцы, сформировался на базе наряда осинско-поломско-чепецкого населения с включением азелинских элементов (например, *такъя*). Украшения калмезской группы удмуртов изучены слабо. Сравнивая костюм калмезской женщины по рисунку художника-этнографа С. Н. Виноградова с реконструкциями археологов, параллель ему мы находим в женском наряде караабызской археологической культуры. Относительно бесермян можно сказать, что их ранняя этногония протекала в Волго-Камье, на периферии южных удмуртов, в соседстве с булгарами — предками чувашей. По крайней мере, сравнительно-исторический анализ костюмного комплекса бесермян, в первую очередь их головных уборов, говорит об этом.

Как и любая вещь, любое явление, одежда подвержена изменениям: так собственно южноудмуртский костюм с конца XVIII — начала XIX в. претерпел сильные изменения: туникообразное белое полотняное платье с вышивками заменилось пестрядиной, с оборками татарского типа; *айшон*, *зар*, *такъя*, исчезли; с накоплением богатства появились большие монисто из серебряных монет, укрывающие всю грудь, где раньше располагались вышитые *муресазь* и *муресшет*.

Следует еще раз подчеркнуть, что костюмный комплекс южных удмуртов и калмезов был единым; с этим же древним комплексом связана традиционная одежда бесермян, кроме их головных уборов: по одежде бесермяне — это южные удмурты, а по головным уборам — булгаро-чуваши.

Из региональных костюмов самым тюркизированным является закамский вариант южноудмуртского костюма; древние, собственно удмуртские элементы здесь сохранились только в ритуальной одежде, одеваемой во время совершения языческих молений.

Кстати, начиная уже с самого начала XVIII в., исследователи в один голос утверждали, что мужская одежда удмуртов почти ничем не отличается от русских (на севере, центральных, южных районах) или от татар (закамские удмурты). Но они не коснулись ритуальной, молельной одежды, может быть, они ее и не видели — им не показывали. А архаика, исконно удмуртская мужская одежда, хотя бы отчасти, сохранилась именно в ритуальной одежде. Костюм жреца северных удмуртов Глазовского уезда, описанный Н. Г. Первухиным, вызывает восхищение — настолько он уникален, своеобразен, глубоко национален. Жаль, подобной одежды нет и в музейных коллекциях.

Уникальным является и переходный *шарканско-якшур-бодьинский* костюмный комплекс, носители которого живут на стыке расселения северных и южных удмуртов. Когда он начал формироваться — трудно сказать, на шарканской земле имеются археологические памятники с середины I тыс. н. э. Начиная с XVI—XVII вв. этот красивый нечерноземный край начинает интенсивно заселяться выходцами из всех удмуртских регионов, в первую очередь северными верхне- и среднечепецкими удмуртами-ватка (воршудно-родовые группы: *Апъя, Бӧня, Кушъя, Пупъя, Чола, Чабъя, Чипъя, Бигра, Уля*), выходцами из центральной Удмуртии, из среды калмезов (воршудно-родовые группы: *Дӧкъя, Чудъя, Венья*, возможно *Ӟатча*), из Арской земли (*Ӟумъя, Уча*).

Но больше всего шарканскую землю заселяли — в языковом плане — выходцы из переходного, от срединных к северным группам говоров, живущих в бассейнах рек Ита, Лоза, Нязь (бассейн р. Чепцы). Ими были члены воршудно-родовых групп *Пурга, Вортча, Эгра*. Так, члены воршудно-родовой группы *Пурга* С. К. Бушмакиным зафиксированы в 51 населенном пункте Шарканского района (в 31 н. п. Якшур-Бодьинского р-на),

Вортча — в 13 н. п. Шарканского (в Якшур-Бодьинском — в 15 н. п.), *Эгра* — в 1 н. п. Шарканского и в 9 н. п. Якшур-Бодьинского районов.

Все эти переселения, смешения отразились в языке, костюмном комплексе удмуртов Шарканского и Якшур-Бодьинского районов (в последнем районе в 7 населенных пунктах живут выходцы из среды южных удмуртов — члены воршудно-родовой группы *Бöдья*). В западной части Якшур-Бодьинского р-на, в Старозятцинском кусте, живут калмезы.

А сейчас попытаюсь схематически показать ход развития региональных костюмов удмуртского народа и их связь между собою, начиная от пьяноборской эпохи — III в. до н. э. до начала XIX в., когда эволюционным путем шло формирование и развитие, всех без исключения, костюмных комплексов удмуртского народа.

Распространение костюмных комплексов удмуртов, их взаимосвязь

* * *

Изучение костюмных комплексов всех финно-угорских народов, начиная с самых древних, с археологических времен, помогло бы восстановить, хотя бы отчасти, общий пракостюм наших прапредков по прафинноугорской этноязыковой общности, как в наши дни на основе этнографических и археологических материалов Л. А. Молчанова восстановила региональные костюмы всех групп удмуртов, начиная с древнейших времен. Общими элементами в одежде финно-угорских женщин может быть: меховая зимняя одежда, туникообразное платье с фартуком; кожаный пояс; вязанные чулки и варежки; обувь из бересты, лыка и кожи; налобные повязки, нагрудные украшения — ожерелья; головной убор в виде кокошника на твердой основе, головное полотенце и т. д.

Надо полагать, что из всех разделов материальной и духовной культуры традиционная одежда удмуртов изучена вполне удовлетворительно. В сравнительно-историческом плане она находит самые близкие аналоги в костюмных комплексах марийцев и мордвы, в одежде соседних, нефинно-угорских народов — татар-кряшен и чувашей. В то же время, у самых близких по происхождению коми народа с удмуртами в одежде мало общего: у обоих коми групп она претерпела самое существенное влияние со стороны русских северных областей; сказалось влияние и прибалтийско-финских, отчасти — самодийских групп. На формирование праудмуртского костюмного комплекса с украшениями удмуртов в древности определенное влияние оказали ираноязычные кочевники — скифы, сарматы, аланы, а начиная с конца I тыс. н. э. — тюрки — на собственно южноудмуртский костюмный комплекс.

Ныне, в эпоху глобализации, традиционные костюмы вышли из моды, удмуртский народ перешел на одежду общеевропейского, общемирового образца. Традиционный национальный костюм используется в основном в дни фольклорных праздников, иногда одевают на свадьбы, хранится в музеях страны и за рубежом.

11. ЛИНГВИСТИКА: ЕЕ РОЛЬ В РЕШЕНИИ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ УДМУРТСКОГО НАРОДА

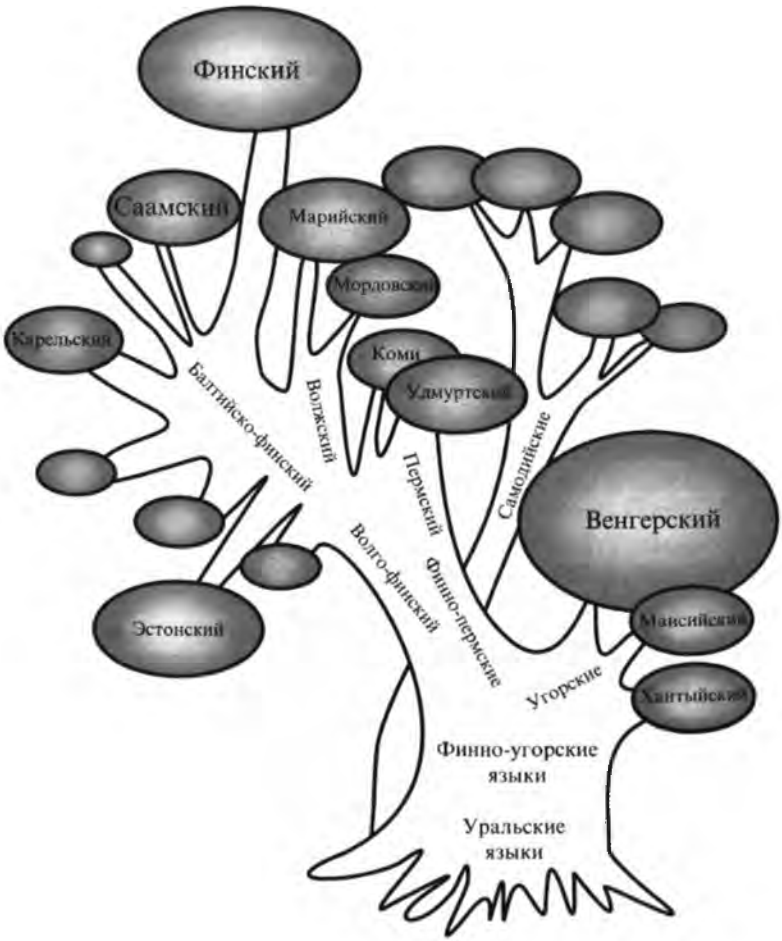
Язык народа — это его душа, его дух; это его исторический опыт, обобщенный и зафиксированный в словах, понятиях и грамматических категориях. Как считают ученые, язык — самое многогранное из проявлений духовной деятельности человека. Нет такой стороны, нет такого закоулка бытия человека, который так или иначе не запечатлелся бы в его речи. «Каждое слово — понятие, если удается раскрыть его историческое содержание, представляет ценнейший документ, по древности своей конкурирующий с древнейшими памятниками материальной культуры» (Абаев 1949: 9).

Язык, как считает академик А. Барта, в изучении этногенетических процессов является наиболее надежным этническим индикатором, единственным этническим критерием; «история языка отражает генезис и межэтнические контакты того или иного народа» (Барта 1981: 138—139).

Со времен строительства Вавилонской башни и смешения языков (см. Библия: Бытие 11: 1—9) прошли многие тысячелетия. За это время возникли тысячи и тысячи языков, наречий, диалектов, но и вымерло немалое их число — их носители ассимилировались в среде господствующих в регионе этносов. Например, из финно-угорских народов — меря, мурома, мещера, чудь заволочская — вошли в состав русского народа; на грани исчезновения находятся прибалтийско-финские народы — водь, ижора, ливы (в конце 2009 г. в интернете появилось сообщение, что умер последний носитель ливского языка); исчезает язык обских угров. Нависает угроза существованию и нашего древнего удмуртского языка.

Один из ведущих специалистов по праистории финно-угорских, самодийских народов и их языков на современном этапе академик Петер Хайду о своем родном венгерском пишет: «Венгерский язык может считаться языком с примерно 2,5-тысячелетней длительнос-

тью самостоятельного развития». Первыми памятниками венгерского наречия являются так называемые «отрывочные памятники», в которых среди иноязычного текста встречается несколько венгерских слов. Немало венгерских слов — племенных названий, антропонимов, топонимов — сохранилось в византийских и других западных источниках X—XIII вв. (Хайду 1985: 16—17).

Древо уральской семьи языков

Не намного моложе венгерского и наш родной удмуртский язык: со времени разделения общепермской ананьинской археологической культуры на две половины — на пьяноборскую-*праудмуртскую* и гляденовскую-*пракоми* — этноязыковые общности прошло 2300 лет. Удмуртский, как и коми, марийский, вепсский языки — один из самых древних, коренных (аборигенных) языков на территории России. С ними могут сравниться только осетинский (язык потомков скифов-сарматов-алан) и некоторые языки народов кавказско-иберийской группы, например, абхазский, адыгейский. Восточнославянские, тюркские, тунгусо-маньчжурские, самодийские, палеоазиатские, многие кавказские наречия стали самостоятельными значительно позже языков финно-угорских народов Восточной Европы.

1. Краткие сведения об удмуртском языке

Удмуртский язык относится к пермской ветви финно-угорских языков, которые вместе с самодийскими (ненецкий, энецкий, нганасанский, селькупский) составляют уральскую языковую семью. К финно-угорской группе относятся коми-пермяки, коми (-зыряне), марийцы (луговые и горные), мордва (мокша и эрзя), финны, карелы, эстонцы, вепсы, водь, ижора, ливы, саамы, венгры, ханты, манси.

По численности на первом месте стоят венгры, за ними идут финны, эстонцы, удмурты и т. д.: по переписи 1989 г. удмуртов в стране было 747 тыс. человек, по переписи 2002 года удмуртов осталось 636 тыс.

Первые сведения об удмуртах под тюркским экзоэтнонимом *ар* появились в IX—XII вв. у арабско-персидских, еврейских авторов; от хазар, булгар, позже от татар он попал в русские письменные источники. Так, в XVI в. один из участников Казанского похода Ивана Грозного князь Андрей Курбский об этническом составе Казанского ханства оставил такую запись: «Кроме Татарска языка, в том царстве пять различных языков: Мордовский, Чюважский, Черемиский, Воитецкий, або *Арский* (т. е. удмуртский; курс. наш.— *М. А.*), пятый Башкирский» (Курбский 1914: 205—206).

Первые удмуртские слова в составе антропонимов зафиксированы в середине XVI в.: в «Жалованной грамоте удмуртам Сырьянской волости Слободского уезда от 25 февраля 1557 года...» приводится список 17 семейств удмуртов, пожелавших добровольно принять

христианскую веру. Среди имен русского, тюркского происхождения встречаются несколько удмуртских антропонимов: *Ожмек*: *ожманы* «нанести рану» или *ожмаськыны* «воевать, сражаться» < *ож* «война, бой, сражение», *-ек ~ -ег* — широко распространенный антропоформант, восходящий к общепермскому периоду; *Муй* (в тексте ошибочно слитно написано с соединительным союзом «да»): *мый*, диал. *муй* < **мӱй* «бобр» (среди слободско-унинских удмуртов фамилия *Муин* встречается до сих пор); *Чужек*: *чужег* уст. «двоюродный брат и двоюродныя сестра по материнской линии»; *Изнек*: *изыны*, диал. *изны* «молоть, смолоть» + *-ек* — аффикс; у одного из них в качестве фамилии выступает антропоним *Чужиг(ов)* — восходящий к термину родства *чужег* (см. выше); в именнике некрещеных удмуртов Закамья в мужских и женских именах и фамилиях до сих пор встречается это имя: *Чужег*, *Чужин*, *Чужина*.

К самому началу XVII в. относятся имена и «фамилии» (до конца XIX в. у удмуртов вместо фамилий выступали имена отцов с добавлением к ним русских аффиксов *-ов, -ев, -ин*) удмуртского происхождения, образованы от нарицательных слов, обозначающих (все примеры взяты из переписи 1615 г. по северным удмуртам Слободского и Хлыновского уездов): 1) названия птиц, зверей, насекомых, растений: *кайсы* «клест»; *паля* < *баля* «ягненок»; *муй ~ мый* «бобр»; *муш* «пчела»; *пислег* «синица»; *сырчик* «скворец» (лит. *шырчик*); *куака* «ворона»; *юбер* «дрозд», сев. «скворец»; *кый* «змей»; *сизь* «дятел»; *чуй* диал. «щука»; *лыс* «хвоя»; *Удег*: *уд* «росток, зелень» + *-ег* — аффикс; *пычей* «дровосек, короед»; 2) физиологические качества, пожеланья ребенку: *Будин*: *буд* «расти, вырасти» + *-ин* — аффикс; *Почи*: *пичи*, диал. сев. *почи* «маленький»; *Покчан*: *покчи* «младший» + *-ан* — аффикс; *Дуней*: *дун* «чистый» + *-ей* — аффикс; 3) термины родства и свойства: *Чуж, Чужа, Чужег*: *ӵуж*, диал. *чуж* — деэтимологизированное слово, употребляющееся в терминах родства по материнской линии, *-а, -ег* — аффиксы; *Кудзо, Кузё*: *кузё*, диал. *кузо* «хозяин семьи, глава»; «начальник». Много имен общепермского происхождения с аффиксами *-эг (-ег)*: *Шудег, Удег, Одег, Изнег, Мушег, Пусег, Мусег, Чужек, Пасег, Идег, Южег, Ожег, Ожмег* и др.

Подавляющее большинство вышеприведенных личных имен и фамилий северных удмуртов, в основе которых лежит нарицательная лексика удмуртского, общепермского, общефинно-угорского происхождения, восходит к концу XVI в. **Это первые памятники удмуртской письменности** (см. Атаманов 1999: 78—86). Без сомне-

ния, подобные имена, особенно с аффиксом *-зг (-ег)*, встречались в более отдаленные времена — в общепермскую эпоху: коми антропонимы с аффиксом *-ӧг*, удм. *-эг(-ег)* могли возникнуть под влиянием ираноязычных скифов, сарматов, саков, тохар, алан, среди них были популярны имена с аффиксами *-ак, -ок, -он, -ан — Анданак, Азпак, Мордан, Сайраг, Кандак, Артак* и др. Подобные имена встречались и среди удмуртов: *Мардан, Дадок, Артан, Занок, Малаг, Базак.*

По известным нам данным, самое первое предложение на удмуртском языке было записано в 1726 году в дневнике Д. Г. Мессершмидта: JNGMÁR-LU WYSHÁISCHKINU KÚLA (**Инмарлы вӧсяськыны кулэ** — «Богу надо (нужно ~ следует) молиться») (см. Мессершмидт—Напольских 2001: 178).

Д. Г. Мессершмидтом составлен обширный, обстоятельный по тем временам лексический словарь по разным отраслям нравственной, духовной жизни, хозяйственной деятельности северных удмуртов начала XVIII в. В эту же эпоху и чуть позже публикации лексического материала по удмуртскому языку содержатся в трудах Ф. И. Страленберга, Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, И. Э. Фишера, З. Кротова, М. Могилина и др.

Великий труд по созданию удмуртской письменности, по просвещению удмуртского народа совершил священнослужитель Православной церкви митрополит Казанский и Свияжский Вениамин Пуцек-Григорович. Под его руководством открывались первые школы для обучения детей нерусских народов Поволжья азам церковно-славянской грамоты в городах Казани, Свияжске, Елабуге и др. Отсюда вышли удмурты, получившие образование. Ими были сочинены первые стихотворения-оды в честь приезда императрицы Екатерины в Казань, а в 1775 г. вышла первая грамматика удмуртского языка **«Сочиненія, принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка»**, без сомнения написанная под руководством главы Казанско-Свияжской кафедры митрополита Вениамина Пуцек-Григоровича с участием его учеников-удмуртов. Вскоре, по благословению митрополита, один из его учеников-удмуртов по фамилии Левандовский приступил к переводу Евангелий на родной удмуртский язык.

В 1847 г. после многих искушений, мытарств вышли «Евангелие от Матфея» на диалекте удмуртов Глазовского и Сарапульского уездов, «Евангелие от Марка» на глазовском наречии. Это были первые книги на удмуртском языке.

Начиная с М. А. Кастрена, в XIX в. к удмуртам и другим финно-угорским, самодийским народам проложили путь многие финские, венгерские, эстонские ученые. С грамматики удмуртского языка «Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche» (Reval, 1851), написанной эстонским ученым Ф. Видеманном, начинается серьезное научное описание всех разделов удмуртского языка. В истории удмуртского языкознания всегда будут жить имена финнов Т. Аминоффа, Ю. Вихманна, эстонцев Ф. Видеманна, П. Аристэ, венгров Й. Буденца, Б. Мункачи, Д. Фокош-Фукса и других, написавших научные труды, подготовивших научные кадры.

Со второй половины XIX в. начинают появляться переводы текстов на удмуртский Священного Писания, богослужебной, духовной литературы, первые буквари, словари, отдельные переводы русской художественной литературы, произведения народного творчества. В 1889 г. как фольклорное произведение было опубликовано первое поэтическое произведение Гр. Верещагина на удмуртском языке «Чагыр, чагыр дыдыке» («Сизый, сизый голубок»).

С конца XIX — начала XX в. вопросами удмуртского языкознания, сбором фольклорного материала, созданием литературных произведений начинают заниматься сами удмурты: Г. Е. Верещагин-Удморт, И. Михеев, М. Можгин, И. Яковлев, М. Ильин, Трокай Борисов, Кедра Митрей, М. Прокопьев, К. Герд, Айво Иви, Ашальчи Оки и др.

В 1904 г. вышел **«Удморт кылын календарь»** («Календарь на удмуртском языке»); в 1915 г. выходит первая газета на удмуртском языке **«Войнаысь ивор»** («Вести с фронта»).

До начала Октябрьской революции 1917 г. на удмуртском языке было опубликовано около 400 книг, статей, стихотворений, рассказов, брошюр самого разного содержания.

В годы советской власти в области удмуртского языкознания, в подготовке учебников, словарей, методических пособий для удмуртских школ много потрудились А. И. Емельянов, К. М. Баушев, И. Д. Дмитриев-Кельда, Т. К. Борисов, А. А. Поздеева, А. В. Конюхова, П. Н. Перевощиков, В. И. Алатырев и др. Их дела продолжили ученые, окончившие аспирантуру у ведущих финно-угроведов в городах Москвы, Тарту, Ижевска: И. В. Тараканов, Т. И. Тепляшина, В. М. Вахрушев, Р. И. Яшина, В. К. Кельмаков, Р. Ш. Насибуллин, С. К. Бушмакин, Г. А. Архипов, С. В. Соколов, М. Г. Атаманов, А. Ф. Шутов, Б. Ш. Загуляева, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова и др.

* * *

Как и другие финно-угорские языки, удмуртский относится к агглютинативным языкам.

Удмуртский язык состоит из 38 букв: *а, б, в, г, д, е, ё, ж, ӝ, з, ӟ, и, й, й, к, л, м, н, о, ӧ, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ӵ, ш, щ, ъ, ь, ы, э, ю, я.* Буквы *ф, х, ц, щ* встречаются только в словах, заимствованных из русского языка; в то же время фонемы *ӧ, ӟ, ӝ, ӵ* встречаются в исконно удмуртских словах, их нет в русском языке; финно-угорское *р-* в начале слова заменилось аффрикатами *ӟ-, ӝ-*: ср. коми *резь* / удм. *ӟезь* «повод узды»; к. *роч* / удм. *ӟуч* «русский»; к. *рок* / удм. *ӝук* «каша» и др.

Письменность основана на русской графике. В литературном языке имеется 15 падежей; различают два вида склонения: простое и притяжательное. Основным способом словообразования служит суффиксация.

Прилагательные слабо ограничены от других частей речи — наречий, существительных; имена прилагательные имеют степени сравнения и качества.

Глаголы имеют спрягаемые и неспрягаемые формы. К спрягаемым относятся формы наклонения, времени, лица и числа; а к неспрягаемым формам — инфинитив, причастие, деепричастие. По лексическим значениям глаголы делятся на переходные и непереходные; в удмуртском языке различают три наклонения: изъявительное, повелительное и условное; различаются три основных времени: настоящее, будущее и прошедшее. Действие, обозначенное глаголом, может быть однократным, многократным, длительным, завершенным, незавершенным; выделяются следующие залоги: а) действительный; б) возвратный; в) страдательный; г) понудительный и непонудительный залоги. Глаголы в залоговых формах изменяются по лицам, числам, наклонениям и временам. Широко употребляющаяся категория притворности оформлена с помощью суффиксов *-мъяськ-, -тэмъяськ-, -мтэяськ-*; они выражают категорию притворности (фиктивности, мнимости, видимости) действия. Неизменяемая форма глаголов — инфинитив или неопределенная форма — выражается суффиксом *-ны*: в глаголах 1-го спряжения ему предшествует гласный *-ы-*; в глаголах 2-го спряжения — гласный *-а-* (*-я-*): *улыны* «жить»; *кырӟаны* «петь».

К служебным словам относятся послелоги, союзы, частицы; широко распространена категория междометий.

В удмуртском языке различаются простые и сложные предложения, в свою очередь, среди простых встречаются распространенные и нераспространенные предложения; сложные предложения бывают двух типов: сложносочиненные и сложноподчиненные.

2. Заимствованный пласт лексики удмуртского языка

Ныне никто не оспаривает мнение ученых, считающих, что и с историко-географической и лингвистической точки зрения удмуртский язык (наряду с марийским) занимает центральное место в системе финно-угорского этноглотогенеза (ОФУЯ 1974: 38). Не случайно в удмуртском языке до сего времени сохранились слова прауральского, прафинно-угорского, прапермского происхождения (о которых говорится в главах «Археология» и «Этнография») и что еще немаловажно для решения этногенетических вопросов, в удмуртском языке выявляется древнейший пласт заимствованной лексики индоиранского происхождения; ираноязычных кочевников степных, лесостепных районов Волго-Уральского региона в эпоху великого переселения вытеснили тюркоязычные кочевники — хазары, булгары; в XIII в. земли булгар, южных удмуртов захватили выходцы из Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана кочевники-кипчаки — предки казанских татар и башкир.

2. 1. Индоиранский, тюркский, русский пласты заимствований

Индоиранский пласт. На землях, где жили и живут удмурты, марийцы, отчасти мордва и коми-пермяки, находилась прародина финно-угров. Места их жительства доходили до зоны южной тайги, а местами — до лесостепных районов, где жили индоевропейские народы. Как считают ученые, с IV тыс. до н. э. финно-угры жили к северу от индоевропейских народов, имели между собой контакты, об этом свидетельствуют языковые данные: в финно-угорский язык-основу из индоиранской ветви индоевропейских языков попали слова, обозначающие «*сто*» (удм. *сю*); «*мед*» (удм. диал. *му*); «*пчела*» (удм. *муш*); «*рог*» (удм. *сюр*) и др. (ОФУЯ 1974: 44—45).

Известный иранист В. И. Абаев считает, что выявленный в финно-угорских языках пласт индоиранской заимствованной лексики

указывает на древнейшие связи между этими народами; эти заимствования являются важнейшим, можно сказать, решающим аргументом в пользу восточноевропейской прародины индоиранских народов. Часть из них по фонетическим и иным признакам возводится еще к общеарийскому периоду (к периоду до разделения арийцев на индийскую и иранскую ветви). Некоторые из этих слов могли быть усвоены из «протоиндийского», т. е. из того арийского диалекта, который со временем послужил базой для языка Ригведы и для санскрита. Другие же могли быть заимствованы из общеиранской диалектной речи, а самые поздние заимствования в финно-угорские языки попали из скифо-сарматских наречий.

Отличить иранские заимствования от заимствований из общеарийского, считает В. И. Абаев, в большинстве случаев нетрудно: одним из опознавательных признаков служит отражение в финно-угорском арийского (и индоевропейского) *s*: в общеарийском и протоиндийском он удержался, а в иранском, кроме некоторых позиций, переходил в *h*; *-s* отражает форму индоевропейских основ на *-a-* в арийском, и, значит, соответствующие слова могли быть заимствованы только из общеарийского (или протоиндийского), но никак не из иранского, где *s* переходил в *h* (привожу лишь удмуртские примеры): удм. *зарезь* «море» — авест. *zrayah-*, но др. -инд. *jráyas* (*ǯ'rayas-*) «море» (КЭСК 1970, 249); удм. *сузэр* «мл. сестра» — др.-инд. *svasar* «сестра»; удм. *сур* «пиво» — др.-инд. *surā-*, но авест. *ahura* — название напитка; удм. *узыр* «богатый; богач» — др.-инд. *asura* «божество; демон», но авест. *ahura-*; удм. *сюрс* (диал. *сюрыс*) «тысяча» — др.-инд. *sahasra*, но иранск. *hazahra* «тысяча» (Абаев 1972: 26—37).

Вероятно, сюда же относится северноудм. *сябась* — заздравное пожелание: будьте богаты, живите во здравии и силе, не имея ни в чем нужды — др. инд. *s'avas* «мощь, сила, богатство».

К настоящему времени в удмуртском языке выявлено около 110 индоиранских заимствований, как считают ученые, проникших еще в периоды существования прафинно-угорской и прапермской языковых общностей (ОФУЯ 1976: 217—218; Лыткин 1951: 385—392; 1975: 84—97; Joki 1973). Что очень важно, большинство из них связано с производящим хозяйством. Следует сказать, что словарный состав удмуртского языка, особенно диалектная лексика, изучен крайне слабо, думается, иранский пласт значительно превышает цифру 110; интенсивные контакты праудмуртских родоплеменных групп со скифо-сармато-аланским миром продолжались в течение

многих столетий — с середины I тыс. до н. э. до первых столетий I тыс. н. э. — до начала великого переселения народов.

Профессор И. В. Тараканов, опираясь на работы В. И. Лыткина, А. Йоки и других ученых, индоиранские заимствования в удмуртском языке подразделяет на такие лексико-семантические группы:

1) названия металлов: *корт* «железо»; *андан* «сталь»; *зарни* «золото»; в то же время предки осетин у финно-угров заимствовали слово *æрху* «медь», ср. *ыргон*, коми *ыргöн* «медь» (Абаев 1949: 83);

2) названия орудий труда и предметов быта: *амезь* «сошник»; *дуры* «половник»; *тусьты* «миска»; *пурт* «нож»; *урыс* «плеть»; *сюмыс* «полоса сыромятной кожи; ремень»; *бун* «мочало»;

3) зоонимы: *парсь* «свинья»; *курег* «курица»; *пудо* «скот»; *мес* «самка (о телке, ягненке)»; *ош* «бык»; *öрзи* «орел» и др.;

4) названия продуктов питания и растений: *нянь* «хлеб»; *кенэм* «конопля»; *ю* «хлеба»; *сылал* «соль»; *сур* «пиво»; *сезьы* «овес»; *беризь* «липа»; *турын* «трава; сено» и др.;

5) названия цифр, чисел: *дас* «десять»; *сизьым* «семь»; *сю* «сто»; *куамын* «тридцать»; *сюрс* «тысяча» и др.;

6) названия природных явлений и объектов: *шаер* «страна; местность»; *зарезь* «море»; *пужмер* «иней» и др.;

7) названия социальных отношений людей: *эксэй* «царь; князь»; *узыр* «богатый; богач»; *мурт* «человек»; «чужой человек; чужак» (ОФУЯ 1976: 217—218; Лыткин 1951: 385—392; 1953: 58—69; 1975: 84—97; Joki 1973; Тараканов 1982: 3—4).

Помимо этих заимствований в осетинском языке — языке потомков скифов, сармат, алан, с которыми праудмуртские родоплеменные группы имели самые тесные контакты в продолжении более тысячи лет,— выявляются еще такие единицы удмуртского языка, часть которых употребляется в удмуртском литературном языке, а часть — в южноудмуртском наречии (иногда с противоположным значением):

осетин. *аккаг* «достойный» — удм. южн. (детск.) *акак*, *акакэ* «недостойный: грязный, поганый — нельзя в руки брать»;

осетин. *акурын* «попросить, выпросить» — удм. южн. (детск.) *акурын* «попросить попить воды»;

осетин. *губур* «сгорбленный, согнувшийся» — удм. *губырес* «тж»; *губыртïськыны* «согнуться, сгорбиться»;

осетин. *гутон* «плуг» — удм. *гудон* «рытьё; инструмент для копки» от *гудыны* «копать, рыть; выкапывать»;

осетин. *гӣзæг* «шалость, баловство»; «издевательство» — удм. южн. *гизег* «капризный, шаловливый (о человеке)»; *гизегъяськыны* «капризничать; психовать»;

осетин. детск. ласк. *дада* «дедушка»; «отец» ~ др.-инд. *тата* «отец», перс. *дāду, дāдā* «дядька»; рус. *тятя* «отец»; «*дядя*» — удм. южн. (Грах.) *дадай* «ст. брат», «дядька — любой мужчина, старший по возрасту»; удм. сред. *дядяй* «отец». (Возможно, эти удмуртские слова заимствованы из разных индоевропейских источников);

осетин. *дзедзырой* «качание»; *дзедзырой кæнын* «качаться» — удм. *ӟечыран* ~ *ӟечырет* «качели; качалка»; *ӟечыраны* «покачаться, качаться»;

осетин. *камари* — женский пояс из серебра с позолотой — удм. южн., бесерм. *камали* — чрезплечная перевязь из серебряных монет, амулетов. В. И. Абаев в своей книге «Скифо-европейские изоглоссы» (М., 1965) пишет, что фонема *л* была чужда древнеиранскому, уже в арийском индоевропейский *л* перешел в *р* («арийский ратацизм»). Одни ученые считают, что переход этот был сплошным, другие полагают, что были исключения. «Фонема *л* в скифо-осетинском в отличие от других иранских языков свидетельствуется с древнейших доступных времен — не позднее V в. до н. э.» (Абаев 1965: 35; 40);

осетин. *кем* «состояние здоровья», «настроение» — удм. *кем* «сила; мочь»;

осетин. *кæло* «худой; хилый» — удм. южн. *калак луын* «обессилеть, изнемочь»;

осетин. *зар* «песня» — удм. *зар бӧрдыны* «плакать навзрыд, с причитаниями»;

Осетин. *гур* 1) «горло»; 2) «голос» — удм. *гур* 1) «мелодия, напев», *гурланы* «ворковать; голосить»; *гур бӧрдыны* «плакать навзрыд»; 2) *гур*: *гурул* «подбородок» (*ул* «под; низ; нижняя часть ч.-нибудь»);

осетин. *удайын* «пропитать влагой» — удм. *уданы* «прорасти (о семенах)»; *удатыны* «проращивание семени, пропитавши влагой: держа в посуде с теплой водой или в промоченной влажной тряпке (речь идет о культурных растениях, зерно же злаковых культур сразу сеется в землю)».

Канпиш — название конопли у скифов, зафиксировано Геродотом (V в. до н. э.). В. И. Абаев в этой лексеме выделяет две части: *кан* + *пиш*, где каждая означала «конопля»; «опираясь на осетинское *кæн*, мы думаем, что именно первая часть *кан* была чисто скифской, а вторая, возможно, финской» (Абаев 1958). Действи-

тельно, удмуртские и коми *пыш* «конопля», заимствованный, вероятно, скифами у пермских народов, а первая часть скифско-осетин. *кан* встречается как в индоевропейских, так и в алтайских, финно-угорских языках, ср. удм. *кенэм* «конопля (*семя*)» (*-эм* — аффикс), коми *кöнтусь* «конопля, конопляное семя»: *кöн* + *тусь* «семя»; мар. *кыне*, эрз. *кансть* «конопля» (в данной части труда использованы следующие источники: Абаев 1958; 1965; Фасмер 1986, т. II; Осетинско-русский словарь 1952; Удмуртско-русский словарь 1983; КЭСК 1970).

* * *

Меня много лет волнует такой интереснейший факт: в пермских (удмуртском и коми), венгерском и аланско-осетинском языках инфинитив оформлен одинаковым или близким друг другу аффиксом: удм. лит. *-(ы)ны*, сред. *-ны*, южн. *-ын* / коми *-ны* — аланск.-осетин. *-ын*, ср.:

удм. лит. *кар(ы)ны*, диал. сред. *карны*, диал. южн. *карын* «делать, сделать; творить; совершить; создавать» / коми сев. *карны* «делать» — аланск.-осетин. *кæнын* «делать, творить, создавать», «строить; производить»; «открывать» и т. д.;

удм. лит. *кур(ы)ны*, диал. сред. *курны*, диал. южн. *курын* «просить, попросить» / коми *корны* «звать, подозвать»; «просить, попрошайничать» // венг. *kérni* «просить; молить» — аланск.-осетин. *курын* «просить»; «свататься, просить в жены»; *курæг* «просящий, сватающийся»; «проситель» (ср. удм. *ныл курась* «сватающий невесту»: *ныл* «девушка»);

удм. лит. *ӟур(ы)ны*, диал. сред. *ӟурны*, диал. южн. *ӟурын* «ворчать; скулить; проявлять недовольство»; «скрипеть» / коми *дзерӧдны* «дразнить, доводить до слез; раздражать» — аланск.-осетин. *дзурын* «говорить»; «звать, призывать» (осетинское выражение *сабыр дзур* «говори тихо ~ спокойно ~ медленно; осторожно» совершенно одинаково звучит с южноудмуртским наречием *сабыр ӟур* «спокойно, не спеша ворчи ~ скули ~ проявляй недовольство») и др.

Этот факт — общность оформления инфинитива одинаковым или близким аффиксом в пермских, венгерском и аланско-осетинском языках можно объяснить длительными и интенсивными контактами между предками этих народов. Как показывают археологические материалы, наиболее длительные и интенсивные контакты между ними проходили на территории Волго-Уральского

региона. Это могло произойти до ухода мадьяр-венгров с уральской прародины и до начала великого переселения народов.

Проникновению аффиксов в чужие языки не приходится удивляться: вытеснившие ираноязычных алан с Урало-Поволжья тюркские племена заняли их территории для кочевок и в продолжение 1400—1500 лет оказали огромное влияние на языки своих северных соседей — финно-угорских народов, в первую очередь, южных удмуртов и марийцев: помимо более 2000 лексических заимствований, в периферийно-южных говорах южноудмуртского наречия употребляется ряд аффиксов тюркского происхождения: *-чи, -лык, -лы, -ла, -сыр, -сыз, -кай* и др.

Тюркский пласт. Первая волна тюркоязычных кочевников проникла в Европу в конце IV в.: в 375 г. гуннские, преимущественно тюркские, угорские орды кочевников с Южного Урала, Сибири и Казахстана, переходят через Волгу и обрушиваются на южные районы Восточной и Центральной Европы. Часть наступающих кочевников заняла лесные районы Волго-Уральского региона и вступила в контакты с местными финно-угорскими народами — удмуртами, марийцами, мордвой.

Профессор И. В. Тараканов в удмуртском языке выявляет 15 древнетюркских заимствований, отсутствующих в местных тюркских (чувашском, татарском, башкирском) языках, но наличных в уйгурском, чагатайском, киргизском, казахском, хакасском, якутском и других тюркских языках Сибири, Средней Азии. К ним относит такие слова: *аксым* «жадный»; *кобы* «ковш»; *копак* «целиком, полностью, все»; *кунян* «теленок»; *ӧтьыны* «пригласить, позвать, вызвать»; *ӧчешыны* «спорить, держать парн, заклад»; *ӧрак ~ ырак* «дуть, веять (о свежем воздухе, ветре»; *эке ~ эте* «мальчнк (ласковое обращение взрослых к маленьким детям — мальчикам)»; *чиданы* «терпеть, выдержать»; *байар* «богатый; богач; вельможа»; *чибык* «ястреб-тетеревятник»; *кӧчыны* «кочевать, переселяться, переходить»; *акшан* «сумерки»; *ӟарыт* «бледный» (Тараканов 1982: 20—21; 1982: 148—151).

С началом великого переселения в многоэтническом Волго-Уральском регионе произошли крупные перемещения, смешения всех племен и народов. В те неспокойные времена древнеудмуртские племена с берегов крупных рек — Камы, Белой, Волги — были оттеснены в таежные районы Камско-Вятско-Поволжского региона. Древние, удобные для жилья места их поселений были захваче-

ны многочисленными ордами пришлых кочевых, разноэтнических племен тюркского, остатками угорского (мадьярского), иранского (аланского, буртасского) происхождений. Как пишет А. П. Смирнов, взаимоотношения между местными и пришлыми племенами были далеко не мирными и спокойными: кочевники-скотоводы на данной ступени развития нуждались в рабской силе для обслуживания своего хозяйства. Это обстоятельство, как и обмен товарами в тех условиях, неизбежно носивший грабительский характер, порождало военные столкновения, о которых ясно говорит археологический материал (Смирнов 1951: 20).

В начале VIII в. на земли нижнекамской группы удмуртов с южнорусских степных районов переселяется большая группа кочевников из булгарского союза племен, как считает А. П. Смирнов, в составе аланских племен. Не случайно, в антропологическом материале вплоть до XII—XIV вв. прослеживаются явные сарматические черты (*Там же.* С. 22).

До половины X в. волжско-камские булгары подчинили себе значительную часть племен Восточной Европы, и в первую очередь, Среднее Поволжье. Только после падения в 964—965 гг. Хазарского каганата булгары смогли создать сильное для своего времени раннефеодальное государство.

Булгарское государство, возникшее в X в., было многоплеменным. Наряду с местными финно-угорскими объединениями людей, как пишет А. П. Смирнов, мы видим пришлую булгарскую орду из числа аланских народов, видим сильное влияние хазар, наконец, мы встречаемся с представителями многочисленных доклассовых родов, осевших в Поволжье. Здесь, как и южнее, была сильна славянская струя. Археологический материал дает право говорить, что в Булгарское царство вошли племена, генетически связанные с ананьинской и пьяноборской культурами — древние удмурты, коми, мари (*Там же.* С. 22—27).

На этом фоне нет удивительного в том, что булгарские (проточувашские) заимствования попали в удмуртский и, наоборот, древнеудмуртское влияние выявляется в чувашском (древнебулгарском) языке. Разные ученые — Ю. Вихманн, Й. Буденц, Б. Мункачи, Н. Ашмарин, Х. Паасонен, М. Р. Федотов, К. Редеи, А. Рона-Таш, И. В. Тараканов и другие — дают разные цифры по взаимопроникновению слов.

В данном вопросе я придерживаюсь мнения своего учителя проф. И. В. Тараканова, который в течение нескольких десятков

лет занимается проблемой тюркских заимствований в удмуртском языке и по этой теме защитил докторскую диссертацию. По его данным, в удмуртском языке около 200 булгарских заимствований. Фоиетический облик их близок к современным чувашским источникам и заметно отличается от древнетюркских (добулгарских) и поздних — татарских (кипчакских). Анализ тематических групп булгаризмов показывает, что в них преобладают слова, связанные с сельскохозяйственным производством, животноводством, ткачеством, обычаями, обрядами, мифологией, терминами родства и свойства, социальным и общественным положением; слова, обозначающие признаки предметов, действия. Что важно, в отличие от татаризмов, булгарские заимствования встречаются во всех удмуртских диалектах и говорах, подавляющее большинство их вошло в удмуртский литературный язык. Вот некоторые из них: *сукыри* «каравай (хлеба)», *бусы* «поле», *куро* «солома», *ана* «полоса земли», *кеч* «коза», *койык* «лось», *арлан* «хомяк», *чарлан* «чайка», *юбо* «столб», *тэркы* «тарелка», *кись* «бердо», *буртчин* «шелк», *ӟеп* «карман», *сурон* «выделанная кожа, хром», *сяська* «цветок», *улмо* «яблоко», *тушмон* «враг», *куно* «гость», *коштан* «щеголь, модник, зазнайка», *бускель* «сосед», *кен* «сноха», *кырси* «зять», *сьӧлык* «грех», *убир* «злой дух, вампир», *керемет* «место языческого моления, дух зла», *уксё* «деньги», *амал* «метод, способ, средство», *кал* (*бырыны*) «изнемочь», *курланы* «осуждать, порицать», *тумошо* «смешной, забавный», *чебер* «красивый», *чагыр* «голубой» и др. (Тараканов 1982: 153—156).

В 1241 г. Волжско-Камская Булгария была разгромлена монголо-татарскими ордами. Многие булгары погибли в боях, были уведены в плен, оставшаяся часть растворилась в среде завоевателей, переняла кипчакский язык, но в некоторой степени сберегла булгарскую культуру, религию ислам. Часть из них, жившая на правобережье Волги в лесных, таежных районах и пребывая, видимо, в язычестве, участвовала вместе с марийскими, удмуртскими родоплеменными группами в становлении современных чувашей. У чувашей сохранился язык булгарского типа.

Из булгарско-чувашской, иранской (аланской), древнеудмуртской среды вышли бесермяне — современная часть удмуртов со своим диалектом, культурой, менталитетом; не утратившие языческие верования и перешедшие в XVIII в. в христианство, сохранились до наших дней в составе удмуртов как особая этнодиалектная группа; перенявшие же ислам, полностью отатарилнсь. Так

было и на старой родине — в Нижнем Прикамье, так стало и на новой — в бассейне р. Чепцы.

Не только Волжско-Камская Булгария, но и сибирские, среднеазиатские, ближневосточные, кавказские, восточноевропейские народы, их княжества, государства попали под иго несокрушимой монголо-татарской орды, предводительствуемой Чингис-ханом и его сыновьями. На огромных просторах от реки Иртыш на востоке и до Дуная на западе образовалось государство типично варварского типа — Золотая Орда, управляемая чингизидами-монголами. Основная же масса прибывших с ними воинов, жителей государства были тюрки-кипчаки, и их язык вскоре здесь стал господствующим.

После разгрома в 90-х годах XIV в. Золотой Орды войсками Тамерлана (Тимура) на ее обломках с начала XV в. образовались Сибирское, Астраханское, Крымское, Казанское ханства, Ногайская орда. Южные и центральные группы удмуртов попали под власть Казанского ханства, стали его данниками, подвластным народом. В то же время казанские правители на даннических условиях дали возможность сохраниться Арскому — Удмуртскому — княжеству со столицей в Арче (Арске) во главе со своим правителем-князем — *эксэй*, которое возникло еще в добулгарскую эпоху. Конечно же, хан и духовные лидеры государства в руководящие ступени Арского княжества ставили татар или удмуртов, принявших ислам, которые беспрекословно подчинялись Казанскому престолу. Основная же масса удмуртов оставалась в язычестве, немало было и переходящих в мусульманство и отатаривающихся, особенно главы удмуртских общин и зажиточная часть жителей. После разгрома Волжско-Камской Булгарии многие из оставшихся в живых бежали в лесные просторы, к миролюбивым жителям Арской земли.

Нет на земле народов и языков, развивающихся совершенно изолированно. Все они имели и имеют контакты с соседними племенами, народами, каждый из них перенимает от соседей слова и выражения, отсутствующие в своем родном языке, в то же время «отдает» свое,— отсутствующее у соседей.

Другое дело, когда государственным языком в стране или регионе становится язык господствующего, более многочисленного народа. В этом случае очень часто даже исконная лексика родного языка начинает заменяться словами господствующего языка. Этот процесс мы можем ярко продемонстрировать на примере некоторых терминов родства, бытующих в речи жителей моей родной

деревни Старая Игра Граховского р-на, расположеннои на самой границе с Татарией, в окружении татарских деревень: древнеудм. *мумы* (*~ меми ~ мемей ~ мупый*) «мать, мама», *айы* (*айи*) «отец», *пересь муми* «бабушка (мать отца)», *пересь айи* «дедушка (отец отца), *вармуми* «теща (мать жены)», *вармай* «тесть (отец жены)» и другие в эпоху господства татарского языка, особенно во времена Казанского ханства, заменились татарско-кипчакскими заимствованиями: *анай ~ аныкай* «мать ~ маменька», *атай ~ атыкай* «отец, папа ~ папенька», *аби* «бабушка (мать матери)»; «теща», *бабай* «дедушка»; «тесть» и др. С началом мощного влияиия русского языка (особенно через СМИ — радио, телевидение, кино, газеты, журналы, интернет), в связи с миграционными процессами, с переходом на жительство в русскоязычные города, эти же слова-термины с конца ушедшего XX в. начали заменяться русскими заимствованиями: *мама*, *папа*, *деда*, *баба*. Подобное явление, к сожалению, господствует ныне во всех удмуртских регионах.

Многие татарские заимствованиия в речи тех же староигринцев, как и в других удмуртских регионах, стали архаизмами, ушли и уходят в пассивный запас или исчезли уже из живой речи, например: *аламанэстэ* «плохонький, скверненький (*о человеке*)»; *барыбыр* «и ие надо; все равно, безразлично: что есть, что нет»; *киракмаган* «капризный (*о человеке*)»; *тэктурмас* «непоседа, юла (*о человеке*)»; *ракатланын* «наслаждаться; получить наслаждение, усладу; блаженствовать»; *сари* «буланый, соловый (*масть лошади*)»; *кӧзлык* «очки»; *шыплар* «деверь» и миогие др.

Поколение людей, родившихся после Октябрьской революции, особенно после появления радио и телевидения, татарским языком не владеет: ие стало надобности, ибо ныне и татары в совершенстве владеют русским — государственным языком страны.

Татарских заимствований в удмуртском языке, действительно, огромное количество, они проникли во все сферы лексического состава, явное влияние этого языка на морфологию, синтаксис никем не может оспариваться.

Тем не менее влияние татарского (кипчакского) языка на удмуртский имеет, на мой взгляд, негативное последствие в том плане, что в одии говоры и диалекты, например, в буйско-танышские, татышлинский говоры, распространенные на территории Башкирии, татаризмов проникло более 2000: здесь все удмуртское население двуязычно — как и родным удмуртским, здесь почти все одинаково хорошо владеют татарским языком; население ряда де-

ревень Бураевского, Калтасинского, Илишевского районов на глазах отатаривается, поэтому трудно сосчитать, сколько в местных удмуртских говорах — две или пять тысяч? — тюркских (башкирских, татарских) заимствований.

Более 1000 лексем татарско-кипчакского происхождения бытует в языке арских (кукморско-мамадышских, шошминских), а также верхнеикских (бавлинских) удмуртов, живущих на территории Татарии. Более 500 татарских заимствований фиксируется в собственно южноудмуртском наречии, особенно в говорах удмуртов Граховского, Алнашского, Киясовского районов.

В то же время в срединных говорах татаризмов не более 250, а в северноудмуртском наречии и того меньше: в некоторых говорах, например, в косинском, ярско-глазовско-красногорском кусте их всего около 100 (если они к этому времени еще сохранились). Более того, северная группа сама оказала заметное влияние на язык причепецких (каринско-юкаменско-балезинских) татар.

Такое абсолютно неравномерное влияние этого языка на разные говоры, диалекты, наречия удмуртского языка помешало единению удмуртского народа, созданию единого языка. Да, формально мы считаем, что у нас единый литературный язык, но... Удмурты-ватка Ярского, Глазовского, Юкаменского, Красногорского и других районов, как сами признают, современный газетно-журнальный литературный язык не очень-то понимают, поэтому эти издания здесь реже выписывают и читают.

В свое время на формирование удмуртского литературного языка сильное влияние оказали писатели, журналисты, ученые, в большинстве своем выходцы из южных диалектных зон, они-то и по поводу и без повода внесли «родные» тюркизмы.

Наличие неравномерного распространения татаризмов в удмуртских диалектах создает большие проблемы и на бытовом уровне, например, если слободская или ярская удмуртка встретятся со своими сверстницами из Татышлинского или Бавлинского районов, то на родном языке едва ли смогут общаться: у татышлинской или бавлинской удмуртки на языке крутится-вертится тысяча татаризмов, а у слободской или ярской — тысяча русизмов. Финская девушка, почти в совершенстве владеющая удмуртским литературным языком, побывав в 2006 г. в Татышлинском районе Башкортостана, сказала, что она совсем не поняла их речи. Уроженка с. Бураново Малопургинского района съездила в гости в д. Лельвиж Кукморского р-на Татарстана и, как потом она мне доказы-

вала, в той деревне по-удмуртски не говорят — ни разговор, ни песни ей не были понятны, лишь со своей сватьей, учительницей удмуртского языка, смогла общаться на доступном родном языке. Таких примеров немало.

Тем не менее изучающий со школьной скамьи современный удмуртский литературный язык, его историю, диалектные особенности разных этнолингвистических групп умеет прекрасно общаться со своим сородичами.

Русский пласт. Как повествуют русские летописи, в 1489 г. Вятская земля и живущие на ней народы были присоединены к Московскому княжеству с помощью 64-тысячного войска Ивана III под командованием опытных полководцев. В результате этого похода княжеские воеводы «...самех Вятчан к целованию приведоша, а Арян (т. е. удмуртов.— *М. А.*) к роте (т. е. к клятве верности, к присяге на подданство.— *М. А.*) приведоша» (см.: Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1905. Вып. I. С. 11).

В 1552 г. начался поход 150-тысячного войска Ивана Грозного на Казанское ханство. После захвата Арской крепости и Казани, подавления многократных восстаний, особенно на Арской (удмуртской) и Черемисской (марийской) стороне, в 1557 г. и южная группа удмуртов была присоединена к набирающему силу и мощь Московскому государству.

Первые русские поселения на территории Удмуртии появились предположительно в самом конце XVI в. в прикамской части, в районе современных Сарапула — Камбарки — Каракулино — Воткинска, оттеснив при этом «чудь» (удмуртов) и башкирские родоплеменные группы. Судя по Ландратской переписи 1710, 1716 годов, в те времена русских селений на основной территории проживания удмуртов было еще очень мало, имелись небольшие починки, отдельные деревни и смешанные поселения в бассейне р. Камы (см. Гришкина 1976). Удмурты еще оставались язычниками, по этой причине мало что объединяло эти два народа: покоренного и покорителя. Была естественная отчужденность. В этих условиях едва ли можно говорить о массовости русских заимствований, особенно в среде носителей южноудмуртского наречия, охватывающего Волго-Вятско-Камско-Бельский бассейн.

Тем не менее с усилением русской колонизации края, с постройкой железоделательных, медеплавильных заводов на территории Удмуртии, с принятием христианской веры основной частью уд-

муртского народа к середине XVIII в. влияние русского языка все более усиливается. Следует сказать, что древнерусские заимствования, какие имеются в прибалтийско-финских, мордовских, коми языках, в удмуртском фактически отсутствуют, особенно в говорах южноудмуртского наречия, хотя некоторые из ученых пытаются навязать обратное на основе малоубедительных этимологий.

Как правило, во главе иноязычных проникновений «бежит» самая легкоосваивающаяся, легкопроникающая часть языка — ономастики — *антропонимы* (личные имена людей). Выше мы уже рассмотрели важный исторический документ, имеющий признаки первого памятника удмуртской письменности, в котором фигурируют имена и фамилии 17 семейств удмуртов Сырьянской волости Слободского уезда, пожелавших по своей доброй воле принять христианскую веру,— «Жалованная грамота того же князя удмуртам Сырьянской волости, Слободского уезда от 25 февраля 1557 года о предоставлении им за принятие христианства трехлетней льготы...» (см. Документы по истории Удмуртии XV—XVII вв. Ижевск, 1958: 353). Наряду с именами общепермского, собственно удмуртского, тюркского (включая арабско-персидского), иранского происхождения, присутствуют имена и «фамилии» русской (собственно русской, греческой, древнееврейской) принадлежности:

Ожмек **Чернай**: старорус. *черный* 1) название крестьянского сословия: тягловый, податный, из простонародья, черни; 2) название цвета: черный, смуглый, темный; 3) нечистый — язычник. Сейчас трудно связать с каким-либо словом из этой группы, но это явно прозвище, данное русским царем, т. к. фамильный аффикс *-ов ~ -ев ~ -ин* здесь отсутствует;

Весицат **Петров** < рус. Петр < греч. (*-ов* — аффикс);

Муй **Ортемов** < рус. Артем < Артемий < греч. (*-ов* — аффикс);

Дадук **Сенькин** и его брат Радук **Сенькин** < рус. просторечн. Сенька < Семен < Симеон < др. евр. (*-ин* — аффикс);

Имасый **Горчанов** < рус. *горчанка ~ горчай* — растение: «стародубка; сокольница; зверобой крестовый; морские колокольчики» и др. (*-ов* — аффикс);

Зубарь Дуин < рус. *зубарь* «человек-зубрила, кто зубрит, долбит урок наизусть» (Даль);

Васюк Шихалев < рус. просторечн. Васюк, Васютка < Василий < греч.;

Ворона Чужигов < рус. *ворона*; в русском именнике даже в XV—XVI вв. все еще встречались языческие имена, такие, как *Гагара,*

Галка, Дрозд, Барсук, Семихвост, Худоба, Найдён, Неждан и др. (см. Бондалетов 1983: 83—113).

В какие годы, в какую эпоху русские имена начали проникать к удмуртам, пока трудно сказать, т. к. более ранних письменных документов с удмуртскими именами и отымениыми фамилиями, чем этот, составленный в 1557 году, нам неизвестен.

Что касается нарицательной лексики, то они, по известным нам данным, впервые зафиксированы великим для удмуртоведения человеком, немецким ученым-путешественником Д. Г. Мессершмидтом в 1726 г. в среде северных удмуртов-ватка. Вот некоторые извлечения из его дневника: *яр* «крутой, обрывистый берег» < тюрк.; в данном случае трудно сказать: от русских или татар данная лексема попала к удмуртам; *коčыш* < рус. диал. *котяш, кочаш* «кошка». В слове *нылка* «девочка, девушка» последний слог, скорее всего, является аффиксом, заимствованным из русского языка, ср. *девка, девочка, мамка, бабка, папка* и др.; мне удалось услышать в среде северных удмуртов слово *бигерка*, где *бигер* «татарин» + *-ка* — аффикс: «татарка». Как видим, русских слов было немного. Ныне значительная часть исконно удмуртских единиц языка, приведенная в дневнике немецкого ученого, заменена русскими заимствованиями.

В первой грамматике удмуртского языка — «*Сочиненія, принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка*» (С.-Петербургъ: Императорская Академія наукъ, 1775. — 113 с.) — приводится обширный словарь удмуртских слов по частям речи. Сюда попали слова русского происхождения и слова, пришедшие через русский язык: *грамá* «грамота»; *платысько ~ крестить карысько* «крещу»; *винаматъ карысько* «виню»; *тамга ~ пучинá* «пошлина»; *толмацясько* «толмачу, толкую»; *ораськысько* «ругаю, браню»; *подрядъ-карысько* «подражаю»; *обеддыръ ~ сіськонъ дыръ*; *чангъ* (южн. диал. *ӵаŋ*) «чан»; *пычалъ* «ружье» (< рус. *пищаль* — старинная пушка или тяжелое ружье, заряжаемые со ствола — СРЯ III.— М., 1984: 129); *коцишъ* «кот, кошка»; *немыцъ курегъ* «индейка» (букв. «немецкая курица»); *немыцъ кежи ~ кыръ кежи* «бобы» (букв. «немецкий горох»); *яръ дуръ* «берег»; *венцясько* «венчаю»; *Роштову визь* «пост Рождественский». Грамматика и словарь, без сомнения, составлены под руководством митрополита Казанского и Свияжского Вениамина Пуцек-Григоровича с помощью учащихся-удмуртов. Диалектную основу словаря определить трудно, но превалируют слова собственно

южноудмуртского наречия с употреблением лексем, их фонетических вариантов других наречий и говоров удмуртского языка. Он очень близок к словарю современного удмуртского языка, но в то же время он намного чище его, изобилующего чужеродными заимствованиями. В этом также проявился ум, талант, любовь к описываемому языку главы одной из самой сильной и сложной — многонациональной, многоконфессиональной (христиане, мусульмане, язычники) кафедры — Казанской. Национальные проблемы ему были близки и понятны: митрополит Вениамин (Пуцек-Григорович) по отцу был украинцем, по матери — поляком (как и защитник, заступник удмуртов В. Г Короленко). Он всю свою жизнь отдал крещению и просвещению языческих народов Волго-Камья светом Христовой веры: удмуртов, марийцев, чувашей, татар, мордвы.

Если татары-мусульмане стремились к исламизации и татаризации языческих древнейших народов Волго-Камья, русские правители добивались христианизации коренных народов данного региона. Для этой цели были предприняты радикальные меры по просвещению инородцев без ущемления их права на сохранение родного языка. Так было при высокообразованных правителях, как императрица Екатерина II, как митрополит Вениамин Пуцек-Григорович. При них составлялись национальные словари, писались грамматики разных языков; начались переводы книг Священного Писания, богослужебной и духовной литературы. Таким путем бывшие язычники, сохраняя родной язык, приближались к мировым достижениям, развивали свою национальную культуру и систему звуковых, словарных и грамматических средств, что, как известно, является орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе.

В начальный период освоения русских слов (скорее всего, начиная с XV—XVI вв.) антропонимы, топонимы «удмуртизировались» — подвергались фонетической, морфологической, семантической адаптации. Несколько примеров по собственным именам: город Москва > удм. *Муско*, Хлынов > *Кылно*, Пермь > *Перма*; Набережные Челны > *Тупал Чалды*, река Волга > *Вулго*; личное имя Алексей > удм. *Олексей, Очей, Очи, Очан, Оле, Олёк, Олёш, Эчей*; Анна > *Аннок, Аннй, Аннйк, Аннйка, Аннука, Аннуш, Аннькай*; Михаил > *Микаль, Микаля, Микайло, Мики, Миши, Мишук, Миша*; Евдокия > *Одоть, Одотья, Одок, Оди, Отя, Отёк, Очок* и др.

Обратимся к примерам адаптации русских или ииоязычных слов, пришедших через русский язык к носителям разных говоров и наречий удмуртского языка (привожу даю по говору родной, южноудмуртской деревни Старая Игра), бытующим еще в 50—60-е годы XX в. в речи старшего поколения, особенно женщин, не владеющих русским языком: *черык* < рус. церковь (по Св. Писанию, *церковь* — это община, организация верующих, основанная на общности христианского вероучения, но не здание, и не храм, хотя именно в таком значении используют русское заимствование удмурты); *киньга, кинига* < книга; *пуп* < поп, священник; *аркерей* < *архиерей* (< греч.); *Петрол* < Петров день; *Пукрол* < Покров; *жэребе* < жребий; *гырнадёр* < гренадер; *салдат* < солдат, воин; *катырга* («очень тяжелый труд») < каторга; *чыжопка* < чижевка (арестантская комната); *чаӈ* < чан; *гёршок* < горшок; *коротник* (длинный сарай с хлевом (конюшней) и сеновалом, где хранились сани, телеги и прочий инвентарь) < рус. каретник — сарай (лабаз) для хранения карет и других экипажей (устар., истор.); *чосоӈка* < чесанки; *першал* (врач) < фершел — помощник лекаря; врач, фельдшер; *пудо першал* — ветеринарный врач, фельдшер; *сапэг* < сапоги; *гиремка* < гривенка (вес; фунт); *кампет* < конфета; *сакыр* < сахар; *гир* < гиря; *ӵот* < счеты и др.

Молодое поколение до 40—45 лет российские интернациональные слова усваивает без особых искажений. Как и во всей удмуртской ойкумене, влияние русского языка на их речь огромное. Если я и мои сверстники до школы (в 1-й класс я пошел в 1953 г.) совершенно не знали русского языка, более или менее осваивали его к 7—8-му классу, то современные мальчики и девочки через детские сады, различные СМИ постигают его в раннем возрасте. К сожалению, многие детсады Удмуртии игнорируют удмуртский язык: в подавляющем большинстве случаев, особенно в северных и центральных районах республики, в 1-й класс удмуртские детн идут уже не зная родного языка, а в школе удмуртскому языку уделена роль пасынка — уроки ставят в конце всех предметов и изучают его как никому ненужный «иностранный» язык, отличников переводят в русскне классы, гимназии. Таким образом с конца 90-х годов XX в. недопониманнем, пренебрежением взрослых гибнет один из древних, богатых, красивых финно-угорских языков. Напомню истину: вместе с языком с лица Земли, как правило, исчезает и сам носитель этого языка...

2. 2. Удмуртские заимствования в других языках

Удмуртский язык, конечно же, не латынь, не древнегреческий и не английский, чтобы проникнуть во все языки мира и оставить там свои следы. Он, как и большинство других, особенно с молодой письменной культурой (первая грамматика удмуртского языка написана в 1775 г.), зачастую сам заимствует через русский язык достижения, опыт международных языков.

Тем не менее и языки малочисленных народов оказывают определенное влияние на языковую культуру народов мира, в первую очередь, через названия крупных рек, гор, городов, озер и прочих географических объектов, названия народов и племен, государственных или племенных образований, а также через этнографизмы, эпосы, религию и т. д.

Что касается удмуртского языка, до недавнего времени писали только о многочисленных иноязычных проникновениях в него. А сам удмуртский не оказывал ли воздействия на другие языки? На это никто не обращал внимания. Оказалось, что и наш участвовал в обогащении языковой культуры других народов. Но решение этой проблемы пока находится в зачаточном состоянии.

Три собственных названия удмуртского происхождения известны ученому миру, особенно географам всего мира, составителям карт и каждому учащемуся российской школы. Во-первых, это сам этноним *удмурт* и образованное от него название республики; во-вторых, названия таких крупных рек, как Кама и Вятка: в основе названия реки лежит удмуртский гидротермин *кам* «большая, великая река; разлив; море»; в основе названия реки Вятки лежит племенное название удмуртов *ватка*.

Многие названия населенных пунктов, рек Волго-Камского региона, восходящие к удмуртскому источнику, освоены русским населением. Во всей России и даже за ее пределами известно коми-удмуртское национальное блюдо — *пельнянь* (южноудм. *пельмен*): многочисленные «Пельменные» бытуют в российских городах; вятские русские пекли *табани* — род толстых блинов < удм. *табань* «блин». В самой Удмуртии популярны, любимы *перепечи*. За пределами республики известны названия ансамблей «*Италмас*», «*Айкай*». В свое время в России популярны были мотоциклы, легковые машины, охотничьи ружья с маркой «*Иж*», они вывозились и в другие страны мира.

* * *

Самые древние и длительные контакты предков удмуртов были с индоиранскими племенами, особенно со скифо-сармато-аланской группой — прародителями современных осетин, о чем мы уже писали выше. В. И. Лыткин находит ряд пермских заимствований в осетинском языке, например: удм. *азвесь* «серебро»: *аз* + *весь* — вторая часть этого сложного слова в финно-угорских языках означала название металла, ср. фин. *vaski* «медь», венг. *vas* «железо»; сюда же относится удм. *узвесь* «олово» (*уз* + *весь*) > осетин. *ævist* «серебро». Авторы КЭСК венг. *ezüst* «серебро» также считают пермским заимствованием в венгерском языке (КЭСК 1970: 69; 331—332).

В. И. Лыткин к пермским заимствованиям в осетинском языке относит: удм. *пушнер* > осет. *песура* / *пурса* «крапива» — в те времена крапивное волокно шло на изготовление ткани и веревок (Лыткин 1975: 84—97); удм. *кыз* / коми *коз* «ель» > остии. *к'озæ* — побег хвойного дерева, молодой сосняк, ельник, опушка соснового леса; удм. *калым* «залив»; *коло* — архаичный гидротермин, сохранившийся в топонимии / коми *-кöла*: *тыкöла* «небольшое озеро» > осетин. *колæ* «озеро».

В. И. Абаев осетинское *æрху* «медь» считает угро-финским заимствованием < удм. *ыргон* «медь» / к. *ыргöн* «тж» // мар. *вӱргене* «медь» (Абаев 1949: 83).

Авторы КЭСК, наоборот, под знаком вопроса считают ее иранским заимствованием: согд. *и vrani-* «медь» (КЭСК 1970: 329).

В. И. Абаев считает скифское *канпиш* двусоставным словом: иран. *кан* «конопля» + ф. -у. *пыш* «конопля», см. удм. *пыш* «конопля» / к. *пыш* «конопля», «пенька» (Абаев 1958; 1965; КЭСК 1970: 238).

* * *

При решении этногенетических вопросов нельзя не учитывать данные по пермско-венгерским связям. Венгерские ученые считают, что древнемадьярские племена на уральской прародине имели контакты с родственными по языку прапермянами, которые населяли лесные районы Волго-Уральского региона. Исторически эти связи могли осуществляться лишь до V в. н. э., так в V—IX вв. венгры-кочевники находились уже в районе Северного Кавказа и Северного Причерноморья (История Венгрии 1971: 89—90; Основы... 1976: 99; 344—347).

Взаимодействие удмуртского языка с обско-угорскими и самодийскими языками рассмотрено лишь на примерах названий географических объектов Удмуртии. Но есть одно нарицательное слово *варсэм ~ уарсэм* «чащоба, чаща; урема», встречающееся в северноудмуртском наречии, отсутствующее в других диалектах и говорах, а также в коми языке, но имеющее прямую параллель в казымском диалекте хантыйского языка: *уарсэӈ* «кустарник; урема».

* * *

Дав значительное количество слов и языковых форм своим соседям, тюркоязычные народы — булгары (проточуваши), татары, башкиры,— как пишет И. В. Тараканов, сами испытывали определенное влияние со стороны языков контактирующих аборигенов. По этой проблеме имеются интересные наблюдения Ю. Вихманна, Г. Рясянена, К. Редеи, А. Рона-Таш, Г. Берецки, В. И. Лыткина, И. В. Тараканова, В. Г Егорова, С. Ф. Миржановой, Н. Х. Ишбулатова, Н. Х. Максютовой, Н. Б. Бургановой, Р. Ш. Насибуллина, И. С. Насипова и др. В своем исследовании я опираюсь на работы И. В. Тараканова. В данном случае беру лишь малую часть из его примеров, которые автор составил, основываясь на труды венгерских, финских и российских ученых.

Булгарами были заимствованы у пермян многие лексемы. Конечно, булгарских письменных источников, кроме некоторых эпитафий, не сохранилось, о них мы судим по чувашскому материалу, поэтому реально было бы их **назвать булгарско-чувашскими заимствованнями**: удм. *бӧрнё* «ковш (ящик) на мельнице, в который насыпается зерно» > булг. -чув. *перне* «тж»; удм., коми *кар* «город; городище» > чув. *кар* Шупашкар «Чебоксары»; кар уст. «селение; крепость»; удм. *эн* «не» (частица) > булг. -чув. *ан* «тж»; удм. *вудор, удор* «выдра» > булг.-чув. *вытыр* «тж»; удм., коми *кушман* «редька» > булг.-чув. *кӑшман* «тж»; удм. *напра* «гуща, жидкая масса» > булг.-чув. *лапра* «тж»; удм., коми *лыс* «хвоя» > булг.-чув. *лӑс* «тж»; удм. *немыри* «картофельное пюре; кашица» > булг.-чув. *нимӗр* «кисель, жидкая каша, размазня»; удм. *пукон* «стул» > булг.-чув. *пукан* «чурбан, обрубок дерева; стул, табуретка»; удм. *си* «слой, пласт» > булг.-чув. *си, сий* «тж»; удм. *сюрло* «серп» > булг.-чув. *ҫурла* «тж»; удм. *туй* «латунь, желтая медь» > булг.-чув. *туй* «бронза, латунь» и др.

* * *

Как пишет И. С. Насипов, на наличие удмуртского влияния в говорах татарского языка одним из первых обратил внимание Джемаль Валиди, побывавший в начале XX в. в татарских селениях Карино Слободского и Кестым, Гордино (удм. Гуръякар, тат. Горьекала) Глазовского уездов. В 1930 г. собранный, проанализированный материал был опубликован в журнале «Tatarstan». К удмуртскому пласту им отнесены бытующие в речи причепецких (каринско-балезинских) татар следующие слова: *кушман* «редька» < удм. *кушман* «тж»; *бира* < удм. *вера* «вымя»; *киськик* < удм. *кусьӟкук* «комар»; *гана* < удм. *кана* «шкаф; нары»; *пи* «народ; человек (но не женского пола)» < удм. *пи* «сын; мальчик; потомок»; *пиос* — «патронимия, родственники по отцовской линии»; *мажис* < удм. *мажес* «грабли»; *бугур* < удм. *бугор* «клубок ниток»; *папа* «птица»; *сирик* «угол» < удм. *сэрег* «тж»; *сиктан* «кочедык» < удм. *сиктан* «тж»; *кузьылы* «муравей» < удм. *кузьыли* «тж» и др. (Насипов 2010: 9—15).

В 60—80-е годы XX в. сбором диалектологического материала среди причепецких (нухратских) татар плодотворно трудились Н. Б. Бурганова, Ф. С. Баязитова, Ф. Ю. Юсупов и др. Они выявили в том древнем, подвергшемся сильному удмуртскому влиянию (не только в области лингвистики, но и этнографии), татарском диалекте, дополнительно к приведенному выше списку, такие слова удмуртского происхождения: *кургит* «курятник» < удм. *коргид* «тж»; *шелеп* «стружка, щепка» < удм. *шелеп* «тж»; *шура* «индюк» < удм. диал. *шура* «тж»; *йумал* «пресный, недосоленый» < удм. *юмал* «пресный»; *лёго* «репейник» < *люгы* «тж»; *пут* «лебеда» < удм. *пот* «тж»; *буры* «клубника» < удм. *боры* «тж»; *гзби* «грибы» < удм. *губи* «тж»; *кошо* «сорока» < удм. *коӵо* «тж»; *акашка* «праздник перед весенним севом» < удм. *акашка* (южн.), *акаяшка* (сев.) «тж» и др. (Баязитова, Бурганова 1986: 91—108).

Н. Б. Бурганова, активно исследовавшая вопросы удмуртско-татарских взаимосвязей, отмечает, что в результате продолжительной совместной жизни с удмуртским народом каринские и глазовские татары заимствовали значительное число удмуртских слов, особенно связанных с предметами домашнего обихода, сельскохозяйственных орудий, птиц, явлений природы, праздников и др. (Бурганова 1962: 19—56).

Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хайрутдинова, О. Н. Бятива, Р. Г Ахметьянов, которые исследуют термины родства, зоонимическую лексику, названия пищи, лексику, связанную с рыболовством, терминологию духовной и материальной культур в татарском языке, также выявили немало удмуртских заимствований. И. В. Тараканов составил список из 42 чисто удмуртских слов, заимствованных татарским языком (Тараканов 1982: 165—166).

Следует отметить, что удмуртский язык отразился и в топонимии Татарии: около ста (может и больше) татарских населенных пунктов, реки, родники и другие географические объекты носят удмуртские названия. В большинстве случаев в тех населенных пунктах ныне живут отатарившиеся удмурты. Особенно их много в Заказанье, на бывшей Арской земле. Немало топонимов удмуртского происхождения выявляется в прикамских районах Татарии и на крайне юго-восточной части республики — Бавлинском районе, где в 10 селениях с конца XVII в. живут удмурты.

* * *

На территории центральной и северо-западной части Башкирии до начала великого переселения народов и до прибытия сюда родоплеменных групп, участвовавших в формировании башкирского народа, жили древнеудмуртские родовые (воршудные) группы племенного объединения *калмез*. Кстати, оставшаяся их часть участвовала в создании северо-западной группы башкир: *калмаш* — одно из родоплеменных объединений башкир, связанное с удмуртским *калмез*.

На общую лексику башкирского и финно-угорского языков одной из первых обратила внимание Н. Х. Максютова. Ее исследование основано на материале айского говора башкирского языка. С. Ф. Миржанова, исследующая башкирско-финно-угорские связи, отмечает, что заимствованный пласт лексики в башкирском языке проявляется в топонимической, лесной, охотничьей, рыболовной и бытовой лексике.

Обобщив работы башкирских ученых, И. В. Тараканов извлек из их работ 31 удмуртскую лексему, проникшую в разные диалекты и говоры башкирского языка, например: удм. *гурезь* «гора» > башк. *кыраз* «гребень горы»; *кур* «клубок» > башк. *курыз* «тж»; *кыз* «ель» > *кәзе* «разновидность ели» (диал.); *лыс* «хвоя» > башк. *ылыс* «тж»; *улыг* «низина, низменность» > башк. *уйһылулы* «тж»; *шумес* «квашня» > башк. *сумес* «ковшик» и др. (Тараканов 1982: 167—168).

1

2

4

5

Южные удмурты (д. Вуж Эгра — Старая Игра Граховского р-на):
1, 2, 3 — жилые дома крестьян, построенные в начале XXI в.;
4, 5 — внутренний вид кладбищенской церкви-часовни, построенной в 1994 г.

3

1

2

Ткачество южных удмуртов:
1 — покрывало на постельные принадлежности (*валес шобрет*);
2 — фрагмент настенного покрывала (*борд шобрет*);
3 — скатерть (*жӧккышет*);
4 — фрагмент покрывала (*шобрет*)

3

4

1

1 — покрой женской рубахи бесермян, южной (верхнеикской) и центральной (калмезы) групп удмуртов;
2 — покрой женской рубахи северной, нижнечепецкой удмуртки-ватка;
3 — южная (арская) удмуртка: рисунок XVIII в.

3

2

1

2

3

Собственно южноудмуртский костюм:
1, 2 — замужняя женщина в зипуне (*дукес*);
3 — замужняя женщина в *айшоне*;
4 — замужняя женщина в повседневной одежде;
5 — нагрудное украшение *чыртывесь* (*чыртыкыш*);
6 — женщины у колодца (*д. Бодья-Пуро* — Сундуково Малопургинского р-на)

5

6

4

1

2

Собственно южноудмуртский костюм:
1 — девушки — участницы свадьбы;
2 — *сюлык* — покрывало на головной убор *айшон*;
3 — варежки (*пӧзьӟӧс*);
4 — одевание невесты — обрядовая сцена Удмуртского государственного театра фольклорной песни «Айкай»

3

4

1

2

3

4

8

5

6

7

Южные удмурты (верхнеикская группа):
1, 2 — девичий свадебный наряд;
3, 4 — костюм замужней женщины;
5 — девичья налобная повязка (*укотуг*);
6 — налобная повязка замужней женщины (*йыркерттэт*);
7 — сюлык — покрывало на головной убор *айшон*;
8 — детали ткацкого стана

1

2

3

6

Южные удмурты (завятская — арская группа):
1, 2 — костюм замужней женщины;
3 — молодой мужчина;
4 — нагрудное украшение (*чыртыгыш*);
5 — праздничные валенки;
6 — женский пояс *зар* (фрагмент);
7 — *сюлык* — покрывало на головной убор *ашъян*;
8 — пожилой мужчина в повседневной одежде

8

5

4

7

1

2

5

4

3

8

Южные удмурты (закамская группа):
1, 2 — женщина в праздничном наряде;
3 — мужчина-жрец в ритуальной одежде;
4 — браслет (*поскес*);
5 — накосник (*йырсикузя*);
6 — женская шапочка (*манлай*);
7 — нагрудное украшение *йака*;
8 — варежки жреца (*вӧсясь*) — *пӧзьёс*

6

7

1

2

3

Бесермянский женский костюмный комплекс:
1, 2, 3 — бесермянка в праздничном наряде;
4 — девичий головной убор *такъя*;
5 — головной убор *кашу*;
6 — нагрудная вышивка (на *муресазе*);
7 — женщина в головном уборе *кашу*

5 4

6

7

1

2

3

4

5

Северные удмурты (нижнечепецкая — косинская группа):
1 — свадебный костюм невесты;
2 — рабочая одежда;
3, 4 — праздничная одежда;
5 — серьги (*пель уры*);
6 — заготовки для рукавов женской рубахи;
7 — праздничный нагрудник *кабачи*;
8 — девичий наряд

6

7

8

1

2

3

4

5

6

7

8

Национальная одежда северных — нижнечепецких (косинских) удмуртов-ватка конца XIX — начала XX в. Названия носителей костюмов даны самим художником-самоучкой *Я. Васильевым* (д. Слудка — удм. Гордьяр — Зуевского р-на Кировской области, рисовал в 1918—1919 гг.):
1. Щеголиха — *Чеберъ-ветлысь*.
2. Моя мать — *Мынам мумы*.
3. Сам богач — *Ачис узыр*.
4. Сват — *Курась*. 5. Сваха — *Курась кышно*. 6. Невеста — *Бызёно ныл*.
7. Молодуха — *Выль кышно*. 8. Щеголь — *Чебер адями*. 9. Старая дева — *Кызаресь ныл*. 10. Хозяйка — *Адями гурт* (будничная одежда)

9

10

1

2

4

3

Северные удмурты (верхнечепецкая группа):
1 — старинный наряд верхне-среднечепецких удмуртов (*художник Л. А. Молчанова*);
2 — праздничная одежда;
3 — налобная повязка (*йыркерттэт*);
4, 5, 6 — утварь, посуда из прутьев, кореньев, бересты

5

6

1

2

3

Северные удмурты (нижнечепецкая — слободская группа):
1 — мать и сын в праздничной одежде;
2 — молодой человек в праздничной одежде;
3 — женщина в праздничной одежде;
4 — фрагмент вышивки на рукаве женской рубахи;
5 — свадебный нагрудник (*кабачи*) с орнаментом «луны» (*толэзь пужы*);
6 — женщины в праздничной одежде

4

5

6

Центральная группа — шарканско-якшур-бодьинские удмурты:
1, 2, 3, 4 — женщины в праздничных нарядах;
5 — головное полотенце (*кучкышет*);
6 — женщины на лоне природы (Шарканский р-н);
7 — *пытъет* (приспособление для ношения на спине детей, груза)

6

7

Центральная группа удмуртов — калмезы:
1, 2 — летняя праздничная одежда (*художник Л. А. Молчанова*);
3, 4 — рабочая одежда;
5 — девичий головной убор *такъя*;
6 — фрагмент древнего вида праздничной рубахи (*дэрем*);
7 — деталь ткацкого стана;
8 — плетеная корзина

Костюмные комплексы древних удмуртов, восстановленные по археологическим материалам (*художник-реставратор Л. А. Молчанова*).
1. Костюмы ананьинской эпохи (VIII—III вв. до н. э.).
2. Костюмы худяковско-азелинского времени (III в. до н. э. — V в. н. э.).
3—5. Костюмы поломского времени (V—IX вв. н. э.).
6. Костюм еманаевского времени (V—IX вв. н. э.).
7. Костюм поломского времени (V—IX вв. н. э.).
8. Костюмы поломско-чепецкого времени (VII—XII вв. н. э.)

И. С. Насипов верно замечает, что удмуртские заимствования в татарском языке все еще требуют более детального рассмотрения. В не меньшей степени это касается, по моему мнению, детального анализа удмуртско-башкирских связей на всех уровнях лингвистики, а также этнографии, археологии, антропологии.

Весь объем заимствованных слов из финно-угорских языков в кипчакских языках Урало-Поволжья, собранных И. С. Насиповым из различных источников, не превышает 300 слов. Исследование выявленных лексических единиц дает возможность проследить их территориальное распространение, степень употребления в литературном языке и говорах, семантическое наполнение слова в историческом развитии и на современном этапе. «Они выступают как показатели важнейших социально-исторических процессов, происходивших в ходе формирования народа» (Насипов. С. 7).

* * *

Удмуртские заимствования в марийском языке впервые привлекли внимание венгерского ученого Г. Берецки, известного специалиста по марийскому и пермским языкам.

Марийцы — после коми самый близкий к удмуртам финно-угорский народ, особенно по духовной и материальной культуре. Испокон веков, бок о бок тысячелетиями жили наши предки и до сих пор южные группы удмуртов живут в соседстве с ними. У удмуртов есть пословица: «*Порен удмуртэн одйг пужым выжыысь потэм калык*» («Мариец с удмуртом — народы, выросшие от корней одной сосны»). В марийском эпосе фигурируют два богатыря, связанные с удмуртами, *Одо* и *Кӱлмез патыр* (удм. Калмез батыр).

В жизни близких людей, тем более народов, не все происходит гладко: с приходом булгар и русских в Волго-Окско-Ветлужский регион марийцы были вытеснены со своей пратерритории в бассейн Вятки, где с древнейших времен жили удмуртские племена. Начались столкновения, неурядицы из-за мест проживания между родственными народами. Марийцы, кажется, вышли победителями, но зато получили неприязнь со стороны побежденного народа: до 60—70-х годов XX в. граховские удмурты не женились на марийках и замуж не выходили за марийцев.

Но в тяжелые житейские моменты оба народа находили общий язык, плечом к плечу вставали друг за друга. Вместе они защи-

щали Арскую и Казанскую крепости, вместе подняли восстание в 1552—1557 гг., защищая свою свободу и независимость. На новой уральской родине вместе с башкирами, ханты, манси, ногайцами поднимали восстания, защищая свою свободу от притязаний царского правительства; вместе с русскими и другими народами России участвовали в I и II мировых войнах. Постепенно старые исторические раны начинали заживать, обиды забывались.

Габор Борецки находит в марийском языке 27 слов, восходящих к общепермскому, и 28 слов — к праудмуртскому языку. Вот некоторые удмуртские заимствования в марийском языке: *сэдык* «чибис» > мар. *куседык*, *седык* «тж»; *лыстэм*: *л. пужым* «лиственница» > мар. *лыстан пӱнчо* «тж»; *лыс* «хвоя» > мар. *луш*, *лӱсь* «тж»; *кадь*, диал. *каик* > мар. *гай*, диал. *кайэ* «тж»; *немыри* «пюре» > мар. *н'емыр*, *немер* «тж»; *пукон* «стул» > мар. *пӱкен*, *пӱкӧн* «тж»; *сиес кал* «гужи» > мар. *сӱс-кыл* «тж»; *жуг-жаг* «сор, мусор, сорняк» > *шӱкшӓк* «отбросы, хлам, рухлядь»; *ым* «рот» > мар. *ӱмӓ*, *умӓ* «ротик»; «поцелуй»; *ыль* «сырой» > мар. *ӱле* «тж» и др. (Bereczki 1977: 57—77; Тараканов 1982: 170—171).

В то же время в удмуртском языке выявляется 5 или 6 марийских лексем, но все они узкодиалектные, кроме *нарды* < мар. *нарде* «барсук».

Г Берецки также выявляет в марийском языке коми заимствования — 18 единиц. Часть из них находит параллели в удмуртском, как, например, удм. *яг* «сосновый бор», к. *яг* «тж», мар. *якте*, *дякте* «сосна».

* * *

Без сомнения, два близкородственных языка — удмуртский и коми, особенно коми-пермяцкий — после разделения оказали друг на друга определенное влияние, но из-за близости этих языков они трудноотделимы, пока не определены критерии для их различения. В первую очередь, это должно коснуться булгаризмов в коми языках. Как и археологи, я глубоко убежден, что к моменту прихода булгар в Волго-Камье в конце VII — начале VIII в. н. э. общепермская общность давно распалась, а булгаризмы-чувашизмы в коми языки могли попасть через удмуртское посредство и через торгово-обменные процессы древних коми с булгарами.

Таким образом, удмуртский язык не только заимствовал языковые материалы других народов, но и отдавал своим близким и далеким соседям свое языковое богатство. К сожалению, вто-

рая часть вопроса — удмуртские заимствования в других языках — пока находится под спудом и ждет тщательного исследования ведущих ученых-удмуртоведов, иранистов, тюркологов, русистов.

3. Диалектное членение удмуртского языка

Диалектология и ее материалы многоценны, широко используются при решении этногенетических вопросов каждого народа. Как и особо выделенные исконно национальный и заимствованный пласты всех разделов лингвистики, так и диалектологический материал помогают раскрыть место и время формирования единого национального языка, этнические связи, контакты с другими этносами разных языковых семей.

Среди многочисленных народов и племен мира есть ли такие, которые не имеют диалектных различий в родном языке? Мне такие этносы не известны. И в моем родном языке диалектные различия весьма и весьма существенны. Трудно найти удмурта, выходца из сельской местности, который не сделал бы упрека-замечания своему соплеменнику, выходцу из другой диалектной зоны: «Милям тазьы уг шуо, милям тае тазьы шуо» («У нас так не говорят (или это у нас так называют), а у нас вот так говорят (или это у нас вот так называют»). По этому случаю удмуртский ученый, священнослужитель Г Е. Верещагин писал: «Здесь говорят так, а там иначе... Прежде и у русских в языке был беспорядок» (Верещагин 2002: 160). Он призывал к созданию единого литературного языка, понятного носителям всех удмуртских диалектов.

Интереснейший факт: южные удмурты своих сородичей, живущих к северу от г. Ижевска, только по произношению утвердительной частицы «*бен*» (сев.), называют их *бенпальёс,* сами же они говорят *бон* или *бо* (южн.), *ы-ы* или *о-о* (удмурты центральных районов) в значении «да»). В юмористической форме о диалектных словах рассказывается в предании «Кыз но сирпу» («Ель и вяз»): северный удмурт-ватка решил под старость лет увидеться и с другими удмуртами; прибыв же к удмурту-калмезу, разговорились, но из-за некоторых неизвестных ватке узкодиалектных калмезских слов, они оба попадали в неловкое положение. Но в конце концов они поняли причины тех анекдотических случаев и решили: «Друг с другом нам следует чаще встречаться, тогда и наш язык отшлифуется, и

мы без помех начнем друг друга понимать» (см.: Ватка но Калмез 1971: 98—101).

Еще в XVIII в. диалектные различия в говорах удмуртов заметили ученые-путешественники Г Ф. Миллер, П. С. Паллас и др. Относительно удмуртов, живущих по нижнему и верхнему течению р. Вятки, Г. Ф. Миллер по языку-диалекту тех удмуртов подразделил на «*верхних*» и «*нижних*» (Миллер 1791: 27—28). Такое интересное деление по языку и культуре среди северных причепецких удмуртов сохраняется до сих пор, но уже относительно жительства по реке Чепце: *улланьёс* «нижние» (удмурты Кировской обл.; иногда и ярских, глазовских кезские удмурты так называют), *вылланьёс* «верхние, верховые» (удмурты Кезского, Дебесского, Игринского, отчасти — Балезинского районов).

Начиная с первой половины XIX в. удмуртскую диалектную речь начинали определять по уездам и губерниям. Так, в заглавии первых книг, вышедших в 1847 г. на удмуртском языке, «Евангелия от Марка», «Евангелия от Матфея» указаны на «глазовском», «на сарапульском» наречиях.

С этого времени в продолжении всего XIX в., вплоть 20-х годов XX в., фигурируют названия уездов и губерний. Ф. Видеманн (Wiedemann 1858) выделил *казанский, глазовский, елабужский, мамадышский, сарапульский, оренбургский* диалекты, Б. Мункачи — *глазовский, сарапульский, мамадышский, елабужский, казанский, уфимский, слободской, самарский, пермский, бирско-уфимский* (Munkácsi 1887; 1896); Ю. Вихманн — *глазовский, мамадышский, елабужский, малмыжско-уржумский, уфимский, бесермянский* (Wichmann 1893; 1901), И. В. Яковлев — *елабужский, сарапульский, казанский, глазовский* (Яковлев 1924).

Подобное деление весьма условно, точнее — слабо отражало внутреннее содержание диалектной речи жителей тех уездов и губерний. Ближе к истине в этом вопросе подошел Т. К. Борисов: по его данным, удмуртский язык состоит из 4 наречий: *северного, срединного, южного* и *крайне южного*, внутри тех наречий выделяются еще говоры (Борисов 1932: VI—VII). Будучи государственным деятелем и ученым, он объездил всю Удмуртию, встречался с носителями разных удмуртских диалектов и наречий, в результате подготовил и издал замечательный словарь «Удмурт кыллюкам» («Толковый удмуртско-русский словарь», Ижевск, 1932 / 1991), куда вошло около 15 тыс. слов с указанием диалектов и наречий, их бытования. Подобного труда современные лингвис-

ты еще не выпустили, хотя в этом есть большая необходимость. Т. К. Борисов, великий сын удмуртского народа, наша боль (он погиб в сталинском концлагере в 1942 г.) и наша гордость. Будучи одним из организаторов создания автономии удмуртов и калмыков, успел потрудиться в области таких специфичных разделов науки, как диалектология, фольклористика, выпустил монографию «Калмыкия». Работая в Сыктывкаре (в облздравотделе), он занимался сбором лингвистического материала родственного коми народа. Т. К. Борисов составил диалектологическую карту удмуртских диалектов (Борисов 1935).

Начиная с конца 20-х годов XX в., особенно после создания научно-исследовательского и педагогического институтов в Ижевске, начинается систематический сбор языкового, фольклорного, этнографического материалов, которые, к сожалению, лежат до сего времени под спудом. В 1929 г. в Удмуртии работала лингвистическая экспедиция под руководством известного финно-угроведа Д. В. Бубриха.

С подготовкой национальных кадров по многим отраслям удмуртоведения, в первую очередь лингвистики, изучение удмуртских диалектов вступило в новую фазу: в 1955 г. Т. И. Тепляшиной была защищена первая кандидатская диссертация по удмуртской диалектологии — «Тыловайский диалект удмуртского языка» (М., 1955). Как считает В. К. Кельмаков, с этого времени и с этой работы наступил третий теоретический период в истории удмуртской диалектологии (Кельмаков 1998: 39).

Многие современные удмуртские языковеды в большую науку вошли через монографическое описание разных (чаще — родных) диалектов и говоров: И. В. Тараканов — с родного бавлинского (1958), В. К. Кельмаков — с родного кукморского (1969), С. К. Бушмакин — с родных средневосточных говоров (1970), Р. Ш. Насибуллин — с родных буйско-танышских говоров (1973), Б. Ш. Загуляева — с прикильмезскнх говоров (1980), Л. Л. Карпова — со среднечепецкого диалекта (1997), Н. М. Люкина — с особенностей языка балезинских и юкаменских бесермян (2008).

В 1970 г. вышел классический труд Т. И. Тепляшиной по удмуртской диалектологии — «Язык бесермян» (М., 1970).

С конца 60-х годов XX в. по сегодняшний день в решение проблем удмуртской диалектологии внесли свою лепту и другие ученые: Г. А. Архипов, В. М. Вахрушев, М. Г Атаманов, А. А. Ала-

шеева, Л. Е. Кириллова и др. Написано множество курсовых и дипломных работ по удмуртской диалектологии.

Тем не менее, по сравнению с другими финно-угорскими языками, изучение удмуртских диалектов до сего времени не завершено. Самое крупное собственно южноудмуртское наречие не описано, есть только статьи по кырыкмасским и граховским говорам, не определена даже граница ее распространения. Слабо изучены срединные — калмезские (увинский, малопургинский, вавожский, большеучинский, пычасский, завьяловский, кильмезский, унинский говоры), нижнечепецкие (слободской, унинский — группа ватка, зуевский, фаленский, богородский) говоры, игринский и красногорский говоры северноудмуртского наречия, шошминский, ташкичинский, татышлинский говоры. Ведущий современный удмуртский диалектолог профессор В. К. Кельмаков вынужден отметить: «Несмотря на более чем вековую историю удмуртской диалектологии, многие ее кардинальные вопросы еще не нашли удовлетворительного решения. В частности, до сих пор является дискуссионным важнейший вопрос о критериях классификации пространственно-структурных единиц удмуртского диалектного языка и — как следствие этого — о количестве и территории размещения последних. В результате каждый из исследователей удмуртской диалектной речи пользовался и пользуется в своей научной практике набором единиц собственной классификации, зачастую в количественном и качественном отношениях не совпадающими с классификационными единицами других авторов или же с единицами своей же классификации в различных изданиях» (Кельмаков 1987: 26).

Как бы не получилось так: пока выработаем «критерии классификации» удмуртских диалектов и приступим к изучению всех вышеназванных говоров, многие из них могут исчезнуть, как например, говоры ватка и калмезов на территории Кировской области, или — на наших глазах в эти годы канул в лету чрезвычайно интересный для науки, уже полуразрушенный чужеязычным влиянием красноуфимский говор нижневятского диалекта.

После условного деления удмуртской диалектной речи по уездам и губерниям во второй половине XX в. делается попытка найти более удачные, научно обоснованные критерии выделения отдельных говоров (подговоров тоже), диалектов и наречий удмуртского народного языка, например: по количеству и качеству гласных фонем (В. К. Кельмаков), по консонантам (Т. И. Тепляшина) и др.

В академическом труде «Языки народов СССР: финно-угорские и самодийские языки» (М., 1966) в разделе «Удмуртский язык», написанный Т. И. Тепляшиной, сказано: «В удмуртском языке два больших наречия: северное и южное. Между ними есть промежуточные говоры, иногда именуемые в литературе срединными, которым также свойственны специфические особенности».

Особо стоят, по мнению Тепляшиной, диалекты к югу и юго-западу от территории Удмуртии, распространенные в Татарской и Марийской республиках, и говоры, расположенные в южной части Башкирии (*но в южной части Башкирии ни в какие времена удмурты не жили и до сих пор не живут*), и в Кировской области, которые можно выделить как юго-западное наречие (*но Башкирия с Кировской областью не граничит, юго-западное наречие охватывает говоры удмуртов северо-западных районов Татарии, восточной части Марий Эл, юга Кировской области* (курсив наш.— *М. А.*). Как жаль, столько путаницы, даже с названиями областей, республик.

К *северному наречию* (курсив наш.— *М. А.*) она относит говоры удмуртов, живущих по р. Чепце и ее притокам, включая сюда же язык бесермян (?) и удмуртов Кировской области, живущих по р. Чепце.

Южное наречие (курсив наш.— *М. А.*), по суждению Т. И. Тепляшиной, объединяет все диалекты и говоры (а какие? — *М. А.*), расположенные в южной части территории современной Удмуртии. К южному диалекту (наверное, наречию?) она относит также диалекты, распространенные в северной части Башкирской АССР. Основное различие между всеми перечисленными наречиями выражается в фонетических особенностях и в лексике. Некоторое своеобразие наблюдается также и в морфологии и синтаксисе (Тепляшина 1966: 278—279).

В университетской программе по удмуртской диалектологии, составленной В. К. Кельмаковым (1974), представлено членение удмуртского языка на 4 наречия: *северное, южное, периферийно-южное* и *бесермянское* (курсив наш.— *М. А.*), имеющие свои диалекты и говоры, и две группы переходных говоров: срединные — промежуточные между южным и северным наречиями— и закамские — промежуточные между южным и периферийно-южным (Кельмаков 1974: 9—10).

Проходит чуть больше десяти лет и снова появляется новый принцип деления удмуртской диалектной речи, остаются 3 наречия и *срединные говоры*. Как пишет автор новшеств В. К. Кельмаков,

«сохраняя в области классификации комплекс морфологических, фонетических и лексических особенностей,— причем особенностям каждого уровня отводится вполне определенная роль,— мы предлагаем несколько видоизмененную модель диалектного членения удмуртского языка, по которой могут быть выделены следующие структурно-пространственные единицы»: *северное наречие, южное наречие, бесермянское наречие*. На сей раз к южному наречию он относит «*современное южное и периферийно-южное наречия и закамские говоры*» (курсив наш.— *М. А.*). В этом же ряду, констатирует он, «срединные говоры, не совсем, разумеется, совпадающие с современными срединными». Как это понять? (Кельмаков 1987: 30).

Проходит еще 11 лет и вновь появляются новшества. Автор диалектологического проекта профессор В. К. Кельмаков пишет: «Итогом почти полуторавекового развития удмуртской диалектологии явилось выяснение приблизительной территории распространения большинства удмуртских диалектов и относительно полное или частичное описание их фонетических и морфологических особенностей. На основе этих данных в удмуртском диалектном ландшафте можно ориентировочно выделить следующие конститутивные единицы...» (Кельмаков 1998: 42—43).

На сей раз «конститутивные единицы» Валей Кельмакович распределяет так: «I. **Северное наречие** — северные районы Удмуртской Республики (Ярский, Глазовский, Юкаменский, Красногорский, Балезинский, Кезский, Дебесский, Игринский и северная часть Шарканского) и некоторые сопредельные районы Кировской области (Слободской, Зуевский, Фаленский, Унинский). Дальнейшее дробление северного наречия в деталях еще не установлено, хотя в последнее время принято выделять в нем верхнечепецкий, среднечепецкий и нижнечепецкий диалекты (говоры)» (*Там же.* С. 42).

Относительно северного наречия у меня имеются замечания: 1) отнесение северной части Шарканского, южной части Игринского, Дебесского (тыловайские говоры) к северному наречию весьма проблематично, так как это переходные говоры от северного наречия к срединным; 2) сюда же в список, на мой взгляд, следует добавить Омутницкий и Богородский районы Кировской области; 3) известно, южная (малягуртская) часть Красногорского, западная (новозятцинский куст) часть Игринского районов входят в калмезскую зону, значит, они относятся к срединным говорам; 4) без сомнения, внутри северного наречия существуют *верхнечепецкий, среднечепецкий и нижнечепецкий* диалекты, в их среде бытуют

также своеобразные говоры. Речь удмуртов северной части Кезского, Балезинского, Глазовского, Ярского районов, например, отличается от южных. Слободской и косинский говоры также обладают существенной непохожестью. К сожалению, все это слабо или совсем не изучено, что и нашло отражение в проекте В. Кельмакова.

Далее читаем: «II. **Южное наречие**, которое в свою очередь делится на два диалекта: 1) собственно **южный** (или **центральный**) — южные районы Удмуртии (Алнашский, Киясовский, Граховский, южная часть Малопургинского, Можгинского и Кизнерского районов) и несколько населенных пунктов Агрызского и Менделеевского районов Татарстана. Дальнейшее членение южного диалекта еще не уточнено; 2) **периферийно-южный** (расположен на южной периферии удмуртской языковой области), имеющий следующие говоры: а) *шошминский* — Балтасинский район Татарстана, Мари-Турекский район Марий-Эл, Малмыжский район Кировской области; б) *кукморский* — Кукморский и Мамадышский районы Татарстана; в) *бавлинский* — Бавлинский район Татарстана и Ермекеевский район Башкортостана; г) *татышлинский* — Татышлинский район Башкортостана; д) *буйско-танып ский* (или *закамский*) — Янаульский, Калтасинский, Бураевский районы Башкортостана и Куединский район Пермской области; е) *красноуфимский* — Красноуфимский район Свердловской области; ж) *канлинский* — д. Канлы Кушнаренковского района Башкортостана и др.» (*Там же*. С. 42—43).

Относительно разделения южного наречия на говоры и диалекты, осуществленные моим учителем профессором В. К. Кельмаковым, у меня свой взгляд, но об этом ниже. В данном случае выскажу лишь небольшие свои замечания: 1) по основным языковым данным удмурты Кизнерского района являются носителями южного наречия; 2) в состав шошминского говора входят только говоры южной части Малмыжского района — китякский куст; 3) в составе татышлинского говоры двух деревень Балтачевского района Башкирии и д. Новый Калмияр Куединского р-на Пермского края. А куда отнести говоры удмуртов Илишевского района Башкирии? 4) к выходу данной книги *красноуфимский* говор вымер — ныне его уже не существует.

«III. **Срединные говоры** (промежуточные между северным и южным наречиями) — центральные районы Удмуртской Республики (Селтинский, Сюмсинский, Увинский, Вавожский районы, юго-западная часть Игринского, южная часть Шарканского, Якшур-

Бодьинский, Завьяловский районы, северная часть Кизнерского, Можгинского и Малопургинского районов), а также несколько населенных пунктов Малмыжского и Вятско-Полянского районов Кировской области. Более детальная их группировка в настоящее время затруднительна» (*Там же.* С. 43).

На мой взгляд, Кизнерский район как территориально, так и в языковом плане относится к южной этноязыковой зоне, сюда же входит Вятско-Полянский район Кировской области.

«IV. **Бесермянское наречие** (чрезполосно с северным наречием и срединными говорами) — северные и центральные районы Удмуртии (Балезинский, Глазовский, Ярский, Юкаменский, Якшур-Бодьинский) и Слободской район Кировской области. Т. И. Тепляшина [1970а: 56—57] выделяет в бесермянском наречии 3 говора: юндинский, лекминский и западный (кильмезский), имеющих, по ее мнению, незначительные различия в лексике и фонетике. Однако, по ее же данным, возможно выделение как особой структурно-территориальной единицы говора д. Малые Итчи Якшур-Бодьинского района (употребление *ы* вместо общераспространенного бес. *ъ* и др.); ни к какому говору Т. И. Тепляшиной не отнесена также и речь слободских бесермян» (*Там же.* С. 43).

Если бы из 13 строк текста ученого оставить одну или две, то ошибок и неточностей явно было бы поменьше. Во-первых, бесермянское наречие никогда чрезполосно со срединными говорами и северным наречием не располагалось: в древности бесермяне жили в смешении с носителями южноудмуртского наречия, а начиная с XIV—XV веков — в среде носителей северноудмуртского наречия; в срединных говорах, в среде калмезов их след никак не прослеживается; во-вторых, нет *западного* (*кильмезского*) говора, бесермяне в бассейне р. Кильмезь никогда не проживали; Н. М. Люкина, аспирантка В. К. Кельмакова, про этот говор также умалчивает (см.: Люкина 2008). На говоре д. Малые Итчи Якшур-Бодьинского района следовало ли отдельно останавливаться? История его такова: в самом конце XIX в. 8 семейств бесермян из д. Митрошата совр. Юкаменского района переселились в удмуртскую деревню М. Итчи современного Якшур-Бодьинского района, но вскоре второе поколение переселенцев свое бесермянское наречие потеряли, перешли на удмуртский язык общения.

Несколько сложен вопрос со слободской группой, но история их такова: живя в смешении с нижнечепецкими удмуртами и каринскими татарами, бесермяне постепенно ассимилировались в их

среде. Будучи в этнографической экспедиции в Слободском районе в 1971 г. нам удалось еще встретиться с теми бывшими бесермянами, они говорили, что их деды говорили по-бесермянски, соблюдали свои обычаи: как и татары, ели конину; при молениях поминали слово «бисмиллягим»; когда-то молились в керемети, но это было уже очень давно. Удмурты их сторонились: они конину не ели, в керемети не молились, «керемет» у них ругательное слово; бесермяне дружили с татарами, знали их язык. К концу XIX в. часть бесермян полностью обудмуртилась, начала ходить на общеплеменное моление удмуртов *Инмала*, а две деревни, стоящие в соседстве с татарским селом Карино, приняв ислам, отатарились. Так что к рождению Т. И. Тепляшиной слободского говора бесермян уже не существовало, нам удалось записать только два термина родства бесермян: *анай* «мать» и *атай* «отец».

Вот такой сложный, запутанный вопрос с выделением в удмуртском языке говоров, диалектов, наречий. Не случайно студенты удмуртского филфака как огня боятся сдачи зачетов, экзаменов по удмуртской диалектологии. Тут не то что студент, но остепененный ученый запутается в премудростях.

Относительно бесермянского наречия В. К. Кельмаков пишет, что «оно в основе своей является, по нашему мнению, разновидностью архаичного южноудмуртского типа, развившегося под интенсивным тюркским влиянием и довольно рано оказавшегося в инодиалектном северноудмуртском окружении, что и обусловило весьма своеобразное его развитие» (Кельмаков 1987: 37).

* * *

К основным признакам, критериям для противопоставления *северного* и *южного* наречий Т. И. Тепляшина и В. К. Кельмаков относят их лингвистические особенности, бытующие в наши дни (по крайней мере, с середины XX в. по наши дни). Вот некоторые примеры:

1) употребление первичного *ы* в пределах первого слога в позиции перед палатальными согласными — в южном наречии в данной позиции встречается гласный *и*, ср. сев. *выль* // южн. *виль* «новый» и др.;

2) употребление гласного *и* перед велярными согласными или в позиции между щелевыми *ж*, *ш* и последующим палатальным согласным — в южном наречии чаще употребляется *ы*,

в северном — *и*, ср. сев. *гинэ* // южн. *гынэ* «только, лишь только» и др.;

3) наличие заднеязычного носового сонанта ŋ в южном наречии и отсутствие его в северном наречии, ср. южн. *ӵыŋ* // сев. *ӵын* «дым»; южн. *ӵаŋа* // сев. *ӵана* «галка»; южн *зыŋ* // сев. *зым* ~ *зын* «запах, вонь» и др.;

4) оформление аккузатива множественного числа имен существительных и отдельных местоимений морфемой *-ыз* в южном и *-ты* — в северном наречии, ср. южн. *ныльёсыз* // сев. *ныльёсты* «девушек» и др.;

5) наличие в северном наречии особой формы словообразования с суффиксом *-ни*, в южном наречии этой форме соответствует субстантивное сочетание с определяемым словом *инты* «место», ср. сев. *улонни* // южн. *улон иньты* «жилище» и др.;

6) употребление для выражения высшей степени качества специфических усилительных слов *йун*, *лекос* в северном наречии и *туж*, *укыр*, *зӥра* «очень; чрезвычайно, в высшей степени», ср. сев. *юн* (~ *лекос*) *визьмо* // южн. *туж* (~ *зӥра*, ~ *укыр*) *визьмо* «очень (чрезвычайно) умный» и др.;

7) образование причастий «настоящего времени» от глаголов 1-го спряжения при помощи суффикса *-ысь* в северном наречии и *-ись* — в южном, ср. сев. *бӧрдысь* // южн. *бӧрдйсь* «плачущий» и др.

Имеется различие и в области лексики — употребление специфичных слов: сев. *мумы* (~ *муми*, *мупый*) // южн. *анай*, *нэнэ* «мать»; сев. *куректыны* // южн. *кайгырыны* «горевать, переживать»; сев. *колодча*, *колдэч* // южн. *куйы* «колодец»; сев. *ӟезьы* // южн. *капка* «ворота» и много др.

На семантическом уровне есть ряд слов, имеющих разные значения: сев. *кыз* «толстый» // южн. *кыз* «ель»; сев. *зӧк* «большой» // южн. *зӧк* «толстый»; сев. *алданы* «потерять» // южн. *алданы* «обмануть» и др.

В. К. Кельмаковым указано на 7 признаков особенностей, характерных, специфичных для северного и южного наречий в области фонетики, 12 — в морфологии, приводится множество диалектной лексики, свойственной для этих лексем (Кельмаков 1998: 161—168).

Между северным и южным наречиями располагаются срединные говоры, современными специалистами-диалектологами они квалифицируются как промежуточные, характеризующиеся совмещением окраинной части ареалов явлений, которые в отдельности

свойственны или северному, или южному. Набор таких элементов, разнородных по своему происхождению и диалетной принадлежности, и границы их размещения еще не определены, пишет профессор В. К. Кельмаков (1987: 34).

В том, что в каждые десять лет меняется деление удмуртской диалектной речи на разные наречия, диалекты и говоры, явно проявляется несовершенство выбора основных лингвистических признаков, характерных для диалектной речи жителей разных удмуртских регионов. Удмуртские ученые-диалектологи за основу выделения того или иного наречия или говора чаще всего берут фонетические признаки, но в удмуртских диалектах и вокализм, и консонантизм — самое слабое звено, они чаще всего, и быстрее всего подвергаются изменениям, существует огромное количество междиалектных чередований, корреляций: трудно найти 2 или 3 населенных пункта, чтобы в их речи было бы полное фонетическое совпадение, фонетическая симфония.

Морфологические признаки, без сомнения, лучше помогают отделить не только один говор от другого, но и наречие от другого наречия, а удмуртская фонетика, как и лексика, сильно и быстро изменяется: так на глазах одного поколения из южноудмуртского наречия фактически уже исчезли древние прапермские фонемы *η, ӳ*. А там, где хорошо поставлено преподавание удмуртского литературного языка, нивелировка фонетических и даже морфологических несоответствий с литературным языком проходит быстрее в пользу последнего.

Нет сомнения, при выделении диалектных единиц удмуртского языка, помимо чисто лингвистических факторов, следует непременно учесть историческое обстоятельство, присутствующее в их формировании. Так, например, связь языка бесермян и верхнеикского (бавлинского) говора с южноудмуртским наречием, связь татышлинского, ташкичинского, красноуфимского говоров с диалектом арского типа без установления временной глубины объяснить весьма и весьма трудно.

В формировании нижнечепецкого и верхнечепецкого говоров северноудмуртского наречия участвовали разные внутриэтнические компоненты, они выросли на основе диалектной речи создателей и носителей разных археологических культур и племенных объединений: в формировании нижнечепецких говоров (слободской и косинской группы) участвовало привятское племенное объединение *ватка*, создатели пьяноборско-худяковско-азелин-

ского, еманаевского, кочергинского археологических культур; а в становлении верхнечепецкого наречия участвовало прикамское племенное объединение *калмез*, создатели пьяноборско-осинского, поломского населения. Только в результате мощного наплыва в верхнечепецкий регион привятских удмуртов-ватка в XVI—XVIII вв., связанный с началом колонизации Вятской земли русским населением, говоры игринско-дебесско-кезских (южная часть) удмуртов начинают приобретать северноудмуртские черты. Тем не менее здешние говоры заметно отличаются от речи глазовско-слободских удмуртов. Читая кандидатскую диссертацию Т. И. Теплящиной по приитинскому говору, создается впечатление, что это не северноудмуртские, а переходные от срединных к северноудмуртскому наречию говоры. Калмезские (срединные) и ватка (северные) черты здесь, мне кажется, имеют соотношение 1:1.

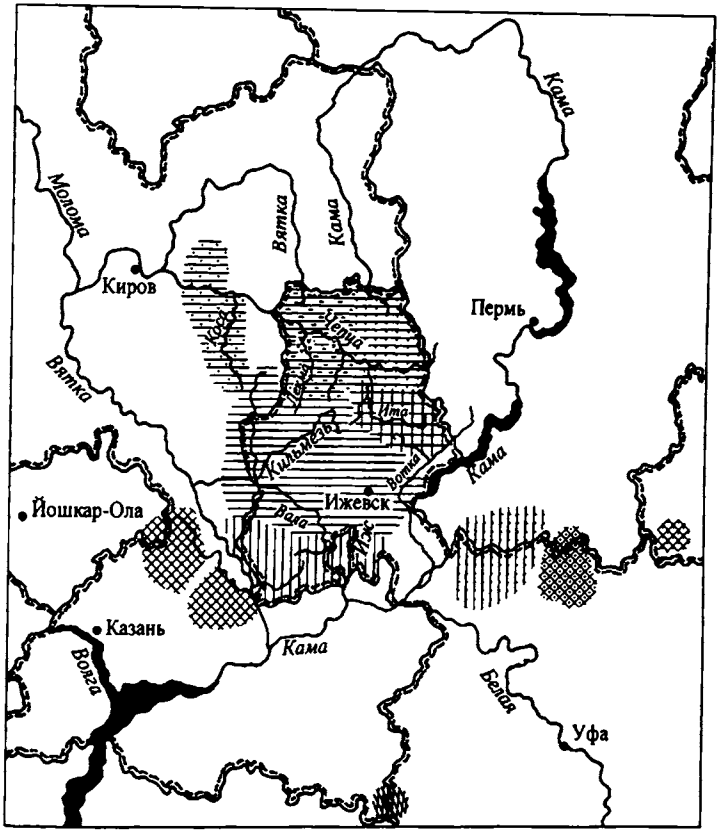
Среднечепецкие говоры создавались носителями поломской (V—IX вв. н. э.) и чепецкой (IX—XIII вв. н. э.) археологических культур с включением привятского древнеудмуртского населения. В XVII—XVIII вв. с Вятки шел мощный поток переселенцев-ватка, который был настолько сильным, что от языка поломско-чепецкого древнекалмезского населения и следов не осталось, победила диалектная речь нижнечепецких удмуртов-ватка. Свою лепту внесли и бесермяне-чуваша: гласный среднего подъема заднего ряда ъ (близкий по артикуляции к *а* или *о*) встречается в бесермянско-удмуртской контактной зоне (Юкаменский, Красногорский, часть Ярского, Глазовского, Балезинского районов). Та же фонема бытует в отдельных говорах южноудмуртского наречия, в кукморско-мамадышском говоре, где в средние века в смешении с удмуртами жили бесермяне-чуваша (Атаманов 2005: 192—205).

Учитывая лингвистические и исторические факторы, я предлагаю деление всей удмуртской диалектной речи на 2 большие группы — наречия:

1. **Северноудмуртское** (сокращенно — **северное**) наречие, внутри которого выделяются *нижнечепецкие*, *верхнечепецкие диалекты*, *среднечепецкие говоры*, каждый со своими говорами и подговорами.

2. **Южноудмуртское** (сокращенно — **южное**) наречие, в состав которого входят *собственно южноудмуртский* диалект, *буйско-танып-ские* и *верхнеикский* (*бавлинский*) говоры.

Язык бесермян, особой этнической группы удмуртов, имеющих свою особую историю происхождения и культуру, в исторически

Наречия, диалекты, говоры удмуртского языка

Северноудмуртское наречие

- нижнечепецкий диалект
- верхнечепецкий диалект
- среднечепецкие говоры
- переходные говоры

Южноудмуртское наречие

- собственно южноудмуртский диалект
- буйско-таныпские говоры
- верхнеикский (бавлинский) говор
- нижневятский диалект
- татышлинский говор
- красноуфимский говор

- срединные говоры

- бесермянские говоры

обозримое время, судя по зафиксированным письменным памятникам, занимает промежуточное положение между южноудмуртским и северноудмуртским наречиями со своими особенностями. Назвать ли его наречием или особым диалектом — дело времени.

Из так называемого периферийно-южного наречия (носители которого ни в языковом, ни в историческом плане не имеют единства) я выделил бы особый диалект арского типа с шошминским (приказанским) и кукморско-мамадышским говорами. Носители этого оригинального диалекта являются древнейшим населением вятско-камско-поволжского региона, их предки во все времена жили здесь — до появления тюрок, русских, марийцев. Самое интересное то, что они родственны с нижнечепецкой группой удмуртов-ватка, в первую очередь, балтасинско-карлыганско-малмыжской группой. Судя по географическому и историческому расположению, современные говоры жителей бывшей Арской земли я назвал бы **нижневятским диалектом**. Из среды носителей кукморско-мамадышского говора, в меньшей степени — шошминского, после падения Казанского ханства и Арского (Удмуртского) княжества в середине XVI в. многочисленными беженцами-переселенцами были созданы татышлинский, ташкичинский, красноуфимский говоры.

На носителей нижневятского диалекта, в первую очередь на кукморско-мамадышские говоры, оказали существенное влияние собственно южноудмуртские говоры, бесермянский диалект, но особенно — татарский язык.

Я считаю, что для выделения удмуртских наречий следует выбрать самые характерные, широко распространенные морфологические признаки, принять во внимание диалектную лексику, ударение и синтаксические различия. Для выяснения наличия удмуртских диалектов внутри наречий уместно учитывать фонетические особенности, диалектную лексику говоров, распространенных на большой территории, в бассейнах крупных рек; для одного удмуртского говора достаточно несколько фонетических и лексических отличий, а подговор вполне обходится одной фонетической и несколькими лексическими свойствами.

Чтобы определить границы расположения срединных говоров от соседних южноудмуртского и северноудмуртского наречий, следует обратить внимание на ряд характернейших языковых признаков, отсутствующих в других наречиях и диалектах удмуртского языка:

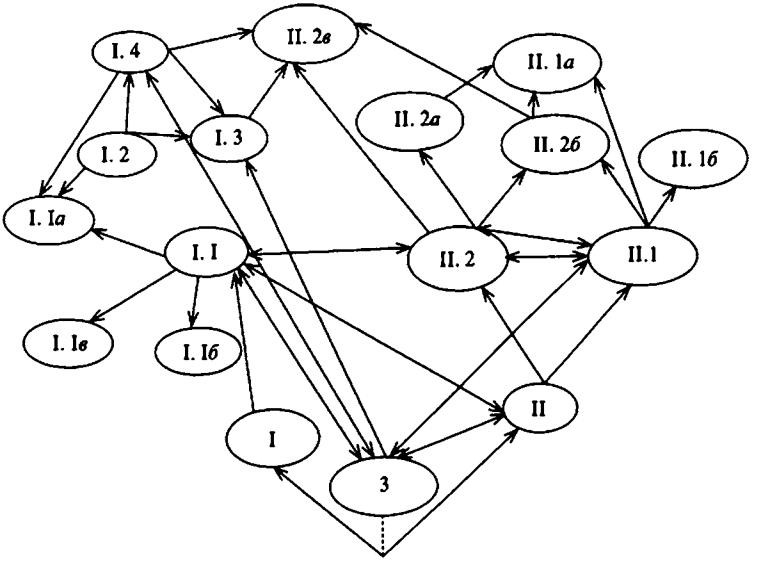
1. Употребление аффрикат *ӵ, ӝ, ӟ* во всех позициях — в начале, середине, конце слова, ср. *ӝужӧсыт* // южн., сев. *ӝужсыт* «высокий»; *оӟы* // южн., сев. *озьы* «так»; *уӝ* // южн., сев. *уж* «работа, труд» и др.

2. Выпадение в глагольных формах I спряжения инлаутных слогов типа согласный-гласный, согласный — гласный-согласный, гласный, согласный и образование специфичных стяженных форм глагола, сред. *тотко ~ тотско ~ точко* // южн. *тодйсько*, сев. *тодысько ~ тотско* «я знаю».

3. Инфинитив употребляется в усеченной форме с суффиксом *-ны*: *мынны* // южн., сев. *мыныны* «идти»; *тодны* // южн., сев. *тодыны* «знать, узнать» и др.

* * *

Возникновение и историческое развитие удмуртской диалектной системы, на основе которой возник современный удмуртский литературный язык, я вижу в следующем виде:

Праудмуртский язык-основа: с пьяноборской эпохи (III в. до н. э. — V в. н. э.) до конца XX в. н.э.

Диалектное членение удмуртского языка

I. **Северноудмуртское (ватка) наречие:** I. 2 — *нижнечепецкий диалект*; I. 3 — *верхнечепецкий диалект*; I. 4 — *среднечепецкие говоры.*

I. I. **Нижневятский, арского типа диалект** (состоит из кукморско-мамадышского и шошминского говоров): I. I. а — *татышлинский говор*; I. I. б — *красноуфимский говор*; I. I. в — *ташкичинский говор.*

II. **Южноудмуртское (калмез) наречие:** II. 1 — *собственно южноудмуртский диалект:* II. 1а — *закамские (буйско-таныпские) говоры*; II. 1б — *верхнеикский (бавлинский) говор.*

II2 — **Срединные говоры:** II. 2 — *собственно калмезский диалект*; II. 2а — *прикильмезские говоры*; II. 2б — *верхне- и среднеижские*; II. 2в — *приитинско-шарканские (переходные) говоры.*

III. **Бесермянский диалект**.

4. Этническая история бесермян по данным языка

Бесермяне — одна из малоизученных и самых загадочных финно-угорских народностей, живущих в среде северных удмуртов, чепецких татар и вятских русских. Ныне они говорят на одном из трех наречий удмуртского языка. По переписи населения за 1926 г. в СССР проживало 10 034 бесермян.

По проблеме происхождения и расселения бесермян начали писать лишь с конца XIX в.; чаще — этнографы, антропологи, миссионеры, а в наши дни к ним подключились и языковеды. Наконец, появилась и первая статья по археологии бесермян на примере одного позднесредневекового памятника (Останина 1996: 25—49).

Данная проблема весьма подробно рассмотрена в монографии Т. И. Тепляшиной «Язык бесермян» (М., 1970), а также в многочисленных ее статьях. Из истории вопроса, анализируемого замечательным ученым-бесермяноведом, мы узнаем, что до сего времени не решен вопрос об этнической основе бесермян и происхождении их языка. Большинство исследователей склонно считать бесермян тюрками по языку, точнее, булгарами-чувашами, перешедшими на удмуртский язык общения (Н. П. Штейнфельд, П. Н. Луппов, В. Н. Белицер, М. Н. Тихомиров и др.); И. С. Михеев предполагал, что бесермяне — это крещеные татары; финский ученый Ю. Вихманн считал их обудмуртившимися татарами; этнографы Д. К. Зе-

ленин и Д. А. Золотарев считали бесермян народом финской группы, испытавшим сильное тюркское влияние; по мнению Д. И. Корепанова, бесермяне — южная группа удмуртов, попавшая в эпоху владычества монголо-татар на Чепцу; антрополог М. М. Хомяков отмечает, что бесермяне не имеют ничего общего ни с казанскими татарами, ни с чувашами (Тепляшина 1970: 6—22). Сама исследователь пришла к выводу о том, что бесермяне являются потомками древнебулгарского населения, принявшими ислам; удмуртский язык они освоили в Прикамье от юго-западной группы удмуртов (Тепляшина 1970: 21—22; 242—244).

В дореволюционной церковной литературе *бесермен, бесерменский* переводится как «неверный; татарский или турецкий, мусульманский». Протоиерей Григорий Дьяченко русское *бесермен* сравнивает с польским и украинским *бесерман, бесерменец,* с немецким *bessermeine, bessermenge* с значением «еретик». В «Полном церковно-славянском словаре» протоиерея Г. Дьяченко о бесермянах дано такое краткое сообщение: «В Вятской губернии есть загадочный народ, называемый бесермянами; это не вотяки и не татары, а потомки какого-то тюркского племени, жившего раньше татар в бассейне р. Чепцы, отличающиеся резко ростом, цветом кожи, наружностью и костюмом, хотя и говорящие настоящим вотяцким языком» (Дьяченко 1993: 38, 62).

Кстати, и соседи бесермян — северные удмурты — дают им примерно такую же характеристику. Так, удмурты-калмезы Унинского района Кировской области о бесермянах говорят: «полуудмурты, полутатары (другой вариант: не татары и не удмурты). Но разговор у них для нас понятен». Соседи же калмезов ватка отмечают: «Глазовские и ярские удмурты говорят как и мы, а вот у калмезов язык сходен с ижевскими. Бесермяне живут около Глазова, но они говорят по-другому, не все и поймешь» (Атаманов 1997: 182; 184).

Этногенетические сведения о бесермянах содержатся в работах этнографа В. Е. Владыкина (1970: 37—47; 57; 1989: 29—30 и др.).

М. Фасмер, этнографы В. Е. Владыкин, В. В. Напольских в этнониме *бесерман* видят тюрк. **бусурман,* происходящее из перс. *муслиман* (мн.) < араб, *муслим* «мусульманин» (Фасмер 1986: 132; 160—161).

Вслед за Н. П. Штейнфельдом, Т. И. Тепляшиной, М. В. Гришкиной, В. Е. Владыкиным, М. Г. Атамановым и другими учеными, происхождение бесермян В. В. Напольских связывает с районами Заказанья (г. Арск), откуда бесермяне в XIV—XVI вв., спасаясь от феодальной усобицы в Золотой Орде, набегов русских ушкуйников

и князей, вследствие разгрома Золотой Орды Тамерланом в конце XIII в., переселились вверх по Вятке, низовья Чепцы (Напольских 1997: 52—53).

Ученые-этнографы В. Н. Белицер, Н. И. Гаген-Торн, Т. А. Крюкова, как и авторы статьи «Костюмные комплексы удмуртов в связи с их этногенезом» С. Х. Лебедева, М. Г. Атаманов, считают, что ранняя этногония бесермян протекала в Волго-Камье, на периферии южных удмуртов, в соседстве с булгарами — предками чувашей. Сравнительно-исторический анализ костюмного комплекса бесермян говорит об этом. Из существующих ныне костюмных комплексов, бесермянский находит наиболее близкие аналоги в бавлинском девичьем наряде южноудмуртского костюма (Лебедева, Атаманов 1987: 149; 121).

В последние годы в изучение материальной и духовной культуры бесермянского этноса активно включается талантливый исследователь, выходец из бесермянской среды, этнограф Е. В. Попова. Ею защищена кандидатская диссертация, опубликованы книги, ряд статей, обративших на себя внимание многих ученых финно-угроведов и тюркологов.

Анализируя древние письменные источники по бесермянам, особенно описание народов, подпавших под монголо-татарское иго, итальянским монахом-путешественником Плано Карпини, мы узнаем, что предки нынешних бесермян проживали в пределах Центральной и Средней Азии. В дальнейшем они зафиксированы на Нижней, а затем — на Средней Волге (Тепляшина 1970: 16). Кстати, данные современных антропологов показывают, что по сведениям дерматоглифики бесермяне, чаще женщины-бесермянки, находят ряд общих черт с южными европеоидами, особенно из районов Средней Азии и Каспийского бассейна, а также с народами Волго-Камья, но наиболее они близки к удмуртам; в то же время европеоидный компонент у бесермян выражен сильнее, чем у удмуртов (Долинова 1989: 121).

Искусствоведы также находят много общих черт в искусстве бесермян и народов Средней Азии, Кавказа, связанных с ираноязычным миром и их мифологией, искусством (Климов 1999: 58).

Бесермянский след выявлен и на территории Венгрии. Полагают, что вместе с откочевавшими на запад мадьярскими племенами в их составе оказалась и часть бесермянской народности, об этом говорят древневенгерские письменные источники и топонимы (Трефилов 1967: 310—318; Климов 1999: 8—12).

Булгаро-татарские летописи сообщают, что бесермяне — это булгарское племя; кыргызские тюрки всех булгар называли бесерменами, а от них это прозвище потом восприняли куманы, русские и татары. В некоторых источниках бесермяне названы булгарами-язычниками Арской округи (Бахши Иман 1993: 27; 169).

Русские летописи XII—XIV вв. фиксируют бесермян в Волго-Камье как отдельную народность, совместно с татарами воюющую против русских войск (ПРСЛ. Т. V. С. 208; 247—248; Тихомиров 1964: 54—55).

С XVI в. бесермяне под этнонимом *чуваша* неизменно входят в список населения причепецкого края — в соседстве уже с северной группой удмуртов и каринских (чепецких) татар. Точное время и причины переселения на север Удмуртии до сих пор не выяснены. В переписных и дозорных книгах в разные годы фиксации они пишутся то чуваши, то бесермяне. Так, по Дозорной книге за 1615 г. жители погоста Шамарданов записаны чувашами, а в Переписной книге за 1678 г. — бесермянами (Документы... 1958: 183, 271). С начала XVIII в. этноним *чуваша* в Вятско-Чепецком регионе полностью вытесняется этнонимом *бесермян;* этноним *чуваш* стал достоянием лишь ономастики: на Вятской земле сохранились топонимы *Чуваша, Чуваши, Чувашайка;* как среди удмуртов, так и среди русских имеются фамилии *Чувашовы.*

Т. И. Тепляшина считает, что после XIV в. указание на место жительства бесермян в Прикамье исчезает (1970: 18). Но научные изыскания последних лет дают возможность говорить о том, что не все бесермяне переселились на Чепцу, значительная их часть оставалась в Прикамье — на Арской земле и в нижнем течении р. Иж. Они фигурируют под тем же этнонимом *чуваша.* Русские летописи XV—XVI вв. их называют бесерменами, а также «чувашой арской» (Худяков 1923: 127; 271). Во время экспедиции к арским удмуртам в 1973 г. нам удалось там зафиксировать этноним *дюаш ар* (д'- ~ т'- < *ч-), которым будто бы татары нарекли удмуртов, переселившихся из-под Арска за реку Вятку, за их робость, застенчивость, нерешительность (Атаманов 1977: 85).

В Писцовой книге Казанского уезда в 1602—1603 гг. упомянут бесермянин из города Арска Митюша Кривой (С. 141).

Последние упоминания об этом народе на Арской земле относятся ко второй половине XVII в. Они зафиксированы в нескольких селениях на территории современного Кукморского района Татарстана как *чуваша.* Наряду с удмуртами, марийцами, татарами они

названы старожилами края. В тех «чувашских» селениях ныне живут татары и никаких воспоминаний о них здесь не сохранилось (Кельмаков 1982: 136—137).

Кажется невероятным, но в начале XX в. довольно большая группа бесермян зафиксирована в Пьяноборской и Черносовской волостях Елабужского уезда, на нижней Каме. П. Н. Луппов считает, что в данном случае произошла ошибка: вместо этнонима «черемисы» поставлено «бесермяне» (Луппов 1997: 37; 49).

Историк М. В. Гришкина зафиксировала чувашские деревни по Зюрейской дороге в бассейне р. Иж. Первые упоминания о них в данном регионе относятся к периоду падения Казанского ханства — к 1581—1582 гг. В 1630 г. при уточнении границ Терсинской волости (совр. Агрызский р-н Татарстана) *чуваши,* наряду с удмуртами, названы старожилами (Гришкина 1992: 118). Из переписи за 1710 г. мы узнаем, что в д. Новая Игра на Арской дороге (совр. д. Карманково Менделеевского района Татарстана) вместе с марийцами жили две семьи чувашей.

Дальнейшие упоминания о чувашах, живущих на территории южных удмуртов, обрываются. Но ничто не исчезает бесследно: народная память сохранила воспоминание о *чувашах ~ бесермянах* в среде южных удмуртов. На самом юге Удмуртии, в Граховском районе, мне удалось записать предание о том, что староятчинцы жителей соседней д. Удмуртский Сарамак, что находится на нижней Вятке, на территории Кизнерского района, раньше называли бесермянами, причем рассказчик не имел представления о том, что есть народность *бесермяне,* живущая ныне на севере Удмуртии. Между с. Старые Ятчи и Удмуртским Сарамаком имеется местность под названием *Бесьмен шур гоп,* где по преданиям в древности жила какая-то народность — *бесьмены* — некрещенные люди, т. е. язычники. Отсюда будто бы они переселились в Башкирию (записано автором в 1978 г. в с. Старые Ятчи Граховского р-на от Т. М. Михайлова, 1905 г. р.). Деревня Сарамак упоминается уже в XV в. как селение за р. Вяткой по Зюрейской дороге (Чернышев 1971: 287). В с. Верхняя Игра Граховского же района зафиксирован патроним *Чуаш ~ Чуваш* (см. выше: в переписи 1710 г. в селении Новая Игра зафиксированы две семьи чувашей).

Все эти данные позволяют нам искать древнюю территорию проживания *бесермян ~ чувашей* в нижнекамско-нижневятском регионе. Не случайно, Зюрейская дорога, идущая от Казани на северо-восток по Вятке и Каме, где находились селения удмур-

тов и *бесермян ~ чувашей*, называлась еще и Чувашской (курсив наш.— *М. А.)*.

Такова в общих чертах крайне сложная, запутанная история одного из древних народов нашей страны — бесермян. В данном случае затронем лишь одну небольшую проблему — связь бесермянского языка с наречиями, диалектами, говорами удмуртского языка на примере одной наиболее характерной для бесермянского языка фонеме ъ — гласной среднего подъема заднего ряда, являющейся вариантом ы литературного языка.

Вслед за этим вкратце затронем и другие фонетические соответствия языка бесермян с диалектами и говорами южноудмуртского наречия (см. таблицу).

Бесерм. диалект	Южное наречие							Северное наречие			Средин. говоры	Лит. язык
	Южн. (центр.) диал.	перифер.-южный диалект						нижн.-чепецк.	средн.-чепецк.	верхн.-чепецк.		
		закам.	татш.	кр.-уф.	бавл.	кукм.	шошм.					
ъ	ы ӥ ъ	ы	ъ	ъ	ӥ	ъ	ы	ы	ы ӥ ъ	ы	ы	ы

Южное наречие: *южн. (центр.)* — южный (центральный) диалект; *закам.* — закамский (буйско-танышский) говор; *татш.* — татышлинский говор; *кр.-уф.* — красноуфимский говор; *бавл.* — бавлинский говор; *кукм.* — кукморский говор; *шошм.* — шошминский говор. **Северное наречие:** *нижнечепецк.* — нижнечепецкий диалект; *среднечепецк.* — среднечепецкие говоры; *верхнечепецк.* — верхнечепецкий диалект. **Бесерм.** — бесермянский диалект. **Средин.** — срединные говоры удмуртов, живущих в центральных районах Удмуртии и Кировской обл.

Из таблицы видно, что бесермянскому ъ имеются прямые соответствия в отдельных говорах и диалектах как южного, так и северного наречий: в татышлинском, красноуфимском, кукморском говорах; в граховском, нижнеижском, кырыкмасском говорах южного (центрального) диалекта; в среднечепецких говорах северного наречия. В то же время хочется отметить, что подавляющее большинство удмуртов употребляет неогубленный гласный верхнего подъема среднего ряда ы.

Следует сказать, что татышлинский и красноуфимский говоры возникли лишь в конце XVI в. после падения Арского княжества и Казанского ханства. Их носители переселились из Арской зем-

ли, язык которых родственен кукморскому, отчасти шошминскому говорам. Как мы заметили выше, Арская земля была родиной и для бесермян, ибо по Арской, особенно по Зюрейской, иначе называемой Чувашской, дорогам находились бесермянские селения в смешении с удмуртскими.

«Появление варианта *ы* (> *ъ*) традиционно связывают с влиянием фонетической системы татарского языка на вокализм контактирующих с ним удмуртских диалектов, хотя не следует снимать со счетов немаловажную роль и внутренних факторов»,— пишет известный удмуртский лингвист проф. В. К. Кельмаков. Но изучив территорию распространения гласного среднего подъема заднего ряда *ъ*, возникает парадоксальная картина: данный вариант фонемы *ы* отсутствует в одном из наиболее сильно тюркизированных удмуртских говоров, как закамский (буйско-таныпский), распространенный на территории Башкирии и соседнего южного района Пермского края — Куединского; население здесь издавна двуязычно — удмуртско-татарское языковое общение сильно сказалось на всех уровнях структуры языка удмуртов Закамья. У их соседей — татышлинцев — действительно существует гласный среднего подъема заднего ряда *ъ*. Такая же картина на Арской земле и на юге Удмуртии. Так, у кукморско-мамадышской группы в языке функционирует *ъ*, в то же время у их соседей — балтасинско-карлыганской группы, также окруженных татарами, и также двуязычных,— функционирует фонема *ы* — неогубленный гласный верхнего подъема среднего ряда.

Более того, на юге Удмуртии в соседствующих с татарами селениях, в одном — произносится заднерядный *ъ*, в другом — средне-заднерядный *ы*, в третьем — среднерядный вариант фонемы *ы*, особенно это четко проявляется в говорах удмуртов Граховского, Алнашского, Киясовского районов Удмуртии.

Таким образом, гипотеза происхождения заднерядного *ъ* в удмуртских диалектах под влиянием татарского языка отпадает. Следует искать другие причины. Мы выдвигаем свое предположение о появлении заднерядного *ъ* в удмуртских говорах и диалектах под влиянием бесермянского языка.

На примере среднечепецкого диалекта северного наречия Л. Л. Карпова доказала, что в развитии *ы* в *ъ* дополнительным сопутствующим фактором оказалось влияние бесермянского языка, поскольку заднерядный вариант наблюдается чаще всего в тех говорах, носители которых издавна живут в соседстве с бесермян-

ским населением. В бесермянском наречии эта общеудмуртская фонема *ы* выступает в единственном варианте ъ (Карпова 1997: 49—50; 1998: 121—125).

Возвращаясь к южному региону, обратимся к схематической карте: здесь четко видна связь былого расселения бесермян ~ чувашей с распространением заднерядного ъ в говорах южных и арских удмуртов. Так, в бассейне нижнего течения р. Иж и по ее притокам — Кырыкмасу, Варзи, Усо, Чаж, Серсак, Варклеть — живут удмуртские воршудно-родовые группы *Омга* (д. Кузебаево, Муважи, Чумали, Черный Ключ, Варзибаш, Сарсак-Омга), *Салья* (Старая Салья, Кады-Салья, Нижняя Малая Салья, Верхняя Малая Салья, Карамас-Пельга), *Ӟумья* (д. Юмьяшур), *Пельга* (д. Варзи-Пельга, Карамас-Пельга), *Ӟатча* (с. Варзи-Ятчи), *Чудьӟа* (д. Кузюмово, Чемошур-Куюк), *Кибъя* (д. Шадрасак-Кибья), *Бӧдья* (д. Варклет-Бодья), в говорах которых употребляется заднерядный ъ или его вариант *ы*. Но изучив историю расселения данных родовых групп, выясняется следующая картина: воршудно-родовая группа *Омга* прибыла с нижней Вятки из деревень Дым-Дым-Омга и Виноградово современного Вятско-Полянского района Кировской области, где функционирует *ы;* воршудно-родовые группы *Салья* и *Чудьӟа* прибыли с бассейна р. Кильмези; в прикильмезских говорах употребляется среднерядный *ы*, сходный с фонемой литературного языка; жители Шадрасак-Кибьи переселились из с. Большая Кибья Можгинского района, а жители Варклет-Бодьи — из с. Малая Пурга и д. Малая Бодья Малопургинского района, в которых также употребляется среднерядный *ы*. Таким образом, у всех этих воршудно-родовых групп на исторической родине употребляется неогубленный гласный верхнего подъема среднего ряда *ы*, а гласный среднего подъема заднего ряда, похожий или близкий бесермянскому ъ, они приобрели уже на новой родине, где в XVI—XVII вв. совместно с удмуртами жили «чуваши» — бесермяне. Только жители с. Варзи-Ятчи, переселившиеся из с. Старые Ятчи Граховского района (конец XVI в. ?), употребляют заднерядный вариант ъ, но они никак не могли повлиять на фонетическую систему всего региона. Следует сказать, удмурты центральных районов Удмуртии, значительная часть северных и южных удмуртов не пользуются в своей речи гласной фонемой среднего подъема заднего ряда, она применяется только в бесермянско-удмуртской этноконтактной зоне.

Общеизвестно, что бесермянское наречие занимает как бы промежуточное положение между северным и южным наречиями:

фонетика этого языка находит прямые аналогии в говорах и диалектах южного наречия, а морфология близка северному наречию. Что касается северноудмуртских параллелей, мы отсылаем читателя к работам Т. И. Тепляшиной (1970), В. К. Кельмакова (1987; 1998), Л. Л. Карповой (1997; 1998: 121—127), а на южноудмуртские параллели обратим особое внимание, ибо, кроме общих указаний на некоторые фонетические соответствия языка бесермян и южных удмуртов, подробных работ по этой теме в удмуртоведении не существует.

Сравнительно-сопоставительный анализ языка бесермян показывает, что наиболее близкие аналоги он находит в кукморском говоре южноудмуртского наречия, причем они пронизывают все уровни (примеры взяты из работ В. К. Кельмакова):

1) общеудмуртская гласная фонема *ы* реализуется во всех позициях фонетической структуры слова в заднерядном варианте *ъ*;

2) в позиции перед велярными согласными или между препозитивными щелевыми *ж*, *ш* и последующими палатальными — употребляется гласный *ъ* на месте лит. *и* *гъжсъ* «ноготь, коготь»; *ӟъръ* «шарнир; дверная петля»; *н'ъм* «имя» и др.;

3) в финитных и инфинитных глагольных формах на *-мъ*, *-дъ*, *-зъ* ударение падает на предшествующий этим суффиксам слог;

4) в формах косвенных падежей имен существительных, местоимений и послеложных сочетаний, имеющих притяжательные суффиксы *-мъ*, *-дъ*, *-зъ*, ударение падает на предшествующие этим суффиксам слоги;

5) в порядковых числительных ударение падает на первый слог суффикса (подобная фиксация ударения — см. пункты 3, 4, 5 — характерна для северного наречия);

6) фонемный статус имеют лишь две палатальные аффрикаты *ч* и *ӟ*, велярные же *ӵ*, *ӝ* вышли из употребления;

7) произошла замена палатальных аффрикат в позиции перед *-г* + любой спирант на палатальные смычные: *ч* > *т'*; *ӟ* > *д'* (подобное явление характерно для периферийно-южных говоров);

8) общеудмуртский анлаутный губно-зубной согласный *в-* спорадически замещается губно-губным *б-* (такое явление характерно и для шошминского говора);

9) под влиянием переднерядных гласных *и*, *э* произошла палатализация зубных согласных *н* > *н'*; *т* > *т'*; *д* > *д'* (эта особенность находит корреляцию в большинстве говоров южного наречия);

10) показателем аблатива является суффикс *-лис'* (*~ -л'ис' лъс'*) (данная форма характерна также для шошминского, частично бавлинского и канлинского говоров южноудмуртского наречия);

11) деепричастие с временным значением образуется с помощью суффикса *-къ* (эта особенность характерна для всех говоров южного наречия);

12) употребление деепричастия на *-тоз'* бесермянское наречие сближает с южным наречием (Кельмаков 1998: 286—304).

Вслед за кукморским говором фонетика и отчасти лексика языка бесермян находит явные аналоги в граховских, а также в кырыкмасских и закамских говорах южноудмуртского наречия. Более подробно остановимся на примере диалектной речи удмуртов Граховского района:

1) неогубленный гласный среднего подъема заднего ряда *ъ*, сходный с бесермянским, выступает в речи удмуртов д. Нижние Юраши (НЮ), Паново, Сарайкино, Горные Юраши, Поршур, Батырево, Мишкино; гласный верхне-среднего подъема средне-заднего ряда *ы* распространен в д. Старые Ятчи, Лолошур-Возжи (ЛВ), Мамаево, Мещеряково, Кузебаево, Верхняя Игра. Звук *ы*, совпадающий с вокалом литературного языка, функционирует в речи жителей д. Старая Игра, Байтуганово, Удмурт Возжай, Селянур, Нижние Адам-Учи, Средние Адам-Учи, Ягсьӧр (Соловьевка), Яги-Какси, а также в Удмуртском Сарамаке (Атаманов 1981).

2) неогубленный гласный среднего подъема среднего ряда *ӧ*, сходный с литературно-языковым *ӧ*, функционирует во всех селениях, но в более слабой позиции и нередко, подобно бесермянскому наречию, заменяется фонемой:

а) э: л'эм «черемуха»; *йэнъ ~ йэны* «осот»; *чэл'ъ ~ чэл'ы* «мизинец» и др.;

б) фонемой *о*: *пос'къ ~ пос'кы* «чирей, фурункул»; *полън ~ полын* «среди, внутри»; *пос'тън ~ пос'тын* «износиться, изнашиваться»; *полэстън ~ полэстын* «скрутить, ссучить пряжу»;

3) как и в языке бесермян, в соседстве с палатальными согласными в речи старшего поколения спорадически выступает нефонематический *ӱ*: *зӱчы* «лиса», *чӱн'ы* «жеребенок», *кӱд'окын ~ кид'окын* «далеко; вдали», *с'ӱс'тыл* «свеча» (примеры записаны в д. Старая Игра — СИ) и др.;

4) праудмуртский **ӱ* перешел в *у*, но имеется более 30 слов, где вместо ожидаемого *у* выступает *ы* (*~ ы ~ ъ*): *пыны ~ пънъ* «собака»,

ср. бес. *пънъ* «тж»; *йыбо ~ йъбо* «столб», ср. бес. *йъбо* «тж»; *зыŋдэс ~ зъŋдэс* «перстень», ср. бес. *зъндэс ~ зундэс* «тж»;

5) гласный *ы* (*~ ы, ~ ъ)* перед палатальными согласными, подобно говорам южного и бесермянского наречий, изменился в *и: вил'* «новый», *тис'* «семя», *пиз'* «мука», а также *мин'о* «кукла», *н'ил'* «четыре», *кид'окын ~ кӳд'окын* «далеко» и др.;

6) в некоторых случаях, как и в бесермянском наречии, кукморском говоре на месте *и* литературного языка употребляется *ы* (*~ ы, -ъ): гынэ ~ гънэ* «только», ср. бес. *гънэ* «тж»; *жыŋгыртэ ~ жъŋъртэ* «звенит», ср. бес. *жънгъртэ* «тж»; *йывор* (СИ) *~ йъбор* (НЮ) «весть; известие», ср. бес. *йъвор ~ йъбор,* лит. *ивор* «тж» и др.;

7) как и в бесермянском наречии, но значительно чаще, как в конце, так и в середине слова употребляется заднеязычный носовой согласный *ŋ: жӟыŋы ~ жӟъŋы* «половина», *туŋгон* «запор; замок», *ӵыŋ ~ ӵъŋ* «дым» и др.;

8) в речи жителей д. Байтуганово, как и в бесермянском наречии и в некоторых других диалектах южноудмуртского этнолингвистического ареала, употребляется гортанный смычный согласный (гамза), реализующий на месте *д, т, г, к* в позиции перед сонорными: *у'мурт* (лит. *удмурт); у'мын* (лит. *уг мыны)* «не пойду»; *кы'цы* (лит. *кытчы,* диал. *кытцы)* «куда»;

9) в говоре д. Удмуртский Сарамак, как и в бесермянском наречии, говорах периферийно-южного наречия, в ряде слов велярные аффрикаты *ӵ* и *жӟ* перешли в палатальные аффрикаты *ч* и *ӟ: чуж* «желтый», *чӧж* «утка»; *ӟӧк* «стол»; *ӟуам* «сгорел; сгоревший» и др.;

10) под влиянием предшествующего *и,* как и в бесермянском наречии, в большинстве диалектов южного наречия происходит палатализация твердых согласных: *ин'бам* «небо; небосвод»; *кин'* «кто», *ин'шыр ~ ин'шър;* «гумно, ток» и др.;

11) для граховских говоров и бесермянского наречия характерно выпадение гласного *ы* (*~ ы, ~ ъ*) в абсолютном конце слова в инфинитиве: *ужан,* лит. *ужаны* «работать», *гожтын ~ гожтън,* лит. *гожтыны* «писать, написать»; *курын ~ курън,* лит. *курыны* «просить».

Хочется обратить внимание на ряд лексических параллелей в бесермянском и южноудмуртском наречиях, отсутствующих в северном наречии и в срединных говорах удмуртского языка; за основу южноудмуртского наречия беру говоры удмуртов Граховского района: бес. *аби* «бабушка» — грахов. *аби* «бабушка», «теща»; бес.,

грахов. *анай* «мать»; бес., грахов. *атай* «отец»; бес. *Акаяшка* — праздник перед весенне-полевыми работами — грахов. *Акашка* «Пасха», в древности, как и у бесермян, праздник перед выходом на весенне-полевые работы; бес., грахов. *алача* «пестрядь, холст»; бес., грахов. *бут'мар* «чресплечное украшение женского костюма»; бес. *алла!* — грахов. *алла ~ аллакайым!* — междометие, выражающее восторг, восхищение, сожаление; бес. *гид'куаз'* «двор» — грахов. *гид'куаз'* (НЮ), *гут'каз'* (СИ) «тж»; бес. *йъвор* — грахов. *йывор* (СИ), *йъбор* (НЮ) «весть, известие»; бес., грахов. *карт* «муж, супруг»; бес. *къйъ* — грахов. *куйы ~ куйъ* «колодец»; бес. *оиг ~ ойик* — грахов. *оик ~ ойик* (НЮ, ЛВ), *одиг* (СИ) «один» (но везде *чужоик* — двоюродные братья по материнской линии); бес. *йан'чик* — кисет, носимый бесермянскими женщинами на поясе или на плечевой перевязи камали — грахов. *йан'чик* — кисет, кошелек для денег и др.

Многие из приведеиных слов являются тюркскими заимствованиями. Вероятно, они попали в язык бесермян и южных удмуртов на той территории, где они жили совместно и в соседстве с булгарами-чувашами, позднее — с татарами.

Фонетика, отчасти морфология, лексика бесермянского наречия находят параллели в диалектной речи удмуртов Урала, живущих в Башкирии, Пермской, Свердловской областях. Уральская группа удмуртов начала формироваться лишь с конца XVI в. Естественно, среди переселенцев с удмуртской территории были и бесермяне (чуваши). Но языковые параллели между уральской группой удмуртов и бесермянами не так ярки, как между граховскими и, особенно, арскими (кукморскими) удмуртами.

Таким образом, наше исследование показывает, что исторической родиной бесермян до переселения их части в верхневятско-чепецкий бассейн была Арская земля, расположенная в нижнем течении р. Вятки и Камы. Они жили в смешении с удмуртами, в соседстве с булгарами (чувашами), буртасами (иранцами), позднее — с татарами Золотой Орды и Казанского ханства.

Если допустить, что до появления бесермян на Арской земле они были иранцами или тюрками по языку, на что имеются веские доказательства этнографов, историков, антропологов, искусствоведов, то на удмуртский язык общения они перешли именно в среде арских (южных) удмуртов, близкий современному кукморскому и граховскому говорам южноудмуртского наречия. Т. И. Тепляшина также считает, что бесермяне удмуртский язык освоили в Прикамье от юго-западной группы удмуртов (Тепляшина 1970: 21).

В свою очередь, бесермяне оказали влияние на язык южных, прежде всего кукморско-мамадышских (арских), граховских, нижнеижских, приуральских удмуртов, а также на говоры удмуртов средней Чепцы, т. е. северных удмуртов.

В то же время, изучая язык бесермян в связи с этногенезом его носителя, никак не можем не учесть мнение В. К. Кельмакова, который в результате всестороннего анализа языкового материала пришел к выводу о том, что «своеобразие языка бесермян в системе удмуртских диалектов заключается не столько в обилии в нем специфически бесермянских, свойственных только ему явлений, сколько в причудливом переплетении этих специфических явлений с особенностями как северного (в особенности морфологии), так и южного (преимущественно в фонетике) наречия» (Кельмаков 1998: 304; 1987: 114—115). Подобно Т. И. Тепляшиной и некоторым другим ученым исследователь не видит повода считать бесермян носителем булгарского языка в недавнем прошлом, особенно на лингвистическом материале.

Таким образом, древняя история бесермян, их этноязыковая основа, время появления их на Арской земле, связь этнонимов «бесермян» ~ «бусурман» и «чуваша», время и причины переселения на Чепцу, в среду северных удмуртов, и ряд других важных моментов в этногенезе этого народа до сего времени остаются не разгаданными. Воршудно-родовое деление, столь характерное для всех групп удмуртов и совершенно отсутствующее в среде бесермян, ставит дополнительные вопросы в удмуртском происхождении бесермян. У них отсутствовал конусообразный головной убор айшон (ашъян), встречающийся у всех групп удмуртов; не зафиксирован у них культ куалы и др. Этногенез, этапы формирования любого народа без изучения археологических памятников, основываясь только на лингвистике и этнографии, не могут быть достоверно выяснены. К сожалению, бесермяне, наверное, единственный народ в России, не имеющий привязки ни к одной средневековой, тем более к древней археологической культуре.

5. Топонимика — один из разделов этногенетической науки

Один из разделов ономастики, изучающий собственные географические имена, называется топонимикой (от греч. *topos* «место» +

onoma, onyma «имя, название»). Топонимика — часть лингвистики, изучающая историю создания, преобразования и функционирования географических названий. Она теснейшим образом связана с географией, историей, а также этнонимикой, антропонимикой, археологией, этнографией, биологией и другими научными дисциплинами. Совокупность географических названий какой-либо страны или местности обозначают словом топонимия.

История народа и страны складывается из многих слагаемых, в т. ч. и из таких, казавшихся на первый взгляд малозначимых категорий, как названия географических объектов, личных имен людей, этнонимов, теонимов, космонимов. Каждое название имеет определенный интерес для языка, истории, культуры, в том числе и этногенеза народа, особенно когда испытывается дефицит в древних письменных источниках. Один из ведущих специалистов по ономастике В. А. Никонов пишет: «Названия — слова,— они красноречиво свидетельствуют о языке тех, кто их дал. А так как они прикреплены к месту, то по ним можно восстановить древний язык на определенной территории и очертить границы распространения его. Для большинства языков названия старше письменных свидетельств» (Никонов 1965: 11).

В истории мировой цивилизации можно найти многочисленные примеры, когда с исторической арены по разным причинам исчезли роды, племена и целые народы, но в письменных источниках других народов, как правило, стоявших на более высоких ступенях исторического развития, сохранились их названия, нередко имена вождей и других выдающихся личностей (ср. скифы, сарматы, гунны, меря, мурома, майя, инки и др.). От языка ираноязычных скифов, исчезнувших еще в начале нашей эры, остались личные имена и географические названия (Дон, Днепр, Днестр и др.). Благодаря этим крупицам, ученые смогли определить близость языка скифов к современному осетинскому, а также очертить ареалы их обитания.

Вопросы происхождения народов, их этнонимов, названий географических объектов — рек, морей, гор, полей, лугов, селений, городов, стран и континентов — волновали людей еще в ветхозаветные библейские времена.

Наряду с обобщающим термином **топонимика** употребляется также ряд детализирующих терминов: *ойконимия* (названия поселений), *гидронимия* (названия водных объектов), *оронимия* (названия форм рельефа), *микротопонимия* (названия мелких физико-геогра-

фических объектов функционирующих в пределах микротерритории) и т. д.

В изучение топонимии России огромный вклад внесли ученые XIX в.: А. Х. Востоков, А. М. Шегрен, Н. И. Надеждин, М. А. Кастрен, Д. И. Европеус, М. П. Веске и др. В начале XX столетия среди отечественных ученых выделяются имена, труды которых способствовали становлению и развитию науки о географических названиях: Л. С. Берг, В. В. Бартольд, А. И. Соболевский, В. Б. Шостакович, П. П. Семенов-Тян-Шанский, А. П. Селищев, М. Фесмер, Д. К. Зеленин и др. В современной научной литературе широкой известностью пользуются работы по топонимике В. А. Никонова, Э. М. Мурзаева, А. И. Попова, А. П. Дульзона, А. К. Матвеева, Б. А. Серебренникова, В. П. Топорова, О. Н. Трубачева, В. А. Жучкевича, И. С. Галкина, В. И. Абаева, Г. М. Керта, И. И. Муллонен, Д. В. Цыганкина, А. И. Туркина, Т. Н. Дмитриевой и многих других.

Начав повествование о языке, культуре и истории одного из древнейших финно-угорских народов Восточной Европы — удмуртов, следует отметить, что древние этапы их истории до сего времени изучены весьма слабо. Своя письменность у удмуртов возникла только в середине XVIII в., а в летописи других народов они попали довольно поздно. Начиная с конца I — начала II тыс. н. э. в восточных и, в первую очередь, в арабских источниках появляются первые краткие сообщения о народе *ар* (южные удмурты), об их стране — *Арсании (Ару)* со столицей в городе *Арса (Арта)*, о хозяйственной деятельности, прежде всего о ремеслах и торговле.

Но этого материала явно недостаточно для реконструкции древней истории всего удмуртского народа, поэтому приходится прибегать к другим источникам — лингвистике, археологии, этнографии, фольклористике. Из лингвистики, в первую очередь, обращаемся к географическим названиям, ибо каждый топоним — своего рода исторический документ или памятник, имеющий значение первоисточника. Не случайно топонимы именуются «языком Земли», так как они несут разностороннюю информацию о языке, истории, культуре народа, о его социально-экономическом уровне развития в разные исторические периоды; они помогают восстановить зооботанические, климатические, ландшафтные и иные изменения в природе изучаемого региона и т. д. Географические названия, в первую очередь этнотопонимы, с использованием данных археологии, палеоботаники помогли очертить границы эт-

нической территории удмуртов, начиная с самого раннего этапа ее формирования. Историко-этимологический анализ топонимов позволил выявить на территории Удмуртии географические названия, относящиеся к прапермскому, собственно удмуртскому, русскому пластам и отдельным вкраплениям угорского, самодийского, иранского, тюркского, марийского происхождения. В то же время географические названия удмуртского происхождения не ограничиваются территорией современной Удмуртии, они выявляются по всему Волго-Уральскому региону, особенно их много в бассейне Вятки, Нижнем Прикамье, включая бассейн р. Белой, где с древних времен жили удмурты и их предки по финно-угорскому языковому родству.

Историко-этимологический анализ географических названий помогает проникнуть в необъятную глубнну истории этноса и его языка; раскрыть духовный мир и красоту души народа — творца тех названий; показать величие языка, способного с помощью букв и слогов восстановить праисторию народа и страны, начиная с древних веков.

В решении этногенеза неоценимую помощь оказывают топонимические легенды и предания, отдельные сюжеты из богатырского эпоса народа. По ним отчасти восстанавливаются история заселения края, язык и культура, общественная и экономическая жизнь этноса. Топонимы и связанные с ними легенды и предания освещают историю этнических отношений в далеком прошлом, миграцию народов и отдельных родоплеменных групп, помогают восстановить потерянные звенья истории народа. Подчеркивая значение исторического подхода к топонимике, чешский топонимист В. Шмилауэр пишет: «...географические имена нельзя изучать в чисто языковом плане, наоборот, нужны и всесторонние сведения о носителях имен (объектах) и о тех, кто эти имена давал и употреблял» (см.: Жучкевич 1980: 63).

Основной материал для данного труда получен мною во время ономастических, фольклорно-диалектологических, этнографических, археологических экспедиций в разные районы Удмуртии, а также к удмуртам, проживающим в Татарии, Башкирии, Марий Эл, Кировской, Пермской (ныне — край), Томской областях и Красноярском крае.

Использованы архивные материалы, собранные в госархивах Кирова, Казани, Уфы, Перми, Ижевска, Москвы. Важным подспорьем в сборе материала послужили данные переписей

XVII—XIX вв., справочники административно-территориальных делений УАССР, ТАССР, БАССР, ЧАССР, МАССР, Коми АССР, Кировской, Пермской, Свердловской областей, а также такие солидные, несущие богатую информацию по географическим названиям, как «Список населенных мест Вятской губернии по сведениям 1869—1873 гг.» (СПб, 1875); «Костромская губерния. Список населенных мест по сведениям 1870—1872 гг.» (СПб, 1866); «Список населенных мест Казанской губернии по сведениям 1859 г.» (СПб, 1866); «Список населенных мест Казанского уезда с кратким их описанием» (Казань, 1885); «Список населенных пунктов Вотской автономной области» (Ижевск, 1924); общегеографические карты и др.

Начало изучению удмуртской ономастики, в данном случае географических названий, положили участники «Великой северной экспедиции» 1733—1743 гг. и «Физической, или Академической, экспедиции» 1768—1774 гг. Г Ф. Миллер, П. С. Паллас, И. Г Георги, Н. П. Рычков, И. Г. Гмелин, побывавшие среди удмуртов. П. С. Паллас одним из первых ученых дал этимологию гидронима Кама: *«Кам* означает на вотяцком языке вообще великую реку» (Паллас 1788: 29—30).

По словам путешественника, этнографа И. Г. Георги, удмурты свою страну называют *Кам Козин* (*козин* — вероятно, от удм. *кузя* «вдоль, по...», т. е. «вдоль Камы, по Каме».— *М. А.)*, «сиречь промеж реками лежащую землю, а именно между Камою, которая на их языке нарицается *Будзин Кам,* и Вяткою, коя у них называется *Вятка Кама»* (Георги 1776: 55).

Г. Ф. Миллер одним из первых попытался дать этимологию некоторых топонимов бассейнов Вятки и Камы. По его данным, реку Вятку удмурты называли *Вятка-Кам,* марийцы — *Науград-Вичь,* а татары — *Наукрат-Идель. «Кам, вичь* или *виц* и *идель* на вышеупомянутых языках значат вообще реку». Название слободы Кукарска (ныне рп. Советск в Кировской обл.) он связывал с удмуртским словом *кар* «город». Г. Ф. Миллер обратил внимание на частое повторение в составе названий удмуртских деревень слова *пилги (<Пельга* — воршудно-родовое имя удмуртов.— *М. А.)* (Миллер 1791: 3, 11, 15, 28).

Автор книги «История Вятчан» А. И. Вештомов ошибочно предположил, что этнонимы *вотяк* (удмурты) и *вятичи* (восточнославянское племя, жившее по р. Оке и вокруг Москвы) имеют единое происхождение и на этой основе прародину удмуртов поместил на

р. Оке. По его мнению, с Оки они пришли на Вятку, а после появления русских удмурты с Вятки отступили на восток, в бассейн р. Чепцы (Вештомов 1908: 5—6).

А. А. Спицын в своих этногенетических построениях широко использовал удмуртский топонимический материал, легенды и предания, связанные с историей возникновения ряда археологических памятников Вятско-Камского междуречья. Он обратил внимание на названия нескольких городищ правобережья Вятки, именующихся в речи местных марийцев *Одолем* «удмуртское жилье» (*одо* — марийское название удмуртов + *лем* < *илем* «жилище».— *М. А.)*. Ученый считал, что удмурты являются древнейшими жителями Вятской земли. Название главной реки края — Вятка он связывал с удмуртским этнонимом — *ватка*. (Спицын 1881: 25—90; 1893: 93—100, 144—155).

В статье Г. Н. Потанина «У вотяков Елабужского уезда» содержится немало сведений по удмуртской ономастике, ценны его записи легенд и преданий, связанных с героическим эпосом удмуртов. Как и исследователь-путешественник начала XVIII в. Г. Ф. Миллер, он обратил внимание на часто повторяющиеся в составе названий удмуртских деревень одних и тех же слов — *Омга*, *Пельга*... (Потанин 1884: 190—194).

Обширный ономастический материал содержится в трудах первого удмуртского ученого-этнографа, просветителя Г Е. Верещагина «Вотяки Сосновского края» (1884 г.), «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии» (1889 г.), «Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда» (1895 г.) и др.

Этнограф П. М. Богаевский дал краткое описание некоторых родовых гнезд удмуртов Сарапульского уезда (Богаевский 1888: 44).

Известный исследователь этнографии народов Поволжья и Приуралья И. Н. Смирнов, подобно археологу А. А. Спицыну, в решении этногенетических проблем широко и умело использовал топонимический материал. Одним из первых он описал удмуртский пласт географических названий в бассейне Вятки; обратил особое внимание на возникновение этнотопонимов «Вотяки», «Одо» на территории Вятской, Вологодской, Костромской губерний. По мнению исследователя, с правобережья Вятки удмурты были оттеснены марийцами и русскими в пределах XIII—XV вв. (Смирнов 1890).

По мнению этнографа Д. К. Зеленина, в истории заселения Вятки прослеживается такое правило: там, где финны (имеется в виду удмурты и марийцы) уходили после открытой борьбы (например,

около городов Котельнича и Вятки), селений с местными финскими именами почти совсем нет, и, напротив, где финны уходили сами, без открытой борьбы (ассимиляцию местных народов в русской среде он не признавал), там большой процент селений носит финские местные имена; во время войн селения сжигались, и имена их забывались (Зеленин 1901: 96—108).

Значительный вклад в изучение этнографии, фольклора, ономастики и археологических памятников северных удмуртов внес Н. Г. Первухин. В «Вятских губернских ведомостях» (1889. № 85) он опубликовал большой список названий древних городищ, селищ, могильников с бассейна р. Чепцы, которые он сам выявил; указал точное место их расположения, записал от местного населения удмуртские названия тех памятников, а также легенды и предания, связанные с их возникновением. Этимологии тех древних топонимов, данные исследователем, до сих пор не потеряли своей научной значимости.

Много интересных сведений по истории заселения удмуртами северо-западных районов Татарии приводит И. А. Износков. В этом регионе им выявлено ряд топонимов удмуртского происхождения (Износков 1882).

Этнограф С. К. Кузнецов довольно удачно пытается объяснить часто встречающийся у удмуртов микротопоним *вужгурт* «место старого поселения». Историю возникновения тех названий он связывает с подсечным земледелием, бытовавшим среди удмуртов еще в недавнем прошлом (Кузнецов 1904: 27—28).

По истории заселения Заказанья привлекает статья Н. А. Спасского «Очерки по родиноведению. Казанская губерния». Он пишет, что в XIV—XVI вв. удмурты, или *ари,* заселяли Казанский, Мамадышский, отчасти Царевококшайский уезды; «был народ ари, Арская волость, Арский городок, с которыми имели дело воеводы царя Ивана Грозного. Но магометанство поглотило вотяков, переименовав их в татары». Отмечает, что крещенные татары Казанского, Лаишевского, Мамадышского уездов до принятия христианства были в значительной степени отатаренными удмуртами; «в Казанской губернии от многих вотских селений остались лишь названия *Ари, Арск, Арино, Арбан* и т. п.». Как и участники экспедиций XVIII в., Н. А. Спасский этимологию ойконима *Арск* связывает с этнонимом *ар* «удмурт» и указывает, что в пригороде Арска сохранилось удмуртское кладбище (Спасский 1913: 35—40, 90—95, 134).

Современные топонимисты Татарии Г. Ф. Саттаров и Ф. Г Гарипова по этому региону приводят многочисленные примеры географических названий удмуртского происхождения, а также этнотопонимы на *ар: Ар-йылгасы* «удмуртская река», *Ар-чишмесэ* «удмуртский родник», *Ар-мазары* «удмуртское кладбище», *Ар-тавы* «удмуртская гора» и др., указывающие на пребывание в этом регионе удмуртов (Саттаров 1969: 162—196; 1980: 32—49; Гарипова 1976: 128—130; 1978: 53—57).

В результате анализа географических названий Волго-Вятского междуречья М. Г Худяков пришел к выводу о том, что удмурты были древнейшими жителями края и что «речь удмуртского типа была некогда распространена по всей территории междуречья». Окончания *га // ва // ма // ща* в Поволжье он связывал с пермоязычным этносом (Худяков 1917: 1—64; 1935: 124).

Богатый языковой (включая и ономастический), фольклорно-этнографический материал собрал венгерский лингвист Б. Мункачи во время пребывания в 1884 г. у удмуртов Вятской, Казанской, Уфимской губерний, а также от военнопленных-удмуртов, содержащихся в годы Первой мировой войны в лагерях на территории Венгрии. Транскрибированные тексты с переводом на немецкий язык были изданы в 1952 г. в Хельсинки, в подготовку которых огромный труд вложил ученик академика Б. Мункачи Д. Фокош-Фукс (Volksbzauche und Volksdichtung dez Wotjaken.— Helsinki, 1952.—715 с.).

В словаре Т. К. Борисова «Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь», изданном в 1932 г., содержится большое количество местных географических терминов удмуртского языка с указанием их диалектной принадлежности. Многие из них в наши дни в живой речи удмуртов уже не употребляются. В нем приводятся также ойконимы, гидронимы, оронимы, связанные с историей удмуртов.

Как видно из вышеизложенного, до середины нашего столетия вопросами удмуртской ономастики чаще всего интересовались этнографы, археологи, фольклористы, историки-краеведы. Они использовали данные топонимики (как и других разделов ономастики) в качестве дополнительного источника при решении других, неономастических проблем. Первые самостоятельные статьи по удмуртской топонимии начинают появляться лишь в начале 60-х годов XX в. Так, например, Г. А. Архипов в популярной форме ознакомил читателей республиканского журнала «Молот» с неко-

торыми принципами номинации географических объектов Удмуртии (Архипов 1963: 49—54).

С. К. Бушмакин посвятил ряд статей проблемам отражения воршудно-родовых имен в топонимии (Бушмакин 1969: 166—176; 1970: 168—176). Ценный материал по истории расселения и возникновения селений Шарканского и Якшур-Бодьинского районов содержится в приложении к его кандидатской диссертации (1971).

Более 10 научных статей, посвященных неразработанным проблемам удмуртской и бесермянской топонимики, опубликованы Т. И. Тепляшиной. Как наиболее удачные, хочется отметить ее статьи «К вопросу об этнониме *пор*» (1965), «Еще раз о топоформанте -ым (-им)» (1965), в которых впервые она выделяет топонимические элементы обско-угорского происхождения на территории Удмуртии. В статье «Топонимы на -кар и некоторые вопросы, связанные с расселением бесермян» (1971) Т. И. Тепляшина анализирует названия археологических памятников бассейна Чепцы.

Заслуживает также внимания статья Л. И. Калининой «О географическом термине *тор* и его вариантах», в которой исследователь раскрывает историю географических апеллятивов *тор* ~ *тур* ~ *лор* ~ *шур* ~ *шор* в угорских и пермских языках в связи с контактами предков этих народов с иранскими племенами (Калинина 1967: 109—113).

В наши дни разработкой многих проблем удмуртской ономастики и сбором топонимического материала в Удмуртии плодотворно занимаются М. Г. Атаманов, Л. Е. Зверева-Кириллова, М. А. Самарова и др.

Ценные сведения по удмуртским топонимам Волго-Камья и Приуралья содержатся также в работах таких исследователей, как И. С. Галкин, Д. Е. Казанцев, Ф. Г. Гарипова, Г. Ф. Саттаров, М. Р. Федотов, А. С. Кривощекова-Гантман, Н. Б. Бурганова, О. В. Востриков, Л. М. Майданова, Л. С. Зеленцов, Е. Н. Полякова, и др.

5. 1. Исторические пласты удмуртской топонимии

Удмуртия, как и большинство республик, краев и областей России — многонациональная республика. Из большого числа народов, населяющих Удмуртию, лишь удмурты, русские, марийцы, та-

тары и чуваши имеют здесь свои отдельные поселения — деревни, починки.

Материалы ранних, известных к настоящему времени переписей показывают, что в начале XVII в. в северной Удмуртии, в бассейне средней и верхней Чепцы, жили одни удмурты, и лишь в конце того же века в 5 селениях появились бесермяне и один двор татарский. Русского населения в то время здесь еще не было.

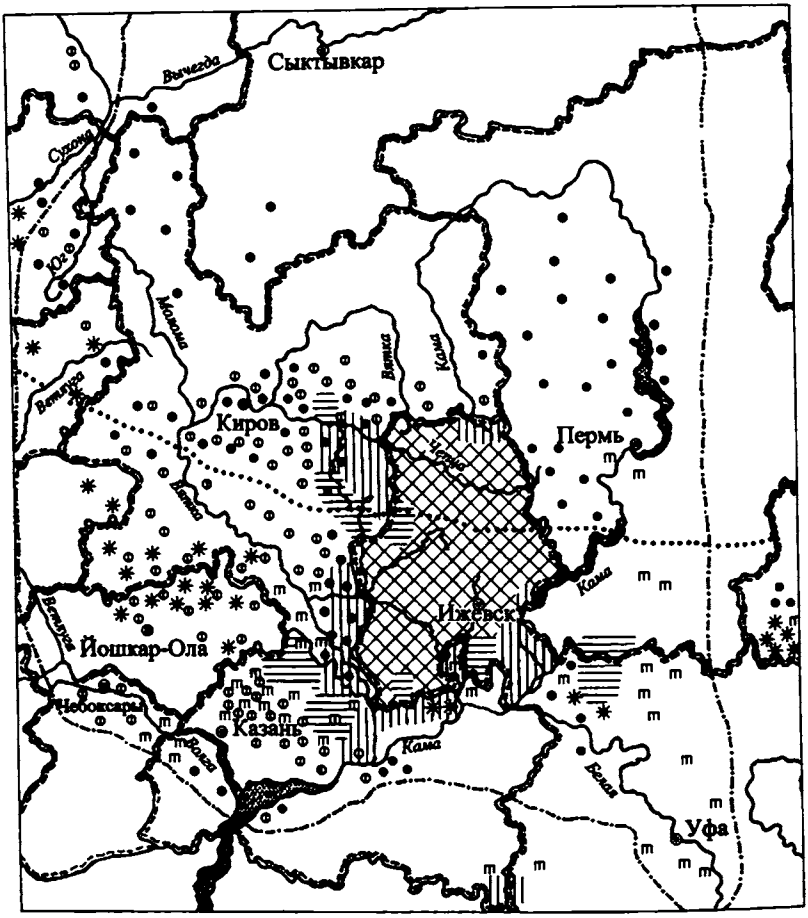
По южной и центральной Удмуртии имеются материалы Ландратской переписи 1716 г. Перепись показала, что этнический состав рассматриваемого региона, в сравнении с северной Удмуртией, был более пестрым. По подсчетам историка М. В. Гришкиной, во всех удмуртских сотнях Арской дороги в 1716 г. было 311 селений удмуртов с населением 15 424 человека, 37 селений русских с населением 2628 человек, 6 селений татар с 117 жителями, 1 починок марийцев с 8 жителями.

Итоги 11-й ревизии (1743—1744 гг.) показали, что преобладающим населением удмуртских сотен Казанского уезда (южная и центральная Удмуртия, северо-западные районы Татарии, крайнеюжные и юго-восточные районы Кировской области) и долей Слободского уезда (северные районы Удмуртии, причепецкие районы Кировской области) продолжали оставаться удмурты: в удмуртских сотнях Арской дороги они составляли 84,4% всего населения, а в долях Каринского стана Слободского уезда — 90,9% (Гришкина 1976: 112—116).

Как свидетельствуют археологические материалы и данные переписей, на территории Удмуртии во все времена преобладающим населением были удмурты и их предки. Вятско-Камское междуречье для них было прародиной.

Было бы неверным полностью отрицать проникновение отдельных родоплеменных групп родственных и неродственных удмуртам народов в разные исторические периоды. Они были и есть. Об этом свидетельствует язык Земли — **топонимия**.

При выделении исторических пластов разноязычного происхождения, исходят из положения о том, что топонимические пласты представляют собой целостные комплексы топонимов, возникших в процессе длительного проживания на данной территории определенных народов. От пластов следует отличать топонимические элементы, представляющие собою единичные, сравнительно редко встречающиеся иноязычные названия. Возникли они вокруг отдельных поселений иноязычных народов среди единого, ком-

Распространение топонимов удмуртского происхождения

— более половины топонимов удмуртского происхождения (70—80%); — около половины (40—60%); — не более 10—20%; Ф — единичные топонимы удмуртского происхождения; ✳ — этнотопонимы Одо; m — этнотопонимы Ар; ● — этнотопонимы Вотяк; ▬•▬ — граница ананьинской археологической историко-культурной общности; ••••• — северная граница произрастания дуба черешчатого

пактного по языку населения, тогда как топонимические пласты занимают сплошную территорию. На каждой территории топони-

мических элементов гораздо больше, чем топонимических пластов (Жучкевич 1980: 104—105).

Исходя из этих важных положений, в географических названиях Удмуртии можно выделить прапермский, собственно удмуртский, русский топонимические пласты и угорские, самодийские, тюркские, марийские топонимические элементы.

5. 2. Прапермский топонимический пласт

Он самый древний в топонимии Удмуртии. Его создателями были еще неотделившиеся предки удмуртов, коми-зырян и коми-пермяков. Из прапермского возникает и развивается собственно удмуртский топонимический пласт.

По данным ученых, время, начиная с отпочкования из финно-угорской общности предков пермских народов и до разделения их на праудмуртов и пракоми, принято называть общепермской эпохой. Общепермская эпоха длилась около полутора тысяч лет. Прапермяне жили по нижнему и среднему течению Камы и Вятки в соседстве с волжско-финскими, угорскими и иранскими племенами.

К прапермскому пласту относятся лишь те апеллятивы, которые не встречаются в словарном фонде современного удмуртского языка, но они бытуют у коми, или ии в одном из пермских языков в живой речи не употребляются, однако сохранились в географических названиях, и параллели выявляются в других родственных уральских языках:

ва «вода», «река»: р. Ва (рус. назв. Ува) — правый приток р. Вала; р. Вала — левый приток р. Кильмезь: *ва* + *-ла* — аффикс; рч. Кушва — в бассейне р. Умяк: *куш* «лесная поляна»; рч. Порва — приток р. Чур: *пор* — этноним: 1) название одной из фратрий обских угров; 2) удмуртское название марийцев; р. Сива — правый приток р. Камы: *си* — деэтимологизированное слово, довольно часто встречается в топонимии Удмуртии; Кыква — населенные пункты в Якшур-Бодьинском, Шарканском, Кезском районах: *кык* «два»; вероятно, селение, расположенное у слияния двух рек.

Географические названия на *ва* составляют самую распространенную группу гидронимов коми-пермяцкого происхождения в Верхнем Прикамье. На территории Удмуртии названий на *ва* немного, почти все они находятся в центральных районах республи-

ки. Данная лексема в значении «вода» имеет параллели и в других уральских языках.

Л'ук ? «река»: Люк — название нескольких небольших рек в бассейнах Чепцы и Ижа; производные от гидронимов ойконимы Люк, Новый Люк, Речка Люк, Верх-Люкино, Верх-Люк, Люктупал имеются в Балезинском, Люк, Устье-Люк, Лозолюк, Люквыр — в Игринском, Люк, Верхний Люк, Люкшудья — в Завьяловском районах.

Рассматриваемый апеллятив восходит к общепермскому **juk* «река», который в свою очередь находит соответствия во многих финно-угорских и самодийских языках. В удмуртском древний среднеязычный *й-* начала слова в положении: гласный + *-к* или *-г* нередко заменяется сонорным мягким *л'-*, ср. коми *юк* ~ удм. *люк* «куча, груда, ворох»; коми *юкмӧс* «колодец; прорубь» ~ удм. *люкмес* «прорубь»; коми *юкны* ~ удм. *люкыны* «делить, разделить» и др.

Топонимы на *юг, юга* плотным кольцом окружают Удмуртию. По подсчетам А. К. Матвеева, наиболее компактный ареал находится в междуречье Ветлуги, Унжи и Юга — около 40 названий. Реликтовая гидронимика на *юг* в Прикамье (Пермский край, северные районы Башкирии) и ветлужская гидронимика на *юг,* по мнению исследователя, являются остатками общепермского топонимического пласта, некогда распространенного по всему Прикамью, частично и в Верхнем Поволжье. Топонимист А. К. Матвеев и археолог В. Ф. Генинг пришли к единому мнению: ареал географических названий на *юг, юга* совпадает с границей ананьинской археологической культуры (VIII — III вв. до н. э.), принадлежавшей предкам пермских народов (Матвеев 1961: 138; 1965: 211). Удмуртский материал до сих пор никем не учитывался.

Мес ~ месь ~ мас ~ мос ? «водный источник»: рч. Кутмес — приток р. Сарапулки; рч. Кутмесь — в бассейне Камы: *кут* < *куд* «болото, топь»; рч. Кузмесь — в бассейне р. Иж: *куз* < *кузь* «длинный; долгий» или *куз* «пара, парный»; рч. Пожмес — в бассейне р. Валы: *пож* «грязный, мутный»; р. Кырыкмас — в бассейне р. Иж: *кырык* — этимология не ясна; рч. Валамаз — в бассейне р. Кильмезь: *Вала* (см. Ва); рч. Куклемаз — в бассейне р. Вильмезы: *кукле* — этимология не ясна; р. Яромаска — в бассейне р. Камы; рч. Нардомас — в бассейне р. Валы: *нардо* < *нарды* «барсук; барсучий»; рч. Ожмос — в бассейне р. Иж: *ожӟ ?* < *оӵ ~ ош* — деэтимологизированное слово, довольно часто встречается в гидронимии Волго-Ка-

мья: *Ош, Ошма, Ошлань, Ошторма, Ошла* и др., ср. *Оӵ* — удмуртское название р. Иж.

Топонимы на *мес* ~ *мас* ~ *маш* охватывают территорию Прикамья, Среднее Поволжье, бассейн Вятки и Коми АССР — место распространения ананьинской археологической культуры. Ни в тюркских, ни в родственных марийском и мордовском языках слова *мес* ~ *меш* ~ *мас* ~ *маш* нет. Лишь в пермских языках — удм. *мес* ~ к. *мӧс* — употребляются в составе сложных гидротерминов, ср.: удм. *люкмес* «прорубь» ~ к. *юкмӧс* «прорубь; колодец»; удм. *ошмес* «родник» ~ к. *ӧшмӧс* «колодец; прорубь»; удм. *армес* «трясина, топь, зыбучее болото», «родник с берега реки» и др. Из гидронимических названий видно, что *мес* ~ *мӧс* в прапермском языке мог означать «водный источник; исток». Специалист по коми топонимии А. И. Туркин топоформант *мӧс (мас)* также возводит к самостоятельному слову в значении «источник, истоки» (Туркин 1971: 198—199).

Ой ~ *уй* ~ *уйо* ~ *ай* ~ *айа* ? «ручей»: Чумой — название нескольких рек в бассейнах Валы, Кильмези и Чепцы: *чум* «клеть; лесная избушка, шалаш»; Вожой — притоки рек Тоймы, Ижа, Позими: *вож* «зеленый», «перекресток, перепутье; устье реки»; рч. Кожой — в бассейне р. Чепцы: *кож* «залив; омут»; Тылой — названиие ручьев в бассейнах Вотки и Валы: *тыл* «огонь; огненный» или от *тыло* «подлесок»; Чубой — ручей и одноименный населенный пункт в Балезинском р-не: *чуб* — деэтимологизированное слово; Шубой — ручей и одноименный населенный пункт в Кезском р-не: *шуб* — деэтимологизированное слово; Покой — ручей и одиоименный населенный пункт в Можгинском р-не: *пок* — деэтимологизированное слово (ср. также Покшур — река в бассейне р. Люги); рч. Уй — приток р. Валы; рч. Уё — приток р. Валы; рч. Уйы — приток р. Иты; рч. Зилай — в бассейне р. Чепцы: *зил* < *зыл* «плавно; плавный»; рч. Шурай — в бассейне р. Чепцы: *шур* «река»; рч. Дунай — в бассейне р. Чепцы: *дун* «чистый, прозрачный»; рч. Чажай — в бассейне р. Чепцы: *чаж* — деэтимологизированное слово, ср. коми *чаж* «быстрый; проворный; расторопный»; Кушай — лог с высохшим ручьем в д. Старая Игра Граховского р-на: *куш* «лесная поляна»; Аяшур — ручей и одноименный населенный пункт в Селтинском р-не; Айшур — ручей и одноименный населенный пункт в Кизнерском р-не: *шур* «река».

В коми топонимии также зафиксированы гидронимы на *ой* ~ *ай*: Вижай, Сусай, Кумай, Тылой и др.

Значение топоформанта *ой ~ уй (уйо ~ уйы) ~ ай (айа)* не объяснимо на основе современных удмуртского и коми языков, оно находит истолкование на материале других родственных языков, ср.: финское, вепсское, эстонское *оја* «ручей; протока, канава». Можно полагать, что данный топоформант в прапермском языке выступал в том же значении — *йул'* ? «лесная речка»: рч. Июль — приток р. Позимь и производный от гидронима ойконим Июльское в Воткинском р-не.

Удмуртское *йуль,* вероятно, связано с коми *ёль* «небольшая лесная речка». Звукосоответствие удм. *у* ~ коми *ё* не вызывает сомнений, ср. удм. *юн* ~ к. *ён* «сильный, крепкий»; удм. *юриськыны* ~ к. *ёрны* «клясть, проклинать»; удм. *юш* ~ к. *ёкыш* «окунь» и др.

Район с. Июльского населен русскими, до них здесь жили удмурты. Пришлое население освоило удмуртское название, сблизив его под влиянием народной этимологии с названием месяца — *июль.*

Лöп ? «лесная чаща», «валежник, бурелом»: р. Лöп (рус. Лып) — приток р. Чепцы; Лöп (рус. Лып) — река в бассейне Камы. Названия селений Лып-Булатово Кезского, Малый Лып, Лып-Гари Воткинского, Лып-Селяны (удм. Лöп) Шарканского районов свое происхождение ведут от данных гидронимов.

Этимологически удмуртские топонимы, без сомнения, связаны с коми *лöп* «древесный хлам; валежник», с коми-пермяцким *лöп* ~ *вöп,* «лесная чаща», «древесный дрязг (сор), нанесенный водой в половодье».

Ожги ? «заросшее травой озеро»: Ожги — ручей и одноименный населенный пункт в Вавожском р-не; Ожгияр — деревня в Ярском р-не: *яр* «берег реки, яр». Деэтимологизированный в удмуртском языке апеллятив *ожги* связан с коми *эжги* «заросшее травой озеро»; фонетическая связь удмуртского топонима с коми апеллятивом не вызывает сомнения: удм. *ожо* ~ к. *эжа* «дерн; лужайка»; удм. *ожмаськыны* «воевать, сражаться» ~ к. *эжмасьны* «отнимать, отбивать друг у друга» и др.

5. 3. Собственно удмуртский пласт

Это один из древних и самый распространенный на территории Удмуртии. В образовании удмуртских топонимов наиболее продуктивны и широко распространены следующие апеллятивы: *вай* «ответвление; приток реки; ручей»; *вож* «устье реки; перекресток»; *возь* «луг, покос»; *вöльы* «подсека, росчисть, расчищенный из-

под леса под пашню или покос участок земли»; *ву* «вода», «река»; *вужгурт:* 1) «селище; место старого, заброшенного поселения», 2) «центр родового гнезда, родовая деревня»; *вуко* «мельница»; *выж* «мост»; *выр* «холм, возвышенность»; *гоп* «яма, овраг, ложбина»; *гурезь* «гора»; *гурт* «деревня»; *гуӵин* «селище; место древнего поселения»; *кар* «гнездо», «городище, город»; *кож* «омут»; *куала ~ куа* «святилище (место семейно-родового моления)»; *куд* «болото»; *куш* «лесная поляна»; *лол* «заболачивающееся озеро»; *луд* «поле», южн. «место моления, адекватное керемету»; *нёжал* «долина; низина»; *ныр* «нос, клюв», «мыс, полуостров», «участок земли»; *нюк* «лог, болотистая ложбина»; *нюлэс* «лес»; *нюр* «болото»; *ошмес* «родник»; *сайкос* «росчисть, новина»; *сик* «смешанный молодой лес небольших размеров», диал. «лес»; *сурд* «березовая роща, березняк», диал. «лес»; *сюм* «залив; затон; омут»; *сюрес* «дорога, тракт»; *тупал* «заречье, заречная сторона»; *ты* «озеро»; *тыло* «подлесок; подсека»; *тылыс* «шалаш, курень»; *тымет* «пруд»; *тэль* «заросли молодого хвойного леса, чащоба», диал. «лес»; *чум* «клеть, амбар», «шалаш, лесная (охотничья) избушка»; *ӵыпет* «пруд»; *шай* «кладбище, могильник»; *шур* «река»; *яг* «сосновый бор» и др.

В географических названиях Удмуртии выделяются группы топонимов, в основе которых лежат названия животного и растительного мира, названия предметов быта и продуктов питания: д. Кузили: *кузьыли* «муравей»; д. Бадьярово: *бадяр* «клен»; гора Беризё: *беризь* «липа»; д. Сиктан: *сиктан* «кочедык»; д. Чужъем: *ӵужъем* «солод» и др.

Одну из широко распространенных групп топонимов составляют названия, образованные от личных имен. Личные имена особенно часто встречаются в названиях населенных пунктов, полей, лугов, лесных участков, но отсутствуют в номинациях крупных рек. Многие из личных имен, легших в основу удмуртских топонимов, восходят к дохристианскому именнику. По происхождению часть из них является удмуртским, внушительную группу составляют заимствования из тюркских и русского языков, есть несколько имен иранского происхождения. В качестве иллюстрации приводим лишь небольшую часть названий населенных пунктов, образованных от антропонимов: Пислегово (< удм.), Ильяпи (< рус. < греч. < евр.): удм. *пи* «сын; потомок», Малагпи (< иранск.): *пи* «сын; потомок», Асан (< тюрк. < арабск.) и многие др.

Самую специфичную, наиболее древнюю и довольно внушительную группу в удмуртской топонимии составляют отворшуд-

ные географические названия — около 9% всех ойконимов Удмуртии содержат в своем составе название родового божества основателей селений. Судя по материалам ранних переписей, подобных ойконимов было намного больше. Из Ландратской переписи 1716 г. узнаем, что в центральных и некоторых южных районах Удмуртии 75—80% названий селений содержали в своем составе воршудно-родовые имена. Они бытуют повсеместно у всех групп удмуртов (кроме бесермян) в названиях селений, древних археологических памятников, рек, гор, полей, лесов, лугов, улиц: г. *Можга,* пос. *Игра* (< удм. Эгра), д. Баграш-Бигра (*Баграш* — личное имя основателя селения); д. Старая Буро-Жикья: *Буро* — название реки, на берегу которой расположено селение рода Жикъя; городище Сьӧлтакар: *кар* «городище; город»; могильник Пургашай: *шай* «кладбище, могильник»; река Дургашур: *шур* «река»; улица Сюрапал: *пал* «сторона; местность; край»; поле Чабъябусы: *бусы* «поле»; лес Ӟанканюлэс: *нюлэс* «лес»; луг Покольвозь: *возь* «луг, покос»; родник Чолаошмес: *ошмес* «родник»; озеро Лӧзяты: *ты* «озеро»; гора Сяньягурезь: *гурезь* «гора» и многие др.

В удмуртской топонимии, особенно в микротопонимии, значительную группу названий составляют отглагольные имена, образованные с помощью суффиксов *-он(-ён), -н, -эм(-ем):* гора Куакакесяськон: *кесяськыны* «кричать, галдеть, каркать» (*куака* «ворона»); лес Гондыржугон: *жугыны* «бить, избивать, побивать» (*гондыр* «медведь»); станция Юсьпиян: *пияны* «родить, рожать; выводить птенцов» (*юсь* «лебедь»); поле Савасайкем: *сайкыны* «раскорчевать, расчистить лес под пашню» (*Сава* — личное имя); луг Вӧсяськон: *вӧсяськыны* «молиться» и др.

В удмуртской топонимии встречаются самостоятельные названия, образованные от относительных прилагательных с помощью суффиксов *-о(-ё):* лес Пушнеро: *пушнер «*крапива; крапивный»; поле Кечкоро: *кечкор* «ловушка для зайцев»; д. Бадяро: *бадяр* «клен; кленовый» и др.

В образовании удмуртских топонимов довольно широко участвуют послелоги и послеложные слова: *йыл* «верховье, исток, вершина; над, наверху»; *ул* «под; низ; нижний»; *сьӧр* «за, позади»; *бер* «за, сзади, позади»; *вадес* «возле, около»; *дӥнь* «рядом с..., около, возле» и др.: д. Кожйыл: *кож* «омут»; заводь; излучина реки»; д. Ягсьӧр: *яг* «сосновый бор»; поле Часовнядӥнь: *часовня* < рус. *часовня;* поле Иншырвадес: *иншыр* «гумно, ток» и др.

Одну из многочисленных и характерных для удмуртской топонимии группу составляют названия географических объектов, связанные с языческими, дохристианскими культами удмуртов. До начала коллективизации в деревне (начало 30-х гг. XX в.) практически во всех районах совершались моления в семейно-родовых святилищах — *куала,* в священных рощах — *луд* или *керемет;* совершались обряды-моления, связанные с земледельческими и погребально-поминальными культами. Такие названия, как *Куалаошмес* «святилищенский родник»; *Муй вӧсян нюк* «лог, в котором приносили в жертву бобра»; *Ош вандонни ӵаӵӵа* «лес, в котором приносили в жертву быка» и многие другие названия особенно часто встречаются в удмуртской микротопонимии.

По способу образования удмуртские топонимы можно разделить на две большие группы: простые и сложные. Количественно простые топонимы значительно уступают сложным. По своей внутренней структуре удмуртская топонимия сходна с географическими названиями родственных финно-угорских народов. Для их топонимии характерно словосложение, образованное по типу определение определяемое; наличие послелогов и отсутствие или редкое употребление препозитивных элементов и др. (Атаманов 1988: 57—74; 1997: 32—37).

5. 4. Топоформанты в географических названиях Удмуртии

На общем удмуртском топонимическом фоне республики выделяется группа географических названий, этимология которых не находит удовлетворительного объяснения на материале удмуртского языка. Для выяснения происхождения делается попытка выделения в них корня и так называемого форманта.

По мнению известного топонимиста Э. М. Мурзаева, «многие, но не все, форманты — суть стершиеся термины, семантику которых иногда можно восстановить путем специального лингвистического исследования. Частое повторение одного и того же форманта в собственных географических названиях одного и того же объекта (реки, горы, озера) позволяет говорить со значительной долей вероятности о терминологическом происхождении формантов, которые в этом случае оказываются субстратными терминами» (Мурзаев 1970: 17).

В географических названиях Удмуртии выделяются следующие топонимические форманты:

1) *-ӟи* (в офиц. названиях *-зи ~ -зя), -чи, -си:* р. Варӟи — в бассейне р. Иж и отгидронимические ойконимы: Варзи-Ятчи, Средняя Варзи-Омга, Варзибаш (Алнашский р-н), Варзи, Варзи-Омга, Варзи-Пельга (Агрызский р-н, Татарстан); рч. Лудӟи — в бассейне р. Валы (несколько названий) и рч. Лудӟи — в бассейне р. Иж, от данных гидронимов образованы ойконимы: Верхняя Лудзя, Лудзя-Норья, Непременная Лудзя (Завьяловский р-н), Верхние Лудзи, Лудзи-Шудзи (Можгинский р-н); Лудзинский, Лудзи-Жикья (Селтинский р-н); Лудзил, Лудзил-Тукля (Увинский р-н); рч. Сюрӟи — в бассейне р. Кильмезь, рч. Сюрӟи — в бассейне р. Валы, рч. Сюрзи — в бассейне р. Чепцы, отгидронимичны ойконимы: Сюрзи (Кезский р-н), Сюрзяне (Красногорский р-н), Сюрзя (Можгинский р-н), Сюрзи (Селтинский р-н), Малые Сюрзи, Большие Сюрзи, Зей-Сюрзи (Увинский р-н), Верхняя Сюрзя (Шарканский р-н), Сюрзи, Малые Сюрзи (Юкаменский р-н); рч. Парӟи — в бассейне р. Чепцы и ойконимы Парзи, Новые Парзи, Удмуртские Парзи, Татарские Парзи (Глазовский р-н), д. Гурӟи (Балезинский р-н); рч. Водӟи — в бассейне р. Валы и ойконимы Водзя (Можгинский р-н), Водзи-Монья (Вавожский р-н); р. Идӟи (рус. назв. Вотка) — в бассейне р. Камы и ойконим Идзи (Игринский р-н); рч. Кизядӟи — в бассейне р. Иж; Сьӧдӟи (русское название — Черный Ключ) — ручей и одноименный населенный пункт в Воткинском р-не;

-чи (в офиц. назв. *-чи ~ -ца*): р. Чупчи (рус. Чепца) — один из крупных притоков р. Вятки; рч. Куатьчи — в бассейне р. Валы и ойконимы Верхние Кватчи, Нижние Кватчи (Можгинский р-н); рч. Итчи — в бассейне р. Валы, рч. Итчи — в бассейне р. Кильмезь и отгидронимические ойконимы Нижние Итчи, Верхние Итчи, Какмож-Итчи (Вавожский р-н), Итчи (Игринский р-н), Итчи-Вамья, Итчигурт (Увинский р-н); Квачи — ручей и одноименный населенный пункт в Вавожском р-не; рч. Огырчи (рус. Агрызка) — в бассейне р. Иж; в бассейнах рек Валы и Кильмезь зафиксированы гидронимы Ильчи, Альчи, Сянчи, Тутчи;

-си: рч. Сюмси — в бассейне р. Кильмезь и производные от гидронима ойконимы Сюмси, Сюмсиил, Малые Сюмси (Сюмсинский р-н), Уть-Сюмси, Уть-Сюмсинский (Селтинский р-н); д. Пумси (Сюмсинский р-н). В бассейнах рек Валы и Кильмези выявлены еще такие гидронимы: Васи, Нырси, Нерси, Нюрси, Нюлси, Крымси, Лыкси. Формант *-си* может выступать самостоятельно, без вся-

ких атрибутов, см.: рч. Си — в бассейне р. Валы и отгидронимические ойконимы: Си-Вамья, Си-Зюмья, или в роли атрибута перед детерминантом, см.: р. Сива — правый приток р. Камы; ручей и одноименный населенный пункт Сишур в Вавожском р-не; рч. Сивар — в бассейне р. Валы.

Основы части гидронимов на *-ӟи ~ -чи ~ -си* этимологизируются на материале удмуртского языка: *луд* «поле; полевой», *сьӧд* «черный», *куать* «шесть», *ква* < *куа* «святилище; святилищенский», *нюр* «болото; болотистый», *сюм* «залив; затон; омут», *пум* «конец, край, предел», *ныр* «выступ; мыс реки», но большинство — *вар, сюр, пар, вод (~водь), ид ~ ит, чуп, огыр, иль, аль, сян, тут, лык, крым, нюл* — не находят этимологических связей с лексикой современного удмуртского языка.

Значение широко распространенных формантов *-ӟи ~ -чи ~ -си* не известно, вероятно, когда-то они употреблялись как самостоятельные слова в значении какого-то водного источника, ср. удмуртский топоним *Сьӧдӟи* переведен на русский как *Черный Ключ:* удм. *сьӧд* «черный» + ? *ӟи.* Не исключено, что удмуртские топоформанты этимологически были близки ненецкому апеллятиву *сё* «протока; река, вытекающая из озера»;

2) *-ма ~ -мо:* рч. Медьма — в бассейне р. Чепцы и производный ойконим Медьма в Кезском р-не; рч. Тыжма — в бассейне р. Вятки и производные ойконимы Верхняя Тыжма, Средняя Тыжма, Лака-Тыжма в Кизнерском р-не; рч. Шурма — в бассейне Вятки и отгидронимический ойконим Шурма в Вавожском р-не; рч. Пижма — в бассейне р. Чепцы; рч. Кузьма — в бассейне р. Чепцы и производный ойконим Кузьма в Кезском р-не; рч. Пажма — в бассейне р. Чепцы и производные от гидронима ойконимы Нижняя Пажма, Верхняя Пажма в Юкаменском р-не; рч. Уйма — в бассейне р. Кильмезь; рч. Кырчма — в бассейне р. Кильмезь; рч. Тушмо — в бассейне р. Валы; рч. Шушмо — в бассейне р. Кильмезь; д. Карма в Балезинском р-не.

Атрибутивная часть некоторых из вышеприведенных топонимов объяснима на материале удмуртского языка: *шур* «река», *кузь* «длинный; долгий», *уй* «север; северный», *кар* «городище; городищенскнй»; возможно, *пиж* <? *пыж* «лодка; лодочиый», *паж* <? *пож* «мутный, грязный». Топонимы на *-ма* охватывают огромную территорию лесной полосы Восточной Европы. Попытка связать данный топоформант с древнепермскнм *ва (ма* < *ва)* «вода», «река» пока не находит удовлетворительного ответа;

3) *-ман:* рч. Пажман — в бассейне р. Чепцы и производные от гидронима ойконимы Верхний Пажман, Старый Пажман, Новый Пажман, Пажман в Кезском р-не; рч. Пыжман — в бассейне р. Вятки и одноименный населенный пункт в Кизнерском р-не; рч. Кокман — в бассейне р. Чепцы и одноименный населенный пункт в Красногорском р-не; р. Игерман — в бассейне р. Иж и отгидронимические ойконимы Старый Игерман, Новый Игерман в Завьяловском р-не.

Основной очаг гидронимов на *-ман* находится в южных районах Западной Сибири, зафиксированы они и на юге европейской части России. А. П. Дульзон гидроформант *-ман* связывает с индоевропейской основой *мано-, мани-* «влажный, мокрый» (Дульзон 1962);

4) *-мак:* р. Колтымак — в бассейне р. Тоймы, правого притока р. Камы и одноименный населенный пункт в Алнашском р-не; рч. Челтымак — в бассейне р. Тоймы; рч. Чермак — в бассейне р. Кильмезь; д. Сосмак в Можгинском р-не.

Топонимы на *-мак* с территории Удмуртии Т. И. Тепляшина пытается связывать с булгарским языком: в чувашских языческих именах встречается формант *-мак* (Бурмак, Ешмак, Калмак и др.). С мнением исследователя трудно согласиться: во-первых, личные имена в гидронимии встречаются исключительно редко и, во-вторых, основы вышеприведенных топонимов не связаны с тюркскими языками. Есть пример, когда *мак* стоит в начале слова: д. Макшур в Глазовском р-не (*шур* «река»);

5) *-мыж ~ -мыш:* рч. Бемыж и одноименный населенный пункт в Кизнерском р-не; рч. Юмыж и одноименный населенный пункт в Балезинском р-не; рч. Чурмыш — в бассейне р. Чепцы; рч. Ямыш — в бассейне р. Вятки; д. Старый Кармыж в Кизнерском р-не; д. Новый Кармыж — в Можгинском р-не. Сюда же примыкает гидроним Малмыж и название одноименного города в соседней Кировской области.

Происхождение топоформанта не ясно. Возможна связь с удмуртским диалектным словом *мыж: мыж инты* «дурное, плохое, нечистое место»; *мыжтыны* «навредить; наслать болезнь»;

6) *-иж ~ -ыж (-ыш):* р. Иж — правый приток р. Камы, отсюда же берет начало название столицы Удмуртии — Ижевск, удм. Ижкар (*кар* «город; городище; гнездо»), р. Иж — правый приток р. Пижмы, правого притока р. Вятки (на территории Кировской области); рч. Варыж и отгидронимические ойконимы: У Речки Варыж, Близ-Варыж, Большой Варыж в Балезинском р-не; рч. Бугрыш — в

бассейне р. Иж; рч. Бугрыш в бассейне р. Камы и отгидронимические ойконимы Бугрыш, Верхний Бугрыш, Нижний Бугрыш в Сарапульском р-не; рч. Пургыш и одноименный населенный пункт в Сарапульском р-не; рч. Вениж — в бассейне р. Чепцы и производные от гидронима ойконимы Малый Вениж, Большой Вениж в Юкаменском р-не.

Возможно, топоформант *-иж ~ -ыж* некогда употреблялся как самостоятельное слово для обозначения какого-то водного источника, ср. мокш. *эши,* саам. *aškas, asskes* «колодец». Тот же апеллятив лежит в основе гидронимов Ижва, Ижма в Республике Коми;

7) *-инга (-иньга ~ эньга) ~ -ынга:* рч. Иньга (удм. Эньго) — в бассейне р. Кильмезь и производные от гидронима ойконимы Большая Инга, Малая Инга в Сюмсинском р-не, ст. Иига — в Вавожском р-не; д. Ириньга — в Воткинском р-не; д. Полыига — в Глазовском р-не.

Происхождение топоформанта не ясно, ср.: с. Визинга в Республике Коми;

8) *-ич ~ -ыч:* рч. Шупич — в бассейне р. Валы; рч. Пышкич — в бассейне р. Чепцы; рч. Кепыч — в бассейне р. Чепцы; рч. Сепыч — в бассейне р. Иж и одноименный населенный пункт в Завьяловском р-не; рч. Сепыч — в бассейне р. Чепцы и производные от гидронима ойконимы Сепыч, Верхний Сепыч в Глазовском р-не; рч. Селыч(ка) — в бассейне р. Иж и одноименный населенный пункт в Якшур-Бодьинском р-не; рч. Прыч и отгидронимические ойконимы Прыч, Нижний Прыч в Якшур-Бодьинском р-не.

Ни основа, ни формант не объяснимы на материале удмуртского языка. Гидронимы на *-ыч ~ -ич* зафиксированы в Верхнем Прикамье и в бассейне Печеры; Сумыч, Колыч, Нырмыч, Ульвич, Селыч, Илыч и др.;

9) *-лет ~ -леть:* рч. Англеть — в бассейне р. Кильмезь; рч. Анлет — в бассейне р. Кильмезь; рч. Варклет — в бассейне р. Иж; рч. Арлеть и одноименный населенный пункт в Игринском р-не. Гидронимы на *лет ~ леть* имеются в бассейне Волги и Вятки: Илеть, Летка (коми назв. Лет), Летька.

Атрибутивная часть некоторых из гидронимов находит этимологическую связь с самодийскими словами: *анг* < селькупск. *анга* «старица», «большое длинное озеро»; *варк* < селькупск. *варг ~ варга ~ варка* «большой» или ненецк. *варк* «медведь; медвежий»;

10) *-ым ~ -ум ~ им ~ ом:* р. Позым (рус. Позимь) — в бассейне р. Иж; рч. Лулым — в бассейне р. Чепцы и одноименный населен-

ный пункт в Балезинском районе; рч. Кестым и отгидронимические ойконимы Кестым, Верх-Кестым в Балезинском р-не; рч. Зетым — в бассейне р. Чепцы и отгидронимические ойконимы Большой Зетым, Малый Зетым в Дебесском р-не; рч. Ирым — в бассейне р. Чепцы и отгидронимические ойконимы Ирым в Дебесском р-не; Малый Ирым, Оник-Ирым в Игринском р-не; рч. Палым — в бассейне р. Чепцы и отгидронимические ойконимы Верх-Палым, Палым в Игринском р-не; рч. Костым — в бассейне р. Чепцы и одноименный населенный пункт в Кезском р-не; рч. Тортым — в бассейне р. Чепцы и отгидронимические ойконимы Верхний Тортым, Тортым в Кезском р-не; рч. Мертым — в бассейне р. Чепцы; д. Порым в Граховском р-не.

В эту же группу входят топонимы на *ум:* рч. Ум (в документах XVII—XVIII вв. — Ом) — в бассейне р. Чепцы и отгидронимические ойконимы Умск, которые имеются в Балезинском и Глазовском р-нах; р. Умяк — левый приток р. Вятки.

Топонимы на *-ым* охватывают огромные пространства лесной полосы Евразии. Касаясь вопросов этнической основы создателей этих названий, исследователи отмечают, что основной очаг географических названий на *-ым* находится в Западной Сибири, на территории обитания обских угров и самодийцев, и что в Восточную Европу они были привнесены западносибирским, скорее всего угорским, населением (Серебренников 1966: 25—26; Тепляшина 1969: 220). Вместе с тем относительно угорского их происхождения среди ученых единого мнения нет. А. К. Матвеев относит их к дообскоугорскому гидронимическому типу, так как ни топоосновы, ни топоформант *-ым* (манс. *-ум)* не находят объяснения на обско-угорском языковом материале (Матвеев 1961: 135).

О том, что когда-то данный формант употреблялся в самостоятельном значении (? река ~ ручей), указывает название реки — *Ум,* сохранившее мансийскую огласовку топоформанта *-ым;*

11) *-ур ~ -ыр:* д. Сундур (удм. Сундыр) в Игринском р-не; д. Кечур в Малопургинском р-не; д. Кочур в Увинском р-не; д. Солдырь в Глазовском р-не; д. Юлдырь в Балезинском р-не; д. Чабырово (*-ово* — русский аффикс) в Ярском р-не.

Возможна этимологическая связь с мансийским апеллятивом *ур* «горный хребет»;

12) *па ~ ба:* рч. Дырпа — в бассейне р. Чепцы и отгидронимические ойконимы Верхняя Дырпа, Дырпавож, Дырпа в Кезском р-не; д. Шарпа в Балезинском р-не; ключ и населенный пункт Вуж-

па в Балезинском р-не; рч. Пашур и отгидронимические ойконимы Пашур-Вишур, Старый Пашур, Новый Пашур в Шарканском р-не; рч. Пашур и одноименный населенный пункт в Можгинском р-не; рч. Башур и одноименный населенный пункт в Завьяловском р-не; д. Бачумово (*-ово* — русский аффикс) в Ярском р-не; д. Багурт (офиц. Абашево) в Юкаменском р-не.

Этимология данного топоформанта не ясна. Большинство компонентов, сочетающихся с формантом *па ~ ба,* восходит к удмуртскому источнику: *шур* «река», *вуж* «старый», *вож* «устье реки; перекресток», *чум* «клеть; шалаш, охотничья избушка», *гурт* «деревня». Основной очаг топонимов на *-ба ~ -па* находятся в Западной Сибири, в Нижнем и Среднем Пообье, где с древнейших времен живут обско-угорские и самодийские народы (ср. Айба, Турба, Лорба, Ялпа и др.). Н. К. Фролов данные топоформанты связывает с древнесамодийскими словами *бу, би,* близкими к самодийскому *бӱӱ* «вода». По его данным, ареал названий на *-ба ~ -па* накладывается на ареал современной, адстратной угорской топоннмии на *-ам, -ом, -ум, -ым*;

13) *-баш:* д. Удмуртский Тоймобаш (удм. Туймыйыл) в Алнашском р-не; д. Варзибаш (удм. Варӟыл < Варӟийыл) в Алнашском р-не; д. Аргабаш (удм. Ырга) в Кизнерском р-не; д. Чежебаш (удм. Чӧжйыл) в Можгинском р-не.

Этимология топоформанта прозрачна: в тюркских языках *баш* «голова; глава», «вершина; верхушка; исток реки». В данных примерах *баш* калька с удмуртского *йыл* «вершина; верхушка; исток реки». Вероятней всего в установлении официальных названий удмуртских деревень с формантом *баш* участвовалн переписчики-татары. В материалах переписи начала XVIII в. на территории Удмуртии географические названия на *баш* еще не зафиксированы;

14) *-ганда ~ -гында:* рч. Быргындинка, рч. Ныргындинка, рч. Чегандинка — все в бассейие р. Камы и населенные пункты: Ныргында, Быргында, Чеганда — все в Каракулинском р-не.

По нашему мнению, топоформант *-ганда ~ -гында* восходит к индоиранскому источнику, ср.: перс. *канда,* афган. *канд* «ров», согдийск. *кад, канд,* ягноб. *кант* «город», др.-инд. *кантха* «стена; город» и др. Тот же апеллятив присутствует в названиях таких известных среднеазиатских городов, как Ташкент, Чимкент, Коканд, Самарканд (Мурзаев 1970: 28).

В районе деревень Чеганда, Ныргында, Быргында выявлено огромное число — около 30 — археологических памятников: сто-

янок, селищ, городищ, могильников, кладов, относящихся к широкому хронологическому периоду — к бронзовому веку, ананьинской, пьяноборской (чегандинской), мазунинской культурам и вплоть до XV в. Создателями тех археологических памятников были предки удмуртов. В эпоху бронзы, позднее — в ананьинское, пьяноборское и мазунинское время пермоязычное население Прикамья поддерживало самые тесные связи с иранскими племенами. Вероятно, в те далекие времена индоиранский апеллятив попал в язык или в один из диалектов пермян и сохранился в топонимии в качестве топоформанта. Гидронимы Удмуртии на *-ганда ~ -гында* по происхождению вторичны: они образовались от названий поселений (городищ);

15) *-тан ~ -дан:* р. Мултан — в бассейне р. Кильмезь и производные от гидронима ойконимы Верхний Мултан, Новый Мултан — в Увинском р-не; рч. Мултан — в бассейне р. Вятки и производные от гидронима ойконимы Верхний Мултан, Старый Мултан (офиц. с. Короленко) в Кизнерском р-не; рч. Матан — в бассейне Вятки; рч. Лыштан и одноименный населенный пункт в Кизнерском р-не; пос. Сардан в Можгинском р-не (ср. р. Сардан в бывшем Нолинском уезде, в бассейне р. Вятки); д. Гыбдан в Кизнерском р-не. Следует сказать, что топонимы на *-тан ~ -дан* сосредоточены в юго-западных районах Удмуртии, расположенных в бассейне р. Вятки.

Данный топоформант, вероятно, связан с иранскими языками, ср. осетинское *дон* «река», «вода» (<**дан*), авестийское *danu* «река», др.-инд. *dānu* «капель; роса» (Абаев 1958: 366—367).

На наш взгляд, топоформанты *-ӟи (-си, -чи), -ма (-мо), -иж (-ыж) ~ -ош, -мыж* связаны с финно-пермскими языками; *-ур (-ыр), -ым (-ум, -ом), -па (-ба), -ич (-ыч)* — с языками народов Западной Сибири, возможно, угров и самодийцев; *-ман, -тан (-дан)* — с индоиранскими языками; *баш* — с тюркскими языками. Многие из этих топоформантов имеют терминологическое происхождение (Атаманов 1988: 74—81; 1997: 37—39).

5. 5. Удмуртские топонимы за пределами республики

В настоящее время удмуртские населенные пункты, имеются также на территориях современной Кировской, Свердловской областей, Пермского края, Башкирии, Татарии, Марий Эл. Как по-

казывают данные топонимии, особенно этнотопонимы, связанные с удмуртами — *Одо, Ар, Вотяк,*— в древности место расселения удмуртских родоплеменных групп охватывало более обширные районы Волго-Уральского региона.

По данным этнотопонимии, мы смогли очертить границы былого расселения удмуртов, их родоплеменных групп и пути их миграции. На этом фоне попытаемся выявить топонимические пласты и отдельные названия удмуртского происхождения внутри очерченного нами этнотопонимического круга.

Кировская область

В данное время удмуртские селения имеются лишь в восточных, непосредственно примыкающих или близких к Удмуртии районах — Кильмезском, Вятско-Полянском, Малмыжском, Омутнинском, Унинском, Зуевском, Фаленском, Богородском, Слободском. Ранние известные нам переписи на Вятской земле зафиксировали удмуртские населенные пункты и так называемые «вотские пустоши» — заброшенные поселения удмуртов в центральных и более западных и северных частях края. Анализируя материалы переписей, мы приходим к выводу: до начала XVII в. подавляющее большинство северных удмуртов-ватка проживало еще на территории современной Кировской области, по реке Вятке и ее притокам Холунице, Быстрице, Великой, Святице, Косе, в нижнем течении Чепцы, вокруг городов Хлынова и Слободского (по южным уездам, где в древности жили калмезы, у нас нет данных). Удмуртский топонимический пласт весьма значителен, он охватывает всю территорию Кировской области, за исключением крайне северных и северо-восточных частей, где господствует коми-пермяцкая топонимия.

Основной материал для работы собран из книги «Вятская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859—1873 гг.» (С.-Петербург, 1876). Выбор источника мотивируется тем, что в дореволюционных списках населенных мест, в отличие от последующих аналогичных изданий, содержалась богатая информация в области номинации: наряду с официальными, указывались устаревшие или бытовые названия, прозвища жителей селений; отдельной графой приводились названия рек, ключей, колодцев, озер, на берегу или вблизи которых располагались населенные пункты.

Удмуртский топонимический пласт бассейна Вятки подразделяется на следующие лексико-семантические группы:

1. Топонимы, в основе которых лежат географические термины удмуртского языка: *ардо* «трясина; окно в болоте; полынья»: рч. Ардо (Малмыжский у.); *вай* «ответвление; приток реки, ручей»: рч. Зеквай (Малмыжский у.): *зек* < *зӧк* «толстый», диал. «большой»; д. Кароваевская (Вятский у.): *каро* «с городищем; городищенский»; рч. Каксинвайка (Малмыжский у.): *каксин* < *какся* — воршудно-родовое имя удмуртов; *зон* «гарь, пальник», диал. «луг»: д. Зоновская (Орловский у.); поч. Зоновской (Котельнический у., Орловский у.); д. Зоны Большие (Вятский у.); *кар* «городище, город»; «гнездо»: рч. Кар (Слободской у.), поч. Карский (Кары) (Слободской у.); с. Карино (Слободской у.), д. Каринское (Каринка) (Вятский у.), д. Каринское (Орловский у.); *луд* «поле»: рч. Лудовка (Слободской у.), ключ Калудский (Уржумский у.): *ка* < *ʔкуа* «святилище»; ключ Гурлуд (Глазовский у.): *гур* < *ʔгурт* «деревня»; *кож* «омут; залив»: поч. Кожинский (Орловский у.); поч. Кожильский (Нолинский у.): *иль* < *йыл* «вершина; исток» (ср.: д. Кожиль ~ удм. Кожйыл в Глазовском у.); *ошмес* «родник, ключ»: ключ Седошмес (Малмыжский у.): *сед* < сьӧд «черный»; ключ Ашмаз (Нолинский у.); *печкезь* «мелколесье»: д. Печкез, Печкезцы, Печкезь Малый (Глазовский у.), Печкеш (Уржумский у.); *сик* «роща; смешанный лес небольших размеров», диал. «лес»: рч. Сик (Уржумский у.); д. Сики, Сиковская, Сикуляевская (Сик), Сиковшина (Нолинский у.); *чум* «лесная (охотничья) избушка, шалаш; клеть, амбар»: рч. Чумовка (Вятский, Нолинский, Слободской у.); рч. Чумовица (Орловский у.); рч. Курчум, рч. Белый Курчум, рч. Плелый Курчум (Нолинский у.): *кур* «луб; лубяной»; *шай* «кладбище, могильник»: д. Шайская (Слободской у.); поч. Шайской (Слободской у.); *шур* «река»: рч. Шур (Орловский, Яранский у.); рч. Шишур, д. Верхне-Шишурская (Яранский у.): *ши* — топоформант, родственный с *си* (см. топонимы Удмуртии Шишур и Сишур); поч. Лудошур (Малмыжский у.): *луд* «поле; полевой» и др.

2. Топонимы, в основе которых лежат названия растений, животных, орудий труда, продуктов питания: рч. Лем (Слободской, Глазовский у.), поч. Лемской (Нолинский у.): *льӧм,* диал. *лем* «черемуха; черемуховый»; рч. Турунка (Слободской у.): *турын,* диал. *турун* «трава, сено»; рч. Муш (Яранский у.): *муш* «пчела»; с. Пушейское (Слободской у.): *пужей* «олень»; рч. Низевская (Слободской у.); д. Низяна (Орловский у.): *низь* «соболь»; поч. Сиктанов-

ской (Сиктан) (Малмыжский у.): *сиктан* «кочедык»; поч. Табаневской (Слободской у.); поч. Табани (Малмыжский у.): *табань* «лепешка; блин» и др.

3. Топонимы, в основе которых лежат личные имена, фамилии удмуртского происхождения: д. Пислегинская, поч. Пислегинской, ключ Пыслеговской (Слободской у.) < *Пислэг: пислэг* «синица»; д. Квакинская (Вятский у.) < *Куака: куака,* диал. *квака* «ворона»; д. Шутег (Нолинский у.) < *Шудэг: шуд* «счастье» + *-эг* — аффикс, встречающийся в именах общепермского происхождения; д. Чежеги, Чежеги Дальние, Чежеги Ближние (Вятский у.) < 1) *Чӧжег: чӧж* «утка» + *-эг* — аффикс; 2) *чежег* «варакушка» (птица) и др. (имена тюркского происхождения не рассмотрели,— их сотни, ибо по ним нельзя определить, каким народом они оставлены — татарами, удмуртами, марийцами?).

4) Топонимы, в основе которых лежат воршудно-родовые имена удмуртов: д. Салья Старая (Малмыжский у.): *Салья;* д. Коньга, Коньги Малый, Коньги Каменный Ключ, Коньга Малая (Уржумский у.), рч. Конга (Яранский у.), Конгинцы (Глазовский у.), поч. Конгинский (Нолинский у.): *Коньга;* д. Копки (Малмыжский у.), Копкинский (Копята Старые), Копкинская (Нолинский у.): *Копка;* д. Кушьяновской, Кушьянов (Яранский у.): *Кушъя;* д. Дурки, Дуркинская, Дуркинская 1 (Вятский у.): *Дурга;* д. Паскино (Слободской у.): *Поска* и др.

Бассейн Вятки заселен с древнейших времен. Он один из колыбелей финно-угорских народов. Со времен существования уральской языковой общности и до наших дней заселение не прерывалось. В эпоху раннего средневековья на Вятской земле шло формирование многих воршудно-родовых групп удмуртов. Об этом говорят многочисленные топонимические легенды и предания северных удмуртов — ватка и калмезов, меньше — южных удмуртов. С приходом во второй половине I тыс. н. э. тюрков в Волго-Камье многие удмуртские родовые группы с Нижнего Прикамья и с Нижней Вятки были вынуждены отступить на север, на территорию современной Удмуртии. В начале II тыс. н. э. под напором тюркской и русской колонизации края к Вятке вышли марийские племена и оттеснили с правобережных притоков Вятки значительную часть удмуртов-калмезов, которые отступили на левобережье. Основная масса калмезов сосредоточилась в бассейне Кильмези и Валы, часть ушла на север, в бассейн Чепцы, но оттуда они частично были оттеснены обратно своими сородичами — удмуртами-ватка.

В конце XII — начале XIII в., как свидетельствуют археологические материалы и некоторые исторические документы, на Средней Вятке, в центре удмуртских поселений, появилось русское население. После разрушения ими племенного центра у ватки со знаменитым святилищем *быдзым куала* и крепости на месте Хлынова (совр. г. Киров) началось постепенное отступление удмуртов на восток, на территорию северной Удмуртии. Как много было на Вятской земле удмуртских поселений, в данное время трудно сказать, но еще в начале XVII в. на Средней Вятке и Нижней Чепце, на территории современной Кировской области было 60 удмуртских населенных пунктов, что значительно превышало количество удмуртских селений на Средней и Верхней Чепце, на территории современной северной Удмуртии в то время. Судя по вышеперечисленным удмуртским топонимам, их количество было значительно.

По мнению автора, собственно удмуртская топонимия в бассейне Вятки начала складываться с пьяноборско-азелинского времени (конец I тыс. до н. э. — начало I тыс. н. э.).

Татарстан

Географические названия удмуртского происхождения выявлены по всему Нижнему Прикамью, включая бассейны рек Иж, Ик, Тойма, Меша, Казанка на территории Татарстана, вплоть до среднего течения Волги. Наиболее значительный пласт удмуртских топонимов сосредоточен в северо-западных районах Татарии — в Кукморском, Мамадышском, Балтасинском, Арском, Пестречинском, Сабинском, а также в примыкающих к ним южных районах Кировской области и в Марий Эл — на территории летописной Арской земли.

Удмурты — древнейшие жители северо-западных районов Татарии. До прихода тюркских племен территория современного Татарстана, за исключением южных лесостепных районов, была заселена финно-уграми, в т. ч. родоплеменными группами, вошедшими в состав удмуртского народа. По арабским, булгарским, русским письменным источникам они известны под именем *ары, аряне, арские люди* (тюркские народы края до сих пор в быту удмуртов называют *ар, арлар*); место их жительства называлось *Арской землей.* За период существования Булгарского, позднее Казанского ханства, десятки и сотни тысяч аров — удмуртов, приняв ислам,

отатарились. Об этом свидетельствуют булгарские и русские письменные источники, народные предания.

Многочисленные войны, восстания, особенно после участия арских удмуртов на стороне Казанского ханства в войне с Русским государством и последующими за этим печальным событием ряда карательных экспедиций царских войск, бесследно уничтожили некогда процветающее Арское княжество (см. прекрасное описание Арской земли участником Казанского похода князя Андрея Курбского). В огне пожарищ погибли многие тысячи удмуртов Арской земли, их предводители, князья.

Не меньшая часть подверглась исламизации и постепенно она отатарилась, особенно зажиточная, образованная часть населения. Когда окончательно истощились физические и духовные силы, уцелевшая от полного исчезновения и не подвергшаяся исламизации часть удмуртов ушла в более глухие лесные районы северной Татарии, на Вятку, на Урал — в Башкирию и Удмуртию. Но и здесь их ожидала та же участь: десятки удмуртских деревень Уфимской, Пермской, Казанской губерний еще в XIX — начале XX в. отатарились. Следует подчеркнуть, что только христианизация удмуртов помогла им избавиться от окончательной ассимиляции в среде более крупных этносов, в первую очередь, среди татар, башкир и русских.

О былом проживании удмуртов в Заказанье, в Нижнем Прикамье и приволжских районах Татарии и Чувашии говорят топонимы, летописи и народные предания, также антропологический тип местного населения. В настоящее время остатки арской группы удмуртов живут в 60 деревнях Балтасинского, Кукморского, Мамадышского районов Татарии, а также в соседних с ними районах юга Кировской области и в Марий Эл.

Значительный топонимический пласт удмуртского происхождения на территории Татарстана выделяют практически все исследователи, занимающиеся древней историей, языком и культурой народов Волго-Уральского региона: И. А. Износков, Н. А. Спасский, С. К. Кузнецов, Х. Г. Гимади, Г Ф. Саттаров, Ф. Г. Гарипова, Н. Б. Бурганова, Л. Ш. Арсланов, М. Г Атаманов, В. К. Кельмаков, Н. И. Шутова и др.

Названия, относящиеся к удмуртскому пласту, подразделяются на такие группы:

1. Топонимы, образованные из этнонимов: рч. Бигер Йылгасы (д. Арбаш, Балтасинский р-н): удм. *бигер* «татарин; татарский» +

тат. *йылга* «река»; родник Бигер Чишмэсэ (д. Чутай, Балтасинский р-н): удм. *бигер* + тат. *чишмэ* «родник, ключ»; рч. Поршур Йылгасы (Поршур, Кукморский р-н): удм. *пор* «мариец; марийский» + *шур* «река» + тат. *йылга;* рч. Порнйук Йылгасы (д. Арбор, Балтасинский р-н): удм. *пор* + *нйук* < *нюк* «лог, ложбина, овраг» + тат. *йылга* и др.

В топонимии Татарстана нашли отражение воршудно-родовые имена удмуртов (приводим только названия населенных пунктов): Старая Турья: *Туръя;* Ципья, Старая Ципья: *Чипъя;* Большие Лызи, Малые Лызи: *Лӧзя;* Дурга: *Дурга* — все в Балтасинском р-не; Улля: *Уля* — в Высокогорском р-не; Нижняя Корса, Верхняя Корса, Средняя Корса, Смак-Корса: *Куарса* — все в Арском р-не; Старая Юмья, Ошторма-Юмья, Верхняя Юмья, Старая Кня-Юмья: *Ӟумъя;* Копки: *Кӧпка;* Старая Уча: *Уча;* Новая Чабья: *Чабъя;* Ныръя: *Нӧръя;* Малая Чура, Село-Чура: *Сюра* ~ *Чура* — все в Кукморском р-не; Новая Ырга: *Ырга* ~ *Урга* — в Рыбно-Слободском р-не; Верхние Кибя-Кози, Большие Кибя-Кози, Малые Кибя-Кози: *Кибъя;* Корсабаш: *Куарса;* Чабья-Чурчи: *Чабъя* — все в Сабинском р-не; Старая Чабья, Новая Чабья: *Чабъя;* Нижняя Уча: *Уча* — все в Мамадышском р-не; Чабья: *Чабъя* — в Нижнекамском р-не; Варклет-Бодья: *Бӧдья;* Иж-Бобья: *Пӧбъя;* Сарсак-Омга, Варзи-Омга: *Омга;* Варзи-Пельга: *Пельга* — все в Агрызском р-не и др.

2. Топонимы, в основе которых лежат географические термины удмуртского языка: рч. Тылашур — в бассейне Шошмы: *тыло* «подлесок; подсека» + *шур* «река»»; рч. Тылангыр Йылгасы — в бассейне Казанки: удм. *тыло* + мар. *эҥер* «река» + тат. *йылга* «река»; рч. Кушур (д. Малая Чура, Кукморский р-н): *куш* «лесная поляна» + *шур* «река»; рч. Наласа суы — в бассейне Казанки: *нюлэсо* «лесной; богатый лесом» + тат. *су* «вода; река, поток»; рч. Лэкэшмес Йылгасы — в бассейне Ижа: *лек* «злой; свирепый» + *ошмес* «родник» + тат. *йылга;* рч. Чемэ Йылгасы (д. Старая Масра, Арский р-н): *чум* (в топонимии часто *чумо)* «лесная (охотничья) избушка; клеть» + тат. *йылга;* рч. Ваешур и одноименный н. п. в Бавлинском р-не: *ваё* «с ответвлением, с притоком» + *шур* «река» и др.

3. Топонимы, содержащие в своем составе названия животных, растений и прочую апеллятивную лексику удмуртского языка: рч. Кони Йылгасы (д. Баскан, Мамадышский р-н): *коньы* «белка; беличий»; рч. Муй Йылгасы — в бассейне Казанки: *муй* ~ *мый* «бобр; бобровый»; рч. Папа Йылгасы (д. Наласа, Арский р-н):

папа «птичка, птенчик»; рч. Шашы Суы — в бассейне Казанки: *шашы* «осока» + тат. *су* «вода; река, приток»; рч. Камали Инеше (д. Учили, Ташкич, Арский р-н): *камали* — женское чрезплечное украшение из серебряных монет + тат. *инеш* «ручей», «родник»; р. Бирезе — в бассейне Казанки и одноименный н. п. в Арском р-не: *беризё* «липовая; богатая липой».

Особо хочется отметить апеллятив *киремет* (место и название моления), который широко распространен в топонимии Заказанья — на территории бывшей Арской земли. Как говорят нынешние жители тех мест — татары, ни они, ни их предки в киремети не молились, считают то место нечистым — местом моления язычников.

Следует отметить, что иноязычные, в т. ч. и удмуртские, названия в тюркоязычной среде при освоении переиначиваются, переосмысливаются до неузнаваемости, например, р. Чыпиде (в Мензелинском районе) происходит от удм. *чыпетo* «с запрудой; имеющая запруду, плотину»; в Агрызском районе имеется д. Кичке-Тан, название которой татары переводят «вечерняя заря», а на самом деле ее происхождение более прозаично и связано с удм. *кеч* «заяц» + *кутон* — сущ. от гл. *кутыны* «поймать, ловить», букв. «место, где поймали зайца»; в дореволюционных списках название деревни писалось Кичкутан, а удмурты соседних деревень и сейчас называют то селение Кечкутон. Таких примеров можно привести множество. Поэтому есть определенные трудности в изучении удмуртского пласта в топонимии тюркоязычных народов.

Марий Эл

В междуречье Вятки и Ветлуги, которое охватывает территорию Республики Марий Эл, юго-западные районы Кировской области, восточные пределы Нижегородской (Горьковской), Костромской областей, выявлен ряд географических названий, связанных с этнонимом *одо* (*одо* — марийское название удмуртов): деревни Одо, Одо-сола, Одо-беляк, Одошнур, Одо-илем, Одоево; гора Одо-карман; роща Одо-салма; река Одо-инер и др.

В результате изучения языковых, в первую очередь топонимических материалов, а также археологических и письменных источников, И. С. Галкин пришел к выводу: территория Марий Эл в начале нашей эры была занята еще не древнемарийскими, а древнепермскими племенами. О том, что когда-то на территории

республики проживали предки удмуртов, как пишет исследователь, не вызывает ни у кого сомнения. В Мари-Турекском районе и в настоящее время имеется несколько удмуртских деревень. Носителей ананьинской (VIII—III вв. до н. э.) и последующей за ней пьяноборской (III в. до н. э. — III в. н. э.), азелинской (III—VII вв. н. э.) культур И. С. Галкин связывает с пермскими народами.

Кроме вышеназванных этнотопонимов *Одо,* на территории Марий Эл выявлены названия рек, селений и других географических объектов, расшифровывающихся с помощью удмуртского языка: р. Ардо (мар. Арде) — л. пр. р. Волги и отгидронимические ойконимы Арда, Большая Арда, Малая Арда в Килемарском р-не: удм. *ардо* «трясина; окно в болоте; полынья»; р. Коньга (мар. Коньо вӱд) — л. пр. р. Немды: *Коньга* — воршудно-родовое имя удмуртов (ее носители ныне живут в удмуртских деревнях Башкирии); д. Конганур (Куженерский р-н): *Коньга;* рч. Турья и одноименный н. п. в Килемарском р-не: *Туръя* — воршудно-родовое имя удмуртов; рч. Сюльтинка (мар. Сӱлта) и д. Сюльта (Мари-Турекский р-н): *Сьӧлта* — воршудно-родовое имя удмуртов; гора Мышкар курык (Сернурский р-н): удм. *муш* «пчела; пчелиный» + *кар* «гнездо» + мар. *курык* «гора»; рч. Мушка: удм. *муш* + *-ка* — русский аффикс; рч. Сизнер и одноименный н. п. в Мари-Турекском р-не. И. С. Галкин первую часть гидронима связывает с общеперм. *сись* «гнилой» + мар. *эҥер* «река». Не исключено, что в основе топонима лежит удм. *сизь* «дятел»; р. Шишур и одноименный н. п. в Новоторьяльском р-не: *шур* «река», *ши* — деэтимологизированный апеллятив (топонимы Шишур, Сишур имеются и на территории Удмуртии); д. Сурты (Медведевский р-н): возможно, удм. *сурд* «березняк, березовая роща»; д. Нюхта (мар. Нӱктӧ — Медведевский р-н): *нюк* «сырой, влажный лог (ложбина)» + *та* ~ *тӧ* < удм. *ты* «озеро»; с. Мари-Турек: удм. *Турек* ~ *Турег* — личное имя общепермского происхождения: удм. *тур* «тетерев» + *-ек* — аффикс (ср.: удм. Мушег ~ к. Мушӧг; удм. Низег — к. Низьӧг, где *муш* «пчела», *нӥзь* «соболь»).

Как показывает топонимический материал, удмуртские элементы в географических названиях Марий Эл большей частью располагаются в северных землях, прилегающих к Кировской области и Балтасинскому району Татарии. Судя по таким воршудно-родовым именам, отразившимся в топонимии Марий Эл, как *Сьӧлта, Коньга, Туръя,* создателями вышеназванных географических названий были предки южных (арских) удмуртов и калмезов.

Отдельные вкрапления топонимов удмуртского происхождения выявлены на правобережье Волги — на территории Чувашии и в прилегающих к ней заволжских районах Татарии — в бассейне р. Свияги — пр. пр. р. Волги. Известный чувашский лингвист М. Р. Федотов отмечает, что на правом берегу Волги до прихода *сувас* «чуваш» жили племена, язык которых на занимаемых ими когда-то территориях исчез, но сохранилось множество топонимов, давным-давно утративших свое дотопонимическое значение. По данным исследователя создается впечатление, что из иноязычного пласта самыми распространенными являются географические названия марийского и мордовского происхождений, носители которых с древних времен живут в соседстве с предками чувашей. Выявлены и топонимы пермского происхождения.

В северо-восточной части Чувашии и прилегающих к ней в северо-западной, приволжской части Татарии такие названия, как Аркасси (рус. Аркасы): чув. *касси* «деревня», букв. «удмуртская деревня»; Ар-Сĕнтĕр (рус. Малый Сундырь — д. Сундыр существует и в Удмуртии); рч. Ар, рч. Глухой Ар, рч. Отяк, поле Отяково, д. Утяк, Большой Утяк, Малый Утяк, лог Воцкий указывают на пребывание в этом регионе удмуртов.

В шести географических названиях Чувашии выявлен общепермский апеллятив *кар:* город Шупашкар (офиц. рус. назв. Чебоксары) — столица Чувашской Республики; д. Шупашкар-Касси (Чебоксарский р-н), Шупашкар-Ĕсмĕлĕ (Мариинско-Посадский р-н), д. Мăн Шашкар (Моргаушский р-н), д. Шашкарварри (Моргаушский р-н), д. Муркар (Козловский р-н). В коми и удмуртском языках *кар* «городище; город»; в удмуртском еще и «гнездо; центр (уезда); столица».

Следует обратить внимание на такой чрезвычайно интересный факт: мордва чувашей называла *ветке ~ ветьке,* данный этноним, на наш взгляд, имеет прямую связь с удмуртским племенным названием *ватка.* Вероятно, что до прихода булгар, предков чувашей, на Волгу, на территории современной Чувашии, а также на землях соседних республик — Марий Эл и Татарстана — жили ананьинские, позже азелинские племена — предки удмуртов из племени *ватка* > морд. *ветке ~ ветьке* «чуваш».

В данном случае мы имеем пример переноса этнонима одного народа на другой. Такие случаи в истории известны. Так, тюрко-

язычные булгары, завоевав земли многочисленных славянских племен Балканского полуострова, ассимилировались в их среде, но смогли сохранить свой этноним. Или пример с Пруссией: немцы, захватив земли балтоязычных пруссов, частью истребили, частью ассимилировали их, но сохранили этническое название завоеванного народа.

Башкортостан

Северо-западные районы Башкирии, расположенные в бассейне реки Белой — одной из крупнейших притоков р. Камы,— были колыбелью, местом формирования многих родоплеменных групп удмуртов. Удмурты ее любовно называли *Тӧдьы Кам* «белая великая река» (башк. *Агидел* является переводной калькой с удмуртского языка, а рус. *Белая* — калька с башкирского). Бассейн среднего и нижнего течения р. Белой издревле был заселен пермоязычными ананьинскими племенами. После распада пермской этноязыковой общности в конце I тыс. до н. э. в бассейне р. Белой беспрерывно продолжали жить потомки ананьинцев — пьяноборские и караабызские, позже — мазунинско-бахмутинские племена — предки удмуртов. С началом великого переселения народов часть караабызско-пьяноборского населения, входящая в состав племенного объединения *калмез,* была оттеснена в Нижнее Прикамье, в бассейн Вятки, в южные и центральные районы Удмуртии. Оставшаяся часть праудмуртского населения создала здесь новую культуру (археологи ее называют то бахмутинской, то мазунинской, во избежание путаницы назовем ее бахмутинско-мазунинской культурой). С приходом на территорию современной Башкирии угорско-самодийского, ирано- и тюркоязычного населения из Сибири и южных степей территория жительства оставшегося на старой родине праудмуртов-калмезов, создателей бахмутинско-мазунинской культуры, начала сужаться и смещаться на северо-запад. В конце I — начале II тыс. н. э. с приходом кочевых древнебашкирских родоплеменных групп в бассейн р. Белой древнеудмуртские родовые группы отошли за Каму, а немалая часть, ассимилировавшись, вошла в состав формирующегося башкирского этноса.

Следы древнеудмуртского населения бассейна р. Белой, входящей в состав племенного объединения *калмез* — потомков ананьинского, пьяноборско-караабызского, бахмутинско-мазунинского населения — сохранились в этнотопониме *Калмаш,* который рас-

кидан по территории распространения вышеназванных культур, в первую очередь — пьяноборской: северо-запад Башкирии, юго-восток Удмуртии и северо-восток Татарии.

Со второй половины XVI в., после падения Казанского ханства и Арского княжества, с началом массового притока русских на Вятку, началось отступление удмуртов на восток, вплоть до Башкирии. Таким образом, бассейн реки Белой начал вторично заселяться удмуртами. Из 70 воршудно-родовых групп 29 зафиксированы на территории Башкирии, а именно: Можга, Пельга, Эгра, Какся, Коньга, Бигра, Юбера, Имъес, Ӟумъя, Чудьӟа, Сюра, Пурга, Бӧдья, Жикъя, Ӟатча, Уча, Дӧкъя, Тукля, Поска, Чабъя, Мӧнья, Дурга, Паляка, Кӧтья, Сьӧлта, Юсь, Чола, Чудна, Сянья (большинство закамских удмуртов названия своих воршудов уже не помнят, поэтому, может быть, не все микроэтнонимы включены в наш список). Судя по этим воршудно-родовым именам, переселенческий поток шел со всех удмуртских регионов. Но наиболее сильный поток шел с южной Удмуртии, об этом говорит и язык башкирских удмуртов: закамские говоры входят в состав южноудмуртского наречия, а татышлинский диалект родственен с говорами арских удмуртов.

В настоящее время удмурты живут в семи северо-западных районах и в центральном — Ермекеевском — районе Башкирии. Следует сказать, что кроме Ермекеевского района, все закамские удмурты придерживаются древних языческих культов. Сильно здесь влияние ислама и татарского языка. Исламизация и татаризация закамских удмуртов, начавшаяся еще с момента их переселения в башкирские земли, продолжается до сего времени. Следы отатарившихся или обашкирившихся удмуртов выявлены и в более южных районах Башкирии.

Переселенцы-удмурты на вновь освоенной территории создали небольшой пласт географических названий. В их основе лежат:

1) названия воршудно-родовых и племенных групп, личные имена — д. Конигово: *Коньга;* Можга: *Можга;* Чӱчча: *Чудьӟа;* Будья-Варяш: *Бӧдья;* Пельга (офиц. Бикзян): *Пельга;* Ватка (офиц. Нократ): *Ватка* — племенное объединение северных удмуртов, живущих в бассейне р. Чепцы; Шудек: *Шудэг* — личное имя;

2) нарицательная лексика: д. Нурканово: *нуркан* «вальдшнеп»; Шыр (офиц. Каймашабаш): *шыр* «мышь»; Вильгурт: *выль* «новый» + *гурт* «деревня» и др.

На территории Башкирии также имеются этнотопонимы *Ар,* например: рч. *Ар* — приток р. Б. Танып; рч. *Ар* — приток р. Буй;

рч. *Арйылга* — приток р. Уссиь; гора *Ар Тауы;* д. *Арово* (Чишминский район), *Арбашево* (Аскинский р-н), *Арибаш* (Татышлинский р-н), *Ариево* (Дуванский р-н), *Арийский* (Архангельский р-н), *Арларово* (Ишимбаевский р-н) и др.

Следует отметить, что топонимия Башкирии, в частности северной ее части, в историко-стратиграфическом плане изучена слабо.

Пермский край

С древнейших времен территория соседнего Пермского края была занята близкородственными коми-пермяцкими родоплеменными группами. Здесь четко прослеживаются и следы пребывания в недавнем прошлом обских угров.

До начала великого переселения народов в Среднем Прикамье, в районе современного г. Осы, с обоих сторон р. Камы, особенно в бассейне р. Тулвы, в юго-западной части современного Пермского края жили праудмурты-калмезы. Но в V в. н. э. этот племенной союз был разрушен прибывшими с востока и юга кочевниками. Судьба создателей древнеудмуртской осинско-красноярской культуры до сих пор не выяснена: скорее всего, они выступили на правобережные притоки Камы к своим сородичам, дошли до р. Чепцы и участвовали в сложении поломской культуры (V—IX вв. н. э.), часть, не исключено, ушла в Верхнее Прикамье и участвовала в сложении коми-пермяков. Немалая часть ассимилировалась в среде пришлых тюрков-кочевников, вошла в состав формирующейся самой северной группы башкир, например, племени Гайна. Под мощным наплывом русской колонизационной массы в XVI—XVII вв. данная группа башкир отступила с района Осы, с Тулвы. Как известно, при смене населения, этнических смещениях, топонимическая система разрушается, до неузнаваемости изменяется. Только этим можно объяснить отсутствие древнеудмуртских географических названий на территории Среднего Прикамья и бассейна р. Белой.

Западное Приуралье вторично начало заселяться удмуртами и другими народами Поволжья сразу же после падения Казанского ханства, когда начался массовый приток русских в Волго-Камье. В 1579 г. в районе г. Чердыни — на севере Пермского края фиксируется д. *Вотская;* в 1623 г. появляется поч. *Вотское городище* около г. Соликамска. По дореволюционным спискам населенных

мест Пермской губернии известны этнотопонимы, связанные с удмуртами: д. *Вотякова* (3 назв.), *Вотинова* (Соликамский у.), д. *Вотскова* (Чердынский у.), *Вотяки* (3 назв.— Пермский у.), д. *Вотинова, Вотиново, Вотинов, Вотяки* (Оханский у.). В переписных книгах 1678—1679 гг. небольшое число удмуртов зафиксировано в Кунгурском уезде.

По статистическим сведениям об удмуртах за 1911 г. в Пермской губ. удмурты жили в таких уездах: в Оханском — 182 чел., Верхотурском — 12, Пермском — 610, Осинском — 7560 чел.; из всех удмуртов губернии 6615 чел. причислены к язычникам и лишь 231 — к христианам. В том же году 1516 язычников перешли в ислам и отатарились: из осинских — 943 чел., из оханских — 6, из пермских — 567 чел. Пермская группа удмуртов-язычников в начале XX в. исчезла полностью в среде татар-мусульман. В настоящее время неизвестно, что за это была группа, откуда она появилась, когда, в каком районе и в каких селениях она жила. В среде бардынских татар имеются лишь косвенные сведения о том, что их предками были удмурты с гондырской (куединской) стороны.

В настоящее время в Пермском крае нам известны удмуртские деревни лишь в крайне юго-западной ее части — в Куединском районе. Здесь более 10 крупных населенных пунктов, в которых живет 5852 удмурта. Воршудно-родовой состав и история заселения данного региона сходна с башкирскими удмуртами (см. выше). В других регионах Перми — на севере, скорее всего, удмурты обрусели, а в центральных и юго-восточных районах — отатарились и обашкирились.

Единичные названия удмуртского происхождения выявлены в следующих районах (следует отметить, что на территории Пермского края, где с древних времен живут коми-пермяки — самый близкий по языку удмуртам народ, выделение удмуртских названий весьма затруднительно): д. Вильгурт (Куединский р-н): *выль* «новый» + *гурт* «деревня»; рч. Гондыр и н. п. Большой Гондыр, Малый Гондыр, Верх-Гондыр (Куединский р-н): *гондыр* «медведь; медвежий»; рч. Позрес и одноименный н. п. (Куединский р-н): *позырес* «искривленный; скрученный; свилеватый»; д. Гучуншур (Сивинский р-н): *гучун* < удм. *гучин* «селище (место старого поселения)» + *шур* «река»; д. Пашур (Чистянский р-н): *па* — деэтимологизированный апеллятив + *шур* (ср.: д. Пашур — в Можгинском и Шарканском р-нах); д. Ужегово (Верещагинский р-н): *Ужег* — личное имя общепермского происхожде-

ния + *-ово* — русский аффикс; д. Цепия (Чердынский р-н): *Чипъя* — воршудно-родовое имя удмуртов; д. Яушкар (Осинский р-н): *Яуш* — личное имя (одного из арских князей времен падения Арского княжества звали Явуш ~ Яуш) + *кар* «городище; город».

Этнотопонимы *Вотяк, Одо, Ар* выявлены в юго-западных районах Свердловской области — в Красноуфимском, Ачитском, Артинском, примыкающих к Пермскому краю и Башкирии.

5. 6. Иноязычные названия в топонимии Удмуртии

Русский топонимический пласт

Он начал складываться с конца XVI в. Распределение его по республике неравномерно: наиболее плотный ареал русских топонимов находится на Средней Каме — в Сарапульском, Каракулинском, Камбарском, а также в Воткинском, Киясовском районах. В этом регионе уже в конце XVII — начале XVIII в. русское население количественно возобладало над другими народами. Но основная масса русского населения на территории Удмуртии появилась лишь в XVIII—XIX вв. после основания Ижевского и Воткинского железоделательных и медеплавильных заводов на юге Удмуртии. Подавляющее большинство русских крестьян были выходцами из Вятской, реже — Казанской и Пермской губерний, отмечены переселенцы и из других мест. В языковом отношении преобладали носители «окающего» севернорусского наречия. Среди русских переселенцев было значительное число старообрядцев.

В лексико-семантическом плане русские топонимы Удмуртии можно разделить на следующие группы: 1) топонимы, образованные от географических терминов: д. Сосновый Бор, Лесная Поляна, Пальники; 2) топонимы, указывающие на имена, фамилии, прозвища основателей населенных пунктов: Александровка, Ивановцы, Бажениха, Абросята; 3) топонимы, образованные от названий церквей и православных праздников: Богородское, Рождественское, Петропавловский; 4) топонимы-советизмы и мемориальные названия: Коммуна, Первомайск, Пионерский и др.

Подавляющее большинство русских топонимов Удмуртии образовано с помощью суффиксов, редко — префиксов, а названий с чистой основой можно встретить лишь единицы. Наиболее употребительны суффиксы: *-ово ~ -ево, -овка ~ -евка, -овский ~ -евский, -ино, -инцы, -овцы ~ -евцы, -онки ~ -ёнки, -ица, -иха, ата ~ -ята.* Основной

очаг «экзотичных» топонимов на *-ата* ~ *-ята* (ср. н. п. Карпушата, Юклята, Харюшата), *-онки* ~ *-ёнки* (Захарёнки, Самушонки, Лаврушонки) находится в северных районах Удмуртии, их создателями, как правило, были русские старообрядцы и обрусевшие ныне коми-пермяки бывшего Карсовайского прихода.

Весьма внушительную группу составляют географические названия, переданные в форме мн. числа: Ваньки, Калмыки, Хорохоры и др. Из префиксов изредка встречаются *под-* и *за-:* Подборново, Подгоры, Заполье, Заболотное.

К моменту переселения русских территория Удмуртии была уже густо заселена. Поэтому, за неимением свободных мест, русские переселенцы очень часто селились в удмуртских деревнях. Согласно списку населенных мест по сборнику «Удмуртская АССР. Административно-территориальное деление на 1 июля 1971 г.» (Ижевск, 1972) в республике из 3136 селений в 1025 (32,6%) русские живут совместно с удмуртами. Поэтому одним из интересных и важных аспектов в области изучения топонимии Удмуртии представляет процесс взаимодействия русского и удмуртского языков.

Значительное число русских деревень республики носят чисто удмуртские названия: Тыловай: *тыло* «подлесок; подсека» + *вай* «ответвление; приток реки, ручей»; Ягул: *яг* «сосновый бор» + *ул* «низ, под (чем-л.)»; Котья: *Котья* — воршудно-родовое имя удмуртов. Усвоение иноязычных названий происходит прежде всего с фонетической адаптации: специфичные фонемы удмуртского языка при освоении русскими заменялись более или менее близкими звуками, так *жс* > *ж: Жикъя* > рус. Жикья; *ӵ* > *ч, щ: Ӵужьем* > рус. Чужьем; *Гучин* > рус. Гучин ~ Гущино; *ӟ* > *з, дз: Ӟумъя* > рус. Зюмья, Дзюмъя; *Ӟатча* > рус. Зятча, Зятцы; *ӧ* > *о, э: Дӧкъя* > рус. Докья; *Кӧсшур* > рус. Кесшур и др.

При освоении большинство удмуртских топонимов подверглось влиянию русского словообразования. Наиболее продуктивными суффиксами оказались *-ово* ~ *-ево:* Курегово < удм. Курег, Куреггурт; *-ино:* Сянино < удм. Сянья; *-инский:* Юберинский < удм. Юбера; *-ка:* Быдвайка < удм. Быдвай и др. Многочисленны образования в форме множественного числа: Селты < удм. Сьӧлта; Какси < удм. Какся; Алнаши < удм. Алнаш и др. Имеются примеры кальки удмуртских ойконимов на русский: Дятлево < удм. Сизьгурт: *сизь* «дятел» + *гурт* «деревня»; Каменное < удм. Изгурт: *из* «камень, каменный» + *гурт;* Старый Березняк < удм. Быдӟым Сурд: *быдӟым* «великий» + *сурд* «березняк, березовая роща» и др.

К вопросу об угорско-самодийском проникновении в Волго-Камье

О связях западносибирского населения с древними жителями Восточной Европы, отразившихся в географических названиях и материалах археологических культур, писали Д. Европеус, А. Каннисто, А. Ф. Теплоухов, А. П. Дульзон, Б. А. Серебренников, А. К. Матвеев, Э. Г. Беккер, М. Рясянен, В. Н. Чернецов, М. Ф. Косарев, В. Ф. Генинг, Т. И. Тепляшина, М. Г. Атаманов и др. Топонимисты приводят множество географических названий Сибири, имеющих параллели в топонимической системе Европейской части России. По этим данным делаются два противоположных вывода:

1. По мнению Д. Европеуса, предки обских угров некогда занимали весь европейский север России, а в Западную Сибирь они переселились из районов к западу от Урала. Такой же точки зрения придерживались А. Каннисто, А. Ф. Теплоухов, А. П. Дульзон, Э. Г Беккер и др. А. П. Дульзон полагает, что предки ненцев пришли в Сибирь из северо-восточной Европы, а предки селькупов — с территории к западу от Урала, где имеются многочисленные гидронимы на *-ка (-га)*. Э. Г Беккер дает этимологии некоторых гидронимов бассейна Волги, Северной Двины, Юга, Сысолы, Сухоны, Вычегды, расшифровывающихся с помощью селькупского языка, например, *Куданга* «пихтовая река»; *Анданга* «лодочная река»; *Унжа* «ручей, река»; *Юньга* «запорная река» (Беккер 1965: 31; 1970:171—174). С выводами А. П. Дульзона и Э. Г. Беккер совпадает точка зрения археолога М. Ф. Косарева, который отвергает традиционную точку зрения о саянском происхождении самодийских народов. Прародиной угров и самодийцев, по его мнению, были области западнее Урала. В переходную от бронзы к железу эпоху, приблизительно в IX—VII вв. до н. э., угорский массив начинает тяготеть в основном к восточным склонам Урала, а самодийские группы сосредоточиваются преимущественно в Обско-Енисейском междуречье (Косарев 1984; 1987).

2. Население, оставившее после себя эти названия, пришло из районов Сибири. Таково мнение Б. А. Серебренникова. Он считает, что Уральские горы не составляли серьезных препятствий для передвижения древнего сибирского населения на территорию Европейской части России. Из районов Западной Сибири в бассейны рек Камы, Печоры и Вычегды не раз проникали группы населения, которые в поисках более благоприятных мест для охоты и рыбной

ловли стали распространяться к западу вплоть до Карелии и южной части Кольского полуострова. После них остались гидронимы на *-еньга, -анга, -онга, -ым (-им), -ум.*

Проникновение небольших групп нижнеобско-зауральского населения в бассейн Чепцы, на территорию Удмуртии, прослежено на археологическом материале второй половины I тыс. н. э. Одни археологи их связывают с прото-хантыйцами или протоманси, другие называют их обобщенно: угро-самодийцы (см. работы В. Ф. Генинга, В. А. Семенова). Т. И. Тепляшина еще в конце 60-х гг. XX в. высказала предположение о наличии в топонимии Удмуртии угорских названий. Основу таких ойконимов, как Поршур, Поркар, Поргурт, она выводит из наименования одной из мансийских фратрий — *пор.* Географические названия с формантом *-ым (-им)* Т. И. Тепляшина связывает с угорским этносом; ареалы топонимов на *пор* и *-ым (-им)* на территории Удмуртии в основном совпадают.

Угорские названия представлены следующими апеллятивами:

манс. *я* «река»: рч. Воръявай — л. пр. р. Казанки, л. пр. р. Вятки: манс. *вор* «лес» + *я* + удм. *вай* «ответвление; рукав, приток реки». Вероятно, этот же мансийский апеллятив присутствует в топонимах Гыя, Лопья, Сия, Шия, Шолья, Чулья;

манс. *сос ~ шош* «ручей, вытекающий из болота»: рч. Сосмак — в бассейне Валы: *мак* — топоформант (ср.: Колтымак, Челтымак, Чермак); рч. Дасос — в бассейне Чепцы и н. п. Верхний Дасос, Малый Дасос (удм. Поркар) в Юкаменском р-не: *да* < ? *тӧ* «озеро»; рч. Шушмо и одноименный н. п. в Увинском р-не, р. Шошма (удм. Шушмо) — пр. пр. р. Вятки: *-ма (-мо)* — топоформант, широко распространенный в гидронимии;

манс. *ар(и)* «сезонная река»: р. Арлеть в бассейне Кильмези *-леть ~ -лет* — топоформант (ср.: Англеть, Варклет, Илеть, Летка и др.);

манс. *унь* «запруда в реке»: р. Уня — в бассейне Валы, рч. Уня в бассейне Чепцы; *унь* + *я* «река»; р. Унинка — в бассейне Лумпуни: *-инка* — русский аффикс; р. Лумпунь — пр. пр. р. Кильмези: *лумп* < ?селькл. *лымпӓ* «болото» + манс. *унь*;

манс. *уть* «порог на реке; отмель»: р. Уть — пр. пр. р. Кильмези; р. Убыть — л. пр. р. Чепцы: *уб* — возможно, от др.-перм. *ыб* «возвышенность», «поле»; р. Омуть — в бассейне Чепцы: *ом* — деэтимологизированное слово западносибирского происхождения, ср.: р. Ом — на ее берегу расположен г. Омск. В материалах переписи XVII в. в бассейне Чепцы зафиксирован гидроним Ом; возможно, этот же апеллятив лежит в основе удмуртских ойконимов Полом, Уром;

манс. *хоса* «длинный; долгий», «далекий»: р. Коса — л. пр. р. Казанки, л. пр. р. Вятки; р. Коса — л. пр. р. Чепцы, л. пр. р. Вятки: переход *х-* > *к-* произошел на удмуртской почве;

манс. *тумп* «остров», «плоская гора; голец; отдельная высокая гора с обнаженной вершиной»: д. Тумпал в Ярском р-не: *тумп* + ? манс. *ал* «подол», перен. «передняя часть чего-л.»; рч. Тум — в бассейне Чепцы и одноименный н. п. в Ярском р-не (удм. Дӧжигурт). Выпадение конечного *п-* в манс. *тумп* произошло на удмуртской почве, где стечение согласных в конце слова, кроме *-рт, -рд,* не характерно;

хант. *ёган, юхан, ёхан* «река»: р. Яган — в бассейне Ижа; р. Яган — в бассейне Валы;

хант. *унт, уонт* «лес; дикая местность»: н. п. Унтем — в Игринском, Большой Унтем, Унтем Малый — в Балезинском, Старый Унтем, Новый Унтем — в Кезском р-нах: *ем (~ -эм)* — аффикс, может быть, фонетический вариант топоформантов *-ым ~ -ум ~ -ом.*

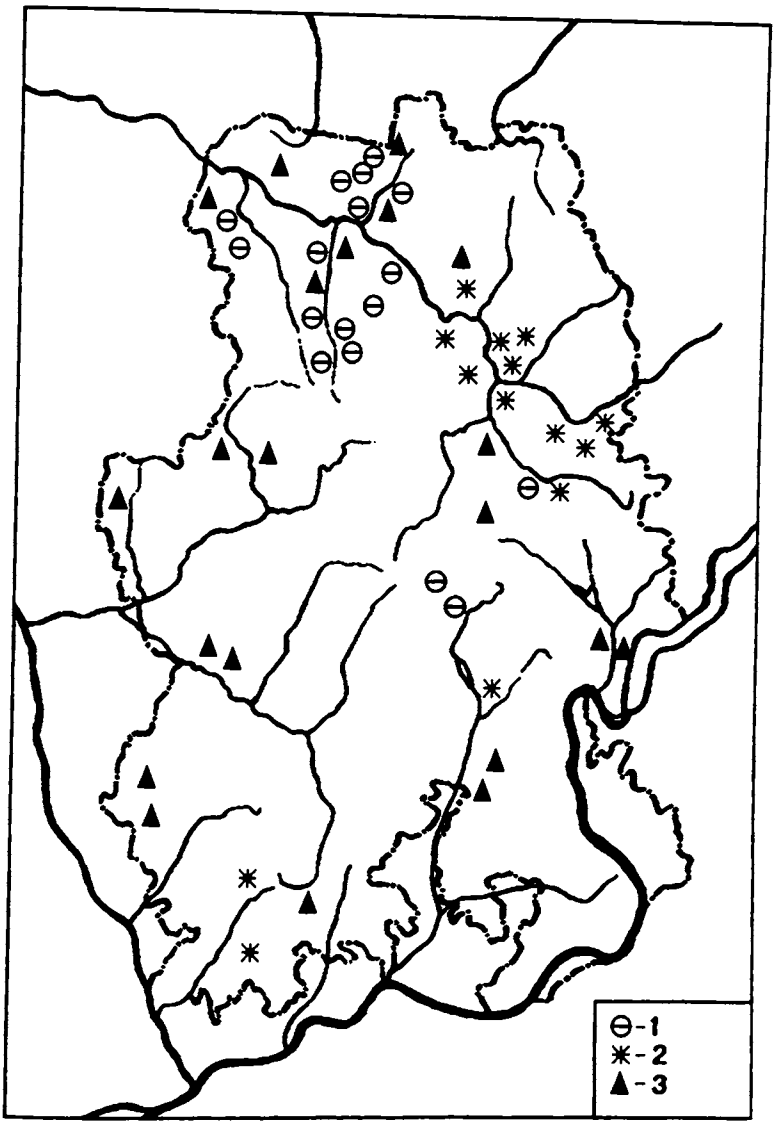
Среди северных удмуртов Верхней и Средней Чепцы, где находится основной очаг угорских топонимов, особенно на *-ым ~ -ум ~ -ом,* имеется слово *варсэм* «чащоба, чаща; урема», отсутствующий в большинстве удмуртских диалектов и в родственных коми языках, но имеющий прямую параллель в казымском диалекте хантыйского языка — *warsəŋ* «кустарник». Вероятно, удм. *варсэм,* диал. *ӱарсэм,* заимствован из хантыйского языка. Данная лексема сохранилась в названиях удмуртских деревень *Уарсем* — в Кезском, *Уварсем* — в Балезинском, *Варсем* — в Кезском, Глазовском р-нах;

хант. *вари* «старица»: рч. Вари — в бассейне Валы и н. п. Новые Вари, Русские Вари, Удмуртские Вари в Вавожском р-не;

хант. *лангки* «белка»: с. Лонки-Ворцы (удм. Мазьги) в Игринском р-не: *Ворцы* < удм. *Вортча* — воршудно-родовое имя; удмуртское название деревни — *Мазьги* не объяснимо на материале удмуртского языка, возможно, *мазь ~ мось* — название фратрии обских угров + *ги* < сельк. *гы ~ кы* «река, речка».

Самодийские названия. По моим данным, топонимы самодийского происхождения представлены следующими апеллятивами селькупского и ненецкого языков:

сельк. *лымпӓ* «болото»: рч. Лумпа, рч. Лумпо — в бассейне Валы; рч. Лумпа, рч. Лумпук: *-ук* — аффикс, рч. Лумпачикское: удм. *сик,* диал. *чик* «роща; лес» + *-ское* — русский аффикс; рч. Лымпашур: удм. *шур* «река» — в бассейне Чепцы; р. Лумпунь — пр. пр. р. Киль-

Топонимика угорского происхождения на территории Удмуртии:

1 — топонимы с апеллятивом *пор*
2 — топонимы на *-ым, -им, -ум, -ом*
3 — другие топонимы угорского происхождения

мези: манс. *унь* «запруда в реке». Производные от гидронимов ойконимы имеются в р-нах: Глазовском — *Лумпашур,* в Якшур-Бодьинском — *Лумпово,* в Ярском — *Лумпа;*

сельк. *кы, ке, гы* «река, речка»: рч. Сюга (удм. Сюгы) — в бассейне Валы (2 названия): сельк. *с'ӱ ~ шӱ* «змея», букв. «змеиная река».

Возможно, этот же апеллятив присутствует в гидрониме *Сыга* — название двух небольших рек в бассейне Чепцы; производные от гидронимов ойконимы имеются в Глазовском — д. Сыга и в Кезском — д. Сыга I, Сыга II, Сыга III — р-нах;

сельк. *шынт, шынт', шунд'ъ* «ручей болотный»: рч. Шундошур — в бассейне Кильмези: удм. *шур* «река»; рч. Сунда, рч. Сундо, рч. Сундошур — в бассейне Валы; рч. Сундо, рч. Сунды, рч. Сундошур — в бассейне Чепцы; рч. Сундур и одноименный н. п. в Игринском р-не: манс. *ур* «возвышенность; гора; горный хребет». В Якшур-Бодьинском и Игринском р-нах имеются д. Шундошур и Сундошур. Корреляция *с- ~ ш-,* возможно, отражает диалектные особенности одного из языков. Нельзя пройти мимо такого интересного факта: на северо-западе России, на территории Архангельской, Вологодской областей и Карелии имеются топонимы с апеллятивом *шунд:* Шундовка, Шундонец, Шундозеро, Шундукса, Шундомень и др. А. К. Матвеев считает, что названия с основой *шунд-* характерны для той части региона русского Севера, где встречаются субстратные саамские названия. Уже поэтому более вероятно их саамское, а не прибалтийско-финское происхождение. В саамских диалектах данный апеллятив обозначает «талое место во льду». Теперь возникает вопрос: какой из этносов уральской языковой семьи оставил на территории Удмуртии топонимию с основой *сундо ~ шундо*? Может быть, одна из самодийских групп, которая вошла в состав саамов и селькупов;

сельк. *колд ~ колдэ ~ колтта ~ кулд ~ голты* «большая река»: р. Колтымак — пр. пр. р. Тоймы: *-мак* — топоформант (ср.: Сосмак, Чермак, Челтымак). Вероятно, этот же апеллятив лежит в основе *Кылт* — река, л. пр. р. Валы. Река с таким же названием имеется в коми топонимии;

сельк. *калдэ* «выступающий участок (залив, клин тундры)»: с. Халды (удм. Калдй) в Селтинском р-не. В удмуртской топонимии, чаще всего в названиях возвышенностей, частей населенных пунктов (улиц), часто встречается апеллятив *колтыма ~ колтома* (ср.

к примеру: *Колтома* — старое название пос. Металлургов в Ижевске), на наш взгляд, имеющий генетическую связь с сельк. *калдэ* (*-ма* — аффикс);

сельк. *няр* ~ *няры* ~ *нйарре* «заболоченный лес», «болотистое место»: рч. Синяр — пр. пр. р. Люги, л. пр. р. Вятки: *си* — гидроформант (ср.: Сишур, Сива, Сия);

сельк. *йунггы* «запор для ловли рыбы»: рч. Юнга — в бассейне Чепцы и одноименный н. п. в Красногорском р-не; Юньга н. п. в Каракулинском р-не;

сельк. *тек* «быстрый»: рч. Тек — в бассейне Чепцы и одноименный н. п. в Глазовском р-не;

сельк. *варга* ~ *варка* ~ *варг* «большой»: рч. Варклет — пр. пр. р. Ижа: *лет* — гидроформант (ср.: Арлеть, Англеть, Летка);

сельк. *анга* «старица; большое длинное озеро»: рч. Англеть — пр. пр. р. Кильмези: *леть* — гидроформант (см. выше);

ненец. *яха* «река»: рч. Яга (удм. Ягги ~ Лягги) — л. пр. р. Умяк, л. пр. р. Вятки и н. п. Яги-Какси (удм. Ягги, Лягги) в Граховском р-не; рч. Яга (удм. Яги) и н. п. Верхнее Ягино, Старое Ягино в Шарканском р-не; р. Кордяга и рч. Малая Кордяга — левые притоки р. Чепцы (на территории соседней Кировской обл.): *корд* < ненец. *хард* «дом»; «поселок, селение» + *яга* < *яха*. Вполне возможно, что этот же апеллятив лежит в основе гидронимов *Умяк* — л. пр. р. Вятки: *ум* — топоформант (см. топонимы на *-ым, -ум, -ом*) и Сияк — река в бассейне Валы: *си* — топоформант, широко распространенный в гидронимии Удмуртии (ср.: Сюмси, Пумси, Сишур), возможно, что по происхождению он един с ненец. *сё* «протока; река, вытекающая из озера»;

ненец. *сада* «лужа». В бассейне Чепцы, на территории Ярского р-на, имеются три ручья, носящие название Сада;

ненец. *саля* «мыс; полуостров»: рч. Саля — л. пр. р. Лозы, л. пр. р. Чепцы. Селения Саля, Ближняя Саля, Дальняя Саля находились на территории Игринского р-на.

В топонимии бассейна Вятки, на территории Вятской губернии, по сведениям переписи 1859—1875 гг., зафиксированы этнотопонимы *Яран:* рч. *Яранка,* д. *Ярань-Шудзи, Яранцы* в Глазовском у., рч. *Яран,* г. *Яранск,* д. *Ярань Малая* — в Яранском у., д. *Яраничи* — в Орловском у., р. *Ярань,* д. *Ярань Малая* — в Нолинском у. Как известно, термином *яран* коми и обские угры называют ненцев.

Марийские элементы. Начало массового переселения марийцев на территорию современной Башкирии, Свердловской области,

Пермского края относится ко второй половине XVI в., ко времени падения Казанского ханства. Основной поток переселенцев-марийцев шел по Каме, через земли южных удмуртов. Отдельные их группы могли здесь оседать, об этом говорят удмуртские предания, а также географические названия с апеллятивом *пор* «мариец; марийский»: Поршур (*шур* «река»), Поршай (*шай* «кладбище»), Порнюк (*нюк* «лог, ложбина») и др. (при этом не надо путать многочисленную северноудмуртскую топонимию с апеллятивом *пор*, т. к. она связана с уграми — см. об этом выше). Судя по материалам ранних переписей, до начала XVIII в. в южной Удмуртии марийских селений не было. Перепись 1710 г. впервые фиксирует одну-единственную марийско-чувашскую деревню в составе удмуртской сотни Андрея Байтемирова — деревню Новую Игру (совр. назв. Карманково, мар. Дьзегра в Менделеевском районе Татарии), состоящую из 5 дворов, из них 3 двора марийцев с 8 жителями.

В настоящее время небольшие группы марийцев живут в крайне южных Граховском (д. Мари-Возжай, Большая Ерыкса, Иж-Бобья), Алнашском (Марийское Гондырево, Варали, Охотничий), Каракулинском (Усть-Сакла, Ныргында, Быргында), Кизнерском (Марийский Сарамак), Киясовском (Унур-Киясово), Малопургинском (Верхняя Иж-Бобья), Сарапульском (Черный Ельник) районах Удмуртии — в бассейне Камы и Вятки.

Географических названий марийского происхождения на территории Удмуртии немного. Лишь отдельные вкрапления имеются на юге республики. Марийские названия представлены следующими апеллятивами:

ераш «маленькое озеро; лужа»: р. Юрашка (удм. Йыраш) — пр. пр. р. Тоймы, пр. пр. р. Камы: *-ка* — русский аффикс; р. Юрашка (удм. Йыраш) — л. пр. р. Умяк, л. пр. р. Вятки. Отгидронимические ойконимы имеются в Граховском — Нижние Юраши, Горные Юраши, Йырашйыл (офиц. Сарайкино) и в соседнем Елабужском р-не — Сосновые Юраши, Старые Юраши, Вотские Юраши;

икса «залив; заводь, затон»: рч. Ерыкса и н. п. Большая Ерыкса в Граховском р-не: мар. *ер* «озеро»; д. Кудекса в Каракулинском р-не: мар. *куд* «шесть»;

эӈер «река»: рч. Асинер и одноименный н. п. в Кизнерском р-не; ключ Липинер и одноименный н. п. в Вавожском р-не; поч. Тайшинер (удм. Тошэнер) в Граховском р-не (в начале 70-х годов селение ликвидировалось). Возможно, этот же апеллятив лежит в названии поселка Кизнер и деревни Кузнерка;

нур «поле»: д. Унур-Киясово в Киясовском р-не: мар. *у* «новый»; *Кияс* — личное имя, *-ово* — русский аффикс. Вероятно, сюда же относится ойконим Селянур (удм. Сюлоныр) в Граховском р-не; в деревне сохранилось предание о том, что до удмуртов здесь жили марийцы, а рядом с Селянуром стоит удмуртская деревня Поршур, название которой указывает на пребывание в этом районе марийцев.

Тюркские элементы. В настоящее время в Удмуртии имеется около 50 татарских (включая татарско-русские, татарско-удмуртские) населенных пунктов. Больше всего татар живет на севере республики — в Юкаменском, Балезинском, Глазовском районах; есть отдельные деревни татар в южных районах — Алнашском, Граховском, Киясовском, Малопургинском, Можгинском, Сарапульском, Кизнерском.

Первые татарские селения на территории северной Удмуртии появились лишь в конце XVII в. В район средней Чепцы они переселились из с. Карино современного Слободского района Кировской области. В северных районах, особенно в Юкаменском, у многих татар предками являются омусульманившиеся бесермяне.

На земли южных удмуртов татары начали переселяться после падения Казанского ханства. Наиболее плотно им удалось заселить бассейн нижнего и среднего течения р. Иж, где ныне находится Агрызский район Татарии. Среди первопоселенцев упоминаются и чуваши. Судя по документам XVIII—XIX вв., наряду с татарами и удмуртами, здесь жили тептяри и башкиры; этноним «чуваша» с конца XVIII в. в бассейне р. Иж исчезает из употребления, что может свидетельствовать о принятии ими ислама и об «уходе в татары».

К тюркскому источнику восходят названия татарских деревень, образованные большей частью от личных имен: Ахмади, Бектыш (в Балезинском районе), Абдульменево (в Малопургинском районе), Иманай, Тутаево, Шафеево, Юнусенки, Мамлей, Мустай, Ешмаково (в Юкаменском районе).

Больше всего тюркских топонимов имеется в юго-восточных, прикамских районах Удмуртии, ныне сплошь заселенных русскими. Судя по топонимическим легендам и некоторым историческим документам, до прихода русских здесь жили башкирские родоплеменные группы. После них остались такие ойконимы, как Каракулино: *кара* «черный» + *куль* «озеро» + *-ино* — русский аффикс; Камбарка: *канбар* — название одного из родовых подразделений

башкир + *-ка* — русский аффикс; а также: Ильдибаево, Байсары, Сабанчино, Яжбахтино, Атабаево, Аксарино, Кигбаево, где *Ильдибай, Байсар, Сабанчи, Яжбахты, Атабай, Аксари, Кигбай* — личные имена основателей тех селений. Ныне во всех этих населенных пунктах живут русские.

Во избежание иллюзорного представления о большом количестве тюркских топонимов Удмуртии следует обратить особое внимание на такой факт: многие удмуртские деревни республики носят тюркские названия — Асаново, Байтуганово, Мамаево, Шадбегово, Байкей, Тукташ, Батырево, Бачкеево, Байдалино, Баяран, Бахтиево, Кельдыково и многие другие. История возникновения тех селений никак не связана с татарами — основателями тех населенных пунктов были удмурты, носившие имена тюркского происхождения. Известно, именник удмуртов до принятия ими христианства в середине XVIII в. включал огромное количество тюркских антропонимов. Так, по переписи 1615 г. в погосте Порга Каринского стана (совр. д. Большая Пурга Игринского района) из 32 мужчин жителей деревни 15 (или 46,9%) носили тюркские имена. Их количество было еще больше среди южных удмуртов — около 75—90%. До сих пор старшее поколение некрещенных удмуртов Башкирии, Татарии, юга Пермского края пользуется тюркским именником (Атаманов 1990). Удмуртский именник не является исключением: тюркские имена проникли во многие языки народов восточной Европы, Кавказа и Сибири. Личные имена, в том числе и антропотопонимы, в решении этногенетических проблем не играют важной роли.

Представляет интерес тот факт, что деревни, в которых живут татары, носят названия удмуртского происхождения: Тыловай, Кизеково, Бугашур, Кесшур, Пасшур, Подлешур, Вежеево, Зяглуд, Ворца, Моино и др., русского — Варзино-Алексеево, Гаранькино, Починки, Ключи, Засеково, Одинцы и др., или неизвестного происхождения: Кестым, Парзи, Чельча, Порым, Кизварь, Палагай, Вениж и др. Что еще немаловажно, в гидронимии Удмуртии влияние тюркских языков не прослеживается. Все эти данные свидетельствуют о том, что тюрки в Камско-Вятское междуречье, издревле заселенное удмуртами, проникли довольно поздно, в основном после падения Казанского ханства, хотя отдельные фактории, типа Карино, могли существовать в гуще удмуртских поселений еще в булгарские времена. Но это ни историческими документами, ни археологическими материалами не подтверждается; названия

татарской деревни Карино Слободского р-на Кировской области, откуда шло заселение татарами бассейна р. Чепцы, образовано от удмуртского апеллятива *кар* «городище; город» + диал. *ин*, лит. *инты* «место», т. е. «деревня, возникшая на месте городища». Действительно, возле с. Карино имеется городище, но культурный слой отсутствует.

Итак, в географических названиях Удмуртии выделяются прапермский, собственно удмуртский, русский топонимические пласты, угорские, самодийские, марийские, тюркские топонимические элементы. Собственно удмуртский пласт — самый мощный, он распространен по всей Удмуртии. Более того, многочисленные географические названия удмуртского происхождения выявлены по Вятке, на территории Кировской области и в северо-западных районах Татарии, в треугольнике между нижними течениями Камы, Вятки и до Волги. Судя по многочисленным преданиям и некоторым письменным источникам, именно на этих территориях в конце I — начале II тыс. н. э. у древних удмуртов оформились свои племенные центры: у северных удмуртов-ватка на месте Хлынова (совр. г. Киров), а у южных — в Арске. Внутри очерченного нами этнотопонимического круга небольшие вкрапления топонимов удмуртского происхождения выявлены на территории Марий Эл, в заволжских районах Татарии, на северо-востоке Чувашии и на Урале — в северо-западных районах Башкирии и примыкающих к ней районах Пермского края и Свердловской области.

Второй по величине пласт географических названий Удмуртии — русский, который начал складываться с конца XVI в.; основная же масса русского населения появилась здесь лишь в конце XVIII—XIX вв.

Собранный в последние годы топонимический материал подтверждает пребывание на территории Удмуртии западносибирского — угорского и самодийского — населения. Судя по археологическим материалам, зауральское население проникло в бассейн р. Чепцы во второй половине I тыс. н. э. О пребывании угорского и самодийского населения в этот же период на территории соседних с Удмуртией Башкирии и Татарии говорят казанские и уфимские археологи. Проникновение западносибирского населения в Волго-Уральский регион, по существу не прекращавшееся с момента разделения уральской общности, влилось окончательно в широкий процесс великого переселения народов в I тыс. н. э. На наш взгляд, с угорским миром связана этническая основа воршудно-родовых

групп удмуртов *Эгра*, *Пурга*, *Можга*, возможно, *Салья*, *Пупья*, и некоторых др. В южных районах Удмуртии выявлены отдельные вкрапления топонимов марийского происхождения. Тюркские (татарские, реже башкирские) географические названия представлены в основном отантропонимическими ойконимами; в сложении гидронимии Удмуртии тюрки не участвовали.

Таким образом, собранный и проанализированный языковой материал свидетельствует о том, что удмурты являются коренным, древнейшим населением Волго-Камья. Однозначно можно утверждать, что бассейны р. Вятки, нижних течений рек Камы и Белой были основными центрами сосредоточения и формирования древнеудмуртского этноса. Здесь была у них прародина.

III. АРХЕОЛОГИЯ: ЕЕ РОЛЬ В РЕШЕНИИ ДРЕВНИХ ЭТАПОВ ИСТОРИИ УДМУРТОВ

При отсутствии древних письменных памятников, имеющих возраст 2—3 и более тысячелетий (а таким богатством, имеющим общемировое значение, на земном шаре владеют лишь единицы современных народов), специалисты, в первую очередь, ученые, краеведы, желающие выяснить древнее прошлое своего Отечества, родного народа, обращаются к **археологии.**

Археология (от греческого *архайос* 'древний' + *логос* 'учение') — наука из наук в изучении человеческой истории от самых истоков до современности. Воистину, при умелом, честном использовании его бесценных материалов, извлеченных из-под глубоко укрытого от человеческого взора спуда, из толщи столетних, тысячелетних наслоений — пыли, земли, гумуса, из-под камней, из воды, из болот-торфяников, из-под песчаных барханов или из слоев вечной мерзлоты — достаются частички истории, свидетельствующие о жизни первобытных людей на данной территории, в данную эпоху.

Помимо каменного инвентаря — нуклеусов, резцов, долот, отточенных каменных ножей, деятели науки находят наскальную живопись, в том числе и на Урале, созданную руками наших древнейших прапредков, относящихся к палеолиту, неолиту, мезолиту.

Значит, помимо хлеба насущиого, людей тогда уже волновала и духовная, религиозная, интеллектуальная сфера: на стенах пещер, гротов, где они укрывались от зимних холодов, летней жары, от черной тучи кровососущих комаров, летней, холодной, сырой погоды, рисовали природными красками или царапали остроконечными скребками, ножами, долотами на каменных глыбах вдоль водоемов диких лошадей, мамонтов, бизонов, оленей, летающих, плавающих, пресмыкающихся, птиц, рыб, насекомых моллюсков, которых они обожествляли, считали своими кормильцами (*сюдйсь-вордйсь*), божками-покровителями.

Это были тотемы близкородственных групп первобытных людей. Их тела съедали, а облики в благодарственную память оставляли на камнях, на дереве, в глине, на стенах пещер, гротов. Это их божки-покровители-кормильцы; их лики, образы вскоре превращались в идолов. Первоначально глиняные статуэтки имели женский облик — образ праматери земных людей каменного века.

Образ матери — прародительницы, вырезанный на дереве, на камне, вылепленный из глины, как великую святыню материнского рода, хранили в потаенном, священном месте, в центре обитания рода, например, в дуплах дерева, скажем, ели. У прапрапредков современных удмуртов это дерево (у одних — ель, у других — сосна, пихта, липа, дуб, береза и т. д.) становилось священным, его берегли, охраняли от чужеродцев, ибо это дом (*дор*), место обитания праматери — *му: мудор*. В таком случае само дерево почиталось как *мудор кыз* 'елка — дом — обиталище (*дор*) праматери — *му'*

Современные удмурты центральных районов Удмуртии древнейшим словом *мудор* именуют иконы: на деревянной доске нарисованный лик святого напоминает о его житии (южные удмурты иконы называют словом *оброс* > рус. образ.

Археологи едва ли бы расшифровали образы тех древнейших рисунков, статуэток, если бы в помощь не пришли этнография, мифология, особенно автохтонных родо-племенных групп далекой Австралии, Полинезии, тропической Африки, Латинской Америки, до недавнего времени остававшихся в своем развитии на уровне каменного века. Это их обычаи, обряды, язык, фольклор помогают расшифровывать уровень материальной и духовной культуры, мышление наших древнейших прапредков, живших в эпоху палеолита, мезолита, неолита. Богатые этнографический, фольклорный материалы содержатся в духовной культуре любого народа мира, в том числе и удмуртов.

* * *

На территориях Урала, Поволжья и в примыкающих к ним регионах выявлены археологические памятники всех исторических эпох, начиная с палеолита до позднего средневековья. Хотя памятники с эпохи палеолита на территории Удмуртии еще не найдены, зато выявлено много памятников эпохи *мезолита* — среднего каменного века и *неолита* — нового каменного века. Часть из них уже раскопана, обследована, и по ним имеются публикации, защищены диссертации.

Первые сообщения об археологических памятниках на территории Удмуртии появились в середине XVIII в. Так, участник Академической экспедиции Н. П. Рычков (1746—1784) осмотрел два городища в окрестностях г. Глазова и пришел к выводу: они были сооружены удмуртами (История Удмуртии 2007: С. 24).

Обнаружение уникального некрополя — Ананьинского могильника близ Елабуги в середине XIX в., начало публикаций его богатейшего материала произвели маленькую бесшумную «революцию» в изучении древних памятников Волго-Уральского региона. Вести об этом редкостном открытии дошли до Парижа, Гельсингфорса и других европейских центров науки и культуры. В свое время его посетили финские ученые И. Аспелин, А. Тальгрен, президент французского национального общества древностей барон де Бай.

Со второй половины XIX в. ученые, краеведы в поисках археологических памятников прошли по большей части современной Удмуртии и выявили десятки новых памятников от мезолита до позднего средневековья. XX в. занимает особое место в археологическом изучении Удмуртского края: десятки ученых-археологов, организуя масштабные экспедиции, взялись за изучение древних памятников по Каме, Чепце, Кильмези, Ижу, Тойме и по сопредельным территориям. Даже в тяжелейшие 1920-е годы археологические исследования не прекращались.

В 1960-е годы в области археологии открывались, обследовались новые памятники, по ним писались отдельные статьи, монографии, защищались кандидатские и докторские диссертации. Именно в это счастливое для науки время выросли замечательные ученые-археологи В. Ф. Генинг, Р. Д. Голдина, а в 70—80-е годы XX в. ее ученики Н. А. Лещинская, Л. Д. Макаров, И. Т. Шапран, Т. М. Гусенцова, Е. М. Черных, О. А. Казанцева, Г Н. Ютина, В. А. Бернц, Н. В. Водолаго, С. Е. Перевощиков, Н. Ф. Широбокова, а также В. А. Семенов, Г Т. Кондратьева-Живаева, М. Г Иванова, О. М. Мельникова, Т. И. Останина, Л. А. Наговицын, К. И. Корепанов, Н. И. Шутова и др.

Особую признательность хочется выразить археологам-первооткрывателям, ученым, краеведам, любителям древностей нашей земли: И. В. Шишкину (первооткрывателю Ананьинского некрополя, отцу известного художника И. И. Шишкина), П. А. Пономареву, П. В. Алабину, А. А. Спицыну, Н. Г Первухину, А. М. Тальгрену, А. Е. и Ф. А. Теплоуховым, М. В. Талицкой,

М. Г. Худякову, А. П. Смирнову, А. Беркутову, О. Н. Бадеру, С. Г. Матвееву, К. И. Невоструеву, Н. А. Прокошеву, А. В. Збруевой, Л. И. Ашихминой, В. Ф. Генингу, Р. Д. Голдиной.

Труды А. В. Збруевой, А. П. Смирнова, В. Ф. Генинга, Р. Д. Голдиной — мои настольные книги по древней истории родного удмуртского народа. Монография Р. Д. Голдиной «Древняя и средневековая история удмуртского народа» (Ижевск, 1999. 304 с.) — огромное событие в удмуртоведении, в истории восточных финно-угров и других народов. По ее фундаментальному труду я и многие любители древностей Удмуртии, ученые ориентируются в древней культуре удмуртского народа. В этногенетических схемах по происхождению и древней истории удмуртского народа ее монография, статьи, как и работы другого выдающегося ученого-археолога В. Ф. Генинга,— путеводная звезда.

* * *

Должен оговориться: я — лингвист, специалист по исторической ономастике, но всегда, с молодых лет, с большим интересом изучаю работы археологов. Хотя и не решаю проблем в этой области, в освещении этногенеза одного из самых древних народов Восточной Европы — удмуртов, никак не могу оставить в стороне достижения археологии, а также труды по антропологии. При отсутствии древних письменных источников они становятся основными помощниками в решении данной проблемы. В то же время мои наблюдения породили несколько вопросов, предложений к своим глубокоуважаемым коллегам (искренне прошу прощения: мои замечания не касаются конкретно одного ученого, я говорю о слабостях, может быть, неосознанных недоработках всей археологической науки на современном этапе). К примеру, об этническом составе большинства археологических культур специалисты в этой области чаще всего говорят по его условно названному имени: по гидрониму, ойконими или микротопониму, где был выявлен первый или самый значительный памятник данной культуры: *пьяноборцы, абашевцы, кушнаренковцы, мазунинцы* и т. д. и т. п.

Извините, никогда не было пьяноборского или кушнаренковского народа (собственно — это топонимические названия, а поселения, от которых получили свое название памятники, возникли в недавнем прошлом: 100—200 лет назад, а археологическим памятникам, выявленным возле этих селений, уже тысяча и более

лет); *абашевского* или *мазунинского* языка тоже никогда не было на земле. И *пьяноборская*, и *кушнаренковская* и все другие археологические культуры мира созданы каким-нибудь определенно конкретным этносом (есть примеры — этносами), скажем, древними удмуртами, протомадьярами, мерьей или мещерой и другими ныне здравствующими или давно исчезнувшими народами, племенами.

Уже давно археологи и другие специалисты смежных наук пишут и говорят: древняя мордва (хотя такой национальности нет, есть мокша и эрзя со своими языками и культурой), или древние марийцы (есть луговые и горные марийцы со своими отдельными литературными языками), или булгары и т. д. В то же время о создателях археологических памятников, связанных с удмуртами, термин «древние удмурты» почти не используется.

О господствующем на рубеже I—II тыс. н. э. в Волго-Камском регионе тюркоязычном народе *булгар* также имею свое суждение, хотя о них уже выпущены многие десятки томов как в Казани, так и за ее пределами: как в ту эпоху не было еще единого удмуртского, марийского, мордовского, русского, украинского, финского, немецкого народов, не было и единого булгарского народа. В этногенезе булгар участвовали воршудно-родовые группы удмуртов — Волжско-Камская Булгария образовалась на землях южных удмуртов (см. Танкеевский могильник), а также мордовские, марийские родо-племенные группы, бесермяне, буртасы (два народа неизвестного происхождения), обские угры (так утверждает Е. Казаков), оставшаяся в Приуралье часть мадьяр; в булгарских городах были целые кварталы, отдельные поселения армян, славян, выходцев из Средней Азии, Ближнего Востока; входили в их состав кочевники-тюрки со своей культурой, диалектом.

Каждый из этих этносов вносил в формирование к нашему времени исчезнувших булгар свои национальные, культурные черты. Под влиянием оседлых земледельцев финно-угров, тех же удмуртов, булгары оставили кочевнические традиции, стали примерными оседлыми земледельцами; по антропологическому типу они стали ближе к камско-волжским финно-уграм (тем же арам-удмуртам), нежели единородцам из Сибири, Средней Азии — якутам, хакасам, алтайцам, киргизам, сартам, уйгурам или другим тюркским народам.

Вопреки убеждениям казанских ученых, единого булгарского языка не было, были племенные языки — диалекты. Не случайно

из булгар образовались два разных народа — чуваши и казанские татары с совершенно отличными друг от друга языками, культурой, религией и даже антропологическим типом. Между учеными из Казани и Чебоксар идет бумажная борьба за булгарское наследство.

Вернувшись к своей первоначальной мысли, хочу сказать, что в отличие от всех других восточных финно-угорских народов, удмурты объединились в единый народ, с единым литературным языком и культурой. В то же время археологи редко или совсем не используют этнотермины «древние удмурты», «праудмурты», «древнеудмуртские родоплеменные или воршудно-родовые группы», по-прежнему продолжают писать: *мазунинцы, караабызцы, пьяноборцы* и т. д., или используют совершенно не соответствующие действительности термины, как «восточные финны», «поволжские (~прикамские) финны» и т. д. Но восточные финны живут в восточной части Финляндии, а не в Поволжье и Прикамье.

Без этнической интерпретации любой археологической культуры с таким трудом выявленный и добытый из земных недр, из-под спуда уникальный материал обесценивается для науки. Чтобы археология не стала наукой только для археологов, следует учесть спросы и специалистов других смежных наук, в первую очередь, лингвистов, а также этнографов, фольклористов, искусствоведов, антропологов, ибо все они хотят узнать этническое лицо каждой археологической культуры.

Конечно же, на одном археологическом материале трудно, точнее сказать, невозможно объективно решить проблему этногенеза, если не учесть лингвистические материалы, в первую очередь, данные этнотопонимики, разноязычные названия рек, гор, поселений и других географических объектов, ибо топонимы — это древний язык Земли. Важно учесть исторические пласты живых языков региона, особое внимание обратить на заимствованную лексику: их должно быть не два и не три, а десять и более, чтобы среди них не оказалось «блуждающих» терминов.

Естественно, следует учесть этнографические материалы родственных, а также соседних народов, ныне живущих, а также к этому времени исчезнувших этносов, не оставить в стороне материалы, собранные у мелких этнолингвистических групп. По этому случаю хочу привести один любопытный пример: на выставке удмуртских национальных костюмов в Национальном музее УР им. К. Герда заметил очень старинную верхнюю одежду *шортдэрем* — завятских (арских) удмуртов с бахромой по плечу, точно такую же как

у Божьей Матери, изображенной на иконах... Когда и как возникли эти параллели? Ведь прошли уже тысячелетия, да и расстояния между Израилем и Прикамьем тысячи и тысячи верст, между ними высокие горы, знойные пустыни, широкие реки и моря.

Другой пример: найдя в могиле рядом с погребенным остатки черепа и конечностей лошади и других животных, археология, как правило, приписывает этот памятник (выявленный на территории расселения древнеудмуртских родоплеменных групп в Волго-Камье) ранним тюркам или уграм. Материал этот принимают за этномаркирующий признак, но почти никогда не учитывают удмуртские этнографические сведения, в частности, обряд *йырпыд сётон*, букв. «давание (жертвование) головы и ног». По древней традиции, сын должен был через год или чуть позже (в зависимости от материального достатка) принести в жертву отцу коня (обычно ограничиваются головой и конечностями), а младшая дочь матери жертвовала корову. Совершался целый ритуал — «обратная свадьба» — *мыдлань сюан*.

На этой «свадьбе» жертвенное мясо, каша съедались, кости складывали в лукошко (череп не раскалывали, варили его отдельно в большом котле) и на запряженной лошади с колокольчиками, с бубенцами (как на настоящей свадьбе), со специальной обрядовой песней для умерших родителей везли на специально для этой цели отведенное место: в рощу на южном конце деревни, на пригорок, ближе к реке или на кладбище (в разных местах есть свои отличия). Череп и конечности, перевязав мочальной веревкой, вешали на деревья, чаще всего на елку, или оставляли на земле, или на могиле (в каждом регионе есть свои отличительные традиции). Участники «обратной свадьбы» веселились, угощались, горсть серебряных монет высыпали в череп жертвенного животного, а дети тут же их собирали в свои карманы.

Обряд *йырпыд сётон* в более скромных формах до сих пор совершается в некоторых деревнях южной и центральной Удмуртии.

Другой пример: найдя на археологическом памятнике зоо- и антропоморфные изображения, некоторые начинают приписывать их сибирским народам, чаще обским уграм или самодийцам, опять же не учитывая удмуртский этнографический материал — зоо-, антропоморфные изображения родовых божков — *воршудов;* идолы у удмуртов стояли на священных полках в *куале* (святилище) до середины XIX в., а отдельные воспоминания относятся к 30-м годам XX в. Обобщающую статью по воршудным изображениям

я в свое время поместил в археологическом сборнике «Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху» (Ижевск, 1983. С. 111—115), но ссылку на эту работу редко когда можно увидеть.

Трудно поверить, что свадебная песня завятских (арских) удмуртов одинаково звучит с армянской. Да, внешне даже человек, не имеющий музыкального образования, может заметить их определенное сходство. Но отсутствуют глубокие исследования на эту тему: почему? Может быть, южные удмурты все это заимствовали от армянской диаспоры, существующей в Волжско-Камской Булгарии в начале I тыс. н. э.? Может быть, через иранское посредство? Ведь известно, древние удмурты и армяне испытали существенное влияние языка, культуры иранцев...

Женский кафтан — *шортдэрем* — у завятских (арских) и северных, нижнечепецких удмуртов-ватка имеет ложные рукава, точь-в-точь как у кавказских осетин, прямых потомков алан, сармат, скифов. Можно полагать, что этот элемент к удмуртским племенам проник еще в ананьинское время, когда контакты древнеудмуртских и древнеиранских родоплеменных групп были интенсивны, они продолжались еще в пьяноборское время вплоть до начала великого переселения народов.

Чрезвычайно богатый этнографический и фольклорный материалы удмуртов может дать для археологов так много ценного, что только надо иметь желание их изучить и использовать в своих научных трудах.

Конечно же, определение этнической основы археологических культур в многонациональном Волго-Уральском регионе непростое дело, особенно много путаницы в определении этнической основы памятников, связанных с древними удмуртами. Так, только по этническому составу создателей поломской культуры существует несколько гипотез: создателем чепецких памятников была: 1) легендарная чудь (А. А. Спицын); 2) древнеудмуртские племена (А. Г. Смирнов, В. Ф. Генинг, М. Г. Иванова и др.); 3) тюрко- или угроязычное население (А. Х. Халиков); 4) коми-пермяки (Р. Д. Голдина); 5) обские угры (Е. Г. Казаков, А. М. Белавин).

До обидно смешного доходит дело в определении археологами этнического состава создателей именьковской культуры, распространенной в середине I тыс. н. э. на широких лесных и лесостепных пространствах Восточной Европы, по рекам Волге, Каме и по их многочисленным притокам. По предположению ученых, это были финно-угры, близкие мордве, другие их считают тюрками,

выходцами с южных территорий (нашли кости верблюда); третьи археологи уверены, что именьковцы — готы или смешанное славяно-германское (готское), или же славяно-балтское сообщество народов, прибывшее с бассейна Днепра. Следы именьковцев выявлены на нескольких городищах южной Удмуртии.

По моему мнению, ни один из вышеназванных этносов не связан с именьковской культурой. Археологи по праву пишут о высокоразвитой культуре именьковцев (в данном случае «именьковцы» термин уместен, т. к. этническая их основа не определена), об их сильном влиянии на культуру коренных народов края, но тогда где же в языке аборигенов Волго-Уральского региона — удмуртов, марийцев — древнеславянские и готские (германские) заимствования? Не один, не два или три, а десятки? Их нет. Нет следов и в топонимии.

Я полагаю, что в языке этого народа существовало слово *скал* (~ *искал* ~ *ыскал* ~*ускал*) в значении 'корова', т. к. только в языке мордвы, марийцев и удмуртов, активно контактировавших, возможно, попавших в зависимость от именьковцев и плативших им дань, существует это слово в разных фонетических вариантах: мордва-эрзянское *скал,* удмуртское *скал (~ ыскал ~сыкал*), марийское *ушкал.* Этимология слова не выяснена, но у других финно-угров этого слова нет. В удмуртском языке общепермское слово *мес* 'корова' заменилось заимствованным, скорее всего, из языка создателей именьковской культуры, словом *скал.*

Я полагаю, что именьковцы были ираноязычны, их потомками могут быть *буртасы* — народ неизвестного происхождения, который упоминается вплоть до XV—XVI вв. как самостоятельный этнос, живущий в Среднем и Нижнем Поволжье.

Таких нерешенных вопросов и проблем в археологии куча, они ждут своих исполнителей для комплексного исследоваиия с использованием данных археологии, лингвистики, этнографии, фольклора, антропологии, о чем уже говорилось выше.

Есть путаница в названиях культур: *азелинская ~ худяковская, мазунинская ~ бахмутинская, осинская ~ красноярская* и др.

Конечно же, окончательному решению проблемы этногенеза удмуртов препятствует неравномерное изучение археологических памятников по всей территории маленькой Удмуртии: это касается бассейна р. Кильмези, центральных и юго-западных районов Удмуртии, всей территории Кировской области, нижнекамско-поволжских районов Татарии, Чувашии, Марий Эл, где была

распространена пьяноборская и последующая за ней азелинская культура.

Все перечисленные мной замечания, предположения показывают, насколько сложна сама проблема этнической истории, этногенеза любого народа мира. Но все же в этом славном, сложнейшем деле впереди специалистов по этногенезу идут археологи, особенно когда дело касается древнейшей, дописьменной части истории формирования этноса. Лингвисты, этнографы, фольклористы, антропологи, палеогеографы, палеоботаники, генетики — первые их помощники. Без их трудов археология, как наука, чаще всего превращается в узкую область исследований. Когда они совместно, в дружбе и уважении друг к другу начинают действовать, то горы передвигаются со своих мест, реки поворачивают свои русла, джунгли, тайга, пустыни отступают и выдают добрым специалистам нужные материалы, хранящиеся под их спудом.

1. Древнейшие памятники человеческой деятельности в Камско-Уральском регионе: палеолит, мезолит, неолит

Наш Уральский регион был заселен еще в **раннем палеолите (древнем каменном веке)**, в ашель-мустьерскую эпоху, во времена существования ископаемого человека, который пользовался оббитыми каменными, деревянными, костяными орудиями, занимался охотой и собирательством. Человек мустьерской эпохи, как полагают ученые, на Урал пришел из Средней Азии.

В позднем палеолите завершился процесс формирования человека современного физического типа. Появилась новая форма обработки камня. Для своего обеспечения пищей, одеждой и всем другим необходимым первобытные люди объединялись в родовые коллективы. Счет родства велся по материнской линии: женщина-мать принимала участие во всех хозяйственных делах, она была хозяйкой домашнего очага, главой рода.

В позднем палеолите были заселены фактически все континенты мира. К этой эпохе относятся десятки палеолитических стоянок, выявленных почти во все частях Урала. Часть из них находилась на берегах рек, на открытых площадках, некоторые — внутри пещер.

К настоящему времени хорошо изучены всемирно известная Каповая пещера (Шульганташ) в Башкирии с уникальными рисун-

ками животных, обитавших на Урале в ту древнейшую эпоху; Островская стоянка на Чусовой; Мысовская стоянка на Южном Урале; Бызовская стоянка и пещерная стоянка Медвежья на Северном Урале и др.

В позднем палеолите уже весь Урал был заселен человеком; помимо юга, сюда переселялись с юго-западной части России, с Кавказа, из Сибири. Здесь уже в ту далекую эпоху люди, бывшие бродячими охотниками, собирателями даров природы, стали вести оседлый образ жизни, с развитым охотничье-собирательским хозяйством, научились строить жилища, шить одежду из шкур диких животных, зверей; появилось понятие о родовых покровителях — божках, о хозяевах рек, гор, лесов — им они приносили жертвы. Об этом свидетельствуют жертвенные места, изученные археологами, а также рисунки на стенах пещер и на скалах — петроглифы.

Ученые полагают, что в эпоху позднего палеолита оформились основные черты уральской этноязыковой общности: сложился особый антропологический комплекс древнеуральской расы, сочетающий в себе как монголоидные, так и европеоидные признаки; оформились основные черты прауральского праязыка (Голдина 1999: 51).

Вероятно, к этому далекому периоду всемирной истории относится возникновение культа воршуда — почитание прародительницы рода — *му* 'матери'; от ее замужних дочерей образовались новые родовые группы. В основе названий тех воршудно-родовых групп лежат названия диких зверей, птиц, рыб, насекомых — тотемов рода. Ученые пришли к выводу: тотемизм является первой формой религии человеческого общества, возникший в период палеолита, когда основой хозяйства были охота и собирательство, и что развитому роду тотемизм не свойственен (Донини 1966; Хайтун 1958 и др.).

После замужества удмуртская девушка взамен своего личного имени получала с исполнением особого обряда, воршудное имя матери (в эпоху патриархата — отца). Все родственники, соседи по поселению после совершения обряда начинали называть ее только по воршудному имени, а личное имя ее вовсе забывалось. Такая традиция именования / переименования в отдельных удмуртских регионах дожила до XX в.

Черепа или отдельные части тотемного животного хранились в специально отведенных местах, первоначально ими были дупла де-

ревьев, а позже начали сооружать деревянные здания — *куа, куала* (в родственном коми языке *кола* 'лесная охотничья и рыбацкая избушка'; 'землянка'; *мукуа*: *му* 'земля' + *куа*? 'постройка; избушка; шалаш'). В *куале* на священных полках хранились святыни материнского рода: женский головной убор — *айшон*, лукошко со священными атрибутами; там же на полке или в лукошке (*куды*) могли стоять черепа жертвенных животных. С развитием социально-экономических условий родового общества изменялся, дополнялся новыми атрибутами, понятиями культ воршуда.

К вышесказанному напрашиваются и материалы удмуртского фольклора: в южноудмуртской традиции существует мифологический образ *алангасар* — своим существом напоминающий первобытных людей эпохи каменного века. Из многих сюжетов и вариантов народных преданий привожу лишь некоторые, записанные в родном Граховском районе (тексты на удмуртском языке с моим переводом на русский):

«Алангасары жили до удмуртов. Алангасаров считали дикарями, они были подобны животным. У мужчин и женщин волосы были одинаковой длины. Огонь добывали с помощью трения веревки из мочала о березу, а потом вообще уже не тушили (огонь). Ножи у них были каменные. Одежды тоже не было, ходили, укрыв листьями перед, о стыде понятия не имели. Сруб для дома делали высоким. Крышу делать не додумались. Дымоволока не было, внутри дома же разжигали огонь (костер). Печь была из камней. Обмазав пятки глиной, сидели возле костра. Зверей (зайцев) ловить ружей не было. Рыли яму, сверху укрывали ветками (листьями) и звери туда падали. Позже научились делать капканы, научились делать сети. Кормились лесной пищей (т. е. дарами леса, собирательством.— *М. А.*)».

(Запись автора: д. Байтуганово, Граховский район, 1978 г.; записано от Абрамова Еремея Абрамовича, 1894 года рождения; текст опубликован в сб.: «Материалы по удмуртской диалектологии». Ижевск, 1981. С. 78.)

* * *

«В мире когда-то был потоп. Во время потопа жили великаны-алангасары. Как лес, высокие, головой доставали потолок, обувь (калоши) была с метр длиной. Во время потопа Инмар приказал построить плоты. Никому не сообщив, алангасар сделал плот только для себя. Везде побывал. Когда вода убыла,

он, прицепившись за Уральские горы, остался. Все делал только для себя.

Во время потопа земля находилась без людей в течение 300 лет. Инмар человека сделал из глины, вдохнув, вложил душу. Поэтому после смерти человек вновь входит в землю».

(Запись автора: д. Нижние Юраши, Граховский район, 1978 г.; записано от Степанова Игнатия Степановича, 1894 года рождения; полный текст опубликован там же. С. 94—96.)

Вслед за профессором Р. Д. Голдиной я утверждаю: «Мы далеки от мысли, что люди, жившие на Урале в эпоху каменного века, имели непосредственное отношение к удмуртскому народу, понимая, сколь сложен путь исторического развития и как много тысячелетий разделяет первые материальные свидетельства человеческой деятельности на Урале и современный удмуртский народ. Однако средневековые этапы истории удмуртского народа, когда наиболее интенсивно шли процессы консолидации этноса, неотделимы от предшествующих, и, чтобы их понять, необходимо знание самых глубоких истоков» (Голдина 2007: 37).

Вполне допустимо то, что значительная часть воршудно-родовых групп с эпохи матриархата тысячелетиями продолжала жить в Прикамье, со временем, как раз они стали остовом, основой формирования удмуртского народа.

Оставаясь в центре современной России, живя на границе тайги и лесостепи по берегам крупнейших водных артерий Евразии, прапредки удмуртов вступали в торгово-экономические, этнические контакты с племенами, народами разных языковых семей. Они аккумулировали в себя многие языковые, культурные черты давным-давно исчезнувших родов, племен и ныне здравствующих народов индоиранской, балто-славянской групп индоевропейской семьи языков; древние предки удмуртов имели связи с тюркской, тунгусо-маньчжурской, монгольской группами алтайской семьи языков; прослеживаются связи с народами кавказско-иберийской, семито-хамитской этноязыковых групп, вплоть до народов Китая, Индии, Египта.

В среде удмуртов до недавнего времени сохранялись очень древние мифологические сюжеты, архаические обычаи и обряды. К сожалению, этнографы, фольклористы мало что успели записать. Но то, что имеется, удивляет своей архаикой, достойно войти в анналы мировой науки.

* * *

Вопросы прародины уральских народов пытаются решать ведущие лингвисты, археологи, отчасти антропологи, палеоботаники.

По мнению языковедов, в первую очередь венгерского академика Петера Хайду, прародина уральцев находилась в северной части Западной Сибири, в районе между нижней Обью и Уральскими горами, на территории, которая в тот период отличалась весьма благоприятными (атлантическими) климатическими условиями. После распада уральской общности финно-угорская ветвь отодвинулась к западу и не позднее III тыс. до н. э. осела в бассейне рек Печоры, Камы, к западу от Урала, где прафинно-угры познакомились с лесами, для которых характерным было наличие дуба, липы, вяза.

В дальнейшем, исходя из гипотезы П. Хайду, мы можем предположить, что прародина финно-угров занимала южную и западную (к западу от Уральских гор) части территории уральской прародины (ОФУЯ 1974: 36).

Среди лингвистов существует и такая точка зрения: до разделения финно-угорской общности на западную (финно-пермскую) и восточную (угорскую) группы по неизвестным пока причинам могло произойти и другое разделение — на северную и южные группы, причем в южную входили предки прибалтийско-финских, мордовских, пермских и части угорских народов, в то время как северную группу составляли предки саамов, мари, угров и самодийцев (части) (*Там же.* С. 38).

Формирование ствола уральской семьи языков и ответвление из этого праязыкового ствола отдельных групп уральских языков в разные исторические эпохи, периоды профессор Р. Д. Голдина представляет в следующем виде: 1-й этап — прауральская общность, поздний палеолит; 2-й этап — финно-угорская общность, неолит (V — конец III тыс. до н. э.); 3-й этап — финно-пермская общность, волосовско-гаринско-чойновтинский энеолит (конец III — первая половина II тыс. до н. э.); 4-й этап — прапермская общность, эпоха бронзы (вторая половина II тыс. — начало I тыс. до н. э.); 5-й этап — древнепермская, ананьинская культурно-историческая общность (VIII—III вв. до н. э.); 6-й этап — разделение древнепермской общности на пракоми (гляденовская общность, III в. до н. э. — V в. н. э.) и праудмуртов (пьяноборская общность, III в. до н. э. — V в. н. э.); 7-й этап — при сохранении единства, обособление древних удмуртов (VI—XIV вв.), коми-пермяков (конец IV— XV вв.), коми-зырян (VI—XV вв.) (Голдина 2007: 13—14).

Судя по сведениям археологов, первое население на территории Удмуртии появилось в мезолитическое время. Их следы выявлены в бассейнах рек Кильмези (включая Валу и другие притоки) и Умяка — левых притоков р. Вятки, возле современных населенных пунктов: Кыйлуд, Боринка, Муки-Какси, Нынек и др.

В мезолитическое время (средний каменный век), в конце V тыс. до н. э., уральская этноязыковая общность разделилась на 2 ветви: прафинно-угорскую и прасамодийскую.

Прежде чем перейти к другой теме, приведу несколько примеров из удмуртского языка, дошедших до нас из прауральского языка:

1. Местоимения (дейхтические слова): *тӥ* 'вы'; *кин* 'кто'; *ми* 'мы'; *о-*: *отын* 'там'; *тон* 'ты'; *ма, мар* 'что'; *со* 'тот, этот'; *та* 'этот'; *мон* 'я' и др.

2. Названия органов, частей тела, выделений и болезией живого организма: *син* 'глаз'; *сӧн* 'жилы'; *лы* 'кость'; *ты* 'легкие'; *кызь* 'моча'; *ныр* 'нос'; *тылы* 'перо от крыла птицы'; *мус* 'печень'; *кун-*: *кунул* 'подмышка'; *луп* 'селезенка'; *сюлэм* 'сердце'; *кыли: синкыли* 'слеза' (*син* 'глаз'); *кыл* 'язык' и др.

3. Названия, связанные с родством: *ныл* 'девочка, девушка'; *ӵуж: ӵужмурт* 'дядя по матери' (*мурт* 'человек'); *кали* 'старшая сноха' *ним* 'имя'; *кумы* 'мужчина', 'человек': *выжы-кумы* 'родство, родственники'; **мень: ичимень* 'невеста; сноха (*ичи* 'мало; немного') с этим же апеллятивом связана этимология воршудно-родового имени *Мӧнья* < праурал. **тиńа* 'невеста, сноха' и др.

4. Природа:

а) элементы, формации и явления природы: *ву* 'вода'; *гы: гыны* 'волноваться (о воде)', 'колыхаться'; *кизили* 'звезда'; *му* 'земля'; *тыл* 'огонь'; *ты* 'озеро'; **ю* 'река' (сохраиилась в топонимии: река *Ю* — в бассейне Чепцы и Кильмези);

б) растительный мир: *пу* 'дерево', 'дрова'; *кыз* 'ель'; *узы* 'земляника'; *бадь, бадьпу* 'ива; ветла; ракита; верба' (*пу* 'дерево'); *сусыпу* 'можжевельник', в других языках — 'кедр'; **мер: намер* 'костяника' (*на* < *ма* 'земля'), в прауральском языке — 'морошка'; *ньылпу* 'пихта'; *льӧмпу* 'черемуха' (*пу* 'дерево');

в) животный мир: *варыш* 'ворона'; *кый* 'змея'; *пужей* 'олень'; *нӥзь* 'соболь'; *ну-* диал. *ны-*: *нумыр, нымыр* 'червь'; *кӧл* 'глиста'

5. Названия для обозначения элементарных явлений жизни, действий, восприятий (глаголы): *ньыл(ыны)* 'глотать'; *ул(ыны)* 'жить'; *кынь(ыны)* 'закрывать [глаза]'; *тод(ыны)* 'знать'; *мын(ыны)* 'идти'; *сыск(ыны)* 'грызть'; *нюл(ыны)* 'лизать'; *миськ(ыны)* 'мыть; сти-

рать'; *усь(ыны)* 'падать; упасть'; *уй(аны)* 'плавать'; *люк(ыны)* 'делить; разделить'; *шыр(ыны)* 'разрезать; распустить шов'; *кыл(ыны)* 'слышать'; *лыдъя(ны)* 'считать, сосчитать'; *кул(ыны)* 'умирать'

6. Слова, служащие для выражения ориентации в пространстве: *выл* 'поверхность', *вылын* 'на' (где?); *ул* 'нижний, нижняя часть'; *пал* 'половина; один из пары', 'сторона'

7. Названия, служащие для выражения различных качеств, свойств, состояний и возраста (прилагательные): *кузь* 'длинный'; *пеймыт* 'темный'

8. Слова, обозначающие жилище, занятия, питание, одежду, средства передвижения: *кеб(атыны)* 'поджарить'; *кыс(ыны)* 'гасить'; *сисьм(ыны)* 'гнить'; *лем* 'клей'; *пун(ыны)* 'плести'; *саес* 'рукав'; *ныд* 'рукоятка'; *калтон* 'бредень, невод'; *ньӧл* 'стрела' (ОФУЯ 1974: 398—411).

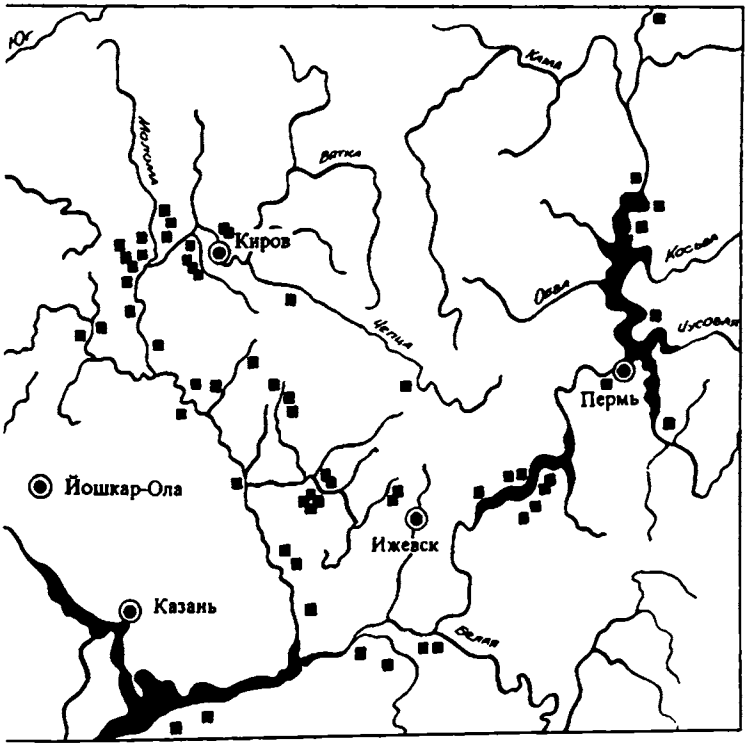
Учеными установлено: примерно 400—500 слов имеют этимологические соответствия в финно-угорских и самодийских языках, их возникновение восходит к уральскому периоду. Слова уральского и финно-угорского происхождения (их насчитывается примерно 1000—1200 единиц) относятся к наиболее важным и употребляемым, они составляют основной словарный фонд всех финно-угорских языков; от этих лексем было образовано большинство производных и сложных слов во всех финно-угорских языках (*Там же.* С. 397).

Судя по данным языка, носители уральского праязыка жили в соседстве с носителями индоевропейской, алтайской, палеоазиатской (юкагирской) языковых семей, оказывая друг на друга влияние в языке, культуре. Уральцы, будущая финно-угорская часть, жили севернее индоевропейцев (самодийская часть уральцев жила, видимо, еще севернее и восточнее прафинно-угров, она не контактировала с индоевропейцами, в их языке нет индоевропейских соответствий).

Б. Коллиндер выявил 50 общих индоуральских лексических соответствий, нашел общие суффиксы, окончания, показатель множественного числа и т. д. Такие понятия, как *'я'; 'ты'; 'вода'; 'бояться'; 'сторона' / 'половина'; 'считать' / 'читать'; 'умирать'; 'плести'; 'мыть'* и др. имеют соответствия в обоих языковых семьях.

Родовые группы алтайских, палеоазиатских языковых семей жили, скорее всего, юго-восточнее и северо-восточнее уральцев. По данным Б. Коллиндера, имеются 69 урало-алтайских, 61 урало-юкагирских языковых соответствий.

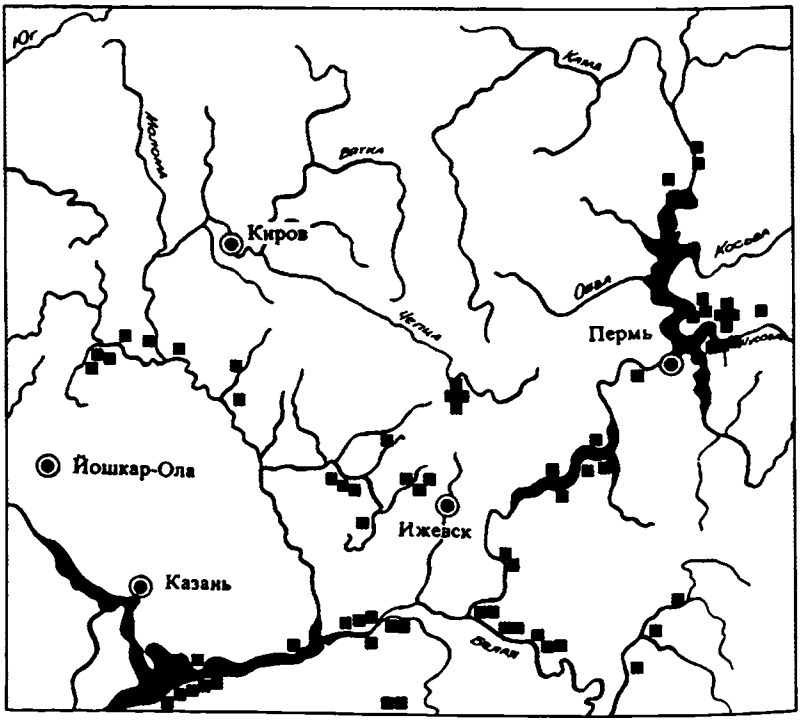
В мезолитическую эпоху (среднекаменный век: VIII—VI тыс. до н. э.) продолжал развиваться уральский праязык; тотемизм, анимизм, фетишизм, вера в магические действия были характерными чертами религиозных верований уральского пранарода. Существовали отдельные культовые места для жертвоприношений, магических действий.

Карта основных стоянок эпохи мезолита Прикамья (*по Р. Д. Голдиной*)

На всей территории Волго-Камского региона существовало комплексное присваивающее хозяйство при ведущем положении охоты и рыболовства. Охотились при помощи лука и стрелы. Были изобретены лыжи, сани, нарты, лодки. Жили в землянках; из орудий труда известны каменные ножи, топоры, сверла; носили одежду из шкур диких животных, сшитую своими руками (Голдина 2007: 59—70; Гусенцова 1985: 3—14).

В неолитическую эпоху (новый каменный век: V—III тыс. до н. э.) произошло разделение уральской этноязыковой общности на финно-угорскую и самодийскую группы. В этот период была заселена вся территория современной Удмуртии. Многие неолитические поселения возникли на месте прежних мезолитических, некоторые из них существовали вплоть до бронзового и раннего железного века, например поселение Моторки II в бассейне р. Валы. Так прослеживается связь времен и эпох, одни и те же родственные родо-племенные группы тысячелетиями жили на одной и той же территории. Какие-либо крупные изменения в жизни людей древнего первобытного общества в тихом таежном Камско-Вятском междуречье не происходили. Не случайно из этого населения впоследствии формировались тихие, мирные, уравновешенные, неторопливые, рассудительные, трудолюбивые финно-угорские народы, для которых войны, насилия были чужды. Но чтобы за-

Карта основных поселений эпохи неолита Прикамья (*по Р. Д. Голдиной*)

щищать родную материнскую землю от враждующих чужеземцев, они имели орудия боя — дубинки, булыжники, лук и стрелы, режущие, колющие предметы.

Если в эпоху неолита в южных широтах Евразии произошла «неолитическая революция» — переход от присваивающего хозяйства к производящему — к земледелию и скотоводству, то в северных таежных районах той же Евразии велась традиционная форма хозяйствования: охота, рыболовство, собирательство.

Как утверждают палеолингвисты, у финно-угорского пранарода уже имелись полудомашние или домашние животные; сравните удмуртское *ыж* 'овца' / коми *ыж* 'тж' / марийское *ужга* 'шуба из овчины' / мокша *уча* 'овца' / финское *uuhi* 'тж' / хант. *os, oš* / манс. *oš* 'овца'

Одним из самых ранних одомашненных животных у финно-угров-охотников была собака: удм. *пуны* 'собака' / коми *пон* 'тж' / морд. *пине* 'тж' / марийск. *пи* 'тж' / финск. *peni* 'тж'

Собаку использовали на охоте или запрягали в сани-нарты: удм. *нурто* / коми *норт* 'нарты' / морд. *нурдо* 'сани'

Животноводство у прафинно-угров находилось еще в зачаточном состоянии. Удмуртский *вӧй* 'масло', встречающийся во всех современных финно-угорских языках в значении 'масло', 'жиры', в то время скорее всего обозначал 'рыбий жир', полагают лингвисты, т. к. не было еще животных, дающих молоко, из которого вырабатывается сливочное масло.

В удмуртском, коми, мордовском, финском языках имелось слово, обозначающее зерно, жито: удм. *ю* 'зерно' / коми **йи(йы)* 'тж' / морд. *юв* 'мякина' / фин. *jyvä* 'зерно', заимствованное из индоевропейских языков: **jevo* 'жито'

Эпоха неолита отмечена изменениями в производстве каменных орудий: появилось шлифование, пиление, сверление камня; появились новые орудия для деревообработки; на последнем этапе каменного века люди научились изготавлять глиняную посуду, ткани из растительных волокон; появились долговременные поселки, состоящие из нескольких различных по форме и конструкции жилищ (ОФУЯ 1974: 411—426; КЭСК 1970; Голдина 1999: 70—95; 2007: 15).

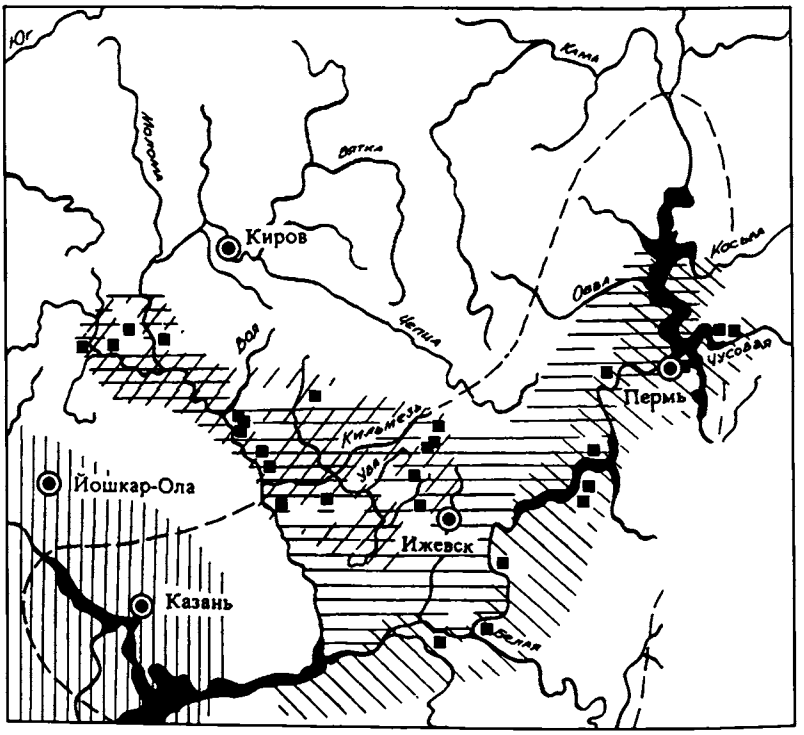
На рубеже неолита и энеолита произошло отделение праугорского объединения от прафинно-угорского этноязыкового сообщества. Праугры — предки современных венгров, ханты, манси — продолжали жить в восточных областях Урала и Западной Сибири,

прафинно-пермяне — предки современных удмуртов, коми, мари, мордвы, финнов, карел, вепсов, эстонцев, ливов — в западной части Урала — по Волге, Каме, Белой, Вятке, Оке, Вычегде, Сухоне.

2. Эпоха раннего металла: энеолит, эпоха бронзы

В энеолитическую эпоху (меднокаменный век: конец III — первая половина II тыс. до н. э.) финно-пермский пранарод научился делать первые металлические предметы из меди. Металл способствовал быстрому росту производительных сил, усилил контакты с другими племенами.

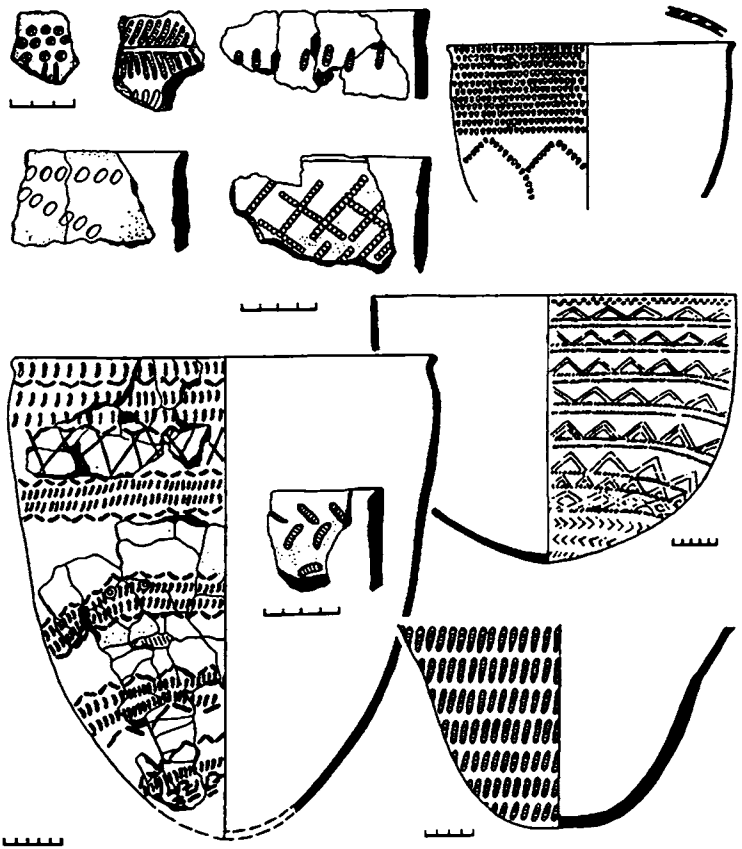
Именно в эту эпоху начались интенсивные контакты с индоиранскими, арийскими племенами, жившими в степных, лесостеп-

Карта основных памятников и культур эпохи энеолита Камско-Вятского междуречья (*по Р. Д. Голдиной*)

ных районах Урала, Поволжья, Сибири. Само слово «медь» — удм. *ыргон*, коми *ыргӧн* — считается заимствованным из иранских языков. Под влиянием индоиранцев, создателей абашевской, андроновской археологических культур Евразии, имевших связи с развитыми цивилизациями Ближнего Востока, Средней Азии, Китая, прафинно-пермяне начали осваивать навыки производящего хозяйства.

Финно-пермский пранарод, как свидетельствуют слова 'бык', 'корова', 'свинья', 'жеребец', 'трава / сено', в эту эпоху стал народом, знающим животноводство. В этот же период развивалось и

Глиняная посуда из памятников новоильинской культуры эпохи энеолита бассейна р. Вятки (*по Н. П. Девяткиной и Р. Д. Голдиной*)

мотыжное земледелие (ср. удм. *кукчо* 'мотыга; кирка'; *кокан* 'мотыга', 'шерстобитный смычок').

О роли зерновых растений в питании финно-пермского пранарода свидетельствуют слова 'месить', 'мука', 'мучная приправа', 'решето', 'сито' В это же время появилась очень важная минеральная добавка — соль (удм. *сылал*); в финно-пермские языки она могла прийти из разных языковых групп индоевропейского происхождения (ОФУЯ 1974: 426—434).

В соответствии с археологической периодизацией, финно-пермская этноязыковая общность, возникшая на заре энеолита, в его конце распалась. В конце меднокаменного века наметились явные признаки отделения пермян (создателей гаринско-борской культуры в Камско-Бельско-Вятском регионе) от волжских финнов (носителей волосовской культуры) (Голдина 2007: 15—16).

Эпоха бронзы (XV—IX вв. до н. э.) — время самостоятельного развития прапермской этноязыковой общности. Прапермяне продолжали жить на тех же местах, где жили их далекие и близкие предки — прафинно-угры: в бассейнах рек Камы, Вятки, нижнего течения Белой, вплоть до среднего течения Волги, по их притокам.

Здесь выявлены многочисленные археологические памятники; но имелись региональные отличия в этих памятниках, что, видимо, и не дает возможности археологам те локальные культуры назвать единым термином. Р. Д. Голдина пишет, что ядро этой общности составляли ерзовские и луговские группы, а курмантау (живущие в низовьях Белой) и буйская (группа, живущая на Вятке) являлись ее периферийными образованиями, имеем все основания называть ее ерзовско-луговской, подразумевая под ней этап развития пермской лингвистической общности бронзового века (Голдина 2007: 114).

Прапермяне научились вести комплексное хозяйство: наряду с традиционными видами — охотой, рыболовством, собирательством — начинают усиленно развиваться производящие отрасли — земледелие и животноводство; появились зачатки металлообработки: научились из сплава меди и олова получать бронзу. На развитие производящих отраслей хозяйства прапермян существенное влияние оказало прибывшее в XV—XVI вв. до н. э. с Востока на Урал сейминско-турбинское население, а также срубно-андроновское ираноязычное население южнорусских степей.

К концу эпохи бронзы у прапермян начались контакты с угорским населением, появившемся на территории современной

Башкирии из лесостепного и южнотаежного Зауралья (*Там же.* С. 115).

В эпоху бронзы произошел переход от матриархально-родовых отношений к патриархальным; патриархальная семья, во главе со старшим мужчиной в семье, стала основной экономической ячейкой прапермского общества.

3. Ранний железный век: ананьинская историко-культурная общность

Если б я был поэтом, мыслителем, равным легендарному древнегреческому поэту Гомеру, создателю великих, бессмертных эпических поэм «Илиада» и «Одиссея», написал бы подобные же произведения о создателях всемирно известной ананьинской археологической культуры (кстати, Гомер жил в эпоху формирования ананьинской, прапермской этнокультурной общности).

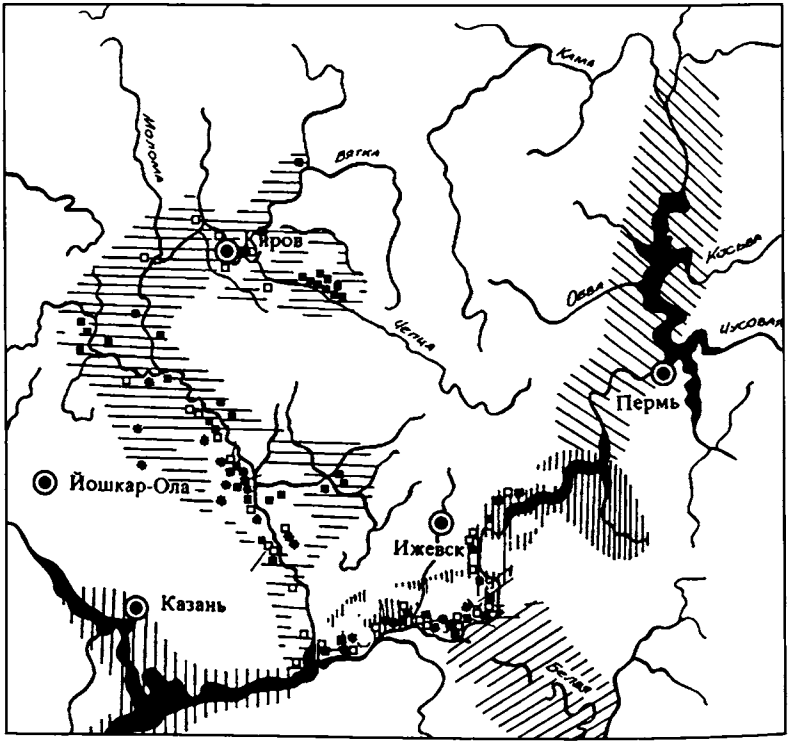
А если бы я был богатым царем, то на месте ныне исчезнувшей деревни Ананьино, рядом со всемирно известным могильником поставил бы из глыбы гранита или мрамора памятники первооткрывателям того древнейшего могильника, давшего название всей культуре: елабужскому купцу И. В. Шишкиину, ученым К. И. Невоструеву, П. В. Алабину, А. В. Збруевой и др.

Об ананьинской культуре написаны уже десятки, многие сотни, может быть, и тысячи научных, научно-популярных статей, книг, и в данное время, наверное, кто-то что-то пишет о ней, и еще будут писать, открывать новые памятники, получать богатый вещевой материал, но фундаментальный труд А. В. Збруевой «История населения Прикамья в ананьинскую эпоху» (М., 1952, 319 с.) останется настольной книгой для археологов, а также историков, этнографов, искусствоведов, образцом честного подхода к исследуемой теме, к бесценным материалам древней культуры народов Восточной Европы. С глубоким уважением она пишет о народах-создателях тех древностей, приводя примеры из этнографии, фольклора, искусства пермских народов — удмуртов, коми.

...Ананьинская эпоха (VIII—III вв. до н. э.) — время наивысшего взлета культуры, всех сфер жизнедеятельности древнего, прапермского населения Восточной Европы. Как пишет А. В. Збруева, это период появления и расцвета всех видов производящего хозяйства: животноводства, земледелия, металлообработки. Бронзолитейные

изделия ананьинцев распространились до Скандинавии на северо-западе и до берегов Иртыша и далее — на востоке. Как пишут современные археологи, ананьинская культурно-историческая общность заняла особое место в ряду металлоносных культур I тыс. до н. э. на территории нашей страны, чья бронзовая индустрия не только не угасает с наступлением раннего железного века, а достигает поры наивысшего расцвета (Кузьминых 1983: 175—179; История Удмуртии... 2007: 146—147; Голдина 2007: 16).

В течение второй половины эпохи бронзы в бассейне Камы постепенно назревал переход к новым формам общественных отношений. Ананьинская эпоха — время появления и расцвета этих форм. Охотничье-рыболовческое хозяйство с его типичной оседлостью у водоемов, господствовавшее с эпохи неолита, сменилось хозяйством, в котором на первое место выдвинулись земледелие и ско-

Карта основных памятников ананьинской культурной общности Камско-Вятского междуречья (*по Р. Д. Голдиной*)

Вооружение, хозяйственные и культовые предметы, надмогильная стела из памятников ананьинской историко-культурной общности (*рис. Вал. Белых*)

товодство, в то время как охота и рыболовство отошли на второй план.

В ананьинскую эпоху произошло несомненное расслоение древнего общества и элементы господства патриархальных отношений (Збруева 1952: 7).

В эпоху раннего железа возникли городища (в удм. и коми языках *кар* 'городище; город'). Как правило, они устраивались на крутых берегах рек, склоны мысов укреплялись бревенчатыми стенами, частоколами; с напольной стороны прорезался ров и насыпался земляной вал. Площадки городищ колебались от 0,8 тыс. кв. м до 30 тыс. кв. м (например, Зуевы-Ключи на юго-востоке Удмуртии, на правом берегу р. Камы). Вблизи и вокруг городищ строились неукрепленные поселения (удм. *гурт* / коми *горт*).

Местом формирования ананьинского мира явилось Волго-Камье. Западные границы доходили до Среднего Поволжья — до устья Суры, до берегов Ветлуги; ананьинские поселения на крайнем северо-востоке Европы выявлены по берегам Вычегды, Печоры, Мезени; южная граница расселения ананьинцев проходила по среднему течению р. Белой (центральная часть Башкирии) — она не выходила за пределы лесной зоны; восточная граница доходила до западных предгорий Урала.

Естественно, на этой огромной территории образовались локальные (региональные) варианты ананьинской историко-культурной общности: нижнекамский, среднекамский, бельский, вятский, верхнекамский.

Сложная, трагическая ситуация сложилась в VI в. до н. э. в Нижнем Прикамье и прилегающих к нему районах Среднего Поволжья: из этого богатого природными ресурсами региона, по невыясненным до сих пор причинам, население ушло в другие регионы: небольшая группа нижнекамцев-ананьинцев продвинулась на восток, в бассейн р. Белой и на среднее течение Камы; еще более маленькая группа спустилась на юг по Волге на территорию современных Ульяновской и Самарской областей. Самая же значительная часть нижнекамских ананьинцев ушла далеко на северо-запад, вплоть до Белого моря и Скандинавии. В пределах Онежско-Сухонского озерного края и Карелии, с участием ананьинских групп формировались культуры железного века: позднекаргопольская и лукон-саари — кудома (Манюхин И. С., Косменко М. Г.; Кочкуркина С. И., Кузьминых С. В. — см.: История Удмуртии... Ижевск, 2007. С. 126).

В связи с этим у меня, лингвиста-топонимиста, открылась прекрасная возможность найти связующую нить ушедших на север Волго-Камья, а еще больше — на северо-запад современной России ананьинцев-пермян с некоторыми этнотопонимами Нижнего Прикамья, Урала и северо-западных регионов России.

Так, на территории южной части Удмуртии и северной части Татарии протекает река *Тойма* — правый приток р. Камы; у устья этой реки находится тот известный Ананьинский могильник и многослойное Елабужское городище, основанное ананьинцами; на крайнем юго-востоке Кировской области, на границе с Татарией и Удмуртией протекает река *Тойма* — правый приток р. Вятки, а на ней расположены селения *Нижняя Тойма, Верхняя Тойма, Средняя Тойма*; в составе Казанского ханства в Нижнем Прикамье находилось селение *Тойма*; *Тойма* — этноним, название одной из родо-племенных групп прапермского происхождения.

Среди удмуртов мне удалось записать, уточнить список 70 воршудно-родовых групп, 2 дуальных объединений. Но среди них нет этнонима *Тойма* (есть удмуртские воршудные названия с аффиксом *-ма: Болма, Лекма*, без сомненья, сюда же относилась *Тойма*). В данном случае может быть одна причина: 1) *тойма* полностью ушла с Нижнего Прикамья на север современной России: в Архангельской области, на Северной Двине стоит древнее крупное поселение *Тоймокар:* тоймо <**тойма* + *кар* 'городище; город' (в удм. и коми языках), здесь же протекает река Тойма. В бассейне р. Свирь, соединяющей Ладожское и Онежское озеро (Ленинградская область) протекают две реки под названием *Тойма.*

О том, что *Тойма* — этноним, подтверждают древнерусские письменные источники. Так, в «Слове о погибели Русской земли» (XIII в.) сказано: «От немец до Корелы, от Корелы до Устьуга, где тамо бяху *тоймици погании* (т. е. некрещеные тоймичи-язычники — курсив наш.— *М. А.*), и за Дышючим морем, от моря до болгарь, от болгарь до буртас, от буртас до черемис, от черемис до мордвы — то все покорено было ... великому князю Всеволоду, отцью его Юрью, деду его Володимеру... буртаси, черемиси, **вяда** (курсив наш.— *М. А.*) и мордва бортничаху на князя великого Володимера» (Попов 1973: 115).

---

* Вяда — под этим этнонимом удмуртские ученые, в т. ч. и я, подразумеваем название одного из двух племенных объединений удмуртов — *ватка*, живущем в бассейне р. Вятки, в Нижнем Прикамье и по среднему течению р. Волги, как написано в «Сказании...», рядом с черемисами-марийцами и мордвой.

Не менее интересная ситуация с другим этнотопонимом, связанным с древними насельниками Прикамья — ананьинцами, как и *тойма*, ушедшими со своей пратерритории на север современной России. На севере Прикамья, на территории Республики Коми и Новгородской области протекают четыре реки под названием *Вишера*: одна из них — левый приток р. Камы, другая — правый приток р. Камы, третья — правый приток р. Вычегды, четвертая — правый приток р. Волхова на Новгородчине в бассейне озера Ильмень.

Были предложены самые разные этимологии данного гидронима, расшифровывающиеся с индоевропейских, самодийских, саами, коми, венгерского, обско-угорского языков, но все они неудовлетворительны, это признают и сами пишущие (Матвеев 1980, Кривощекова-Гантман 1983, Туркин 1981 и др.). Самым большим препятствием служит их удаленность друг от друга — от Урала до Новгородской области.

До сих пор ни один из исследователей не обратил внимание на удмуртские примеры: на территории южной и центральной частей Удмуртии в названиях 17 населенных пунктов, и того больше в микротопонимии — в названиях небольших рек, ложбин — встречается топоним *Вишур* (в Кизнерском районе есть селение *Вичурка,* в Сюмсинском — *Вишорки* — удмурты в обоих случаях называют их *Вишур*).

Учитывая удмуртские примеры — *Вишур* (~Вичур ~ Вишор и коми название *Висер* ~ *Висьӧр* (так они называют *Вишеру*), предварительно можно восстановить праформу в виде **вишер* или *вишера*; в удмуртском примере *-у-* могло появиться под влиянием слова *шур* 'река', а в русском названии конечная *-а* могла появиться под влиянием слова 'река', согласуясь и уподобляясь друг другу.

Из всех предложенных этимологий, мне кажется, наиболее близка к истине этимология профессора В. И. Лыткина: в основе гидронима *Вишера* лежит этноним *висур, висури*, встречающийся в арабских источниках средневековья (Туркин 1981: 28).

В топонимии — языке Земли — Волго-Уральского региона, включая сюда территории Удмуртии, Татарии, Башкирии, Пермского края, Кировской области, где располагался основной очаг ананьинской историко-культурной общности, самый древний пласт — это географические названия, расшифровывающиеся из пермских языков. В свою очередь, немалая часть из них восходит к прафинно-угорскому или прауралькому языковому состоянию. В данном

случае я коснусь только тех прикамских (ананьинско-пермских) географических названий, имеющих параллели за пределами Волго-Уральского региона — на севере и северо-западе современной России, куда в VI—V вв. до н. э. по неизвестным причинам ушла значительная часть пермского населения из Нижнего Прикамья.

Думается, что со временем они ассимилировались в среде *чуди* — прибалтийско-финских племен, возможно и саамов, а значительная часть вошла в состав формирующейся пракоми языковой общности. Это, пожалуй, один из самых ярких примеров массового переселения южных пермян-ананьинцев на север и северо-запад России, на территорию жительства современных коми-зырян, вепсов, карелов, может быть, финнов и саамов, фиксирующихся на археологическом материале. Названия некоторых географических объектов, унесенные со старой родины, сохранились в топонимии Республики Коми и Республики Карелия, Ленинградской, Новгородской, Вологодской, Костромской, Нижегородской, Архангельской областей. Привожу некоторые примеры:

1. *Сямозеро* — гидронимы и отгидронимические ойконимы в Карелии и Ленинградской области — ср.: *Сям-Какся, Сям-Можга, Сямпог-Эгра* — населенные пункты в южной и центральной Удмуртии; здесь же есть микротопонимы с апеллятивным *сям*: *Сямгурезь, Сямбусы* (*гурезь* 'гора'; *бусы* 'поле'); в удм. *сям* 'обычай, обряд', 'характер, нрав', но едва ли данные топонимы имеют связь с этим апеллятивом; может быть, *сям* 'место проведения какого-либо обряда'

2. *Важа река, Важозро, Важена* — гидронимы в бассейне р. Свирь и отгидронимические ойконимы в Ленинградской области,— ср.: *Важашур* — ручей и отгидронимический ойконим в Кукморском районе Татарии (удм. *шур* 'река'): *важа* < коми *вежа* 'святой, священный' ~ удм. *вожо* 'злое божество'; *вожо дыр* 'святки'; 'сумерки, страшное время суток'

3. *Чур, Чурозеро, Чурручей* — гидронимы в бассейне р. Свирь (на территории Ленинградской области) — ср.: *Чур* — река, правый приток р. Иж и одноименный населенный пункт в Якшур-Бодьинском районе Удмуртии.

4. *Вичера* — река в бассейне р. Свирь на территории Ленинградской области (см.: Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Словарь гидронимов юго-восточного Приладожья. С.-Петербург, 1997), ср.: *Вичурка* — населенный пункт в Кизнерском районе Удмуртии.

Все вышеназванные топонимы выявлены в ареале распространения этнотопонимов *Тойма, Вишера*, перенесенные ушедшими в VI—V вв. до н. э. пермянами-ананьинцами на север и северо-запад России, вплоть до островов на Белом море и Скандинавии (если бы были собраны и опубликованы все географические названия, как это осуществлено в высокоразвитых европейских странах, то параллелей нашлось бы значительно больше.

5. Есть очень интересный пример: в Архангельской области, на Белом море, при Соловецком монастыре имеется *Анзерский скит*, расположенный на острове *Анзерское*, и см. пример из Нижнего Прикамья: река *Анзирка* — левый приток нижнего течения р. Вятки, протекающая по Елабужскому району Татарии (в округе имеются ананьинские памятники).

6. В русских летописях упоминается народ «сура поганая» (т. е. некрещенные, язычники); вероятно, от этого этнонима образовалось название деревни *Сура* в Архангельской области — ср.: *Зура* — село в Удмуртии.

Может, и гидроним *Сура* — правый приток р. Волги, протекающий по территории Пензенской, Ульяновской областей, по Мордовии и Чувашии, также связан с этнонимом *сура;* рядом с Сурой течет река Мокша: *мокша* — один из племенных объединений мордвы; в бассейн же р. Волги входит р. Вятка: гидроним образован от племенного названия удмуртов *ватка*.

В Финляндии есть знакомая для меня семья, носящая фамилию *Ватка*, которая не расшифровывается из финского языка (хозяин фамилии обращался по поводу этимологии к ученым, но те не смогли объяснить). А может быть, оно образовано от удмуртского племенного названия *ватка,* было привнесено в Скандинавию в те древнейшие времена? Ведь праудмуртское племенное объединение *ватка* как раз жило по Вятке, по Нижнему Прикамью, вплоть до Среднего Поволжья, как раз ее члены и ушли в такую дальнюю даль. Фамилии, в т. ч. и у финнов, образовались в недавние времена, думаю, что в данном случае фамилия финской семьи образовалась от названия местности под названием *Ватка*. Для финнов и эстонцев это характерный прием.

7. *Иж* — правый приток р. Камы, протекает по территории Удмуртии и Татарии; этот гидроним также находит параллели в топонимии центральной и северной частях России: р. *Иж* — правый приток р. Вятки (течет по Кировской области); р. *Иж* — в бассейне р. Оки (течет по территории Рязанской области); р. *Ижма*

(по-коми *Изьва*) — левый приток р. Печоры (в Республике Коми); р. *Ижма* — в бассейне р. Северная Двина (в Архангельской области).

8. На Урале — в Пермском крае, Башкирии, в Волго-Камском регионе, в бассейнах Северной Двины, Сухоны, Вычегды и других северных рек — существует множество крупных и мелких рек под названием *Юг, Юга*, этимология которых имеет самое прямое отношение к пермским — удмуртскому и коми языкам. По подсчетам А. К. Матвеева, наиболее компактный ареал этих названий находится в междуречье Ветлуги, Унжи и Юга — около 40 названий. Реликтовая гидронимика на *юг* в Приуралье и ветлужская гидронимика на *юг*, по мнению исследователя, являются остатками общепермского пласта, некогда распространенного по всему Прикамью, частично в Верхнем Поволжье.

Гидронимия на *юг* обильно была представлена в Вымских землях Перми Вычегодской (1485 г.): *Сарюга, Вежаюга, Кусюга, Немзюга, Яюга* и др. (Кривощекова-Гантман 1983: 163).

Примеры из удмуртской топонимии: в бассейнах рек Чепцы — левый приток р. Вятки и Ижа — правый приток р. Камы имеются несколько рек под названием *Люк* и производные от них ойконимы: *Люк, Новый Люк, Речка Люк, Верх-Люкино, Верх-Люк, Люктупал* — в Балезинском районе; *Люк, Устье-Люк, Лозолюк, Люквыр* — в Игринском районе; *Верхний Люк, Люкшудья* — в Завьяловском районе; на Нижней Вятке, по территории Кизнерского района Удмуртии и Вятско-Полянского района Кировской области протекает р. *Люга* — левый приток р. Вятки; на правой стороне Вятки, в Кукморском районе Татарии, имеется деревня *Люга*.

Рассматриваемый апеллятив восходит к общепермскому **juk* ′река′, который в свою очередь находит соответствия почти во всех финно-угорских языках: фин. *joki* / саам. *jokkâ* / венг. *jó* / хант. *jöhan* ′река′ (КЭСК 1970: 334).

В удмуртском апеллятиве древний средне-язычный *й-* в начале слова в положении гласный + *-к* или *-г* нередко заменяется сонорным мягким *л′-*, ср.: коми *юк* / удм. *люк* ′куча, груда, ворох′; коми *юкмӧс* ′колодец′, ′прорубь′ / удм. *люкмес* ′прорубь′; коми *юкны* ′делить, разделить′ / удм. *люкыны* ′тж′ (Атаманов 1984: 60).

Особенность общепермской лексики заключается в том, что из общефинно-угорского двухсложного состояния она стала односложной. Это мы можем проследить на примере данного же апеллятива: от финно-угорской двухсложной лексемы **joke* ′река′

в прапермскую эпоху конечное *-е* отпало, а затем выпал и предшествующий согласный *-к*; в период самостоятельного развития удмуртского и коми языков остался один слог *йу / ю*. В коми-зырянском языке *ю* 'река, ручей' функционирует в живой речи, а в удмуртском языке данный апеллятив сохраняется только в топонимии: названия небольших рек под названием *Ю* фиксируются в бассейнах рек Чепцы и Кильмези.

Топонимист А. К. Матвеев и археолог В. Ф. Генинг пришли к единому мнению: ареал географических названий на *юг, юга* совпадает с границей ананьинской археологической культуры (VIII—III вв. до н. э.), принадлежавшей предкам пермских народов (Матвеев 1961: 138; 1965: 211).

После всех этих штудий хочется воскликнуть: «Чудесная же эта наука — историческая ономастика!» В содружестве с археологией, палеолингвистикой, палеогеографией она может восстановить язык любой части земли, узнать национальный состав создателей археологических культур, которым уже многие сотни, но чаще всего — тысячи и тысячи лет.

* * *

Все, что создано в материальном мире,— временно. Были великие империи, великие города, великие правители, державшие весь мир в трепете, но прошло время, и все превратилось в тлен. Чего стоит один из древних и самых богатых, самых крупных городов языческого мира — Вавилон?! «И Вавилон, краса царства, гордость халдеев, будет ниспровержен Богом, как Содом и Гоморра. Не заселится никогда, из роды родов не будет жителей в нем... Но будут обитать в нем звери пустыни, шакалы будут выть в чертогах их» (Библия: Исаия 13:19 — 22). Только археологи сегодня пытаются проникнуть в его разрушенные дворцы, здания, находящиеся под горой песка, и получить новые сведения для мировой истории.

Конечно, о Вавилоне мы, кажется, много знаем, ибо о нем писали в свое время ученые, правители ближних и дальних стран. В книге книг — Библии — также немало места уделено этому городу из городов. В то же время, что знаем о жизни древнейшего населения на территории самого многонационального государства в мире — России? Совсем немного. Два-три тысячелетия назад о нем почти никто не писал, разве что были фантастические рассказы ученых из далекой Эллады; никаких письменных памятников от

тех древнейших времен не сохранилось. Остается надеяться только на археологию.

Но что может сохраниться в земле? Железные предметы — и те деформируются; о деревянных предметах, о ткани и говорить не приходится...

Лучше всего сохраняются бронзовые, золотые, серебряные вещи, но они дороги, их имели только богатые люди и не всегда клали в землю. Под ноги бросались только ненужные, сломанные, разбитые, деформировавшиеся предметы, которые выкапывают археологи на местах городищ, селищ; и с покойником отправляли не самые драгоценные вещи. По этнографическим сведениям, покойнику клали старые, изношенные предметы; погребальную одежду готовили заранее, она была новой, но отличалась от ежедневной и праздничной своей простотой.

Труженики-археологи как раз по этим немногочисленным вещам пытаются восстановить хозяйственный уклад, этнокультурные связи, верования, искусство, социально-экономические отношения *«чегандинцев», «ванвиздинцев», «мазунинцев».*

* * *

Ниже предлагаю читателю общепермскую лексику, связанную с производящим хозяйством, искусством, верованиями, военным делом, духовным миром. Она от двух близкородственных пермоязычных народов — удмуртов и коми, двух древнейших автохтонных этносов Восточной Европы, создателей всемирно известной ананьинской историко-культурной общности. Их язык, взятый для сопоставления с археологическими материалами, представляет энциклопедический словарь по жизни и быту, культуре, искусству, религии, мировоззрению пермоязычных народов с самых древних до ананьинских времен — III в. до н. э. Материал бесценен, он равен летописным сводам народов, имеющих древнейшую письменную культуру. К сожалению, таким благодатным, бесценным документом, кроме лингвистов, редко кто пользуется — я имею в виду «Краткий этимологический словарь коми языка» (М., 1970), авторами которого являются великий пермист В. И. Лыткин и его коллега по науке Е. И. Гуляев, а также двуязычные словари по пермским языкам.

Конечно, за 2300 лет, с момента разделения общепермской этноязыковой общности на праудмуртов и пракоми, многое измени-

лось в жизни, в т. ч. и в языке этих народов. Не вся лексика сохранилась с тех пор, многие слова исчезли, взамен им появились новые; за этот длительный период проникла масса заимствований из русского, отчасти — из прибалтийско-финских, обско-угорских, самодийских языков в коми языки; многие тюркские, русские слова вытеснили общепермскую лексику из удмуртского языка.

Тем не менее то, что сохранилось, весьма драгоценно: по ним мы можем судить о житие-бытие наших общих предков из далекой эпохи — раннего железного, даже из эпохи бронзового века, из энеолита, неолита, мезолита. Должен оговориться: не все параллельные слова из пермской лексики попали в мой список, выбрал на свой взгляд только наиболее яркие, многозначащие для данной темы.

3. 1. Общепермская лексика, связанная с производящим хозяйством, с семейно-родовыми, общинными, торговымн, военными, культовыми, культурными, духовными связями до- и собственно ананьинского времени

3. 1. 1. *Земледелие — пашня и ее обработка, земледельческие орудия труда, посевные культуры и их обработка и др.:*

амезь ′лемех, сошник′ / коми *амысь* ′тж′ < иранск.; **аньы** ′сноп (конопли, льна)′ / к. диал. *ань* ′сноп льна′; **бур: анабур** ′межа′ (*ана* ′участок земли′) / к. *бор* ′тж′; **бугыртыны** ′рыть, копать, разрыхлить (почву)′; **бугыръяны** ′рыхлить, разрыхлить (почву)′; ′перелопачивать (напр. зерно)′ / к. *бугритны* ′окучивать; разрыхлять землю′; **геры** ′соха′ / к. *гёр* ′тж′; **гожем** южн. *грах.* ′участок пашни длиной 100 сажень и шириной — 2,5 сажени′ / к. *гежём* ′полоса, которая охватывается разбрасыванием семян при ручном посеве′; **зӧр** ′овсяница луговая; овсюг (сорная трава, похожая на овес)′ / к. *зёр* ′овес′: мар., морд., фин.; **йыды** ′ячмень′ / к. **ид** ′тж′; **изыны** ′молоть, смолоть муку′ / к. *изны* ′тж′; **е** ′ремень, пояс′; ′перевясло (жгут из скрученной соломы для перевязки снопов)′ / к. *йи* ′перевясло′: ненец., энец., нган. ~ югак. *jио* ′пояс′; **гырем** ′пахота′; **гырыны** ′пахать′; **гырон** ′вспашка, пахота′; **гырись** ′пахарь′ / к. *гёрём* ′пахота, вспашка′; **кӧжы** горох / к. *-кыти*: *аньκыти* ′горох′; **кукчо, кокан** ′мотыга; кирка′ / к. *кокавны* ′мотыжить′: фин.; **кизьыны** ′сеять′ / к. *кёдзны* ′тж′; **кидыс** ′семя, семена′ / к. *кёйдыс* ′тж′; **кенэм** ′конопля (семя)′ / *кёнтусь* ′конопля′; *кён* + *тусь* ′семя′: у данной лексемы параллели имеются в ряде индоевропейских и алтайских языков;

кыед ′навоз′ / к. *куйӧд* ′тж′; **кыд** ′отруби, шелуха; высевки′; **кыды** ′пустой колос (без зерен)′ / к. *кыд* ′отруби; высевки′; **лӧс** ′стойка, подпорка, подставка; кладушка в скирде хлеба на столбах (поперек столбов кладут два бревна, а на них — поперечные жерди для складывания снопов жита′ / к. *лӧс* ′горизонтальные бревна, связывающие жилую часть дома с сеновалом′, ′чердак′; **луд** *сев.* ′поле′; южн. луд — название мужского моления / к. *луд* ′лужайка, луг, пастбище; параллели коми слову имеются и в других ф.-угор., а также индоевр. языках; **мерттыны** ′садить, посадить (овощи, деревья)′ / к. *мӧртны* ′втыкать, вбивать′; **му** ′обрабатываемая, пахотная земля′, **музъем** ′земля (вообще)′, **муз** — то, что находится под ногами: ′пол, земля′ / к. *му* ′земля′: мар., фин., хант., манс.; **мудыны** ′рыть, копать′, ′окучивать, окучить′; **мудэт** ′завалинка; насыпь′ / к. *мудйыны* ′делать завалинку′; ′рыть, окапывать, окучивать′: мар.; **урыны** ′полоть, прополоть′ / к. *орасьны* ′тж′: мар.; **октыны** ′собирать, убирать, напр., хлеба, овощи)′, ′покупать′ / к. *öктыны* ′собирать, подбирать, набирать′; **вазь** ′полба′ // морд. *виш* / фин. *vehnä* ′пшеница′; **пызь** ′мука′ / к. *пызь* ′тж′; **пыш** ′конопля′, ′пенька′ / к. *пыш* ′тж′: мар.; **ӟег, ӟизег** южн. грах. ′рожь′ / к. *рудзӧг* ′тж′: мар. < балт.; **иншыр** ′гумно′ / к. *рыныш* ′овин, рига′: фин., кар.; **сюй** ′земля, почва′ / к. *сёй* ′глина′: саам.; **сяртчы** ′репа′ / к. *сёркни* ′тж′; **чур: герычур** ′борозда′ (*чур* ′ряд; колея, строка′, *геры* ′соха′) / к. *сёр* ′тропинка′: *гӧр сёр туй* ′борозда (*гӧр* ′соха′ + *сёр* + *туй* ′дорога, путь′); **сюрыны** ′скирдовать (снопы, солому, сено)′ / к. *сёрӧм* ′скирда′; **уж** ′спорынья′, **ужо ӟег** ′рожь, зараженная спорыньей′ / к. *ужпинь* ′спорынья′ (*пинь* ′зуб′); **усы** ′борона′ / к. *вос* ′зазубрина; развилина′; **шеп** ′колос′; **шепаськыны** ′колоситься′ / к. *шеп* ′тж′; **шорӟыны** ′просеять, провеять (зерна, семена на ветру)′ / к. *шердйыны* ′веять на лотке (зерно от мякины)′; **убо** ′грядка, гряда (в огороде)′ / кп. *ыб* ′поле, пашня′; кз. ′возвышенность′; **ишкыны** ′дергать, выдергивать, рвать (напр., сорную траву), теребить (лен, коноплю), щипать (пух)′ и т. д. / к. *ышкыны* ′косить′, ′дергать (лен, коноплю), рвать (траву)′; **ю** ′хлеба, посевы; зерно, жито′ / к. *йики* ′ость, уснк колоса′ (**йи* ′зерно, жито′ + *кы* ′ость, усик (растения)′/ морд. *юв* ′мякина′ / фин. *jyvä* ′зерно′

А. В. Збруева считает, что земледелие наряду со скотоводством играло ведущую роль в хозяйстве ананьинских племен, и опровергает мнение тех исследователей, которые отводили земледелию незначительное место в их хозяйстве, считая его маловажным подсобным промыслом, делом женщин.

С самого начала ананьинской эпохи земледелие стало одной из основных отраслей хозяйства, делом мужского коллектива. Оно было мотыжным, без применения сохи и без использования домашних животных (Збруева 1952: 48).

Все же с последним выводом авторитетного ученого не могу согласиться по следующим причинам: 1) в пермских языках существует понятие «соха», см. удм. **геры** / к. *гӧр*; существовало понятие «пахать»: удм. **гырыны** / к. *гӧрны*: параллели этому слову имеются в марийском, мордовском языках; сохранился термин **амезь** / к. *амысь* 'лемех; сошник' — заимствованный из иранских языков; 2) судя по таким важным терминам-понятиям, как «запрячь, запрягать (лошадь)», «узда», «повод узды», «удила», «хомут; сбруя», «клещи хомута», лошади могли использоваться на пахоте и на других подсобных делах у ананьинцев.

3. 1. 2. *Животноводство — виды разводимых животных и птиц, продукты и их обработка, упряжь коней и др.:*

вал 'лошадь, конь' / к. *вӧв, вӧл* 'тж'; **ворӟемен** 'ехать верхом на коне' / к. *верзьӧмӧн* 'тж'; *верзьӧма* 'всадник; верховой'; **вера** 'вымя' / к. *вӧра* 'тж': мар., эрз., фин. < индоиранск.; **ӟазег** 'гусь' / к. *дзодзӧг* 'тж'; **ӟезь** 'повод узды' / к. *резь* 'тж'; **йӧл** 'молоко' / к. *йӧв* 'тж'; **кельыт** 'рыжий (о масти лошади)' / к. *кельыд* 'бледный, светлый'; **кортнэт** 'удила' / к. *кӧртвом* 'тж'; **ку** 'кожа, шкура; мех' / к. *ку* 'тж': мар.; **курег** 'курица' / к. *курӧг* < иранск.; **кыткыны** 'запрячь, запрягать (лошадь)'; **кыткет** 'упряжка, запряжка' / фин. *kytkeä* 'сцеплять' / манс. *кыт-* 'связывать' / венг. *köt-* 'тж'; **кучапи** 'щенок' (**пи** 'детеныш'), **кучай-кучай!** — обращение к собаке / к. *кычи, кычипи, кычан* 'щенок'; **лӧдыны** 'пушить, теребить, щипать (шерсть), убирать сорную траву, репей, прилипших к шерсти' / к. *лӧдны* 'класть, складывать; выгружать, отливать': мар., морд., фин., саам., манс.; **мес** 'самка (теленок, козленок, ягненок)' / к. *мӧс* 'корова'; кп. *вӧрмӧс* 'лосиха', 'самка' < иранск.; **муры** 'яловая (о корове)' / к. *мур* 'тж': фин., эст. < индоиранск.; **нӧкы** 'сметана, сливки' / к. *нӧк* 'сметана'; **ош** 'бык, бычок' / к. *ӧш* 'тж': мар. < иранск.; **пудо** 'скот, скотина' / к. *пода* 'тж' < иранск.; **пуны** 'собака' / к. *пон* 'тж': морд., мар., фин., саам.; **парсь** 'свинья' / к. *порсь* 'тж': морд., фин. < индоиранск.; **ӟоместыны** 'жевать жвачку (о корове)' / к. *рӧмидзтыны* 'тж'; **сермет** 'узда' / к. *сермӧд* 'тж': мар.; **сиес** 'хомут', **сиес-тӥрлык** 'сбруя, упряжь' / к. *сийӧс*

'хомут'; *сиесдом, сийӧс-завод* 'сбруя, упряжь': эрз., мар.; **сьӧлтэт** 'путы для стреноживания лошадей, стренога' / к. *сьӧвт* 'тж'; **толэс** 'стригунок, двухгодовалый жеребенок' / к. *тӧлӧс: т. меж* 'двухгодовалый баран'; **турын** 'трава; сено'/ к. *турун* 'тж': фин., эст. < индоевр.; **тютёпи, тютю** 'гусёнок' / к. *тютю* 'птичка (детск.)'; **уж** 'жеребец' / к. *уж* 'тж': мар.; **урыс** 'плетка; бич' / к. *орс* 'плеть, кнут' < индоиранск.; **учыс** 'клещи хомута', **учыс кал** 'веревка, ремешок от хомута' / к. *утшыс* 'деревянный ошейник, рогатка'; **чуньы** 'жеребенок' / к. *чань* 'тж': мар.; **шӧ** уст. 'лукошко для курицы-наседки' / к. *шы* диал. 'небольшой теплый хлев, телятник'; **ыж** 'овца', **ыж гон** 'овечья шерсть' / к. *ыж* 'тж': мар., морд., фин., хант., манс.; **юскыны** 'распрягать, распрячь, выпрячь, выпрягать' / к. *юскыны* 'тж'

Ананьинцы и их предки, судя по общепермским лексическим параллелям, в своем хозяйстве содержали те же виды домашних животных и птиц (кроме коз, индюков, индоуток), что и наши современники в своих крестьянских хозяйствах: лошадей, коров, овец, свиней, кур, гусей, уток, а также собак, как лучших помощников в охоте и охранников хозяйственного двора.

На развитие скотоводства, разведение птиц огромное влияние на пермян оказали их южные соседи — индоиранские племена. Такие понятия, как «курица», «корова-самка», «яловая», «бык», «скот, домашние животные», «свинья», «трава-сено», «плеть-кнут» заимствованы от них в разные исторические периоды.

3. 1. 3. *Бортничество:*

му южн. 'мед'; **мусур** 'медовуха' (*му+сур* 'пиво') / к. *ма* 'мед': мар., морд., венг., фин. ~ индоевр.; **муш** 'пчела / к. *[маля] муш* 'пчела; шмель'; кп. *мош* 'пчела': мар., морд., фин., венг.; **сюсь** 'воск, вощина'; **сюсьтыл** 'свеча'; **сюсяны, сюсьтаны** 'навощить, вощить, натереть воском' / к. *сись* 'воск'; 'свеча': мар., морд.

3. 1. 4. *Охота:*

вуж, вуӝ диал. 'тетива лука'; 'смычок, инструмент для битья шерсти' / к. *вудж* 'лук (для стрельбы)'; *лэтчан вудж* 'шерстобитный смычок'; **казь** 'сеть для ловли мелкого зверя, тенета' / к. *казь* 'тенета'; кя, кп. 'сеть для ловли мелкого зверя': мар.; **куас** 'лыжи' / к. *кыӧс* 'тж': саам.; **кыч** 'петля, петелька'; 'петля-ловушка для дичи,

птиц; силок'; **кычёс** 'петля; аркан' / к. *кытш* 'круг, кружок, крюк': фин., саам., манс.; **нальк, нальык** южн. 'слопец ловушка для зверей и птиц' / к. *нальк* 'тж'; **ньӧл'** стрела' / к. *ньӧв* 'тж': мар., морд., фин., эст., саам., манс., хант., венг.

3. 1. 5. *Рыболовство:*

калтон 'бредень'; **калтыны** 'ловить бреднем (неводом)' / к. *кӧвтым* 'тж'; *кӧвтыны* 'тж': фин., саам., хант., манс. / сельк.; **кыны** 'хариус; форель; язь' / к. *ком* 'хариус': фин.; **мызь** 'рыбья икра' / фин. *mähna* 'тж': карел.; **озон** 'паром, перевоз; причал' / к. *ӧзын* 'стоянка для лодок, причал': фин., морд., кар., эст., лив.; **пыж** 'лодка' / к. *пыж* 'тж'; **пулыс, полыс** 'весло'; **полысаны** 'грести веслом' / к. *пелыс* 'весло'; *пелысавны* 'грести веслом'; **пукы** 'поплавок' / к. *пукыль* 'палочка', 'катыш'; **тымет** 'пруд; запруда; плотина'; **тымыны** 'запрудить' / к. *дӧмӧд* 'запруда'; *тымӧд* 'загородка; завал, устраиваемый при охоте на крупных животных'; *тымны* 'завалить, загородить, устроить преграду': мар., фин., венг., хант.; **тюкы** 'поплавок' / к. *тюкӧд* 'берестовый поплавок на рыболовной сети'; **шача** 'удилище, прут, длинный шест' / к. *шадз* 'шест', 'хворостинка', 'удилище'; **чыпет** 'пруд, плотина'; **чыпыны** 'запрудить' / к. *тшуп* 'учуг, рыболовная загородка'; **чипей** 'щука' / к. *чуйпи* 'щуренок, маленькая щука'; **чорыг** 'рыба'; **чорыган** 'ловля рыбы; путина'; **чорыганы** 'ловить рыбу, рыбачить'; **чорыгась** 'рыбак, рыболов' / к. *чери, чериг* диал. 'тж': хант., манс.; **шалькко** 'налим' / к. *шаляг* кп. 'вид рыбы'; **шулё** диал. 'пескарь-усач' / к. *шулим* кя. 'маленькая несъедобная рыбка'; *шулим* кп. 'речная минога'; **уян** 'плавательный пузырь рыбы; плавник рыбы' / к. *уян* 'тж'

3. 1. 6. *Металлы и металлообработка, ремесла, инструменты:*

Азвесь 'серебро' / к. *эзысь* 'тж' (*аз* ~ *эз* + *весь* 'металл цветной': фин., саам., морд., хант., манс., венг.); общеп. > венг., осетинск.; **андан** 'сталь' / к. *емдон, ендон* 'тж' < иранск.: осетинск. *андан* 'сталь'; **вугы** 'ручка, дужка (ведра, котла)', 'скоба (двери)' / к. *вуг* 'скоба, дужка'; *вугыр* 'удочка, крючок': фин., эст. < индоиранск.; **дурыны** 'ковать'; **дурись** 'кузнец'; **дуриськон куа** 'кузница' / к. *дорны* 'ковать, выковать', 'подковать (лошадь)'; *дорччысь* 'кузнец'; *дорччанін* 'кузница'; **кис**, южн. **кискач** 'клещи, щипцы, тиски' / к. *кес* 'тж'; **корт** 'железо;

железный' / к. *кӧрт* 'тж' < иранск.; **ныж** 'тупой (о металлических режущих предметах)' / к. *ныж* 'тж': мар., морд.; **ожон** 'долото' / к. *ӧжын* 'тж'; **пурт** 'нож' / к. *пурт* 'тж' < иранск.; **узвесь** 'олово'; **сьӧд узвесь** (*сьӧд* 'черный'); **луло узвесь** 'ртуть' (*луло* 'живой') / к. *озысь* 'олово'; **ыргон** 'медь' / к. *ыргӧн* 'тж': мар. < иранск.

В ананьинское время в бассейне Камы, как пишет А. В. Збруева, продолжала существовать металлургия меди, освоенная древним населением Прикамья еще в эпоху бронзы, и появилась металлургия железа, которая постепенно осваивалась и получила широкое развитие в последующую пьяноборскую эпоху (Збруева 1952: 61).

На развитие металлургии древних пермян определенное влияние оказали индоиранцы: такие понятия, как «сталь», «железо», «медь», «нож» заимствованы из их языков. Слово *азвесь* 'серебро', наоборот, заимствовали ираноязычные аланы (предки осетин), а также мадьяры.

3. 1. 7. *Ткачество, резьба, прядение, вязание, плетение:*

борд 'стена; мера длины холста' / к. *берд* 'мера длины холста': мар., хант.; **бун** 'мочало' / *бон* 'тж' < иранск.; **бугортыны** 'подшить, подрубить края материи; смотать нитки в клубок' / к. *быгортны* 'тж'; **бездыны** 'выцвести, вылинять' / к. *быздыны* 'ссыпаться, осыпаться (о ткани по разрезанному краю)'; **ын** 'полог' / к. *вон, он* 'тж'; **вырт** 'нитченка (ткацк.)' / к. *вӧрт* 'тж'; **гозы** 'веревка' / к. *гез* 'тж'; **герд** 'узел; петля' / к. *гӧрӧд* 'узел'; **дэра** 'холст, холстина' / к. *дӧра* 'тж'; **зу** 'щетина, чесалка' / к. *зу* 'тж': фин.; **кись** 'бердо' / к. *кись* 'тж'; **кал** 'шнурок, завязка, цепочка; тонкая веревка; ремень' / к. *кӧв, кӧл* 'шнурок, шнур', 'завязка, веревка': мар., фин., хант., манс.; **кертты-ны** 'завязать, привязать', 'вязать (носки, варежки)', 'сплести, плести (корзину, плетенку)', **керттйськон** 'вязка (носок, чулок; вязанис)' / к. *кӧртавны* 'завязать, перевязать; повязать; связать': мар., морд.; **куыны** 'ткать'; **куиськись** 'ткач, ткачиха' / к. *кыны* 'ткать, соткать, выткать', 'вязать, связать', 'плести, сплести', 'заплетать, заплести': мар., морд., фин., саам.; **пумыны** 'сновить, заложить основу (ткац.)' / к. *панны* 'тж': эст., венг.; **партманы*** южн. грах. 'вращать, кружить, обволакивать (напр. черемуху тенетой)' / к. *партыгтыны* 'вращать, кружить (веретено при прядении)'; **пуныны** 'вить; плести, заплести' / к. *пынны* 'вить, свить': мар., морд., фин., саам., хант., венг.; **ӝоктыны** 'мотать, смотать пряжу на мотовило'; **ӝоктон пуд** 'мотовило, на которое наматывается пряжа' / к. *ректавны* 'тж'; *рек-*

тан ′мотовило, на которое наматывается пряжа′; **сырланы** диал. ′делать резьбу, сделать вырезные фигуры (украшения), вырезать′ / к. *сер* ′узор, резьба, орнамент′: мар., морд.; **сузьйыны** ′нанизать, нанизывать (напр. бусы на нитку)′ / к. *содзавны* ′продевать основу в нитченки и в бердо′; **сйньыс** ′нить, нитка′ / к. *сунис* ′нить, нитка; пряжа′: фин.; **сиктан** ′кочедык, коточик (инструмент для плетения лаптей)′ / к. *сьöктан* ′тж′; **черс** ′веретено′, ′ось (телеги)′; **чересыны** ′прясть′ / к. *чöрс* ′веретено′; **чиндыс** ′наперсток′ / к. *чуньлыс, чуньдыс, чуньтыс* ′тж′ ; **шорт** ′пряжа; моты; нить′ / к. *шöрт* ′тж′: мар.; **шильы** ′пластина лыка, паласина (в виде ленты для плетения лаптей)′ / к. *шуль* ′тж′; **шырып** ′сборка, складка, оборка, пояс′ / к. *шыр* ′рубец с продернутой завязкой′; **шырӟыны** ′резать, разрезать; распороть, резануть острым ножом′ / к. *шырны* ′нарезать, стричь′: хант., венг.; **шырккес** ′легко развязывающийся узел′ / к. *шыркöс* ′узел петелькой′

Терминология данной отрасли древняя, является общей для многих финно-угорских народов, только слово **бун** / к. *бон* ′мочало′ является иранским заимствованием.

3. 1. 8. *Одежда, обувь, украшения:*

бычы: е бычы ′пряжка ремня′ (*е* ′ремень′) / к. *быч: тасма быч* ′язычок пряжки ремня′ (*тасма* ′ремень, ремешок′); **вурыны** ′шить′; **вуриськись** ′швея′ / к. *вурны* ′тж′: мар., венг.; **вандыны** ′резать, отрезать; отпилить, пилить; зарезать, заколоть′, ′кроить, скроить (одежду)′ / к. *вундыны* ′резать, отрезать, разрезать′, ′жать, сжать (хлеба)′: венг.; **гын** ′войлок′ / к. *гын* ′тж′; **гындыны** ′валять, свалять, скатать (валенки)′ / к. *гындыны* ′тж′; **дукес** ′зипун′ / к. *дукöс* ′тж′; **дэрем** ′рубашка, платье′ / к. *дöрöм* ′рубашка′: мар., хант.; **е** ′ремень, ремешок′, ′перевясло′ / к. *йи* ′перевясло; **пöзь, пöзьы** ′варежки, рукавицы′ / к. *-пысь: кепысь* ′тж′ (*ке* ′рука′); **кут** ′лапти′; **кутаны** ′плести′ / к. *кот* ′погребальная кожаная обувь′; **муресазь, муресшет** южн. ′нагрудный платок, украшенный вышивкой или аппликациями и надеваемый на грудь женского платья (сев. *кабачи*)′ / к. *морöс* ′грудь′: мар.; **урдсэт** ′подкладка (одежды)′ / к. *ордöс* ′тж′; **пась** южн. ′шуба′ / к. *пась* ′тж′; **пи, пий** ′пазуха′ / к. *пи, пий* ′тж′; **сын** ′гребень, гребешок; расческа′ / к. *сынан* ′тж′: эрз.; **туг** ′кисть; бахрома′ / к. *туг* ′кисть, кисточки (украшение)′; **изьы** ′шапка (головной убор)′ / к. *узь* ′шапка суслона, верхний сноп суслона′: мар.; **шабур**

уст. ′кафтан, холщовая верхняя одежда′ / к. *шабур* ′верхняя рабочая одежда; ветошь; балахон; саван′: мар.; **ныпъет** ′вытканный материал на лямках или люлька для ношения ребенка на спине′, ′вещевой мешок′, ′ноша′; **ныпы** сев. ′ноша, охапка′ / к. *нап* ′котомка, крошни′

В данной лексике заимствований нет, обращает на себя внимание такой факт: многие термины находят параллель в марийском — самом близком пермянам языке, носители которого всегда жили рядом с пермскими народами, а с удмуртами до сих пор живут в соседстве.

3. 1. 9. *Пища, питие — их качество, вкус и их приготовление:*

вӧй ′масло′: **ӵыжтэм вӧй** ′топленое масло′; **кенэм вӧй** ′конопляное масло′; **етӥн вӧй** ′льняное масло′; **нӧкы вӧй** ′сливочное масло′; **чорыг вӧй** ′рыбий жир′ / к. *вый* ′масло, жир (рыбий) мар., морд., фин., саам., манс., хант., венг.; **ӝук** ′каша′ / к. *рок* ′тж′: фин., кар., хант., манс.; **ӟузьыны** ′хлебнуть; выпить′ / к. *рузьыны* ′выпить′; **йӧл** ′молоко′ / к. *йӧв* ′тж′; **колды** ′каравай хлеба′, диал. ′кулебяка′, ′хлеблепешка′ / к. *кӧвдум* ′колобок′; *кӧлдӧм* ′пресный хлеб′: фин.; **корел** ′солоноватый; вкусный′ / к. *кӧр* ′вкус; привкус′; *кӧра* ′вкусный′: фин., эст.; **лым** ′бульон′; **чорыг лым** ′уха′ / к. *лем* ′студенистый навар (рыбный, мясной) ′: мар., морд., фин., венг.; **котыны** ′замочить; месить, замесить тесто′ / к. *кӧтны* ′творить, затворить тесто′; **курыт** ′горький′ / к. *курыд* ′тж′: манс., хант.; **лайыны, лайиськыны** ′месить, размесить, валять (тесто)′ / к. *лойны* ′месить, размесить′; **маял** ′закваска, дрожжи′ / к. *майӧв* ′тж′; **мылес** ′объедки, остатки еды′ / к. *мыльӧс* ′тж′: эрз.; **нӧкы** ′сметана′, ′пенки, оставшиеся после топления сливочного масла′ / к. *нӧк* ′сметана, густые сливки′; **ныркыны** ′месить, разминать (тесто, глину), мять одежду′ / к. *ныр-ны* ′мять, размять, разминать′, ′давить′; **нянь** ′хлеб′ / к. *нянь* ′тж′ < ираск.; **пельнянь** ′пельмени′ / к. *пельнянь* ′тж′ > рус.; **пунем** ′пюре из картофеля, овощей; саламата′ / к. *паньӧм* ′кашица′; **пыжыны** ′печь, испечь (хлеб и др. продукты)′ / к. *пӧжны, пӧжавны* ′тж′: саам., хант.; **пӧзьыны** ′вариться, свариться; кипеть, скипеть′ / к. *пӧзьны* ′тж′; **пужныны** ′просеивать (муку, зерно) / к. *пожнавны* ′тж′; **пызь** ′мука′ / к. *пызь* ′тж′; **пыкмыны** ′стать затхлым (тухлым), испортиться (о еде)′ / к. *пыкмыны* ′забухать, набухать′; **пыры** ′крошка′: **нянь п.** ′крошки хлеба′ / к. *пыриг* ′тж′; **сиыны** ′есть, кушать′; **сиён** ′еда′; **сиён**

юон ′еда-питие′, ′праздник′ / к. *сёйны* ′тж′; *сёян* ′пища′; *сёян-юан* ′еда-питие′: морд., фин., эст.; **сйль** ′мясо′ / к. *сыв, сыл* ′мясо; жир′: мар., морд.; **сылал** ′соль′ / к. *сов* ′тж′: морд., фин., саам., хант., манс. ∞ индоевр; **сыскыны** ′жевать, разжевать, пережевывать′ / к. *сöскыны* ′тж′: морд., саам., манс., хант.; **сур** ′пиво′ / к. *сур* ′тж′ < индоиранск.; **сюкась** ′квас′ / к. диал. *сюкöсь* ′тж′; **сюманы** ′проголодаться, захотеть есть′ / к. *сюмавны* ′тж′: венг., хант.; **туг** ′хмель′ / к. *таг* ′тж′; **удыны** ′подать пить (вино, лекарство)′, ′угостить крепким напитком′ / к. *удны* ′кормить-поить, угощать′: морд., фин., саам., венг., хант., манс.; **ымыны** ′приесться, объесться, надоесть (о человеке)′ / к. *умны* ′приедаться, пресытиться, надоедать′: венг.; **чырс** ′кислый′; **ч. йöл** ′кислое молоко, простокваша′; **чырсаны** ′киснуть, закиснуть; прокиснуть; кваситься, закваситься′ / к. *чирны* ′прокиснуть (о квасе)′, ′прогоркнуть (о мясе, масле)′; **чумер, чырс чумер** ′клецки из кислого теста′ / к. *чомöр* ′традиционное кушанье по случаю окончания полевых работ из толокна или ячменной муки на масле′; **чöжи** ′молозиво (вареное)′ / к. *чöж* ′молозиво′; **ческыт** ′сладкий, вкусный′ / к. *чöскыд* ′вкусный, лакомый′, ′ароматный, приятный′; **чужъем** ′солод′ / к. *чуж* ′тж′; **шöм** ′закваска′, ′вкус; запах, душок′; **шöмаськыны** ′охмелеть, опьянеть, закваситься′ / к. *шом* ′закваска; вещество, вызывающее кислое брожение′; **шорем: шорем нянь** ′отрезанный ломоть хлеба′; **шорыны, шормаиы** ′резать′ (напр. хлеб) / к. *шöрöм* ′ломоть хлеба′; **шудзам** сред. ′перекисший квас′, ′недокипяченное (о молоке)′ / к. *жодза* ′скисшее молоко′; **шутыны** ′поставить на брожение, заквасить′ / к. *шутны* ′тж′: мар.; **шыд** ′суп, щи′; **суан шыд** ′постный суп′; **сйльын шыд** ′мясной суп′, **шыд лым** ′бульон′ / к. *шыд* ′тж′; **юмал** ′пресный′, ′не перебродивший (квас)′; ′закваска′; **юмалзытыны** ′сделать пресным′, ′положить закваску′ / к. *юмов* ′сладкий′, ′пресный, свежий, не кислый′; **юыны** ′пить′; **люктаны < *юктаны** ′поить домашних животных′; **юон** ′питье; напиток′ / к. *юны* ′пить′; *юан, юантор* ′питье′; *юктавны* ′тж′

3. 1. 10. *Домашнее хозяйство — постройки, инвентарь, орудия труда, дом-изба и его части, посуда, утварь, вещи, поселения и его части:*

гурт ′деревня; село; поселение′; ′дом; родина′ / к. *горт* ′дом′; ′гроб′; **кар** ′гнездо′; ′городище; город′ / к. *кар* ′городище; город′: хант., манс.; **корка** ′дом, изба′ / к. *керка* ′тж′; **висьет** ′перегородка′, ′комната′; **висьяны** ′перегородить, отделить, обособить′/ к.

висйӧд ′перегородка, переборка′, ′загородка из жердей (в хлевах)′; **валес** ′постель; перина; матрац′ / к. *вольӧс* ′подстилка; постель; половик′: *воль* ′шкура (оленя или лося)′; **возъяны** ′натянуть полог (занавес)′ / к. *везгысьны* ′повиснуть, обвиснуть′; **гур** ′печь, печка′ / к. *гор* ′каменка; печь′; **жажы** ′полка′ / к. *джадж* ′полка′: эрз., саам.; **жӧк** ′стол′ / к. *джек* ′стул; чурбан, употребляющийся вместо стула′; **жыжол** ′нары для спанья; место под нарами; подполье′ / к. *джодж* ′пол; помост; настил′; **зӥры** ′шарнир′ / к. *дзир* ′шарнир; петля; навеска′: фин., хант.; **кулич** сев., **кульчан, куличан** сред., пер.-южн. ′крючок на двери′ / к. *калич* ′запор, задвижка, крючок на двери, щеколда′; **мудэт** ′завалинка, насыпь′ / к. *мудӧт* ′тж′; **ӧс** ′дверь′ / к. *ӧдзӧс* ′тж′: фин., саам.; **эстыны** ′топить (печь)′ / к. *ӧзтыны* ′зажечь, разжечь′; **падвож** ′лестничная площадка; перекресток улиц′ / к. *падвеж* ′скрещение, пересечение′: *пад* < иранск. ′путь, дорога′ + *вож* ′перекресток, развилка′; **пуӵ** ′жердь′ / к. *пӧтш* ′тж′; **пурты** ′котел′ / к. *пӧрт:* саам., фин.; **падзӟа** ′лестница; лесенка′ / к. *падэс* ′столб′: мар.; **ӟог** ′вешалка′; ′кол, колышек′ / к. *тшӧг* ′застежка′; **пукон** ′стул′; **пукыны** ′сидеть′ / к. *пукан* ′сиденье (напр. в лодке)′, *пукавны* ′сидеть′; **пурт** ′нож′ / к. *пурт* ′тж′ < иранск.; **пежьян** ′шило′ / к. *пыжъян* ′кочедык; шило′; **сьӧрос** ′туалет, уборная, нужник′; ′опалубка, сруб′ / к. *сьӧрасьны* ′оправиться, испражняться, сходить во двор′: мар., морд., венг.; **су** ′сажа′ / к. *са* ′тж′; **сепыс** ′кошелек, кожаный мешок′ / к. *сепыс* ′мешок′: мар., хант., манс.; **сиг** ′чердак (дома, хлева, бани), подволока′ / к. *сигӧр* ′скат (крыши, стога)′; **бӧрнӧ** ′ковш (ящик для мельничного жернова)′, диал. ′чан, для варки пива′ / к. *бурня* ′долбленка, колода; жбан; посуда для хранения муки′: мар.; из пермск. яз. > чув.; **важ*** южн. (грах.: Поршур; кизн.: Удм. Сарамак) ′оглобля′; лит. **вайыж** / к. *вож* ′тж′; **варуп** диал. уст. (Видеманн) ′рукоятка, рукоять, черенок′ / к. *ворол* ′тж′; **гид** ′хлев′: **скал г.** ′коровник′; **ыж г.** ′овчарня′; **парсь г.** ′свинарник′; **курег г.** ′курятник′; **вал г.** ′конюшня′; **корг.** ′теплый хлев′ / к. *гид* ′небольшой теплый хлев′; *гидня* ′конюшня′; **гыр** ′ступа′ / к. *гыр* ′тж′: фин., манс., хант.; **дуры** ′ковш, половник′ / к. *дар* ′разливательная чашка′ < индоиранск.; **дӧдьы** ′сани; санки′ / к. *додь* ′тж′; **зу** ′чубук′, ′ось телеги′ / к. *за* ′ось′, ′стебель′, стержень′: мар.; **зыр** ′дубинка; вага, рычаг; дреколье′ / к. *зор* ′дубина, кол′, ′рычаг′; **зуд** ′точильный брусок ~ камень′; **зуданы** ′точить′ / к. *зуд* ′тж′; *зудйыны* ′тж′; **лобыт** ′длинные вилы для подачи снопов на скирд′ / к. *лэбӧд* ′тж′; **кикӧ** ′крупорушка′ (*ки* ′рука′ + *кӧ* ′камень; жернов′) / к. *изки* ′жернов′ [*из* ′камень′ + *ки* ′рука′]; **исьнер** ′метла, метелка′ / к. *йись* ′метла с длин-

ным черешком': мар.; **куала, куа** сред. 'семейно-родовое святилище, где хранилась семейно-родовая святыня — *воршуд* и его атрибуты'; 'летняя кухня' / к. *кола* 'охотничья и рыбачья избушка'; *мукуа* 'землянка' (*му* 'земляной' + *куа* 'домик'): мар., морд., фин., саам., хант., венг.; **карнан** 'коромысло' / к. *карнан* 'тж': фин., морд.; **кор** 'бревно' / к. *кер* 'тж'; **кис, кискач** 'клещи, тиски, щипцы' / к. *кес* 'тж'; **куй** 'лопата'; **корткуй** 'железная лопата' / к. *кой* 'маленькая изогнутая деревянная лопата': мар., эрз.; **куды** 'лукошко' / к. *куд* 'короб'; из пермск. яз. > чув.; **лайкан** 'носилки (для перетаскивания ульев)' и т. п.; 'гибкая палка (для перенесения грузов)', 'коромысло', 'рессора' / к. *лайкан* 'гибкий шест'; **лем** 'клей' / к. *лем* 'тж': мар., фин., саам. / ненец., нган., энец., сельк., кам.; **лянэс** 'бурак, туесок (посуда из бересты)' / к. *лянӧс* 'подойник (посуда)': мар., хант.; **майыг** 'кол' / к. *майӧг* 'тж' < индоиранск.; **майтал** 'мыло' / к. *майтӧг* 'тж'; **нарва** 'шпонка' / к. *нарви* 'шпонка (планка, с помощью которой сплачиваются доски)'; **нин** 'лыко (для плетения лаптей, лукошек)'/ к. *нин* 'мочало; лыко': мар., фин., вепс., саам.; **нурто, нурт** 'сани с длинными полозьями; нарты' / к. *норт* 'нарты': морд.; **нушы** 'пест (для толчения)'; 'булава; колотушка (для колки дров)', 'дубина' / к. *нӧш* 'колотушка, валек', 'палица, булава'; **ныд** 'ручка, рукоятка; черенок' / к. *нуд* 'рукоятка': фин., саам., морд., хант., манс., венг.; **пуиьы** 'ложка' / к. *пань* 'тж': мар., фин., хант.; **пис** 'полено' / к. *пес* 'дрова'; **пуж** 'решето, сито' / к. *пож* 'тж'; **пуӵ** 'жердь, жердина' / к. *потш* 'тж': мар.; **пыкет** 'подпорка; опора'; **пыкыны** 'подпереть, припереть' / к. *пыкӧд* 'тж'; *пыкны* 'тж'; **пырич, прич** 'пешня' / к. *пыридз* 'лом; пешня': фин., хант., венг.; **сюры** 'перекладина; шест для развешивания одежды, снопов'; 'насест для кур' / к. *сёр* 'брус или жердь для просушки носимых вещей', 'насест': фин., эст., манс., хант.; **туён** 'толкушка, пест' / к. *тоин* 'пест (в ступе)'; **туйыс** диал. 'бурак, туесок' / к. *туйис* 'тж': фин., саам.; **тул** 'клин; чека' / к. *тув* 'гвоздь; шпилька; шип; шпонка; клин; втулка': морд., эст.; **чумон** 'берестяная коробка; берестяной ковшик (черпак)'; **чумук** 'кубок; деревянный сосуд' / к. *чуман* 'берестяная коробка, корзина, берестяное лукошко', 'набероуха'; *чумпель* 'черпачок из бересты (для питья)': мар.; **тунгон** 'замок, большой деревянный замок'; **тунгоиаиы** 'запереть, запирать, закрыть (на замок; на запор)' / к. *томан* 'замок'; **тылыс** 'шалаш из ветвей, курень' / к. *тӧлэс* 'шалаш, охотничья стоянка': фин.; **тыш** 'тупая сторона (ножа, топора)' / к. *тыш* 'тж': мар., фин., эст.; **чаг** 'лучина'; **чагпурт** 'косарь для щепания лучины' (*пурт* 'нож'), **чагтыл** 'огонь (свет), поддержива-

емый лучиной'; **чагаськыны** 'расщепиться, расщепляться' / к. *чаг* 'щепка': морд., саам.; **чум** 'клеть; охотничья лесная избушка, шалаш, курень (в топонимии и фольклоре)' / к. *чом* 'шалаш, конура, маленький домик в виде клетки', 'овин', 'клеть'; коми *чом* > рус. *чум* 'переносное жилище, палатка оленевода'; **шучо** 'прут; шест, жердь' / к. *шодз* 'прут, палка, деревянная спица, вертел', 'перекладина, жердь'; 'спица, деревянная игла'; **шумес** 'квашня, квашонка (деревянная кадка для заквашивания теста)' / к. *шомöс* 'кадка, кадушка'; *нянь ш.* 'квашня'; **ыбес** 'калитка, дверь, ведущая на огород, на поле; выдвижное прясло в изгороди (первоначально: проезд, проход в поле)'(***ыб** 'поле' + **эс** < **öс** 'дверь') / к. *ыбöс* 'дверь'; **йыролтэс** 'изголовье', 'подушка или какие-л. мягкие вещи (зипуны, шубы), подкладываемые под голову' / к. *юрлöс* 'подушка'; **шобрет, шобырет** 'одеяло, покрывало' / к. *шебрас, шебрöд* 'тж'

Металлические предметы — дорогостоящая вещь, на их изготовление приходится приложить много сил, времени, иметь мастерство, навык. А у лесных народов, каковыми являются пермяне, под руками живой материал — лес. Из дерева строили дома, все хозяйственные постройки, делали нары для спанья, полки, стол, стулья, посуду, утварь; из ивовой лозы, из кореньев деревьев плели корзины и другую домашнюю утварь; из лыка плели лапти, некоторые хозяйственные вещи и т. д. Древние люди жили в мире с природой, они ее обожествляли, приносили ей жертвы, ибо из нее они получали все для человеческой жизнедеятельности.

Поэтому терминология этой области отличается своим богатством, параллелями в родственных финно-угорских языках.

3. 1. 11. *Работа — жизнедеятельность древних пермян-ананьинцев:*

уж 'работа, труд, дело'; **ужаны** 'работать, трудиться'; **ужась** 'работающий, работник, рабочий' / к. *удж* 'тж'; **бергатыны** 'вращать, вертеть, кружить' / к. *бергöдлыны* 'тж': мар.; **биньыны** 'смотать; свернуть, завернуть, обмотать' / кп. *пиньлалны* 'гнуть, мять'; кз., лл. *бынтны* 'мотать, вить': мар., фин., саам., хант., венг.; **бугортыны** 'подрубить, подшить (края материи)' / к. *быгöртны* 'подшить, подрубить, обрубить, отметать', 'снять острую грань, сделать фасет'; **бугыртыны** 'разрыть, изрыть; разрыхлить, взрыхлить; разворотить'; **бугырьяны** 'ворошить, перелопачивать (напр., зерно, землю)', 'разрыхлять', 'рыться, порыться (в чьих-л. вещах)' / к. *буг-*

ритны 'окучивать (картофель)', 'разрыхлять землю'; **бырйыны** 'выбирать, сортировать', 'избирать' / к. *бӧрйыны* 'выбирать; подбирать'; **бышканы** 'колоть, исколоть, вонзить, втыкать, тыкать'; **бышкалтыны** 'уколоть, вонзить, ткнуть, кольнуть' / к. *бытшкыны* 'колоть, уколоть, проколоть', 'воткнуть'; **бурмытыны** 'вылечить, исцелить' / к. *бурдӧдны* 'тж'; **вандыны** 'резать, отрезать, разрезать, вырезать', 'заколоть (скотину)', 'пилить (дрова)', 'кроить (одежду)' / к. *вундыны* 'резать, отрезать, отпилить', 'жать, сжать (жито)'; **вурыны** 'шить' / к. *вурны* 'тж': мар., венг.; **вузаны** 'продать, сбыть' / к. *вузавны* 'тж': мар., фин., саам., манс.; **вуштыны** 'тереть, скоблить, скрести' / к. *вуштыны* 'тж': саам., хант.; **ватыны** 'прятать, спрятать', 'хоронить (умершего)' / кя. *утны* 'закопать'; 'захоронить'; **висъяны** 'перегородить, обособить, отделить', 'выделить (что-л.)' / к. *весӧд* 'перегородка, загородка'; **внятыны** 'цедить, процеживать' / к. *вийӧдны* 'цедить, сочить'; **возъяны** 'повесить, натянуть полог, занавеску, покрывало', 'натянуть основу (пряжу) в ткацком стане' / к. *везгӧдны* 'натянуть, повесить (веревку, одежду и т. п.) на видном месте'; **возьыны** 'держать, удержать', 'владеть', 'содержать (семью, домашних животных, птиц, пчел)' / к. *видзны* 'беречь, оберегать, охранять, пасти', 'держать, содержать': эст., венг.; **возьманы** 'ждать, ожидать; пасти (животных); охранять (что-л.) / к. *виччысьны* 'ждать, ожидать'; **вордыны** 'растить, воспитывать': **нылпи в.** 'растить, воспитывать детей'; **пудо в.** 'держать, кормить, содержать домашних животных и птиц' / к. *вердны* 'кормить'; **вошъяны** 'менять, обменивать (товар и др.)', 'отменять (закон, порядки)', 'переодеваться' / к. *вежны* 'изменять, сменять; обменять, разменять (деньги)': мар., фин.; **вӧлдыны** 'стлать, расстилать (напр., пол, лен, коноплю), постилать (постель'), 'распространять (новости, сплетни)' / к. *вӧвдны* диал. 'стлать, постилать'; **вӧлыны** 'строгать, острогать, тесать, выстрогать' / к. *вӧлавны* 'тж': фин., хант., манс.; **вӧльыны** 'окорять, окорить (дерево от коры)', 'очистить (дерево от сучьев)', 'подсочить, подсушить (дерево, лес для вырубки под пашню)' / к. *вольны* 'окорить, очистить от коры (о дереве)': манс., хант.; **вуза**ны 'продать, продавать' / к. *вузавны* 'продать, сбыть': мар., фин., саам., манс.; **вураны** 'разрушать', 'оштрафовать'; 'вымогать'; 'разбойничать' / к. *вартны* 'молотить, ударить'; **гудыны** 'копать, рыть' / к. *гудйыны* 'копать, рыть'; 'ковырять, колупать'; **гужатыны** 'отбелить, отбеливать (ткани на солнце)' / к. *гож* 'загар'; *гожъявны* 'загорать'; *гож водзын* 'на солнце, на солнцепеке'; **гындыны** 'скатать, катать, свалять, валять (что-л. из шерс-

ти)' / к. *гындыны* 'тж'; **гырыны** 'пахать' / к. *гӧрны* 'тж': мар., хант., морд.; **дасьтыны, дасяны** 'готовить, приготовить, заготовить, подготовить; изготовить' / к. дп. *дасьтыны* 'приготовить, заготовить'; **дугдытыны** 'остановить, задержать, затормозить; пресечь, унять, запретить' / к. *дугдыны* 'прекратить, перестать', 'пройти'; *дугӧдны* 'прервать, прекратить': фин., саам.; **думыны** 'привязать, завязать, связать' / к. *домны, домавны* 'надеть узду, обуздать', 'привязать'; **дурыны** 'ковать, подковать' / к. *дорны* 'ковать'; **дышетыны** 'учить, приучать, обучать, научить; поучать' / к. *дӧжнавны,* диал. *дӧжнасьны* 'допытываться, дознаваться; испытывать'; **жоктыны** 'намотать на мотовило пряжу'; 'выгрузить, выгружать, сгрузить, сгружать' / к. *ректыны, ректавны* 'мотать, намотать, смотать (пряжу на мотовило)'; **зыраны** 'мазать, обмазать', 'тереть, натирать / к. *зыравны* 'тж'; **ӟезьыны** 'распороть, отпороть' / к. *резьӧдны* 'тж': фин., саам.; **изыны** 'молоть, смолоть, размолоть' / к. *изны* 'тж'; **итыны** 'соединить, удлинить, добавить' / к. *йитны* 'соединить, присоединить'; **калтыны** 'ловить, вылавливать (рыбу бреднем, неводом, сетью) / к. *кӧвтны* 'ловить (бреднем)', 'вылавливать, таскать ложкой (напр. мясо из посуды)': фин., саам., манс., хант. / сельк.; **карыны** 'делать, сделать' / к. *карны, керны* 'тж' < индоиранск.; **кертыны** 'завязать; связать' / к. *кӧртны, кӧртавны* 'завязать, связать, привязать'; **кесьыны, кесяны** 'рвать, порвать, оторвать', 'драть (лыко)', 'содрать (кожу, шкуру)' / к. *косявны* 'разорвать, порвать , 'разобрать, разломать': морд., фин., саам., хант.; **кизьыны** 'сеять / к. *кӧдзны* 'тж'; **киськаны** 'лить, поливать; проливать', 'ссыпать, высыпать' / к. *киськавны* 'лить, разлить, расплескать , 'сыпать, рассыпать': мар., саам.; **кисьматыны** 'дать созреть (поспеть)'; 'сушить на солнце (напр. ягоды)' / к. *кисьмыны* 'зреть, вызревать, созревать, поспевать': фин., саам.; **кораны** 'рубить, срубить' / к. *керавны* 'рубить, нарубить, срубить', 'изгрызть', 'ударить': мар., морд.; **кырыны** 'прорыть; разрезать' / к. *кырӧдны* 'прорывать, размыть'; **котыны** 'месить (замесить) тесто, поставить (ставить) тесто, растворить (развести) тесто', 'мочить, замочить (напр. белье для стирки)' / к. *кӧтны* 'творить, затворить (тесто)'; **куяны** 'бросать, выбрасывать, выкидывать' / к. *койны* 'кидать, бросать, выкидывать 'выливать, отливать'; **кыманы** 'опрокинуть, перевернуть вверх дном'; **кымынтыны** 'положить ничком; опрокинуть' / к. *кымыньтны* 'тж': мар., морд., фин., саам. / юрак., нганас., энец., сельк. ∝ индоевр. ∝ тунгус. ∞ юкагирск.; **кыльыны** 'снимать, раздеть, разуть' / к. *кульны* 'драть, ободрать , 'снять , 'раздеть, разуть мар., манс.;

лайыны ′месить, размесить; валять (тесто)′ / к. *лойны* ′месить, размесить′; **лёгыны** ′мять, топтать′, ′проторить (дорогу)′; ′наступить (на что-л.)′, ′топтать, утрамбовывать сено (на сеновале, на скирде)′ / к. *лёгны* ′топтать, мять (траву сено)′; **лёдыны** ′теребить, пушить, щипать (шерсть)′; ′переливать, отбавлять из посуды в посуду (жидкость, сыпучие вещ-ва)′ / к. *лёдны* ′выгружать, отливать; складывать′; **лусйыны** ′тесать, подтесать; делать отметины′ / к. *лёсйыны, лёсны* ′тесать′: мар., морд.; **лэсьтыны** ′делать, производить, строить′ / к. *лёсьёдны* ′готовить, наладить′: мар., саам.; **люктаны** ′поить (дом. животных)′ / к. *юктёдны* ′поить, напоить, подпоить, споить, опоить′; **лякыны** ′приклеить, клеить, наклеить, заклеить′ / к. *лякны* ′мазать; мазать (клейным веществом)′; **мертаиы** ′взвесить, измерить, смерить; примерить′, ′метить в цель′ / к. *муртавны* ′мерить, смерить, измерить′: хант., манс.; **мерттыны** ′садить, посадить (овощи, деревья)′ / к. *мёртны* ′втыкать′, ′вбивать′; **мертчытыны** ′вонзить, всадить, воткнуть; засадить занозу′ / к. *мёрччыны* ′врезаться; пронять′; **мудыны** ′рыть, вырыть, копать, выкопать; окучивать, подкапывать′ / к. *мудйыны* ′делать завалинку′, ′окучивать, окапывать′: мар.; **миськыны** ′мыть, вымыть, смыть′; ′мыть, купать (ребенка в воде)′; **мисьтаськыны** ′стирать белье′; **мисьтйськыны** ′мыться (в реке, пруду, бане, из умывальника)′ / к. *мыськыны* ′мыть, стирать′; *мыссьыны* ′мыться′: мар., морд., эст., венг.; **ныркыны** ′месить (тесто, глину)′, ′мять′ / к. *ныркны* ′мять, разминать, размять′: саам.; **ньылдыны** ′ободрать, содрать (кору, шкуру)′ / к. *нилдыны* ′снимать шкуру (кору)′; **октыны** ′убрать, убирать (напр., овощи, мусор)′; **октйськыны** ′покупать, делать покупки′, ′убираться, прибираться′ / к. *ёктыны* ′собирать, подбирать, набирать′; **ошыны** ′повесить′, **ошылыны** ′вешать, развешивать′ / к. *ёшёдны, ёшны* ′тж′; **пильылыны** ′колоть (дрова), откалывать, расколоть′, ′пилить, распилить′ / к. *пельны* ′расщеплять, откалывать′: манс.; **письяны** ′вдеть (вдевать) нитку (в иголку)′; ′подавать нитки в нитченки (в бердо)′ / к. *пысавны* ′продевать, продеть′; **портыны** ′бурить, буравить; сверлить, просверлить′ / к. *пертыктыны* ′вращаться, крутиться, вертеться′; **порыны** ′выкорчевывать, корчевать (напр. пни)′ / к. *перйыны* ′вынуть достать, извлечь′; **посыны** ′мять, измять′; ′дубить, выделывать (кожу)′ / к. *песны* ′мять (кожу, вицу)′, ′скорняжить′, ′обить железом′: эст., фин., морд.; **пёртмаськыны** ′рядиться, скоморошничать′; ′привидеться′ / к. *пёрны, пёртччыны* ′превратиться′; **пёзьыны** ′вариться; кипеть′ / к. *пёзьыны, пёзыны* ′закипеть, вскипеть′; **пужныны** ′просеивать, провеивать (зерно, муку и др.)′ / к.

пожнавны 'просеивать'; **пыжыны** 'печь (хлеб и др.)' / к. *пӧжавны* 'печь, испечь'; *пӧжны* 'парить', 'тушить, томить', 'печь (о солнце)'; **сйсъяны** 'цедить, процедить' / к. *сысъявны* 'тж'; **сизьдыны** 'насекать жернов' / к. *сизьдыны* 'насекать', 'долбить', 'хлопать из ружья'; **сулыны** 'сдирать (снимать) кору' / к. *суйыны* 'рубить, обрубать (сучья, ветки)'; **сузьйыны** 'нанизать (напр. бусы)' / к. *содзавны* 'сновать (основу), продевать основу в нитченки'; **сутыны** 'жечь, сжечь'; / к. *сотны* 'тж': фин.; **сураны** 'смешать, перемешать', 'путать' / к. *сорны, сорлавны* 'тж': фин., эст., саам., хант.; **сьӧлтаны** 'стреножить' / к. *сьӧвтыны* 'тж'; **сюдыны** 'кормить, накормить; дать корм' / к. *сёӧдны* 'тж'; **сюрыны** 'скирдовать' / к. *сёрӧм* 'скирда'; **тарканы** 'уничтожать, разрушать; транжирить' / к. *таргайтны* 'тратить, растранжирить'; **тугыны** 'бить шерсть' / к. *тогӧдны* 'трепать, дергать; взбивать'; **туйылыны** 'конопатить' / к. *тойлыны* 'толкать; уколоть, вонзить'; **туйыны** 'толочь, растолочь' / к. *тойны* 'тж'; **турнаны** 'косить скосить, выкосить' / к. *турун* 'трава, сено'; **тымыны, чыпыны** 'запрудить' / к. диал. *тымны* 'загородить, устроить преграду'; **тыршыны** 'стараться, стремиться, постараться; усердно трудиться; усердствовать' / к. диал. *туршасьни* 'стараться, стремиться; напрячься'; **тышканы** 'колотить, бить (напр., лен, коноплю)'; 'драться, подраться; избить, побить' / к. *тышкасьны* 'воевать, биться; драться, бороться'; **тэтчаны** 'прыгать'; сев. 'плясать' / к. *чеччыштны, чеччавны* 'прыгнуть, соскочить, выскочить': мар., фин., саам.; **урдылыны** 'ставить стоймя (жерди, доски)' / к. *ордлыны* 'тж'; **урыны, уриськыны** 'заниматься прополкой' / к. *орасьны* 'тж': мар.; **усьтыны, усьяны** 'открывать' / к. *восьтыны* 'тж'; **черсыны** 'прясть' / к. *чӧрс* 'веретено'; **чигыны** 'сломать, отломить, переломить' / к. *чегны* 'тж'; **чипсыны** 'свистеть, играть на свирели', 'щебетать (о птичках)' / к. *чипсыны* 'тж'; **чӧлтыны** 'замочить, мочить (лен, коноплю, луб) 'ссыпать, засыпать (зерно в мукомольный ковш)'; 'поставить, ставить (сеть, морду, вершу)'; 'бросить, бросать жребий'; 'положить начало' / к. *чӧвтны,* 'бросить, кинуть'; 'закинуть (сети)', 'метать (стога)'; 'налить (супу)'; **чушыны** 'стереть, подтереть, утереть / к. *чышкыны* 'тж'; **чужыны** 'мести, подмести, вымести' / к. *чышкыны* 'тж'; **шобыртыны, шобыръяны** 'укрыть, укрывать, накрыть и т. п. / к. *шебравны* 'тж'; **шудыны** 'играть; веселиться' / к. *шодлыны* 'резвиться, бегать, скакать'; **шуккыны** 'забить (напр. гвоздь)', 'ударить; бить' / к. *тшукӧдны* 'ткнуть, воткнуть, вонзить морд., фин.; **шупатыны** 'высушить, подсушить; провялить' / к. *шупавны, шупӧдны* 'подсушить'; **шымыртыны** 'скорчить, съежить , 'сделать узким,

сузить (об одежде), сделать складки (в одежде)' / к. *шымыртны* 'охватить', 'сморщиться; суживаться, сузиться'; **шырӟыны** 'разрезать, обрезать, срезать' / к. *шырзьыны* 'рвать, срывать; отделять'; **шырыны** 'пороть, распороть (ткань, одежду)'; 'резать, подрезать; подрубить' / к. *шырны* 'нарезать; стричь, подстричь': хант.; **ыстыны** 'послать, посылать, прислать; выслать, отправить, отослать; направить' / к. *ыстыны* 'послать; **ыштыны** 'потерять', 'лишиться кого, чего-либо' / к. *воштыны* 'тж': венг.; **эстыны** 'топить печь' / к. *ӧзтыны* 'зажечь, разжечь; развести огонь': венг.; **югдытыны** 'осветить, сделать светлым'; перен. 'просветить; просвещать' / к. *югдӧдны* 'освещать; озарять'; 'чистить, подчистить до блеска'; **юрттыны** 'помочь, помогать' / к. *ёртасьны* 'дружить'; **юскыны** 'распрягать, выпрягать' / к. *юскыны* 'тж': морд.

Со времен разделения прапермян на праудмуртов и пракоми прошло уже более двух тысяч лет, а труд остается основой жизнедеятельности их потомков — удмуртов и коми. Богатейшая общепермская терминология показывает, как жили, чем занимались наши древние предки. Для ведения натурального хозяйства пермяне-ананьинцы и их предки по бронзовому и железному веку разработали богатую терминологию, большая часть которой дошла до нас, к сожалению, многие слова в век технического прогресса, разрушения сельской общины, урбанизации населения в пермоязычных республиках угасают, уходят в небытие.

Следует отметить, в этой группе лексики почти нет заимствований, большинство из них входит в общефинно-угорский фонд; среди них есть слова, находящие параллели в индоевропейских и других древнейших системах языков мира.

3. 1. 12. *Торговля — вес, меры длины и т. д.:*

вуз 'товар'; **вуз карон** 'торговля'; **вузась** 'продающий'; **вуз карись** 'торговец, продавец'; **вузэс** 'предназначенный для продажи, товар' / к. *вуз* 'торг, базар' (в языке XVIII—XIX вв.); *вузӧс* 'товар'; *вузавны* 'продать, сбыть'; *вузасьысь* 'продавец, торговец': мар.; **басьтыны** 'взять, брать; купить'; **басьяськись** 'покупающий покупатель', **басьяськон** 'закупка, покупка (товаров, продуктов и пр.)' / к. *босьтны* 'брать, взять, приобрести, купить'; *босьтасьысь* покупатель, покупающий; **вошъян** 'отменивание, мена, обмен; смена; размен'; 'изменение'; **воштос** 'обмен; то, что подлежит обмену' / к. *вежны* 'изменять, сменять, обменять , 'разменять

(напр. деньги)'; *вештысьны* 'расплатиться, откупиться': мар., фин.; **вись** уст. 'четверть, пядь (мера длины, равная четырем вершкам)' / к. *весьт* 'пядь, четверть аршин; вершок'; **дун** 'цена, стоимость, оплата; расценка'; **дуно** 'дорогой, ценный'; **дунтэм** 'дешевый, недорогой (товар)'; **дунтэматыны** 'удешевить, снизить, понизить цену'; **дунъяны** 'оценить, расценить, расценивать (цену товара)' / к. *дон* 'цена, стоимость, оплата; вознаграждение'; *донтöм* 'дешевый'; *донтöг* 'за бесценок, дешево'; *донтöммöдны* 'снизить (снижать) цену; обесценить'; **йырдон** 'выкуп за невесту, цена' / к. *юрдон* 'тж'; **коньы** 1) 'белка'; 2) 'копейка'; **коньдон** 'деньги' (**дон* > *дун* 'цена', букв. 'цена белки'; в древнеудмуртском обществе шкурка белки служила обменной (денежной) единицей, сравни: коми, марийское, мордовское *ур* 1) 'белка', 2) 'копейка, денежка, грош' (в удм. языке древнее слово *ур* белка заменилось словом **коньы** 'тж', оно сохранилось в древнем воршудном имени *Урга*); **кырым** 'горсть, пригоршня', 'пук, пучок, клок (жита, льна, конопли, шерсти, зерна, муки и пр.)' / к. *кырым* 'рука'; *кырымпас* 'подпись'; **мед** 'плата, оплата работы, цена труда' / к. *мед* 'тж': морд., фин., саам., хант., манс.; **мертаны** 'взвесить измерить, смерить'; **мертан** 'взвешивание; измерение, замер'; **мертась** 'измеритель, весовщик' / к. *муртавны* 'мерить, смерить, измерить'; *муртöс* 'мера, мерка; шкала'; **октйськыны** 'покупать, делать покупки'; **октйськись** 'покупатель' / к. *öктыны* 'собирать; подобрать; набрать, набирать'; **пунэм** 'долг, заем'; **пунэмаськыны, пунэманы** 'взять, брать в долг (взаймы); одолжить' / к. диал. *пӱнтасӧн* кя. 'взаимообразно'; **сузь** 'пригоршня'; **содзям** уст. (Могилин) 'горсть чесанного льна' / к. *содз* 'пригоршня', 'пучок, горсть (напр. кудели)'

3. 1. 13. *Числа, цифры:*

одйг 'один' / к. *отик, öпи* 'тж': мар., морд., фин., саам., хант., манс.; **кык** 'два' / к. *кык* 'тж': мар., морд., фин., хант., манс., венг; **куинь** 'три' / к. *куим* 'тж': мар., морд., фин., саам., манс., хант., венг.; **ньыль** 'четыре' / к. *нёль* 'тж': мар., морд., фин., саам., манс., хант., венг.; **вить** 'пять' / к. *вит* 'тж': мар., морд., фин., саам., манс., хант., венг.; **куать** 'шесть' / к. *квайт* 'тж': мар., морд., фин., саам, манс., хант., венг.; **сизьым** 'семь' / к. *сизим* 'тж': мар., морд., фин., саам.; **тямыс** 'восемь' < ***кыкъямыс** / к. *кöкъямыс* 'тж'; **укмыс** 'девять' / к. *öкмыс* 'тж': мар., фин., саам.; **дас** 'десять' / к. *дас* 'тж' < иранск.; **сю** 'сто' / к. *сё* 'тж': мар., морд., фин., саам., хант., манс., венг <

праарийск. < индоевр.; **сюрс** ′тысяча′ / к. *сюрс* ′тж′ < арийск. < праарийск.; **сю сюрс** ′сто тысяч′ / к. *сё сюрс* ′тж′; **миллион** / к. *миллион* ′тж′ < рус. **миллион** < из фр. или нем. < из ит.; **миллиард** / к. *миллиард* < рус. **миллиард** < из фр. или нем. < из ит.

Две последние цифры — самые поздние заимствования (XIX в.).

3. 1. 14. *Грамота, знание, обучение, искусство, игры, увеселения:*

валан ′понимание, осмысление, осознание, выяснение, вникание, уяснение′, ′знание; понятие, смысл′; **валатыны** ′дать понять, вразумить, внушить; довести до сознания′, **валэктыны** ′объяснить, разъяснить, пояснить, растолковать′; **валэктйсь** ′тот, кто объясняет, разъясняет; толкователь′ / к. *велавны* ′учиться, обучаться; усваивать, понимать′; *велӧдны* ′учить, научить, обучить; приучить′; *велӧдысь* ′учитель, воспитатель, педагог′: венг.; **гожтыны** ′писать, написать′; **гожтэт** ′письмо; записка′; **гожъяськись** ′пишущий, тот кто пишет′; **гожъясь** ′писарь; переписчик′; **гожтйськыны** ′расписаться, поставить подпись′; **гожманы** ′царапать, выцарапать; исчеркать; заштриховать′, ′окучивать картофель с помощью сохи′; **гож** ′линия, черта; черточка (напр.: *вакчи гож* ′дефис′; *кузь гож* ′тире′)′ / к. *гижны* ′писать′; *гижэм* дп. ′писание′; *гижта* ′черта, линия′; *гижӧд* ′запись, записка′; *гижысь* ′писатель; пишущий′; *гижйӧдлыны* ′черкать, подчеркивать; царапать′; **гур** ′мелодия, напев, мотив (напр., *сюан гур* ′свадебная песня-напев′), **гур сётйсь** ′запевала, тот, кто начинает петь′; **гурен бӧрдыны** ′плакать навзрыд′; **гурланы** ′гудеть′, ′ворковать′; ′веселиться, петь; весело гулять′ / к. *гор* ′звук, тон, голос′, *сьылан гор* ′звук песни′; *гора* дп. ′голос′; *горзӧм* ′крик; рев; стон′, ′перекличка′; *горӧдны* ′крикнуть′, ′закричать′, ′зареветь′, ′начать петь′; **дышетыны** ′учить, обучить, научить; выучить; приучить′; **дышетйсь** ′обучающий, учитель′; **дышон** ′выучка; умение; навык; приучение′; **дышетон** ′обучение, учение, воспитание; приучение; дрессировка′; **дышетскнсь** ′учащийся, ученик′ / к. диал. *дӧжнасьны* ′дознаваться, допытываться, испытывать′; *дӧжнавны* ′повторять, твердить′; **ивор**, диал. южн. **йывор** ′весть, известие, сообщение, уведомление′; **ивортыны** ′сообщить, известить, уведомить′ / к. *юӧр* ′тж′; *юӧртны* ′тж′: мар., морд., венг.; **индылыны** ′разъяснять, толковать, растолковывать; учить уму-разуму; инструктировать′ / к. *индыны* ′указать, показать, назначить′, *индӧд* ′указание; указ′; **кылвур** сев. слоб. «дар речи»; совр. лит. **кылбур** ′стих, стихотворение′ / к. *кыввор* ′речь, дар слова; красноречие′; *кывбур* ′стих′; **зар:**

з. бӧрдыны 'плакать навзрыд, с причитаниями' / к. *зар: зарӷул* 'вид дудника — из него делают дудочку и устраивают многоголосую музыку' < иранск.: осетинск. *зар* 'хоровая двухголосная песня без музыкального сопровождения' < древнеиранск. ***зар* 'песня'; **лыд** 'число счет; количество'; **лыдъяны** 'считать, подсчитать (количество)'; 'признать, признавать, считать'; **лыдъясь** 'счетчик, учетчик; **лыдӟыны** 'прочитать, читать'; **лыдӟнськыны** 'заниматься чтением'; **лыдӟон** 'чтение', 'счет, подсчет' / к. *лыд* 'тж'; *лыддыны* 'читать, прочитать, прочесть'; 'считать, сосчитать, подсчитать'; **мадь** сев. 'песня; мотив'; **мадиськон** 'загадка'; 'сказ, сказывание'; диал. 'пение'; **мадиськыны** 'загадывать загадки', 'говорить, рассказывать, беседовать', диал. 'петь, сказывать' / к. *мойд, мойдкыв* 'сказка'; *мойдны,* кп. *модьны* 'рассказывать сказку': мар., морд., фин., вепс., саам., хант.; **мылкыд** 'настроение, внутреннее самочувствие, желание, настрой души'; **мыло-кыдо** 'энергичный, добродушный, усердный, делающий все с энтузиазмом' / к. *мывкыд* 'ум, разум, рассудок, толк, благоразумие': морд., фин., эст., вепс., карел.; **мунӗ** 'кукла'; **сюй мунӗ** 'глиняная кукла'; **мунӗен шудыны** 'играть в куклы' / к. *монь* 'сноха' *сёймонь* 'глиняная кукла'; **нод** 'ум, разум, смекалка, сообразительность'; **нодсаськыны** 'прийти в разумный возраст с разумным поведением'; **нодэс** 'зрелый, разумный молодой человек'; **нодъяны** 'вразумлять, учить, разъяснять, советовать'; **нодтэм** (южн. **нодсыз**) 'неразумный, несообразительный, бестолковый' / к. *нӧд, нӧдкыв* 'загадка'; *нӧдны* 'загадать загадку'; *нӧдви* 'мера, предел, граница (в поведении человека)': фин., саам.; **тодон** 'знание; грамотность', **тодон-валан** 'знание, познание'; **тодыны** 'знать, узнать; разузнать'; **тодытыны** 'дать знать (знание), сделать известным, уведомить'; **тодэ вайыны** 'вспомнить, вспоминать'; **тодманы** 'узнать, распознать, опознать'; **тодматскыны** 'познакомиться' / к. *тӧд* 'ум; память, рассудок', *тӧдны* 'знать, узнать, распознать, отгадать'; *тӧд вылэ усьны* 'прийти на память': фин., саам., венг. / ненец.; **туп** 'мяч'; **тупен шудыны** 'играть с мячом' / к. *тупыль* 'клубок'; **чача** 1) 'игрушка'; 2) 'цветочек (*лызчача* 'василек')' / к. *чача* 'игрушка'; 'безделушка', 'штучка'; кп. *чача* 'маленькие блоки ткацкого стана': мар., венг.; **чипсон, ч. гумы** 'свисток, свистулька; манок; дудочка, пищик (из полого стебля растений'; **чипсыны** 'свистеть, играть на свирели (свистульке, манке)'; 'разливаться трелью (о птичках)' / к. *чипсан* 'род свирели из стебля дягиля'; *чипсыны* 'свистеть, играть на чипсане', 'щебетать (о птицах)': венг.; **шудыны** 'играть; резвиться, веселиться'; **шудонпӧл, шудонни, шудонтӥ** 'место для игрищ, мес-

то, куда собирается молодежь для игр, увеселений — петь, плясать, водить хороводы и др. / к. *шодлыны* 'резвиться, бегать, скакать'; **эктыны** 'плясать'; **эктйсь** 'плясун, танцор' / к. *йöктыны* 'тж'; *йöктысь* 'тж': хант.; **эчешыны** 'спорить, мериться силами, состязаться в силе, мастерстве, умении: два соперника, сидя друг против друга, с помощью мизинцев вытягивают дужку (грудную косточку у птицы) — на чьей стороне косточка обломается, он побежденный, победителю он должен вручить подарок (д. Ст. Игра, Грах. р-н); **эчешонлы** 'дужка, грудная косточка (у птиц)'; / к. *этшасьны* уст. 'мериться силами, состязаться'; *этш* 'сила', 'характер', 'мера, предел, граница дозволенного'; 'умение, мастерство, способность, искусство'

3. 1. 15. *Религия, обычаи, обряды:*

Оскон 'вера, верование; убеждение; религия'; **оскыны** 'верить, веровать'; **оскиськыны** 'надеяться' / к. *эскыны* 'верить, надеяться', 'веровать'; *эскöм* 'вера': фин., саам., мар.; **ин** < ***инм** 'небо': **Инмар** — 'верховный, небесный Бог' // фин. — *Илмари [нен]* — 'бог воздуха' (мифол.) / к. *ен (< *енм)* 'Бог' 'небо': хант., манс.; **вожо** 'божество страха и привидений'; **вожодыр** 'святки'; 'сумерки — время привидений; время страха'; **вожоаськыны** 'рядиться, одеваться в маскарадный костюм и скоморошничая ходить из дома в дом' / к. *вежа* 'священный, святой, освященный'; *вежадыр* 'святки'; *вежöдны* 'освятить'; **визь, визьдыр** 'пост, время, поста'; **визяны** 'поститься, держать пост' / к. *видз* 'пост'; *видзавны* 'поститься' (странный общепермский термин, связанный с постом. В ананьинскую эпоху до зарождения христианства оставалось еще самое малое 300 лет, пермяне также не исповедовали и иудаизм... откуда же взялось это общее слово, причем не на пограничной этноконтактной зоне, а среди отдаленной южной группы удмуртов и среди коми? У срединных и северных групп удмуртов употребляется совершенно другой термин, а у язычников Башкирии и юга Пермского края понятия 'поститься' в языке (диалекте) не существует. Это пока остается загадкой); **вöсь** 'моление; жертвоприношение'; **вöсяськыны** 'молиться'; **вöсясь** 'жрец' / к. *вись* дп. 'жертва'; **куала, куа** 'семейно-родовое святилище, где хранилась святыня рода — *воршуд* со многими атрибутами, в т. ч. и идол; в наши дни — это летняя кухня' / к. *кола* 'охотничья или рыбачья избушка': мар., морд., фин., саам., хант., венг. < иранск.:

авест. *ката* 'комната', новоперс. *кад* 'дом'; **боко, моко** южн. 'страшилище: черное, лохматое, нечистое существо, может быть, и медведь' / к. *мокасьт* 'черт; шут'; **мыж** 'дух болезни, поветрие; требование божества относительно жертвоприношения, которое было кем-то, когда-то обещано *(сёзиськем)*' **мыж инты** 'дурное, плохое, нечистое место' / к. *мыж* 'вина, проступок, преступление, кара болезнью'; дп. 'грех': мар., манс., венг.; **партчаны** 'свежевать, освежевать (тушу)'; **партчась** 'свежеватель — один из помощников жреца на языческих молениях, режущий жертвенное животное' / к. *парсавны,* диал. *парччалны* 'исцарапать'; *парсыштчӧм* 'исцарапанный, задранный': венг.; **куяны** 'бросать, выкидывать, кидать'; **куяськон** 'обряд задабривания умерших: на могилу кладут кусочки стряпни, льют квас, сыплют крупу; есть специальные места, куда выбрасывают старую одежду умершего (там ее сжигают), ложку, чашку, горшок — их искореживают, чтобы никто больше им не пользовался; до принятия христианства все эти вещи, еду клали в могилу; на юге такие места (вблизи кладбищ) называются *куркуян* 'место бросания лубка (на лубке — *кур* — мыли покойника, на лубке покойника хоронили); в центральных районах такие места носят название *копаркуянтӥ* место бросания старого бурака, туеска', на севере — *шелепкуянни* 'место бросания стружек (от гроба)' / к. *койны* 'кидать, бросать, разбрасывать, отчерпывать, отливать'; **сӥзьыны** 'обещать; завещать посулить; посвятить, посвящать'; **сӥзиськон** 'обещание, посул (например, в случае болезней, несчастных случаев дают обет принести в жертву животных или птиц в одном из языческих молений, а христиане дают обет сделать какое-нибудь доброе дело для церкви или для бедных, больных людей)' / к. диал. *сызьны* 'обещать, посулить'; **тунаны** 'гадать, ворожить; предвещать' / к. *тунавны* 'тж': мар., фин., венг.; **туно** 'ворожея, гадалка, знахарь'; **усто туно** 'ворожей из ворожеев, шаман: с помощью камланья он выбирал главного жреца на общественные моления, он же указывал места для вновь образованных молений'; **туно-пеллӧ** 'народный лекарь, лечащий с помощью заговоров, массажа, разными травами' / к. *тун* 'знахарь; кудесник; ведун; шаман'; **пелляны** 'дуть, раздувать', 'лечить нашептыванием'; **пелляськись** 'знахарь, народный лекарь' / к. *пӧлътны* 'дуть'; **урт** 'душа; дух', 'призрак, привидение' / к. *орт* 'двойник, призрак', 'тень'; **лул** 'душа'; **лулаяны** 'дышать, выдыхать', 'показывать признаки жизни'; **лулӟыны** 'вдохнуть и выдохнуть; перевести дыхание; сокрушаться духом'; **лульяськыны** 'ожить, воскреснуть (из мертвых)' / к. *лов* 'душа, дух;

жизнь; дыхание'; *ловзьыны* 'ожить, воскреснуть'; 'привиться, прижиться (о растениях)'; **йыбырттыны, йыбырскыны** 'поклониться'; **йыбыртъяны** 'кланяться, просить, умолять'; **йыбырттон, йыбырскон** 'поклонение: перед началом зимы, когда реки начинают покрываться льдом, жрец со своими помощниками шел к святилищу или к ограде места общественного моления для поклона и принесения небольшой жертвы — гуся, утки; двери святилища и ограды закрывали до будущей весны' / к. *юрбитны* 'креститься, перекреститься', 'кланяться, поклоняться'; **курыны** 'просить, попросить'; **куриськыны** 'проситься, отпроситься, отпрашиваться', 'молиться, просить, умолять'; **куриськись** 1) 'просящий, отпрашивающийся; 2) 'жрец, глава моления, читающий молитву с прошениями, стоя лицом на восход солнца, перед костром, где варится жертвенная еда, и с караваем хлеба на руках' / к. *корны* 'просить, вызвать, просить милостыню': фин., венг.

3. 1. 16. *Семья и община — семейно-родовые отношения, управление семьей и родом; термины родства и свойства:*

айы 'отец, родитель'; 'самец'; **пересь айы** 'дед по отцу'; **ӵуж айы** 'дед по матери' / к. *ай* 'самец; отец'; **выжы** 'корень'; 'род, родство' / к. *вуж* 'корень, корешок'; *рӧдвуж* 'родня, родственники'; **выжы-кумы** южн. 'родство, родственники', **ӵыжы-выжы** сев. 'тж' / к. *рӧдвуж, ас чукӧр* 'тж'; **айы-мумы** сев., **анай-атай** южн. 'родители' / к. *ай-мам* 'тж'; **вар** уст. 'раб, слуга' / к. *вер* дп. 'тж': морд.; **варгас: в. ныл-пи** 'непослушный, своевольный, распущенный ребенок' / к. *варгӧс* 'непослушный, ленивый, хитрый, лукавый'; **вордыны** 'воспитывать, растить'; **вордэм ныл-пи** 'взращенные, воспитанные, родные дети'; **вордос** 'чужой ребенок, принятый на воспитание в семью'; **вордйськыны, вордскыны** 'родиться'; **вордскем музъем (шаер)** 'родина; отчизна' / к. *вердны* 'кормить'; *вердысь* 'кормилец, кормилица'; **вын** 'мл. брат'; **вынмурт,** диал. **выкморт** 'сын сестры отца', **вынмурткенак,** диал. **выкморткенак** 'жена сына сестры отца' / к. *вок*, кп. *вон* 'брат'; **выт** 'подать, налог, дань' / к. *вот* 'подать; налог', **ес-: еспӧртэм** сев. 'не по-людски; не так, как делают другие люди (человек); своенравно, своевольно' (*пӧртэм* 'другой, отличающийся, не похожий)', в южном наречии вместо **ес-** употребляется **калык** 'народ, люди, публика' / к. *йӧз* 'люди, народ, публика'; 'чужой, посторонний'; *йӧзсикас* 'человечество, национальность'; **ёрос** 'округа, район; соседи' / к. *йӧр, йӧртӧд* 'огороженный участок; загон'; *йӧрыш* 'объ-

ем′: мар. / ненецк.; **кали** ′ст. сноха′ / к. диал. *кел, келйа* ′невестка′: данный термин родства встречается во многих уральских, алтайских, в некоторых индоевропейских, тунгусо-маньчжурских языках; **кертым** уст. ′оброк′ (Кротов) / к. *кӧртым* ′аренда′, ′выкуп′; **куанер** ′бедный; бедняк′, ′бедняжка′ / к. *коньӧр* ′тж′; **кузьым** ′подарок′ / к. *козин* ′свадебный подарок; подарок′; **кузьманы** ′подарить′ / к. *козьнавны* ′тж′; **кураны** ′сватать, посватать, сосватать′ / к. *коравны* ′тж′; **мед** уст. ′оплата работы, цена труда′ / к. *мед* ′тж′; **медо** ′наемный работник, батрак′ / к. *меда* ′наемный′; **медъяны** ′нанять, подрядить на работу′ / к. *медавны* ′нанять, завербовать′: морд., фин., саам., хант., манс.; **музьы** ′подруга′, диал. ′любовник, любовница′ / к. *модз* ′подруга′: фин., кар., эст., манс.; **ичимень** ′мл. сноха; молодушка; невеста′ (*ичи* маленький; младший′ + **мень* ′сноха′) / к. *монь; ичмонь* ′сноха; невеста′: фин., саам., хант., манс., венг.; **мумы, мемей, мупый, меми** ′мать, мама′ / к. *мам* ′тж′: фин., вепс.; **мурт** ′человек′; ′чужой, чужак; посторонний, незнакомый человек′; **муртаны, мурт карыны** ′чуждаться, посторониться′ / к. *морт* ′человек′ < иранск.; **ныпи** ′дети, чада′: **ныл** ′девочка, девушка; дочь′ + **пи** ′мальчик; парень, сын; детеныш (у птиц, животных)′ / к. *ныв* ′тж′, *ныв-пи* ′дети′: фин., саам.; *пи* ′сын, мальчик′: морд., фин., манс., хант., венг.; **паньтэм** ′тезка′ / к. *паньтӧм* ′тж′; **пус** ′семейно-родовой знак, тамга, метка, клеймо; жребий′; **пус пуктыны** ′поставить тамгу, клеймо′; **пусйыны** ′отметить, выделить; отпраздновать какое-л. событие; поставить семейный (родовой) знак, тамгу′; **пус чӧлтыны** ′бросить жребий′ / к. *пас* ′знак, метка, клеймо, бирка′, ′цель, мишень′; *пасйыны* ′метить, пометить′, ′клеймить; сделать пометку′ ′запись; записать′, ′отметить, отпраздновать какое-л. событие′; **сепкышно** ′вдова′, перен. ′ворчунья′, **сеппи** ′вдовец′ / к. *сьӧп* ′вдова; вдовец′; **узыр** ′богатый; богач′; **узырмыны** ′разбогатеть, богатеть, обогатиться, обогащаться, стать богатым′ / к. *озыр* ′богатый; богач′: морд., манс. < индоиранск.; **ӵуж**, диал. **чуж; ӵужмурт** ′дядя по матери, брат матери′, **ӵужмуртъёс** ′все родственники по материнской линии′; **ӵужкенак** ′жена брата матери и все другие женщины из рода матери′; **ӵужаиай, ӵужмуми** ′бабушка по матери, мать матери′; **ӵужатай, ӵужайы, ӵужбуби** ′дедушка по матери, отец матери′; **ӵужапай** ′сестра матери и все девушки, незамужние женщины из рода матери′; **ӵужодйг, ӵужоик** ′двоюродный брат по материнской линии′, **ӵужоиккенак** ′жена двоюродного брата по материнской линии′ / к. *чож* ′дядя (по матери)′; *чожинь* ′тетя, тетка (жена брата матери)′: мар., морд., фин., саам., манс.; **ӵыжы-выжы** сев..

сред. ′родня, родственники, род′, **выжы-кумы** южн. ′тж′ / к. *чужны* ′родиться; рождаться; народиться′; *чужан* ′родной′; *чужанвуж* ′род, предки′: мар., морд., хант., манс.; **эксэй** ′царь′ / к. *öксы* ′князь′; **йыр** ′голова; глава, главный, хозяин (семьи, рода, любого мероприятия, дела), начальник; председатель′ / к. *юр* ′голова′, ′вершина′, ′главный, старший′; **йырдон** ′цена, выкуп за невесту′ (**йыр** ′голова′ + **дон** > **дун** ′цена′) / к. *юрдон* ′тж′; **пыртыны** ′занести, завести, внести′; ′крестить′; **пыртос** ′примак: зять, принятый в семью жены, живущий в доме жены′ / к. *пыртны* ′занести, внести, завести, вводить′; ′крестить′; *пыртöс, пыртöд* ′введение, вступление′

3. 1. 17. *Войны, сражения, междоусобицы и мир:*

ож ′война; сражение, битва′; **ожмаськыны** ′воевать, сражаться′; **ожалтыны** ′сразить; заколоть, убить (холодным оружием, острым предметом)′; **ожмаськон** ′сражение, битва, бой′; **ожгарчи** ′воин; стрелец; солдат′ / к. диал. *эжмасьны* ′отбивать друг у друга, отнимать′, *эжкерсині* ′кидаться, бросаться, нападать′; **виыны** ′убить′ / к. *вины* ′тж′; **вормыны** ′победить, преодолеть, побороть, пересилить; покорить′, **вормись** ′победитель, побеждающий′; **вормон** ′победа; достижение′ / к. *вермыны* ′победить, побороть, преодолеть, мочь′; *вермысь* ′победитель′; *вермöм* ′победа; преодоление, достижение′; **жугыны** ′бить, пороть, сечь, избить′; **жугиськон** ′драка′, ′война, сражение′; **жугиськись** ′драчун; сражающийся, воюющий′; **жугон** ′избиение; порка; расправа; ударение (напр., бить в колокол)′ / к. *жугöдны* ′сломать, разбить′; *жуглыны* ′ломать, поломать′; **керетыны** ′ругаться, ссориться, спорить′ / к. *керны* ′напустить болезнь, околдовать′; **кесяны** ′рвать, порвать; создать′ / к. *косявны* ′рвать′; *кось* ′бой, сражение; драка′; *косясьны* ′драться, сражаться, рваться′, ′порваться′: морд., фин., саам., хант; **ньӧл** ′стрела′, **пукыч н.** ′стрела лука′ / к. *ньöв* ′стрела′; *ньöввуж* ′лук (для стрельбы)′: мар., морд., фин., эст., саам., манс., хант., венг.; **вуж** ′тетива (лука, ручной шерстобитки)′ / к. *вуджс* ′лук (для стрельбы)′; **пуртэс** ′ножны′; ′стручок (бобовых культур)′ / к. *пуртöс* ′тж′; **тарканы** ′разрушать, разорять, уничтожить′ / к. *торкны* ′сломать, препятствовать′; *таргайтны* ′транжирить, растранжирить, тратить′: мар., морд.; **тупаны** ′примириться, найти общий язык; договориться, сговориться (напр., при сватании невесты); ладить, мириться, примириться′; **тупан, тупаса улон** ′мир, согласие, дружба; мирная жизнь′ / к. *топöдны* ′сплачивать, уплотнять′; **тышканы** ′бить, колотить, ударять′; **тыш-**

каськыны ′ругать, бранить; ругаться, поссориться′, *сев.* ′драться′ / к. *тышкавны* ′нападать на кого-л.′; *тышкасьны* ′воевать, биться; драться; бороться′; *тыш* ′бой, драка, борьба′; *тышин* ′побоище, место битвы′; **ури** уст. ′мир, согласие′; **уръяны** ′примирить, помирить, мирить′; **уръяськон** ′примирение, соглашение, мир, заключение мира′ / к. *ури* дп. ′мир, покой, согласие′; **ыбыны** ′застрелить, выстрелить, пристрелить; расстрелять′; **ыбылйськыны** ′перестреливаться′; **ыбылйськонни** сев., **ыбылйськонтй** сред. ′место стрельбы, стрельбище′; **ыбылйськись** ′стреляющий; тот кто стреляет, стрелец′ / фин. *атриа* ′стрелять, взрывать′; **ши** ′жало (пчелы, осы и др. жалящих насекомых, змеи) ′штык; острие′; **шибоды** ′копье, пика′ / к. *шы* ′копье′, ′штык′, ′рогатина′: фин., эст., саам.; **зыр** ′дубинка, дреколье, кол′, ′вага, рычаг′ / к. *зор* ′тж′; **нушы** ′трамбовка; толкушка (для толчения, измельчения круп, вареного картофеля и др. овощей), колотушка (для колки дров и как орудие боя, сражения, драки)′ / к. *нӧш* ′колотушка, валек′; *кӧрт нӧш* ′булава′, фолькл. ′палица, молот′ [*палица* — тяжелая дубинка с утолщенным концом, употреблявшаяся в старину как ударное или метательное оружие; *булава* — палица с шарообразным утолщением на конце, служившая в старину оружием (Словарь рус. языка М., 1981. Т. 3. С. 14; Т. 1. С. 123); **нюръяськыны** ′бороться, биться′; **нюръяськись** ′борец′ / к. *няравны* кп. ′переборо ть′; **чапкыны** ′ударить рукой (ладонью) / к. *чапкыны* ′бросить плашмя; бросать, швырять′

3. 1. 18. *Болезни и смерть:*

внсьыны ′болеть, хворать′; **висён** ′болезнь, хворь′ / к. *висьны* ′тж′: венг., мар.; **бурмыны** ′выздороветь, вылечиться′; **бурмытыны** ′лечить, вылечить, исцелить′; **бурмон** ′излечение, выздоровление′ / к. *бурдны* ′выздаравливать, поправляться′; **бырыны** ′погибнуть, скончаться; пасть′, ′исчезнуть, пропасть′ / к. *бырны* ′пропасть, исчезнуть, кончиться, прийти к концу′; **ватыны** ′спрятать, скрыть , ′похоронить′ / к. *утны* диал. ′закопать′, ′захоронить′; **гурзылыны** ′отрыгаться′ / к. *горзьӧдны* ′отрыгнуться′: манс., венг.; **дэй** ′грыжа′ / к. *дой* ′боль′, ′ушиб, травма; рана′: мар., венг.; **жум** ′слабый; вялый, изнуренный′; **жуммыны** ′ослабнуть, ослабеть, потерять силу (от болезни)′ / к. *жуним* ′вялый, медлительный, инертный′; **жуштыны** ′стонать; кряхтеть; пыхтеть / к. **ружтыны** ′тж′; **зыр** ′бородавка′ / к. *зӧр* ′тж′; **зырым** ′сопли′ / к. *зырым* ′тж′; **карс** ′лишай′ / к. *карс* ′тж′; **косканы** ′свести судорогой′; **коскан** ′судорожное состояние,

ломота, конвульсия′ / к. *кыскыны* ′сводить судорогой′; **кӧл** ′глиста, солитер′ / к. *ков, кол* ′глист, трихина′; **кулыны** ′умереть′ / к. *кувны* ′тж′: мар., морд., фин., манс., хант. / нган., энец., сельк., кам. ∞ индоевр; **кызыны** ′кашлять′ / к. *кызны* ′тж′: морд., саам., хант.; **лом** уст. ′струп, короста, парша′ / к. *лӧм* ′тж′: мар., эрз.; **лыдыны** ′чесаться, зудеть, испытывать зуд′; **лыдон** ′чесотка′ / к. *лудны* ′тж′; *лудӧм* ′чесотка′: мар.; **лябӟыны** ′обессилеть, захиреть, изнемочь, ослабеть, ослабнуть′; **ляб** ′слабый′, ′непрочный, хилый′, ′невыносливый′ / к. *ляб* ′невыносливый′, ′чувствительный к боли′; ′слабый; изнеженный′; **нёред** ′железа (анат.)′; **нёред пыктос** ′опухоль желез′ / к. *нерӧд* ′воспаленная железа; опухоль желез′; **нярӟем, нарӟем** ′мозоль′; **нярӟытыны, нарӟытыны** диал. ′смозолить, натереть мозоль′; ′содрать кожу′ / к. *няр* ′облезлая шкурка′; *нярӟьыны* диал. ′вянуть, завянуть; облезть (о мехе, шкуре), облысеть′; **ӧскыны** ′блевать′ / к. *вос, ӧс-* ′рвота, блевотина′; *восны* ′блевать′; **пульы** ′пузырь, волдырь′; **пульдыны** ′покрыться волдырем; образование волдыря, пузыря на коже′; **пульыяськыны** ′пузыриться, покрыться пузырем, волдырью′ / к. *польк* ′пузырь′; **путыны** ′лопнуть, дать трещину, треснуть, разорвать′; **сюлэм путон** ′разрыв сердечной мышцы; инфаркт′ / к. *потны* ′расколоться, треснуть, лопнуть, разорваться′; **пуш** ′внутренность′; **пуш внсёнъёс** ′болезни внутренних органов′ / к. *пытш, пытшкӧс* ′внутренность, полость′; **пыктыны** ′опухать, распухнуть, пухнуть′; **пыктос** ′опухоль, нарыв, фурункул′ / к. *пыкӧс, пыктӧс* ′тж′; *пыктыны* ′пухнуть′; *пыкӧс* ′опухоль′; **соргетыны** ′очень сильно храпеть, сопеть′ / к. *сургыны* ′храпеть, сопеть′; **сюрмыны** ′отвердеть (о мозолях); огрубеть (о теле, о руках от тяжелых работ) / к. *сюрмыны* диал. ′затвердеть, засохнуть, застареть′: манс., эрз., венг.; **ур** ′гной′; **урӟыны** ′гноиться, загноиться′ / к. *ор* ′гной′; *ордны* ′нарывать; гноиться, загноиться′; **урмыны** ′взбеситься, стать бешеным; заболеть бешенством′ / к. *ӧрмыны* диал. ′рассердиться, взбеситься′: мар.; **чут, чутйсь** ′хромой′; **чутыны** ′хромать, прихрамывать′ / к. *чотысь* ′тж′; *чотны* ′тж′; **шай, шайвыл** ′кладбище′; **вужшай** ′старое, древнее, заброшенное кладбище, могильник′; **шайгу** ′могила′; **шайпул** ′гроб′ / к. *шойна* ′могила; кладбище′; **шӧй** ′труп, падаль′; **шӧйӟектыны** ′побледнеть, помертветь′; **шӧймыны** ′стать трупом, разложиться′ / к. *шой* ′труп; мертвый′; **чиед** ′худощавый, хилый, болезненный′ / к. *чийӧб* ′хрупкий, худенький, маленький, слабенький′

3. 1. 19. *Отвлеченные понятия, связанные с жизнью человека:*

адзыны 'видеть, увидеть, заметить'; **адзись** 'видящий, очевидец, свидетель'; **адзон** 'видение', 'привидение, видение'; 'судьба, рок, беда, горе, несчастье, горькая судьба' / к. *аддзыны* 'видеть, увидеть , 'рассмотреть, разобрать'; *адзылысь* 'свидетель, очевидец'; **адзисьскыны** 'встречаться, видеться; приезжать на побывку' / к. *аддзысьлыны* 'встречаться, видеться'; **алыны** 'предупредить; запретить; унять, отговорить' / к. *ӧлӧдны* 'остановить, унять', 'предупредить , 'угомонить; остановить, успокоить'; **аналтыны** 'забросить, оставить, бросить'; **аналмыны** 'остаться без внимания, без присмотра, быть заброшенным'; **аналтйськыны, аналскыны** 'симулировать, притворяться, полениться; распуститься' / к. *эновтыны* 'покинуть, бросить, оставить, запустить'; *эндӧс* 'беззаботный, нерадивый; склонный отодвигать дело, работу'; **будыны** 'расти, вырасти, подрасти'; **быдэ вуон** 'совершеннолетие, возмужание' / к. *быдмыны* 'расти, вырасти, произрастать': саам.; **бур** 'правый, хороший, добрый'; **ӟечбур** 'здравствуйте' / к. *бур* 'хороший, добрый'; *буркыв* 'молитва, проповедь'; *бурсины* 'благословить'; *бурлун* 'доброта; великодушие, доброкачественность'; **бырйыны** 'выбрать, выбирать, отобрать, отбирать, сортировать; избрать, избирать' / к. *бӧрйыны* 'выбирать, подбирать'; **вапум** 'эпоха, времена, век; определенный промежуток времени' (**ва* 'год, время' + *пум* 'конец') / к. *во* 'год': фин., хант., венг. ∞ индоевр.; **веськыт, веськрес** 'стройный, грациозный, прямой' / к. *веськыд* 'прямой, правдивый, честный, правый'; **веськаны** 'успокоиться', 'вместиться, поместиться', 'прийтись по душе и сердцу, быть пригожим' / к. *веськавны* 'выпрямиться' 'угодить'; **вож: в.поттыны** 'злиться, обозлиться, рассердиться'; **вожаны** 'ревновать', **вожась** 'ревнивый, ревнивец'; **вожъяськыны** 'завидовать'; **вожъяськись** 'завистник, ревнивец' / к. *веж, вежалӧм* 'зависть'; *вежавны* 'завидовать'; *вежӧгтыны* 'ревновать'; *вежӧгтысь* 'ревнивый, ревнивец'; **вӧт** 'сон, сновидение'; **вӧтаны** 'увидеть (видеть) сон, сниться' / к. *вӧт* 'тж'; *вӧтасьны* 'тж'; **витьыны** 'ждать, ожидать', **витён** 'ожидание' / к. *виччысьны* 'тж'; *виччысьӧм* 'ожидание'; **гажаны** 'любить, полюбить, уважать, почитать'; **гажан** 'уважение, почитание, любовь', 'милый, любимый, желанный дружок (подружка), любимый человек' / к. *гаж* 'веселье; радость 'желание', 'праздник'; *гажӧдны* 'веселить, увлекать , 'украшать, украсить'; **дурбасьтыны** 'защищать, выгораживать, оправдывать, заступаться' / к. *дорйыны* 'защищать, оборонять , 'оправдывать.

выгораживать'; **дыг** 'медленный, нерасторопный, медлительный'; **дыгомыны** 'запнуться', 'стать нерасторопным, ленивым, вялым'; **дыго-мого** 'не туда и не сюда; не по-людски, с опозданиями' / к. *дыгыд* 'медлительный, ленивый'; **ӟабыльтыны** 'чирикать, щебетать (о птицах)'; 'тараторить; говорить без умолку; гомонить' / к. *дзӧбыльтны* 'манерно говорить, шепелявить, сюсюкать', 'болтать языком, зубоскалить'; **ӟурыны** 'ворчать, скрипеть, ныть, проявлять недовольство' / к. *дзурликтыны* 'поскрипывать; идти поскрипывая', 'курлыкать'; **ёртыны** 'загнать (куда-л.)'; 'поставить в затруднительное положение', 'вынуждать (что-л. делать, сказать)'; **ёрмыны** 'застрять', 'испытывать затруднение', 'бедствовать, нуждаться в самом необходимом'; **ёрос** 'округа, район'; диал. 'соседи' / к. *йӧр* 'загон; огороженный участок'; **йылыны** 'размножаться, расплодиться, умножаться; увеличиться'; **йылон** 'размножение, увеличение' / к. *йывмыны* 'выродиться; заостриться'; диал. 'размножаться'; *йылӧм* 'потомство', неодобр. 'отродье'; **косыны** 'заставить; приказать'; 'требовать (что-л. делать, сказать)'; **косон** 'приказ, указ, требование, повеление'; **курон-косон** неол., библ. 'заповедь'; **сӥзён-косон** неол., библ. 'завет' / к. *кесӧдны* 'поручить, поручать, задавать (напр., работу)'; *кесӧг* 'правило; установка'; **курыны** 'просить, попросить'; **кураны** 'сватать, сосватать'; **курись** 'просящий'; **кураськись** 'нищий; попрошайка' / к. *корны* 'звать, позвать', 'просить'; *корысь* 'нищий, нищая'; *коравны, корасьны* 'сватать, сосватать'; **кыллыны** 'лежать'; диал., южн. 'быть, находиться' / к. *куйлыны* 'лежать': мар., манс., хант.; **майбыр** 'блаженный, счастливый, везучий; живущий в полном достатке, радости, спокойствии (вызывающий со стороны окружающих людей иногда зависть)' / к. *майбыр* 'счастливый, счастливчик'; **мозмыны** 'освободиться; вырваться'; **мозмытыны** 'освободить, пустить на волю; избавить, спасти'; **мозмытскон** 'освобождение; избавление, спасение' / к. *мездыны* 'освободить', 'высвободить', 'избавить, спасти'; **Мезӧс** дп. 'Господь, Спаситель': слово употреблялось в коми языке и в XVII—XIX вв.; **муг** 'причина, надобность, цель' / к. *мог* 'дело, надобность; цель, задача; задание; просьба'; **малпаны** 'думать; мыслить, замыслить; соображать; мечтать'; **малпаськись** 'думающий; мыслящий, мыслитель' / к. *мӧвп* 'мысль, идея'; *мӧлпалны, мӧвпавны* 'думать, мыслить; раздумывать, обдумывать', 'мечтать'; **мусо** 'милый, пригожий, приятный'; **мусояськись** 'ласкающийся'; **мусояны** 'ласкать, любить' / к. *муса* 'милый, любимый'; *мусавны* 'любить'; *мустӧм* 'немилый, ненавистный', 'несносный, неприятный'; **мыл-**

кыд ′настроение, желание, самочувствие; усердие′; **мыло-кыдо** ′в добром настроении, самочувствии, в добром желании проходящая молодость (жизнь)′ / к. *мывкыд* ′ум, разум, рассудок, толк, благоразумие′: морд., фин., кар., саам.; **ушъяны** ′хвалить, нахваливать′; **ушъяськись** ′хвалящийся, кичащийся, хвастун′ / к. *ошкыны* ′хвалить, похвалить; превозносить′, ′одобрять′; *ошйысьысь* ′хвастун′; **алыны** ′отговорить, предупредить; запретить; отказать / к. *ӧлӧдны* ′предупредить′, ′остановить, угомонить′; **урмыны** ′взбеситься, потерять ум, рассудок; стать бешенным (о животных)′ / к. *ӧрмыны* ′рассердиться, взбеситься′: мар.; **паймыны** ′удивиться, изумиться′ / к. *паймыны* ′тж′; **пашмыны** ′захиреть, зачахнуть, выродиться′ / к. *пашмыны* ′тж′; **сук** ′жадный, ненасытный′; **сукъяськыны** ′жадничать, быть ненасытным′ / к. *сакны* диал. ′жадно есть′; **сйзьыны** ′обещать; завещать; посвятить, посвящать′; **сйзиськыны** ′дать обет (обещание) о принесении жертвы Богу в случае тяжелых болезней, несчастных случаев′ / к. *сызьны* диал. ′обещать, посулить′; **сям** 1) ′характер, нрав, привычка′, 2) ′обычай, обряд′ / к. *сям* ′характер, нрав, поведение; умение, опыт′: мар., фин., саам.; **тур-пар** ′быстро, спеша, необдуманно, второпях (напр., совершить дело; высказать необдуманно свои мысли и т. д.)′ / к. *тур-пар* ′быстро неотчетливо сказать; тараторить′; **пӧяны** ′обмануть; соврать, солгать , **пӧяськись** ′обманщик, лжец, врун′ / к. *пӧръявны* ′обмануть; солгать, соврать′; *пӧръясьысь* ′обманщик, лжец, лгун, врун′; **пуаны** ′скрыться, перепрыгивая с дерева на дерево (о белке)′ / к. *пуавны* ′тж′; **пырс: п. потыны** ′прыснуть со смеху; не удержаться от смеха′ / к. *пыльсмуны, пыльснитны* ′рассмеяться, не сдержавшись; прыснуть′; **сайканы** ′проснуться′ / к. *сайкавны* ′прийти в себя, очнуться′; кп. *саймыны* ′проснуться′: манс., хант.; **сайкыт** ′прохлада, свежесть / к. *сайкыд* ′тж′; **серектыны, серекъяны** ′засмеяться, рассмеяться′; **серем** ′смех′ / к. *серӧктыны* ′тж′; *серам* ′тж′; **улыны-вылыны** ′жить-поживать ′жить-быть′ / к. *овны-вывны* ′тж′; **ум** ′сон′; **умме усьыны** ′уснуть, заснуть (букв. впасть в сон) ′; **ум йылтй вераськыны** ′разговаривать во сне′ / к. *ун* ′сон′; *унмовсьыны* ′уснуть, заснуть′; *унйылысь* ′во сне; спросонок′; **шуд, шудбур** ′счастье′ / к. *шуд* ′тж′ < иранск.; **шум: ш.потыны** ′радоваться, обрадоваться, получить хорошее настроение′; **шумпотон** ′радость′ / к. *шом* ′ум, настроение′; **шутэтскыны** ′отдыхать; отдохнуть′ / к. *шойччыны*, кп. *шоччыны* ′отдохнуть, передохнуть′; *шойччӧг, шойччӧм* ′отдых′; **ыш-ыш, ыш-ыш-ыш** — ′междометие, выражающее чувство холода′: **ыш-ыш, туж кезьыт ук!** ′бр-р-р, очень уж холодно!′; **ышыше** детск. ′холодно′ / к. *ыш-ыш*

'тж'; *ышкыд* 'прохладно'; *ыш кӧдзыт* 'бр-р, холодно'; **ыстыны** 'послать' / к. *ыстыны* 'тж'; **юаны** 'спросить'; **юан** 'вопрос' / к. *юавны* 'спросить, задать вопрос'

* * *

Сравнивая археологический материал ананьинской эпохи с древнеудмуртскими памятниками чепецкой культуры (промежуток между ними почти 1300 лет), А. В. Збруева пришла к выводу: «...хозяйство предков современных удмуртов, прослеженное на городищах X—XIV вв., является дальнейшим развитием хозяйства древних ананьинцев. То же можно сказать относительно ткачества, изготовления предметов из кости и других отраслей труда» (Збруева 1952: 209).

Глиняная посуда поздних древнеудмуртских городищ и селищ, созданная вручную, несет на себе древние традиции ананьинской культуры: имеет примесь толченой раковины в глиняном тесте; формы — круглодонная чаша; орнамент помещается в верхней части сосудов и состоит чаще всего из оттисков шнура, иногда комбинированных с ямочными и зубчатыми вдавлениями. Изучение чепецких городищ X—XIV вв. и современных построек удмуртов позволяет проследить ананьинские традиции в форме поселений и жилищ, а также в хозяйстве их обитателей, в некоторых конфигурациях орудий труда и бытовых предметов. Древние традиции также выявляются на культовых предметах: характерный для Прикамья звериный стиль и некоторые другие мотивы изображений имеют свои истоки в ананьинской культуре, а более глубокие их корни уходят в эпоху бронзы (Збруева 1952: 205—215).

Подводя итог изучению древней истории пермских народов в эпоху существования ананьинской историко-культурной общности (VIII—III вв. до н. э.), сравнивая уровень развития хозяйственной, культурной деятельности потомков ананьинцев-пермян с последующими историко-культурными образованиями — археологическими культурами — на территории лесной зоны Восточной Европы, еще в 1996 г. мы отмечали: «Наивысшего взлета культуры и социальной организации местные пермоязычные племена достигли в эпоху железного века, соотносимой с ананьинской археологической культурой. В то время в их руках находились огромная территория Волго-Камья, Вычегодско-Печорский бассейн, верховья Северной Двины с притоками. Практически вся лесная зона северо-востока Европы от р. Ветлуги на западе и до за-

падных склонов Уральских гор на востоке контролировалась ананьинцами. Как показывают археологические исследования, пермяне-ананьинцы достигли невиданного доселе среди племен евроазиатской лесной зоны уровня производства железных орудий труда, вооружения, бронзовых украшений, предметов быта и культа. Ими были созданы изумительные образцы звериного стиля, находящие прямые параллели в искусстве народов Ирана, всего Ближнего Востока, Сибири. Ананьинские племена вели оживленную торговлю с племенами Скандинавии и Западной Сибири, особенно с южными соседями: ираноязычными скифами, сарматами, а через них — с народами Средней Азии, Кавказа, Ближнего Востока, не говоря уже о своих западных соседях — городецко-дьяковских племенах (волжские финно-угры). Такого расцвета культуры потомки ананьинцев — удмуртские племена — никогда больше не достигали, за исключением, может быть, пьяноборско-азелинского времени (конец I тыс. до н. э. — начало I тыс. н. э.» (Атаманов 1996: 50).

Археологи считают, что позднекаргопольскую, лууконсаркудома, позднебеломорскую культуры с полным правом можно рассматривать в рамках ананьинской культурно-исторической области (Кузьминых 2007: 43). На территорию распространения этих культур прикамское население проникало в I—II вв. н. э.: пьяноборские вещи выявлены в ряде памятников северо-западной части России (Манюхин 2005: 22, 29).

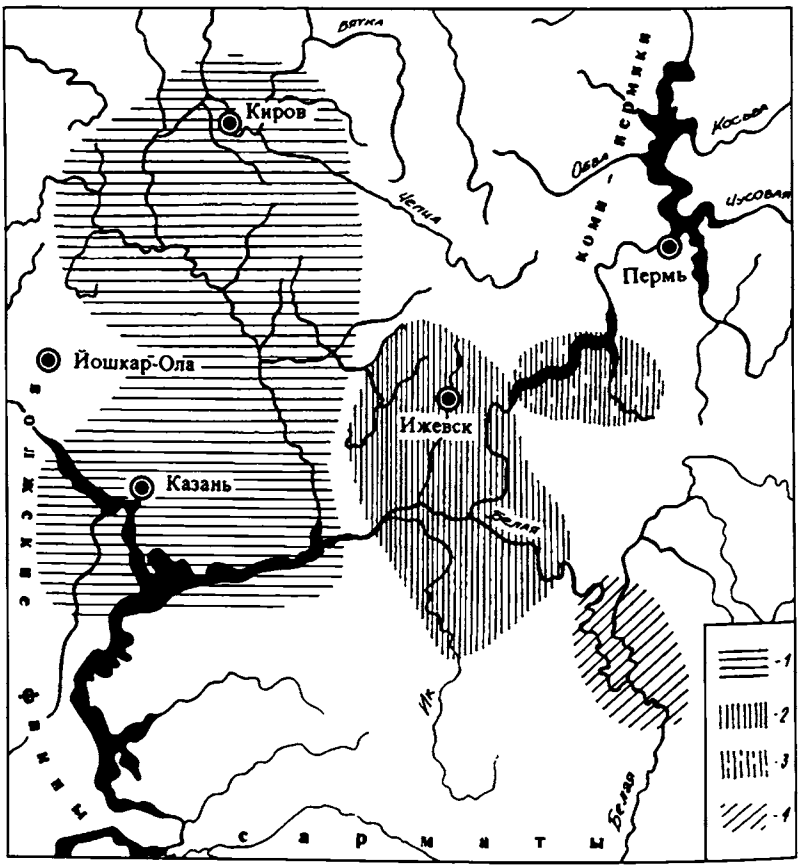
Известный антрополог В. П. Алексеев предположил, что лапоноидный тип образовался на Севере в эпоху железа в ананьинское время благодаря проникновению низколицего лапоноидного типа из Прикамья и его смешению с местными европеоидами (Алексеев 1969; Манюхин 2005: 9).

4. Пьяноборская эпоха — начало формирования этнодиалектных групп удмуртов

С открытием в конце XIX в. Пьяноборского (у с. Пьяный Бор, ныне — Красный Бор в закамской, северо-восточной части Татарии, на границе с Удмуртией) богатого вещевыми материалами могильника, а также других археологических памятников по Каме, Вятке, Белой, стало ясно: начался новый этап развития постананьинского населения — эпоха развитого железного века.

В Верхнем Прикамье были выявлены сходные постаньинские свидетельства со своими отличиями. По комплексу памятников, обнаруженных вокруг с. Гляденово и в других местах центральной и северной частях Пермского края, новой археологической, историко-культурной общности дали название *гляденовская*.

В конце XIX — начале XX в. изучению *пьяноборских* памятников много сил и времени уделили П. А. Пономарев, А. А. Спицын, Ф. Д. Нефедов, И. Н. Смирнов, С. К. Кузнецов, М. Г. Худяков и др. А. В. Шмидт в 1928 г. в одной из своих работ обоснованно предло-

Карта-схема культур пьяноборской общности: 1 худяковско-азелинская; 2 чегандинская; 3 среднекамская (красноярско-осинская); 4 караабызская

жил Камско-Вятские памятники назвать *пьяноборскими*, а верхнекамские — *гляденовскими*.

За 130 лет со дня вскрытия Пьяноборского могильника, в изучение постаньинских памятников Волго-Камья свой вклад внесли и вносят археологи Ижевска, Москвы, Свердловска, Уфы, Казани А. П. Смирнов, В. Ф. Генинг, Р. Д. Голдина и их ученики, а также А. Х. Пшеничнюк, Н. М. Мажитов, Б. Б. Агеев, Л. И. Ашихмина, В. А. Семенов, В. А. Иванов, М. Г Иванова, Т. И. Останина, П. Н. Старостин, Г Н. Клюева, Е. М. Черных, Т. К. Ютина, Н. А. Лещинская и др. За эти годы открыты новые предметы культуры прошлого, получен огромный фактический материал на прикамских, прибельских, привятских памятниках постаньинского времени. Интересно отметить: многие пьяноборские слои выявляются на местах ананьинских археологических памятников, что свидетельствует об их преемственности, об этническом единстве населения, создателей этих богатых культур.

Широкие исследования, проведенные в последние 30 - 40 лет Камско-Вятской археологической экспедицией, и полученные материалы из Камско-Вятских памятников позволили Р. Д. Голдиной выдвинуть новую концепцию развития прикамских культур постаньинского времени. Согласно ее заключению, в конце своего существования крупная ананьинская историко-культурная общность в III в. до н. э. разделилась на две части — на *пьяноборскую*, занимавшую территорию Среднего и Нижнего Прикамья, бассейны рек Белой, Вятки, и *гляденовскую* на землях Верхнего Прикамья, Средней и Верхней Вычегды и верховий Печоры. Это свидетельствовало о распаде общепермского этноса на две части: *праудмуртов* и *пракоми*.

Принципиально новым в работе Р Д. Голдиной стал ряд положений: 1) гляденовская культурная общность уже не входила в состав пьяноборской, как считали М. Г Худяков, А. П. Смирнов, В. Ф. Генинг, а занимала вполне самостоятельное положение; 2) пьяноборская историко-культурная общность (III в. до н. э. V в. н. э.) включала в себя *чегандинскую* культуру (юго-восточные прикамские районы Удмуртии, прилегающие к ним районы северо-восточных прикамских районов Татарии, низовья Белой северо-западные районы Башкирии), *караабызскую* (среднее течение р. Белой — центральные районы Башкирии), *худяковскую* (я ее называю *худяковско-азелинской.— М. А.*), расположенную в бассейне р. Вятки, *красноярскую* (я ее называю *осинско-красноярской* во

избежание путаницы, т. к. начиная от В. Ф. Генинга ряд археологов называет ее *осинской*, а худяковскую — *азелинской.— М. А.*), которая расположена в Среднем Прикамье, в бассейне р. Тулвы (см.: Голдина 1987: 10—15; 1999: 209).

Научно обоснованно, на мой взгляд, ее деление общепермской этноязыковой общности. До сих пор в лингвистической литературе сохраняется мнение о том, что разделение пермян и их языков на две группы произошло в VIII в. н. э. На каком основании? Оказывается, на основе булгарских (проточувашских) заимствований в коми языке, которую предложил финский ученый Юрьё Вихманн: по его суждению, 20 лексем являются общими булгарскими заимствованиями в пермских языках, значит, при переселении булгар в Волго-Камье, протокоми жили еще на прикамской прародине рядом с булгарами (Wichmann 1903).

Но не все так просто: новейшие исследования показали, что часть из них, наоборот, является пермскими, точнее, древнеудмуртскими заимствованиями в булгарском (проточувашском) языке (Redei, Rona-Tas 1972: 28—298; 1975: 31—44). С другой стороны, пермские народы, в т. ч. и древние коми, с булгарами имели интенсивные торговые связи: об этом писали и арабские, и персидские миссионеры, путешественники, купцы, побывавшие в Волжской Булгарии в X—XIII вв. Об *арах* — удмуртах, как о самостоятельном народе, имевшем своего царя, ведущего торговлю с булгарами и платившего харадж в Булгарскую казну, писали те же самые летописцы из мусульманских стран Востока.

Как доказывают казанские и пермские археологи Ф. Хузин, А. М. Белавин и др., в Верхнем Прикамье на 200 памятниках выявлены булгарские вещи, монеты. Булгары на землях коми-пермяков основывали не только торговые фактории, но и города — опорные пункты сбора налогов с местного населения. Среди них выделяются Рождественский комплекс археологических памятников на р. Обве, включающий в себя булгарское городище с прилегающим посадом и мусульманский могильник (Хузин 2000: 16—17). И в этом случае без взаимозаимствований в языке, культуре не могло обойтись. А в-третьих, часть булгаризмов в коми язык могла попасть через посредство удмуртов, имевших самые тесные связи с тюркскими народами края с момента их появления в Волго-Камье.

О том же, что пермский язык-основа разделился, значит, и его носители — праудмурты, пракоми — друг от друга окончательно отделились только в VIII—IX вв. н. э., нет у нас никаких

данных: ни археологических, ни других письменных, исторических свидетельств. В XIV в. у коми с крещением одновременно появилась своя письменность, судя по ней, это уже чистый коми язык, более «чистый», чем заполоненный русскими заимствованиями современный их язык.

Ныне и сами лингвисты понимают, что схемы формирования и разделения уральских языков на отдельные группы, на отдельные языки, предложенные учеными XIX — начала XX вв. явно устарели. Авторы академического труда «Основы финно-угорского языкознания: вопросы происхождения и развития финно-угорских языков» (М., 1974) пишут: «По соображениям, основывающимся на праисторических (историко-экономических, исторических), а также на общелингвистических исторических разысканиях, уже в наше время кажется вероятным, что упомянутые периоды нужно относить к более отдаленным временам, чем те, которые указаны выше. Однако до завершения новейших научных разысканий мы считаем более целесообразным придерживаться точки зрения наиболее принятой в наше время» (ОФУЯ 1974: 39).

Как воспринимать эту точку зрения? Конечно, проще жить по давно установленным постулатам, избегая безжалостных, грубых рецензий от некоторых современных ученых. Это с одной стороны, а с другой, честно сказать, ныне чаще всего так пишут те, кто занимается проблемами этногенеза, не вдаваясь в суть конкретных этносов, скажем, из нашей же уральской языковой семьи.

Наблюдаются порой курьезы, как в знаменитой басне Крылова «Лебедь, щука и рак»: если ученый — археолог, то редко кто из них вникает в лингвистику, этнографию, фольклор, мифологию, в его списке литературы — одни археологи, в его книге 70- 80%, иногда и все 90%, места занимает описание вещевого материала. Нашли, скажем, могильник, начались раскопки. И — поспешные выводы. Оказывается, он оставлен неволинскими племенами в середине I тыс. н. э. (или караабызским, или мазунинским населением). Но, к сожалению, ни лингвист, ни этнолог, ни мифолог и не слыхивали про неволинский, или кушнаренковский, именьковский этносы, ни в одном энциклопедическом словаре не указаны их языки.

Но лингвист не отстает. Археология для него такая далекая, почти что дремучая отрасль знания — милее префиксов, аффиксов, «модальных глаголов», «предпрошедшего времени» едва ли в науке для него есть что-нибудь более интересное; ему легче по старой привычке опираться на Ю. Вихманна, чем подняться со второго

этажа на четвертый, где располагаются кабинеты, лаборатории археологов, где читает лекции профессор Р. Д. Голдина.

Римма Дмитриевна — и полевой исследователь, и кабинетный ученый, и прекрасный лектор и собеседник. Опираясь на огромный археологический материал, учитывая мнения фольклористов, лингвистов, оценивая их труды, она убедительно доказывает, что разделение ананьинской, общепермской историко-культурной общности на две культуры — на пьяноборскую и гляденовскую — есть начало самостоятельного развития языка и культуры двух близкородственных народов - - удмуртов и коми. А разница в годах, предложенная Ю. Вихманном и Р. Д. Голдиной, весьма и весьма существенна — целых 1000 лет!

Подобные казусы нам, ученым, не делают чести. Конечно, такие серьезные, обобщающие этногенетические вопросы решать бы этнографам. Но где они? В последние десятилетия они ловко прикрылись под двумя личинами: этнолог — этнограф. Теперь и не поймешь, который из них должен заниматься этногенетическими проблемами, этнографией в широком смысле слова.

* * *

Вернемся к археологии. Тут есть свои трудноразрешимые, узкоспециальные проблемы, касающиеся, в первую очередь, выделения отдельных культур, их наименований, например, мазунинской. Так, авторы главы 5-й новейшего академического издания «История Удмуртии с древнейших времен до XV века» (Ижевск, 2007) Т. И. Останина, А. Г Иванов, М. Г Иванова (сотрудники УИИЯЛ УрО РАН и Национального музея УР) выделяют отдельную мазунинскую культуру III—V вв. н. э. (С. 185—207), а Р. Д. Голдина и ее археологическая школа при УдГУ не признают мазунино самостоятельной культурой, считают ее поздней стадией чегандинской культуры (Голдина 1999: 210, 226). Таких дискуссионных, нерешенных вопросов в удмуртской археологии немало. Но я уверен, в умных, уважительных дискуссиях со временем засияет истина.

Мой труд не посвящен разрешению кардинальных задач в удмуртской археологии, да и объем книги ограничен, поэтому культур средневековья, связанных с древней историей удмуртского народа, коснусь лишь вскользь. Эта часть моей работы выполнена

в основном, опираясь на труды В. Ф. Генинга, Р. Д. Голдиной и других исследователей древней, дописьменной истории.

Сразу же оговорюсь: по некоторым положениям мое мнение не совпадает с точкой зрения Р. Д. Голдиной, например, по этнической основе причепецких (поломской и чепецкой) культур средневековья, а также по этнической основе и роли носителей именьковской культуры, распространенной в III—VIII вв. н. э. на огромных просторах лесостепной части Волго-Уральского региона. Но об этом — ниже.

Г И. Матвеева, ведущий специалист по именьковской культуре вынуждена признать: «Среди культурных образований Среднего Поволжья невозможно назвать культуру, проблемы происхождения этнической атрибуции и дальнейшей исторической судьбы которой вызвали бы появление столь многочисленных взаимоисключающих гипотез, как это было с именьковской культурой. В ее носителях видели то потомков местных финно-угорских племен городецкой культуры (Калинин 1951), то буртасов (Калинин 1961), то угро-мадьяр (Степанов 1964), то бастарнов (Щукин 1994), то балтов (Халиков 1987, 1988), то славян (Матвеева 1988, Седов 1994), то, наконец, хионитов и даже сарматов (Казаков 1998). Словом, к именьковской культуре «примеряли» все народы Евразии» (Матвеева 2008: 94).

Вслед за Г И. Матвеевой ижевские археологи большое внимание уделили этнической основе и роли именьковцев, считая их древнеславянским населением, оказавшим мощное воздействие на пермян. Но последовательности в работах нет: то, получается, это древние славяне, то готы (германоязычные племена), то балты (древние литовцы, или пруссы). Если они действительно жили на этой территории почти пять веков, то где же топонимия Языка Земли — позднепраславянского, или германского, или балтского происхождения на территории Татарии, Удмуртии, Башкирии? Если они оказали мощное влияние на пермян, то где же мощный пласт позднепраславянских (~ германско-готских ~ балтских) заимствований в языке древнейшего, коренного этноса Волго-Камья, существовавшего во времена бытия именьковцев — удмуртов?

О сильном воздействии именьковцев на экономику, культуру местного населения, думаю, явно преувеличено. Правда то, что со своим появлением многочисленное, воинственное население оттолкнуло древнеудмуртские родоплеменные группы с берегов нижнего течения Камы, Вятки, со Среднего Поволжья на более

глухие, северные, таежные места Вятско-Камского междуречья. Это и были предки арских (завятских) удмуртов, возможно, и другие группы.

Судя по памятникам, подобным Тураевским курганам (д. Тураево Менделеевского района Татарии, на правобережье Камы), относящимся к IV—V вв. н. э., я полагаю, это были ираноязычные кочевые племена южнорусских степей, вынужденных уйти со своих мест в связи с началом мощной тюрко-гуннской экспансии евроазиатских степных регионов, вплоть до Центральной Европы. Вследствие этого, а также из-за европейских событий в первой половине I тыс. н. э. начались большие и малые переселения всех народов и племен северной и центральной частей Азии, всей Европы.

Волна ираноязычных кочевников с курганными захоронениями дошла до земель коми. Видимо, в этот период ряд иранских заимствований попали в язык коми, которые отсутствуют в удмуртском языке, среди них знаменитый древнепермский *небӧг* «книга», «закон, указ; документ; письмо», ср. пехлевийское *нипēк* «письмо», согдийское *нипēс* «писать» (из коми языка иранское заимствование попало в языки обских угров: манс. *нēпак* «книга; бумага»; хант. *небак* «бамага; письмо» (КЭСК 1970: 187).

Тысячелетние хозяева великих евроазиатских степей ираноязычные племена-кочевники во второй половине I тыс. н. э. окончательно сошли с исторической арены. Только потомки скифов — сарматов, аланов — в лице современных осетин сохранились на Кавказе. Почти до середины XVII в. в Поволжье жили *буртасы*, отуреченные, омусульманенные потомки ираноязычных кочевников, скорее всего, части алан.

Известный тюрколог И. Г. Добродомов этноним *буртас* расшифровывает с помощью осетинского языка: *фурд* «большая река» (в данном случае, Волга) + *ас* «алан (осетин)» (в рус. источниках известна и форма *яс*), т. е. «речные аланы» (Добродомов 1993: 135). Ученый считает, что буртасский язык был близок современному осетинскому. На исторических документах и языковых данных И. Г. Добродомов доказывает общность алан (асов ~ ясов, осетин) с буртасами.

А какую связь имели буртасы и так называемые именьковцы? В данное время трудно сказать, но одно бесспорно: на территории распространения именьковской культуры, особенно по Волге и в нижнекамском регионе, жили буртасы и после них остались такие этнотопонимы, как *Буртас, Буртасы, Буртасский затон, Буртас-*

ское озеро, Буртасская Воложка, Буртасский район и др. (см.: Попов 1973: 114).

Буртасы жили рядом с мордвой, может, по этой, может, по другой причине эти народы пытались связать между собой (Хр. М. Френ, П. С. Савельев, А. П. Смирнов и др.); было время, что и создателей именьковской культуры соединяли с древней мордвой.

По моему мнению, на данном этапе этническую основу создателей именьковской культуры невозможно уверенно объединить ни с одним этносом России. Нужны дополнительные материалы не только по археологии, но и по другим отраслям знания, в первую очередь, по антропологии, палеолингвистике, включая топонимику, особенно — этнотопонимику.

4. 1. Караабызская археологическая культура — часть пьяноборской — праудмуртской — историко-культурной общности. Начала складываться с IV в. до н. э. на основе ананьинской историко-культурной общности на территории центральной части современного Башкортостана, по правобережной части среднего течения р. Белой и по ее притокам. Самым северным памятником этой культуры является II Бирское городище, а самым южным — Воскресенское городище в Гафурийском районе центральной части Башкирии. Расстояние между ними около 250 км. Выявлены и только частично обследованы 23 памятника: 7 могильников, 11 городищ, 5 селищ.

По авторитетному мнению известного исследователя А. Х. Пшеничнюка, генетическая связь караабызской культуры с ананьинской совершенно очевидна. Об этом убедительно свидетельствуют как погребальный обряд: трупоположение вытянуто на спине, ориентировка ногами к реке, так и материалы поселений. Многие из них были обитаемы уже в ананьинское время, жизнь на них не прекращалась в течение всей эпохи раннего железа. Собственно караабызская керамика с точечным орнаментом по шейке ничем не отличается от ананьинской с центральной части Башкирии (Пшеничнюк 1973: 225).

Следует отметить, памятники этой культуры отличны от всех других не только Волго-Уральского региона, но, может быть, и всей лесной зоны Евразии, своей грандиозностью. Так, площадь Биктимировского городища составляет 50 000 м², оно укреплено тремя валами и рвами, толщина культурного слоя достигает 240 см; на значительной территории за пределами городища также имеется культурный слой мощностью до 2 метров.

Могильники могли быть также племенными, о чем говорят их размеры, количество погребенных: 10 000, может быть, и более погребений в Охлебининском, не меньше и на Новоуфимском.

Богатый инвентарь мужских погребений показывает, что в караабызском патриархально-родовом обществе, в эпоху образования племенных союзов, мужчина был воином, воином-всадником. Это объясняется, как считает А. Х. Пшеничнюк, не только воинственностью со стороны караабызцев, сколько воинственностью со стороны соседних племен, в первую очередь, кочевников-сармат. Они вплотную примыкали к караабызским поселениям-городищам, их разделяло только русло реки Белой. Сарматы всегда отличались воинственностью, война для них являлась постоянным промыслом; объектом их нападений неоднократно становились богатые караабызские племена.

Почти все исследователи отмечали большое влияние на караабызцев их южных и восточных соседей, носителей гафурийской, убаларской культур, создателями которых одни считают сармато-аланские племена южноуральских степей, а другие полагают, что это были угры. Так считает и А. Х. Пшеничнюк. По этническому составу создателей караабызской культуры он делает вывод о том, что основу ее составляли финно-пермские племена — потомки ананьинцев, значителен был компонент пришлого, вероятно, угорского населения. «Итак, многочисленные вновь накопленные материалы I половины I тыс. н. э. подтверждают ранее высказанную точку зрения о генетической связи между племенами караабызской и раннебахмутинской (мазунинской) культур. Важно подчеркнуть, что караабызские племена явились основой не только «башкирской, бельской» группы раннебахмутинского населения, но и для «удмуртского» мазунинского. Караабызская культура обнаруживает гораздо больше сходства с мазунинской, нежели пьяноборская. По-видимому, формирование раннебахмутинской (мазунинской) культуры сопровождалось уходом значительной части пьяноборских племен, последующая история которых хорошо прослеживается в памятниках азелинской культуры» (Пшеничнюк 1977: 241; Генинг 1963).

Современный этногенетический материал может внести в эту схему некоторые уточнения: вместо обобщенного, малозначащего понятия «финно-пермские племена» писать воршудно-родовые группы племенного объединения *калмез*. Во всем Бельско-Икско-Камском междуречье встречаются этнотопонимы *Калмаш* — тюр-

кизированная форма удмуртского этнонима *калмез*. На это в свое время указывал В. Ф. Генинг (Генинг 1967: 75—76).

Основная масса древнеудмуртского населения племенного объединения *калмез* в дни бурных событий, связанных с великим переселением народов, когда на калмезскую землю пришли тюрко-, ирано-, угроязычные племена Сибири, зауральских, азиатских степей, ушла в Волго-Вятский регион, в т. ч. и на территорию современной Удмуртии, а оставшаяся часть в лице поздних бахмутинцев ассимилировалась в составе формирующегося башкирского народа. Как раз в среде северо-западных групп башкир фиксируется крупная родовая группа *калмаш*. Некоторая часть воршудно-родовых групп из племенного объединения *калмез*, например, *Можга* > башк. *Мышыга*, *Гайна* > башк. *Гайна*, *Имъес* > башк. *Имес* также вошли в состав башкир. Не случайно даже антропологический тип северо-западных башкир изменился более «европеизировался»; эта группа башкир раньше других перешла к оседлости, к земледелию; со временем значительная часть отатарилась.

4. 2. Чегандинская археологическая культура (III в. до н. э. V в. н. э.) — часть пьяноборской-праудмуртской историко-культурной общности. По данным современных археологов в своем развитии она прошла три этапа: 1) ранний — III—I вв. до н. э.; 2) средний — I—II вв. н. э.; поздний — III—V вв. н. э. (Голдина 1999: 226).

Чегандинский племенной союз возник в Камско-Бельском междуречье, как считает В. Ф. Генинг, в результате интенсивной концентрации населения, обитавшего здесь с ананьинского и более ранних исторических эпох.

Камско-Бельский регион, территория жительства пьяноборско-чегандинского населения, представляет исключительно удобное, благодатное место для человеческой жизнедеятельности. По крупным водным артериям можно было связаться со всей Восточной Европой, вплоть до Скандинавии, по Волге же — с Кавказом, Ближним Востоком, со Средней Азией, по Вятке — с племенами севера Восточной Европы, по Белой — с кочевым миром евроазиатских степей, а через них с Сибирью, Китаем, со странами Ближнего и Дальнего Востока, вплоть до Индии.

Пушнина, мед, воск, ремесленные изделия, рукоделия ткачих шли на продажу и на обмен, а взамен получали нужный товар, отсутствующий у себя в Прикамье.

Украшения, хозяйственные вещи, меч из памятников чегандинской культуры
(*рис. Вал. Белых*)

Богатые травостоем пойменные луга, плодородные земли способствовали развитию животноводства и земледелия; близость уральских руд дала возможность развитию ремесел, металлообработке. Богатые пушными зверями, дикими пчелами, лесными дарами природы прикамские лесные массивы, изобилующие ценными породами рыб и дичью реки и озера, сравнительно мягкий климат, приятный ландшафт Камско-Бельского региона издревле привлекали сюда людей. Не случайно здесь открыты богатейшие археологические памятники ананьинской и пьяноборской эпох. Одних чегадинских памятников здесь насчитывается более 300, из них 40 могильников, остальные — городища, селища, содержащие богатый вещевой материал.

Конечно, по своей величине чегандинские памятники уступают караабызским, но по количеству и по насыщенности на небольшой территории они превосходят своих южных соплеменников, живущих в окружении воинственных соседей-кочевников. По подсчетам В. Ф. Генинга, на территории чегандинской культуры в среднем на каждые 50 км^2 площади приходится одно поселение. Такая концентрация памятников для первобытной эпохи является необычно высокой. Ни в более ранних, ни более поздних археологических культурах Прикамья ничего подобного не встречено (Генинг 1970: 126). Но за прошедшие после В. Ф. Генинга 40 лет открыты десятки новых памятников — значит, концентрация их еще увеличилась! Если В. Ф. Генинг полагал, что на данной территории проживало не менее 5 тыс. человек, то по новым данным, уфимский археолог Б. Б. Агеев подсчитал, что в Камско-Икско-Бельском междуречье в чегандинское время проживало до 24 тыс. человек (История Удмуртии 2007: 176).

В чегандинскую эпоху изготовление бронзовых украшений, находящих спрос далеко за пределами Прикамья, находилось в руках крупных мастеров, осуществлявших их массовое производство. Не исключено, такими мастерами могли быть и женщины. Факт наличия огромного количества женских украшений в могильниках может свидетельствовать о высоком общественном положении женщин. Традиции матриархата находят свое отражение и в глиняных статуэтках из поселений, олицетворяющих женское божество — покровительницу домашнего очага — *воршуд*. В общественной организации чегандинского населения при бесспорном господстве патриархальных отношений достаточно хорошо прослеживаются и сильные пережитки матриархата. Традиции его сохранялись

в среде прикамского населения долго, вплоть до XIX в. (Генинг 1970: 114).

Исследователи археологических культур пьяноборского союза племен отмечают о наличии или традиции «гнездового» и «кустового» поселения родственных групп. Они считают их племенными, но это фактически воршудно-родовые гнезда — *выл*. До недавнего времени в среде южных и центральных, отчасти среди северо-восточных групп удмуртов сохранились *выл* — территории, сплошь заселенные одной воршудно-родовой группой. К примеру, возьмем самый южный Граховский район: здесь имеется два родовых центра: *Эгра-выл* и *Ӟатча-выл*, заселенные соответственно воршудно-родовыми группами *Эгра, Ӟатча*.

О дальнейшей судьбе создателей чегандинской культуры я придерживаюсь мнения В. Ф. Генинга: с началом великого переселения народов в Камско-Бельский регион проникают пришлые тюркские, иранские, угорские, самодийские племена. Под их напором значительная часть калмезов, создателей чегандинской, караабызской, вероятно, и осинской (-красноярской) культур покинула свою территорию, ушла на запад — на Вятку, вплоть до Волги, Ветлуги, а также на Чепцу, в более северные, таежные районы. Именно в это время начинает интенсивно заселяться вся территория современной Удмуртии.

Как полагает В. Ф. Генинг, чегандинское население отступило на запад двумя путями: по рекам Иж, Вале, Кильмези; второй путь пролегал вниз по Каме до Волги (могильники Чачлы-Кул, Масловский, Мари-Луговской, Ковали и др.). С низовьев Камы оно было вытеснено пришлыми племенами, создателями именьковской культуры (Генинг 1970: 195).

Думаю, что такие этнотопонимы, как *Калмасинка*, *Калмаса*, *Калмаса при Калмасинском ключе*, *Куба-Колмаж*, встречающиеся на территории Вятско-Ветлужского междуречья, на месте проживания современных марийцев и русских, оставлены калмезами, создателями чегандинской и караабызской культур. Здесь же выявлены археологические памятники под названием *Одо-Илем* «место жилища одо» (*одо* — марийское название удмуртов), со слабым культурным слоем. О неоднократных столкновениях с марийцами (по-удм. *пор*) рассказывают легенды и предания калмезов и южных удмуртов. В марийском эпосе фигурирует *Калмез патыр*, предводитель народа *одо* (удмуртов).

С Волго-Вятско-Ветлужского региона, с территории современной Марий Эл, восточной части Нижегородского, юго-западных

регионов Кировской области в X—XII вв. удмурты племенного объединения калмез были вытеснены марийскими племенами, отступавшими под напором русской и булгарской колонизации из Волго-Окского региона.

Оставшиеся на древней Камско-Бельской прародине калмезы-чегандинцы, смешавшись с пришлыми западносибирскими родоплеменными группами, явились создателями мазунинской стадии чегандинской культуры, а калмезы-караабызцы создателями бахмутинской культуры. Взаимосмешения между этими праудмуртскими группами были во все времена их существования.

Интересно наблюдение В. Ф. Генинга о том, что на мазунинской стадии (он выделяет отдельную мазунинскую культуру) чегандинское население сохранило исконные традиции при изготовлении керамики, одной из самых распространенных бытовых предметов, служащих главным эталоном для этнической характеристики археологической культуры, но полностью переняло у пришельцев медные украшения костюма.

4. 3. Осинско-красноярская археологическая культура (III в. до н. э. — V в. н. э.) — часть пьяноборско-праудмуртской историко-культурной общности, занимала среднее течение р. Камы начиная от современного г. Чайковского до г. Осы (чуть севернее). Основные же памятники расположены по левому притоку Камы, по реке Тулве. К настоящему времени выявлено 122 памятника этой культуры: 36 городищ, 84 селища и 2 могильника.

Один из первых исследователей Осинского городища и других окружающих археологических памятников В. Ф. Генинг осинскую, наряду с чегандинской, караабызской, гляденовской, выделил в самостоятельную культуру.

Пермские археологи В. А. Оборин, Ю. А. Поляков пытались памятники осинского круга отнести к пракоми – гляденовской культуре, считая этот микроархеологический регион южным, локальным вариантом *гляденова*. В. Ф. Генинг убедительно, на конкретных материалах доказал самостоятельность постаньинской осинской культуры в составе пьяноборской историко-культурной общности. Вещевой материал выявленных памятников, особенно Красноярского могильника, показали близость осинской культуры к караабызской и чегандинской, нежели к памятникам гляденовского круга.

По данным Р. Д. Голдиной и О. А. Казанцевой, погребальный обряд, выявленный на Красноярском могильнике, во многом схо-

ден с чегандинским и караабызским: трупоположение, наличие могил с противоположной ориентировкой, погребальные подарочные наборы (жертвенные комплексы); наличие глиняных сосудов с пищей и др. (Голдина 1999: 251).

По красноярскому могильнику, давшего богатый этномаркирующий материал, вся культура, которую В. Ф. Генинг называл осинской, переименована в красноярскую (в дань уважения его исследователя я ее называю *осинско-красноярской*).

О возникновении в недрах пьяноборской историко-культурной общности в конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. патриархальных семей пишут все. О них действительно много говорят, но суть на археологическом материале не раскрывается. Археологи могли бы использовать этнографический материал по коренным народам Волго-Камья, тем более документы переписей.

Во время сбора антропонимического материала для книги «Словарь личных имен удмуртов» (Ижевск, 1990), работая над материалами переписи 1850 г., названного «Ревизские сказки о тептярях Оренбургской губернии Бирского уезда, составленным по 9-й народной переписи» (Уфа, Башкирский республиканский госархив: Оренбургская казенная палата, фонд 138, опись 2, ед. хр. 635—637), я обратил внимание на наличие больших патриархальных семей среди закамской (приуральской) группы удмуртов: наряду с малочисленными семьями, встречались многопоколенные, состоящие из 30—40 и более человек. Тут сразу же в сравнение напрашивается южнославянская *задруга* у сербов, хорват — семейная община состоящая из нескольких поколений потомков одного отца с их женами и детьми (20—30 чел.); хозяйство и потребление, как и у удмуртов, были общими; распад *задруги* южных славян происходил во 2-й половине XIX в.

Но удмуртская *каманда* (так называли закамские удмурты большие семьи) поражает своей грандиозностью и своим составом: в одной семье-каманде жили до 3—4 женатых братьев с женами, детьми, во многих семьях вместе с дядями жили племянники — нередко со своими женами, детьми. Так, в 20-й тептярской каманде в д. Гарейбашего (совр. Татышлинский район Башкирии — в начале XX в. жители этого селения приняли ислам и отатарились) семья Ужмека Шабаева состояла из 49 человек: с отцом жили 3 женатых сына с женами, детьми; с Ужмеком в одном доме жил его родной брат Иштай; у Иштая было 5 сыновей и 4 дочери.

У Ишмурата Ишмакаева из той же каманды из деревни Верхние Татышлы семья состояла из 50 человек. В д. Каскиново (совр. Каскин-Турай Калтасинского р-на Башкирии) одна из семей состояла из 53 человек: с Шарыпом в одном хозяйстве жили его 4 женатых сына с женами, детьми и 1 незамужняя дочь; с Шарыпом (ему в 1850 г. был 71 год, а его жене Сакибе — 53 года) в одном хозяйстве жил его брат Халит, а у Халита было 5 сыновей и 1 дочь; с Шарыпом же в одном дворе жил его племянник Бегыш, у Бегыша было 3 сына и 1 дочь.

Как рассказывала мне моя мама (она 1910 г. рождения, уроженка д. Ст. Игра Граховского р-на) и бабушка (1877 г. рождения, уроженка д. Ст. Юмья Алнашского района), а также люди старшего поколения других удмуртских регионов, «десятью, а то и пятнадцатью серпами одновременно выходили жито жать на свое поле», «раньше люди были очень смиренные, стеснительные, лишнего слова сказать боялись, все друг к другу относились с любовью, уважением: младшие подчинялись старшим, детей очень любили, ласкали и с малых лет приучали к труду; всякую работу выполняли дружно, с усердием; семьей командовал самый старший мужчина — *кузё* — отец (дед, прадед), все его слушались, власть передавалась по старшинству; по взаимному согласию и учитывая материальное состояние семьи, старший сын отделялся от отцовского хозяйства; в отцовском доме (*вуж юрт*) оставался младший сын хозяина семьи. Самые трудности возникали при переделе имущества, поэтому люди не спешили к переделам».

По мнению В. Ф. Генинга, осинская культура легла в основу поломской, составила основу северноудмуртского чепецкого населения, что хорошо прослеживается по археологическим материалам. Различия в материальной культуре осинско-поломских и чегандинско-азелинских племен были весьма значительными. Но поскольку обе эти группы в дальнейшем вошли в состав удмуртского народа, естественно, встает вопрос: какая из них сыграла ведущую роль в формировании удмуртского народа и удмуртского языка? (Генинг 1970: 211).

Без сомнения, я считаю, что обе группы вошли в состав формирования удмуртского народа, но это деление было иное, оно было связано с племенными объединениями *вапка* и *кагмез*: *вапка* и входящие в нее воршудно-родовые группы жили в Волго-Вятско-Ветлужском междуречье и были создателями постаньинской худяковско-азелинской и последующих за ней еманаевской, кочергинской,

отчасти — поломской культур, а калмезские воршудно-родовые группы до начала великого переселения народов жили в Камско-Бельском регионе, они были создателями постананьинской караабызской, чегандинской, осинско-красноярской культур. Все они входили в состав праудмуртской историко-культурной общности.

Отрицать участие осинских калмезов в формировании поломской культуры невозможно и нелогично. В дни великой смуты, начавшейся с великим переселением народов, праудмуртские воршудно-родовые группы с берегов Тулвы, со всего левобережья среднего течения Камы в конце V в. н. э. вынуждены были уйти на правобережье Камы, вглубь удмуртских лесов, на территорию современных Шарканского, Воткинского, Дебесского, Игринского, Кезского и других районов Удмуртии, а также к соседним гляденовско-пракоми племенам и раствориться в их среде. Оставшаяся же на землях своих предков часть калмезов могла войти в состав пришлого населения. По этому случаю есть чрезвычайно интересный факт: на территории Удмуртии (в Сюмсинском районе среди калмезов) и на севере Пермского края у коми-пермяков сохранились этнотопонимы *Гайна*, а в среде пермской и северо-западной групп башкир встречается родоплеменная группа *гайна*,— значит, праудмуртская калмезская воршудно-родовая группа *гайна* вошла в состав формирования коми-пермяков (гляденовцев) и тюрко-башкир.

О переселении удмуртов с левобережья Камы на территорию современной Удмуртии говорит одно из легенд-преданий: «...На этой стороне Камы жил Ожмег. Раз он взял топор, долото, лопату и вышел из дома, из лутохи* сделал лодку и переправился через Каму на другую сторону, где ныне находится Вятская губерния. Из всей живности с собой он взял только любимую собаку. Шел Ожмег долго и очень быстро, что собака его не догоняла. Прибыв к устью реки Вотки он присел пообедать, затем лег отдохнуть: из-под земли слышится гул. А тут прибегает собака и спрашивает хозяина, куда ей прилечь. Ожмег ей ответил, что ей здесь нельзя отдыхать, что здесь будет завод (*Воткинский*), беги лучше вперед. Долго они искали нужное им место и наконец его нашли как раз на месте современной деревни Быги (Шарканский р-н). Здесь он встретил старика, живущего вдвоем с дочерью. Ожмег женился на

* Лутоха — липка, с которой снята кора, содрано лыко (Даль. 1881. Т. 2. С. 274).

ней, у них родились дети, род его размножился» (Ватка но Калмез 1971: 111).

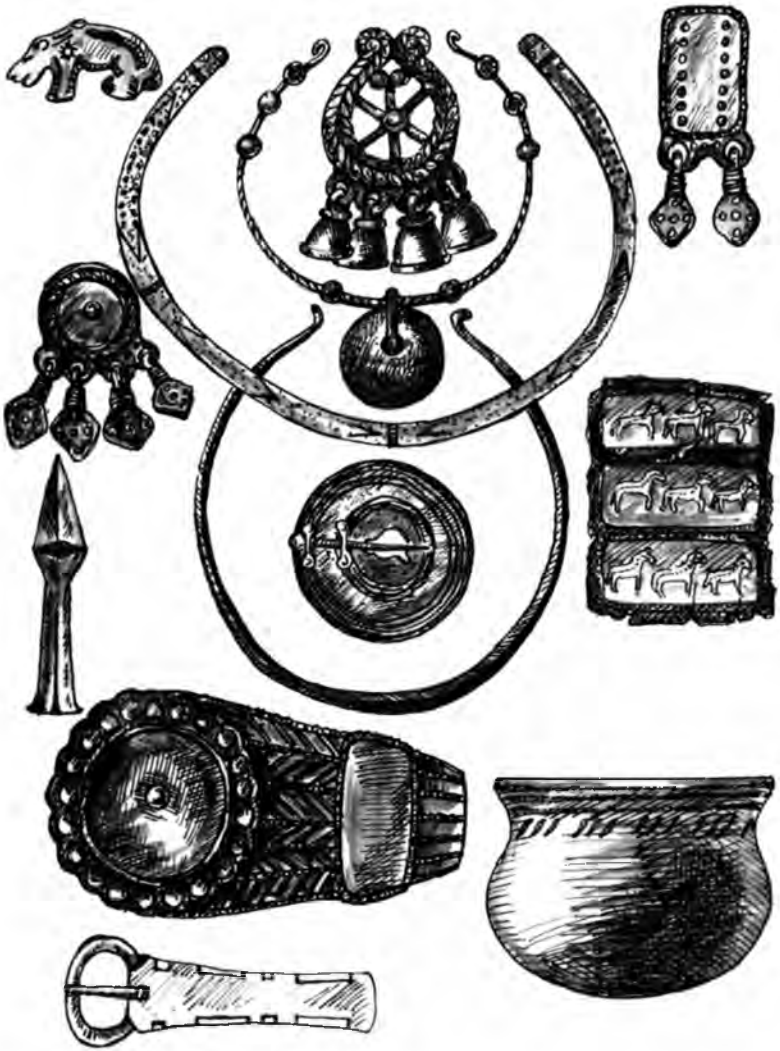
О том, что создателями осинско-красноярской культуры были калмезы, имеются также косвенные свидетельства: говоры жителей северо-восточных — Дебесского, Игринского, Шарканского, южной части Кезского районов — хотя и условно отнесены к северному наречию, они заметно отличаются как от нижнечепецких, так и среднечепецких говоров, на котором говорят удмурты Глазовского, Ярского, Балезинского, Юкаменского, северных частей Красногорского и Кезского районов; северо-восточные говоры северного наречия занимают как бы промежуточное положение между северным (ватка) наречием и срединным (калмезским) говором.

Именно на северной части этого региона существовала поломская культура, одним из создателей которой было осинско-красноярское население. Только в результате сильного наплыва сюда удмуртов-ватка с берегов Вятки, связанный с началом марийского, булгарского, русского колонизаций Волго-Вятского региона, говоры северо-восточной группы удмуртов начали приобретать черты северного наречия. Уникален в этом плане Шарканский район, где встречаются воршудно-родовые группы северноудмуртского (ватка), южноудмуртского, калмезского, арского происхождений. Все это смешение отразилось и в языке, и в костюмном комплексе, обычаях, обрядах, традициях домостроительстве шарканских, отчасти якшур-бодьинских удмуртов.

Крупные монографические исследования по осинско-красноярской культуре пока отсутствуют, но есть надежда, что археологи УдГУ и других вузов продолжат исследование среднекамских памятников и сделают серьезные научно обоснованные выводы по этногенетической основе создателей этой пока малоизученной культуры, об их дальнейшей судьбе, о роли их в этногенезе удмуртов.

4. 4. Худяковско-азелинская археологическая культура (III в. до н. э. — V в. н. э.) — часть пьяноборско-праудмуртской историко-культурной общности, занимала территорию Вятско-Волжско-Ветлужского региона.

Одни ученые вслед за В. Ф. Генингом продолжают ее называть *азелинской*, другие именуют *худяковской*; во избежание путаницы в наименованиях и в дань уважения старой и новой традиций, я называю ее *худяковско-азелинской*.

Украшения, хозяйственные и культовые вещи худяковско-азелинской культуры (*рис. Вал. Белых*)

До сих пор существует мнение, что в результате какой-то экологической катастрофы в нижнекамском и прилегающих к нему нижневятском, приволжском районах живущие здесь ананьинские племена в VI—V вв. до н. э. покинули свои древнейшие места жи-

тельства. Действительно, так оно, видно, и было, но какая-то часть людей осталась на старой родине. Полученные учеными-археологами Удмуртского государственного университета и других научных учреждений материалы позволяют утверждать, что вятское (не только оно, но и нижнекамское.— *М. А.*) население обитало на этой территории без какого-либо перерыва: ананьинские памятники сменялись другими вплоть до начала II тыс. н. э. Свидетельства постананьинского времени на Вятке выделены Р. Д. Голдиной в худяковскую культуру II в. до н. э. — V в. н. э. (Голдина 1987: 13—14).

Работы Л. И. Ашихминой, Е. М. Черных, Л. Д. Макарова, особенно Н. А. Лещинской, созданные в последние два десятилетия, позволяют найти прямую связь между ананьинскими и худяковскими древностями на Вятке (Голдина 1999: 229).

Все же здесь выстраиваются вопросы: почему распространение азелинско-худяковской культуры археологи ограничивают бассейном среднего и нижнего течения реки Вятки? Куда отнести такие азелинские памятники, как *Арзебелякский*, *Лушморский*, *Мари-Луговской* и другие на Марийском левобережье Волги, *Шор-Унжинский*, *Айшинский* на Волго-Вятском водоразделе, *Усть-Брыскинский*, *Нармонский*, *Рождественский V* и другие в низовьях Камы, *Сюкеевский*, *Тетюшский II* на правобережье Волги, напротив устья Камы?

Конечно, региональные отличия могут быть даже у каждого отдельно взятого памятника, тем не менее материалы всех этих могильников вместе с вятскими, по-моему глубокому убеждению, относятся к единой культуре, оставленной одним этносом — племенным объединением древних удмуртов — *ватка*.

В. Ф. Генинг в заключение своей монографии «История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху» (Ижевск, 1970) делает вывод: «В общем, создается впечатление, что ананьинское население резко разделилось на две группы (вероятно, на праудмуртов и пракоми.— *М. А.*), и внутри каждой из них в свою очередь произошло также разделение на две половины. В языке этих групп, по всей вероятности, происходил аналогичный процесс» (Генинг 1970: 210).

Действительно, если взять к примеру пермоязычные этносы удмуртов и коми,— то они состоят из двух «половин»: удмурты сформировались из двух крупных дуальных племенных объединений *ватка* и *калмез* с единой территорией с единым народным языком; пракоми родоплеменным группам не удалось объединиться

в единый этнос с единой территорией, как мы ныне видим, не удалось им создать и единый разговорный язык.

Что касается удмуртского этноса, по моему убеждению, разделение на две половины, на две дуальные группы произошло еще в более давние — доананьинские времена — в эпоху матриархата, когда существовала прафинно-угорская, возможно, и прауральская языковая общность, когда образовались первичные родовые племенные группы, в основе которых лежали тотемы. Следы дуальных объединений сохранились почти у всех финно-угорских народов.

Как не раз писали, племенное объединение *ватка* занимала территории Вятско-Волжско-Ветлужского бассейна с эпохи камня, а также в ананьинское, пьяноборское и последующие времена, вплоть до сегодняшнего дня; племенное объединение *калмез* сформировалось и до начала великого переселения народов жило на территории Среднекамско-Бельского бассейна.

Многие элементы в погребальном обряде худяковско-азелинского населения, украшения костюма находят прямые аналоги в культуре удмуртов-ватка как северной — нижнецепецкой группы, так и южной — арской. Например, *кенотафы* мне удалось увидеть у арских удмуртов во время этнографической экспедиции УдГУ в 1973 г.: в Кукморском районе Татарстана на кладбищах были символические «могилы» с небольшими деревянными памятниками, перед которыми стоял маленький столик, покрытый скатертью; могилы-кенотафы были посвящены родственникам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны.

Судя по черепам и конечностям коней, извлеченных из могил, в худяковско-азелинское время обряд *йыр-пыд сётон* был широко распространен, особенно у нижнекамской группы.

Характерный для худяковско-азелинского населения головной убор *такъя*, заимствованный у ираноязычных кочевников еще до появления тюрков в Поволжье, дожил до наших дней как девичий головной убор в среде арских удмуртов, а в среде нижнечепецких удмуртов-ватка он бытовал до 20-х годов XX в. Верхняя женская одежда с ложными рукавами азелинцы заимствовали также у ираноязычных соседей, скорее всего, алан — предков осетин, т. к. она бытует среди осетин и окружающих их народов Северного Кавказа, а у удмуртов — у арской и нижнечепецкой групп.

Бронзовые нагрудники с изображениями бегущих коней худяковско-азелинского населения находят прямые аналоги в костюме

удмуртов-ватка — *кабачи* (~ *муресазь*): на матерчатом нагруднике вышиты конские головы, смотрящие в разные стороны, а вышивка называется *вало-вало* «кони-кони» или «с конями, с конями»; подвески-коньки на бронзовых гребнях, подвески-уточки, прикрепленные к монисто или к фартуку, можно было встретить на свадебных нарядах женщин южной Удмуртии еще в 50-е годы XX в. Изображения коней стали составной частью народного искусства, украшениями костюма, прялок, деревянного зодчества удмуртов.

О начавшейся в азелинскую эпоху социальной стратификации общества есть свидетельства: наряду с бедными или безвещевыми погребениями, есть очень богатые — вождей родоплеменных групп, вождей-военачальников, возможно, торговцев пушниной, ремесленными изделиями и другими предметами, продуктами «личного подворья». Так, например, только из погребения 31 Суворовского могильника, исследованного В. Ф. Генингом, извлечены 3 шлема, 2 кольчуги, 4 меча, 9 топоров, 3 наконечника копья, 17 ножей и кинжалов, 7 уздечек, 119 наконечников стрел, оружие в виде косы-горбуши. Целая ремесленная мастерская поместилась в одной могиле! Умом современного человека такие затраты трудно понять. Но у каждой эпохи, у каждого этноса свои нравы, обычаи, традиции.

Археологи отмечают, что (худяковско-) азелинская культура свое дальнейшее развитие нашла в памятниках еманаевской культуры VI—IX вв. (История Удмуртии... 1997: 216). Но с таким утверждением можно согласиться лишь отчасти: все еманаевские памятники располагаются по среднему течению р. Вятки и по ее притокам, на территории Кировской области, а худяковско-азелинская культура занимала значительно большую территорию — нижние течения рек Камы, Вятки, Среднее Поволжье. Да, с приходом именьковцев праудмуртские родоплеменные группы были оттеснены с берегов Волги и Камы и с их крупных притоков, но они в далекую даль не ушли — обосновались по притокам более мелких рек, впадающих в ту же Волгу (реки Казанка, Илеть, Большая и Малая Кокшага, Ашит), в Каму (Меша), в Вятку (р. Шошма, Ошторма, Ошма) и по другим более мелким рекам, особенно на территории северо-западных прикамских, приволжских, привятских районов Татарии и Марий Эл.

На реке Казанке (л. пр. р. Волги) возник племенной центр арских удмуртов — *Арчакар* (рус. *Арск*) о котором говорили выше.

На Арской земле имеется масса памятников, особенно селища с лепной керамикой прикамского типа. В этом я воочию убедился,

побывав вместе с археологами в экспедиции. К сожалению, все памятники, особенно селища, здесь разрушены пахотой и постройками, в т. ч. и Арское городище-крепость.

Возникает вопрос: а куда отнести древнеудмуртские памятники Вятско-Волжского региона, расположенные южнее еманаевской культуры? Арской проблемой ныне никто всерьез не занимается; казанские археологи эту тему обходят стороной. Без решения арского вопроса, мне кажется, не может быть полноценно раскрыт этногенез удмуртов.

В арском регионе встречаются также географические названия удмуртского происхождения, особенно их много в самом центре — вокруг Арска и окружающих его местах. Довольно долго сохранялись пункты языческих молений под названием *Керемет*. В один из них, находящийся в 5 км от Арска в д. Казанбаш ары (удмурты) приходили вплоть до 1935 года (по воспоминаниям жителей деревни). Имеются языческие могильники под названием *ар зираты*, *чирмыш зираты* (удмуртские, марийские могильники). Следует заметить, что термин «*чирмыш*» у татар обозначает понятие «языческий, немусульманский», но необязательно марийский.

С Арской землей связана история еще одной из самых загадочных этносов Волго-Уральского региона — *бесермян*, которых русские источники называют *чувашой* или *чувашой арской*. В исторически обозримое время они жили по Зюрейской дороге (с. Зюри расположено в современном Мамадышском районе Татарии; дорога шла от Казани через Арск на Зюри, оттуда — к берегам р. Иж, через земли кукморских и граховских, алнашских удмуртов), иначе эту дорогу называли еще *Чувашской* — на нижних течениях Вятки, Камы, включая территорию северных районов Татарии, южных районов Удмуртии. Следы бесермян сохранились в языке кукморских, граховских, приижских удмуртов, в материалах переписей, некоторых преданиях южных удмуртов (подробнее см. в главе «Лингвистика»).

* * *

Итак, завершилась праудмуртская-пьяноборская эпоха — началось самостоятельное развитие языка и культуры древних удмуртов. Как и ананьинская эпоха, пьяноборский период в истории удмуртского народа занимает чрезвычайно важное место: это — платформа, фундамент удмуртского языка, истории, культуры.

Как отмечают антропологи, археологи, формирование прикамского морфологического пласта с преобладанием европейских черт в основном завершилось в пьяноборскую эпоху — к концу I тыс. до н. э. Чегандинцы — европеоиды с некоторой примесью монголоидности — напоминают по антропологическому облику современных удмуртов; наиболее близкими с племенами чегандинской культуры оказались создатели (худяковско-) азелинской культуры (Акимова 1961: 132—135; 1968: 34—37; Марк 1987: 46; Фаттахов 1982: 78—80; Голдина 2007: 17). Приблизительно такого же типа черепа, как у пьяноборско-азелинских племен, обнаружены на чепецких памятниках, например, в могильнике Мыдланьшай Глазовского района (Марк 1987: 46).

На формирование антропологического типа ананьинско-пьяноборского населения оказали влияние угры лесной зоны Западной Сибири, возможно, ираноязычные племена срубной культуры (Марк 1987: 44—46).

На мазунинском этапе чегандинской и последующих культур с началом великого переселения народов, в результате проникновения западносибирского населения, доля монголоидных признаков увеличивается: судя по Ижевскому, Покровскому, Чепанихинскому могильникам центральной части Удмуртии, увеличивается ширина черепной коробки, лицо становится шире и площе, носовые кости выступают сильнее. Такой тип встречается в среде центрально-восточных группах удмуртов (Шарканский, Якшур-Бодьинский, Завьяловский районы) (Фаттахов 1982: 79; Марк 1987: 45—46).

Тем не менее, как отмечают антропологи, основным этносом эпохи раннего средневековья территории Прикамья являлось местное население, уходящее своими корнями в пьяноборскую эпоху и более раннее время (Фаттахов 1982: 79).

5. Средневековые памятники Волго-Камья и судьбы древнеудмуртских родоплеменных групп

Эпоха великого переселения народов, начавшаяся в III в. и продолжившаяся до конца VII в. н. э., оказала огромное воздействие на судьбы всех племен и народов всего Евроазиатского континента. Ее начало связывают с экологическими причинами: похолоданием, в результате которого резко повысилась увлажненность почв, разрослись болота; в поисках удобных или сносных мест для жилья

население с тех критически несносных мест вынуждено было покинуть родные пепелища.

Одним из первых пришли в движение германские племена — *готы*: из Скандинавии переселились на территорию современной Польши, Германии, в начале III в. н. э. история их застает уже в Причерноморье; в бассейнах рек Дуная и Днестра они создали свое государство; в письменных источниках их страна называлась Готией (Седов 1994: 229—231).

Власть сильных, воинственных готов простиралась аж до Поволжья, по сведениям Иордана, в середине IV в. готы подчинили себе финно-угорские племена — *мерю*, *мордву*, *чудь*. Надо полагать, мощной, мобильной готской державе были подчинены славянские и другие племена юго-восточной и центральной частей Европы.

Археологические материалы, кажется, доказывают, что смешанное готско-славянское население в III—V вв. достигло Волго-Камья и в смешении с местными финно-уграми лесной зоны и ираноязычными кочевниками южнорусских степей создали именьковскую культуру (III—VII вв. н. э.), занимавшую огромную территорию: от реки Суры на западе до среднего течения реки Белой на востоке, от нижнего течения Камы на севере до Самарского Поволжья на юге. Именьковские племена оказали определенное влияние на арских (нижнекамских удмуртов) — носителей худяковско-азелинской культуры и на собственно южноудмуртские родоплеменные группы — носителей позднечегандинской (мазунинской) и верхнеутчанской культур. По моему убеждению, именьковцы не были единым этносом, с единым языком и культурой, это был конгломерат разных племенных групп, живших в середине I тыс. н. э. в лесостепных регионах Восточной Европы. Одними из этих племенных объединений, оставшихся в Поволжье и живших здесь вплоть до XVII в., были ираноязычные буртасы. В исторически обозримое время они переняли ислам и отюркизировались в языковом и культурном отношениях. А откуда наши бесермяне? Ведь они тоже в свое время жили в Нижнем Прикамье, почти что в соседстве с буртасами? Ответа пока нет.

Не только климатические, но и социально-экономические изменения в обществе, начавшиеся активным разложением родовых отношений и расслоением общества на богатых правителей и бедных общинников, рабов, наемных работников, воинов, расцветом военной демократии, влиянием богатых, могущественных держав, как Римская империя в Европе и во всем Средиземноморском бас-

сейне, как Иран, Китай, среднеазиатские цивилизации на востоке, рост численности населения, плюс экологические изменения, послужили причиной междоусобных войн, агрессий и дали большой толчок началу великого переселения народов Евразии.

Другим мощным эпицентром великого переселения стала Центральная Азия — Монголия и примыкающие к ней районы Маньчжурии, Забайкалья, Южной Сибири, Алтая, Казахстана, Средней Азии. Кочевые тюркоязычные племена хунну-гунны, подчинив ряд племен Центральной Азии, в III в. образовали свое первое государственное образование варварского типа. Бесконечные опустошительные военные походы принесли несметное богатство кагану, его окружению, военачальникам и даже рядовым воинам. С ростом мощной военизированной силы гунны начали подчинять одно племя за другим; совершали грабительские походы на Китай и другие богатые цивилизации Востока, Сибири, Средней Азии, вплоть Южного Урала.

Около 370 г. неисчислимые орды гуннов и подчиненные им монголо-, тюрко-, угро-, самоди-, ираноязычные племена вышли в поход на Запад, в Европу. Перейдя Волгу, они разгромили кочевой союз алан, захватили Крым, разгромили боспорское царство, разбили готов Причерноморья и двинулись в Центральную Европу. Натиск гуннов был остановлен только в 451 году: на Каталунских полях во Франции римлянам и их союзникам удалось разбить хорошо вооруженную, высоко дисциплинированную многочисленную кочевничью армию Аттилы. После его смерти в 453 г. гуннская держава быстро распалась.

Поход гуннов на Запад, в Европу, открыл зеленую дорогу последующим поколениям кочевников Азии. Эти лавы поглотили или оттеснили со своих путей предшественников — ираноязычных кочевников-номадов. Начиная с гуннов, во всех обширных степных пространствах, от границ Китая вплоть до Паннонии, зазвучала смешанная иранская, угорская, тюркская речь степняков-азиатов.

Оттесненные со своих территорий древние жители степей, лесостепей Сибири, Урала, Поволжья — угры, часть самодийцев, алан, отдельные группы тюрков, спасая свою жизнь, дошли до таежных районов Прикамья, Приуралья, где жили оседлые пермоязычные народы: земледельцы, животноводы, охотники, ремесленники. О пребывании пришлых племен — кочевников-воинов — говорят археологические памятники с курганными захоронениями, совершенные с традиционными для них обрядами. Их больше всего на

Урале, на территории Пермского края, Башкирии, выявлены даже на землях коми-зырян. На территории северной части Татарии, на самой границе с Удмуртией, изучены богатые Тураевские курганы пришлого населения.

На территории самой Удмуртии курганных захоронений пока не выявлено (кроме нескольких погребений на Варнинском могильнике, на Верхней Чепце), но имеется такой чрезвычайно интересный факт: южные удмурты (сведения получены в Граховском районе) все курганы, небольшие холмики, бугры, к которым когда-то прикоснулась рука человека, приписывают мифологизированным людям-великанам, которых называли *алангасарами*: после дождя к обуви (лаптям) великана-увальня прилипла глина, он стряхнул ее с ног, и образовались тогда горы, холмы, курганы. А сам термин *алангасар* некоторые ученые расшифровывают как *алан* + *гасар* ~ *хазар*.

Если вникнуть в историю, действительно, аланы и хазары — кочевники — жили в соседстве, более того, когда образовался Хазарский каганат, аланы служили в хазарской армии, они стали собирателями дани с подвластных народов; *буртасы* — одна из близкородственных аланам этнических групп, оставшихся в Поволжье в среде тюрков и финно-угров (мордовских племен).

Как считают некоторые археологи, миграции групп степного и лесостепного населения в Прикамье, а также разносторонние контакты эпохи переселения народов оказали огромное влияние на местное пермское население, активно стимулируя развитие хозяйства, металлообработки и военного дела, способствуя развитию торгового обмена, обоюдно обогащая материальную и духовную культуры, инициируя углубление социальной стратификации и выделение военизированной верхушки общины (История Удмуртии... 2007: 225).

С этим выводом трудно согласиться. Во-первых, под напором бесчисленных пришельцев как с Востока, Азии, так и с Запада, Европы, древнеудмуртские родоплеменные группы были оттеснены с берегов Камы, Волги, Белой и их крупных притоков, удобных для жизнедеятельности людей. Из хозяев родной земли они превратились в беженцев — вынуждены были уйти вглубь таежных лесов нечерноземной Удмуртии и болотистого Вятского края, стали изгоями на родной земле, данниками. Разве можно сравнить масштабы караабызских, чегандинских памятников со свидетельствами времен великого переселения народов и возникших после нее, на-

пример, верхнеутчанской, чумойтлинской культур на юге Удмуртии, постазелинских культур на Вятке — мизерные городища-убежища с маленьким культурным слоем или могильники с 20—50 захоронениями?

Исчезли в небытие создатели осинско-красноярской культуры; печальна история создателей приволжско-нижнекамского варианта пьяноборско-азелинской культуры; а где же продолжатели чегандинцев-мазунинцев? В конце I тыс. н. э. растворились в иноязычной среде потомки ананьинско-пьяноборского населения — бахмутинцы,— на территории Башкирии не осталось ни одного удмуртского населенного пункта.

Еще до выхода в свет данного труда академического учреждения в своем научном докладе «Топонимические пласты Камско-Вятского междуречья в контексте формирования этнической территории удмуртов» (Йошкар-Ола, 1996) я отметил:

«...полоса спада в общественном и культурном развитии местных племен началась со времени великого переселения народов, когда под напором многочисленных пришельцев азиатских степей и племен Сибири (судя по современным публикациям, следует еще добавить: готско-славянских племен с запада.— *М. А.*), в середине I тыс. н. э. значительная часть праудмуртских родоплеменных групп вынуждена была уйти из обжитых южных территорий в более северные малообжитые таежные районы. В это время заселяется вся территория бассейна Чепцы (находящаяся за линией произрастания дуба), Кильмези, Валы, а также Ижа, Тоймы, Сивы и других правобережных притоков Камы.

Во второй половине I тыс. н. э. основная масса древнеудмуртских племен сосредоточивается в бассейне Вятки, хотя до начала II тыс. н. э. в бассейне Белой — в северо-западных районах Башкирии, а также в примыкающих к ним юго-восточных районах Удмуртии — продолжали жить многие воршудно-родовые группы удмуртов. К концу I тыс. н. э. с приходом булгар в Волго-Камье, древнебашкирских племен в Западное Приуралье границы расселения древних удмуртов начинают еще более сужаться. Основная масса бахмутинско-мазунинских племен северо-западных районов Башкирии была ассимилирована пришлыми тюрками, а часть отошла в другие удмуртские регионы. В начале II тыс. н. э. под напором тюркской и славянской колонизаций Поволжья к р. Вятке вышли марийские племена, оттеснив правобережных удмуртов на левобережье Вятки. В конце XII — начале XIII в.

на средней Вятке, в гуще удмуртских поселений появились первые укрепленные поселения русских. В это время был разрушен племенной центр удмуртов, расположенный в устье р. Чепцы» (Атаманов 1996: 51).

Для объективности, следует признать, что ни одно племя, ни один народ никогда пришельцев-колонизаторов не встречал с хлебом-солью, а по силе возможности боролся, как мог: применяли жгучие стрелы, кидали булыжники, выпускали бумеранги или, как Иван Сусанин, заводили в такие дебри, что оттуда едва ли выберешься. Взять хотя бы Америку периода ее завоевания испанцами, англичанами и прочими белокожими завоевателями, хоть Африку или Азию с Индией, Индонезией, Шри-Ланкой, хоть Австралию и другие регионы земного шара — везде шла борьба-война с колонизаторами за родную землю, за свою свободу и независимость. Это естественный процесс, потому что захватчики чужих территорий — это враги, а с врагами каждый по силе своей возможности борется, нет хороших колонизаторов, все они одного духа.

И наши предки боролись, как могли, об этом свидетельствуют археологические материалы: групповые захоронения, погребения без черепов, без рук или ног. Но силы были слишком неравны, поэтому они выбирали другой путь: уходили вглубь дремучих лесов, в малодоступные для чужеземцев места — пока была тайга, пока лес не был вырублен и не были проложены пути-дороги для сбора хараджа-ясака-дани. При булгарах, при Золотой Орде и Казанском ханстве были проложены Арская (Удмуртская) и Зюрейская (Чувашская, точнее Бесермянская) дороги, ведущие вглубь удмуртских земель; после присоединения удмуртских земель к Московской Руси проложили дороги через северную, центральную, южную части Удмуртии, ведущие на Урал, в Сибирь. Наладился сбор разных, неимоверно тяжелых налогов.

О восстаниях арских людей (удмуртов) и черемис (марийцев) после захвата Арска войсками Ивана Грозного и падения Казани известно по многим русским историческим документам и рассказам очевидцев тех событий. Оставшиеся в живых после семилетнего Арского восстания бежали на территории современной Удмуртии, Башкирии, Пермского края и здесь присоединялись к восстаниям, поднимаемых совместно с ханты, манси, марийцами, ногайцами, башкирами, против захвата горнозаводчиками Строгановыми прикамско-приуральских земель, боролись за свою свободу, чтобы не платить неимоверно тяжелую дань в чужую казну.

Действительно, жизнь — борьба, каждый человек, каждый народ жаждет свободы, воли, справедливости, достойной жизни на родной Богом данной земле, а жизнь человеку дается только один раз и на такое короткое время! Ученому-гуманисту важно честно, без предвзятостей, без унижений писать историю каждого народа.

И вновь вернемся к археологическим культурам, теперь уже к относящимся к эпохе раннего средневековья — эпохе великого переселения народов.

5. 1. Бахмутинская археологическая культура (V—VII вв. н. э.) формировалась на территории северо-западных районов Башкирии в эпоху великого переселения народов на основе местных близкородственных караабызских и чегандинских культур, создателями которых были члены племенного союза праудмуртов — *калмез*.

Известно 60 городищ, 200 селищ и несколько могильников этой культуры. Ни по одной археологической культуре Камско-Уральского региона, кроме именьковской, нет такой путаницы, как по этой: левобережные прикамские, прибельские памятники называют бахмутинскими, а правобережные — мазунинскими; одни археологи бахмутино считают вариантом мазунино, другие, наоборот, мазунино — вариантом чегандинской культуры или бахмутино, третьи пытаются объединить их в единую культуру. Думаю, время покажет, кто прав. На данном этапе я придерживаюсь точки зрения Р. Д. Голдиной: она вполне логично, опираясь на огромный фактический материал, обосновывает свою точку зрения: «Учитывая, что бахмутинские памятники близки к чегандинским и караабызским, почти никто не сомневается в принадлежности их к пермянам. Мне кажется, что настало время уверенно отождествлять их не только с пермским населением, но и более конкретно — с древнеудмуртским (Голдина 1999: 309).

Отмечу, из всех создателей древнеудмуртских археологических культур в период великого переселения народов наиболее сильный удар получили осинцы (-красноярцы) и бахмутинцы: первые вообще вынуждены были покинуть свою территорию, а вторые — значительная их часть — переселились к своим родным этническим собратьям, ушли за р. Каму, оставшиеся люди, испытав сильнейший прессинг со стороны пришельцев — турбаслинских, романовских, кушнаренковских, караякуповских,— ирано-, тюрко-, угроязычных племен — постепенно начали ассимилироваться в их среде. Антро-

пологический материал — яркое свидетельство тому: ассимилировав в своей среде значительное число древнеудмуртских групп, северо-западные башкиры более «европеизировались», стали значительно отличаться от южных и восточных собратьев; по антропологическому типу они сблизились с юго-восточными удмуртами.

К VII—VIII вв. н. э. древнеудмуртское бахмутинское население с бассейна р. Белой полностью исчезло; вторично территорию современной Башкирии удмуртские воршудно-родовые группы вновь начали заселять с конца XVI в., после падения Арского княжества и Казанского ханства, совпавшее с началом массовой колонизации Вятской земли русским населением.

5. 2. Верхнеутчанская археологическая культура (VI—IX вв. н. э.) распространена в Камско-Вятском междуречье на территориях южной части Удмуртии и прилегающих к ней северных, прикамских районов Татарии,— елабужско-пьяноборском кусте. Известно около 100 памятников: городища, селища и один могильник — Петропавловский — в Алнашском районе.

В эту тревожную, нестабильную эпоху, связанную с великим переселением народов, шло формирование верхнеутчанской культуры, в формировании которой участвовали потомки ананьинско-пьяноборского населения — чегандинцы, караабызцы, особенно мазунинцы и остатки древнейшего населения, жившего на Елабужском и других ананьинских городищах.

В то же время на ее территорию в районе д. Тураево современного Менделеевского района Татарии проникло чужеродное, воинственное население с курганным обрядом захоронения. Но этот обряд не ужился, вскоре пришельцы ушли в другие края или же ассимилировались в древнеудмуртской среде.

Со стороны Волги и Нижней Камы в направлении к Елабуге от одного древнеудмуртского городища, селища до другого, выселяя местное население или же уживаясь с ней и постепенно ассимилируясь, передвигались именьковцы, выходцы с территории современной Украины, как говорят наши археологи, гото-славяне.

Навстречу к именьковцам с востока шли кушнаренковские, караякуповские племена — кочевники лесостепных районов Западной Сибири, предки нынешних мадьяр, возможно, и их обские собратья по языку — предки современных ханты, манси. Как уже отметили выше, с братьями-уграми древние удмурты активно кон-

тактировали уже многие столетия (в караабызскую эпоху) на территории центральной Башкирии.

Интенсивные контакты древнеудмуртских родоплеменных групп с протомадьярами на территориях Башкирии, южной Удмуртии, Татарии отразились не только на археологических материалах, но и в области лексики, морфологии двух родственных этнических групп. Ряд лексем венгерского языка считаются пермскими заимствованиями, например: венг. *kenyér* 'хлеб' // удм. *кеньыр* 'крупа'; венг. *küszöb* 'порог двери' // удм. *кусып* 'промежуток; проулок, переулок'; *öс кусып* 'порог двери' (*öс* 'дверь'); венг. *ezüst* 'серебро' // удм. *азвесь* 'тж' / коми *эзысь* 'тж' и др.

Результатом общей тенденции пермских и венгерского языков стали также структурные изменения, такие как выпадение интервокальных смычных, перестройка сочетаний *-nt*, *-md*, изменение геминат, развитие противопоставления глухих и звонких в анлауте за счет озвончения части исконно глухих, выработка единого инфинитивного показателя: венг. *-ni*, удм. *-(ы)ны* (южн. *-(ы)н*, сред. калмезск. *-ны*), коми *-ны*: венг. *tudni*, удм. *тодыны* (диал. *тодын, тодны*), коми *тодны* «знать» и др. (Molnar 1978: 45—49; Хайду 1985: 194; Ляшев 1987: 104; ОФУЯ 1976: 99).

К моменту прихода правенгров в Прикамье этноязыковая общность пермских народов давно уже распалась. Судя по фонетическому оформлению и семантике пермских заимствований, венгерские примеры более близки к удмуртским, чем к коми оригиналам.

Казанские и венгерские археологи обращают серьезное внимание на погребения в масках из эпохи великого переселения народов на территории Камско-Уральского бассейна и Паннонии и связывают их с протовенграми. С каким этносом связаны погребения в масках, точно сказать в наши дни трудно, но хочу обратить внимание на такие фразеологические обороты из удмуртского языка, связанных с маской, как *сурон бам* «кожаное лицо», т. е. на лицо одета кожаная маска, или *туй бам* «берестяное лицо», т. е. на лицо одета маска из бересты. Что важно: в обоих случаях данный фразеологизм расшифровывается как «бессовестный человек, потерявший стыд, совесть, человеческое приличие»; выражение *баме сурон лякыны* «приклеить на лицо кожу» у южных удмуртов — то же самое, близко к современному понятию — надеть на лицо черную маску.

Маски для древних удмуртов были чужды, в своих воспоминаниях наши современники связывают этот обычай с чужими этническими группами. Не случайно древнеудмуртское земле-

дельческое население вынуждено было уйти с благодатных мест — с берегов крупных рек — и скрываться от пришельцев в таежных просторах Камско-Вятского междуречья — тюрки ли наступали, угры ли, ираноязычны ли были эти кочевники, или это гото-славянское земледельческое население, не важно, известно только, что они пришли не с миром и не по приглашению автохтонного населения. Самые богатые погребения в Камско-Приуральском регионе — это кочевничьи курганы.

В начале VII в. обычай сооружения курганов и курганный тип захоронений, привнесенный кочевниками в Прикамско-Приуральский регион, исчез: пришлые кочевничьи племена отчасти ушли с этой территории, а часть ассимилировалась в среде местных племен.

В VII—VIII вв. из степных районов Подонья в Волго-Камье переселились кочевники-булгары. С их приходом исчезли именьковцы — гото-славяне, кушнаренковцы (протовенгры) ушли на запад, а оставшаяся часть ассимилировалась в среде булгар и других народов этого многонационального региона. Вместе с мадьярскими племенами в то время насильно, а может быть, сами добровольно, ушли таинственные *бесермяне*, жившие в Нижнем Прикамье, в районе современных городов Казани, Арска, Мамадыша, Чистополя, Набережных Челнов, Елабуги — от устья Камы до устьев рек Иж и Ик — в среде носителей верхнеутчанской культуры (собственно южные группы удмуртов) и постазелинско-худяковских (арской, особенно кукморско-мамадышской) групп древних удмуртов.

О той сложнейшей истории древних венгров и о связях их с Волго-Уральским регионом могут свидетельствовать названия географических объектов Венгрии, связанные с этнонимом *бесермян*, ср.: город *Hajdúböszömöny*, деревня *Berekböszörmény*, одна из улиц Будапешта носит название *Böszörmen-ut* (см.: Зеленин 1904: 116—119; Трефилов 1967: 310—318; Тепляшина 1970: 177—188).

С другой стороны, существует такой интереснейший факт: не все родоплеменные группы мадьярского союза племен ушли в южнорусские степи, а оттуда — в Паннонию, а какая-то часть осталась в Волго-Камье. Об этом свидетельствуют прикамские археологические памятники с кушнаренковской (протомадьярской) керамикой, могильники с характерными для древних мадьяр обрядами погребения. Например, Большетиганский могильник VIII—IX вв. н. э. в Нижнем Прикамье российские археологи единодушно связывают с уграми-мадьярами.

Общеизвестно, в 1235—1236 годах в поисках древней родины мадьяр в Волго-Камский регион прибыл венгерский монах-доминиканец Юлиан, и в двух днях пути от большого булгарского города (по тем древним дорогам за два дня можно было пройти не более 50—60 км.— *М. А.*) он встретил своих соплеменников, говорящих на венгерском языке. Никаких свидетельств об их переселении в Паннонию к своим родственникам не сохранилось, скорее всего они растворились в среде булгар, возможно, и в среде носителей верхнеутчанской и последующей за ней чумойтлинской культуры — древних удмуртов. Об этом есть и косвенные свидетельства: этнонимы, топонимы.

Одну из крупных этнолингвистических групп казанских татар — *мишар* — старорусские письменные источники, наряду с широко употребляющимися терминами *мишар* или *мещеряк* (связь последнего этнонима с древним финно-угорским этнонимом *мещера* следует еще выяснить) изредка именуют еще *можар*, *мажар*, *мозяр*. Собственно и сами казанские татары своих современных родственников по языку и религии именуют *мишәр*, *мачар* (Ахметьянов 1978: 131). Удмурты эту группу казанских татар раньше называли *мешер:* в Удмуртии два населенных пункта носят название *Мешер* — в Граховском и Завьяловском районах, в обоих случаях они официально записаны *Мещеряково*.

Данная этнолингвистическая группа нередко противопоставляет себя казанским татарам и именует себя *мишәр*, хотя в официальных документах все они записаны татарами.

Татарский языковед Р. Г Ахметьянов пришел к выводу: «Языковые данные подтверждают гипотезу об угорском субстрате мишарей и дают основание говорить о большой роли угров в сложении булгарского и древнетатарского этноса в целом» (Ахметьянов 1978: 198—199). По мнению венгерского ученого Ю. Ф. Немета, «Исследователи, утверждающие происхождение *mišer* и *magyar* (т. е. *magyer*), правы» (Немет 1971: 256).

В решении этногенетических проблем удмуртского народа первыми помощниками являются воршудно-родовые группы, ведущие свое начало из той далекой эпохи, когда существовал еще уральский праязык, когда появились религиозные воззрения, связанные с тотемизмом. Конечно же, сохранившиеся до недавнего времени 70 воршудно-родовых подразделений разновозрастны, но истоки их восходят к древнейшим временам; среди них есть иноязычные, например, воршудные группы *Эгра* (<*йэгра*), *Пурга* <**порга* (< *пор*

+ *-га*), *Можга* (< *мось* + *-га*) — обско-угорского происхождения; пратерритория воршудных групп *Эгра* и *Пурга* находится на севере Удмуртии, в бассейне реки Чепцы, а воршудная группа *Можга* совершенно не встречается среди северных удмуртов-ватка. Данная весьма многочисленная воршудно-родовая группа расселена среди удмуртов-калмезов в бассейне рек Вала, Кильмезь, Иж и в Закамье — в Башкирии, Пермском крае.

Происхождение воршудного названия *Можга* (в д. Позырес Куединского района Пермского края зафиксирована форма *Моська*) вслед за Т. И. Тепляшиной я связываю с фратриальным названием угров *мощ*, формант *-га* появился в удмуртоязычной среде под влиянием воршудных имен, часть которых оформлена этим аффиксом: *Дурга, Урга, Коньга, Пельга, Нылга, Эбга.*

Какая-то часть угорского населения, принадлежащая к фратриальному объединению *мощ* могла ассимилироваться в среде пьяноборского (как в среде караабызского, так и чегандинского круга калмезов) населения еще на территории Башкирии; а потом вслед за отступавшими на территорию современной Удмуртии калмезами могла попасть в бассейны рек Кильмезь, Вала. Именно на территории одной из родовых гнезд воршудного объединения *Можга-выл* находится Чумойтлинское жертвенное место, напоминающее охотничьи жертвенные места обских угров (в те древние времена подобные жертвенные места могли быть и у их ближайших родственников — мадьярских племен).

Среди удмуртов-калмезов есть селение под названием *Мадьяргурт* (*Мадьярово* — в Селтинском районе), но ее название напрямую я не связываю с мадьярами-венграми, ибо это отантропонимический топоним, а в языческом именнике южных удмуртов часто встречалось имя *Мадьяр*; среди калмезов же и ныне существует фамилия Мадьяров; к слову, и в среде башкир бытует эта фамилия.

О наличии топонимов венгерского происхождения в Камско-Уральском регионе, особенно на территории Башкирии, многие десятилетия идут уже дебаты. Одни ученые приводят десятки географических названий, расшифровывающихся с помощью венгерского языка (Я. Янко, Д. Паулер, Г Надь, Д. Немет, Л. Рашони, Д. Г Киекбаев, А. А. Камалов, С. Ф. Миржанова, Ф. Г Хисамитдинова и др.), а другие исследователи отрицают наличие венгерских топонимов в Башкирии и общих племенных названий у венгров и башкир (Б. Мункачи, А. Барта, А. Рона-Таш, Д. Мессараш, И. Вашари, Б. Серебренников и др.): почти

один к одному — половина говорит «да», а другая — «нет». Такова жизнь науки...

В этом вопросе позитивную позицию занимает молодой венгерский ученый Габор Дьёни, недавно защитивший кандидатскую диссертацию по теме «Протовенгры на Урале в первом тысячелетии нашей эры в российской и венгерской историографии» (Екатеринбург, 2007. 254 с.), получивший высокую оценку ведущего топонимиста страны А. К. Матвеева (Матвеев 2008. С. 188—191).

В результате многолетних, кропотливых трудов, поисков Г Дьёни пришел к выводу: «...есть достаточно много топонимов, которые можно связывать с венграми, и они концентрируются прежде всего в северной Башкирии» (Дьёни 2008: 44). Опираясь на обширный лингвистический, археологический, историко-этнографический, фольклорный материалы, молодой ученый заключает: «Ко времени появления башкир венгры в основном уже покинули территорию Башкирии, оставались небольшие группы, сохранившие и передавшие географические названия, но их судьбой стала этническая ассимиляция. Эти выводы практически совпадают с выводами Б. А. Серебренникова по башкирско-мадьярской проблеме. Наличие венгерской топонимии в Башкирии поддерживает гипотезу о том, что до IX в. венгерская прародина была именно в Башкирии, точнее, в регионе Волга—Урал, включающем в себя и историческую, и современную Башкирию. Таким образом, мы вновь возвращаемся к концепции Д. Немета» (*Там же.* С. 46—47).

Известный топонимист России А. К. Матвеев на отзыве диссертации Габора Дьёни делает ценные замечания, с которыми невозможно не согласиться: прямое сравнение современной и средневековой венгерской топонимии с протовенгерской встречает большие трудности, во-первых, географическая среда Урала и Венгрии различна; во-вторых, уральские протовенгры вряд ли говорили на том же наречии, что и их сородичи, ушедшие на Дунай. У них могли быть свои диалект или диалекты. Кроме того, за время раздельного существования речь обоих субэтносов могла испытать множественные влияния со стороны языков, контактировавших с ними народов, а также сама продолжала спонтанно изменяться, поскольку развитие является формой существования языка. Следует иметь в виду и специфику освоения топонимического субстрата... «Поиски протовенгерского топонимического субстрата в южной части Среднего Урала и в Башкирии должны быть продолжены, но они связаны с большими проблемами, поскольку древние топоними-

ческие системы здесь разрушены в результате неоднократных смен населения и тюркизации на заключительном этапе, а она способна в корне изменить звучание и структуру древних имен» (Матвеев 2008. С. 190).

До сего дня никто — ни удмуртские, ни венгерские, ни профессор А. К. Матвеев и его ученики из уральской школы топонимистов — не пытался выискивать какие-нибудь остатки топонимов венгерского происхождения на территории Удмуртии. А если вспоминают об уральской прародине родственных по языку мадьяр, то это, вроде бы, нашей маленькой Удмуртии никак и не касается: жили-были наши далекие родственники — воинственные кочевники-мадьяры, наверное, где-нибудь в степях Башкирии или Зауралья, Оренбургской или Челябинской областях, в Самарской равнине. Рядовым ученым до этого и дела нет, своих проблем хватает...

Хотя вопрос о вторичных контактах древних венгров и пермян чуть-чуть интересует и с той, и с этой стороны. Но в данном случае абсолютно отсутствует четкость, логичность.

В результате многолетних трудов археологов выясняется: исходным пунктом создателей раннекочевнических культур на территории центральной и северо-западной частей Башкирии — гафурийской (гафурийско-убаларской) и кушнаренковско-караякуповской — была протомадьярская саргатская археологическая культура, распространенная в Западной Сибири.

В VI—VII вв., по данным удмуртских археологов, в бассейн р. Белой из Западной Сибири переселилось угорское население, создавшее кушнаренковскую культуру. Под напором прибывающих кочевничьих орд бахмутинское (древнеудмуртское) население стало уходить на правобережье Камы, а за ними шла часть кушнаренковцев-протовенгров: на 8 древнеудмуртских памятниках прикамской Удмуртии, где была распространена верхнеутчанская археологическая культура, найдена оригинальная посуда кушнаренковско-караякуповского типа. Пришлые протовенгры активно контактировали с носителями верхнеутчанской культуры, т. е. с древними удмуртами. Без сомнения, эти активные контакты приводили и к ассимиляции части протовенгров в среде верхнеутчанского населения. Такие контакты могли отразиться в материалах ономастики, в частности в названиях географических объектов Удмуртии.

* * *

В одной странной публикации — *Бахши Иман. Джагфар тарихы. Свод булгарских летописей 1680 года. Т. I* (Оренбург, 1993), которую часть ученых приняла в штыки, говорится о встрече булгар с удмуртами (в книге они названы *арами*) (вопреки своим недоброжелательным оппонентам обоих лагерей, я хочу привести краткую выжимку их этой легенды татарского краеведа, любая публикация имеет право на жизнь):

«...Пока враги Булгарии не опомнились, Джилки стал расширять пределы своего государства... А Бел с 400 стрелками-пехотинцами прошел по правому берегу Кара-Идели (? Кама.— *М. А.*) до Тукрантау... Внезапно из леса появился воинский отряд, его предводитель сказал ему: «Я — арский бий Кудей, хозяин этих мест, а ты кто и зачем ко мне пожаловал?» Бел назвал себя и предложил гостю отведать его угощения. Тот вместе со своими людьми поел, попил *арчи* и спросил: «Ты, наверное, пришел за данью? Так я уже плачу буртасам!» — «Нет,— сказал Бел.— Я просто определяю рубежи Булгара, а если ты не наш данник, то уйду прочь». Тогда пораженный *ар* воскликнул: «Разные племена были нашими соседями, но все они требовали от нас только дани. А булгарский бий не только ограбил меня, но угостил и развеселил арчей. Поэтому отныне я буду подчиняться кану Булгара, а наше племя — в память о царском угощении — назовется «арча» (Бахши Иман 1993: 38—39).

У любой сказки, как и этой, без сомнения, есть реальная основа: южные удмурты, носители худяковско-азелинской (арская — камско-волжская группа) и верхнеутчанской, позже — чумойтлинской культур стали данниками вновь образованного Булгарского государства. Так, известный Абу Хамид ал-Гарнати, побывавший в 1135—1136 годах Волжско-Камской Булгарии писал: «...и выше этой страны (Булгарии.— *М. А.*) обитают люди, которым нет числа, они платят *джизью* (подушную подать) царю булгар. А у него (Булгара) есть область, жители которой платят *харадж* (поземельный налог), между ними и Булгарам месяц пути, называют ее *Вису*. И есть другая область, которую называют *Ару*, в ней охотятся на бобров и горностаев и превосходных белок. И идут от них чрезвычайно хорошие шкуры бобров» (*Абу Хамид ал-Гарнати, 1135—1136 гг.* // Гришкина 1994).

На рубеже IX—X вв. в Среднем Поволжье сложилось государство Волжско-Камская Булгария. К этому времени основная масса кушнаренковцев-мадьяр и именьковское население ушли из Повол-

жья, отчасти ассимилировались в среде булгар. Автохтонное, древнеудмуртское население продолжало жить на этой же территории, об этом свидетельствуют археологические памятники Булгарии: почти на всех из них присутствует местная керамика с толченой ракушкой, украшенная оттисками шнура и без него.

В VIII—IX вв. из Северной Удмуртии носители поломской культуры, из Пермского края носители ломоватовской, неволинской культур в большом количестве переселились в Нижнее Прикамье в центр поселения булгар. Как отмечают некоторые исследователи, местное население по своему количеству не уступало пришлому булгарскому этносу. Только благодаря принятию ислама этническая пестрота начала исчезать: булгарский язык и культура победили в большей части Булгарии, а на периферии слабо централизованного государства сохранились булгары-язычники, из которых формировались современные чуваши, может быть, и бесермяне.

Одна из этнических групп Булгарии, которая ныне известна под именем *бесермяне*, живя в смешении с южноудмуртскими группами, перешла на удмуртский язык общения, оставалась также в язычестве с определенным влиянием ислама. И этот факт свидетельствует о том, какую роль играли удмурты, их язык и культура в Булгарии, если и они, булгары, ассимилировались в среде коренных, древнейших жителей края — удмуртов. Об интенсивных контактах местного, древнеудмуртского и пришлого, булгарского народов говорят языковые данные: в удмуртском языке зафиксировано более 200 булгаро-чувашских заимствований, а в булгаро-чувашском имеются удмуртские заимствования (Тараканов 1982: 145—173).

Мирное сожительство удмуртов (*аров* — как их называли булгары) и булгар (*бигеров* — как их называли удмурты) полностью нарушилось после вторжения и разрушения Булгарии татаро-монгольскими ордами: в 1236 году пал, был сожжен город Булгар; очень много булгар пало в боях, оставшиеся в живых были уведены в плен, многие бежали восвояси; города, селения были сожжены, разрушены; до наших дней в целости не сохранился ни один булгарский город. Язык булгарского типа сохранился только в среде чуваш. Со временем на территории Булгарии победил татарский язык, принадлежащий к кипчакской группе. Разгромленная Волжская Булгария — ее земли, а также уцелевшее на лесной периферии население — была подчинена Золотой Орде — татаро-монгольскому государственному образованию. Южные удмурты, возможно и калмезы, стали данниками Золотой Орды, позднее — Казанского ханства.

5. 3. Чумойтлинская археологическая культура (X—XIV вв.) сформировалась к концу I тыс. н. э. на основе верхнеутчанской культуры, на той же самой территории — по правобережным притокам нижнего течения р. Камы — по Тойме, Ижу, Вале и по их притокам. Это был период окончательного формирования собственно южноудмуртской этнодиалектной группы. Древнюю этническую основу южных удмуртов, создателей верхнеутчанской и последующей за ней чумойтлинской культуры, составили воршудно-родовые группы калмезского племенного объединения, потомки создателей караабызской, чегандинской, бахмутинско-мазунинской культур, входящие в пьяноборскую культурно-историческую общность. В формировании собственно южноудмуртской группы участвовали выходцы и с Арской земли, и, вероятно, с территории центральной части Булгарии удмурты-ватка, не исключено, к этому причастны какие-то группы осинско-красноярского населения — калмезы, возможно, и кушнаренковско-караякуповское (угорское), отчасти именьковское (скорее всего, ираноязычное) население, а также, без сомнения, бесермяне.

Именно в этой многонациональной этноконтактной зоне шло формирование собственно южноудмуртской этнодиалектной группы; именно здесь сформировался этноним «*удмурт*» — ираноязычного происхождения: *уд* + *морт*, данный, вероятней всего, аланами и их ближайшими родственниками — буртасами.

Начиная с эпохи великого переселения народов жизнь формирующегося удмуртского этноса была крайне сложной и тяжелой. Как пишет Р. Д. Голдина, постоянная угроза нападения — приток нового населения: угры, славяне, булгары, кочевники-тюрки — заставляла население искать более укромные места и уходить подальше от русел даже небольших рек. Нередко местное население вынуждено было жить в сокрытых в глухом лесу, в неизвестных избушках — *схронах*, т. к. при осаде врагов деревянные стены, земляные валы городищ при совершенствованных способах осады уже не спасали — городища уже не возводились. На старых городищах размещали металлообрабатывающие мастерские, предполагая, видимо, что духи предков старого поселения помогут в этом сложном деле (Голдина 1999: 297).

Но в данном случае хочу обратить внимание на жертвенное место возле д. Чумойтло в Можгинском районе (вблизи г. Можги), обнаруженное в 1973 г. Р. Г Кабировым и исследованное в 1976 г. Р. Д. Голдиной. Меня, неплохо знающего обычаи, обряды, веро-

Металлические изделия чумойтлинской культуры
(*по Т К. Юшиной и Р Д. Голдиной*)

вания родного народа, факт наличия огромного количества костей диких животных, с одной стороны, а с другой — ничтожно малого количества костей домашних животных, а еще наличия большого количества железных наконечников стрел, заготовок стрел, керамики разноэтнического происхождения наводит на мысль, что данное жертвенное место не чисто удмуртского происхождения.

По определению А. Г Петренко, из 60 тысяч сырых, не обожженных костей кости лося составили 72,48%, северного оленя — 16%,

бобра — 3,1%, медведя — 2,25%; немногочисленны кости косули, барсука, лисы, куницы, свиньи, *лошади, мелкого и крупного рогатого скота* — 6,17 % (разрядка наша.— *М. А.*) (Голдина 1999: 299).

Удмурты — оседлый земледельческий народ с развитым домашним животноводством; охота и рыболовство играли подсобную роль, поэтому удмурты в жертву Богу приносили исключительно домашних животных и птиц: жеребят, бычков, баранов, всегда — уток, реже — гусей, а еще реже — промысловых птиц: рябчиков, тетеревов, глухарей и рыб — форель, хариуса, щуку, сазана.

В зависимости от моления — кому, какому божеству приносится жертва — и по указке *туно* — ворожеи-шамана — все кости животных сжигались или частично закапывались в землю. С другой стороны, наконечники стрел не характерны для жертвенных мест удмуртов. Вообще, извлеченный материал, в первую очередь костный из Чумойтлинского жертвенного места, больше всего напоминает священные места, кострища охотников — обских угров, самодийцев и других народов Сибири.

Без сомнения, Чумойтлинское жертвенное место стоит особняком среди многочисленных молельных участков удмуртов: *Куала вӧсь*, *Луд вӧсь*, *Булда вӧсь*, *Элен вӧсь*, *Мерен вӧсь*, *Губер вӧсь*, *Инма вӧсь*, *Лы куян* и другое. Семейно-родовые и общественные моления существовали до Октябрьской революции 1917 г., вплоть до коллективизации, в каждой удмуртской деревне, а в нескольких местах до сих пор проходят языческие моления с жертвоприношениями домашних животных и птиц, но нигде в жертву не приносятся дикие животные.

Самый веский аргумент в пользу обско-угорского населения данного места таков: Чумойтлинское жертвенное место находится в центре обитания воршудно-родового объединения *Можга* — *Можга-выл* — «родовое гнездо; центр поселения воршудно-родовой группы *Можга*», происхождение которой без сомнения можно связать с обско-угорской фратриальной группой *Мощ* (*Мощ* + *-ка* > *Можга*).

И в более поздние времена в *Можга-выле* возле д. Нижнее Мельниково проводились общеродовые моления в честь своего предводителя *Мардан батыра*, погибшего в бою с порами (*пор* «мариец», а исторически *пор* — вторая фратрия обских угров); *мощ* и *пор* между собой не ладили, часто воевали. О ком, о чем идет речь в данном сказании, трудно определить, но до начала XX в. на высокой горе, где якобы была крепость *Мардан батыра*, члены воршудно-

родовой группы *Можга* из 24 деревень собирались для моления-поминания своего предводителя и принесения ему в жертву корову. Странное жертвенное животное! В таких случаях другие удмурты обычно приносили в дар красного бычка или молодого жеребца... (Ватка но Калмез 1971: 127—128).

В пользу этнической основы Чумойтлинского жертвенного места может говорить наличие в ней своеобразной керамики зауральского, петрогромовского типа (см. Казаков 1978: 83—89; 1989: 38—42). Думаю, это были следы угорских предков воршудно-родовой группы *Можга* (**Моська*). На других же памятниках чумойтлинской и иных древнеудмуртских археологических культур иноэтническое влияние так ярко не проявляется.

Р. Д. Голдина считает, что генетическая преемственность ананьинской, чегандинской, верхнеутчанской, чумойтлинской и удмуртской культур несомненна. Чумойтлинская культура связана с населением, оставившим памятники XVII—XVIII вв. на территории Удмуртии. В настоящее время в Удмуртии известно более 80 могильников XVII—XIX вв. (ссылки на И. Г Шапран 1984: 120—133; А. И. Шутова 1987; 1990). Около 50 из них находится в южной Удмуртии (Голдина 1999: 304).

Эти цифры, конечно же, явно приуменьшены: в языческий период жизни (для большинства удмуртов он длился до 50—70 годов XVIII в.) в каждой удмуртской деревне обязательно образовывали кладбище. Более того, если в селении проживали 2—3 крупных воршудно-родовых объединения, то каждое их них могло иметь отдельное кладбище или же иметь отдельный участок на общедеревенском кладбище, отделенный от других неглубокой канавкой. Еще внутри каждой воршудно-родовой группы имели свои участки патронимические группы (*бӧляк ~ иськавын* — на юге, *бечеос*, *пиос*, *улыос* — на севере).

Судя по переписи 1710—1716 годов на юге Удмуртии, на территории современного Алнашского, Кизнерского, Граховского, Киясовского, Агрызского, Менделеевского, Вятско-Полянского, южной части Можгинского районов, было около ста удмуртских населенных пунктов (см.: Гришкина 1976: 95—133), значит, самое малое, на юге Удмуртии до середины XVIII в. было сто или более языческих кладбищ. В моей деревне Старая Игра Граховского района сохранились места двух языческих могильников; до середины XVII в. мои родственники из воршудно-родовой группы *Эгра* жили на месте марийской деревни Карманково (Дзегра) Менделе-

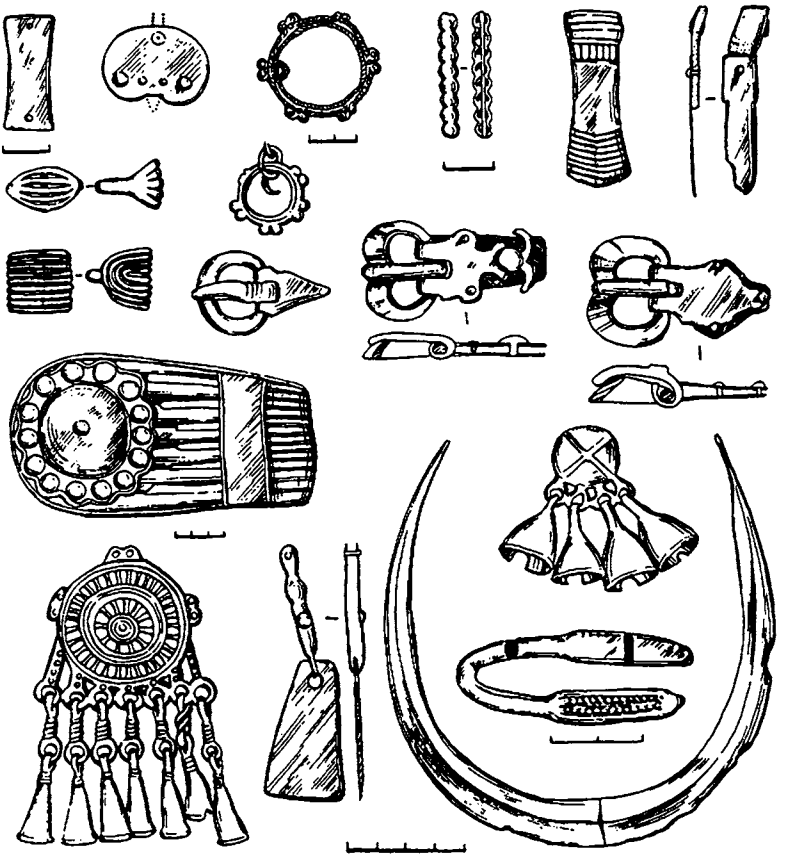
евского района Татарии, и там после них осталось 2 могильника, как назвал пожилой мариец, *Кугу одо-шӱгар* (Большое удмуртское кладбище) и *Изи одо-шӱгар* (Малое удмуртское кладбище), вероятно, относящиеся к концу XVI — середине XVII вв.; до этого они жили на месте д. Аксакшур Малопургинского района, от них или же от оставшихся там родственников сохранился могильник *Эграшай.*

5. 4. Еманаевская археологическая культура (V—IX вв.) располагалась на территории Волго-Вятского междуречья, в бассейнах рек Пижмы, Ижа (пр. пр. р. Вятки), Кильмези (л. пр. р. Вятки), Большой и Малой Кокшаги (л. пр. р. Волги), на территории Кировской области, Марий Эл. Судя по этнотопонимам *Одо* (*одо* — марийское название удмуртов) граница удмуртских поселений могла дойти до восточных пределов Нижегородской, Костромской, Вологодской областей, до бассейнов рек Ветлуга, Юг, Сухона. К сожалению, эти запустевшие русскоязычные области, как Кировская, особенно ее северные, западные районы, в археологическом плане слабо или же вообще не изучены.

Еманаевская культура свое название получила по хорошо и давно изученному, по богатому вещевыми материалами городищу возле д. Еманаево в Тужинском районе Кировской области.

При раскопках обнаружены характерные для VIII—X вв. орудия труда, оружие, бытовые предметы, украшения. Кстати, и здесь, как и на территории Волжско-Камской Булгарии, на юге Удмуртии появилась керамика с решетчато-шнуровой орнаментацией. В коллекции находок особый интерес представляют предметы литейного производства. Как пишут ученые-археологи, в Прикамье трудно назвать другой памятник, где в таком большом количестве были бы найдены тигли и льячки. Правомерно предположить, что на городище располагался специализированный поселок литейщиков-ювелиров, вещи которых археологи находят на многих вятских могильниках (История Удмуртии 2007: 231).

В изучение археологических памятников Вятской земли из эпохи существования еманаевской культуры (ЕК) и последующей за ней кочергинской много сил и умения приложила Н. А. Лещинская. Опираясь на ее труды, представим некоторые черты из жизни древнеудмуртского населения бассейна р. Вятки и левобережных притоков Волги, оставившего после себя интересные вещи, предметы, соотносимые с еманаевской культурой.

Бронзовые украшения еманаевской культуры (VI в.; *по Н. А. Лещинской*)

Суммируя полученные данные по жилищам древнеудмуртского населения Вятско-Волжского бассейна, Н. А. Лещинская пишет, что по основным приемам домостроительной техники вятские поселения стоят в одном типологическом ряду с памятниками Прикамья. Как у всех пермоязычных этносов, здесь уже с ананьинского времени оформляются и преобладают наземные постройки прямоугольной формы со слегка углубленным котлованом и открытыми очагами. Тогда как к югу и западу от Вятской земли у именьковского (?древнеславянского) и финно-поволжского (древнемарийского) племен успешно сочетались наземные и земляночные или

полуземляночные конструкции, иногда с явным преобладанием последних (Лещинская 1995: 65).

Для памятников бассейна Вятки характерна лепная округлодонная посуда, традиционная для местных прикамских племен. Так, на Буйском городище посуда на 100% представлена профилированными округлодонными чашами. В качестве примесей к тесту использовались раковины, растительный шамот, песок: на Буйском городище 62,8% керамики содержит раковинную примесь, реже — шамот (11,1%) или сочетание раковины и шамота (11,2%). Из керамической посуды украшались только верхняя часть сосуда, а наиболее часто — венчик: насечки, вдавления, иногда — гребенка, шнур, фигурный штамп. Следует отметить, что для Вятки всегда была характерна большая доля неорнаментированной посуды (*Там же*. С. 88—89).

Погребальные памятники еманаевской культуры, как до, так и последующих культур, грунтовые, без видимых надмогильных сооружений, иногда только встречаются следы сруба в 2—3 венца. Выявляются следы подстилок из рогожи, бересты, войлока, деревянных досок.

Как пишет Н. А. Лещинская, бесспорно преобладает ингумация с абсолютным показателем (100%) в период I — начала III вв. н. э.; в середине III в. н. э. на нескольких могильниках (Худяковский, Кордон) появляется обряд кремации (8,8%). В ориентации костяков наблюдается устойчивая северная направленность (75,1%). Погребения с южной ориентировкой костяков составляют 18,5%. При любой ориентации все могильники объединяет одна особенность — погребенные укладывались ногами к реке, как и в ананьинское время. Значительную роль в погребальном ритуале вятского населения играл культ огня; 93,6% погребений сопровождалось различными украшениями костюма, предметами быта и прочими вещами (*Там же*. С. 94—111).

Большинство исследователей отмечает, что памятники первой половины I тыс. н. э., выявленные на Вятке, продолжают традиции ананьинско-пьяноборского времени. Различия состоят только в точках зрения на происхождение их или как результат инфильтрации позднечегандинского населения с Нижней Камы: В. Ф. Генинг, П. Н. Старостин, Б. Б. Агеев и др., или местного автохтонного формирования: Р. Д. Голдина, Н. А. Лещинская (*Там же*. С. 196).

В составе и характере украшений ярко прослеживаются традиции предшествующего худяковско-азелинского населения. Материалы раннесредневековых памятников бассейна Вятки и смежных

регионов свидетельствуют о яркой, богатой самобытной материальной и духовной культуре древних удмуртов-ватка. Небольшие размеры городищ и могильников, их незначительное количество свидетельствуют о том, что население было немногочисленным и дисперсно расселенным. Население еманаевской культуры приняло активное участие в сложении северных удмуртов-ватка, живущих в нижнем течении Чепцы (слободско-унинская группы — *улланьёс*); кроме того, прослеживается участие раннесредневекового азелинско-еманаевского населения в сложении и развитии поломской культуры на Верхней Чепце (История Удмуртии 2007: 233—234). В то же время, поломское верхнечепецкое население (*выллaньёс*) участвовало в сложении еманаевской культуры, это оно принесло на Вятку керамику со шнурово-решетчатым орнаментом и некоторые виды украшений.

5. 5. Кочергинская археологическая культура (X—XIII вв.) на Вятке является дальнейшим продолжением еманаевской культуры.

Как пишет Р. Д. Голдина, X век — это рубеж в истории всего прикамского, в т. ч. и вятского населения. Здесь возникли памятники позднего железного века — кочергинской культуры, которая получила свое название от одноименного могильника IX—XI вв., расположенного в бассейне р. Пижмы.

Кочергинское население продолжало жить на еманаевских городищах, новые, видимо, уже не возводились, а на юго-западной части распространения еманаевской культуры Еманаевское, Ижевское и другие городища были заброшены (Голдина 1999: 325).

Вероятно, к этому времени здесь появились уже первые группы марийцев. Об неоднократных столкновениях удмуртов и марийцев рассказывают легенды и предания удмуртов-калмезов и южных удмуртов, а также и марийские предания о столкновениях с народом *одо* (удмурт). Под напором марийской колонизации Вятской земли удмурты-калмезы с территорий бывших Яранского, Уржумского, Царевокшайского, Нолинского уездов ушли на территорию Малмыжского, Сарапульского, Елабужского уездов. Удмурты-ватка сконцентрировались по притокам р. Вятки — по Чепце, Моломе, Великой, Быстрице, Холунице — в районе современных городов Киров, Котельнич, Орлов, Слободской, Шестаков.

По удмуртским преданиям, на месте города Кирова располагался племенной и религиозный центр племени ватка, который был сожжен и захвачен ушкуйниками. Об этом же говорит русский

письменный памятник «Сказание о земле Вятской» (подробнее см.: Атаманов 2001: 159—174).

На формирование кочергинской культуры определенное влияние оказали поволжские финно-угорские группы, в первую очередь марийские. Иноэтническое влияние ярко проявилось в некоторых видах украшений, но особенно — в погребальном обряде: появилось трупосожжение. Так, на Кочергинском могильнике 3 захоронения совершены по обряду трупоположения, 2 — трупосожжения, на Юмском — соответственно 6 3.

«Несмотря на некоторое своеобразие материала кочергинской культуры, в целом ее связь с худяковской (-азелинской.— *М. А.*) через еманаевскую несомненна, и, таким образом, кочергинское население представляет собой вариант удмуртской общности»,— заключает ведущий археолог Урало-Прикамского региона, проф. Р. Д. Голдина (Голдина 1999: 329).

Жаль, что ведущие археологи Удмуртии не дошли до нижнего течения р. Вятки, прикамских, приволжских районов Татарии, где находилась историческая Арская земля со столицей в Арске. В преданиях кукморско-балтасинских (арских) удмуртов сохранились воспоминания о том, что раньше они жили вокруг Арска, где было общественное моление удмуртов. Ученые-путешественники, побывавшие в Арске в XVIII в., его называли *Керемет*; кстати, на Арской земле зафиксировано несколько десятков кереметей.

В царскую эпоху в отношении малочисленных нерусских народов Российской империи проводилась открытая великодержавная шовинистическая политика. Тем не менее бок о бок жили, творили, писали европейски образованные ученые-интеллигенты, они вступали в защиту народов — нацменьшинств, знакомили мир их самобытной историей, культурой, языком, создавали им письменность, переводили книги Священного Писания.

В годы коммунистической диктатуры всем народам Советского Союза была дана свобода развивать язык, культуру, но до определенных пределов, иначе, как Кузебай Герд, можно было угодить в Соловки и быть расстрелянным... Частицы их древней истории долгое время оставались недосягаемыми.

Что касается древней и современной истории удмуртского народа, она ярко проявилась, когда вышла из печати солидная монография ведущего ученого-историка Удмуртии доктора исторических наук М. В. Гришкиной «Удмурты. Этюды из истории IX—XIX вв.» (Ижевск, 1999), которая скрупулезно, в течение многих лет собирала

документы по средневековой истории удмуртов в архивах Москвы, Казани, Кирова, С.-Петербугра, Уфы, Перми. Именно на их основе на объективных, исторических фактах написала она свой труд.

Большое место в нем занимает история Арской земли, ее расцвет и разрушение. Без всестороннего исследования арского вопроса нельзя полноценно, объективно изучить древнее прошлое удмуртского народа. С этой целью в 2009 году со своими единомышленниками я посетил эту древнюю землю. По сравнению с 1983 годом, когда я здесь впервые побывал с археологической экспедицией, Арск — рабочий поселок, расположенный в нескольких десятках километрах к северу от Казани,— неузнаваемо преобразился красивыми домами и сильно отатарился (а ведь еще в 20-е годы XX в., т. е. 80 лет назад, в Арске жили только две татарские семьи, основными жителями являлись русские — потомки стрельцов, завоевавших Арск и его округу). Есть места, которые напоминают пригород турецкого Стамбула; даже есть магазин под названием «Чингис-хан».

Попытались посетить Арскую крепость, но не получилось: кругом высокие заборы, какие-то постройки, заросли американского клена, мусорные свалки... В музеях Арска (в поселке их несколько) стремились найти копию (одну такую мы получили в 1983 г. от краеведа С. Д. Волкова) башни Арской крепости, простоявшей до 1941 г. (говорят, в 1943 г. лечащиеся в госпитале раненые воины дубовую башню разобрали на дрова).

Конечно же, мы вернулись ни с чем. Специалисты краеведческого музея сделали вид, что и слыхом не слыхивали. Зато на втором этаже вновь построенного музея мы увидели огромный зал, названный «Ханский зал». Хотя в Арске никаких ханов и не бывало. Были арские князья, например, Явуш, Богодан.

В состав казанских татар вошло большое число удмуртов, у выходцев далеких азиатских степей даже антропологический тип изменился. Но если татарина-мусульманина из того же Арского или Балтасинского, Мамадышского, Сабинского районов поставить, с одной стороны, рядом с киргизом, алтайцем, хакасом, якутом, а с другой — с удмуртом из Балтасинского, Шарканского или Кизнерского районов, то любой скажет, что татарин (если с головы снять тюбетейку и надеть европейскую шляпу) очень похож на удмурта, трудно их отличить друг от друга.

Исламизация, тюркизация южных прикамских групп удмуртов шла почти тысяча лет. Лишь Октябрьская революция, особенно

христианизация, начавшаяся с 1740 г., кстати, с города Казани (здесь была создана Новокрещенская контора, ведающая делами распространения христианского вероучения среди нерусских народов Волго-Камского региона), способствовали сохранению удмуртского народа и его языка, культуры. Русские в лице митрополита Вениамина (Пуцек-Григоровича) принесли нам письменность и дали возможность развить наш родной язык до такого совершенства, что стал возможным перевод Библии — книги из всех книг, величайшей Книги. Посетив Арск, мне подумалось: не совершили ли мои предки ошибку, выступив на стороне обреченного на погибель Казанского ханства? Если бы они оставались нейтральными, как знать, до сих пор, может быть, жили на Арской земле...

* * *

От этнополитических проблем вернемся к археологическим памятникам начала II тыс. н. э., к создателям кочергинской культуры.

К началу XIII в. древнеудмуртские памятники по р. Пижме, пр. пр. р. Вятки и по ее другим притокам, где была распространена кочергинская культура, исчезают. Эту территорию занимают древнемарийские племена. Как считает Р. Д. Голдина, толчком для их переселения на древнюю удмуртскую территорию послужила булгарская экспансия заволжских, древнемарийских территорий (Голдина 2007: 20).

Мне думается, что еще большей причиной переселения древнемарийских племен на Вятку явилась русская колонизация поволжских районов, включающих в себя бассейны рек Оки, Ветлуги, Унжи, где издревле жили мордовские, марийские племена, мещера, мурома, меря и другие финно-угорские родоплеменные группы — *чудь*.

Следует отметить, кочергинская культура, особенно территория ее распространения, изучена крайне слабо, неравномерно: верхнее течение Вятки, ее правобережные и левобережные притоки Молома, Великая, Летка, Холуница, Быстрица, Кировская часть Чепцы и более мелкие притоки этих рек в археологическом плане не изучены или крайне слабо исследованы.

К северу от г. Слободского средневековые памятники фактически еще не выявлены, а ведь первые исторические документы, начиная с XVI в., фиксируют северных удмуртов-ватка именно в этом

регионе. Так, из «Жалованной грамоты того же князя удмуртам Сырьянской волости Слободского уезда от 25 февраля 1557 года о предоставлении им за принятие христианства трехлетней льготы в платеже податей и отбывание натуральных повинностей, с освобождением их на это время от суда Вятских наместников, Слободских волостелей, их тиунов...» (Документы 1958 353—354) мы узнаем, что удмурты-ватка в то время сосредоточились в пределах Лужановского, Сырьянского, Холуницкого станов Слободского уезда, а также в Шестаковском уезде, на нижнем течении р. Чепцы — Каринском стане Хлыновского уезда.

Судя по переписи 1615 г., на территории вышеназванных станов (ныне эти земли входят в состав Кировской области) было 60 удмуртских населенных пунктов. Еще в 1971 г., во время этнографической экспедиции к удмуртам Слободского района, мы застали удмуртов в 21 населенном пункте, а ныне удмуртских деревень здесь 3; в 1971 году у слободских (нижнечепецких) удмуртов мы участвовали на древнем общеплеменном молении *Инма-вӧсь*, согласно их преданиям, перенесенном с места г. Кирова, где много веков назад — на рубеже I—II тыс. н. э. — был религиозный центр племенного объединения ватка. В то же время на территории северной Удмуртии, где в свое время развивались поломская и чепецкая культуры, было всего 22 поселения.

Вопрос первый: если археологи в бассейнах рек Моломы, Великой, Летки, Быстрицы найдут новые средневековые памятники, куда их отнесут, как назовут?

Вопрос второй: ватка или калмезы были создателями кочергинской археологической культуры на Вятской земле? Судя по тому, что население с бассейна р. Пижмы переселилось в бассейн р. Кильмези — в центральные, отчасти в южные районы Удмуртии,— это были калмезы. Именно в среде этих групп больше всего сохранилось преданий о столкновениях с марийцами. На территории южной части Кировской области и Марий Эл остались топонимы, образованные от этнонима *калмез*: рч. *Калмасинка*, д. *Колмаса*, д. *Куба-Колмаж* и др., а также названия воршудно-родовых групп, входящих в состав племенного объединения калмез: рч. *Коньга*, д. *Конгинская* (< *Коньга*), д. *Копки*, д. *Копята* (<*Кӧпка*), д. *Сюлта* (<*Сьӧлта*) и др.

И третий вопрос: есть ли археологические памятники в районе распространения этнотопонимов *Одо* (<*одо* — марийское название удмуртов): *Одоевское городище*, *Одошнур*, *Одинер*, *Одошчино при*

реке Сухоне, *Одобеляк*, *Одоилем* и др.; *Вотяк* (<*вотяк* — русское название удмуртов): *Вотское городище*, *Вотяковская*, *Вотчинская*, *Вотская*, *Отяковская*, *Вочская*, *Вочь* и др.) на территории Нижегородской, Костромской, Вологодской областей, западных районов Кировской области, Республики Марий Эл, южной части Коми Республики?

5. 6. Поломская археологическая культура (V—IX вв. н. э.). Богатые вещевыми материалами памятники этой культуры — городища (*кар*), селища (*гучӥн*), могильники (*шай*) — выявлены на территории верхнего и среднего течения р. Чепцы. К настоящему времени известно около 100 памятников поломской культуры: 33 городища, 40 селищ, 20 могильников, несколько кладов.

О древних крепостных валах и других сооружениях вокруг мест жительства древних удмуртов в бассейне р. Чепцы самым первым поведал автор «Повести о стране Вятской»:

«...И в лето 6682 (1174 г.), во дни великого князя Ярослава, сына Владимирова, отделишася от предел великаго Новаграда жителие Новогородцы самовластцы з дружиною своею и шедше пловяху в судех на низ по Волге реке и дошедши реки Камы и пребыша ту неколико время и поставиша на Каме реке град мал во обитание себе, и слышаху о Вятке реке и иже по ней живущих *Чуди Отяков* (курсив наш.— *М. А.*), обладающих многими землями и угодьи, построиша окопы и валы земляные круг жилищ своих, боящеся находу Руссии... и отделишася половина тех Новгородцев и идоша вверх по Каме реке до Чусовских мест, а другая половина остася на Каме реке в новопостроенном их городке. Шедши же вверх по Каме реке и сшедше на горы на страну ону и дошедше реки Чепцы, и вниз по оной пловуще, пленяюще *Отяцкие жилища* (курсив наш.— *М. А.*) и окруженныя земляными валами ратию вземлюще, и обладающе ими, и егда, исплывше тое реку Чепцу, внидоша в великую реку Вятку и плывше по ней мало боле пяти верст и узревше на правой стране на высокой прекрасной горе устроен град чудской и земляным валом окружен, от реки же Вятки ров глубокий, от него же кругом земляного валу ископаным рвом обведен, называемый *Чудью Болванской городок** (курсив наш.— *М. А.*).

...И видевше Новгородцы той град на прекрасной высокой горе, возжелаша ратию взяти его... той крепкий град взяша воинским промыслом в лето 6689 (1181 г.) месяца июлия в 24 день на память

Украшения, хозяйственные и культовые предметы поломской культуры
(*рис. Вал. Белых*)

их всероссийских князей святых страстотерпцев Бориса и Глеба и побиша ту множество *Чуди* и *Отяков* (курсив наш.— *М. А.*), а ини по лесам разбегошася, и по обещанию своему поставиша в том граде церковь... *Черемиса* же и *Отяки* и *Чудь* (курсив наш.— *М. А.*) набегающе со стрелами и оружием многим селитвы раззоряюще и пленяюще...» (Повесть о стране Вятской: текст Миллеровского списка // Труды Вятской Губернской Ученой архивной комиссии 1905 г. — Вятка, 1905. Вып. III.)

* * *

Из еманаевско-кочергинского Ваткакара, с берегов Вятки и ее притоков вновь вернемся в Полом, на Верхнюю Чепцу и в его округу — на территорию современных Дебесского, Кезского, Балезинского, Глазовского районов Удмуртии. Здесь тоже имеются богатейшие археологические памятники древних удмуртов, возникшие еще в эпоху великого переселения народов.

Самые ранние захоронения, как считают некоторые археологи, были совершены под курганами — широко распространенная традиция, характерная черта погребального обряда кочевничьего мира. Материал этих могил беден. Кочевников можно понять: по доброй воле они не переселились, сюда их нужда привела.

Наиболее раннис памятники культуры (V—VII вв.) сосредоточены в верховьях Чепцы, близ с. Полом и Варни. Городища размещались на высоких труднодоступных мысах. Среди них величиной и богатым культурным слоем выделяется II Поломское городище Гыркесшур VI—VIII вв.: 20 тыс. м^2. Оно укреплено двумя линиями валов и рвов. Возле Полома есть еще городище, три селища, два могильника. Чем не центр широко разросшейся воршудно-родовой группы или мелкой родоплеменной группы?! В исторически обозримое время в селе Полом жили члены воршудно-родовых групп *Кушъя*, *Сюра*, *Чабъя*, *Пурга*, *Вортча*; первые три группы относятся к племенному объединению ватка, а две последние — своеобразные воршудные группы, их трудно причислить к ватка или калмезам, *Пурга* вообще относится к вновь образованным воршудам, в ее основе лежит обско-угорский компонент — *пор*.

На городищах вскрыты остатки жилищ, хозяйственных и культовых построек. Все строения возводились из бревен в виде срубов. Площадь дома доходила до 84 м^2. Помещение обогревалось одним или двумя открытыми очагами, сложенными из камней на глинобитном основании.

На Тольенском I селище выявлены остатки кузнечного производства с основанием двух горнов и каменных наковален, хозяйственными ямами, на Поломском II — хозяйственные сооружения и часть жилища с ямами (История Удмуртии 2007: 236).

Могильники находятся на возвышенных местах, на береговых террасах. Все захоронения грунтовые; умерших укладывали вытянуто на спине в дощатых гробах или обертывали в луб, бересту — типичные для удмуртов языческих времен способы захоронений. Ориентация умерших разная. В абсолютном большинстве случаев встречается трупоположение в неглубоких ямах — тоже характерная с древнейших времен черта для погребального обряда удмуртов; трупосожжения часто встречались в погребальном обряде соседей удмуртов — коми, марийцев, а также именьковского населения и других этносов Европы в эпоху средневековья. Обряд кремации отсутствует в древнеудмуртских могильниках, а если есть, то это единичные случаи, которые использовались, возможно, для иноплеменников, скажем, тех же древних коми или марийцев, умерших в среде удмуртов и похороненных на их могильниках,— примаков, но чаще всего ими могли быть жены-иноплеменницы.

В женских захоронениях VIII—IX вв. часто встречаются роскошные, украшенные сканью и пирамидками зерни серебряные ножны, в которых находились небольшие ножи или кинжалы, либо просто деревянные имитации ножа. Женские пояса дополнялись наборными шумящими подвескам, гребнями.

В мужских захоронениях поломцев достаточно разнообразны и многочисленны оружие и конское снаряжение, разной формы наконечники стрел, иногда в колчанах, копье, дротик, боевой топор, меч, сабля.

На Чепце выявлены богатые клады восточного серебра, в настоящее время учтено более 2100 монет VI— X вв. Есть клады с серебряными сосудами, привезенными из Византии и восточных районов Средней Азии (История Удмуртии 2007: 240—241).

Кажется странным то, что на поломскую культуру, распространенную в центре поселений верхнечепецких удмуртов-ватка, претендуют тюркские, угорские (обские), коми-пермяцкие ученые-археологи, занимающиеся древней историей этих этнических групп. Самым большим путаником древней истории удмуртов в археологической науке был казанский профессор А. Х. Халиков. Он готов был своих северных соседей поместить куда угодно, например, на территорию необитаемого Кайского волока, что нахо-

дится между Коми и Удмуртской республиками — болотистой, не пригодной для человеческого жилья северо-восточной части Кировской области (при советской власти здесь была устроена сеть лагерей-тюрем для особо опасных преступников). Все другие археологические памятники Волго-Камья, начиная с ананьино и кончая поломом и чепецкой культурой, этот ученый муж приписывал кому угодно, но только не удмуртам. Поломскую культуру он приписывал родному тюркскому кочевническому миру.

Ученики А. Х. Халикова — археологи из Казани, Перми, например, профессора Е. П. Казаков, А. М. Белавин и их коллеги — уже много лет в своих археологических изысканиях пытаются доказать, что богатые памятники поломской культуры оставлены обскими уграми. В последние годы появились публикации, приписывающие памятники поломской культуры коми-пермякам.

Что можно сказать об этом? Все эти противоречивые выводы, предположения, гипотезы исходят из того, что археология без привлечения данных смежных наук, в первую очередь антропологии, лингвистики с топонимией, а также фольклорных и этнографических материалов, не способна точно определить этническую основу создателей ни одной археологической культуры в России, в т. ч. и в нашем Волго-Уральском регионе.

Начнем с языка Земли — топонимов. В бассейне р. Чепцы, на территории распространения поломской, чепецкой культур, абсолютно преобладают географические названия удмуртского происхождения. Об этом свидетельствуют и материалы самых ранних переписей: здесь жили удмурты (см.: Документы по истории Удмуртии 1958: 179—192).

На Чепце есть топонимические вкрапления обско-угорского, татарского, русского происхождения. Но все они малочисленны, территориально ограничены, например, географические названия тюркского происхождения, или возникли очень поздно, и, главное, нет их следов в гидронимии — в наиболее древнем и устойчивом пласте географических названий в любой части Земного шара.

Из иноязычных названий определенную историческую ценность представляют топонимы обско-угорского, самодийского происхождений (ими подробней можно ознакомиться в главе «Лингвистика: исторические пласты топонимии Удмуртии»).

Относительно гипотезы о коми-пермяцком происхождении поломской культуры можно сказать: самый распространенный

коми-пермяцкий гидронимический апеллятив *ва* «вода» в бассейне р. Чепцы фактически отсутствует, хотя он не чужд удмуртской топонимии, особенно на земле калмезов, ср. р. *Вала* (*ва* + *-ла* — аффикс) — л. пр. р. Кильмези; р. *Ва* (русифицированная форма *Ува*) — пр. пр. р. Валы, на берегу этой реки расположены райцентры *Вавож* (*Ва* + *вож* «устье реки»), *Ува* (*у* — русский предлог + *Ва*: «поселок, расположенный у реки *Ва*» > *Ува*); есть небольшие речки и одноименные населенные пункты: *Кыква* (*кык* «два» + *ва*); *Порва* (*пор*: 1) мариец; 2) название фратрии обских угров + *ва*).

И все. Зато в северной и центральной частях Пермского края, где шло формирование коми-пермяцкого народа и его языка, включая и топонимическую систему, в названиях очень многих крупных и мелких рек, речушек встречается этот апеллятив: *Колва*, *Лысьва*, *Обва*, *Шаква*, *Сылва*, *Сосьва*, *Сива* и много других примеров.

Не только рядовая топонимия, но и археологические памятники на Чепце носят чисто удмуртские названия, они оформлены такими апеллятивами, как *кар* «городище; город»; «гнездо»; *шай* «кладбище; могильник»; *гучин* «селище; место заброшенного поселения»; *вужгурт* «тж». О многих древних городищах, поселениях записаны легенды и предания, связываемые с удмуртскими богатырями.

По сравнению с другими удмуртскими регионами, у удмуртов-ватка, живущих в бассейне Чепцы, довольно полно определен самый надежный этномаркирующий признак для удмуртского этноса — воршудно-родовой состав большинства населенных пунктов, расположенных на территории распространения поломской, чепецкой культур. Для примера возьмем территорию самого северо-восточного района Удмуртии — Кезского, граничащего с землями коми-пермяков, в первую очередь с зюздинской этнодиалектной группой (карсовайско-кулигинская группа коми-пермяков-старообрядцев, беспоповцев в конце XIX — начале XX вв. полностью обрусела), и нижнечепецкой группы — самой северо-западной части удмуртского народа — Слободского района Кировской области. Удмурты бассейна Чепцы сами себя разделяют по принципу расположения своих селений по отношению к течению реки Чепцы: *вылланьёс* «верхние» — кезско-дебесско-балезинско-игринские удмурты, живущие в верхнем течении Чепцы, и *улланьёс* «нижние; низовые» — удмурты Слободского, Унинского, Зуевского, Фаленского, Богородского районов Кировской области, живущие по притокам нижнего течения р. Чепцы. Между ними были заметные различия в языке, духовной и материальной культуре.

Итак, в Кезском районе зафиксированы воршудно-родовые группы:

1. По происхождению относящиеся к северным удмуртам-ватка: *Чабъя* (зафиксирована в 19 населенных пунктах), *Чуйя* (5), *Кушъя* (4), *Дурга* (4), *Чудна* (4), *Сюра* (2), *Бöня* (2), *Чола* (1). Северноудмуртские воршудно-родовые группы из племенного объединения ватка встречаются в 41 н. п. Кезского района. Следует отметить, к сожалению, воршудно-родовой состав Кезского района определен лишь у половины селений.

2. По происхождению относящиеся к удмуртам-калмезам из центральных районов Удмуртии: *Мöнья* (4), *Юбера* (2), *Дöкъя* (1), *Жикъя* (1). Воршудно-родовые группы из племенного объединения калмезов зафиксированы в 8 н. п., но одна из них, *Мöнья,* встречается и в среде калмезов, и ватки, тем не менее основные населенные пункты Мöньйи расположены на калмезской территории.

3. Собственно южноудмуртские воршудно-родовые группы *Пельга* (6), *Бöдья* (1) зафиксированы в 7 н. п. Кезского района.

4. Воршудно-родовые группы, вышедшие из Арской земли, *Ӟумъя* (3), *Уча* (1) зафиксированы в 4 н. п.

5. Воршудно-родовые группы, выходцы из северо-центральных районов Удмуртии (Якшур-Бодьинский, Шарканский, Игринский р-ны), не причисляющие себя ни к калмезам, ни к ватка: *Вортча* (20 н. п.), *Пурга* (9).

Из всех вышеперечисленных только *Чуйя*, *Чудна*, *Бöня* являются автохтонными, члены этих воршудных групп жили в верхнем и среднем течении р. Чепцы; в XVII—XVIII вв. отдельные семьи, причисляющие себя к этим воршудам, спустились в бассейн Камы, на территорию Шарканского и Якшур-Бодьинского районов.

На Нижней Чепце, в Слободском районе Кировской области, на территории которой в свое время были распространены ананьинская, худяковско-азелинская, еманаевская, кочергинская культуры, зафиксированы следующие воршудно-родовые группы (конечно, количество населенных пунктов и число удмуртов между этими районами несоизмеримы: слободская группа — это маленький остаток от древних привятских удмуртов-ватка, находится на грани исчезновения):

1) воршудно-родовые группы, относящиеся к племенному объединению ватка: *Чола* (6 н. п.), *Дурга-Побъя* (6 н. п.), *Чипъя* (4), *Кушъя* (2), *Сюра* (2), *Удья* (1), *Дурга* (1), *Чабъя* (1) — члены этих воршудно-родовых групп проживали в 23 н. п. (по данным экспедиции 1971 г.);

2) воршудно-родовые группы, встречающиеся как в среде племенного объединения ватка, так и в среде калмезов: *Мёнья* (1), *Поска* (1);

3) южноудмутская воршудно-родовая группа *Пельга* (в составе нескольких семейств) переселилась в позднее время — в пределах XV—XVI вв., вероятно, вместе с бесермянами, т. к. представители этой группы живут в удмуртско-бесермянской деревне Верхнее Мочагино, являются выходцами с Нижней Вятки, вероятно, из д. Сарамак-Пельга (ныне Удмуртский Сарамак) Кизнерского района, ибо как раз в округе этой деревни сохранились предания о жительстве в их краях бесермян.

Таким образом, бассейн р. Чепцы издревле был заселен собственно удмуртскими воршудно-родовыми группами племенного объединения ватка; возможно, лишь одна из них — *Чуйя* — может быть связана с коми этносом: **чуй* «щука» (*чуйпи* «щуренок») + *-я* — аффикс; *Чудна*, может быть, происходит от этнонима *чудь* + *-на* — аффикс (ср. *Чудья* > *Шудья* — широко расселившаяся в среде калмезов и южных удмуртов воршудно-родовая группа, этимологически связанная с этнонимов *чудь*).

Калмезов и их воршудно-родовых подразделений на Нижней Чепце, на коренной территории племени ватка, нет.

Интересно отметить: на земле коми-пермяков, в названиях географических объектов зафиксирован ряд этнотопонимов, образованных от 15 воршудно-родовых имен, многие из них по происхождению являются калмезскими. В таком случае возникают такие предположения: 1) воршудно-родовые имена, отразившиеся и сохранившиеся в топонимии Верхнего Прикамья, являются общепермскими; 2) эти названия занесены переселенцами-удмуртами.

Факт интереснейший. Вполне возможно, что осинско-красноярское население, принадлежащее племенному объединению калмез, оттолкнутое в эпоху великого переселения народов с бассейна р. Тулвы, со среднекамского региона ушло в верховья Чепцы (не исключено, и в другие удмуртские регионы) и участвовало в сложении поломской археологической культуры, а ушедшее в верховья Камы участвовало в этногенезе коми-пермяков.

В таком случае напрашивается вопрос: участвовало ли в формировании поломской культуры V—IX вв. верхнекамское — древнекоми — население, а может быть, наоборот, древнеудмуртское осинско-красноярское и поломское населения образовали древнекоми (гляденовско-ломоватовскую) и его дочерние археологичес-

кие культуры? Если знать историю расселения народов, то выясняется: как правило, коми и их далекие «археологические» предки на южную пратерриторию не возвращались, они все больше и больше уходили на север, пока не дошли до Северного Ледовитого океана, или уходили в Сибирь, на Кольский полуостров и, как ненцы, саамы, югра, становились оленеводами.

Дискуссионным остается вопрос об участии зауральского угро-самодийского населения в сложении поломской культуры. В. Ф. Генинг и В. А. Семенов предполагали, что в VIII—IX вв. на Чепцу проникли группы угро-самодийского населения, свой тезис они аргументировали распространением изделий из кости и рога, орнаментацией керамики многорядными оттисками шнура в сочетании с решетчатыми геометрическими штампами, сопровождением захоронений символическими частями коней (Генинг 1965: 275; 1980: 145; Семенов 1989: 20—33; 1982: 55).

Кроме Е. П. Казакова, А. М. Белавина и их учеников, другие ученые, в том числе антропологи, с осторожностью относятся к тезису об участии угро-самодийского компонента в формировании поломской культуры.

Известный ученый-антрополог М. С. Акимова на основе изучения антропологических материалов Поломского и Мыдланьшайского могильников пришла к выводу о прямой преемственной связи чепецкого населения I тыс. н. э. с современными северными удмуртами (Акимова 1968: 51—52). Такого же мнения придерживаются антропологи К. Ю. Марк, Р. М. Фаттахов. По их данным, в мыдланьшайских черепах, сходных с пьяноборско-азелинскими, особенности южных европеоидов выражены более отчетливо (Марк 1987: 46; Фаттахов 1980: 152--156).

В этом сложном, запутанном вопросе четкую позицию занимает Р. Д. Голдина. Она отмечает, что наличие «угро-самодийского» компонента в поломской культуре, к проявлениям которого В. Ф. Генинг относил решетчатый орнамент на глиняной посуде и костяные лопаточки, сейчас представляется бездоказательным: керамика ни одной из сибирских культур не имеет ничего общего с глиняной посудой поломской культуры. Она отличается по всем признакам: по форме, примесям, технике выделки, орнаментации. Керамика поломской культуры по этим же показателям имеет прикамское происхождение и надежную привязку как к предшествующим, так и последующим комплексам. Учитывая местное происхождение как костяных лопаточек, так и фигурных штампов для

украшения глиняной посуды, очевидно, нет никаких оснований говорить об «угорско-самодийском» компоненте в поломской культуре (Голдина 1999: 364—365).

Имеется также такой факт: весь комплекс археологического материала поломской культуры свидетельствует о том, что ее создателем было оседлое земледельческое население с развитым домашним животноводством, с подсобными промыслами — охотой, бортничеством, рыболовством. У истоков этой богатой, уникальной археологической культуры, без сомнения, были древнеудмуртские воршудно-родовые группы, входящие в состав племенных объединений *ватка* и *калмез,* поэтому и антропологи выделяют двухкомпонентность в краниологическом материале. Погребальный обряд, керамика, одежда, культовые предметы, вещи, строительные традиции типично прикамские, восходят к ананьинско-пьяноборскому кругу.

Если взять обских угров и самодийцев, то они до недавнего времени оставались бродячими охотниками, рыболовами, оленеводами сибирской тайги и тундры. Земледелием фактически не занимались; жили в чумах и ярангах. У этих народов были свои погребальные обряды и обычаи. Следует отметить и то, что ни одна из этих этнических групп не сложилась в единый народ с единым языком и культурой. Каждая родоплеменная группа, жившая в бассейне определенной реки, говорила на своем отличном от других диалекте, так что общение между многочисленными этнодиалектными группами из-за существенных различий в языке фактически не было возможным. Так продолжается до сих пор.

* * *

Тем не менее... Проникновение на территорию Удмуртии, как и в другие регионы лесной зоны Восточной Европы, зауральского (сибирского) населения, в первую очередь обских угров и самодийцев, отрицать невозможно: есть тому немало свидетельств — названия географических объектов (особенно их много в бассейне рек Чепцы и Кильмези); имеются некоторые исторические документы, народные предания и т. д.

В данном случае приведу лишь одну группу топонимов для размышления, а именно имеющую в своем составе форманты (вероятно, восходящие к единой праформе): *-ом ~ -ум ~ -ым ~ -им*: *Ирым, Палым, Зетым, Тортым, Кестым, Мертым, Туктым, Ухтым (Ык-*

тым), Костым, Лулым, Позимь (Позым), Ум, Умшур, Умяк (Умег), Омыть, Ом.

Сразу же оговоримся: значение ни одного из этих названий не раскрывается с помощью удмуртского языка, а также коми, марийского, мордовского, татарского, башкирского, русского языков. А охватывают они огромные пространства лесной полосы Евразии. Касаясь вопросов этнической основы их создателей, многие последователи отмечают, что основной очаг географических названий на *-ым* (манс. *-ум*) находится в Западной Сибири, на территории обитания обских угров и самодийцев, и что в Восточную Европу они были привнесены западносибирским населением.

На мой взгляд, все эти форманты представляют фонетический вариант одного и того же апеллятива, вышедшего из активного употребления из всех языков, в т. ч. и из обско-угорских, хотя иногда приводят пример из мансийского языка: *кульум* «нерестовая река», где *ум* употребляется в значении «река».

О том, что эти форманты имели самостоятельное значение, говорит такой факт: в материалах переписи XVII в. в бассейне р. Чепцы зафиксирована река под названием *Ом*, ныне — *Ум*, *Умшур* (*шур* «река»). Интересно, река с таким же названием имеется в Западной Сибири: по территории Новосибирской и Омской областей протекает р. *Омь* — пр. пр. р. Иртыша, на этой реке стоит г. *Омск*.

Апеллятив *ом* присутствует в названии р. *Омуть* (так написано на географической карте Удмуртской Республики 1992 г., а на карте 1998 г. записано Омыть) — пр. пр. р. Пызеп, пр. пр. р. Чепцы; вторая часть гидронима *уть* восходит к мансийскому апеллятиву *уть* «порог на реке». В свою очередь фонетический вариант данного гидротермина присутствует в названии реки Убыть — л. пр. р. Чепцы: *уб* + *ыть*. Более того, этот апеллятив употребляется как самостоятельное название реки, см.: *Уть* — пр. пр. р. Кильмези.

Апеллятив *ом*, думаю, присутствует в названии знаменитого села Полом: *пол* + *ом*; первая часть удмуртского ойконима имеет параллели в топонимии Западной Сибири: *Полуй* (*пол* + *уй*), *Палым* (*пал* + *ым*), *Пелым* (*пел* + *ым*), *Полум* (*пол* + *ум*).

По фонетическим закономерностям удмуртского языка во многих случаях *о* переходит в *у*, под этот фонетический закон языка могли попасть гидронимы Удмуртии: по левобережью р. Чепцы протекают две небольшие реки под названием *Ум*, и на них расположены деревни *Умск* (Глазовский и Балезинский районы; *Умск* — звучит-то почти как *Омск*). Возможно, этим же апелля-

тивом оформлен ойконим *Уром* (село и железнодорожная станция в Малопургинском районе): *ур* < манс. *ур* «гора; возвышенность; горный хребет» + *ом*.

О влиянии и неоднократных проникновениях западносибирского населения в Прикамье не раз писали археологи, антропологи, этнографы, занимающиеся проблемами древней истории Урала.

По данным башкирских ученых, в первую очередь археологов и этнографов, в середине I тыс. н. э. на территорию Южного Приуралья проникли племена — создатели куштерякских и караякуповских памятников, которые были родственны с самодийскими племенами Западной Сибири. Хронологические рамки пребывания самодийцев на территории Южного Приуралья, вероятней всего, ограничиваются VI—VIII вв. Под натиском пришлых скотоводов-тюрков (предков башкир) в конце I тыс. н. э. основная масса расселившихся здесь самодийцев отступила на север, в лесные массивы Урала. Такая же участь постигла носителей кушнаренковской-протовенгерской культуры центральных и северо-западных районов Башкирии, но эта группа ушла-откочевала в Волго-Донские степи, а оттуда — в Паннонию.

Как считают специалисты генезиса и развития Волго-Уральской историко-этнографической области Р. Г. Кузеев, Т. М. Гарипов, В. А. Иванов, Н. Н. Моисеева, западносибирско-угорское проникновение, по существу не прекращавшееся с момента разделения уральской общности, влилось окончательно в широкий процесс великого переселения народов в I тыс. н. э. Угорские и самодийские миграционные волны в Приуралье, Волго-Камской области на протяжении многих столетий постоянно питали и поддерживали финно-угорскую основу этнокультурной характеристики Волго-Уральского населения.

Одна из ведущих ономастов Удмуртии Т. И. Тепляшина еще в 60-годы XX в. высказала предположение о наличии в топонимии Удмуртии угорских названий. Основу таких ойконимов, как *Поршур*, *Поргурт*, *Поршай*, *Порпи*, *Поркар*, она выводит из наименования одной из обско-угорский фратрий *пор*. Ареалы топонимов на *пор* и *-ым* (*-им*) в бассейне реки Чепцы совпадают.

Что важно, на территории северной Удмуртии, в бассейне р. Чепцы, после обских угров остались отэтнонимические топонимы *Порвай*, *Поркар*, *Поршур*, *Порез*, *Порпи* и др. (в южных и центральных районах Удмуртии такие же топонимы могут быть связан-

ными с марийцами: удмуртское название марийцев *пор* совпадает с фратриальным названием обских угров).

На территории Коми Республики после проникновения обских угров остались этнотопонимы *Егра*, *Ёгра*, *Йӧгра*, а в соседней Башкирии — *Иштяк*: обских угров коми называют *йӧгра*, а тюрки башкир и сибирских татар — *иштяк* < *остяк* < *ас* + *як*.

В Кировской области, Пермском крае, где основное население составляют русские, зафиксированы ойконимы *Вогулы*, *Вогульцы* (*вогул* — дореволюционное название манси). В списке населенных мест Вятской губернии по сведениям 1859—1873 гг. есть селения под названием Вогульцы (Вятский у.), *Вогульский* (Нолинский у.), *Вогульской* (Слободской у.), *Вогульцов Больших*, *Вогульцов Малых* (Глазовский у.); д. Городище Зуевского района, по-удмуртски называется *Поркар* «порское городище». Починки, деревни под названием *Югринский*, *Югрино*, *Егринский* (всего 6 названий) зафиксированы в Вятском, Орловском, Глазовском уездах. Ареал топонимов с этнонимом *югра* доходит до бассейна Северной Двины — деревни *Югрино*, *Югринская* зафиксированы в Вологодской губернии.

Кроме географических названий, есть и другие свидетельства о пребывании вогулов (манси) на Вятской земле. Так, по сообщению префекта Вятской духовной семинарии Платона Любарского, при епископе Вениамине в 1739—1742 гг. на Вятке «великое число варварских народов в епархии жительствующих яко вотяков и *вогуличей* (курсив наш.— *М. А.*), тщанием его крестились и многие тщанием его для них построены церкви и часовни». Со ссылкой на Усть-Вымскую летопись А. Ф. Теплоухов приводит данные о том, что в середине XV в. около Усть-Выми на Вычегде жили «*вогуличи-вятчане*», «*вятские вогуличи*», «*пришедшие от Вятки вогуличи*» (курсив наш.— *М. А.*) (Атаманов 1996: 31—32; 1997: 46—47).

В исторических документах XVI в. имеются сообщения о совместных действиях обских угров, удмуртов, марийцев, башкир, ногайцев против русской колонизации Уральских земель. Так, в грамоте царя Иоанна Васильевича от 6 августа 1572 г. удмурты упоминаются в связи с их участием в антиправительственных действиях совместно с марийцами, ханты и ногайцами. В другой грамоте от 16 ноября 1582 г. говорится о совместном выступлении удмуртов с «вогуличами и пелынцами» (Миллер 1937).

«В сентябре 1581 года Пелымский князь Кихек делает второй опустошительный набег на Пермь великую, в котором приняли

участие все инородцы Северного Прикамья: Сылвинские и Иренские татары, башкиры, *остяки*, *вогулы*, *вотяки* (курс. наш.— *М. А.*) и даже Обвинские остяки и Иньвенские пермяки. Этим набегом князя Кихека была сметена почти вся русская колонизация Северного Прикамья, уничтожены Строгановские островки и г. Соликамск»,— читаем в книге «Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии» И. Я. Кривощекова (Пермь, 1914: 156).

По сообщению ряда исследователей, еще в XVII в. манси занимали оба склона Среднего Урала, захватывая на севере верховья Печоры, на западе — бассейн Вишеры и левые притоки Камы — Косву, Сылву, Тулву, Чусовую, на юге — бассейн Танып и Уфы — правых притоков р. Белой. С приходом с юга татар, с запада — русских и коми, граница расселения угров постепенно продвинулась в восточном и северном направлениях. Известны случаи отатаривания и обрусения угров Западного Приуралья.

При таком большом количестве информации, полученной из топонимии и из исторических документов, было бы, как любит выражаться один из моих оппонентов, «не корректно» отрицать присутствие обско-угорского населения во многих регионах Восточной Европы, в т. ч. и Удмуртии. Сохранился один чудесный, умилительный рассказ о связях удмуртов и *поров* — части обских угров, записанный замечательным краеведом, инспектором народных училищ Глазовского уезда Н. Г Первухиным:

«Так, одна старуха Люкской волости (совр. Балезинский район.— *М. А.*) на вопрос: «Почему прежде удмуртки так красиво и богато вышивали свою одежду шелками, золотом и серебром, а ныне перестали вышивать даже бумагой и украшают одежду лишь нашиванием лоскутков цветного ситца?», она сказала: «Ленивы больно стали теперь все, и бедность пошла! Прежде, когда в белом ходили, и работали лучше, и богатства было больше. Теперь и показать стало некому, как шить. А вот моей бабушке которая вышивала эти рукава, показывали еще маленькой *девки-поры*». На вопрос: «Откуда взялись *девки-поры*?», она сказала: «Деды-то наши жили как заводчики, у них были постоянные слуги, которые на них и работали. Это были все *поры*». На вопрос: «Куда они делись?», она ответила: «Теперь все они померли» (Первухин 1888).

Таким образом, вырисовывается картина: еще в середине XVIII в. остатки обско-угорского населения фиксируются на Вятке, в Западном Приуралье, в т. ч. и на территории Удмуртии. Небольшие колонии обско-угорского населения — *вогуличей* ~ *пор* ~ *ишпяк* ~

йӧгра — постепенно обрусели, обудмуртились (см. воршудно-родовые группы *Эгра*, *Пурга*, *Можга*), отатарились, обашкирились, вошли в состав народа коми. Не исключено, что какая-то часть европейских угров ушла за Урал к своим сородичам.

Это был смелый, отважный, воинственный народ, как и их далекие сородичи из Центральной Европы — венгры. По этим качествам из финно-угорских народов близки им только марийцы (вспомним «черемисские войны» — антиколониальное движение в XVI—XVII вв.; не случайно удмурты тех и других называют единым термином «*пор*»; а когда в трескучие морозы с треском лопаются деревья, удмурты говорят «*порпи ыбылйськe*» (паренек-пор стреляет).

Но меня, как ученого, интересует вопрос: откуда и когда появились в Европе обские угры, какую роль они сыграли в существовании поломской древнеудмуртской культуры? На данном этапе знания мне представляется такое решение вопроса: подвижное кочевое население сибирской тайги на территорию Западного Приуралья и дальше на запад могло попасть в любые исторические эпохи. Для них не было преград.

Самый последний и мощный наплыв обско-угорского и самодийского населений был в конце VIII — начала IX в., по крайней мере, на территорию распространения поломской культуры. Под их мощным напором, мне думается, со временем угасла поломская археологическая культура. Это послужило одной из причин массового ухода древнеудмуртского населения с верховьев Чепцы на ее среднее течение и средоточение таких мощно укрепленных городищ, как Иднакар, Дондыкар, Гурьякар, Учкакар и другие, переселения на мелкие притоки Чепцы.

Верхнечепецкое население, как показывают археологические материалы разных регионов, ушло и в Нижнее Прикамье и участвовало в сложении Волжской Булгарии, ушло на юг Удмуртии (об этом свидетельствует керамический материал городища Каргурезь моей деревни Старая Эгра Граховского района), на Вятку — на территорию распространения еманаевской и кочергинской культур. Ушло еще в такую даль, как Вологодская область и Коми край. Вовсе не исключено, что археологи найдут еще и в других далях следы поломского населения.

Вслед за И. Н. Смирновым я давно обратил внимание на наличие этнотопонимов *Вотяки* ~ *Вочь* ~ *Вотча* ~ *Вотца* на территории Вологодской, Костромской областей и на юге Коми Республики. Но

когда археологи открыли аналогичные поломским памятники на Шексне и Сысоле, сомнения исчезли: древнеудмуртское население проникало в эти края (как их далекие предки-ананьинцы в VI—V вв. до н. э. дошли до Белого моря, до Скандинавии).

В 1987 г. на территории Коми Республики, на берегу р. Сысолы, л. пр. р. Вычегды, пр. пр. р. Северной Двины, где сохранились этнотопонимы *Вотская*, *Вотинская*, *Вотца*, *Вотча*, *Вочь*, открыты интересные памятники — могильник и городище. Памятники расположены возле села Вотча, название которого связано с одним из вариантов этнонима *вотяк* «удмурт». Среди средневековых могильников Коми Республики, в частности Вычегодского бассейна, Вотчинский (X—XII вв. н. э.) занимает особое место. Единственным могильником, имеющим определенное сходство с Вотчинским, является Усть-Сысольский. Для них характерна ингумация как способ захоронения, сходные категории и типы инвентаря. Коми археолог Т. В. Истомина считает, что Усть-Сысольский и Вотчинский могильники документируют существование на юге современной Республики Коми на рубеже I—II тыс. н. э. территориальной группы населения, оставившего памятники, близкие синхронным памятникам Прикамья — чепецким, родановским (а в родановских памятниках разве ингумация превалирует? — *М. А.*). Как пишет Т. В. Истомина, для исследователя Вотчинского могильника «остается неясным, чем объясняется специфика Сысольского региона в рассматриваемый период — длительными взаимоотношениями с Прикамьем или переселением какой-то части камско-чепецкого населения в бассейн Сысолы» (Истомина 1999: 76—100).

О проникновении древнеудмуртского населения на юг современной Республики Коми свидетельствуют не только этнотопонимы, но и отворшудные географические названия.

Еще об одном очень интересном памятнике: в верхнем течении р. Шексны, на территории Вологодской области, на поселении Крутик, относящемся к X в., выявлена керамика поломско-чепецкого типа — круглодонные чаши с оттисками решетчатого штампа и с примесью ракушки. Его исследователь археолог Н. А. Макаров объясняет эти находки проникновением небольших групп прикамского населения далеко на запад — на северо-восточную окраину Древнерусского государства, населенную прибалтийско-финским племенем *весь* (Макаров 1982: 130). С другой стороны, *весь* проникало и на территорию Удмуртии: одно из городищ на Чепце носит название *Весьякар*: *кар* «городище, город»; «гнездо» — «городище

Весья» по удмуртскому преданию, одного из сыновей *Донды батыра* — отца всех чепецких богатырей — звали *Весья батыр*).

Следует заметить: этнотопонимы *Вотча ~ Вотца ~ Вочь* чаще всего встречаются в коми-удмуртско-вепсско-русской этноконтактной зоне, в бассейне Северной Двины, по ее южным притокам. Именно здесь, судя по русскому письменному источнику XIII в. «Слово о погибели Земли Русской», жила *тойма* — «тоймици погании», т. е. некрещеные тоймичи — одна из ветвей древних удмуртов,— без сомнения, выходцы с Нижней Камы и Вятки, включая территорию Удмуртии, Татарстана, Кировской области, ибо там находится основной очаг гидронимов, ойконимов под названием *Тойма*.

Что еще важно: поселение Крутик на Шексне (Вологодская область) и Вотчинский могильник на Сысоле (Республика Коми) — одновременны, они датируются концом I и началом II тыс. н. э.

На этом фоне не удивительно появление этнонима *арису* в письме хазарского кагана Иосифа: *ар* — тюркское (хазарско-булгарское) название удмуртов, а *ису* (нередко — *вису*) — это *весь* в русских письменных источниках, современные вепсы. О контактах пермских народов с вепсами писали и другие ученые.

Таким образом, в конце I тыс. н. э., в эпоху бурных передвижений одних этнических групп и консолидации других в единый этнос, когда в Волго-Камском регионе началось формирование многоэтничного Булгарского государства, древнеудмуртское население на Верхней Чепце вовсе поредело, значительная часть, как я считаю, под натиском пришлых из Зауралья обско-угорских и самодийских групп переселяется по огромным просторам Восточной Европы. В это время на средней Чепце формируется еще более богатая и интересная культура потомков поломского населения — *чепецкая*.

5. 7. Чепецкая археологическая культура (X—XIII вв.) выросла на основе поломской с включением носителей кочергинской культуры — удмуртов-ватка, живущих по р. Вятке, отчасти калмезов, живущих по левобережным притокам р. Чепцы — по Убыти, Сепычу, Парзи, где расположены древние археологические памятники — городища Сьӧлтакар, Поркар, Кыпкинский могильник и др.

Как гласит удмуртское предание, в древние времена в этих краях жили калмезы, но вот со стороны реки Вятки начали прибывать удмурты-ватка. Один из них дошел до двух калмезов, бортничающих в причепецких лесах, и между ними возник спор: кому из этих

Культовые, хозяйственные вещи и предметы чепецкой культуры
(*рис. Вал. Белых*)

племен остаться здесь жить. Калмезы были согласны на совместное жительство, но ватка ни за что не соглашался. Когда ночью легли спать, ватка тайком встал и убил одного из калмезов. Долго оплакивал калмез убитого соплеменника; здесь же он похоронил его, но проклял племя убийцы. Поэтому, говорят, народ в деревне Парзи мелкий, ленивый, на все дурное способный. После этого калмез со своими родственниками ушел к своим сородичам, живущим в бассейнах рек Кильмезь и Иж. Как говорили косинские удмурты (жители Зуевского, Унинского районов Кировской области), калмезы — вековечные жители на Чепце, а они, ватка, пришли с берегов реки Вятки, из-под Хлынова, Слободского; на Косе у д. Городище расположены городище Поркар и могильник пьяноборско-чегандинского времени. Все эти данные свидетельствуют о том, что в бассейн р. Чепцы первыми проникли калмезы-чегандинцы (за исключением устьевой части реки) и калмезы-осинцы, заложившие основу поломской культуры. Следует сказать: после массового прихода ватки с Вятки не все калмезы ушли с бассейна Чепцы, они растворились в среде ватка: так, калмезская воршудно-родовая группа *Тукля* зафиксирована в 10 деревнях Глазовского района, в 4 — Красногорского, в 2 — Балезинского районов.

Кроме того, был поток с Арской земли: воршудно-родовая группа *Ӟумъя* зафиксирована в 8 н. п. Балезинского района, в 3 — Красногорского района, а также *Уча*, которая зафиксирована в 2 н. п. Глазовского, в 1 н. п. Красногорского, в 1 н. п. Юкаменского районов. Возникает вопрос: когда и почему с Нижней Вятки эти две крупные арские (ныне их можно назвать кукморско-мамадышские) воршудно-родовые группы переселились на среднюю и верхнюю Чепцу (в среде нижнечепецких — слободско-унинских удмуртов их следы не выявлены).

В этом вопросе определенную помощь оказывают работы археолога Г Т. Живаевой (Кондратьевой). Ею выявлены и исследованы чрезвычайно важные для средневековой истории удмуртов могильники на границе расселения северных и центральных групп: в д. Кушья Игринского района ею исследован древнеудмуртский могильник XIII—XV вв. *Дзюмъя-шай* («могильник рода-воршуда Дзюмъя») (Живаева 1971: 42). Судя по названию могильника и времени его функционирования, воршудно-родовая группа *Ӟумъя* могла появиться в бассейне Чепцы именно в это время. Начало отступления многих воршудно-родовых групп с Арской земли, в т. ч. *Ӟумъя* и *Уча*, на север Удмуртии, в бассейн Чепцы, может быть

связано с бурными событиями в Поволжье, в Нижнем Прикамье в связи с появлением там булгар, позднее — татаро-монгол.

В сложении чепецкой культуры южные удмурты, судя по расселению воршудно-родовых групп, почти что не принимали участия. Расселившаяся по многим районам средней величины южноудмуртско-калмезская воршудная группа *Ӟатча* выявлена в 3 н. п. Балезинского, в 2 н. п. Игринского и в 1 н. п. Красногорского районов. Еще одна чисто южноудмуртская, нижневятская воршудно-родовая группа *Бӧдья*, передвигаясь по Ижу, дошла до Игринского района: Г Т. Живаевой же у д. Правая Кушья исследован могильник XIII—XV вв. под названием *Бӧдья-шай* («могильник воршуда Бӧдья»), он расположен вблизи *Дзюмья-шая*. Вероятно, члены этих воршудно-родовых групп на север Удмуртии пришли в одно и то же время с Нижней Вятки.

В период формирования чепецкой культуры шла ассимиляция западносибирского обско-угорского и самодийского населений. Именно на этой территории многочисленны топонимы, образованные от названия фратрального объединения *пор*: *Поршур*, *Поркар*, *Поргучин*, *Порпи*, *Поршай* в Глазовском, Юкаменском районах.

В главе о чепецких богатырях удмуртского эпоса, относящегося к эпохе возникновения чепецкой археологической культуры, говорится:

...В давно прошедшие годы на Солдырь откуда-то пришел удмуртский батыр по имени Донды с двумя сыновьями: Идна и Гуръя. Ватка ли, калмез ли был он — уже не известно, известно только одно: он был удмурт. На Солдыре семья Донды умножилась — родились еще несколько сыновей, между которыми можно назвать Весья и Зуй. Сыновья подросли, женились, и наконец им стало уже тесно жить на одном месте. Тогда Донды пошел с младшими сыновьями вверх по небольшой реке и основал новый городок, который получил название *Дондыкар*. Идна остался на старом отцовском месте. Каждый из сыновей Донды батыра сделался владетельным князем, но жизнь они повели по-разному: Гуръя занялся земледелием, Идна — охотою, а Донды — промыслом и торговлей. В тех местах, где они не находили гор под *кары* и крепости, там хватали рукою за пригорок, вытягивали его кверху до величины горы и на этой горе поселялись со своими товарищами, такими же богатырями, как и сами князья. Они проводили свое время в занятиях охотой, земледелием и промыслами.

Дондыкарские богатыри нередко ссорились с соседними богатырями. Сражаясь с ними, они перебрасывали на соседние городища целые бревна или большие чугунные гири. Так, гуръякарские богатыри переки-

дывались бревнами с весьякарскими богатырями, а с балезинскими перекидывались 40-пудовыми гирями. Иднакарские богатыри кидали гири в несколько пудов в сепычкарских богатырей, а богатыри селтакарские бросали бревна в иднакарских богатырей, с которыми у них была частая вражда (т. к. в Селтакаре жили *калмезы*, а в Иднакаре — *ватка*: два дуальных, нередко враждующих племенных объединения.— *М. А.*).

Зимой селтакарские богатыри надевали на ноги серебряные лыжи и ходили к богатырям Карйыла. Лыжи эти были настолько быстроходны, что они в один миг пробегали пространство между этими двумя городищами. У Донды было два главных места поселения: Дондыкар («городище, город Донды») и Дондыгурт («деревня, принадлежащая Донды»), в верстах шести друг от друга. Окрестные селения платили ему дань. До сего времени указывают близ Дондыкара следы старой дороги, по которой жители Кляпгурта будто бы ежегодно ходили к Донды работать на его полях.

...И дожил Донды до глубокой старости, когда его убили любовники его снохи Эбги. Но едва только Донды испустил свой последний вздох, как был превращен в белого лебедя. И в этом образе до настоящего времени покровительствует всем удмуртам, которые не забывают его поминать (*записано в конце XIX в. Н. Г. Первухиным среди удмуртов Глазовского уезда*).

Действительно, это была героическая эпоха в жизни удмуртского народа, вернее одной из его этнографических групп — потомков поломской культуры, где со временем превалировали культура и язык части северных удмуртов-ватка. Расселившись вдали от больших рек, дорог, в глубине приуральской тайги, им удалось создать удивительно богатую, яркую культуру, часть вещей которой удалось добыть из-под спуда городищ, селищ, могильников.

К настоящему времени на территории чепецкой культуры выявлены около 20 городищ, 30 селищ, 30 могильников, несколько кладов, относящихся к X—XIII вв.

Один из авторитетных ученых-археологов, исследователь древней истории финно-угорских, тюркских, славянских народов Волго-Уральского региона А. П. Смирнов посвятил происхождению удмуртского народа немало прекрасных страниц, раскрывающих средневековую историю древнейшего этноса Волго-Уральского региона. Изучив чепецкие городища, А. П. Смирнов заметил: сооружение укреплений столь мощных, как у городища *Эбгакар*, *Иднакар*, было бы не под силу немногочисленным обитателям таких усадеб, использовался подневольный труд. Все эти данные, пишет он, указывают, что восточные финно-угры X—XIV веков переживали эпоху начала феодализма. Чепецкие укрепленные поселения — го-

родки, городища *Дондыкар*, *Эбгакар*, *Учкакар*, *Иднакар* — он сравнивал с городищами Западной Европы и Руси великокняжеской эпохи. Не случайно, что и свою статью ученый-археолог назвал «Финские феодальные города» (Смирнов 1931: 36—75).

Дело учителя по изучению чепецких памятников продолжает его талантливая ученица М. Г Иванова. Более двух десятков лет она ведет раскопки одного из центров этой культуры — *Иднакар* и окружающих его могильников, селищ. Как пишет ученый, высокая концентрация памятников на сравнительно небольшой территории средней Чепцы свидетельствует о том, что в силу глубоких социально-экономических процессов и удобных ландшафтно-географических условий этот регион уже в IX—X вв. выделился в более или менее замкнутый демографический регион с интенсивно развивающейся экономикой, основу которой составляло комплексное хозяйство с возрастающей ролью пашенного земледелия и ремесел. Чепецкое общество той эпохи состояло из системы общин, центрами которых являлись аграрно-ремесленные центры *Гурьякар*, *Учкакар*, *Дондыкар*, *Весьякар*, и таких центров насчитывалось до десяти. В качестве общего центра выступало городище *Иднакар* со своей округой, в котором была сосредоточена верховная власть в руках вождя-предводителя (*эксэй*), наделенного военными, судебными, возможно, религиозными (жреческими) функциями (Иванова 1998: 243).

Иднакар являлся одним из крупнейших центров металлообработки. По качеству исполнения отдельных операций и применению технологических схем продукция древнеудмуртских кузнецов не уступала изделиям мастеров других металлообрабатывающих центров на территории Древней Руси, Волжско-Камской Булгарии, некоторых высокоразвитых финно-угорских центров. Многочисленные обломки тиглей, льячки, литейные формы, бронзовые пластины и их обрезки, куски бронзовой проволоки, отливки бус в литейных глиняных формах, сами изделия, клады бронзовых и серебряных украшений и другие вещи, предметы, выявленные в культурном слое Иднакара,— как пишет М. Г Иванова,— не оставляют сомнений в том, что местные мастера в достаточном совершенстве владели разнообразными приемами обработки цветных металлов со многими технологическими операциями: литье, тиснение, штамповка, гравировка, волочение проволоки, холодная ковка. Продукция кузнецов, мастеров металлообработки, помимо обеспечения жителей Иднакара и его округи, шла на продажу в другие регионы.

В зооморфной резной кости средневековых удмуртов прослеживаются наиболее архаичные традиции финно-угорского мира,— они связаны живучестью религиозно-мифологического сознания и технологическими возможностями его обработки. Косторезное ремесло чепецкого населения находилось на высоком уровне развития (Иванова 2009: 173—174).

Исследователь чепецких древностей Г Т. Живаева (Кондратьева) обращает внимание на такой интересный факт, связанный с религиозными верованиями создателей поломской и чепецкой археологических культур: еще в поломское время в могильниках VI—IX вв. была обнаружена масса медных и серебряных подвесок, выполненных в виде круглых медалей с ушком для подвешивания. На многие из них нанесены какие-то символические изображения в виде ломанных линий, расходящихся лучей, штрихованных треугольников и т. д. Их количество в поздних могильниках не только не уменьшается, но даже несколько увеличивается и доживает до исторически обозреваемого времени. Аналогичные подвески лишь эпизодически встречаются в памятниках родановской культуры. Путем сопоставления данных находок с имеющимися этнографическими материалами удалось установить, что эти подвески имеют культовое назначение и являются подвесками-воршудами. Они обычно носились главой семьи и рода. На соседних, прилегающих территориях монетообразные подвески с изображениями не встречаются: воршудные знаки *дэндор* (*дэмдор*) можно отнести к этническим особенностям чепецких племен IX—XV вв. (Живаева 1971: 77—78).

Чепецкое население вело комплексное хозяйство, но ведущую роль играло земледелие. На городищах найдены фрагменты кос-горбуш, серпов, ручных жерновов. Зерно перерабатывали в крупу и муку с помощью ручных жерновов. Причепецкие удмурты сеяли полбу двузернянку, ячмень, овес, рожь (яровую), пшеницу, просо, коноплю, выращивали репу и брюкву. Набор посевных культур был сходен с культурой земледелия многих народов лесной полосы Европы.

Известный исследователь-остеолог А. Г Петренко утверждает, что огромное количество костных остатков городища Иднакар свидетельствует о значительной жизненной активности его населения (Петренко 1991: 68).

Из коллекции 10 076 костей 46,6% принадлежало домашним животным; из них 49,2% — кости крупного рогатого скота, 30,1% —

лошадей, 14,8% — овец, 1,6% — свиней; 4,3% костей принадлежало собакам. Породы коров, лошадей, овец были мелкорослыми, типичными для лесной зоны Восточной Европы.

Основным пушным охотничье-промысловым животным был бобр, кости которого на Иднакаре составляют более половины общего числа диких животных; охотились также на лося, северного оленя, чье мясо занимало важное место в питании причепецких удмуртов; среди промысловых животных следует назвать, помимо бобра, белку, лису, росомаху, куницу и др.

Среди костей птицы преобладают кости глухаря, тетерева, рябчика, домашней курицы, гуся, дикой утки, мясо которых занимало не малое место в рационе древних удмуртов. Все этнографы, побывавшие у удмуртов в конце XVIII—XIX вв., отмечали об их любви к охоте, бортничеству; рыболовство и собирательство даров природы — излюбленное занятие удмуртов до сего времени.

Торговые связи с народами Ближнего и Среднего Востока, с финно-угорским миром лесной полосы Восточной Европы, Прибалтики, с народами Европы осуществлялись в основном водными путями — по Каме, Вятке, Белой, Волге. Начиная с X—XI вв. южные пути, торговые пути по Каме, Волге захватили булгары, на западе — русские купцы и народная вольница речных разбойников — ушкуйники. Тем не менее торговля с нужными товарами не прекратилась, еще более усилилась, но теперь дополнительную мзду надо было платить в булгарскую казну, в руки тех, кто контролировал пушной путь и на восток — в Среднюю Азию, и на юг — в Иран, ближневосточные страны, на Кавказ, юго-восточную Европу.

К XI в. относятся отдельные монеты и украшения из Западной Европы. Единичные вещи явно славянского происхождения найдены на Иднакаре в слоях X—XI вв. Чаще обнаруживаются предметы древнерусского производства, датируемые XII—XIII вв. Это свидетельствует о дальнейшем развитии связей с древнерусскими и западно-финскими землями, которые могли осуществляться через Волжскую Булгарию и по Сухоно-Вычегодскому пути, хорошо известному походами ушкуйников на Пермь Вычегодскую и Югру (История Удмуртии 2007: 273).

Привозные изделия местное население использовало по-разному: бусы служили украшением женского костюма; монеты утрачивали основную функцию и преимущественно включались в состав ожерелий, а серебряные сосуды применялись в культовых целях

либо переплавлялись. Значительное накопление их в кладах свидетельствует о том, что серебряные монеты и сосуды воспринимались как символ и олицетворение состоятельности владельца (*Там же.* С. 273).

Прошли столетия. Родоплеменные группы, составившие этническую основу современных удмуртов в конце I — начале II тыс. н. э., попали в кабалу тюркских каганатов, ханств, а с 1557 г. все удмуртские земли были включены в состав быстро набирающего мощь молодого Русского государства. Эксплуатация шла жесточайшая, но трудолюбивый, смиренный народ всегда и вовремя платил дань (ясак, налоги) и прочие и прочие обложения, в долг не жил, в долгу не оставался. Только в самые критические, невыносимо тяжелые годы он уходил в таежные уральские леса, скрывался у вольнолюбивых, сильных духом соседей башкир или, приняв ислам, «становился татарином». Тому множество примеров. А иногда, когда уже жить было невмоготу, удмуртский народ присоединялся к восставшим казакам, башкирам, остякам (ханты), вогулам (манси), черемисам (марийцам).

Даже в такие тяжелые социально-экономические периоды жизни удмурты имели в запасе серебро, нередко и золото, ибо эти драгоценные металлы в высокой цене не только в наши дни, но ценились и в древние времена у всех народов, прошедших этапы разложения первобытно-родовых отношений. Почтительное отношение к серебру, золоту сохранилось, можно сказать, до наших дней. В гостевых песнях южных удмуртов очень часто фигурируют понятия «золото», «серебро»: своих любимых родственников они сравнивают с этими драгоценными металлами. Если перевести на русский язык, песни звучат примерно так: «Вы — золото, мои родственники, вы — серебро, мои родственники! Только мы когда же станем подобными золоту и серебру?» А в другом куплете говорится: «Оказывается, и золото не нужно, оказывается, и серебро не так нужно. Оказывается, нужны родственники, подобные золоту и серебру!» (Такая была великая любовь, неописуемая радость при встрече с родственниками, приглашенными из других деревень. Эти глубоко национальные приемы гостей мне посчастливилось увидеть в детстве, а в молодости, когда мне было 18 — 25 лет, участвовать в этих церемониях и петь древние гостевые песни.)

А. А. Столбов (РФ УИИЯЛ УрО РАН) пишет: «Считаю необходимым указать на какое-то исключительное обилие серебра, бывшего в употреблении у глазовских (причепецких) удмуртов.

Земским статистикам при обследовании ими Глазовского уезда местные удмурты рассказывали, что у их предков было такое обилие серебра, что из него делались домашние котлы». В удмуртском эпосе говорится даже о серебряных лыжах.

Может быть, из-за наличия большого количества серебра каринских (причепецких) татар, обосновавшихся в центре поселений северных удмуртов, их сородичи по Казанскому ханству называли нукратскими — серебряными? И саму реку Вятку (по-удм. Ваткакам), протекающую с самого истока удмуртских земель, татары называли *Нукрат-идель* — Серебряная река. Удмуртские земли и ее жители для татарских баскаков были настоящим Клондайком,— в руки каринских татар, жестоких эксплуататоров удмуртского народа, уходило очень немало удмуртского серебра. Неслучайно еще в 1670 г. на месте знаменитого центра северных удмуртов — на Иднакаре (Солдаре) — собрался мирской совет удмуртов со всего бассейна р. Чепцы (к ним присоединились бесермяне) для борьбы с колонизацией удмуртских земель каринскими татарами. Была составлена Одинашная запись — это письменное обязательство членов мирского общества быть одинакового образа мыслей, где говорится:

«И нам, всем мирским людем, меж собою сие одинашной записи и после нас кто будет жив, ни детям нашим, ни внучатам, ни правнучатам, ни роду нашему, ни племени ничем не лживить и не спорить, потому что мы мирские люди сию одинашную запись писать велели со всего мирского большогу совету. А по прежним и впредь будущим великого государя грамотам нам, отяком и бесермяном, от их татарской обиды и разоренья друг друга не подать, стоять истцом всем заодно безо всякой хитрости и понаровки и во всем друг друга слушатца, чтобы нам, мирским людем, никому от них татар никакова разоренья и нападки напрасно впредь не было...» (Документы по истории Удмуртии 1958: 95 — 99).

Не меньше драгоценного металла было и у южных удмуртов. Как рассказывала моя мама, у каждого более или менее зажиточного удмурта в запасе всегда было золото, а о серебре и речи нет: каждая удмуртская женщина, особенно южных и центральных районов, на себе в виде украшений носила несколько килограммов чистого серебра: нагрудное монисто, головные уборы — айшон и такъя, браслеты, серьги, налобные повязки и др.

Часть серебра и золота удмурты хранили в кладах. В среде южных удмуртов сохранился целый цикл преданий о кладах и маги-

ческих действиях при их находке. Действительно, до сих пор на местах усадеб зажиточных крестьян, раскулаченных, сосланных из родных краев, находят клады золота и серебра.

...Уже в ранний период функционирования Иднакар имел значение военно-оборонительного, аграрно-ремесленного, торгового, культурного и административного центра консолидирующейся этносоциальной общности. Но его эволюция была обусловлена преимущественно потребностями внутреннего развития древнеудмуртского общества. С одной стороны, относительная удаленность от международных торговых путей отнюдь не способствовала активному включению в торгово-экономическую систему Восточной Европы, но с другой — позволяла сохранить относительную независимость и этническое своеобразие.

Эпоха интенсивного внутреннего развития чепецкого, северноудмуртского населения продолжалась не менее трех столетий — X—XIII вв. Но затем крайне неблагоприятная внешняя ситуация, сложившаяся в середине XIII в. в связи с татаро-монгольским нашествием в Восточную Европу, а также в другие регионы огромного Евроазиатского континента, вызвала значительные перемещения населения окружающих территорий, прервала и деформировала процессы социально-экономического и этнокультурного развития (История Удмуртии 2007: 283).

Сравнительный анализ материалов наиболее значительных городищ Прикамья — *Иднакар* на Чепце, расположенный в центре поселений северных удмуртов, *Анюшкар* — в Верхнем Прикамье, принадлежащий коми-пермякам и *Елабужское* — древнейшее городище в Нижнем Прикамье, основанное еще в ананьинское время, находящееся на южноудмуртско-булгарской этноконтактной зоне,— убеждает в том, что на рубеже I—II тысячелетий н. э. Прикамье развивалось в общем русле процессов градообразования. Но как пишет М. Г Иванова, исторические судьбы укрепленных поселений оказались разными. В Елабуге, оказавшейся в составе Булгарского государства, преобладающим стало булгарское население, город получил дальнейшее развитие (после разгрома Волжской Булгарии татаро-монголами Елабужское городище, вероятно, стало форпостом золотоордынцев и их потомков по Казанскому ханству по сбору дани-ясака с местного прикамского населения).

На верхнекамских городищах, расположенных в непосредственной близости от Камского торгового пути, в большей степени выражен булгарский компонент (особенно в доле керамики); на Чепце,

несмотря на динамичные удмуртско-булгарские и отчасти удмуртско-русские взаимодействия, развиваются традиции, восходящие к местным финно-пермским истокам без заметных иноэтнических включений. Здесь не обнаружены опорные пункты булгарского или русского населения. В XIII—XIV вв. жизнь на верхнекамских и чепецких городищах угасает (Иванова 2009: 179). Судьбы Арского и Хлыновского городищ, центров южных и северных удмуртов, чаще всего не затрагиваются в работах археологов.

Начиная с 1974 года археологическими экспедициями Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН под руководством М. Г. Ивановой, из 40 тыс. кв. м площади Иднакарского городища раскопано 9 тыс. кв. м площади, при этом из-под спуда земли добыто 50 тыс. единиц разных вещей, предметов и другой сопутствующий материал — база данных находок.

Если на раскопки 9 тыс. м^2 площади ушло 25 лет, а на остальную нераскопанную часть — 31 тыс. м^2 площади — сколько же потребуется времени? До сего времени не изученными остаются другие интереснейшие, важные для науки исторические памятники — городища, селища, могильники как на Чепце, так и в других регионах, связанных с историей формирования древних удмуртов. Чего стóит одно Охлебининское городище в центре Башкирии, пять раз превышающее площадь Иднакарского городища, или Охлебининский же могильник, не имеющий себе равного во всей лесной зоне Евразии, где содержится 10 тыс. захоронений? А другие слабо- или совсем неизученные районы Удмуртии, Вятско-Ветлужско-Сухонский, Нижнекамско-Волжско-Свияжско-Цивильский регионы, связанные с древней историей удмуртов-ватка?

Так что работы у археологов непочатый край, как говорится, только трудись — не ленись, ее хватит не на одно столетие, если те древние памятники не уничтожат время и дикие археологи-разбойники в поисках драгоценного металла.

* * *

Археологическую часть своей книги, как начал со ссылок на труды замечательных исследователей древностей Прикамья, особенно общепермской ананьинской историко-культурной общности А. В. Збруевой и Р. Д. Голдиной, так и заканчиваю их основными выводами, к которым они пришли в результате многолетних, кропотливых исследований археологических памятников Прикамья:

1. В X—XIII вв. н. э. на северо-востоке европейской части России существовали три крупные группы поселений и могильников, принадлежащие трем большим группам родственных народов: одна из них была расположена на реках Вычегде и Выми, вторая — на Верхней Каме и третья — на реках Вятке и Чепце, Иже и Вале, Пижме, Шошме и Кильмези. Первая принадлежала предкам современных коми-зырян, вторая — предкам коми-пермяков и третья — предкам удмуртов.

2. От ананьинского времени до X—XIII вв. на археологическом материале ясно прослеживается местная традиция, которую можно установить по металлическим культовым изображениям и по керамике.

Расположение укрепленных поселений предков удмуртов на р. Чепце ничем не отличается от расположения ананьинских городищ.

3. Хозяйство удмуртов X—XIV вв. и в последующие годы представляет собой дальнейшее развитие хозяйства ананьинцев. Ведущими занятиями остаются земледелие и скотоводство. Но обе эти отрасли хозяйства поднимаются на более высокую ступень: земледелие становится пашенным. Охота и рыболовство продолжают играть важную роль в хозяйстве древнеудмуртского населения.

Древним ананьинцам, предкам пермских народов, была известна металлургия меди и обработка железа, но железа у них было сравнительно немного, в то время как на древнеудмуртских городищах X—XIV вв. найдено много предметов, связанных с кузнечным и литейным делом, указывающих на развитую металлургию меди и железа.

Появление более совершенных орудий, как железный проушной топор вместо бронзового ананьинского кельта, подняло обработку дерева на новую, недосягаемую для ананьинцев высоту: появился более совершенный ткацкий станок, а ананьинские полуземлянки были заменены наземными жилищами, целиком построенными из дерева.

Многочисленная глиняная посуда, сделанная от руки, несет на себе древние традиции ананьинской культуры: сосуды имеют примесь толченой раковины в глиняном тесте; преобладающая форма — круглодонная чаша разных размеров; орнамент помещается в верхней части сосудов и состоит чаще всего из оттисков шнура, иногда комбинированных с ямочными и зубчатыми вдавлениями. Прикамское керамическое производство почти до XV в. сохраняло чрезвычайно архаические черты.

4. Сравнивая между собой результаты исследования ананьинских и чепецких могильников, где похоронены предки современных удмуртов X—XVI вв., приходим к следующим выводам: а) те и другие могильники располагались на высоких берегах рек; б) каждая родовая ячейка имела свое определенное место на кладбище; в) умерших клали в могилы разной глубины в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток или северо-запад; г) погребения сопровождались вещами, что доказывает веру в существование загробной жизни; мужские погребения у ананьинцев и древних удмуртов X—XIV вв. сопровождались оружием и орудием труда, а женские — украшениями.

В могилах обеих групп находят кости домашних животных и глиняные сосуды, содержащие остатки еды и питья — остатки жертвоприношений.

Могилы были засыпаны землей с углем и мелкими жженными костями животных, подсыпанными из жертвенного очага.

Таким образом, в погребальном обряде X—XIV вв. можно установить наличие древних ананьинских традиций, хотя удмуртские погребения совершались в деревянных гробах, а ананьинские — без гробов.

Не менее яркие параллели выявляются в культовых изображениях, в одежде, украшениях ананьинского и древнеудмуртского населения. Что стоит только так называемый пермский звериный стиль, истоки которого уходят в ананьинскую и более древние эпохи. Воршудные изображения в виде фигур животных, птиц, рыб, насекомых и самого человека дожили в среде удмуртов до середины XIX в.; воршудно-родовые знаки-медальоны — *дэндоры* — носились главами семей на груди тоже до указанного времени.

За тысячу с лишним лет самостоятельного развития в древнеудмуртском обществе X—XIV вв., в сравнении с ананьинским временем (VIII—III вв. до н. э.), естественно, произошли существенные изменения во всех сферах хозяйственной деятельности, в религиозно-духовой сфере. Как пишет А. В. Збруева, «В течении столь большого промежутка времени и в структуре общества и в религиозных представлениях даже одного и того же народа должны были произойти значительные сдвиги, особенно если этот период попадал под перекрещивающиеся культурные влияния. И напротив: народ, оттесненный в глухие места, в стороне от торговых путей и различных влияний, может долго сохранять в своей культуре очень архаичные черты и древние традиции» (Збруева 1952: 212).

(К сожалению, после XII—XIII вв. удмуртский народ начинает полностью терять свою самостоятельность, колониальные тиски начинают зажимать его со всех сторон: удмуртский народ был оттеснен в глухие места, подальше от торговых центров; нередко он сам выбирал такие места, чтобы сохранить свое удмуртское «Я»: язык, культуру, религию, свои обычаи, обряды. Хотя он сторонился от больших торговых путей, но торговые дела он никогда не оставлял.)

Подводя итоги своих научных изысканий, А. В. Збруева пишет: «Сравнение археологических материалов ананьинского времени с материалами X—XIV вв. н. э. и некоторыми элементами современных жилищ и национальной одежды удмуртов и коми-пермяков позволяет установить их взаимную связь и наличие ананьинских традиций в культуре удмуртов и коми-пермяков, которые ясно наблюдались в X—XIV вв. и отдельные отзвуки которых дожили до современности» (Збруева 1952: 215).

Последовательница А. В. Збруевой профессор Р. Д. Голдина со своей археологической школой, состоящей из ее талантливых учеников, с сотрудниками возглавляемого ею Института истории и культуры народов Приуралья, проделала такую огромную работу, какой не было до нее, нет гарантии в том, что такой же громадный труд проделают ее последователи. Знакомясь с ее многочисленными публикациями, вполне реально вырисовывается история Камско-Уральского региона и его автохтонного населения, начиная от палеолита и кончая поздним средневековьем.

Как показали многочисленные археологические материалы,— заключает Р. Д. Голдина,— Приуралье — одна из благоприятных для обитания областей ойкумены — было довольно плотно заселено человеком уже в эпоху позднего палеолита. И с этого времени у людей не было причин покидать этот край. По мере увеличения численности человечества возрастала плотность населения Приуралья,— об этом свидетельствует растущая от одной эпохи к другой число археологических памятников: если мезолитических памятников в Приуралье выявлено несколько десятков, то неолитических объектов известно уже несколько сотен (Голдина 1999: 400).

Вероятно, уже в позднем палеолите,— полагает ученый,— оформились основные черты уральской этнической общности, характеризующейся особым антропологическим типом, своим языком, своеобразной материальной и духовной культурой.

На рубеже мезолита (средний каменный век) и неолита (новый каменный век) уральская общность разделилась на самодийскую и финно-угорскую этноязыковые группы. На рубеже неолита и энеолита угорская группа отделилась от прафинно-угорской общности. В эпоху бронзы предки пермских народов населяли бассейны рек Камы, Вятки, нижнего течения Белой, часть Среднего Поволжья. Пермяне активно контактировали со срубно-андроновскими ираноязычными племенами, позже — со скифо-сарматским миром, а также с родственными праугорскими и поволжскими финно-угорскими группами.

В раннем железном веке, в эпоху существования ананьинской историко-культурной общности, ареал расселения пермоязычных народов оставался неизменным, но в конце VI в. до н. э. нижнекамская группа пермян по неизведанным пока причинам расселилась по всему Волжско-Камскому региону, дошла до Двинско-Сухонского междуречья, вплоть до Белого моря.

Железообработка способствовала прогрессу всех областей жизнедеятельности ананьинского пермоязычного населения: земледелию, скотоводству, охоте, военному делу и т. п. Бронзолитейное производство достигло наивысшего расцвета. Продукция ананьинского металлургического очага (VIII—IV вв. до н. э.) известна от Швеции до Иртыша, от Кавказских гор до Северного Ледовитого океана. Как считает Р. Д. Голдина, металлообработкой занимались выделившиеся профессиональные кузнецы-литейщики. В IV в. до н. э. бронза была вытеснена железом из сферы производства орудий труда и оружия. Из нее стали делать только украшения.

В III в. до н. э. ананьинская общность разделилась на две группы: на пьяноборскую (Среднее и Нижнее Прикамье, Вятка, нижнее и среднее течение р. Белой) — праудмуртскую и гляденовскую (Верхнее Прикамье, Средняя и Верхняя Вычегда, верхнее течение р. Печоры) — пракоми этноязыковые общности.

В пьяноборское время (III в. до н. э. — V в. н. э.) наблюдался неизменный прогресс древнеудмуртского общества. Успешно развивались хозяйство, торговля. Металлообработка не только обособилась в самостоятельный вид деятельности, но и превратилась в ремесло.

«Таким образом,— заключает Р. Д. Голдина,— удмуртский народ в Камско-Вятском междуречье имеет глубокие исторические корни. Границы его обитания менялись в соответствии с многооб-

разными историческими обстоятельствами и процессами, проходившими в этом крае. На протяжении тысячелетий предки удмуртов взаимодействовали в разной форме с различными народами, воспринимая от них лучшие достижения человечества. Вместе с тем, многим поколениям удмуртов удалось сохранить неповторимый колорит материальной и духовной культуры своего народа, позволяющий отчетливо идентифицировать это оригинальное образование — удмуртский народ» (Голдина 1999: 404).

Удмурты и их очень далекие, и не очень далекие предки-родственники не только заимствовали высокие достижения своих соседей, но и сами много давали им: ананьинские, пьяноборские вещи выявляются на огромной территории Евразии. Более того, они участвовали в сложении многих соседних и не совсем соседних народов в самые разные исторические эпохи. Так, еще в ананьинское время в VI—V вв. до н. э. протоудмуртские группы с Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья переселились на северо-запад России, вплоть до Белого моря, Скандинавии, и участвовали в сложении саамов, некоторых прибалтийско-финских групп: карел, восточных финнов, вепсов и др.

В эпоху великого переселения народов, само собой разумеется, древнеудмуртские воршудно-родовые группы тоже участвовали в этом процессе, они включали в свой состав иноязычные родоплеменные группы и сами растворялись в среде пришлых многочисленных народов. Так, в составе башкир выявляются родоплеменные группы удмуртского происхождения: *калмаш, гайна, имес, мышыга (<Можга)* и др.

Помимо южных удмуртов в сложении волжско-камских булгар участвовали пришедшие с Чепцы древнеудмуртские родоплеменные группы. На некоторых булгарских памятниках древнеудмуртская лепная керамика с ракушной составляет чуть ли не половину всего керамического материала. Типичный тому пример: Елабужское городище, содержащее слои ананьинского, пьяноборского времен и эпохи средневековья. Татарские ученые Елабугу считают булгарской укрепленной крепостью, откуда контролировался Камский торговый путь. Но исследования последних лет выявили на городище выразительные коллекции керамики с раковинной примесью прикамско-приуральской этнокультурной группы; вблизи вала обнаружено женское захоронение, а в южной части третьего мыса — могильник (Елабужский IV некрополь). Их материалы имеют самые близкие аналоги в древнеудмуртских памятниках

бассейна Чепцы, по которым собственно и определена начальная дата освоения памятника в средневековье — X в.; степень присутствия тюркского населения в начальный период освоения площадки в эпоху средневековья неубедительна. Имеющиеся источники позволяют рассматривать формирование Елабужского городища в ранние периоды его функционирования в общем русле развития финно-угорских укрепленных поселений, позднее — булгарских городов (Иванова 2009: 178—179).

Выше уже упоминалось о том, что древнеудмуртские родовые группы, создатели поломской и чепецкой культур, участвовали также в сложении сысольско-лузской (юго-западной) группы коми (Вотчинский могильник и городище, Усть-Сысольский могильник), а также вепсов-чуди (поселение Крутик). Это пока то, что обнаружено.

До начала тюркско-булгарской и русской колонизации Среднего Поволжья, бассейнов рек Оки, Ветлуги, Унжи древнеудмуртские воршудно-родовые группы населяли значительную часть территории современной Кировской области, восточные пределы Нижегородской, Костромской, Вологодской областей, Республики Марий Эл, северо-восточные пределы Чувашии. В конце I — начале II тыс. основная часть воршудно-родовых групп вынуждена была отступить на восток, на левобережье р. Вятки. Как всегда, при переселениях немалая часть населения по самым разным причинам остается на своих пепелищах и со временем ассимилируется в составе господствующего в округе народа. Именно в эту эпоху часть родовых групп, отдельные поселения или отдельные семьи вошли в состав марийцев северных районов Марий Эл, юга Кировской области, в состав чувашей, не случайно до недавнего времени мордва своих восточных соседей называла *ветьке* ~ *ветке*, а этот этноним восходит к племенному названию удмуртов *ватка*.

Без сомнения, очень много удмуртов ассимилировалось в среде русских вышеуказанных регионов, особенно на территории Вятской земли (см.: Документы по истории Удмуртии XV—XVII веков 1958: 192—207). До сего времени среди русских Кировской и соседних областей сохранились фамилии, связанные с удмуртскими антропонимами: *Будины*, *Муины*, *Возисовы*, *Лысовы*, *Низеговы*, *Шактаровы*, *Квакины*, *Ожеговы*, *Ожмеговы*, *Чежеговы*, или указывающие на этноним, на принятие крещения и христианской веры: *Вотяковы*, *Вотины*, *Вотинцевы*, *Отяковы*, *Новокрещеновы*, *Новокшеновы* и др.

Тюркизация народов Волго-Уральского региона, в т. ч. удмуртов — проблема кардинальная, требующая монографического описания. Я коснусь ее только в качестве постановки вопроса.

Принятие ислама и тюркизация начались еще в булгарские времена, что продолжалось в средние века, вплоть до Октябрьской революции 1917 года. Антропологические исследования показывают, что для татар Заказанья — Арско-Елабужский куст — в противоположность татарам центральных районов республики — характерен высокий процент светлого европеоидного и сублапоноидного типов, которые характеризуют соседних финно-угров — удмуртов, коми, марийцев (Трофимова 1946: 55—57; Зенкевич 1941: 43).

Процесс тюркизации удмуртов шел довольно интенсивно еще в XIX — начале XX вв.: массовое «отпадение в магометанство» удмуртов-язычников происходил в 1830, 1840, 1865—1866, 1905—1908 годах. По подсчетам Н. А. Бобровникова, только в Казанской губернии в этот период отатарилось 15 тысяч удмуртов-язычников (Бобровников 1899: 47).

Начиная с момента завоевания Казанского ханства в этом многонациональном, многоконфессиональном регионе шло соперничество между исламом и христианством. Мусульманские проповедники, по выражению Я. Коблова, использовали все возможные и невозможные средства: и ласку, и угрозу, и материальную помощь, и проповедь, и причинение ущерба (Коблов 1911: 90). И все это приводило к тому, что все больше удмуртов-язычников при умелом обращении татарских мулл нередко на удмуртском языке с проповедями переходило в ислам и отатаривалось. Переход в ислам для язычника означал: «безусловное отречение от своей национальности, языка и обычаев», т. е. «уйти в татары» (см.: Кельмаков 1982: 140). То же самое мне удалось слышать во время экспедиций к удмуртам Пермского края, Башкирии, Татарии.

Только благодаря христианизации до наших дней сохранилась завятская — арская — группа удмуртов. Интересно заметить: удмурты-язычники современного Балтасинского района Татарии, Малмыжского района Кировской области, Мари-Турекского района Марий Эл (шошминская группа) еще в конце XIX в. массово переходили в православие; здесь сохранилась только одна чисто языческая деревня — Тагашур (Бибатла) в Балтасинском районе. В то же время удмурты-язычники кукморско-мамадышского куста чаще всего переходили в ислам. Здесь до сего времени сохранились язычники, блюстители древнеудмуртских культов.

Следует заметить: в среду кряшен (татар-христиан) нижневятско-прикамского региона влилась масса удмуртов. Некоторые детали национального костюма, украшения кряшен и южных удмуртов почти сходны, трудно различимы. Песни-мелодии, многие обычаи, обряды, хозяйственные постройки, антропологический тип кряшен и южных удмуртов сходны, но резко отличаются от мусульманской части татар — типичных кипчаков, бывших кочевников.

Процесс татаризации (исламизации) и «ухода в татары» удмуртов в дореволюционную эпоху закончу статьей Н. В. Никольского, в которой приводятся конкретные цифры «отпадения в магометанство вотяков» только за 1911 год по населенным пунктам, уездам, губерниям Российской империи:

в **Вятской губернии** в Мамадышском у. — 962 удмурта перешли в ислам;

в **Пермской губернии** в Осинском у. — 943, в Оханском у. — 6, в Пермском у. — 567 удмуртов перешли в ислам;

в **Уфимской губернии** в Бирском у. — 899, в Уфимском у. — 3 человека перешли в ислам;

в **Томской губернии** в Кузнецком у. — 8 удмуртов перешли в ислам (Никольский 1912: IV — VII).

Только за 1911 год в ислам перешел 3501 удмурт, из них 1516 человек жили на территории Пермской губернии. В это время полностью отатарились пермская и бардымская группы удмуртов. О них никаких сведений не опубликовано, не известно, откуда и когда они туда прибыли.

Десятки, может быть, и сотни тысяч удмуртов ассимилировались в среде булгар, казанских татар, северо-западных групп башкир, так что даже антропологический тип выходцев из центральноазиатских степей изменился в сторону европеидности.

Самое большое количество удмуртов отатарилось в период расцвета Казанского ханства, но особенно после его падения и последующих за этим событий: наиболее сильные, оставшиеся в живых, бежали на Урал, на территорию Удмуртии, Башкирии, а оставшиеся на своих пепелищах со временем, приняв ислам, постепенно отатарились. Антропологический тип и топонимы свидетельствуют: до прихода тюрков во всем Нижнем Прикамье, по Вятке, по Свияге, Казанке и по некоторым другим притокам Волги жили удмурты, которых булгары, а через них другие тюркские народы края прозвали *ар*, *арлар*, *ар кешесе*, а русские письменные источники — *аряне*, *арские люди*.

IV. АНТРОПОЛОГИЯ: ВАЖНЕЙШИЙ ИСТОЧНИК В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА УДМУРТСКОГО НАРОДА

Как сообщают энциклопедические словари, **антропология** (от *антропо* < греч. *ánthrōpos* «человек» + *логия* < греч. *lógos* «слово; учение») — наука о происхождении и эволюции человека, образовании человеческих рас и нормальных вариациях физического строения человека. Как самостоятельная наука сформировалась в середине XIX в.

Антропологическое изучение удмуртов начинается со второй половины XIX в. Первым антропологом, квалифицированно описавшим краниологию и соматологию удмуртского народа, был член Общества естествоиспытателей при Казанском университете Н. М. Малиев. Для сбора материала он выезжал к удмуртам Глазовского и Сарапульского уездов. Собранные им сведения показали: большинство удмуртов принадлежит к брюнетам с господствующим русым цветом волос. Глаза у 50% голубые, ширина глаз средняя, нос приплюснутый, голова брахицефальная (Малиев 1874: 3—11).

Читаешь эти строки и на память приходят страницы из древнейшей письменной истории народов, населяющих 25 веков назад восточные пределы Европы, написанные великим историком античной эпохи Геродотом (между 490 и 480 — около 425 годами до н. э.). В своей IV книге Геродот дает перечень народов, населяющих степное Причерноморье (скифы, сарматы и др.) и лесную зону Восточной Европы от Карпатских до Уральских гор (Геродот 1888: 313).

В данном случае нас интересуют *будины*, которых с давних пор пытаются связать с предками удмуртов (А. Вештомов, В. Томашек, М. Хомяков и др.). Геродот сообщает о будинах следующее: «*Будины* — народ многолюдный, со светло-голубыми глазами и с рыжими волосами... Страна их изобилует разнородными лесами» (Геродот 1888: 351—352).

В таком случае, этноним *будин*, наверное, ближе не к *уд* (мурт), а к воршудно-родовому микроэтнониму южных, центральных, закамских групп удмуртов *Будья ~ Бöдья < бö°д'йа*. Предалекие потомки будинов в 2009 году в Ижевске издали учебное пособие по языку легендарных будинов — *Будинос* — финно-угорское эсперанто, имеющее колоссальный успех и отклик во многих странах мира. Создателем языка *будинос* является талантливый молодой ученый Арзами Очей — Алексей Арзамазов.

Язык, культура в течение одного или двух веков в корне могут измениться или исчезнуть, что мы видим в наши дни в глобализирующемся мире. Но антропологический тип живет многими столетиями, тысячелетиями без изменений или минимальными трансформациями. Примеров на этот случай множество, но возьмем ближайший, касающийся нашей темы: после трагических событий в середине XVI в., связанных с падением Казанского ханства и Арского (Удмуртского) княжества, удмурты Заказанья, особенно из округи Арска, в массе перейдя в ислам, полностью отатарились — потеряли язык, культуру, религию, а антропологический тип, в определенной степени также нравственно-психологические качества, характерные для удмуртов, сохранились среди татар Арского и соседнего с ним районов Заказанья. Любой удмурт или татарин из других регионов может заметить, как много здесь русо-, рыжеволосых татар, блондинов. Как пишет известный антрополог Т. А. Трофимова, антропологические исследования последних лет показали, что для татар северо-востока республики (Арский — Елабужский районы) — в противоположность татарам центральных районов республики — характерен высокий процент светлого европеоидного и сублапоноидного типов, которые характеризуют соседних финно-угров — удмуртов, коми, марийцев (Трофимова 1946: 55—57; Зенкевич 1941: 43).

Конечно же, есть и примеры обратного порядка: если в национально-исторические процессы вмешиваются сильные человеческие сообщества во главе с сильными правителями, диктаторами, как это произошло после открытия и завоевания европейцами Американского континента, многих островов, архипелагов на Тихом, Атлантическом, Индийском океанах, в результате смешанных браков появляются мулаты, креолы.

В Советском Союзе при правлении коммунистов была разработана идея воспитания нового человека для будущего коммунистического общества, где не будет места национализму, шовинизму,

расизму, как в США, ЮАР, фашистской Германии; ставилась цель создания безнациональной, безрелигиозной общности советских людей, всячески поощрялись, пропагандировались межнациональные браки. В результате такого массового воспитания в коммунистическом духе за какие-то 70 лет 30% удмуртов обрусели: браки заключались с русскими, татарами, украинцами, белорусами, евреями и многими другими народами СССР; в таких межнациональных семьях, как правило, господствовал русский язык («я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин» — с 1-го класса нам внушали в советской школе).

В результате массовой русификации в стране через смешанные браки в первую очередь изменился генофонд государствообразующей нации страны — русских: нет ни одной народности в огромном многонациональном государстве, с кем бы русские не вступали в брачные связи, «чистых» русских ныне трудно будет найти антропологам.

Вернемся к антропологии удмуртов. Одним из самых ярких внешних признаков удмуртов является цвет волос — от темно-черного до светло-русого (белокурого) со всеми переходящими оттенками. Такое можно встретить и у других финно-пермских, а также у всех других народов европеоидной расы, особенно среди жителей лесной полосы северной части Европы, США, Канады.

Но самый яркий показатель для цвета волос удмуртов — это рыжий цвет со всеми оттенками. Я не знаю, есть ли удмуртские деревни, где бы не было людей (семей) с рыжим-каштановым цветом волос. Ученые считают, что удмурты и ирландцы (кельты) — самые рыжеволосые народы на нашей планете. По данным современного антрополога А. И. Дубова, среди удмуртов высока доля рыжеволосых индивидуумов — 7,3—21,1% (Дубов 1989: 94—107).

Таким образом, сообщение «отца истории» Геродота о рыжеволосых, голубоглазых будинах и их связь с современными удмуртами подтверждается исследованиями антропологов, начиная от Н. М. Малиева и кончая современными учеными. На территории Восточной Европы, о чем шла речь в IV книге Геродота, нет более рыжеволосых народов, чем удмурты. Поэтому рыжеволосых, голубоглазых будинов, жителей восточноевропейской тайги без сомнения можно связать с современными удмуртами.

Геродотовские рыжеволосые будины жили в эпоху расцвета ананьинской общепермской культуры, притом в то время, когда

значительная часть праудмуртов-пермян с Нижнего Прикамья оставила свои пепелища и рассеялась по всей лесной зоне Восточной Европы — от Жигулевских гор на юге до верховьев Камы, Печоры, Вычегды, от Западного Приуралья по всему Поволжью, вплоть до Белого моря и Скандинавии. В чем причина? Экологическая катастрофа? А может быть война с персами? — «но вторгшись в землю будинов, персы напали на деревянное укрепление, которое было совершенно покинуто будинами, и сожгли его» (Геродот, кн. IV: 108—109; 123).

Может быть, тогда будины стали еще более известны причерноморско-донско-приволжским скифам — южным соседям будинов — как народ, говорящий на особом языке и кочующий в обширнейших лесах, изобилующих разными породами деревьев, где водятся бобры, выдры...

И еще: у каждого народа есть свой идеал внешней (антропологической, скажем) красоты. К слову сказать, сами удмурты рыжий цвет волос не очень-то почитают, для них дороже и краше волосы, похожие на кудель — льняное волокно, приготовленное для пряжи. В одной из самых известных народных песен «Лымы тӧдьы» («Снег белый»), которую знают и многие русские, говорится: «Яблоко красно (ало), яблоко красно (ало),— алее (краснее) яблок мои щеки; смородина черна, смородина черна,— чернее смородины мои глаза; кудель желта, кудель желта,— желтее кудели мои волосы...» и т. д.

Эти же образы используются и в других народных песнях, в стихах и прозе удмуртских поэтов, писателей. Одна из первых и любимых поэтесс удмуртского народа Ашальчи Оки вспоминает в стихах, ставших народной песней: «...Когда я иду вдоль реки и вижу несущую воду (девушку), тогда я вспоминаю твой стройный стан; когда я хожу в лес и собираю черную смородину, тогда я вспоминаю твои черные, как смородина, глаза; когда я иду под горою и вижу чесальщицу льна, тогда я вспоминаю твои, словно желтая кудель, волосы...»

В идеале красоты у удмуртов «черные, как черная смородина, глаза», но воспеваются и «сине-голубые глаза» («лыз-чагыр синъёс»). В почете у удмуртов девушка с круглым лицом, с небольшими скулами, глаза похожие на черную смородину; девичий стан-тело сравнивается с телом куницы (*сёр*), белки (*коньы*) или щукой (*чипей*), плотвой (*чабак*), оно должно быть не очень высоким, но гибким. У мужчин тело сравнивается с крепким дубом; руки, ноги должны быть, как ветки сосны, крепкими.

Многие дореволюционные, как правило шовинистически настроенные, исследователи — краеведы-любители, журналисты, этнографы — внешний вид, антропологический тип удмуртов, рисовали, описывали в унижающе мрачных тонах, не всегда соответствующих действительности (кто что ищет, то и находит). Но, с одной стороны, их опусы можно и понять и дать ответ: под гнетом тяжелого физического труда в натуральном крестьянском хозяйстве люди рано старились. Удмурты с самого раннего детства — с 5—6 лет — начинали уже трудиться в отцовском хозяйстве, а в 12—13 лет они уж наравне со взрослыми, вместе с родителями, старшими братьями, сестрами, снохами, сеяли, пахали, жали, скирдовали, молотили хлеба, ухаживали за животными, рубили лес, строили, охотились, рыбачили; пряли, ткали, вышивали.

В возрасте 45 лет, если до этого доживали, крестьяне и крестьянки выглядели уже глубокими стариками, старухами. В народной же песне говорится: «Эх, в свои сорок пять лет, хотя бы только на один раз, вновь бы вернуть свое пятнадцатилетие; свои поседевшие волосы, хотя бы на один раз, сделать бы их блестяще-черными; свои потускневшие глаза, хотя бы на один раз, сделать бы блестяще-голубыми...»

Когда знакомишься с материалами старинных переписей, многое удивляет: люди рано умирали, высока была детская смертность. Например, я подробно изучил два таких документа — за 1710 и 1716 годы; для примера взял данные по своей родной деревне Старая Игра (Вуж Эгра) из сотни Андрея Байтемирова (ныне Граховский район).

За 6 лет между двумя переписями из 28 дворов 18 семейств ушли в «бега»: из-за невыносимо тяжелых поборов (началось строительство С.-Петербурга, перевооружались армия, флот, Россия при Петре I вставала на европейские рельсы развития за счет жесточайшей эксплуатации простого народа) люди уходили на Урал, в башкирские земли, скрывались в лесах. К 1716 г. в Старой Игре осталось 10 дворов с 42 жителями; среди них не было людей старше 70 лет; только в семье Мурзагильдиных хозяин дома Азамат и его жена Бегзян были в возрасте 65 лет. За 6 лет в деревне померли 7 человек, или 17% жителей; из них только двое в возрасте, другие были детьми — три девочки и два мальчика. Причины смерти были естественные: тяжелые экономические условия. О медицинской помощи говорить не приходится — ее в российских деревнях в то время вообще не было. Подобная картина наблюдалась во всех

сельских регионах России и в других странах мира (см.: Атаманов 2005: 232—235).

Многие молодые женщины умирали при родах и в последующее время. По воспоминаниям людей старшего поколения, трудившихся еще до образования колхозов в единоличных хозяйствах, женщины в день родов продолжали работать; при жатве хлебов рожали прямо на поле, а через день вновь брались за тяжелейшую работу — ручную жатву, а работали соревнуясь, — кабы не отстать от других снох-жнецов и братьев мужа, свекрови, свекровки. Декретные отпуска появились только при социалистическом строе, и то в первые десятилетия удмуртские крестьянки считали неприличным месяцами не выходить на работу.

Краниологические материалы с территории Удмуртии впервые были собраны также Н. М. Малиевым. В 1871 г. он провел раскопки на удмуртских могильниках XVII—XVIII вв. в селах Оштorма-Юмья и Ципъя Мамадышского уезда, но каких-либо выводов, касающихся этногенеза удмуртов, не сделал, публикации чисто описательные (см.: Малиев 1874: 42—43; 1888: 22—24).

С конца XIX — начала XX вв. некоторые сведения по антропологии удмуртов опубликовали Н. В. Гильченко, В. С. Снегирев, М. М. Хомяков. В 1929 году на страницах «Русского антропологического журнала» П. П. Зам опубликовал антропологические сведения об удмуртах Глазовского уезда. По головному указателю, судя по данным П. П. Зама, северные удмурты бассейна р. Чепцы в среднем мезоцефальны, но процент брахицефалов достаточно велик; в основе удмуртов Глазовского уезда лежат два антропологических типа: один более длинноголовый, темный, а другой более широкоголовый, светлый (Зам 1929: 7—9).

Под руководством П. И. Зенкевича были исследованы три удмуртские группы: кильмезская, чепецкая, ижевская и одна бесермянская группа, живущая в бассейне р. Чепцы. По его данным, удмурты характеризуются невысоким ростом, среднедлинной, среднеширокой или широкой, низкой головой, брахицефальной или мезоцефальной по указателю. Лицо средней высоты и довольно широкое. Нос невысокий, широковатый. Волосяной покров на лице выражен средне. Пигментация волос и глаз не слишком интенсивная. Северные удмурты обладают наиболее высоким переносьем, выпуклой спинкой носа, более темной пигментацией. Срединные или центральные группы (приижевские) отличаются наиболее слабой пигментацией и менее сильно развитой складкой

верхнего века, а калмезы (жители бассейна р. Кильмези) имеют наиболее низкое лицо и переносье. По всем показателям бесермяне близки к удмуртам и отличаются от привлеченной для сравнения группы татар. П. Н. Зенкевич считает, что в антропологическом отношении удмурты неоднородны (Зенкевич 1941: 21—81).

Известный антрополог Н. Н. Чебоксаров, написавший статью по этногенезу коми по данным антропологии, как среди коми, так и среди удмуртов выделяет северопонтийский компонент, относящийся к кругу средиземноморских форм (Чебоксаров 1946: 58).

Т. И. Трофимова среди удмуртов и казанских татар выделяет светлый европеоидный, сублапоноидный и темный европеоидный компоненты (Трофимова 1949: 234—237).

Благодаря многоценным трудам Карин Марк и М. С. Акимовой антропологическая, шире — археологическая, этнографическая наука — располагает важными сведениями по истории формирования удмуртского народа с древних времен до середины XX века — начала великого смешения почти всех этносов России, в т. ч. удмуртов.

Я не антрополог, по этой очень специфичной и важной отрасли знания у меня лично своих материалов нет, поэтому самыми важными, на мой взгляд, полученными на местах антропологическими данными К. Ю. Марк, М. С. Акимовой и других антропологов, приведенных в их статьях, монографиях, касающихся проблемы этногенеза удмуртского народа, хочу хотя бы в конспективной форме ознакомить читателей моей книги.

Наиболее обширные исследования по соматологии (раздел антропологии, изучающий вариации размеров и форм человеческого тела и его частей: греч. *соматос* «тело» + *логос* «учение») удмуртского народа провела эстонский антрополог К. Ю. Марк. В течение пяти полевых сезонов с 1958 по 1962 год, частично и позднее, ею охвачено было 14 локальных групп удмуртов (1963 человека), 3 группы коми-пермяков (291 человек) и 9 групп коми-зырян (809 человек), 2 группы бесермян (всего 138 человек).

К. Ю. Марк считает, что большинство финно-угров занимает промежуточное положение между типичными представителями европеоидной и монголоидной рас. У всех финно-угорских народов можно установить большую или меньшую долю монголоидной примеси. Например, у пермских народов, в сравнении с типичными европеоидами, рост бороды слабее, лицо более уплощенное, скулы часто выступают довольно сильно, частота наклонных глаз боль-

ше, чаще встречается эпикантус, переносье ниже, поперечный профиль спинки носа более плоский и процент прохейличных форм верхней губы более значителен (Марк 1987: 37—38).

Как установили антропологи, если индекс монголоидности (по восьми важнейшим признакам) ниже 20, группы населения или целый этнос могут считаться абсолютно европеоидными, без монголоидной примеси, а индекс больше 100 характерен для чистых монголоидов.

У коми индекс монголоидности варьирует от 26 до 48, у удмуртов от 34 до 50: у всех пермских народов есть известная доля монголоидности. В этом отношении пермские народы сходны с марийцами и северными группами мордвы-мокши, а также они близки с саамами, которые относятся к разным типам уральской расы, промежуточной между европеоидами и монголоидами. У названных народов, считает К. Ю. Марк, преобладает европеоидный компонент, в отличие от обских угров и самодийцев, которые сближаются с монголоидами.

Отдельные группы пермских народов отличаются относительно слабой монголоидной примесью — индекс монголоидности 26—34. Сюда Карин Юлиусовна относит троицко-печорские, сысольские, усть-куломские группы коми-зырян, южных удмуртов Малопургинского района, а также бесермян. Монголоидная примесь у них такая же, как у восточных групп прибалтийских финнов — вепсов и карелов.

Большинство удмуртов и коми-пермяков, а также бесермян по цвету глаз характеризуются средней по финно-угорскому масштабу окраской глаз (средний балл 0,8—1,0). По этому признаку они сходны с марийцами и закарпатскими венграми. Лишь отдельные группы, особенно южные удмурты Алнашского района, более темноглазы, по этому признаку они близки к тюркским народам Среднего Поволжья и Приуралья. Цвет глаз у коми-зырян довольно светлый, реально они не отличаются от вепсов и карелов.

Светлые волосы характерны для коми-зырян, северных удмуртов Кезского, Дебесского, Балезинского районов; удмурты Глазовского района и бесермяне имеют несколько более темные волосы. Наиболее темнопигментированными волосами отличаются южные удмурты Алнашского района, в этом отношении они приближаются к татарам, чувашам и северным башкирам. Как считает К. Ю. Марк, при рассмотрении индекса монголоидности и суммированных признаков пигментации видно: пермские народы обра-

зуют довольно компактную группу, которая занимает более или менее центральное место среди других финно-угров.

По данным К. Ю. Марк, удмурты, бесермяне, коми-пермяки, коми-зыряне, марийцы принадлежат к сублапоноидному и светлому лапоноидному типам уральской расы, которая охватывает Среднее Поволжье, Западную Сибирь, прилегающие к Уралу территории и север европейской части России (Марк 1987: 40—41).

В образовании уральской расы принимали участие различные компоненты. Древнейшее население Урала, возможно, связанное с позднепалеолитическими племенами сибирского происхождения, могло говорить на уральском праязыке. На Урале, а отчасти и в восточноевропейской лесной зоне, эти монголоиды рано смешались с европеоидами, среди которых могли находиться ранние индоевропейские племена. В III—II тысячелетия до н. э. протолапоноидный тип был распространен уже почти везде, где известны в более позднее время поселения финно-угров. Наличие европеоидов среди них можно считать наследием более раннего населения южного происхождения. Во второй половине II тыс. до н. э. к восточным финно-угорским племенам примешивались индоевропейские племена, особенно иранские.

В I тыс. до н. э. в Прикамье существовала ананьинская культура, принадлежавшая пермским народам. Памятники этой культуры известны также в бассейне Вычегды и на Верхней Печоре, создатели их имели южное происхождение.

Нет сомнения в том, пишет К. Ю. Марк, что брахикранный тип ананьинских черепов с широким и низким лицом, отличающийся довольно сильно выраженными монголоидными особенностями (имеются в виду материалы Луговского и отчасти Гулькинского могильников), по своему происхождению связан с лесной зоной Западной Сибири; признак монголоидности у этих черепов приблизительно был таким, как у современных кондинских манси. Население такого типа неоднократно проникало в Восточную Европу, где оно смешивалось с местными европеоидами.

В III—II вв. до н. э. в Прикамье сложилось несколько племенных союзов, один из них пьяноборский, связанный с предками удмуртов и гляденовский — в Верхнем Прикамье.

Начиная с III—IV вв. н. э. наблюдается новое проникновение из Западной Сибири на территорию Прикамья, в результате которого **среднекамские (оснинские) племена отошли в бассейн Чепцы, образовалась поломская культура, принадлежавшая предкам од-**

ной из групп северных удмуртов. Часть пьяноборских племен была оттеснена со своей исконной территории на запад, в Волго-Вятское междуречье, где она участвовала в формировании азелинской культуры III—V вв. Оставшаяся на своей прежней территории часть пьяноборцев смешалась с родственными же караабызскими, частично западносибирскими племенами. В результате этого в нижнем течении Белой зародилась мазунинская культура. По мнению В. Ф. Генинга, северная группа мазунинцев приняла участие в формировании шарканской, воткинской, ижевской групп удмуртов. Черепа из могильников мазунинской культуры, считает К. Ю. Марк, отличаются заметно выраженной монголоидной примесью так же, как и у современных средневосточных групп удмуртов (Шаркан, Якшур-Бодья, Завьялово).

Эти данные не противоречат мнению археологов о проникновении зауральских племен в предыдущее время, они приняли участие в формировании юго-восточных групп удмуртов: цвет волос и глаз у них среднетемный, как у закарпатских венгров.

В результате многолетних, кропотливых исследований К. Ю. Марк пришла к таким важным, многоценным выводам: **пьяноборско-азелинские племена оказали существенное влияние на формирование антропологического типа удмуртов** (*Там же.* С. 46). Наиболее сходными с племенами пьяноборской культуры оказались создатели азелинской культуры, что указывает на генетические связи между ними. Приблизительно такого же типа черепа, как у пьяноборско-азелинских племен, обнаружены в могильнике Мыдланьшай Глазовского района, на севере Удмуртии, относящиеся к концу существования поломской культуры (VII—IX в.). Мыдланьшайские черепа не только долихокранные, но и узколицые, кроме того, монголоидная примесь у них весьма слабая.

К. Ю. Марк делает важные выводы, касающиеся этногенеза бесермян, пишет: «Кроме признаков южных европеоидов, для бесермян характерны отдельные черты, сближающие их с угорскими народами. Сюда относятся небольшая длина тела, довольно большая нижнечелюстная ширина, а также значительный процент выступающих форм подбородка. **По своему происхожденню бесермяне могут быть связаны с южнымн удмуртами, а может быть, и с угорскими племенами, которые, вероятно, существовали в соседстве с предками южных удмуртов уже в анаиьинское время** и сильно смешивались с индоевропейскими племенами южных степных районов» (Марк 1987: 47).

Для решения этногенетических проблем особую ценность представляют палеоантропологические материалы, хорошо увязывающиеся с археологическими данными и поддающиеся датировке.

Благодаря многоценным трудам по палеоантропологии известного ученого-антрополога М. С. Акимовой мы имеем обобщающие сведения по этногенезу пермских народов, в первую очередь удмуртов, а также башкир и других народов Волго-Уральского региона. Ее основные выводы, касающиеся происхождения удмуртского народа, я также приведу в конспективной форме.

Как считает М. С. Акимова, по антропологическому составу народы Приуралья весьма неоднородны. Н. Н. Чебоксаров (1946), например, среди коми выделяет пять типов, из которых два наиболее отличаются. Один из них локализован в верховьях р. Вишеры, так называемая удорская группа: характеризуется в общем европеоидными особенностями, светлой окраской волос и глаз; аналогии этому типу можно найти среди карелов, эстонцев, латышей, мордвы, некоторых групп русских. Это **беломорский тип**. Второй тип локализуется в верховьях р. Камы, это зюздинская группа коми-пермяков в Кировской области. Имеют более темные волосы и глаза, несколько уплощенное и низкое лицо, слаборазвитую бороду. Это — **вятско-камский** или **сублапоноидный** тип, близкий к типу удмуртов, марийцев, части русских, татар.

Сложный состав современного населения Приуралья отражает многовековую историю его формирования. На протяжении веков на местную основу наслаивались элементы культуры различного происхождения. Начиная с эпохи позднего палеолита до всех последующих столетий в Приуралье прослеживается влияние культур Зауралья и более восточных районов. Рано появляются связи с южными племенами, которые сыграли определенную роль в развитии культуры. В меньшей степени принимали участие в этом процессе племена, жившие в западных районах.

М. С. Акимова считает, что при изучении истории формирования народов Урала важно учесть, что этот регион и его население находятся на стыке двух континентов, двух антропологических стволов современного человечества (Акимова 1968: 3—4).

В эпоху бронзы на территории Приуралья жило разнородное население. Выделяется ярко выраженный европеоидный тип, представленный черепами андроновской и срубной культур, и смягченно-европеоидный со слабо выступающим носом, встречающийся у населения абашевской культуры. Оба типа вошли в состав более

позднего населения Приуралья. Антропологических материалов по турбинской культуре, принадлежащей древнему местному населению, пока не выявлено.

На базе культур бронзового века на территории Волго-Уральского региона в I тыс. до н. э. сложилась богатая в археологическом плане, широко распространенная ананьинская культурная общность. По данным известного исследователя палеоантропологических материалов Луговского, Котловского могильников Т. А. Трофимовой, в ананьинскую эпоху резко преобладал монголоидный тип с относительно невысоким лицом. Европеоидный тип встречается лишь в качестве примеси. Она высказывает предположение, что он проник в область Прикамья недавно, по всей вероятности, из-за Урала или из более северных приуральских районов (Трофимова 1954; 1968).

В результате изучения краниологического материала других могильников ананьинской культуры А. С. Акимова приходит к выводу: в предшествующую ананьинской культуре эпоху в Нижнем Прикамье жило смешанное население, среди которого выделяется европеоидный тип с некоторыми монголоидными особенностями. Монголоидная часть населения ананьинской культуры, представленная в Луговском могильнике, имела, вероятно, восточное происхождение.

Антропологические типы предков удмуртов: 1 — облик ананьинца из Луговского могильника (VIII– III вв. до н. э.; скульптурная реконструкция *М. М. Герасимова*); 2 — облик женщины чегандинской культуры (III в. до н. э.; реконструкция по черепу *Г. В. Лебединской*); 3 — облик женщины поломской культуры (V–IX вв. н. э.; реконструкция по черепу *Г. В. Лебединской*)

Палеоантропологические материалы большинства ананьинских памятников (VII—III вв. до н. э.) свидетельствуют о том, что население этой историко-культурной общности было неоднородным и включало как монголоидные, так и европеоидные компоненты. Намечается также третий компонент смешанного происхождения. А. С. Акимова считает, что эти компоненты имели различное происхождение; европеоидный и смешанный типы имеют местное происхождение (Акимова 1968: 19—20).

В главе «Археология» этой книги несколько раз упоминалось о проникновении ананьинского пермоязычного населения в северо-западные области России, вплоть до Скандинавии, Кольского полуострова и об его участии в этногенезе саамов, карелов, вепсов, восточных финнов. Как же на это смотрят антропологи, археологи? Автор докторской диссертации по теме «Этногенез саамов» (Ижевск, 2005) И. С. Манюхин в главе «История вопроса» отмечает: серию черепов из Оленеостровского могильника в Кольском заливе Баренцева моря относят к уникальным, а В. П. Алексеев (1974) определил ее как лопарскую (саамскую). Он и другие антропологи указали на близкое сходство оленеостровских черепов с ананьинскими из Волго-Камья. В. П. Алексеев (1969) предположил, что лапоноидный тип образовался на Севере в ананьинское время благодаря проникновению низколицего монголоидного комплекса из Прикамья и его смешению с местными европеоидами. Автор поддерживаст эту точку зрения. Серия черепов оленеостровцев относится к древнесаамской культуре *кьельмо* и датируется эпохой железа (Манюхин 2005: 9). Следует добавить: во многих древнесаамских археологических памятниках Фенноскандии выявляются и пьяноборские вещи, относящиеся к началу I тыс. н. э. (*Там же.* С. 22, 29, 32).

Антропология — одна из самых надежных источников в решении вопросов этногенеза любого народа, в отличие от археологии это более точная наука, и ее результаты достойны самого пристального внимания. М. С. Акимова, как и археолог А. В. Збруева,— надежный, основательный, честный ученый, ее работы стоят в первом ряду при решении вопроса происхождения удмуртского народа. По многим археологическим культурам Волго-Уральского региона, создателями которых были предки современных удмуртов, ею собран краниологический материал и обобщены полученные ею многоценные данные по палеоантропологии прикамского населения.

Носителей караабызской культуры М. С. Акимова связывает с местным прикамским населением. Ни на одном черепе она не выявила комплекса монголоидных черт, хотя отдельные признаки такого характера разбросаны по всей серии. Все черепа Биктимировского могильника ею отмечены как европеоидные с небольшим монголоидным налетом.

Антропологический материал **пьяноборской (чегандинской.— *М. А.*) культуры** получен из Чегандинского, Ныргындинского (юго-восточная часть прикамской Удмуртии), Камышлы-Тамакского (северо-западная часть Башкирии) могильников. В целом исследованные черепа характеризуются преобладанием европеоидных признаков в сочетании с ослабленным выступанием носа. На отдельных экземплярах отмечается также уплощенность всего лицевого скелета.

Пьяноборская серия самые близкие аналоги находит в антропологическом типе современных удмуртов, чувашей, марийцев. Субуральский и сублапоноидный типы, которые выявляются у них, были выражены также и у населения пьяноборской культуры.

Обитатели пьяноборской культуры своим происхождением были связаны с местными племенами ананьинской культуры, которые жили в Прикамье задолго до формирования одноименной культуры, а позже вошли в состав ананьинского населения. Наличие черепов с выраженными монголоидными особенностями (в первую очередь у тех, кто оставил нам Луговской могильник) указывает на появление части племен с востока, из районов Западной Сибири. Проникновение монголоидных племен началось в эпоху поздней бронзы и продолжалось в первые века раннего железа. Европеоидный тип имел в основном южное происхождение, может быть, связан с населением срубной культуры. Обитатели с некоторыми монголоидными особенностями были местными.

Носители караабызской и пьяноборской (чегандинской.— *М. А.*) культур были родственны; на черепах носителей тех культур отмечается преобладание европеоидных черт (*Там же.* С. 30—37).

В эпоху великого переселения народов этническая карта Волго-Камья коренным образом меняется. В результате продвижения гуннских орд в IV в. местное население вынуждено было покинуть обжитые земли, особенно по берегам крупных рек, и искать убежища в таежных, не доступных для кочевников местах. Именно в этот период заселяется вся территория современной Удмуртии. Пришлые племена, как считает В. Ф. Генинг, были гораздо многочис-

леннее местных, поэтому им удалось разгромить существующие в Прикамье союзы племен. На их месте возникают новые культуры (Генинг 1961).

Именно в это время возникает **древнеудмуртская поломская культура** (V—IX вв.), по этническому составу которой, как мы видели выше, идут до сих пор дискуссии: угры, тюрки, коми-пермяки? Антропологический материал получен при раскопках Поломского и Мыдланьшайского могильников.

Мыдланьшайские черепа в целом европеоидны, нет ни одного брахикранного; долихокранный и узколицый тип отличается от верхнекамских, он может быть сопоставлен с типом населения азелинской культуры на р. Вятке, которая генетически связана с пьяноборской.

Черепа же Поломского могильника имеют тип, весьма близкий к верхнекамскому, по всем признакам отличающийся от экземпляров, найденных в Мыдланьшае.

Таким образом, заключает М. С. Акимова, исследованный антропологический материал свидетельствует о неоднородности антропологического состава населения бассейна р. Чепцы в конце I тыс. н. э. Долихокранный и узколицый тип из могильника Мыдланьшай тяготеет больше к западным областям, сближаясь с типом азелинской культуры, распространенной в Волго-Вятском междуречье. Мезокранный и широколицый тип Поломского могильника находит себе аналогии в районе Верхнего Прикамья (*Там же.* С. 49—52). К сожалению, антропологический материал осинско-красноярской культуры до сих пор не исследован, поэтому выводы об участии верхнекамского населения в формировании поломской культуры преждевременны. Скорее всего имеем здесь случай соприкосновения двух древнеудмуртских племенных объединений: *ватка* (вятское худяковско-азелинское население) и *калмез* (среднекамское осинско-красноярское население, отчасти растворившееся в среде верхнекамского населения).

Мазунинская культура (III—V вв. н. э.), по мнению В. Ф. Генинга, возникла на месте ушедшего на запад пьяноборского (чегандинского) населения. Антропологический же материал, как считает М. С. Акимова, этого не подтверждает. Мазунинские и пьяноборские (чегандинские.— *М. А.*) черепа различаются, но не настолько, чтобы говорить о полной смене населения. Обитатели мазунинской культуры в основном были местными, но испытавшими влияние пришлого элемента, а влияние шло с юга, с территории современной Башкирии.

Вопреки мнению некоторых археологов, племена **бахмутинской культуры** (III—VII вв. н. э.) были коренным населением северной части Башкирии. Приток иноязычных племен вызвал некоторые изменения в антропологическом его типе. Отличия — монголоидные особенности. Но следует особо подчеркнуть, что эти изменения были весьма незначительны. Никакого полного вытеснения местных племен пришлыми группами не происходило (*Там же.* С. 64).

Многие современные исследователи создателей **кушнаренковской археологической культуры** считают протовенграми. В эпоху великого переселения, попав в северо-западные районы Башкирии, северо-восточные районы Татарии, на юг Удмуртии, кушнаренковцы контактировали с создателями древнеудмуртских археологических — бахмутинской, мазунинской, верхнеутчанской — культур. К какому же типу относились кушнаренковцы, имеется ли связь с древнеудмуртским пьяноборским населением? Если они протовенгры, имеются ли общие антропологические черты с сибирскими родственниками по языку — протохантыйскими, протомансийскими племенами, имеющими ярко выраженные монголоидные черты?

По данным антрополога М. С. Акимовой, **кушнаренковские черепа, без сомнения, относятся к европеоидному типу, причем резко выраженному**. Кушнаренковские (протовенгерские?) и **пьяноборские** (древнеудмуртские) черепа заметно отличаются друг от друга. Генетическая связь между ними не устанавливается.

Палеоантропологический материал по кушнаренковской культуре говорит в пользу южного происхождения ее создателей. Сходство с Западной Сибирью в материальной культуре можно объяснить культурным влиянием, не связанным с продвижением самого населения.

Из эпохи позднего средневековья М. С. Акимова исследовала черепа из Можгинского и Аксакшурского (Южная Удмуртия) и Буринского (Северная Удмуртия) могильников. **Исследованные черепа южиых и северных удмуртов очень сходны.** Характеризуются малым продольным диаметром и средними поперечным и высотным. По черепному указателю обе серии брахикранные. Нос выступает меньше, чем на европейских черепах. Черепа северных и южных удмуртов можно отнести к сублапоноидному типу. По краниологическим данным обе группы удмуртов близки к волжским правобережным и левобережным финно-уграм. Если взять комплекс признаков, указывающих на монголоидность, то он выражен

слабее, чем у луговых марийцев. По ряду признаков удмурты больше сходны с горными марийцами и мордвой (*Там же.* С. 86).

Антропологический материал показывает, что **формирование удмуртов происходило на местной, прикамской основе. Исходным был тип, выявленный на рубеже нашей эры, т. е. тип пьяноборского населения.** «Однако нельзя ожидать полного тождества между современными удмуртами и населением, жившим две тысячи лет назад,— пишет М. С. Акимова. — Естественно, за это время происходили изменения в физическом типе и в результате эпохальных изменений, и в какой-то мере смешения» (*Там же.* С. 93).

Основной вывод антрополога М. С. Акимовой таков: **удмурты являются коренным народом Прикамья. В процессе их формирования древнее население время от времени ассимилировало пришлые элементы, в результате чего и образовался современный тип удмуртов. Близость коми-пермяков к удмуртам дает основание предполагать их местное происхождение.**

Как считает антрополог, основу современных северных башкир составляют местные племена бахмутинской культуры. Единство их происхождения с другими народами Поволжья и Прикамья подтверждается сходством черепов всех этих групп. Сравнение башкирских черепов с черепами соседних финно-угорских народов Волго-Камья, с одной стороны, а с другой — обских угров, тюрков Поволжья, казахов и киргизов — показывает несомненную близость башкирских серий с поволжско-прикамскими народами: удмуртами, марийцами, чувашами, татарами. Венгерские черепа X в. отличаются от бахмутинских (древнеудмуртских) и древнебашкирских своей европеоидностью (*Там же.* С. 97, 100).

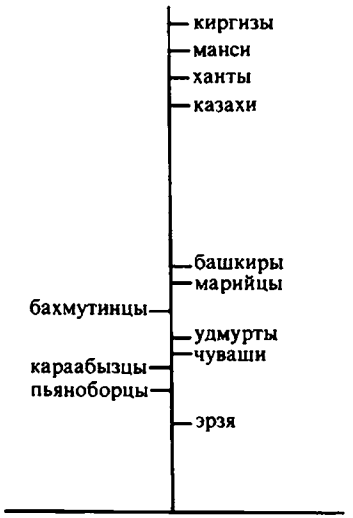
В статье «Этногенез башкир по данным антропологии» (Уфа, 1971: 38—43) М. С. Акимова также затрагивает вопросы формирования антропологического типа населения древнеудмуртских археологических культур в связи с формированием пришлого центральноазиатского этноса — башкир — на территории северо-западных районов республики.

А. Х. Пшеничнюк предполагал, что караабызская культура формировалась под сильным влиянием пришлого населения, возможно сарматского, которое продвинулось в центральные районы Башкирии из Зауралья или Северного Кавказа. Но на антропологическом материале появление пришлых групп не улавливается. В антропологическом отношении черепа из памятников караабызской и пьяноборской культур, несомненно, близки между собой;

по всем основным признакам их можно отнести к европеоидному типу (Акимова 1971: 41).

Башкиры занимают промежуточное положение между народами Волго-Камья, с одной стороны, и казахами, киргизами — с другой, но больше с финно-угорскими народами и казанскими татарами. Зауральские же башкиры и усергане по своим особенностям сближаются с юго-восточными соседями — казахами и киргизами. Тем не менее и эта группа занимает промежуточное положение между казахами, с одной стороны, и татарами, удмуртами, марийцами — с другой (*Там же.* С. 9—40).

М. С. Акимова предполагает наглядную картину получения при сопоставлении разных этнических групп по удельному весу монголоидной примеси. Этот способ был предложен Г Ф. Дебецем. При вычислении доли этой примеси учитывается пять признаков: два угла, характеризующих уплощенность лицевого скелета, симотическая и дакриальная высоты и угол выступания носа.

Распределение древних этнических групп (*слева*) и современного населения по степени выраженности признаков монголоидной и европеоидной рас

В 70—80-е годы ушедшего XX в. палеонтологией волго-камского населения активно начал заниматься талантливый молодой ученый из Казани Р. М. Фаттахов. После себя оставил несколько публикаций, одна из которых «О состоянии антропологического

решения проблемы происхождения удмуртского народа» (Ижевск, 1982: 72—80) особенно ценна и важна в решении вопроса этногенеза удмуртов. В конспективной форме его выводы передаю читателям своей монографии.

Краниологический материал Ижевского, Покровского, Чепанихинского могильников, относящихся к мазунинскому этапу чегандинской культуры на территории центральных районов Удмуртии, дал возможность сделать такие выводы: палеоантропологический материал рубежа середины I тыс. н. э. позволяют установить, что **формирование населения Нижнего и Среднего Прикамья середины I тыс. н. э. проходило на основе предшествующего ананьинско-пьяноборского**. Но, по сравнению с пьяноборским, оно имело более широкую голову, более широкое и уплощенное лицо, выступающий нос. Эти изменения являются следствием проникновения и смешения с населением Среднего Прикамья пришлых групп.

Приток зауральского населения был значительным, чем это предполагала М. С. Акимова, т. к. серии середины I тыс. н. э. (ижевская, покровская, чепанхинская) отличаются от пьяноборских в одном направлении — увеличивается ширина черепной коробки, лицо становится шире и площе, носовые кости выступают сильнее. Тем не менее основным обитателем эпохи раннего средневековья территории Прикамья являлось местное население, уходящее своими корнями в пьяноборскую эпоху и более раннее время (Фаттахов 1982: 79).

Относительно этнической основы создателей поломской культуры археологи много дискуссируют, и нет среди них единого мнения. Антрополог Р. М. Фаттахов во многом соглашается с выводами М. С. Акимовой, но вносит и некоторые уточнения, т. к. получены новые палеоантропологические материалы из могильников Варни на Чепце (V—X вв.), Танкеевки и Больших Тиганов на территории Татарии. Серия черепов из Варнинского могильника имеет большое сходство с мыдланьшайской, а аналогии поломским черепам имеются в Больше-Тиганском могильнике на территории Волжской Булгарии.

Как считает Р. М. Фаттахов, серии Мыдланьшайского могильника, с одной стороны, и Поломского, Деменковского, с другой, являются не самостоятельными антропологическими типами, как это полагает М. С. Акимова, а вариантами одного антропологического типа. Во-первых, перечисленные серии по ряду признаков обнаруживают сходство (верхняя высота лица, ширина, высота

носа, переносья и орбит), во-вторых, выделенные М. С. Акимовой типы не разграничиваются (*Там же.* С. 79—80.)

При сравнении палеоантропологического материала конца I тыс. н. э., относимого к поломской археологической культуре, с серией современных северных удмуртов Р. М. Фаттахов соглашается с выводами М. С. Акимовой и полагает, что **обитатели бассейна р. Чепцы конца I тыс. н. э. вполне могут считаться древними предками современных удмуртов** (*нет тут ни обских угров, тюрков, ни коми-пермяков.— М. А.*).

По одним признакам удмуртские черепа ближе к черепам из Мыдланьшая, по-другим — к поломским, по третьим они занимают промежуточное положение. Правильнее полагать, что оба типа поломской культуры вошли в состав современных удмуртов.

В результате исследований П. И. Зенкевича, К. Ю. Марк, М. С. Акимовой известны антропологический состав современного населения Удмуртии и краниологическая характеристика северных и южных удмуртов. Для выяснения заключительного периода формирования антропологического состава удмуртского народа необходимы дополнительные палеоантропологические и краниологические материалы II тыс. н. э. (Фаттахов 1982: 80).

В 80-е годы XX в. антропологи Института этнографии АН СССР проводили обследование коренного населения Удмуртии. По общепринятой в российской антропологии одонтологической методике изучалась зубная система у детей от 6 до 16 лет, принадлежащих к коренной национальности. По возможности выясняли место рождения и национальность бабушек и дедушек.

Сведения по одонтологии удмуртов собирались среди северных (Юски, Кез) и центральных (Якшур, Завьялово) групп. Полученные данные показали, что обе обследованные выборки имеют невысокие, типичные для европеоидных серий частоты лопатообразных форм верхних резцов, отличаются слабо выраженной редукцией и тенденцией к таковой верхнего латерального резца, высокими частотами диастемы 1`— 1` и бугорка Карабелли и т. д. (**Рыкушина** 1987: 49).

Выяснить положение изученных комплексов в системе одонтологических типов Европы позволяет графическое сопоставление их с таковыми финно-угорского и русского населения. Для сравнения привлечены материалы по одонтологии финнов (4 территориальные группы), саамов (2), карел, вепсов, восточных и западных эстонцев, коми-зырян (8), 5 групп удмуртов, коми-пермяков (2), горных и луговых мари, русских (5 групп), мордвы-эрзи.

Обследованные удмуртские выборки дифференцированы на графике по концентрации как восточных, так и западных черт, и входят в различные группировки. Выборка из с. Завьялово (центральноудмуртская группа, испытавшая русское влияние в результате смешанных браков) тяготеет к группам с доминированием особенностей среднеевропейского типа и наименее выраженным восточным комплексом признаков. Одонтологический тип удмуртов с. Завьялова, наиболее близкий к таковому мордвы-эрзи и юго-западных финнов, является промежуточным между среднеевропейским типом русского населения и вятско-камским вариантом северного грационального типа и может рассматриваться как вариант среднеевропейского типа. Г В. Рыкушина считает: из-за значительного русского влияния данные по одонтологии удмуртов с. Завьялова для реконструкции ранних этапов этнической истории удмуртского народа имеют ограниченное применение.

Удмуртские выборки из северных районов республики составляют компактную группу, внутри которой также имеются различия по удельному весу восточных признаков и сходство с юго-западными финнами, коми-зырянами Корткеросского района, вепсами. Удмурты д. Якшур вместе с юго-восточными финнами, карелами, русскими п. Юрлы, коми-зырянами с. Соколова и Кипиева и сборной группой Ижемского района составляют близкое к указанной группировке сообщество, где несколько ослаблен западный комплекс признаков. Большинство удмуртских выборок тяготеет к группам с более или менее четко выраженными чертами северного грациального типа (*Там же.* С. 54).

Представление о самом одонтотипе удмуртов дают комбинационные полигоны Моллисона, построенные по этому же комплексу признаков. Морфологический вариант, характерный для удмуртов п. Кез, с. Юски, д. Якшур, отмечен также у русских восточной окраины Кировской области, коми-пермяков Красновишерского района Пермского края, коми-зырян Корткеросского района Коми Республики. В соответствии с локализацией большинства групп этого одонтотипа ему можно присвоить название **вятско-камский вариант северного грациального типа** (Рыкушина 1987: 55).

Все обследованные группы удмуртов, пишет Г В. Рыкушина, тяготеют к популяциям с высокой концентрацией признаков западного одонтологического ствола. Выделенный у пермских народов Приуралья вятско-камский вариант северного грациального типа, зафиксированный на севере Удмуртии и у сельского населения — в

центре республики, свидетельствуст об общности антропологического пласта населения этих районов (*Там же.* С. 58).

Соматологическому исследованию северной группы удмуртов посвятил свою обстоятельную статью А. И. Дубов, научный сотрудник Института этнографии АН СССР (Москва, 1984). Из описательных признаков, общепринятых у российских антропологов, ученый включил такие дополнительные показатели, как обволощенности межбровья, глубина положения ступания носовой перегородки и т. д.

Эпикантус (или монгольская складка века) является едва ли не самым характерным монголоидным признаком. Во всех удмуртских группах эпикантус отмечен не часто и варьирует от 0,0% в Ярском районе до 4,1% в Кезском районе (сравни: у хантов 12,7%, у эвенков — 84,4%). По этому признаку удмурты демонстрируют вполне европеоидные величины, которые лишь чуть выше, чем у более западно локализованных европеоидных народов.

Цвет глаз в удмуртских группах варьирует незначительно и неопределенно, изменяясь по группам от 24,0% светлых глаз в Слободском районе, Кировской области до 36,6% в Юкаменском районе, в среднем где-то порядка 30%. Эта величина является довольно типичной для среднеевропейских популяций (у коми глаза чуть светлее — 37,1%; у эвенков светлые глаза не отмсчены, а ханты опять же занимают промежуточное положение между удмуртами и эвенками 12,3%).

Еще более яркую картину в дифференциации монголоидов и европеоидов демонстрирует другой признак — глубина положения глазного яблока. Плоскоположенные глаза во всех удмуртских группах встречаются редко — от их полного отсутствия в Ярском, Юкаменском районах до 3,9% в Игринском районе (по этому признаку коми не отличаются от удмуртов; у 55,2% эвенков глаза плоскоположенные). И, напротив, по полученным данным А. И. Дубова, глубокопосаженные глаза встречаются во всех удмуртских группах часто: от 46,6% в Игринском районе до 68,2% в Ярском районе (у коми 68,3%; у эвенков всего 2,1%).

Высота переносья — важный признак, четко разграничивающий европеоидов и монголоидов. Европеоидный признак — высокое переносье, отмечено в удмуртских выборках от 62,5% в с. Зура до 87,9% в Ярском районе (у коми 74,8%; наивысшая — 92% у абхазов, а у эвенков самая низкая — 7,3%.). А. И. Дубов пишет, что по этому важнейшему признаку удмурты демонстрируют бесспорно европеоидную картину.

Анализируя собранный материал, А. И. Дубов пришел к таким важным выводам: 1) в расовом отношении удмуртов со всей определенностью можно считать **достаточно характерными европеоидами с очень незначительной примесью элементов восточного ствола**; 2) совершенно очевидно, что **наиболее яркой особенностью удмуртов является чрезвычайно высокий процент наличия рыжеволосых индивидуумов. Эта особенность выделяет их от всех родственных (фин-**

Антропологические типы

Собственно южноудмуртская группа: 1) женщина из Малопургинского р-на (населенный пункт и воршуд не определены); 2) д. Бобья-Уча Малопургинского р-на (воршуд *Уча*); 3) д. Верхняя Игра Граховского р-на — воршуд *Эгра* (по отцу) + *Ӟанка* (по матери); 4) д. Верхние Кватчи Можгинского р-на (воршуд *Можга* — по отцу и матери); 5) с. Лолошур-Возжи Граховского р-на (воршуд *Эгра* — по отцу + по матери русская); 6) с. Большая Кибья Можгинского р-на – воршуд *Кибья* (по отцу) + *Чудья* (по матери)

Переходная собственно южноудмуртско-калмезская группа: д. Гожношур (Печкезь) Малопургинского р-на (воршудно-родовые группы *Уча, Жикъя, Мӧнья, Можга*)

Собственно южноудмуртская группа: с. Лолошур-Вожжи Граховского р-на (воршудно-родовые группы *Эгра, Ӟатча, Ныльча*)

1

2

3

4

Южные удмурты — нижневятская (арская) группа: 1 — с. Карлыган Мари-Турекского р-на Марий Эл (воршул не определен); 2 — д. Старый Кушкет Балтасинского р-на Татарстана (воршуд *Пышья* — по отцу и матери); 3–4 — женщина и девушка из Мамадышского уезда Казанской губернии (населенные пункты и названия воршудов не определены)

Южные удмурты — закамская и красноуфимская группы: 1 — д. Юва Красноуфимского р-на Свердловской обл. (воршуд не определен); 2 — д. Малый Качак Калтасинского р-на Башкортостана (воршуд не определен); 3 — д. Верхние Татышлы Татышлинского р-на Башкортостана (воршудные группы *Ӟумъя, Чабъя, Паляка*)

но-угорских) и неродственных народов; она может явиться одной из ведущих при решении вопросов как этногенеза финно-угорских народов, так и происхождения уральской расы; 3) практически не отличимыми от удмуртов оказались и южные коми, за исключением низкого процента рыжеволосых лиц; 4) бесермяне по антропологическим признакам оказались неотличимыми от остальных удмуртов.

Антропологический материал, собранный А. И. Дубовым среди северных **удмуртов и бесермян, показал, что удмурты представляют локальный удмуртский вариант волжско-камского типа среднеевропеоидной расы западного ствола** (Дубов 1989: 94—107).

Для определения дерматоглифического типа были проведены исследования среди северных и южных групп удмуртов: были взяты оттиски ладоней и пальцев. По комбинациям признаков у удмуртов один из авторов исследования Н. А. Долинова выделила два типа: 1) условно назван северным удмуртским типом, отмечен у удмуртов Слободского района Кировской области и с. Юски Кезского района. Этот тип максимально близок к волго-камско-

1

Южные удмурты – верхнеикская (бавлинская) группа: 1 – с. Покровский-Урустамак Бавлинского р-на Татарстана (воршудные группы *Кибъя, Пельга, Эгра*); 2 – уроженец того же села (воршуд *Можга*)

му; 2) южный удмуртский тип отмечен на юге Удмуртии (с. Можга), который отмечен также в центральном регионе (с. Чутырь) и северном (с. Зура). Этот тип отличается от чисто северного в направлении усиления монголоидных черт. Южный тип сближается с уральской и южно-сибирской локальными расами (Долинова 1989: 117—118).

1

2

3

4

Центральная группа удмуртов: 1 — д. Узей-Тукля Увинского р-на (калмезы воршудных групп *Тукля, Мӧнья, Жикъя, Чунча, Можга*; в центре стоит девушка-финка в южноудмуртском костюме); 2 — д. Копки Селтинского р-на (калмез из воршуда *Кӧпка* — по отцу + *Мӧнья* — по матери); 3 — д. Якшур Якшур-Бодьинского р-на (воршуд *Бӧдья* — по отцу + *Бӧня* — по матери); 4 — д. Шудзя Завьяловского р-на (воршуд *Чудья*)

Следует заметить: в данной группе, особенно в с. Можга и Зура, живут потомки обских угров, в с. Можга — из фратрии *мось* (> **мось+ка* > *Можга*), в с. Зура — из фратрии *пор* (**пор+га* > *Пурга*). Прошло уже более тысяча лет, а монголоидные черты проявляются на их потомках.

1

3

4

5

Северные удмурты: 1 — д. Малые Мазьги Игринского р-на (переходная центрально-северная группа из воршуда *Вортча* — по отцу + *Пурга* — по матери); 2 — д. Кузьмовыр Игринского р-на (смешанный тип: северный — по отцу из воршуда *Эгра*, южный — по матери из воршуда *Чудья*; д. Елкибаево Алнашского р-на); 3 — д. Гереево Игринского р-на (среднечепецкая группа из воршуда *Эгра* — по матери); 4 — д. Ванялуд Кезского р-на (верхнечепецкая группа, воршуд не определен); 5 — д. Котнырево Глазовского р-на (среднечепецкая группа из воршуда *Пöбья* — по матери + *Чабья?* — по отцу)

1

Северные удмурты — нижнечепецкая (косинская) группа: 1 — д. Сибирь (Пёчкезь) Унинского р-на Кировской области (воршудные группы *Сюра, Чабья, Чола, Дурга*); 2 — женщина той же деревни из воршуда *Сюра*

2

Северные удмурты — нижнечепецкая (слободская) группа: 1 — д. Круглово Слободского р-на Кировской области (воршуд *Чола*); 2 — с. Светозарево (Гырдор) Слободского р-на Кировской области (воршуды *Чола, Чабья, Сюра, Чипья, Дурга-Побья*)

1

2

1

2

Бесермяне: 1 — д. Пышкет Юкаменского р-на; 2 — д. Ворца Ярского р-на

Бесермяне по дерматоглифическим показателям обнаруживают сходство с удмуртами, отличаясь от них увеличением доли европеоидного компонента. В женской группе бесермян более отчетливо проявляются черты, свойственные южным европеоидам.

В марте-апреле 1986 г. экспедицией лаборатории генетики человека Института общей генетики им. Н. И. Вавилова АН СССР под научным руководством профессора Ю. Г Рычкова были проведены полевые антропогенетические исследования пяти групп удмуртов: северных удмуртов-ватка (с. Светозарево Слободского района и Адам Глазовского района), центральных удмуртов-калмезов (с. Югдон Селтинского района), южных (д. Кузюмово Алнашского района) и завятских (арских) удмуртов (с. Ципья Балтасинского района Татарии).

Антропогенетические исследования удмуртского народа показали, что наиболее генетически сходными с удмуртами из всех финно-угорских народов оказываются коми-зыряне, коми-пермяки и марийцы. Такой вывод согласуется с данными антропологии: дерматоглифическими, одонтологическими, краниометрическими и соматологическими методами показано сходство этих территориально и лингвистически близких народов. Наибольшая

генетическая разобщенность удмуртов наблюдается с обскими уграми — народом манси (Шнейдер, Тихомирова и др. 1989: 139).

Частоты большинства аллелей изученного генного комплекса сходны с соответствующими среднеевропейскими оценками. По соотношению генетических расстояний между удмуртами и европейскими народами, с одной стороны, и между удмуртами и монголоиднымн группами Азии, с другой, **удмурты генетически представляются типичными европеоидами**.

Анализ величин генетических расстояний между удмуртами и народами нефинно-угорского происхождения — башкирами, татарами, русскими — свидетельствует о значительной генетической близости народов Поволжья и Приуралья, что может указывать на длительный и интенсивный обмен генами между нимн. О процессе метизацни в контактных зонах удмуртов с соседними этносамн, прежде всего с русскими и татарами, свидетельствуют результаты антропологических исследований.

О многовековых процессах ассимиляции древнеудмуртских родовых групп в среде булгар, башкир, казанских татар и вятских русских уже говорилось выше в главе «Археология»; в то же время в состав формирования удмуртов вошли угорские, прибалтийско-финские группы (*чудь*), булгары-бесермяне, в меньшей степени — русские, татары-кряшены; с татарами-мусульманами удмурты в брачные связи не вступали. Но следует сказать, что, в отличие от некоторых финно-угорских народов, удмурты вплоть до революции 1917 г. только в очень редких случаях вступали в брачные связи с представителями других народов — это были в основном примаки — русские, татары-кряшены. Так, по данным переписей 1710, 1716 годов, охватывающими всю территорию южной и центральной частей современной Удмуртии, юго-восточных пределов Кировской области, северо-восточных заказанских районов Татарии, удалось выявить только два случая брачных союзов удмуртских парней с русскими девнцами. Не случайно удмурты, по сравнению с финно-пермской этноязыковой общностью, в большей чистоте сохранили комплекс древних антропологических особенностей.

Как отмечают современные этногенетики, **«представители пермской группы — удмурты, коми и коми-пермяки — будучи генетически наиболее близкими к финно-угорской праобщности, занимают центральное место не только в географическом, но и в генетическом отношении среди всех фиино-угорских народов»** (Шнейдер, Тихомирова... 1989: 141).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судя по нашей монографии, **удмурты** — один из самых древних, крупных и сплоченных финно-угорских этносов на территории России, имеющий древнюю культуру, развитый и развивающийся язык. Древняя и современная история удмуртов самым тесным образом связана с Волго-Уральским регионом и с живущими здесь народами финно-угорской, тюркской, славянской этноязыковых семей, а в древности — носителями индоиранских языков.

Этот уникальный, один из центральных регионов России начал заселяться уже с эпохи *палеолита*. В центральной части, отчасти и в северных районах Урала — и с европейской, и с азиатской стороны, — шло формирование древнейшего прауральского пранарода, его диалектной речи и первобытной культуры, своеобразного антропологического типа. По мере разрастания родовых коллективов и расширения территории их обитания впоследствии из этой уральской языковой семьи отделились финно-угорские и самодийские этноязыковые группы.

Территория современной Удмуртской Республики, по сведениям археологов, начала заселяться с эпохи *мезолита* — среднего каменного века (VIII—VI тыс. до н. э.) — и, следует сказать, что с этого времени она всегда была обитаема; десятки памятников последующих эпох — *неолита*, нового каменного века (V—III тыс. до н. э.), *энеолита*, медного века (конец III — середина II тыс. до н. э.), эпохи бронзы (XV—IX вв. до н. э.) — выявлены на территории маленькой Удмуртии. Этническая основа праудмуртских воршудно-родовых групп связана с создателями и носителями этих интереснейших, самобытных культур.

На рубеже неолита и энеолита из прафинно-угорской этноязыковой общности обособилась угорская часть; в начале эпохи бронзы из прафинно-пермской этноязыковой общности отделилась пермская ветвь. Наивысшего взлета культуры пермоязычные племена

(праудмурты и пракоми) достигли в эпоху железного века, соотносимого с ананьинской историко-культурной общностью (VIII—III вв. до н. э.). В III в. до н. э. ананьинская историко-культурная общность разделилась на две самостоятельные культуры — пьяноборскую и гляденовскую, что ознаменовало начало образования внутри прапермской этноязыковой общности двух самостоятельных языковых групп — праудмуров (пьяноборцы) и пракоми (гляденовцы).

Анализ зоо- и геоботанической терминологии удмуртского языка, по происхождению восходящего к общепермской, финно-угорской или уральской праязыковой эпохе, позволяет утверждать, что носители этого языка являются исконными жителями лесной зоны Восточной Европы. Весь многовековой уклад их жизни, религиозные верования, древний и современный фольклор, мифология связаны с лесом, так же, как и с рекой / водой. Судя по таким названиям, как *тыпы* «дуб», *нинпу* «липа», *пашпу* «орешник», и где водились медоносные пчелы — *муш*, южная граница места их жительства (пратерритория), скорее всего, проходила по стыку широколиственных лесов с лесостепью, а северная граница пратерритории праудмуртских родоплеменных групп доходила до мест, где произрастал кедр.

В решении этногенетических проблем существенную роль выполняют данные топонимии, особенно этнотопонимы — названия географических объектов, образованные от названия народа, данные другими этносами. Так этнотопонимы *Одо* (*одо* — марийское название удмуртов), *Ар* (*ар* — тюркское название удмуртов), *Вотяк* (*вотяк* — устаревшее русское название удмуртов) помогли выявить ареалы и очертить границы былого расселения древнеудмуртских родоплеменных групп, начиная с середины I тыс. н. э. вплоть до XVII—XVIII вв. Судя по ним, южная граница этнической территории древних удмуртов проходила несколько южнее линии городов Чебоксары — Казань — Уфа; западная — по р. Ветлуге (несколько восточнее); северная — по верховьям рек Камы, Вятки до слияния рек Юг и Сухона; восточная граница, возможно, простиралась по линии исток Камы — г. Оса — пос. Чернушка (в Пермском крае) до с. Табынское (центральная часть Башкирии). Именно на этой территории к III в. до н. э. на основе ананьино сложился пьяноборский союз племен, который послужил этническим ядром в формировании древнеудмуртской этноязыковой общности.

Внутри этого очерченного круга располагаются многочисленные географические названия — топонимы — удмуртского проис-

хождения. Помимо самой Удмуртии, они охватывают весь бассейн Вятки,— Кировскую область, северо-западные районы Татарии — треугольник между нижними течениями Камы, Вятки и Волги. Судя по историческим преданиям и некоторым письменным источникам, именно в этих местах в конце I и начале II тыс. н. э. у древних удмуртов оформились свои племенные центры: у северных удмуртов в Хлынове (совр. г. Киров), у южных — в Арске. Небольшие вкрапления таких топонимов выявлены также на территории Марий Эл, в прикамских районах Татарии, на северо-востоке Чувашии, на Урале — в северо-западных районах Башкирии и примыкающих к Удмуртии районах Пермского края.

В то же время в топонимии самой Удмуртии, помимо прапермского и мощного собственно удмуртского происхождения пласта географических названий, выделяется русский топонимический пласт, выявляются вкрапления географических названий иранского, угорского, самодийского, марийского, тюркского происхождений. Проникновение зауральского, сибирского населения в Волго-Уральский регион, по существу не прекращавшееся с момента разделения уральской этноязыковой общности, влилось окончательно в широкий процесс великого переселения народов в I тыс. н. э. На наш взгляд, с угорским миром связана этническая основа воршудно-родовых групп *Эгра, Пурга, Можга*, возможно, и некоторых других; воршудно-родовые группы *Чудья* (*Шудья*), *Чудна* этнически связаны с прибалтийско-финскими племенами — *чудью*.

Лингвистический материал свидетельствует: предки удмуртов в эпоху существования прафинно-угорской, прапермской этноязыковой общности вступали в активные контакты с носителями индоиранских языков; и в период самостоятельного развития удмуртского языка связи с иранским (скифо-сармато-аланским миром) — с предками осетин, не прекращались до середины I тыс. н. э., до захвата степных районов от границ Средней Азии до Паннонии кочевыми тюркскими племенами и вытеснения из этого региона ираноязычных алан. Важнейшие термины, связанные с производящим хозяйством, в первую очередь с обработкой металлов, с животноводством, земледелием, праудмурты заимствовали из индоиранских языков. Некоторые личные имена скифов, саков, алан встречаются в древнеудмуртском именнике, например: *Дадок, Дада, Занок, Базак, Кандак, Малаг, Артан, Зарина* и др.

Булгарские (проточувашские) заимствования встречаются во всех диалектах и наречиях удмуртского языка; частично от удмур-

тов они проникли в коми языки. В то же время татарско-кипчакские заимствования совершенно неравномерно распространились по диалектам и говорам удмуртов — от 2000 в закамских говорах до нескольких десятков в говорах северноудмуртского наречия, что негативно сказалось в создании единого разговорного языка, понятного всем группам удмуртов.

Что важно, не только удмурты заимствовали, но и из удмуртского языка часть лексики, географических названий попали в булгарско-чувашский, татарский, башкирский, марийский, коми-пермяцкий, русский языки и их диалекты, а в общепермское время — в скифо-аланский (осетинский) и венгерский языки, хотя по внешнему фонетическому облику они ближе к удмуртским оригиналам.

Интереснейший факт: как и у других финно-угорских народов, формировавшихся из двух фратриальных, эндогамных племенных объединений (см. финны: *суоми* и *хяме*; мордва: *мокша* и *эрзя*; марийцы: *горные* и *луговые*; коми: *зыряне* и *пермяки*; эстонцы: *северные* и *южные*; обские угры: *пор* и *мось* и др.), в этногенезе удмуртов участвовали две эндогамные группы: *ватка* и *калмез*.

До середины I тыс. н. э. племенное объединение *ватка* населяло Вятско-Нижнекамско-Волжско-Ветлужский регион, а племенное объединение *калмез* — бассейны среднего и нижнего течения р. Белой, среднего течения р. Камы, начиная от г. Осы (Пермский край) до г. Елабуги (Татарстан). Во времена великого переселения калмезы были оттеснены со своей пратерритории: многие ушли на территорию южной и центральной части современной Удмуртии, проникли в бассейн Вятки, при этом разорвали единую цепь поселений племенного объединения *ватка*, образовались нижние ватка — *улланьёс* (нижневятские — мамадышско-балтасинско-карлыганский куст) и верхние — *вылланьёс* (верхневятские и нижнечепецкие группы). Под натиском марийской, булгарской, русской колонизаций во второй половине I и начале II тыс. н. э. калмезы и ватка начали отступать на территорию современной Удмуртии. Так продолжалось вплоть до XVIII—XIX вв.

Уникальное явление для всего финно-угорского, всего европейского мира представляют из себя сохранившиеся до исторически обозримого времени в среде удмуртов воршудно-родовые подразделения, восходящие к эпохе матриархата: *воршуд* — это 1) семейно-родовое божество, наделяющее членов семьи и рода счастьем, благополучием; 2) члены рода, поклоняющиеся этому божеству; 3) идол и другие культовые предметы, которые хранились в семейно-

родовых святилищах — *куала* и которым поклонялись члены одной воршудной группы; совершались семейно-родовые моления с принесением в жертву животных, птиц, рыб, хлебов, вина; 4) при замужестве удмуртская девушка теряла свое личное имя, а взамен получала имя воршуда своего отца, а в более древние времена — матери.

С огромным трудом удалось расшифровать этимологии половины этих древнейших названий, и оказалось, что в основе удмуртских воршудных имен лежат названия диких животных, птиц, рыб и насекомых — предполагаемых тотемов рода, например: *какся* (диал.) «цапля» > Какся; *сян* ~ *чан* (уст.) «норка» > Сянья ~ Чанья; *паляка* (диал.) «перепел» > Паляка; *уля* (диал.) «пескарь» > Уля; *дургали, дурга-дарга* (диал.) «майский жук» > Дурга; *биё* (диал.) «улитка» > Бия и др. Об архаичности и древности возникновения воршудных имен говорит тот факт, что зоонимы, ставшие основой воршудных имен, восходят к уральской, финно-угорской или прапермской языковой общности; среди них нет заимствованных названий, нет и названий домашних, окультуренных животных и птиц. Этот факт говорит о том, что воршудные имена, как и сам культ воршуда, уходят своими корнями к той древней эпохе, когда основой хозяйства были еще охота, рыбная ловля, собирательство даров природы.

Следы воршудных изображений ведут нас к так называемому пермскому звериному стилю — своеобразному, богатому по содержанию искусству металлической пластики племен Приуралья. В свою очередь, истоки этого стиля ученые находят в более древних памятниках, например, в пещерной живописи Каповой Пещеры на р. Белой (Башкирия), относящихся к палеолиту.

Интересно заметить, как и удмуртские воршудно-родовые имена, многие древние финно-угорские этнонимы оформлены теми же аффиксами: *-я, -ка (-га), -ма, -ра, -ча (-ся), -ла, -та*: *меря, мурома, тойма, мещера, эрзя, мокша, весья, вадья, сура, печера, югра (угра), вишера, юра* и др.

Ученые не раз отмечали, что изучение удмуртских воршудно-родовых делений проливает свет на древнейшую историю удмуртского народа и может привести нас к самым истокам его формирования.

Известные науке 70 воршудно-родовых объединений удмуртов по территориальному размещению делятся на несколько групп: 1) родовые группы, встречающиеся среди северных удмуртов — на территории расселения племенного объединения *ватка*; 2) родовые

группы, встречающиеся в центральных районах Удмуртии — на территории расселения племенного объединения *калмез*; 3) родовые группы, встречающиеся в среде большинства этнолингвистических групп удмуртов,— это наиболее крупные и широко расселившиеся родовые группы, им принадлежит как бы цементирующая роль в этногенезе удмуртов, в объединении многочисленных родов и двух племенных объединений в народность и в формировании единого языка удмуртского народа.

В решении этногенетических проблем большую роль играют вопросы материальной и духовной культуры народа. Как удмуртская диалектная речь состоит из двух крупных наречий — северноудмуртского и южноудмуртского — с несколькими диалектами и множеством говоров, так и костюмный комплекс удмуртов состоит из двух видов: северного и южного, с несколькими вариантами в каждой группе.

Древний северноудмуртский, в первую очередь нижнечепецкий вариант костюмного комплекса, связанный с этнической историей племенного объединения *ватка*, находит прямые аналоги в национальной одежде многих финно-угорских народов, прежде всего марийцев и мордвы.

Древний южноудмуртский костюмный комплекс исторически связан с племенным объединением *калмез*, он испытал существенное влияние со стороны народной одежды южных соседей — иранских, тюркских племен. От южных соплеменников некоторые детали костюма, украшения могли попасть к северным группам удмуртов. В то же время, чем дальше идешь в глубь веков, между комплексами одежды северных и южных удмуртов, в данное время разительно меж собою отличающихся, выявляется больше общих черт, нежели различий.

Бесермянский костюмный комплекс находит прямые аналоги в национальной одежде южных удмуртов, калмезов, а головные уборы сходны с чувашскими (протобулгарскими), в первую очередь *такъя* и *кашпу*. В свою очередь, эти уборы находят параллели в одежде среднеазиатских тюрков, испытавших сильное иранское влияние.

Жилые помещения и связанные с ними хозяйственные, культовые постройки удмуртов дают прекрасный материал для решения этногенетических проблем этого древнейшего, автохтонного этноса Восточной Европы. Древнейшим видом жилища первобытных людей был шалаш (курень, балаган). Еще в недалекие времена вре-

менным жилищем охотников, лесорубов, косарей, жнецов служил наспех сделанный шалаш — *тылыс*, а также *чум* — 1) углубленная в землю лесная охотничья избушка; 2) первый, нижний этаж двухэтажной клети — *кенос*. И сам *кенос* — одно или двухэтажное, бревенчатое, неотапливаемое сооружение, используемое в качестве спальной комнаты в летнее и теплое осенне-весеннее время, представляет архаику и находит прямые аналоги в зодчестве многих финно-угорских народов.

Особый интерес представляет архаичное культовое сооружение — *куала (куа)*: *покчи куала* — семейное (патронимическое) святилище, *быдӟым куала* — родовое, общественное святилище, где хранилась семейно-родовая святыня — *воршуд*. Само здание *куалы*, не имеющее деревянного пола (настила), потолка и окон, с открытым очагом посредине помещения, вероятно, представляет один из древнейших типов наземного жилища финно-угров // праудмуртов.

Одним из надежных источников при решении вопросов этногенеза служат сведения антропологии. По данным ученых, удмурты, бесермяне, коми-пермяки, коми-зыряне, марийцы принадлежат к сублапоноидному и светлому лапоноидному типам уральской расы, которая охватывает Волго-Уральский регион и север европейской части России.

Палеоантропологический материал показывает, что формирование удмуртов происходило на местной, прикамской основе. Исходным был тип пьяноборского населения — III в. до н. э. — V в. н. э. Наиболее яркой особенностью удмуртов является чрезвычайно высокий процент наличия рыжеволосых индивидуумов. Эта особенность выделяет удмуртов от всех родственных (финно-угорских) и неродственных народов; она может явиться одной из ведущих при решении вопросов как этногенеза финно-угорских народов, так и происхождения уральской расы.

Антропогенетические исследования удмуртского народа показали, что наиболее генетически сходными с удмуртами из всех финно-угорских народов оказываются коми-зыряне, коми-пермяки и марийцы.

Как отмечают современные этногенетики, представители пермской группы — удмурты, коми и коми-пермяки — будучи генетически наиболее близкими к финно-угорской праобщности, занимают центральное место в генетическом отношении среди всех финно-угорских народов.

До этногенетиков к такому же важному выводу пришли лингвисты — финно-угроведы: с историко-географической точки зрения, географическое расположение финно-угорских языков в общем отражает соотношение между языками, среди которых, возможно и в историческом плане, наряду с марийским, центральное место занимает удмуртский (пермяцкий) язык. Если ученый мир удмуртам отводит центральное место и в генетическом, историческом, и лингвистическом, этнокультурном плане в среде финно-угорских народов, то такая высокая оценка нас обязывает быть патриотами своего отечества, родного народа, иметь глубокое уважение, любовь к его языку, истории и культуре. С целью воспитания таких высоких чувств написана данная монография, это с одной стороны, а с другой — ознакомления и других народов с древней историей и культурой удмуртского народа, древнейшего, самобытного этноса России.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949; ***его же***: Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.—Л., 1958. Т. 1; ***его же***: К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. М., 1972. С. 26—37.

Агаева Р. А. Об этнонимe *чудь* (*чухна*, *чухарь*) // Этнонимы. М., 1970. С. 194—203; ***ее же***: О финно-угорской этнонимике // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. IV. С. 36—41.

Акимова М. С. Краниологический очерк удмуртов // Вопросы антропологии. М., 1962. Вып. 10; ***ее же***: Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968; ***ее же***: Этногенез башкир по данным антропологии // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971. С. 38—43.

Акцорин В. А. Исторические легенды и предания о контакте марийцев с предками коми // Вопросы марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола, 1980. С. 3—13.

Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969; ***его же***: Этногенез. М., 1986.

Археологическая карта Башкирии. М., 1976.

Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье. М., 1981.

Аристэ П. А. Формированне прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С. 5—27.

Арсланов Л. Ш. Угро-самодийские элементы в топонимии Восточного Предкамья // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1995. С. 279—281; ***его же***: Исследования по финно-угристике. Елабуга, 2001.

Арсланов Л. Ш., Казаков Е. П., Корепанов К. И. Финны, угры и самодийцы в Восточном Закамье (III в. до н. э.—XVI в. н. э.). Елабуга, 1993.

Архипов Г. А. Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола, 1973; ***его же***: Марийско-удмуртские этнокультурные связи (к вопросу об азелинском компоненте в марийском и удмуртском этногенезе) // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 63—71; ***его же***: Этногенез финно-угорских народов Поволжья: современное состояиие, проблемы и задачи изучения // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 1995. № 1.

Атаманов М. Г. Происхождение воршуда у удмуртов // Fenno-ugristica. Тарту, 1977 / 4. С. 22—40; ***его же***: Удмуртские топонимы бассейна Вятки // Советское финно-угроведение. Таллин, 1983. № 2. С. 115—125; ***его же***: Изображения удмуртских воршудов // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск, 1983. С. 111—115; ***его же***: Архаическая лексика в удмуртской топонимии // Советское финно-угроведение. Таллин, 1984. № 3. С. 178—183; ***его же***: Названия археологических памятников Удмуртни. Устинов, 1985. С. 153—161; ***его же***: Удмуртские топонимы на *кар* // Fenno-ugristica: Труды по финно-угроведению. Тарту, 1986. № 3. С. 26—31; ***его же***: Удмуртская ономастика. Ижевск, 1988; ***его же***: Удмурт нимбугор. Словарь личных нмен удмуртов. Ижевск, 1990; ***его же***: Субэтнические объединения удмуртов // Удмурты: Историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993. С. 28—35; ***его же***: История Удмуртии в географических названиях. Ижевск, 1997; ***его же***: По следам удмуртских воршудов. Ижевск, 2001; ***его же***: Этнический состав населения бассейна Вятки последних двух тысячелетий //

Исторические истоки, опыт взаимодействия и толераитности народов Приуралья. Ижевск, 2002. С. 269—281; *его же*: Проблемы этногенеза удмуртов в трудах Р. Д. Голдиной // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. Ижевск, 2002. С. 150—157; *его же*: Из историн формнрования закамской группы южных удмуртов // Вордскем кыл. Ижевск, 2003. № 10. С. 87—94; 2004. № 1. С. 79—90; *его же*: Еще раз об арской проблеме в истории удмуртского народа // Археологическая экспедиция... Ижевск, 2008. С. 185—195; *его же*: От Дондыкара до Урсыгурта. Из историн формнрования удмуртских регионов. Ижевск, 2005; *его же*: Песни и сказы ушедших эпох. Эгра кырӟа, Эгра вера. Ижевск, 2005; *его же*: К вопросу о прародине удмуртов по данным языка // Проблемы этногенеза фиино-угорских народов Приуралья. Ижевск, 1992. С. 3—17; *его же*: Кытын тон, батырлыко Арча музъем? // Инвожо. Ижевск, 1997. № 1. С. 3—7; № 6. С. 3—7; *его же*: Еще раз о происхождении этнонима *удмурт* // Lingvistica Uralica. Tallinn, 2007 / 2. С. 90—97; *его же*: Сибирская группа удмуртов // Вордскем кыл. Ижевск, 2004. № 10. С. 76—95; *его же*: Тангыра: Кузьмадёс (эпос). Ижкар, 2008.

Ашихмина Л. И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье. Сыктывкар, 1985.

Ашихмина Л. И., Чернова Е. М. К реконструкции исторических событий на средней Вятке в середине I тыс. н. э. // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Новосибирск, 1989.

Бадер О. Н. О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

Бадер О. Н., Оборин В. А. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958.

Барта А. Уральские народы и цивилизации Средней Азии II тысячелетия до н. э. // Этнические проблемы историн Центральной Азии в древности. М., 1981. С. 138—139.

Бахши Иман. Джагфар тарихы: Свод булгарских летописей. Оренбург, 1993.

Белавин А. М. Волжская Булгария и Пермское Приуралье в X—XIII вв. Л., 1991.

Белицер В. Н. К вопросу о происхождении удмуртов // Советская этнография. М., 1947. № 4; *ее же*: К вопросу о происхождении бесермян // Труды института этнографии. Том 1. М., 1947; *ее же*: Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу. М., 1951.

Беккер Э. Г. Селькупские топонимы Западной Сибири: Дис. канд. филол. наук. Томск, 1965; *ее же*: О некоторых селькупских географических терминах // Местные географические термины. М., 1970. С. 171—174.

Берецки Г. Взаимоотношения марийской лексики с лексикой мордовских и пермских языков // Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum. Budapest, 1963.

Бехтерев В. М. Вотяки, их история и современное состояние // Вестник Европы. 1880. № 8, 9.

Бобровников Н. А. Инородческое население Казанской губернии. Вып. 1. Казань, 1899.

Богаевский П. М. Очерк быта Сарапульских вотяков // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографической музее. М., 1888. Вып. 3. С. 14—64; *его же*: Очерки религиозных представлений вотяков // Этнографическое обозрение. М., 1890. Книга IV. С. 116—163.

Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М., 1983.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.

Буданова В. П. Этнонимия скифских, синдо-меотских и алано-сарматских племен времени Великого переселения народов // Ономастика и эпиграфика средневековой Восточной Европы и Византии. М., 1993. С. 187—263.

Бурганова Н. Б. О системе народного праздника джиен у казанских татар // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1982. С. 20—67.

Бушмакин С. К. Воршудные имена и удмуртская топоннмня // Ономастнка Поволжья-1. Ульяновск, 1969. С. 166—176; *его же*: Фонетическне и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка // КД. Москва—Ижевск, 1971.

Васильев И. О значении вотскнх слов *од* и *уд* и *орт* или *урт* и происхождение слов *удмурт* и *вотяк* // Вятские Епархиальные Ведомости. Вятка, 1906. № 19. С. 657—659.

Ватка но Калмез: Удмурт калык легендаос но преданнос. Ижевск, 1971.

Вахрушева Л. В., Качалина Н. С. Названия некоторых населенных пунктов Сарапульского района Удм. АССР // Ономастика Поволжья-4. Сараиск, 1976. С. 206—208.

Вереш Петер. Причины распада уральской н угорской языковых общностей // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum: Turku 20—27. VIII. 1980. Turku: Suomen Kielen Seura. 1981. Pars VII. S. 280—285.

Верещагин А. С. Сказания русских летописей о Вятке // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1905; *его же*: Из истории древиерусской Вяткн. Вопрос о первоначальном заселении Вятки русью // Памятная книжка Вятской губернин и календарь на 1905 год. Вятка, 1905.

Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края // Известия РГО. СПб., 1884. Т. XX; *его же*: Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // Записки РГО. СПб., 1889. Т. XIV. Вып. 3.

Вешгомов А. И. История вятчан с 1181 по 1781 год // Известия Общества археологин, истории и этнографии при Казанском ун-те. Казань, 1908. Т. XXIV. Вып. 1—2.

Виноградов С. Н. Удмуртская одежда. Ижевск, 1974; *его же*: Удмуртские народные узоры и значение их названий // Об удмуртском фольклоре и литературе. Ижевск, 1973. Вып. 1.

Владыкин В. Е. К вопросу об этнических группах удмуртов // Советская этнография. М., 1970. № 3. С. 37—47; *его же*: Семейно-родовые культы в дохристианском религиозном комплексе удмуртов // Вопросы этнографин Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 49—68; *его же*: Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994.

Вопросы этнической истории эстоиского иарода / Ред. Х. А. Моор. Таллин, 1956.

Воробьев Н. И. Казанские татары (этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). Казань, 1955.

Востриков О. В. К вопросу об удмуртской топонимии Пермской и Свердловской областей // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков. Ижевск, 1987. С. 169—173.

Вятская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859—1873 годов. СПб., 1876.

Гаврилов Б. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губ. Казань, 1880; *его же*: Поверья, обряды и обычан вотяков Мамадышского уезда Урясь-Учинского прихода // Труды IV археологического съезда. Казань, 1891. С. 80—156.

Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья (Материалы к этногенезу). Чебоксары, 1960.

Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза Осетии. Тбилиси: Мецниереба, 1966.

Галкин И. С. Топонимика марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа // Происхожденне марийского иарода. Йошкар-Ола, 1967. С. 203—210; ***его же***: Тайны марийской топоимики. Йошкар-Ола, 1985.

Гарипова Ф. Г. Гидроимия Заказанья Татарской АССР (бассейиов рек Ашит, Казанки, Меши, Шошмы): Автореферат канд. дис. Казань, 1975; ***ее же***: Финно-угорский пласт в гидронимии Заказанья Татарской АССР // Материалы IV конференции молодых научных работников. Казань, 1975; ***ее же***: Этиолингвистические пласты в гидронимии Заказаиья // Источниковедение и история тюркских языков. Казань, 1978. С. 50—58.

Генинг В. Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958; ***его же***: История иаселения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // Вопросы археологии Урала. Ижевск, 1970. Вып. 10; ***его же***: Мыдлань-шай — удмуртский могильник VIII—IX вв. // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1962. Вып. 3; ***его же***: Этногенез удмуртов по даиным археологии // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. С. 271—278.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов... СПб., 1799. Ч. 2. С. 55—67.

Геродот. История (в переводе М. Мищеико). М., 1888.

Герд Кузебай. К вопросу о происхождении вотяков. Удины и уды // Труды Научного общества изучения Вотского края. Ижевск, 1926. Вып. 2. С. 91—95.

Гимади Х. Г. Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. Вып. 1. С. 185—225.

Голдина Р. Д. Жертвенное место Чумойтло в Южной Удмуртии // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987; ***ее же***: Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа // Проблемы этногенеза удмуртов. Ижевск, 1987; ***ее же***: Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999; ***ее же***: Основиые этапы древней и средневековой истории пермян Камско-Вятского междуречья // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Сыктывкар, 2007. С. 13—27.

Голдина Р. Д., Гусенцова Т. М. Поселение Моторки II в ннжнем течении р. Валы // Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1979.

Грибова Л. С. Пермский звериный стиль. М.: Наука, 1975.

Гришкина М. В. Численность и расселение удмуртов в XVIII веке // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 95—133; ***ее же***: Удмурты. Этюды из истории IX—XIX вв. Ижевск, 1994.

Гришкина М. В., Владыкин В. Е. К вопросу о письмениых источниках по истории удмуртов IX—XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 3—42.

Гришкина М. В., Шкляев А. Г. Тангыра: новая версия удмуртского эпоса // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 2009. № 2. С. 97—101.

Гуссаковский Л. П. Отчет об археологических работах в г. Кирове в 1959 г.: Архив Института археологии Академии наук СССР, Р-1, № 1. 992; ***его же***: Из истории русской Вятки // Европейский Север в культурном историческом процессе. Киров, 1999. С. 32—40.

Гусенцова Т. М. Новомултанское неолитическое поселение // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977; ***ее же***: Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1993.

Добродомов И. Г. Об одном алано-бурятском имени в эпитафиях волжских булгар XIV века // Ономастика и эпиграфика средневековой Восточной Европы и Византии. М., 1993. С. 130—150.

Документы по истории Удмуртии XV—XVII веков // Удмурты в XV—XVII веках / Сост. П. Н. Луппов. Ижевск, 1958.

Долинова Н. А. Дерматоглифика удмуртов // Новые исследования по этногенезу. Ижевск, 1989.

Донини А. Люди, идолы, боги. М., 1966.

Дульзон А. П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимии // XXV Международный конгресс востоковедов. М., 1950; ***его же***: Гидронимический ареал *-ман* в южной части Сибири // Топонимика Востока. М., 1962.

Европеус Д. Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних их жителей. СПб., 1874.

Емельянов А. И. Курс по этнографии вотяков. Казань, 1921.

Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.

Живаева Г. Т. История северных удмуртов в IX—XV вв.: Дис. канд. ист. наук. М., 1971.

Журавлева Г. Н. Народонаселение Среднего Прикамья в пьяноборскую эпоху (опыт палеодемографических рекоиструкций) // АКД. Ижевск, 1995.

Жучкевич В. А. Общая топонимика. Изд. 3-е. Минск, 1980.

Загребин А. Е. Финны об удмуртах: Финские исследователи этнографии удмуртов XIX— первой половины XX в. Ижевск, 1999; ***его же***: Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII — первая половина XIX в.). Ижевск, 2006.

Загуляева Б. Ш. Прикильмезские говоры удмуртского языка // АКД. Тарту, 1980.

Зам П. П. Материалы к антропологии вотяков (удмуртов) Глазовского уезда // Русский антропологический журнал. Вып. 3—4. М., 1929. С. 7—9.

Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху: Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952. № 30.

Зеленин Д. К. Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности? // Международный язык науки и культурных отношений. М., 1901. С. 96—108; ***его же***: Что такое «воршуд»? // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии. Ижевск, 1980. С. 118—132.

Зеленцов Л. С. Отражение этнического состава поселенцев в народных названиях населенных пунктов Артинского, Ачитского и Красноуфимского районов Свердловской области // Вопросы топономастики. Свердловск, 1971. Вып. 5. С. 137—140.

Зенкевич П. И. Антропологические исследования в Удмуртской АССР // Краткие сообщения о научных работах НИИ и Музея антропологии при МГУ за 1938—1939 гг. М., 1941.

Иванов А. Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V — первая половина XIII в.) // АКД. СПб., 1997; ***его же***: Удмурты — «луговые люди» (К этимологии этнонима) // Linguistica Uralika; XLIII, 2. Tallinn, 2007. С. 188—190.

Иванова М. Г. Чепецкие древности. Устинов, 1985; ***ее же***: Об этнической принадлежности памятников чепецкой культуры // Проблемы этногенеза удмуртов. Ижевск, 1987. С. 59—79; ***ее же***: Древнеудмуртское городище Иднакар IX—XIII вв.: новые результаты и перспективы исследований // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2009. С. 171—181.

Иванов И. Г. Еще раз об этнониме «черемис» // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1978. С. 44—48.

Износков И. А. Два реферата, читанных на IX археологическом съезде в Казани в 1877 году. Казань, 1882; ***его же***: Список населенных мест Мамадышского уезда Казанской губернии. Казань, 1885.

Иллич-Свитыч В. М. Реконструкция уральского вокализма в свете данных внешнего сравнения // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1961. Вып. IV. С. 95—100.

Истомина Т. В. Вотчинский могильник // Этнокультурные процессы в древности на европейском северо-востоке. Сыктывкар, 1999. С. 76—102.

Казанцев Д. Е. Формирование диалектов марийского языка. Йошкар-Ола, 1985.

Калинина Л. И. О географическом термине *тор* и его вариантах // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. IV. С. 109—113.

Капеллан К. Ранняя этническая история саамов // Финно-угорский сборник. М., 1982. С. 32—48.

Карпова Л. Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997.

Кельмаков В. К. Происхождение и первое упоминание этнонима *ар* // Этнонимы. М., 1970. С. 189—193; ***его же***: К истории удмуртов Правобережья Вятки // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 128—144; ***его же***: К вопросу о диалектном членении удмуртского языка // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков. Ижевск, 1987. С. 26—51; ***его же***: Краткий курс удмуртской диалектологии. Ижевск, 1998; ***его же***: К истории удмуртского и пермского языкознания. Ижевск, 2002.

Кеппен Ф. Материалы к вопросу о первоначальной родине и первобытном родстве индоевропейского и финно-угорского племени. СПб., 1886.

Керт Г. М., Мамонтова Н. Н. Загадки карельской топонимики. Петрозаводск, 1976.

Кириллова Л. Е. Микротопонимия бассейна Кильмези. Ижевск, 2002.

Климов К. М. Удмуртское народное искусство. Ижевск, 1988.

Коблов Я. О татаризации инородцев Приволжского края. Православный собеседник. Казань, 1911.

Ковалев Г. Ф. Этнос и имя. Воронеж, 2003.

Козлова К. И. Этногенез и этнические связи марийцев по данным этнографии // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 110—119; ***се же***: Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.

Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. М., 1932.

Корепанов Д. Бесермяне // На удмуртские темы. Ижевск, 1931. Вып. II. С. 99—106.

Корепанов К. И. О факторах формирования ананьинского искусства звериного стиля // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь, 1990.

Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984; ***его же:*** Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.

Косарева И. А. Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов (косинской, слободской, кукморской, шошминской, закамской) в конце XIX — начале XX в. Ижевск, 2000.

Косвен М. О. Распад родового строя у удмуртов // На удмуртские темы. М., 1931. Вып. 11. С. 5—35.

Котова Е. Н. Вышитая одежда удмуртов. М., 1987.

Красноперов А. А. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н. э. — V в. и. з.) // АКД. Ижевск, 2006.

Кривощеков И. Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914.

Кривощекова-Гантман А. С. Откуда эти названия? Пермь, 1973; ***ее же***: Географические названия Верхнего Прикамья. Пермь, 1983.

Крюкова Т. А. Удмуртское народное изобразительное искусство. Ленинград—Ижевск, 1973.

Кузеев Р. Г. Опыт исторической стратификации родоплеменной этнонимии башкир // Ономастика Поволжья-3. Уфа, 1973. С. 9—21; ***его же***: Происхождение башкирского народа. М., 1974.

Кузеев Р. Г., Гарипов Т. М., Иванов В. М., Моисеева Н. Н. Об истории этнокультурных контактов индоевропейских, уральских и алтайских народов в Урало-Поволжье. Уфа, 1982.

Кузнецов С. К. Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии // Этнографическое обозрение. М., 1904. № 4. С. 24—49.

Кузьминых С. В. Этно- и культурогенетические процессы на Севере Восточной Европы в финале бронзового и раннем железном веке // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Сыктывкар, 2007. С. 41—47.

Куклин А. Н. Удмуртские компоненты в названиях марийских селений // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков. Ижевск, 1987. С. 129—133.

Курбский А. М. История о великом князе Московском // Русская историческая библиотека. СПб., 1914. Т. 31.

КЭСК. Лыткин В. И., Гуляев Е. Н. Краткий этимологический словарь коми языка. Москва, 1970.

Ласточкин С. Е. Вотякн туклинского рода // Труды Научного общества изучения Вотского края. Ижевск, 1926. Вып. 2. С. 70—76.

Лашук Л. П. Формирование народности коми. М., 1972.

Лебедева С. Х., Атаманов М. Г. Костюмные комплексы в связн с их этногенезом // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987.

Лебедева С. Х. Удмурт калык дйськут=Удмуртская народная одежда. Ижевск, 2008.

Лещинская Н. А. Вятский бассейн в I — начале II тыс. и. э. (по археологическим источникам) // АКД. Ижевск, 1995.

Луппов П. Н. Христианство у вотяков со времеи первых исторнческих известий о них до XIX в. СПб., 1899. Изд. 2. Вятка, 1901; ***его же***: Христианство у вотяков в первой половине XIX в. Вятка, 1911; ***его же***: Северные удмурты в 16—17 веках // На удмуртские темы. М., 1931. С. 112—144.

Лыткин В. И. О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках // Известия АН СССР (отделение литературы и языка). М.—Л., 1951. Т. X. Вып. 4. С. 285—392; ***его же:*** Древнепермский язык. М., 1952; ***его же:*** Из истории словарного состава пермских языков // Языкознание. М., 1953. № 5. С. 48—69; ***его же:*** Этимологии некоторых марийских слов: марийское название удмуртов // Вопросы марийского языкознания. Йошкар-Ола, 1964. Вып. I. С. 61—62; ***его же:*** К этимологии слов угры и югра // Этнмология. М.: Наука, 1968. С. 197—206; ***его же***: О древнетюркских заимствованнях в лексике пермских языков // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. IV. Ижевск, 1967.

Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970.

Ляшев В. А. Вятско-камский языковой компонент на Выми // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987. С. 104—111.

Майданова Л. М. Ареалы финно-угорской этнонимни Урала // Вопросы топономастики. Свердловск, 1962. Вып. 1. С. 22—32.

Майтинская К. Е. Введение // Языки народов СССР: финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. С. 9—25.

Макаров Л. Д. Формирование территории Вятской земли в XII—XVII вв. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991; ***его же***: Об особенностях славяно-финских контактов в XII—XVI вв. на территории Вятского края // Историческое познание: традиции и новации. Ч. I. Ижевск, 1993.

Макаров Н. Н. О некоторых пермско-финских элементах в культуре Северной Руси // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989; ***его же***: Камско-вычегодская керамика на Шексне // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск, 1982.

Малиев Н. М. Антропологический очерк вотяков // Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Т. 4. № 2. Казань, 1874.

Манюхин И. С. Этногенез саамов (опыт комплексного исследования) // АДД. Ижевск, 2005.

Марк К. Ю. Антропология пермских народов в связи с вопросами их этногенеза // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987; ***ее же***: Антропология волжских и пермских финно-угорских народов // Доклад на VII Международном конгрессе археологических и этнографнческих наук. М., 1964.

Марр Н. Я. Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык // Избранные работы. М.—Л., 1935. Т. 5. С. 467—533.

Матвеев А. К. Древнеуральская топонимнка и ее происхождение // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1961. Вып. 1. С. 133 – 141; ***его же***: Есть ли древнепермская топонимика в Заволочье? // СФУ, 3, 1965. С. 207--212; ***его же***: К вопросу о западных границах первоначального расселения манси по данным топонимин // Ономастика европейского севера СССР. Мурманск, 1982. С. 49—58; ***его же***: Дьёни Г Протовенгры на Урале в I тыс. н. э. в российской и венгерской историографии: Дис. на соиск. канд. ист. наук // Вопросы ономастики. Екатеринбург, 2008. № 5. С. 188—191.

Матвеева Г. И. Именьковская культура: некоторые итоги и перспективы исследования // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. Ижевск, 2008. С. 94—103.

Мельникова О. М. Археологическая экспедиция как социокультурный феномен // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразни. Ижевск, 2008. С. 9—14.

Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков... СПб., 1791.

Миллер Г. М. История Сибири. М.—Л., 1937. Т. 1.

Мирзанова С. Ф. Финно-угорские элементы в говорах башкирского языка // Археология и этиография Башкирин. IV. Уфа, 1971. С. 282—286.

Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1: А—К; 1982. Т. 2: К—Я.

Мифы, легенды и сказки удмуртского народа. Устинов, 1986.

Мокшин Н. Ф. Этническая история мордвы. Саранск, 1977.

Молчанова Л. А. Удмуртский народный костюм (история и символика). Ижевск, 2006.

Монгайт А. Л. Историческнй комментарий // Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.). М.: Наука, 1971. С. 84—130.

Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.

Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Словарь гидронимов юго-восточного Прнладожья. СПб., 1977.

Мурзаев Э. М. Географические названия // География в школе. М., 1962. № 4. С. 21.

Наговицын Л. А., Семенов В. А. Городищеиский могильник III—IV в. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978.

Напольских В. В. Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997; ***его же***: Удмуртские материалы Д. Г Мессершмидта. Ижевск, 2001; ***его же***: «Бисермины» // О бесермянах. Ижевск, 1997. С. 50—54.

Насибуллин Р. Ш. Закамские говоры удмуртского языка // АКД. Тарту, 1973; ***его же***: Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Ижевск, 1978.

Немет Д. Венгерские племенные названия у башкир // Археология и этиография Башкирии. IV Уфа, 1971. С. 249—262.

Никольский Н. В. Статистические сведення о вотяках за 1911 год с указанием литературы о нних и изданий на вотском языке. Казань, 1912.

Никонов В. А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965.

Никонорова Е. Е. Одежда красноуфимских удмуртов // Национальные культуры Урала. Вещь и пространство в культуре этноса. Екатеринбург, 2008. С. 50—57.

Нуриева И. М. Песни завятских удмуртов. Вып. 1. Ижевск, 1995.

Основы фиино-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974.

Основы финно-угорского языкознания: Марнйский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976.

Останина Т. И. Городище-убежище раннего средневековья у д. Старая Игра // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Ижевск, 1985; ***ее же***: Покровский могильник IV—V вв. Ижевск, 1992.

Островский Д. Вотяки Казаиской губернии // Труды Общества естествоиспытателей при Казанском ун-те. Казань, 1974. Т. IV. Вып. 1.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1788. Ч. 3. С. 29—37.

Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка, 1888. Эскиз 1,2; ***его же***: Опыт археологического исследоваиия Глазовского уезда Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. М., 1896. С. 13—122.

Петропавловский. Этнографическая экспедиция в д. Пунем // Труды научного общества по изучению Вотского края. № 2. Ижевск, 1926.

Пименов В. В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.—Л., 1965.

Пинт Агнесса. К истории удмуртского жилища // На удмуртские темы. М., 1931. Вып. II. С. 76—98.

Повесть о стране Вятской (Вятский летописец) // Труды ВУАК. Вятка, 1905. Вып. III, отд. II.

Полякова Е. Н. Этноимы Прикамья в русском языке XVII в. // Ономастика Поволжья-4. Сараиск, 1976. С. 9—12.

Попов А. И. Названия иародов СССР: Введение в этнонимику. Л.: Наука, 1973.

Попова Е. В. Бесермяне: Краткий историографический обзор // О бесермянах. Ижевск, 1997. С. 3—18; ***ее же***: Семейные обычаи и обряды бесермян. Ижевск, 1998.

Преображенский А. А. Колоиизация Западного Урала в XVII — иачале XVIII вв. М., 1956.

Проблемы этногенеза иарода коми. Сыктывкар, 1985.

Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии. Йошкар-Ола, 1967.

Потанин Г. Н. У вотяков Елабужского уезда // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. Казань, 1884. Т. 3. С. 189—259.

Прок Игнаш. Удмурты селтинского рода // Труды Научного общества изучения Вотского края. Ижевск, 1928. Вып. 5. С. 20—39.

Пудов А. И. История увинских деревень. Ува, 2000.

Пшеничнюк А. Х. Караабызская культура // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1973. С. 162—243.

Рыкушина Г. В. Одонтологическая характеристика северных и центральных удмуртов // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987. С. 49—58.

Рычков Н. П. Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 годах. СПб., 1770.

Рычков П. И. Топография Оренбургская. СПб., 1762. Ч 2.

Савельева Э. А. Этногенез коми-зырян (по данным археологии) // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар, 1985. С. 3—19; ***ее же***: Истоки народа коми // Этиодемографические процессы на Севере Евразии. Сыктывкар, 2005. Вып. 3. Ч. 2; ***ее же***: Итоги археологического изучения Европейского Северо-Востока // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Сыктывкар, 2007. С. 48—60.

Садиков Р. Р. Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). Уфа, 2001; ***его же***: Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов. Уфа, 2008.

Саттаров Г. Ф. Топоннмия края и некоторые вопросы этногенеза казанских татар // Татар тел белеме мэсьэлэлэре. III китап. Казань, 1969. С. 162—196; ***его же***: Этнотопонимия Татарии // Советская тюркология. Баку, 1980/1. С. 32—49.

Седов В. В. Славяне в древности. М., 1994.

Семенов В. А. К вопросу об этническом составе населения бассейна р. Чепцы (по данным археологии) // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 43—62.

Серебренников Б. А. К проблеме этнической принадлежности древнего населения Вычегды (по данным гидроимики) // Вопросы финно-угорского языкознания. М., 1966. С. 24—28; ***его же***: О некоторых гидроимических загадках Прибайкалья // Языки и фольклор народов Севера. Новосибирск, 1981. С. 161—167; ***его же***: К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. Уфа, 1963.

Сий Э. Термины родства и свойства в удмуртском языке. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1998. С. 216.

Сказание о царстве Казанском. М., 1959.

Смирнов А. П. Финские феодальные города // На удмуртские темы. Ижевск, 1931. Вып. II. С. 36—75; ***его же***: Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. М.—Л., 1952. № 28.

Смирнов И. Н. Вотяки: Историко-этнографический очерк // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. Казань, 1890. Т. VIII. Вып. 11.

Славяне. Этногенез и этническая история. Л., 1989.

Соколова З. П. К происхождению современных манси // Советская этнография. М., 1979. № 6.

Сорокин П. О материнстве как основе рода, о родовых названиях и знаках собственности у вотяков. Вятка, 1895 / Рукопись: Исторический архив г. Кирова, ф. 170. оп. 1, ед. хр. 127.

Спасский Н. А. Очерки по родиноведеиию. Казанская губернии. Казань, 1913.

Списки населенных мест Российской империи. X. Вятская губерния. СПб., 1876.

Список населенных мест Казанского уезда с кратким их описанием / Составитель И. А. Износков. Казань, 1885.

Спицын А. А. Каталог древностей Вятского края // Календарь Вятской губернии на 1882 г. Вятка, 1881. С. 25—90; ***его же***: К истории вятских инородцев // Календарь Вятской губернии на 1889. Вятка, 1880. С. 207—232; ***его же***: Приуральский край. Археологические розыскання о древиейших обитателях Вятской губериии. М., 1893.

Сысоева М. В. Первые письменные сведения об удмуртах // Вопросы фнино-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. IV. С. 294—309.

Тараканов И. В. Фонетические особенности бавлинского диалекта: Дис. канд. фнлол. иаук. Тарту, 1958; ***его же***: Об исторических связях удмуртов с другими иародамн по даиным языка / Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 145—173; ***его же***: Удмуртско-тюркские взаимосвязи. Ижевск, 1993.

Теплоухов А. Ф. О происшедшей некогда смене угров пермяками на Верхней Каме, коми на Верхней Вычегде, удмуртами иа Чепце // Труды Камской археологической экспедиции. Пермь, 1960. Вып. III. С. 270—277.

Тепляшина Т. И. Тыловайский диалект удмуртского языка // АКД. М., 1955; ***ее же***: Удмуртскнй язык // Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. С. 261—280; ***ее же***: К вопросу об этнониме *пор* // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967; ***ее же***: Язык бесермян. М., 1970.

Тепляшина Т. И., Лыткин В. И. Пермские языки // Основы фиино-угорского языкознания: марийский, пермские и угорские языкн. М., 1976.

Тихомиров М. А. Бесермены в русских источниках // Исследования по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964. Вып. 7. С. 50—57.

Токарев С. А. К постановке проблем этногенеза // Советская этнография. М., 1949. № 3 С. 12—36; ***его же***: Этнография народов СССР. М., 1958; ***его же***: Ранние формы религии. М., 1990.

Третьяков В. П. О связях древних племен Прикамья и юго-западной Финляндни во II тыс. до н. э. // Краткие сообщения Института археологии. М., 1969. Вып. 115.

Третьяков П. Н. У истоков этнической истории финно-угорских племен // Советская этнография. М., 1961. № 2; ***его же***: Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966.

Трефилов Г. Н. Бесермяне по пнсьменным источникам // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. IV С. 310—318.

Трофимова Т. А. Еще раз о черепах из Луговского могильника ананьинской культуры // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968. С. 51—91; ***ее же***: Этногенез татар в свете данных антропологии // Труды Института этнографии АН СССР. Т. 7. М.—Л., 1949.

Трубе Л. Л. Этнонимы в топонимин Горьковской области // Топонимия Центральной Россин. М., 1974. С. 147—153.

Туркин А. И. О некоторых гидронимнческих формантах Вычегды // СФУ Таллин, 1971. № 3. С. 197—199; ***его же***: Краткий коми топонимический словарь. Сыктывкар, 1981.

Удмурты в XV—XVII в. Документы по историн Удмуртии XV—XVII вв. / Сост. П. Н. Луппов. Ижевск, 1958.

Удмурты: Историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993.

Фасмер М. Этимологнческий словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986—1987. Т. I—IV

Федотов М. Р. Заметки о финно-угорских элементах в некоторых географических названиях Чувашии // СФУ Таллин, 1970. № 2. С. 127—135.

Фотеев Г. В. К истории становления удмуртско-русских этнокультурных отношений // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978. С. 68—91.

Фрезер Д. Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1980.

Фролов Н. К. Ареалы расселения западносибирских угров по данным топонимии // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. М., 1990. Т. 2. С. 208—210.

Хайду Петер. Уральские языки и народы / Перевод с венгерского языка Е. А. Хелимского. М.: Прогресс, 1985.

Хайтун Д. Е. Тотемизм. Его сущность и происхождение. Сталинабад, 1958.

Халиков А. Х. Проблема этногенеза пермских финнов. Оттиск доклада, прочитанного на VI Международном конгрессе финно-угроведов в г. Сыктывкаре. Казань, 1985.

Харузин Н. И. Очерк истории развития жилища у финнов // Этнографическое обозрение. М., 1895. С. 24—25.

Харузина В. Н. Этнография. Лекции. СПб., 2007.

Хомич Л. В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976.

Хомяков М. М. О краниологическом типе чепецких вотяков в связи с общим развитием вотской народности. Атропологическое исследование. Казань, 1910.

Худяков М. Г. Древности Малмыжского уезда // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1917. С. 1—64; ***его же***: Вотские родовые деления // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. Казань, 1920. Т. XXX. Вып. 3; Т. XXXI. Вып. 1; ***его же***: Очерки истории Казаиского ханства. Казань, 1923; ***его же***: История Камско-Вяткого края / Идея, составление, научное редактирование М. В. Гришкиной, С. В. Кузьминых. Ижевск, 2008.

Хузин Ф. Новое в археологии древней Казани // Средневековая Казаиь: возникновение и развитие. Казань, 2000. С. 12—21.

Чебоксаров Н. Н. К вопросу о происхождении народов угрофиискоя языковой группы // Советская этнография. М., 1952. № 1.

Чернышев Е. И. Селения Казаиского ханства // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 271—291.

Чернецов В. Н. К истории родового строя у обских угров // СЭ. М.—Л., 1947.

Черных Е. М. Жилища Прикамья (эпоха железа). Ижевск, 2008.

Чуракова Р. А. Песии южных удмуртов. Ижевск, 1999. Вып. II.

Шапран И. Г. Позднесредневековые удмуртские и марийские могильники правобережья Вятки // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1995. С. 93—95.

Шкляев Г. К. Развитие плаиировки удмуртских поселений // Проблемы развития архитектуры Удмуртии. Ижевск, 1979. С. 58—65.

Шнейдер Ю. В., Тихомирова Е. В., Жукова О. В., Лебедева И. А., Петрищев В. Н., Сигнеев В. И., Сыскова Н. Н., Шильникова И. Н. Антропологические исследования удмуртского иарода. Генетическая структура удмуртов по даиным биохимических, иммунологнческих и физнологических маркеров генов // Новые исследования по этиогенезу удмуртов. Ижевск, 1989.

Шумилов Е. Ф. Архитектура удмуртской крестьяиской усадьбы // Искусство Удмуртии. Ижевск, 1975. С. 215—245; ***его же***: К вопросу о древнейших формах удмуртского народиого зодчества // ***там же***: С. 246—255.

Шутова Н. И. К вопросу о расселении аров в конце I — первой половине II тыс. н. э. // Проблемы изучения древней историн Удмуртии. Ижевск, 1987. С. 114—132.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1953.

Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975.

Юсупов Г. В. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 217—231.

Языки народов СССР: финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука, 1966. Т. 3.

Яшин Д. А. Удмуртская народная сказка. Ижевск, 1965; ***его же***: Опыт создания удмуртского эпоса // Проблемы эпической традиции удмуртского фольклора и литературы. Ижевск, 1986. С. 82—96.

A magyar szókészlet finnugor elemei. Etimológial szótár, Budapest, I, 1967; II, 1971.

Aminoff T. G. Wotjakilaisia kielinäytteitä // JSFOu. Helsinki, 1886. 1. P. 32—55; ***его же***: Tietoja votjaakkien mitoloogiasta. Helsinki, 1893.

Buch M. Die Wotjäken: Eine ethnologische Studie. Helsingfors, 1882.

Csúcs S. Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1990. 306 s.

Holmberg U. Permalaisten uskonto. Porvoo, 1914.

Hämäläinen A. 1936—1937. Das kultische Wachfeuer der Mordwinen und Tscheremissen. Helsinki (MSFOu XLVIII).

Itkonen E., Joki A. J. Suomen kielen etymologinen sanakirja III. Helsinki, 1969.

Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. Suomen kielen etymologinen sanakirja V. Helsinki, 1975

Munkácsi B. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Herausgegeben von D. R. Fuchs. Helsinki, 1952.

Németh Gy. Ungarische Stammesnanen bei den Baschkiren // Acta Linguistica, 16. Budapest, 1966.

Paasonen H. Votják-törökszóegyeztetések // NyK, XXXVI. Budapest, 1901.

Redei K., Rona-Tas A. A permi nylvek öspermi kori bolgár-török jövevényszavai // NyK. Budapest, 1972. № 2 (74). 281—298 old.; ***их же***: Öspermi és votják jövevényszavai a csuvasban // NyK. Budapest, 1980. 82/1—2, 125—133.

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja: I—VII. Helsinki, 1955—1963.

Toivonen Y. H. Suomen kielen etymologinen sanakirja I. Helsinki, 1974.

Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J. Suomen kielen etymologinen sanakirja II. Helsinki, 1976.

Wichmann Y. Die tschuwassichen Lehnwörter in den permischen Sprachen. Helsinki, 1903.

Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Helsinki, 1987. 421 s.

Zsirai M. Finnugor rokonságunk. Budapest, 1937.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
I. Этнография: ее роль в решении вопросов этногенеза удмуртов 14
1. Происхождение экзо- и эндоэтнонимов удмуртов: *удмурт, ар, одо, вотяк* .. –
2. Первые сведения об удмуртах в письменных источниках 19
3. Этническая характеристика удмуртского народа 27
3. 1. Количество и расселение удмуртов по стране 41
4. Вопросы прародины и формирования этнической территории удмуртов 45
4. 1. Палеолингвистические сведения по прародине удмуртов 58
4. 2. Этнотопонимы и границы расселения древних удмуртов 64
5. Происхождение удмуртского воршуда 75
5. 1. Расселение воршудно-родовых групп: родовые территории *-выл* 96
6. Племенные объединения удмуртов: *вятка и калмез* 124
6. 1. Расселение племенного объединения *вятка* 136
6. 2. Расселение племенного объединения *калмез* 146
6. 3. Арское княжество в письменных источниках и народных преданиях 159
7. Жилые, хозяйственные и культовые постройки удмуртов: к вопросу об их эволюции 175
8. Из истории формирования костюмных комплексов удмуртов 218
II. Лингвистика: ее роль в решении этногенетических проблем удмуртского народа 261
1. Краткие сведения об удмуртском языке 263
2. Заимствованный пласт лексики удмуртского языка 268
2. 1. Индоиранский, тюркский, русский пласты заимствований ..... —
2. 2. Удмуртские заимствования в других языках 284
3. Диалектное членение удмуртского языка 291
4. Этническая история бесермян по данным языка 306
5. Топонимика — один из разделов этногенетической науки 318
5. 1. Исторические пласты удмуртской топонимии 326
5. 2. Прапермский топонимический пласт 329
5. 3. Собственно удмуртский пласт 332
5. 4. Топоформанты в географических названиях Удмуртии 335
5. 5. Удмуртские топонимы за пределами республики 342
5. 6. Иноязычные названия в топонимии Удмуртии 356
III. Археология: ее роль в решении древних этапов истории удмуртов 369
1. Древнейшие памятники человеческой деятельности в Камско-Уральском регионе: палеолит, мезолит, неолит 378
2. Эпоха раннего металла: энеолит, эпоха бронзы 388
3. Ранний железный век: ананьинская историко-культурная общность .. 391
3. 1. Общепермская лексика, связанная с производящим хозяйством, с семейно-родовыми, общинными, торговыми, военными, культовыми, культурными, духовными связями до- и собственно ананьинского времени 402
4. Пьяноборская эпоха — начало формирования этнодиалектных групп удмуртов 433

4. 1. Караабызская археологическая культура 441
4. 2. Чегандинская археологическая культура 443
4. 3. Осинско-красноярская археологическая культура 447
4. 4. Худяковско-азелинская археологическая культура 451
5. Средневековые памятники Волго-Камья и судьбы древнеудмуртских родоплеменных групп 457
5. 1. Бахмутинская археологическая культура 463
5. 2. Верхнеутчанская археологическая культура 464
5. 3. Чумойтлинская археологическая культура 473
5. 4. Еманаевская археологическая культура 477
5. 5. Кочергинская археологическая культура 480
5. 6. Поломская археологическая культура 485
5. 7. Чепецкая археологическая культура 501
IV. Антропология: важнейший источник в решении проблемы этногенеза удмуртского народа 521
Заключение 554
Литература 562

Научное издание
Атаманов-Эграпи Михаил Гаврилович
ПРОИСХОЖДЕНИЕ УДМУРТСКОГО НАРОДА
Монография
Редактор *В. Н. Ившин*
Художник *Ю. Н. Лобанов*
Художественный редактор *Ю. Н. Лобанов*
Технический редактор
и оператор компьютерной верстки *Н. В. Костицына*
Корректоры *Ю. В. Суронова, А. В. Яковлева, С. В. Матвеев*

Подписано в печать 30.09.2010. Формат 60x90$^{1}/_{16}$. Бумага офс. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,0. Уч.-изд. л. 32,0+1,0 вкл. Тираж 2000 экз. Заказ № 5159.

ГУП «Книжное издательство «Удмуртия». 426051, г. Ижевск, ул. Пастухова, 13.
Тел./факс: (3412) 78-45-66, 78-79-07
http://udgiz.udm.net E-mail: udgiz@udm.net

Отпечатано в ОАО «Ижевская республиканская типография».
426051, г. Ижевск, ул. Пастухова, 13.